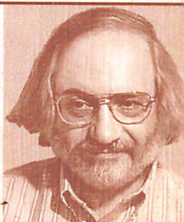

Россия никогда не играла особой роли в мировой философии, но философии суждено было сыграть исключительную роль в России.

Михаил Эпштейн

...Сколько ни ставили в московских парках

южно-голых Афродит —

Ни разу ни одна не удивилась,

Не простудилась и не слегла

Из-за нехватки греческого тепла.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи Ларисы Миллер и Михаила Ноделя

Повести и рассказы Леонида Бежина, Нины Горлановой, Евгения Федорова, Алексея Чепелова

Статьи, очерки и интервью Сергея Голлербаха, Александра Зорина, Ливии Звонниковой, Юрия Каграманова, Александра Кырлежева, священника Андрея Лоргуса, Татьяны Сотниковой, Виктора Тополянского, Виктора Шендеровича.

А также наши постоянные рубрики

СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕДЖУГОРЬЯ
и
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА
«КОНТИНЕНТА»

Андрей Десницкий

Иисусу не были нужны догматические формулировки, но в них нуждался Пилат, именно поэтому они и появились. Но христианство всегда помнило, что эти формулировки — лишь указатели на пути к Истине, но не Сама Истина.

...«А почему классики ничего не писали о терроризме?» - задал вопрос один из моих учеников.

Лев Айзерман

Владимир Лапин

Нечаянный паломник,

я из тех христианских стран,

где передовые грешники

не ведают, что творят,

им по-прежнему легче

подчиняться, воевать, ненавидеть,

чем смиряться, прощать и любить.

Кирилл Ковальджи

*Редакция «Континента» сердечно поздравляет
нашего друга и постоянного автора
Юлия КРЕЛИНА
с 75-летием
и желает ему долгих лет,
здоровья, радости и творчества!*

Мы скорбим о кончине дорогих нам людей
поэта **Бориса ВИКТОРОВА**
и филолога **Семена ВАЙМАНА**
и приносим соболезнования их родным и близким

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

122

2004, № 4
октябрь — декабрь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

*Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ*

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «КОНТИНЕНТ»»**

Адрес редакции: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(095) 924-91-51

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала «Континент»»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР

Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС

Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Александр КЫРЛЕЖЕВ, Сергей ЛЕБЕДЕВ,
Александра ОПАРИНА, Светлана ОПАРИНА,
Мария РЕМИЗОВА, Владимир СОТНИКОВ

Представители «Континента»

АВСТРИЯ

Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ

Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ

Юлия АРОНС
Kaltenhoferstraße 2,
86154 AUGSBURG, BRD
☎ (821) 42-26-58

ИЗРАИЛЬ

Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

КАНАДА

Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША

Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek
nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ

Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США

Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ

1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ

Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА

26 rue de la Paroisse
78000, VERSAILLES, FRANCE
☎/fax (1) 30-21-64-37

ШВЕЙЦАРИЯ

Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА

15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ

Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир ЛАПИН	
Прозреешь — и мир не выцвел... <i>Стихи</i>	9
Евгений ФЕДОРОВ	
Зверь из бездны	15
Лариса МИЛЛЕР	
Июль. <i>Стихи</i>	55
Леонид БЕЖИН	
Джага. <i>Костылины и Колдуновы: хроники и семь разговоров</i>	59
Кирилл КОВАЛЬДЖИ	
На близком Востоке. <i>Стихи</i>	97
Нина ГОРЛАНОВА	
Два рассказа	102
Михаил НОДЕЛЬ	
И все мне ново... <i>Стихи</i>	116
Алексей ЧЕПЕЛОВ	
Два рассказа	119

РОССИЯ И МИР

Юрий КАГРАМАНОВ	
Беслан: школа как болевая точка	140
<i>У книжной полки</i>	
Татьяна СОТНИКОВА	
Неисторические факты	147
Лев АЙЗЕРМАН	
«Преступление и наказание» после преступления	153
Священник Андрей ЛОРГУС	
Война — это торжество ненависти	164
Виктор ШЕНДЕРОВИЧ	
Комментарий к событиям российской жизни <i>/сентябрь — октябрь 2004 г./</i>	171
<i>Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»</i>	
Проблемы российской истории и современности <i>в русской периодике второго-третьего кварталов 2004 г.</i>	214

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ	
Праздник, который не в ладу сам с собой	234

РЕЛИГИЯ

Андрей ДЕСНИЦКИЙ

«...Для иудеев соблазн, для эллинов безумие...» 259

У книжной полки

Александр КЫРЛЕЖЕВ

Религия в новой России: неангажированный взгляд 278

Свидетельства Меджугорья

Сестра ЭММАНУЭЛЬ

Меджугорье. Война день за днем. *Фрагменты из книги* 283

Основные события церковной жизни

в зеркале прессы (*сентябрь — ноябрь 2004 г.*) 315

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Религиозная мысль в русской периодике

второго-третьего кварталов 2004 г. 320

ГНОЗИС

Михаил ЭПШТЕЙН

Третье философское пробуждение (1960—1980-е) 338

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Философская, социологическая, историософская
и культурологическая мысль России

в русской периодике первого полугодия 2004 г. 357

ПРОЧТЕНИЕ

Ливия ЗВОННИКОВА

А.С.Пушкин «Борис Годунов»

(*О психологическом аспекте трагедии*) 375

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Александр ЗОРИН

Между даром и долгом. *Перечитывая «Доктора Живаго»* 390

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература и критика.

Третий квартал 2004 г. 406

ИСКУССТВО

«Мир — очень пестрая и интересная картина...»

Интервью с Сергеем Голлербахом 443

Марк ПЕРАХ. Памяти Семена Теодоровича Ваймана 461

ПРОЗРЕЕШЬ — И МИР НЕ ВЫЦВЕЛ...

* * *

В пути слились кресты, кусты,
Простор и шаг,
Воспринимавший то пустырь —
А то большак;

Воспринимал-то о-го-го —
Да сам остыл:
Уж больно было велико —
Пустырь, кресты.

* * *

Всё-то у нас неказисто,
Разве что кладбище броско;
Теперь на нем и транзистор,
А не только сирень-березка.

Лопаты своё отчавкали
И отскулили собаки;
И с палочками-выручалками
На кладбище сходятся бабки;

А кладбище ими — светится
Толково ли, бестолково?
И тут что ни бабка — вестница
Всеобщего и благого.

* * *

Прозреешь — и мир не выцвел;
И тотчас проблема детства:
Бежать или остановиться
Увидеть и наглядеться?

**Владимир
ЛАПИН**

— родился в 1945 г. в Москве. Автор нескольких книг для детей, а также поэтических сборников «Сверчок» (1993) и «Тон» (2001). Стихи печатались в журналах «Арион», «Волга», «Дружба народов», «Континент», «Новый мир». Живет в Москве.

Из стариков — да в поросль,
В замысел из пролонгу!
Слышишь свой собственный голос,
Прошедший обратную ломку?

* * *

Как выплатишь налог
Хоть дворнику — хоть небу
За то, что намело
К подъезду снова снегу —

И ты себе скрипишь,
И снег тебе — скрипит ведь,
А треснувший кирпич
В стене — такая вытвердь!?

* * *

Жизнь идет; эпоха тычется;
Постоянный Рубикон;
И невидимая птичница
Сыплет звездный комбикорм.

* * *

Жили-были — не смогли,
Баба — он, она — мужчина;
Ты мигни им, ой мигни,
Мимоезжая машина!

Расстаются на Тверской:
Тротуар; не хлопнешь дверью;
Отмени или ускорь,
Путь-дорога, хоть бы Тверью!

Ну а ты, Москва, смотри,
Коль помочь не в силах, нечем:
Дошагают до Твери
Со своим противоречьем!

Всё идут, идут, идут;
Путь-дорога расстелилась...
То ли розность тут как тут,
То ли, вовсе, неделимость.

Стадии огня

1

Знать бы заранее,
Что это за ужас, какая все это мука:
Горенье захватывает — но сгорание
Захватывает не меньше;
А ну как
Знал бы, ведал —
Что изменилось бы? не на это ль
Тебя положило решением той неизменчивой воли,
Превыше какой не бывает?! и выбор,
собственно, — твой ли,
Ой ли,
Псеводиизменщик?!

И зная заведомо —
Пылал бы, истрачивался, извлекся;
Предназначение свыше? — да нет же, причина,
скорее, не в этом — а

В том, что иначе
 Душа и себя самое проспала бы незряче:
 Проснулась бы замертво, только и помня:
 жила — не жила — да еще и не выспалась вовсе.

2

В угасании огонь есть.
Исполненный самозабвения,
Он и вспыхнет на миг,
Со своим пепелищем еще раз детально знакомясь —
И вдруг обнаружив хотя бы ничтожный тайник;
Так рождается помесь
Бесстрастья и полымья: благоговейно.

Автопародия

В Москве уже совсем безвыездно застряв,
Я все ж не утерпел
Да вспомнил, что теперь
Гусь на одной ноге стоит в селе на тракте —
К морозу и ко льду:
Наследственный практик,
Он абсолютно прав!

Но если б он еще меня имел в виду,
То, нужно думать, знал бы,
Что мы здесь, в городе, не беспредметно зябли —
А тоже вот в предчувствии зимы;
Что практики — и мы
При всем своем весьма капризеньком ансамбле.

Где холодает — там и холодит,
А печи и дрова толкнула вон цивилиность,
Хозяйски-хитровато оценив
Одно из наших зимних див:
Сколько ни ставили в московских парках южно-голых Афродит —
Ни разу ни одна не удивилась,
Не простудилась и не слегла
Из-за нехватки грецкого тепла.

Достигнем ли и мы такой завидной стойкости Венер?
Как холодно — так даже в дом тепла нам нужно сразу б,
И все-то мы повымерзнем, пока
Один из нас (возможно, это я) застрянет на века:
Окаменел,
Скрывая зуб свой, не попавший на зуб.

* * *

Вовсе не без этого
Разум исцеляешь:
Не сочтешь несметного —
А перечисляешь!

И считать — обманывать,
Бросить — несерьезно,
И шептать, что рано ведь,
Никогда не поздно.

* * *

А вишенки уже висят.
Не каждой предусмотрена охрана:
Покуда лето — выживет босяк
И оживится воробей-подранок;
Потом уж (...слухи есть о том, что и потом
Быть может — всё, и даже пресловутый суп
с любившим воробьев котом).

Да что ж держать в ответчиках кота?
Вон и босяк-то вовсе не безгрешен:
Недели три на рынке время коротал,
До вишен он уже попробовал черешен:
А эти ягоды у нас и не растут —
Их возят,
Само собой, для выгоды: у нас их тут
Продашь и втридорога; ну, помнётся возле
Какой-один — потерь всего-то горсть,
И, в общем-то, кто здесь хозяин — а кто гость?

Колыбельная

Разбужен чудным перечнем
Тех прозвищ и имён ...

Б. Пастернак

И ночь темней, чем темная,
И я старым стара;
Дитя мое, дитё мое,
Дотянем до утра!

С тобою мне подышится,
Сбежим из заперти —
И песенка подыщется,
Чтобы идти-идти;

За нами следом деревце
И рощица, и холм:
Не верилось? — поверится
Во всё и целиком.

И лишь для чёрна-юмора
Напомнится, сипя,
Что я тебя придумала —
Баюкая себя.

Vita aeterna

Скажет: — *Открой мне.* — Зайдет, посидит,
Спросит: — *Один ты? А кто-нибудь кроме?* —
Странное дело: вся жизнь позади —
А поджидаю такого «*открой мне*».

Я не безгрешен — она не грешна,
Что и возьмёт — ничего не угробит...
Жду, не заметив того, что пришла
И не торопится, и не торопит.

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, арбуз на солнце любит зреть, **ПРОЛОГ** на небесах в духе «Фауста» Гете (или Книги Иова), где раскрывается иносказание, тайный план смелой, стремительной, барочной транскрипции жизни, морфологически единый умысел характера и судьба нашего героя, Женьки Васяева. Но мы эту нелепую, шокирующую, лживую, увлекательную тайну побережем до **ЭПИЛОГА**.

ГЛАВА ВТОРАЯ, шаг в сторону, в которой небезызвестный всем нам Лепин (вообще-то, как мы узнали недавно, это псевдоним) высказывает одному экзальтированному юнцу, большому поклоннику Ромен Роллана, кое-что интересное о Гоголе.

Узкоплечий, весьма дылдыстый сутулящийся юноша с прекрасными, громадными, как тарелки, глазами поджидал Лепина у калитки: возник, нелепо, сиротски маячил, без всякого смысла улыбался, тщедушно, робко, извинительно. Следует поспешно добавить, что очи юноши были бездонны, ясны, чисты, как у коровы; и — чарующими, интенсивно голубыми, как южное небо. Увидел Лепина — улыбка расплылась до ушей.

Они махают шаги против солнца (на небе, увы, солнца давно нет) — в сторону дачи Левитана (тот самый, его голосом говорит Москва! однако на даче примечательный, памятный с старшему поколению, достохвальный человек почему-то вовсе не бывает). Они еще не подошли к знаменитой даче, а уже из-за забора начала ожесточенно брехать досадная, свирепая псина, проявляла дурной характер, огромна, теленок. Мохнатая, косматая, колтунами клокастая. Кавказская овчарка?

**Евгений
ФЕДОРОВ**

— родился в 1929 году в Иваново. В 1949 году, студентом 1-го курса филологического факультета МГУ (искусствоведческое отделение), был арестован по обвинению в групповой антисоветской деятельности и приговорен к 8 годам исправительно-трудовых работ в лагерях общего типа. В 1954 году был реабилитирован. Окончил МГУ в 1959 году. Автор книг «Жареный петух», куда, кроме одноименной повести, вошли еще две: «Бывое и думы» и «Тайны семейного альбома», а также цикла повестей «Бунт». Печатался в журналах «Нева», «Новый мир», постоянный автор «Континента». Лауреат парижской литературной премии имени Вл. Дала и финалист Букеровской премии 1995 года. Живет в Москве.

— Нерон изо всех сил старается, гонорар у хозяев честно отработывает, демонстрирует, какой он прилежный, неистовый, страшный,— забавно интерпретировал собаку Лепин, подслеповато улыбнулся, отметив, что сам он выносить и терпеть не может собак, от них псиной разит, везде поливают, метят, ножку поднимают, метко писают, переписываются, что-то интересное рассказывают друг другу, а он, Лепин, с детства чрезвычайно чувствителен к запахам и их тончайшим оттенкам, особая память на запахи, как у ишейки, мог бы в МУРе ишейкой работать, медалистом был бы. У него аллергия на густой, плотный, задиристый псиний дух, шибящий в нос. Светски шутливо, свободно закружил затянувшуюся тему головокругительно агрессивной вечной собачьей мочи, усмехнулся чему-то (закономерность: от русской мужской чело-веческой особи разит мочой, очень уж взрослые дяди неаккуратно делают это дело, заливают брюки, хоть капля, а попадет обязательно), запустил из Гоголя, из «Мертвых Душ», там, что-то вроде, очень замысловато, очень хорошо, затейливо и витиевато сказано — *меж тем псы заливались всеми возможными голосами*.

— Один, задравши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал бог знает какое жалование.

Прямодушный и простодушный юнец тихо взвизгнул от восторга, прямо-таки внесся в поросячье изумление, заржал, как сивый мерин при восходе огромной, багряной луны, дергался всем телом в разные стороны, пустился в нелепый пляс, колики, чуть самым постыдным образом не описался (чуть? почти? да о чем разговор!), как вовсе маленький (а уж не маленький, какой позор! вряд ли Гоголь предвидел и рассчитывал на подобное эстетическое воздействие «Мертвых душ», думается, был бы очень доволен проявленной конгениальностью); взволнованно, покраснел, как помидор, экзальтированно, первое попавшееся на язык:

— Как это славно, чудно! А я, дурак набитый, последний, не любил Гоголя!

Юноша тихо, мечтательно улыбнулся, по уши в густой, беспробудной маниловщине, вообразил, что это он написал «Мертвые души»: большой фантазер. Тухлое, дурное послевоенное лето. Они не боятся грязи, борзо идут по проселочной дороге, месят ее. Глаза бы не смотрели на эту грязь и на остальное законное, тяжелое паскудство зябкого, простудного невеселого денька. Похоже, все лето будет такое, беспросветно, однообразно, ничего путного и не предвидится. Юноше лет так пятнадцать-шестнадцать, а может и меньше, усики пробиваются, голос ломается, начинает петушком кукарекать. Увы, подростковый возраст: военное и послевоенное детство, карточки, плохое питание, недоедание, голод. Он разболтан, без руля и без ветрил, нет стержня, эдакая расплывшаяся, бесформенная клецка; у него нечистая совесть. Ему бы надо готовиться к экзаменам за девятый класс, а не летать за город на электричке, не месить подмосковную грязь, что поделаешь, трудный ребенок, опять маму расстраивает, все нервы истрепал, где-то болтается. Слабости, слабость, болезнь какая-то: он неводержан до высоких идей

и умненьких разговорчиков. А тут нечаянная радость, разлитое море радости. Такая встреча! С ума сойти! Послано неизъяснимо феерическим случаем знакомство с самим Лепиным (великим! зубр! зубробизон! светоч разума!) — встреча встреч...

(встреча — волнующий, заражающий, захватывающий религиозный пафос и сверхгениальный мотив философии Бубера: *Всякая действительная жизнь есть встреча*. Что-то в этом есть, есть! Однако и мы, русские, не пальцем деланы, возьмите наше искусство, русское, его пронизывающая, доминирующая тема — встреча: Иванов — «Явления Христа народу», Поленов — «Христос и грешница», Репин — «Не ждали», Нестеров — «Явление отроку Варфоломею»; готовы (могли бы) до бесконечности перечислять *незабываемые* встречи!)

...навалившийся, нахлобучившийся праздник. Юноша дуреет от ликующей радости, ведь к нему почтенный профессор очень благоволит, охотно беседует, чуть ли не по головке гладит (— *Мой юный друг*), поучает, и юноша присосался к Лепину. Они сворачивают с проселочной дороги, круто завернули по направлению реки. Они топают по тропинке вдоль реки; они уже идут от реки к даче, на которой временно проживает у своих дальних родственников Лепин. Юноша с суеверным страхом и упованием слушает Лепина, человека великого ума и великой учености. Опять умно, профессионально (во память! филолог! уровень!), к месту и к стати ложится цитата из «Мертвых душ», там, у Гоголя, *дороги расплзались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыплют из мешка*. Как же это здорово! Опять коровьи глаза юноши расцветают и сердце дает свечку восторга, опять визг ненормальный, поросячий, опять конгенциальность. Снова о чем-то беспардонно и откровенно мечтает. Снова в голове дикие фантазии. Не от мира сего. Лепин говорит, что Гоголь весь и целиком в стихии языка, закатывает содержательную лекцию, избилующую колоритными примерами. Все так удивительно, замечательно, интересно. Гоголь фигура сложная, противоречивая, отчасти опереточная, прежде всего редкостный, попросту патологический враль. Хочется сказать, таких не бывает. Бред, что Пушкин дал Гоголю сюжеты и «Ревизора», и «Мертвых душ». Хлестаковщина, ловкий рекламный трюк. Чистейшая хлестаковщина. С Пушкиным на ты: — *Ну как, брат Пушкин? Да так. Все как-то так. Большой оригинал*. Хлестакова он с себя малевал. Об чем сам опрометчиво, наивно признается в «Выбранных местах». Если сегодня не набрехает три короба, завтра болеть будет, тяжело. Так захвачен своей ложью, что сам начинает в нее глубоко и искренне верить. Врет, всюду врет, но и порою проговаривается. Комплекс Подколесина, бежать, бежать, страх перед женщиной — вот что в подсознании и сознании Гоголя главное, определяющее. Все занимающиеся вдумчиво и серьезно Гоголем уверены, что у Гоголя был непорядок в сексуальном хозяйстве. Он не был женат, видимо, не знал женщины. Боялся женщину, боялся ее грубой, нахрапистой активности, грубой, лютой актуальности: угнетен, растерзан страхом. Об этом «Вий». Философ Хома — это сам несчастный Гоголь, который

перепуган, гофманиада, убегает от опытной (*ведьма!*), обалденно активной, агрессивной женщины: она из-за неистового, наступательного, наглого, бесцеремонного, бесстыдного женского нахрапа чудится и видится ему гадкой, омерзительной старухой. Бежит, как конь, и что есть мочи. Ему кажется, что страхолюдная старуха сидит у него на плечах, оседлала. Гоголь убивает ее. Ему нужно мертвое, еще теплое, покорное и уже не пугающее тело женщины. Как это просто и понятно. Лишь абсолютно покорная, значит мертвая, женщина прекрасна! Вий: *Такая страшная, сверкающая красота!* А «Нос» о чем? Критики давно прозрели, что это эвфемизм. Не нос, а другой гордый, надменный, воинственный орган обрел полную самостоятельность, живет свободно и независимо от его несчастного, растерявшегося, перетрусившего не на шутку хозяина. А потом Гоголь будет клятвенно уверять нас, что «Ревизор» — это притча, иносказание, что главный герой ее совесть, совесть, проснувшаяся в тупых, пасквильных, карикатурных русских чиновниках, Гоголь в это сам уже готов верить. Никакой второй части «Мертвых душ» Гоголь и не намеревался писать, что-то там придумывать, сочинять, фокусничать. Очередной блеф, беспардонная, беспардонная хлестаковщина, завирается, захлебывается ложью — так увлечен, искренне врет. Плетневу он пишет: *Во мне проснулся дар пророчества*. В письме Данилевскому, другу: *Высшей властью облечено отныне мое слово*. В эти годы он задумал для человечества славный сюрприз: «Выбранные места» — это и есть та поэма, о которой столько таинственных намеков, странных, неожиданных обещаний в 1-й части «Мертвых душ». Эти самые «Выбранные места» и планировались и мыслились, как подарок, как 2-я часть «Мертвых душ», великое откровение и предмет великой гордости Гоголя. Русского гения сильно занесло, такое состояние Гегель называл бы *неразвитым перенапряжением принципа*, впал в бесовскую прелесть, возомнил о себе черт знает что, вообразил себя пупом земли, решил пророчествами и пустыми моральными поучениями, резонерством, красноречием поразить, потрясти Россию. И — спасти! Гоголь — мессия! Христос! «Выбранные места» — поэма поэм, Третий Завет! Ему мало было славы гениального писателя, захотелось быть учителем жизни, великим пророком. Стремглав залетел в непомерное высокомерие, крепко залетел: сатанинская гордыня. А в результате получился сплошной, беспросветный конфуз. Некрасиво получилось. Не один неистовый Белинский возмутился «Выбранными местами», друзья Гоголя, славянофилы удивились, даже религиозные круги отвергли, отвернулись, фанатик поп Матвей призвал писателя к смирению, к скромности. Вот тут сочинитель Гоголь и сочинил, что сжег неведомый шедевр, великое творение. Как бы самоубийство. То было дерзкое надувательство, беспардонное, выламывающееся, вопиющее шарлатанство. Блеф в квадрате: фальсификатор, великий лжец, пробы негде ставить. Сжигать-то было нечего. Пшик. Одна большая выдумка и хитрая ложь. Со вкусом блефует. Ни одному слову криводушному Гоголя нельзя верить. Лжец, шут гороховый, юродивый, увертливый комедиант. Восторженный, сосредоточенно слушающий юноша (ему все безумно интересно, все поражает

воображение) осторожно, не придиричиво, робко, конфузясь, краснея, как помидор, перебивает, мягко и кротко заикнулся вопросом, а как же-де тогда 2-я часть «Мертвых душ»? А? В школе ее проходят, заставляли читать, этот, как его, Костанжогло? помещики 2-й части «Мертвых душ»?

Выкрик:

— Здравствуйте, я ваша тетя!

Должное, нетерпеливое, отдергивающее, властное слово: 2-я часть «Мертвых душ» — шарлатанство и обман! Гоголь начал писать ее после грандиозного позора и провала «Выбранных мест», хитрил, очки втирал, арапа заправлял, свист без удержу, заметал следы: лиса. Обман и фальсификации продолжают. Хочет не только обмануть современников, друзей, но и нас с вами, потомков. Обратите внимание, во 2-й части — тот же казенный язык, те же идеологические установки, что и в «Выбранных местах»: *без божества, без вдохновенья*. Все, разумеется, не так просто. Гоголь не в меру хорошо знал, что такое вдохновение, что такое творческий экстаз, озарение, присутствие Бога. Ему много было дано. Может быть, никому столько не было дано, как Гоголю. «Ревизор», гениальная комедия, был написан за кратчайший срок, мы не слишком упростим, сказав, что написан молнией — за вечер, за один присест. И без поправок. Гоголь — истинная художественная натура, художественный гений; к тридцати трем годам завершает 1-ю часть «Мертвых душ». Всё, больше ничего не написал. Последние 10 лет — без вдохновения: бесплодны! Вся его жизнь проходила между экстастическими порывами, *приближениями* Бога, и ипохондрией, упадком творческих сил. Всякие неромантические болезни, несварения желудка, запоры, боли в животе, геморрой. Хандра. Затем — взрыв творческой энергии: Гоголь зачарован созерцанием состояния собственной души, ощущает себя медиумом божественных энергий, гением, избранником, за вечер творит великую и ни с чем несравненную поэму, пишет без черновиков, ну — почти без черновиков, сразу набело. Это — чудо! А сколько правили Пушкин, Толстой! А у Гоголя одни восторги: душевный подъем, невероятный взлет, сверхъестественный оргазм, болезненное извержение семени, слово-семя, затем бенз, импотенция, застой, хвори души и тела, полнейший упадок физических сил. Вечная ипохондрия, нормально, хорошо себя чувствовал только в дороге, бежал сломя голову от самого себя, от депрессии, недееспособности, перманентной импотенции; разве от себя убежишь, от себя некуда деться. Мнителен, в письмах друзьям полно жалоб на свое состояние, на бесконечные неизлечимые болезни. В письме Языкову сообщает, что желудок у него в неестественном положении: *вверх дном*. Врачи осматривали, многоопытные, французские! Ремнина, на вилле которой Гоголь около месяца гостил, писала, что все это время и она, и все ее домашние *жили в его желудке*. Он язбенет, коченеет, озноб, везде ему холодно, знобит, неможется, сильно мерзнет и в теплой Италии. Ощущение собственного ничтожества, собственной мерзопакостности, всяческие нелепые, пошлые страхи, страх, что уснет летаргическим сном и его живым закопают в могилу, помрачение рассудка. И отвратительная, бессовестная фальшь, ложь. Ложь на лжи. Пирами-

ды лжи. И мучающие страхи разоблачения. Пророк, испанский король, опасается, что правда выйдет наружу, что ему на голову будут лить ледяную воду, безумец, приди в себя! Запутавшийся и невозможный враль — очнись! Лепина до чрезвычайности и большой водой подмывало повторять, сдваивать и на разные лады варьировать, разматывать сюжет: мол, в преждевременной смерти несчастного, одержимого, заметно спятившего ипохондрика Гоголя виновно казенное русское духовенство, главным образом протоиерей Матвей, мракобес и апостол невежества, поборник обскурантизма, гнида позорная, изувер, фанатик, вообще-то личность сильная, властная: из-за него Гоголь скончался *во дни печальные великого поста*, перепостился, перестарался, увлекся, умышленно заморил себя — о чем свидетельствовали близкие, в том числе и врачи. Тем не менее Лепин сбавал другое. Сказал, что история частенько подбрасывает нам черные шутки, юмор и фокусы. Еще сказал: извиняюсь! Самое ужасное, не Пушкин был прав, а Булгарин! А вонючий поп Матвей урезонивал Гоголя, требовал проявить умеренность в посте, говорил, все это одна бевсовская гордыня, настойчиво звал и призывал к простоте и послушанию: быть как все. И был прав. А врачи ту еще реанимацию задали, небу стало тошно, залечили, хитро убили Гоголя. Пиявки, обильное кровопускание, теплая ванна, а на голову лили холодную воду, затем лед клали на голову: сильный озноб охватил тело Гоголя, и он после такой адской процедуры сразу умер. Такова горькая истина. Разумеется, нет достаточно улики, что врачи специально покончили с православным Гоголем. Эту мысль надо гнать из головы. Любой честный, беспристрастный суд их оправдал бы и выпустил из тюрьмы. Ну и Гоголь — хорош: лживая, подлая, рабская славянская натура; и перед смертью кривлялся, последние его слова в ознобе и бреде, уже на смертном ложе: — *Лестницу, поскорей, давай лестницу!* Так прямо — живым на небо, побежит по лестнице! Еnoch, Илья Пророк и — шибко православный Гоголь!

Юноша с изумлением внимает Лепину, жадно глотает, заглатывает и выпитывает каждое слово лекции.

На прощание Лепин подбросил, лови:

— Не Пушкин, а Гоголь *наше все*. Гоголь определяет развитие русской литературы, ее психологию, задал пути России, русской мысли. Без Гоголя бы не было Щедриных, Чернышевских, Добролюбовых. А ведь этот хохол не знал России, нигде не был, не жил кроме Малороссии, кроме прославленного им хутора близ Диканьки, где проказник черт хватает обеими руками месяц и прячет его в карман, да чопорного, чиновного Петербурга, *холод, скука и гранит*, а как славно все увидел, какие славные прозрения. Душа вещая, гений! Чутье — потрясающий нос! Интуиция гения! Истину постигает *внутренним зрением*. Видел дальше, больше, панорамнее, чем кто-нибудь из современников. И глубже. Никто, кроме Гоголя, так безусловно, сильно, верно и бездонно не понимал Россию, не прозревал ее. Поразительно. «Ревизор», «Мертвые души» — самые вечные, точные притчи о России! Как это гениально схвачено. Срамные, свиные рыла обитают на среднерусской равнине!

Нелюдь! Хрюкалы! Вонючие неандертальцы и питекантропы! Язык, по Гегелю, объективный носитель смысла. Слова языка, русского — немец, украинец, еврей, армянин — существительные, а — *русские*? Русские — прилагательное! То-то и оно. К чему прилагательное?

Провозгласил; оглушительным громом гремящим прогремел:
— К государству!!

(бас, как из бочки, так казалось, а вообще-то у него внезапный тенор, довольно приятный; следует для будущих историков отметить, Лепин — невысокого роста, противоестественно широк в плечах; нет, отнюдь не маленького роста он: Левитана много выше, чья дача здесь, тем паче — Рокотова: Яна Рокотова все знают).

Продолжил, увлеченно:

— Дрянь народ: по своей низости не имеет равных! Национально-народная субстанция — гибрид славянина, низкого, подлого раба, и татарина — завоевателя! Ноуменальная клоака, зловонная, смрадная и вечная Азия! Чингисхан, Батый! Вне стержня европейской, мировой, динамической истории — восточный способ производства! Свиноарник! Всюду — запахи мочи, дерьма. Бескультурие, дикость, вечный и беспросудный пьяный угар.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Лепин поучает, вразумляет и развивает юношу, рассказывает про то, что в Ленинграде, городе Революции, улица 25 Октября (о ужас!) переименована (незаконно!) в Невский проспект, обсуждается, какая в этом таится опасность, и что из этого неминуемо следует.

У калитки дачи с высоким покрашенным забором таким же порядком, как вчера, маячит диковатый длинноволосый юноша с томиком Ромен Роллана в руках; он перечитал этот томик уже два раза от корки до корки, читает третий раз, размышляет углубленно и старательно над прочитанным; нелепый, вымахала орясина, дяденька — достань воробушка, непропорциональная каланча — замерз, лето такое, самое паршивое за последние 100 лет, порча в климате; он поджидает: душой тянется к Лепину (*...Куда мне бежать/ От шагов моего божества!*). По его мечтательным, сияющим голубишной неба откровенно коровьим очам видно, что он все время парит в заоблачных высях и далях, но не одна прославленная русская лень гонит его в эти края и в небеса, другое, душу сосет червь, *томление духа, духовная жажда*, он ищет правду, бзик, голод в глубинах сердца, алчет и жаждет правды, припекло и выше его сил, юноша распял себя поиском правды, зуд какой-то, голод по последней правде, жить вне правды не может.

Прошвырнуться и проветриться на очередную прогулку Лепин выходит обыкновенно в 6 часов, ни минутой раньше, ни минутой позже, педантизм, как прихоть, как блажь, возможно, он, как и Шопенгауэр, подражает величайшему философу всех времен и народов Канту: по Лепи-

ну, как по Канту, соседи стали проверять время; ну — хронометр. Сегодня погода такая же подлая, как и вчера, моросит мелкий дождь. Даже хуже, поганей, стало ветреней, припадочней, холоднее. Опять прогулка против солнца, в сторону Левитана, Лепин сангвинистически устремился к знаменитой даче, опять ритуальный, злобный лай той же преогромной гадины, та же искренняя, бешеная злость, броски на забор, здоров дьявол, весит поди сто кг, центнер, прокорми такую тушу, какие у них на даче ценности, чтобы такую собаку держать, откуда и зачем в животном столько злобы? Нестерпимо жутки буркалы Нерона, волкодав, кусок чистой злобы, ада крошечного. Кто-то, обогнавший их, такой весь жгуче брюнетистый, вакса, жесткие торчащие волосы, нашел отличную формулировку, буфф, акцент: «Злой, злой. Очень хёвый собака. Зверь!» Юноша убрал улыбку: внутренне, произвольно, незаметно, скопчески-стыдливо хихикнул. Непосредственная реакция. Вида не показал. Лепин серьезно и надолго умолк, затем начал беседу с риторического вопроса, так на чем же мы с вами в прошлый раз остановились? Ах да. Пожалуй, о такой подлой погоде Гоголь ударно выразился: «Скучно на этом свете, господа!» Так мы остановились, говорили, что Гоголь совсем не знал эмпирически России, а прозрел интуитивно последнюю и высшую правду о ней. И эта правда гораздо пронзительнее, чем то, что говорил Чаадаев, Щедрин в «Истории города Глупова». Такова Россия, таково все русское быдло. Это — нация ленивых Обломовых, перманентный перекур с дремотой и пошлыми маниловскими грезами, разгильдяйство, безалаберщина, головотяпство, шелуха, шелупа, лодыри, русская пьянь. И — воры. А горе-пророк Достоевский объявляет сей народ *богоносцем*. Мессия?! Претензии на *всечеловечность*. Третий Рим. Филофей. Хо-хо! Хо! Мы — самые-самые. Чуть собачья. Фантасмагория. Какая всечеловечность? Какая душевность? Какая отзывчивость? Злобная, завидующая пьянь! Пьяные слезы у пивного ларька! Грязная, пошлая оперетта! Грош цена этим слезам. В вас пиво да водка плачут горькими слезами. Россия — это та дыра, в которой гибнет и извращается все прекрасное, что создано великой Европой. А им чудится, что лишь в России сохранилась истинная вера, что только у них православие, только здесь поселилась и сохранила свою первозданную девственную чистоту Великая Идея. Подлец все-таки Гоголь, большой подлец, умеет унижить, знает тайное желание всякой славянской душонки, хочется ей, подлой, присоседиться хитро в гостях, одной, чтобы никто не заметил, слопать девятипудового осетра! Эту тему подхватывает и развивает Чехов, у него дьячок на поминках фабриканта Костюкова всю икру съел, с жадностью, его толкали, дергали за рукав, но он словно окоченел, а в банке было фунта четыре, с этого у Чехова чуть ли не летоисчисление села Улеева начинается. И — России! Вот она Россия, вся в этом! Далее Лепин делает высокое, убедительное обобщение. Проклятая Россия по своей исконной природе predisposed к вечному застою, к зловонной татарщине, унаследованное от допетровской гнусной, мерзкой тоталитарной Московии, монголов, а классическое православие является не чем иным, как готтентотской религией рабства,

несвободы. Нужен и уместен просветительский, цивилизованный клич Вольтера: «*Раздавите гадину!*» Это религия оголтелых ксенофобов, она сама рождает в душе русского народа волю к фашизму и мракобесию. Лепин пошел с доверительного глуховатого шепота, перешагнул на тенор (всем известна завлекательная, таинственная, дьявольская магия тенора), запел о том, что пролетарская революция в большой и серьезной опасности, что такие фигуры, как Шербаков, как маршал Жуков, как ленинградские выскочки, холуи и держиморды, волки лютые, все эти бесчисленные Вознесенские, Кузнецовы, Поповы спят и видят, как бы свернуть Россию на фашизм, расправив орлиные крылья контре, прикрываясь знаменем атакующей пролетарской революции и творческого марксизма. Большевизм — явление сугубо и принципиально западное, просвещенное, ориентированное на беспощадный интернационализм, а материал, которой большевикам приходилось обрабатывать, обделявать, обтесывать, — это был азиатский отвратительный свинарник, асоциальная, азиатская, татарская стихия, Авгиевы конюшни: то был безграмотный русский мужик, вонючий русский воинствующий хам с обрезом в руках, предрасположен к злобной ксенофобии, враждебен культуре, в лабиринтах его души сидит удалой черносотенец, полный ревущего энтузиазма, увлеченный, воодушевленный лихой погромщик: отовсюду, из всех щелей, лезет кулацкая, непомерно могучая мужицкая силища контрреволюции, символом и надеждой которой является маршал Жуков, крокодил, рвущийся к власти, воля к власти, сгусток воли: глаза бонапартии. Прихвостни, генералы Крючковы, пошлые Руслановы курят ему фимиамы, а чернь с ее отвратительными, уродливыми комплексами, русское быдло, тупые подонки, гаже что-либо трудно и вообразить, все это беспросветное и беспробудное мещанство пылко любит Жукова, верит в него, как в бога. Русский национализм всегда приобретает разрушительный, агрессивный, сугубо погромный характер, это дикая и актуальная пугачевщина, изуверский русский бунт, *бессмысленный и беспощадный*. Вроде исподволь, незаметно. Пошло, поехало, покатилося, одно к одному. За Шербаковым я давно установил слежу, тщательно отслеживаю: с 43-го года! Насквозь вижу. Союз Михаила Архангела, чернее черного Грангмута! Это он скovyрнул Мехлиса, сел на его место. Пошло. Роспуск 3-го Интернационала, в армии введены погоны, разослана секретная инструкция, предписывающая препятствовать евреям продвижение на ответственные должности. Каков? Было от чего прийти в панику. Представляешь, кто еще вчера такое мог подумать, в Ленинграде, колыбели революции, улица 25-го Октября хулигански, бесстыдно, нахально переименована в Невский. Да, теперь это Невский проспект, как было до Октября. Не случайно, симптоматично. Чудовищно! Жуть! Кошмар! Мрак! Мрак и мерзость! И такое после Холокоста?! Как это возможно? Уму непостижимо! А завтра неминуемо и дружным, стройным, слаженным хором эта русская мразь запоем «Боже царя храни!» За что боролись? Если ты учуял, распознал врага — извиняюсь! разорви его, как рыбу! *Диктатура пролетариата, где твоя плетка?* Давно пора иско-

ренять огнем и мечом эти вредоносные поползновения, всю эту сволочь, ленинградских воинствующих черносотенцев!

Окончательное, внятное, точное, страстное слово:

— На струне повесить!

(Таким Макаром, не лишенным счастливой выдумки и сладострастной, мстительной изобретательности, будут повешены изменники: Власов, Краснов, Шкуро. Лефортовская тюрьма, там где прогулочные дворики; единственный безоблачный денек за все лето, небо — лазурь, солнце — золото в лазури: 1 августа 1946 года. Такой пассаж, настоящая хохма, струна под тяжестью тела разом перерезает горло, голова напрочь отлетает, хлещет бурной, стремительной рекой алая, сверкающая кровь. Красиво. Эффектно. Есть, есть в этом своя барочная эстетика! Очередь за ленинградцами. От своей расплаты не уйдут.)

Смело, стремительно вышел сеятель сеять.

Сообщает, взялся за гуж, усиленно, профессионально работает над письмом Сталину (в эти годы дальние все писали Сталину: Капица, Корней Чуковский, маршал Конев, писатели Шолохов, Панферов — список может быть сильно продолжен), тревогу бьет, обличает канальство ленинградских шовинистов, фашиствующих молодчиков, эсэсовцев, замаскированных коварных врагов непрерываемого атакующего пролетариата и пролетарской революции. На мази: вчерне письмо готово.

— Нужен тигровый наскок, ураган. Вся надежда на Сталина.

Высота — дух захватывает. Вот оно, ни с чем несравнимое сияние Правды! Благодатный слушатель уши развесил. Слово Лепина возымело сильнейшее действие на голубоглазого, экзальтированного, романтически настроенного юного правдолюбца, который всецело принадлежал к поколению молодежи, вступающей на поприще жизни после войны, которое горело мечтой увидеть Сталина, хоть издали: на Мавзолее! Сталин не только выиграл великую войну, освободив человечество от нацистской чумы: Сталин велик. У Сталина твердость, решительность, бойцовость сочетаются с разумной осторожностью. Прозорлив и осторожен! Его мудрость определит и предопределит победу нашей революции: пролетарской! Пролетарской в высшем, атакующем, внятно марксистском смысле слова!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Завихрилось, завилось это чистое юношеское сердце от совершеннейшей Правды.

Кредо. В загадочном, волшебном-прекрасном, мистическом слове *пролетариат* есть пронзающая, убедительная, магическая сила! Оно всегда воспринимается благоговейно. Пред ним тебя охватывает немота, испытываешь священный ужас.

Они незаметным образом свернули с проселочной дороги, устремились куда-то, оказались у реки, которая набухла от тупых дождей, утрюмо несла свои вечные мутные воды. Несообразные, крутые, скользкие илистые, паршивые берега, не просто холодно, холод собак, одно недоразумение

и пакость. Рваные, клочковатые, дождем плюющие, пугающие облака совсем низко спустились. Купаться, естественно, не хочется, дураков у нас нет, кому же в такую погоду придет на ум купаться? Разве что на спор. Месяц май: коню сена дай, а сам на печь залезай. А в хорошую погоду — рай здесь, воздух дышит и благоухает сосной и елью, на деревьях чудные белочки ловко прыгают, перелетают с дерева на дерево, птичий гам, лепота, пригожесть, нежные, завлекательные цацы, ведь каждая — волнующая тайна, волнующая, непонятная вещь в себе, то и дело мелькают полуголенькие с ракетками в руках в изрядно смелых, модных купальниках, загляде-ные, больно резанут, а тебе пятнадцать лет, возраст зарядил тебя яростной похотью волка (что вообще-то соответствует стихии мужского пола), но ты труслив, как заяц, как Гоголь, да еще придавлен категорическим императивом Канта. На базаре в Малаховке чего только нет, дюже богат рынок, мать родную можно купить, выбор большой, полно трофейного модного барахла и бабских шмоток, даже трофейное прославленное мыло есть, пользуется у некоторых большим спросом, были бы деньги! А деньги у многих, похоже, водятся. Откуда их берут? Рынок в расприкрасной Малаховке, говорят, закроют. И правильно. Идет самозарождение капитализма, отсюда идет, интенсивно, из Малаховки. Юноша нескромно забегают вперед, крадучись штопает, вглядывается, подгляд, еще и еще. Он немного физиономист, самую малость. Ненормально, даже чудно: отсутствует на-прочь единство в облике этого человека, красивые уши, явно музыкаль-ные, назойливо музыкальные, в профиль Лепин похож, нет, интереснее, значительно: в фас — Бетховен, Зевс-громовержец, вулкан, чувствуется дюжая благородная личность; залысины; дюжие, мощные кости черепа; ей-ей — сама героическая симфония; в великолепных, как две здоро-венные маслины, глазищах, которые чуть навывкате, сверкает великая ча-рующая мысль; ну и, разумеется — харизма; благородная аура над голо-вой, плотная, светлая, даже сияющая; внушающая почтение и страх.

(Такая диковинная странность, этим тухлым летом тьма-тьмушая развелось лютых, свирепых комаров, тучи, феминистские гвардии, говорят, да у него живое измышление, прозорлив, всегда это знал! эти нежные девочки язвительны, так больно кусаются: сверхсим-вол. Ничего такого, банального, прославленного, омечтанного, без чего и жить нельзя (пардон, как говорят французы, шибко куль-турная нация, приведу старинную, есть у Даля, очень мудрую рус-скую пословицу: *глаз не п.зда, без глаза жить можно*; и еще: *при-рода женщин одарила*), не разглядишь и в биноклярную лупу с десятикратным увеличением. Как определяли пол? У него — тре-тий глаз. У него-то, сексуального маньяка, не в меру разыграло боль-ное воображение. Над бедным мечтательным юношей густой столб яростных, свистящих юных кровососок, отмахивается: Лепина они почему не трогают? Чувствуют светлую ауру? Не всякому дано увидеть нимб: требуется особое, сверхчувственное зрение, особый оккультный дар.)

Воистину — нимб!
Что это? Эманация?

В умном темпе прошвырнулись, отмахав 5 километров, устремились назад, к даче. Добрый променад придает бодрость и положительную деятельность желудка (от каждодневного тяжелого, напряженного, перенапряженного, тупого, страдальческого мозгования и вечного сидения интеллигента за письменным столом геморрой угрожающе развивается: рискуешь). Лепин открыл хитрую калитку дачи с красивым высоким забором, не так давно выкрашенным. Лепин за калиткой. Ему кажется, подслеповат, его никто не видит. Человек наедине с самим собой. Он помчался бегом и с припрыжкой по тропинке, ведущей к дому, припадает заметно на правую ногу, точно подстреленный пернатый Нерон, большущая, мощная голова Бетховена, темпераментный, сангвинистический рывок, прыть, подняться, лететь хочет, не может, не получается; грузен; при ходьбе косолапого, вихляющего прихрамывания, последствия ранения, фронта, не было заметно.

Они расстались.

Голова обезоруживающего вас наивностью фантазера вечно в высих смыслах, в высях, в заоблачных мистических далях: высоко залетел и повис над бездной, чересчур высоко, до седьмого неба; страсть имеет точить ласы и непрерывно чесать язык о возвышенные и мировые темы, хлебом не корми, тяга, страстишка. Мама замаялась со своим бесценным, незадачливым, лопухим сокровищем («ежиком», «ангелом», «зайчиком», «цыпой-лапой», «лапочкой», «мурзилкой», «мурзиком»), вечной головной болью, серьезно намерена запереть брюки в старинном, допотопном, бабушкином, кованом сундуке, чтобы сидел дома, готовился к экзаменам, а не болтался где-то. Экзамены — мучение, кто их выдумал, обличаемый совестью, вспомнит о проклятых, мурашки по спине толпой густой и резвой бегут, тараканы шумят, пищат, беснуются в ушах и еще где-то там под черепной коробкой, затюкан школой, жить не хочется. Он, разбухшая, бесформенная клетка, не может себя заставить готовиться к экзаменам. У юноши ужас перед жизнью, незашнурованность, тысячи мелких булавочек разом и болезненно вонзаются в эту жалкую душонку, кислая тоска, ад, кошки, конфликт и разногласие с самим собой, неадекватен сам себе (тема экзистенциализма: Сартр); угнетен и раздавлен грубой, депротивческой реальностью. Быстро намылился, опять увильнул в беспризорность, летит на свидание с Лепиным, зачастился, где-то заигрался. Дома ждет «зайчика» законная, серьезная выволочка, большая стирка (и по затылку свисточка); выслушивать будет жалкие (— Сынуля мой, горюшко!) и очень справедливые (— На второй год, дурень беспросветный, останешься! Когда ты за ум возьмешься?) слова. Хорошо бы безмозглого оболтуса отечески высечь, вложить ума, всыпать березовой (в соответствии с мудрыми рекомендациями великого педагога Пирогова). Правду искал, но у этого недостатка все не слава Богу, подзалетел на переэкзаменовку — на осень. Геометрии — ни бельмеса, ни в зуб ногой. У доски заколодит ужасно: умирающий лебедь. Всю-то жизнь его преследует плохое усвоение преподаваемых в школе предметов: с головой что-то. В душе муторно, фильтикультиписто. А училка старая, с дореволю-

ционным стажем, издавшая составленный ей самой задачник с особыми, хитрыми алгебраическими задачами: стабильный; вредная, подлая гримза, растолстевшая до большого неприличия, до курьеза похожая на сильно беременную крысу (давно и намертво прилипшее прозвище: *Крыса*), ополчилась против него, накатывалась, взяла моду шипеть, при этом мерзко плевалась сквозь заметно фальшивые, вставные, неуместно красивые, пошло сияющие, отнюдь не крысиные зубы:

— Я буду считать себя плохим педагогом, если поставлю тебе удовлетворительную отметку.

В сторону, театральный шепот:

— Боже, какой пенек! Ни бум-бум. Туп безнадежно. Давно мне такие не попадались.

Она взидала на тупое, сонное (полнейшая апатия) лицо ученика, с огромным отвращением думала: олигофрен.

(Сократ советовал, призывал, познай самого себя. Самопознание — самораспятие, ад, кара, наказание божье. У Бергсона были, говорят, пишут, нелады с геометрией, не горазд, отскакивала, как от стенки горох, может отсюда вся его философия, триумф интуиции, которая противостоит рассудку, геометрии, является движущей силой эволюции, все рвется вверх, жизненный порыв, а этому порыву тупо, скучно противостоит тяжелая, инертная материя, геометрия; следствие — падение вниз.

Интеллект — несчастье человека. Геометрия — яд ядовитого интеллекта, заблуждение чистого разума.)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой юноша с томиком Ромен Роллана в руках малость опростоволосился, раскрыл рот (а напрасно: молчание — золото), поведал, как он лежал в больнице, встретился там с ясновидящей; урод и недотепа развивает свое понимание ясновидения, и тут Лепин улавливает, что имеет дело со стопроцентным дебилом.

На сей раз они направляются в сторону Щорса — как бы по солнцу.

(Щорс — выдающийся красный командир, герой гражданской войны, *След кровавый стелется по сырой траве*; дача Щорса — громадная латифундия с чудным столетним сосновым лесом, ой, дух сосновый, как же он пользителен легочникам и многим; вообще-то это дача жены Щорса, во время войны никто не жил, обчистили; почему-то давно здесь живет внучатая племянница жены, дальняя, седьмая вода на киселе, родственница Лепина, кстати к слову, у этой родственницы маленькая девочка, к этой тайне нам никогда не приблизиться, начала только что говорить, фарс, гротеск в гротеске, само в анекдот просится, рвется, первые ее слова: *мама, папа, х.й, погром*; позже оказалось, что имеется ввиду Кишиневский погром! Ну, х.й — понятно, девочка с пеленок

только и думает о х.е, мечтает, воображает сей снаряд в рабочем состоянии, как сказал поэт: *тебе мерещится залуна конская*; размечтается, раскалит воображение до невозможности, аж целка лопаётся; на этом они, юные девы, лапочки двенадцатилетние, Лолиточки, с ума сходят, здорово, истово пятят — так запросто и убедительно объяснил бы все такое, притчу сию, Джойс, ну а Лепин бы нарек сей темный во всех смыслах феномен — *перенапряженностью неразвитого принципа*, так по Гегелю получается, только так; но откуда вдруг взялся пресловутый Кишиневский погром? Напряженностью неразвитого принципа — не объяснишь. Тут — непостижимая и величайшая тайна, тайна тайн.)

Уже говорилось, в тот послевоенный год все лето выдалось гнилое, просвета нет, кто-то сглазил ласковое солнышко; шалости, выкрутасы, кордебалет и свистопляска погоды, синоптики ничего оптимистического даже не обещают, моросит, ветром плюет в харю вредный дождик, сколько можно? Надоело. Не лишен бы был хороший зонтик. Да и зонтик не поможет.

Они бодро месят грязь на густо философской проселочной дороге.

Прекратить не желает русский сюжет; пронзает мыслью столетия русской истории от Калиты до наших дней, выявляет вековые грехи Руси, с дерьмом мешает русских, среди которых он имел несчастье родиться, жить. Опять проясняет свое письмо Сталину, поется хвала маршалу Коневу, надежде творческой интеллигенции, Ворошилову; опять следует сравнение Жукова то с языческим славянским божком, Ярилой, страшилищем, то со отвратительным крокодилом, гнусной, подлой рептилией, нагло и изо всех щелей лезущей, злобно фашиствующей, типично русской ползучей контрреволюции.

Ни шагу назад!

— Остановить безумное нашествие черносотенного оголтелого, воющего русского хама может только Сталин.

Лепин низвергся во вкус, сангвинистически жестикулирует, острая быстрота движений, рябит, театр мимики и жеста; у него интересно порхающие, умно говорящие, выразительные руки: разбушевался. Юнец пьянеет от восторга, у него горят уши интенсивно лиловым. Гипнотическое воздействие: он раздавлен Лепиным. Верит ему, как ребенок верит отцу родному. Вот она, высшая и последняя правда! А воля к правде — суть и экзистенциальное ядро этой юной личности; благородство и святой долг призывают юность не знать страха и до конца идти вперед, только вперед, вперед и выше: долг — спасти революцию. Наш беспробудный идиотик окончательно подшиблен в полете, вкусил идею, ранен идеей спасения революции.

Душа преобразилась, просветлела; открылись вежды: вот — смысл жизни!

Зажатый, интровертный, закомплексованный, смущающийся, застенчивый юноша все порывается что-то сказать о себе. Его распирает. В кое-то время набрался духу и рванулся выхвалиться павлином, запустить болтливое словцо, глянь, у юноши сам собой развязался язык, в сердцах

и задиристо ломающимся голосом кукарекнул, вошел в задор, как угорелый, понесся, запел; залиvisto и бесстыдно вякает, напустил бодяги, показывает, что и он не палыем делан, тоже в своем роде мыслящий тростник, а не пеня; сильно волнуясь, вдохновенно распространяется на выплывший сюжет, который сильно пер в бок от волнительной стержневой темы беседы. Юноша с плеча и со всего размаха рубит, мол, его смущает, безумно пугает головокружительный успех науки и промышленности. А карточные гадания, если они сбылись, если не в бровь, а в глаз: радуют. Они опровергают науку. Нехорошо, когда наука и одна наука. Ведь если вникнуть, упереться, честно спросить себя, а почему вдруг и с какой стати у прямоугольным равнобедренного треугольника, Пифагоровы штаны, квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов? Он слышал: Юма это сильно смущало и возмущало (подумалось, двойные мысли, подполье, в подполье только крысы, выпендривался, переэкстремизмил, превзошел самого себя, очень кстати и успешно вернул заморского лакомого философа: художественная ретушь, декор, блеснул!). И как же он не любит геометрию! И боится ее. Училки ужасно боится: стерва. Жуткая стерва. А почему мы не удивляемся Пифагоровым штанам, а удивляемся карточным гаданиям, если те сбываются? Ведь гармония математического мира и есть чудо (опять удачно!). Да все потому что простые чудеса математики низведены до степени обыденности, сведены к тавтологии. И опять-таки — привычка: мы привыкли к этому. Таблица умножения, вызубрили. Да почему мы так уверены, что завтра взойдет солнце? На чем держится эта уверенность? Вот на чем. Вчера, позавчера, тысячи лет над головами людей всходило светило, значит, так будет и завтра! Так будет всегда. А почему? Никто не знает, а главное: не хочет знать. А у него колени дрожат, когда он видит, как постепенно и неумолимо заходит за горизонт солнце. В чем истинная причина постоянства явлений материального мира. Мол, закон природы. Успокоительная отговорка. А почему такой закон? Наука этим вообще не интересуется, не занимается. Нам лишь кажется, что наука что-то там разъясняет. Вместо того чтобы ответить на естественный и главный вопрос — почему? наука нам опишет, что движение земли вокруг солнца совершается по эллипсу, что аналогичные кривые описывают и другие планеты, Венера, Марс, Юпитер. Наука описывает характер движения, но не его внутреннюю специфику и сущность. А вот его нисколько не смущает и не колышет, что великие пророчества и карточные гадания сбываются, его удивляет, возмущает, унижает наука, ее предвидения и предопределения. Предопределения тех же солнечных затмений. Можете его презирать, но есть что-то общее в башке ученого, с фанатическим упрямством ищущего закономерности в физическом мире, и счастливого, везучего игрока, с уверенностью подходящего к ломберному столику, зеленому, у его родителей такой есть: «выиграл сто раз, выиграю и сто первый!»

У малахольного олуха Царя Небесного — произвольное словоизвержение. Фонтан хлещет. Не остановишь. О себе пошел, о себе инте-

ресно говорить, о своих подростковых переживаниях. Разрешился: его сразу, круто потащило, поволокло на сочную, волнующую сладкую мистику. Пылко и увлеченно пропел, что после войны, вскоре, он схватил скарлатину, жар, галопирующая температура, лихоманка, лежал в больнице. Скарлатина — детская болезнь, вокруг него оказались совсем дети, мальчики лет семи-восьми. Поправлялся. Не с кем словом перемолвиться, можно удавиться от зеленой тоски и скуки. А к мальчику, соседу, зашла его мама. Совсем молоденькая. На вид — девчонка. Талия — девчонки. Такая вся из себя черная. Видом цыганка. Потом он узнал, что это известная иллюзионистка, циркачка, с Кио работала в цирке, когда-то вхожа была к Бадмаеву, а «тайна ясновидения» еще в конце прошлого века была вывезена из глубин Азии, откуда-то из Тибета, вывезена еще их прабабушкой, теперь передается из поколения в поколение. Если обобщить: ясновидящая, ученица Бадмаева, выделила дурня. Отметила! Потом он еще узнал, что после замужества ясновидящая утратила силу ясновидения. Не совсем. Это так интересно! Вот она стала болтать, что у тухи особые, редчайшие способности, нужно их лелеять, развивать, тренировать. И тут он очень смутился, от смущения хихикнул, просит ее погадать; не глянув на руку, она полушутя пролепетала, что он убьет отца и обязательно женится на своей матери, в которую, получалось, она так сказала, он нехорошо, непутево влюблен. А он действительно безумно любит маму: она всегда казалась и кажется самой красивой женщиной, как бы сказал Достоевский — *невыносимо красива* (ловко ввернул Достоевского, к месту!), ему бы мечталось и желалось, чтобы его будущая жена была похожа на маму, знает, пупком, так оно и будет, но это совсем, совсем иное. Потом ясновидящая наклонилась к нему, нежными, горячими губами коснувшись его уха, шепнула: — *Ты наш*. Впилась, экстатический порыв, черными прекрасными глазищами, черный глаз опасен, в ладонь руки, ему даже показалось, что прозревает она будущее не физическими, ошеломляющими, цыганскими, черными глазами, а невидимым вещим третьем; внезапно закрыла, как бы в ужасе, лицо руками, помолчав, молвила, что не пройдет и семи лет, и бедные, несчастные родители не будут знать, где похоронены его кости.

— Представляете. Я болезненно мнителен. Сознаюся, как на духу, мне стало жутко. Почувствовал себя отвратительно, дурно: в буркалах грязные, крупные мухи полетели, их все больше, больше, совсем непроницаемо черно.

Вахлак здорово разговорился, ощутил себя на коне, летит в заоблачных высях, мелькают леса, озера, сияет гигантское солнце, сияет во все лопатки. Мир прекрасен. А вот с перемудра и стратегический грубый промах, разыгравшийся щенок неугомонствует, разглагольствует, увлеченно, в угаре азарта несет что ни попадя и черт знает, разогнался, откуда что берется, заливается молодым петушком, влетел в прыть, разряжается, у него, оказывается, есть собственные мнения и пристрастия, его отнюдь не приводят в замешательство и смятение всякого рода предсказания, карточные гадания, вещие сны, ясновидение. В них что-то есть.

Ей-ей! Хотя трудно свести концы с концами, ему никогда не понять, каким образом свобода воли человека соотечается с предопределением, которое железно следует из великих пророчеств. Пусть! Он еще и еще вдохновенней пел, фразы сами собой выскакивали, выплескивались готовыми (не домашние заготовки), ловкими, неожиданными; доверчивый, в простоте сердечной, потеряв самоконтроль и самооценку: стриптиз, неприглядно заголился; оплошно сказал, с придыханием сморозил; интонация, звуковая диаграмма, лезет, лезет, произвольно взвивается круто вверх. И вот — и над бездной:

— Я боюсь науки и не верю в нее, я боюсь ее. В особенности в геометрию не верю. Как же я не люблю математику, геометрию терпеть не могу! Она стала моим кошмаром. Чувствую, да, так разумею, это я говорю, всеми нами шутит и играет темная, жуткая, вражья сила! Злая, злая! Как пить дать! Так я вижу и чувствую. Надежным и верным пупком усекаю. После встречи с ясновидящей я стал слышать голос. Явственно слышу. Голос нашептывает, помогает отличить истину от лжи. Он — мой советчик, потрафляющий помощник, друг.

Сильная усталость от невероятного, вдохновенного полета в небо овладела юным поэтическим сердцем: свалился с коня; треснулся оземь, крепко треснулся: контузия. Все же через силу слабым, сиплым присокупил:

— Я — такой. Это — самая родная моя мысль. Моя самая собственная. Можно верить в ясновидение, в индийскую философию, в тайны Тибета и спасти революцию! Почему нет? Я готов спасти революцию! Готов отдать жизнь за спасение революции. Я — такой! Скажите — как?

— Чушь! — надлежало, от всей души, категорически, деспотически укоротил и весьма осязательно и от души вмазал Лепин. Как у современной молодежи язык поворачивается? Ты ему про Фому, а он про Ерему. Блевотина — фи. Гадание, хиромантия, вся эта пошлая, скучная мистика — уши вянут.

Остановился, как вкопанный. Вглядывается.

И — дико взорвался:

— Здравствуйте, я ваша тетя!

Лепин увидел юношу по-новому, разглядел, восчувствовал как был впервые: тупое, скучное лицо русского хама. Ни дать ни взять — недочеловек. И — сивые, мягкие волосы: срамно длинноволос. Явно: дебил, сонный, вечно в прострации. И — мочой разит: жутко. Фи: сиволапая, вонючая скотина! Сменился ветер настроения: наставник ощутил резкую неприязнь к мистически настроенному недорослю, который безнадежно, непроходимо сер, в носу ковыряет, тряпку сосет в углу. Поздно понял и окончательно, бесповоротно осознал, что перед ним юродивый, притом с хитрецей, с выкрутасами. Лукав, приврать, преувеличить, из мухи слона раздуть. Любит. С таким и говорить тоска, спазмы зевоты; утомительно, даже оскорбительно слушать олигофренный бред; надо же, еще и голоса слышит! А он, Лепин, перед дебильным детским садом щедро метал бисер. Несимпатичное, скверное открытие: омерзение к порченому.

Неприязнь шквально умножалась, мясистые губы кривятся отвращением, лицо сводит рвотная судорога, лопнул от возмущения, словно столкнулся с подлинным вероломством и паскудным, еретическим ренегатством, предательством; он не церемонясь лягнул, грубо оттолкнул малолетку, с характерной экспрессивной уксусной брезгливостью отмахнулся от надоевшей мухи, прицельно с бесчувственностью сердца пульнул, не моргнув глазом, который сделался подслеповато постным, подавился негодованием, плюнул точно — глазомер! — в душу обидное слово, повелел, притом с места в карьер, без переходов, чтобы пацан, который на поверку оказался непроходимо глуп, пошел, оставил его в покое, не поджидая завтра у ворот. Гаркнул: черствый, властный, гипнотизирующий голос, рвущая и продирающая горло фонетика: внешняя форма слова озвучена прямо-таки безудержной, бешеной, нероновской злобой: отшиб, восстанавливающий справедливость. Извиняюсь, будь добр, отскочи. Пошел вон! И — весь сказ. Не объяснил почему. А порядком впечатлительный рефлектирующий неврастеник, ранимый, занятый безнадежной тяжбой с самим собой, обожжен, как крапивой, озадачен, перепуган, сконфужен, спешен: растерянню, дебильно улыбается. Застыло. Лепин уязвил нежную коровью душу и трепетное сердце юного правдоискателя. Конец праздника, феерии. Блаженный не понимал, в чем повинен. Не может опомниться, очухаться: стресс. Ведь он пылал увлеченностью, успел всей душой привязаться к Лепину, полюбил его. Любил, как не любил отца родного! Такая вышла штуkenция: застенчивый, он не смеет послушаться. Нельзя родному и любимому отцу не повиноваться: закон. Так накрылось знакомство; раззнакомились: покедова! Проглотил обиду, досаду, в душе — пустыня, хлопал неприкаянно глазами, в голове шум, предпочел и сумел думать, благородно думать, что Лепин хочет порхать по проселочной грязи в одиночку для того, чтобы углубленно, интенсивно размышлять о судьбах революции и из глубин внутренней величественной тишины извлечь и облечь в слова Истину. Ведь алхимия извлечения и приготовления Истины требует полной тишины.

Еле оттаял. У юноши осталось довольно досадное послевкусие: горечь сплошная. Юркнула, вильнула заметным, красноречивым хвостиком мелкая кошка обиды, так, котенок.

Скулыптурная, искусная обработка (знал: Генералиссимус высоко ценит и коллекционирует мускулистое, убедительное, сильное слово) героического, полного до краев кипящей интеллектуальной энергией, невероятного по эпическому мужеству письма Сталину вскоре была завершена. Оно марксистски выверено, комар носа не подточит, наведен словесный фасон, изъаты истопившиеся слова, опошленные, потерявшие должную силу от частого употребления, документ богат риторическими фигурами, вышел необычайной силы. Письмо наконец полетело к адресату. Лепин шел напролом. На таран. Всегда атакует. Отмечен Небом и Звездами. Удача. Сработало. *Все действительно разумно, все разумное действительно.* Творение пламенного марксиста лукачистского толка имело надежный, масштабный успех. Магия слова. (Сталин, капризно: — В ЦК

у нас неблагополучно.) И — началось, полетели клочки по закоулочкам. Ну, это целая вежа в сильно подзабытой отечественной истории. Эта кляуза определила вектор исторического доклада Жданова (Жданов планировал разгром не ленинградских журналов, а «Нового мира»: Ленинград — его лелеемая вотчина, капище идольское, злое, там его верные, проверенные кадры), судьбу маршала Жукова, разгром и суровую расправу с ленинградскими партийными и советскими функционерами. Допрыгались голубчики, мазурики, ленинградские стервятники, обуржуазившаяся, бюрократившаяся сволочь: русский фашизм! Нацисты! От своей расплаты не ушли. Ну — не на струне. Да и Щербаков к этому времени умер своей смертью: в 1945 году. Прицелом точным — в затылок.

(Солженицын осторожно, неуверенно, его можно и нужно понять, ссылаясь на Краткую Еврейскую Энциклопедию, которая печально известна тем, что страсть как любит баснословно завышать некоторые принципиальные цифры, сообщает, что было «расстреляно около 2 тысяч партийных работников», поголовно вся партийная верхушка Ленинграда. Знающие люди говорили, что татарин, Маленков, орудует, убирает соперников, ждановцев. Прямо повторение мрачного, безумного 37-го года — большой террор, как в автобусе: одна половина сидит, другая — трясется!)

Лепин себя понимал — огнедышащим творцом истории.

И был им.

С момента потрясения, вызванного разрывом с Лениным, склонный к диким фантазиям юноша намертво запаматовал предсказание ясновидящей, а что особенно удивительно, ни разу о нем не вспомнил в период 10 дней бунта, когда блатные разгулялись на комендантском ОЛПе, не вспомнил даже во время прелюбопытного, неторопливого, неспешного, поучительного, пронзительного разговора с мудрейшим змием, Николаем Павловичем Грибовым (повесть: «Николай Павлович»); сильно смазлось в памяти многое: забыл вообще послевоенные тяжелые годы, словно корова языком из памяти слизала: еще карточки, голодно, по карточкам вместо мяса выдают американский яичный порошок (а американская, трумэндовская свиная тушенка — отменна, убедительна, она не всем доставалась: ее немудрено и забыть), неравноценная замена, пряники вместо сахара; вредный, агрессивный сахарин вовсю и чрезмерно употребляли! Огороды разводили. Но вот почему в Москве-реке никто не ловит рыбу, глупость какая-то, рыба там должна быть, она полезна, в ней фосфор. Питались одной картошкой, картошка да картошка, да и той доволь не наедались, привычная вечная проголодь, а в пятнадцать-шестнадцать лет как постоянно, назойливо сосет в желудке, схватывает, кушать вечно и нестерпимо хочется, все мысли о еде

(в голове наивного мечтателя — свиная тушенка, ну и — девочки, возраст такой, нехороший, проснулась неукротимая, голая сексуальность, восстание, бунт, в костях ломота, революция, притом — Великая; триумф лютого рукоблудия, позорного, дурного и без всяких берегов и границ; неверно, что от крахмала только воротнички стоят).

Память подгуляла. Безумны фокусы, проделки, шмыги, гримасы хилой памяти, беспамятство.

Но кое-что помнил. Кое-что навсегда вляпалось в память. Еще как! Явилась и новая оптика, она же — катаракта, усугубленная мистическим наложением и переживанием; вопиющая путаница: Маркс, мировая революция, Ромен Роллан, ясновидение непонятным образом сосуществовали в бедной голове. Амбициозное, авторитетное словцо Лепина, убеждающие, подчиняющие себе интонации вогнали в столбняк восторженную, романтическую юную душу, имели влияние болезненное и затяжное. Власть ключей: тирания слова была разительна, заморозила узкоплечего мечтателя, неразвитая, робкая личность подавлена полностью, ее скрутила, растерзала, распяла идея, зомбировала его, оседлан, обуреваем ею, идея рвала мозг, искры из глаз, все она, она! лепинская огненная идея: *революция в страшной опасности!* Ее надо спасать! (Маяковский; все мы были больны Маяковским, кровью писал: *Я себя под Лениным чищу, / Чтобы плыть в революцию дальше*). Встреча (Бубер: религиозный эффект встречи) и дружба (золотые годы, как хорошо на свете жить! ощущение радости бытия!) с самым легендарным Кузьмой*, гением общения, надеждой России, *отцом всех отцов*, русская идея! творческое, незабываемое болтание с Кузьмою по Москве, бесконечный треп и все о том же: о коммунизме, о мировой революции; с головой в поисках утраченной революции; интенсивно и увлеченно спасали революцию от гибели; летели в Третьяковку смотреть ужасный портрет маршала Жукова работы Корина; думалось хорошо, хором и вслух; они стояли перед портретом маршала Жукова, перебивали друг друга, просиял у портрета малахольный идиотик, толкает развесистые метафоры, тут и крокодил, вылитый крокодил, подлая рептилия, тут и Змей Горыныч, тут и гидра контрреволюции; жуть; небо и солнце заслонил им портрет черносотенца: вооружен и очень опасен! Встреча с Кузьмой не только не исцелила и не переиначила блаженного, напротив: ведь в эти самые годы вокруг Кузьмы роились юные гении: индийская философия, Рамакришна, *нету бога для пустых желудков*, ну и — спасение революции (натурально, опять-таки: как же без этого, без спасения революции?). А между прочим и как-то дуриком поступил в МГУ (да как же это он при таких заметно тусклых способностях умудрился студентом стать, *в осаде лев, на далеком Севере эскимосы бегали*, слушал лекции профессора Тумаркина, впивался в Фихтенгольца, изумлялся и восхищался еврейским, смелым идеям Кантора: чудны дела Твои, Господи!). Идеализм, азартное правдоискательство, есть ли в скачке скачок? разнообразие религиозного опыта (Джеймс), ленинское определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущении? прорыв к истине завершились арестом, притом — групповое дело, уникальная дружная компашка, та еще! Пятьдесят восьмая — десять, одиннадцать; юридивый и восторженный по-

---

* Под именем Кузьма в прозе Е. Федорова выведен писатель Анатолий Бахтырев (1928–1968).

клонник Ромен Роллана внезапно оказался на Лубянке, дальнейшие напасти — тяжелая Лефортовская тюрьма, могучий удар судьбы (так все и должно быть, гоб-доп, не вертуйся, *государство отомрет через свое усиление*), не шел, летящий галоп, быстро эволюционировал в антисоветчика, да еще какого! Его, заблудка, здесь усиленно накачивали; после короткого, но мучительного периода раздвоения, достоевщинки (схватки идей в бедной, слабой головке: сопрягал несовместимое), фантазер, с душой нараспашку, лунатик, стал на лету хватать новые идеи, заражался ими, мало-помалу пошел соображать, что и к чему, переродился, вызрел, увидел новую землю и новое небо, окончательно повзрослел (*мои университеты* — горькое лекарство), а очевидная мощь стен Лефортовской тюрьмы, о которых можно запросто разбить лоб, заставила поквитаться с успешно атакующим Лепиным: преодолел в себе Лепина, пронзительную, гипнотизирующую власть его идеи. Идея Лепина: спасение революции и — никаких гвоздей! Лепин — голый сверхмощный интеллект, сугубо рационалистичен, не терпящий ничего неясного, косноязычного, таинственного, загадочного, двусмысленного, унижает вас такой интеллект, механический, машинный, сплошная Евклидова геометрия, абсолютное зло. Лепин гораздее, труднее Сталина, как Белинский, властитель дум, *Неистовый Виссарион*, с такой горячностью, неподдельной честностью, искренностью, непригляднее, много опаснее Бенкендорфа. Идея правит миром. Лепин — это дюжая, страшная идея! Да знаете ли вы, что такое идея? *В начале было слово!*

Разительный, крайний отскок от Лепина; очумевший юнец предал Лепина набатной анафеме: в колокола звонит.

Разодрал в клочки идеологическую смирительную рубашку, изгнал толстой палкой из-под черепа всю нечисть: беса марксизма.

Затем пересылка, гостеприимные, болтливые Бутырки, место восторженного Ромен Роллана совсем у демократической параша, здесь-то он взорвался задирающей, забирающей, цветистой стремнинной речугой; здесь-то он обрел смелые крылья; он в самостоятельном полете, в доминанте, ощутил вкус неба, вкус небесной лазури; откуда что берется, жарит, нагнетает страсти; то были насквозь счастливейшие деньки в его короткой жизни, вновь непозволительно просиял, чувствовал себя гением, самим Гоголем, распоясался, как бы повис над бездной, бурная эскапада словес, экстаз, оглушал сокамерников проповедью (вообще-то все в духе общих настроений): страстной, горячей проповедью от просторной, еле подъемной, набузырили за ночь, параша, славно клубится ее ароматическое дыхание, хотя крышка прикрыта и плотно...

(— *Ужо тебе*, проклятый режим!. — не мямлил, как в школе у доски, а мужественно разряжается, с удалью и радостью грозит кому-то, славно, свободно витийствует, сила в слове. — Скоро. Скоро! Ломится и нам праздник с фейерверком и качелями. Я говорю это! Отольются кошке мышкены слезки... полгода, от силы год. Год, я это говорю, в высшем смысле: от силы год. Даже лучше такую войну отсидеться в лагере. Москва обречена, она погибнет! Считайте: ее уже нет! Нет как нет. Ее сравнивали с землей. Белый, чистый песо-

чек, обелиск под самое небо, на нем надпись: «Путник, спеши рассказать, всем, кого встретишь. Здесь был город Москва. Он не любил Свободу и Запад!» Американцы бомбить лагеря смерти не будут: мы их опора, пятая колонна, будем пакостить, таво-с, стрелять в спину! Как в Латвии, в Прибалтике! Доминанта!..)

...поразив и даже испугав некоторых, задроченных, забитых, запуганных следствием, Дороном, искристой, дерзкой, задиристой, бедовой справедливостью и правдой, взлетела вверх его репутация: устами младенца! Ну — пророк! Ответная реакция — рев восторга. Бешеный успех. За эту риторику да еще за то, что он по наивности не признал себя виновным на следствии (воистину: герой!), награжден, ему вне очереди уступили место на нижних нарах; и он совсем обнаглел, в ущербном юнце ретивый гений проснулся, выдает идеи с плодовитостью крольчихи, продолжает глушить Педагогической поэмой, залетает в дребедень, выговорился, моноложит, отвел душу, с восторгом и энтузиазмом взалхлеб объясняет, до ума доводит, в чем экзистенция всюду, везде и всегда торжествующего большевизма, почему им так легко удастся всех переубедить, подчинить, заставить ходить боком (как в древнем Египте). А ведь загадка! А ведь мистика! В Бутырках — такие встречи! Бубер, праздник, феерия! а еще в Бутырках разгул веселья и гогота, жутко хохотали, было, было. Затем — слабость, вялость, апатия; затем этап, *вологодский конвой шутить не любит*, Каргопольлаг, здесь воочию кое в чем убедился (лагерь — убедителен!), здесь все его зовут не иначе как *студентом*, здесь он по физике сколько раз огребал, унижения, опять унижения, кому не лень, подвели муде к бороде, взяли в е.истос, всяк тут был прилежным старателем, всякая шобла, и кому положено прогуливался по его морде, и кому не положено, *бей в глаз, делай клоуна*, согнут в три погибели, настигла последняя Правда и Истина; наивность, простота и прозрачность, экзальтированность, трепетный инфантилизм, улыбка до ушей — исчезли, испарились; искривилась его природа. Сломался. Как в неподдельной сказке, чем дальше, тем страшнее. Хорошо еще, что в туза не жарят потерянную, запуганную малолетку! Здесь, в Каргопольлаге (о, это крайне поучительно, заслуживает запоминания!), он уже не ищет Правды. Лагерь и есть последняя правда о человеке. Все прочее — литература, филология. А этой антропологии и экзистенции нахлебался он сполна. Обломилось. Десятичасовой рабочий день, изнурен, обессилен, опровергнут, повержен сортплощадкой, доходит, такие обстоятельства, припекло, небо с овчинку, потеряно чувство реальности, помутнение рассудка, а доски плывут и плывут, пятидесятка, уже гудок прогудел, а они подлые, конноё.истые, все плывут на цепях; вернулись бригады на ОЛП, столовая, затем ханурик доплетается до барака, жалкое теловычитание (фитилит, *жареный петух* постарался, превратился в нечто отвратительное, недоразвитое, злокачественное, длиннее: таких не бывает! Самое удивительное, что он все еще жив!), небесные, обязательно коровы вежды окрасились серым, приобрели серость, даже мутно-серость, в них — ужас, мутно-серый животный бессмысленный ужас: с трудом забирался на

верхние нары, закрывался, ушел под телогрейку, под бушлат (под крыло голову), заховался, чтобы не слышать густой, плотный треп эзков (Достоевский: *я уже никогда не буду один: нет уединенного* места, где Розанову так часто являлись гениальные мысли), уходит в нети, в себя, с места в карьер умчался весь в мечту, в великолепные до невозможности воздушные замки, в сладкую мистику и тайну; давно (еще в Бутырках) и само собой сгонишилась новая идея, и эта Великая Греза полностью оккупировала сердце, страстно, слезно молит милосердного Бога о войне (трубит, в барабаны бьет, предаться мечтаниям: — Грянь! Гряди!), о поражении Советского Союза, об истреблении, изведении подколодного, гнусного, но торжествующего на всех фронтах большевизма!..

(Мучим огненной грезой, а значит, настоящего благоразумия мало прибавилось; на грешную землю небожителя возвращает агрессивный, угрюмый, справедливый, даже слишком справедливый, окрик соседа снизу: — Е.аный студент, гад, доминанта х.ева, ты что здесь геморрой развел! Кому говорят, убери! Ну — студент, словишь у меня сейчас!)

...Он озлоблен; взыграла злоба на все человечество, прежде всего на тех, кто рядом, кто его окружает, бригадники соргплошадки, соседи по бараку. Ждет войны как манны небесной. И не он один. Разлит и без границ в головах понурых эзков стадный мотив, прописи лагеря. Во сне и на яви: ждут и надеются на обыкновенного белого коня и белый пароход! Как было бы славно въехать в Белокаменную на белом коне! А что если бы бесконечно всемогущий и бесконечно милосердный Бог услышал эту искреннюю, до одурения горячую молитву, если бы материализовалась безудержная, огненная мечта замечтавшегося шалавого Ромен Роллана. Хорошо, что некоторые искренние и горячие молитвы серьезно не восприняты, не услышаны Небом. Тут богатая пища для обстоятельного, углубленного, философского размышления. И что бы говорил и думал студент, если бы дожил до перестройки, воплотившей его идеалы? Глянуть бы на него хоть одним глазком. Неужели стал бы уверять всех, что никогда не безумствовал у параша в Бутырках, не мечтал иступленно о войне? Никогда этого не говорил! И не мог говорить! Всегда был чужд диким мифам и химерам, которыми жил лагерь! Ведь сейчас вообще никто ничего не помнит. Память?! Самопознанием лучше не заниматься, к Древу Познания вообще не приближаться! За версту обходить!

Позже не раз фуфло гнал, отчудил буквально следующее:

— Меня погубил Лепин. Испортил мне жизнь. Ну и Горький. Нужно было быть полным идиотом, и я в высшем смысле таким был. Оборот несчастный, заражен, одержим его словом, слепо верил ему. Если бы не Лепин, я бы был хитрее, осторожнее, не чирикал бы, держал язык за зубами: *не нужно этих басен!* Не болтался бы с Кузьмой по Москве, не спасал бы революцию, не ночевал бы у Кузьмы — не сел бы в лагерь. Я же дураком был, редким, безрассудным болваном. Я верил в Советскую власть, верил Сталину, горячо любил его, потому так по-идиотски загудел в лагерь.

Над оленем сохатым, наивняком, вчерашним студентом Химфака МГУ и безумным поклонником Ромен Роллана, во — какие рога, любомудр с заскоками, всласть потешались старые, прожженные лагерники, орлиное племя. Вообще-то к этому времени он правдами-неправдами устроился на электростанцию, простодушно присосался к ней, как к древу жизни, стух в никчемность. Он уже не длинношеее: нажрал хобот! Освоил катехизис лагерника. Первостепенное: меньше залупайся. Не ищи себе, сучара, авантюры!

Поймите правильно, игра случая, сверхсюрпризный сюрприз, это же случилось где-то незадолго до того, как до нас долетели под ветра свист волнительные, баламутящие ОЛП вести, что снят Абакумов, министр МГБ...

(Бирон, зловещий ворон, мастер и любитель красного словца, афоризмов, бывало, дразнит, подтравливает нас, игровая, подходящая ситуация; взбодрил, врезал в поддых: — Раз наш министр плохой, значит, и мы плохие.

Нет, нам не смешно)

...вскоре посажен...

(дворянский выродок, столбовой *секач* и *сиральник*, белоподкладочник, ерник, вообще художник, дар, эстрада, дернул скороговоркой еще хохму, при этом нехорошо, гнусно, глумливо улыбался, сплошное ломанье, подлянка: — На «А»? На «А»? Очками пользуетесь? На допрос! Дождался, субчик-голубчик! Все правильно: кто-то должен ответить. В лагерях падает дисциплина, и они стали недостаточно репрессивны! Курорт.

А нам горше горького)

...назначен новый министр ГБ — Игнатьев. Всплыли, просияли надежды на смягчение политического климата.

Где-то тут наш Ромен Роллан, беспробудный мечтатель, Манилов, уже не подросток, ему за двадцать, бесконечно коровьими серенькими фарами нашупал, узрел на комендантском ОЛПе (представляете!) Лепина! Ерцево, Каргопольлаг и — на тебе (Бубер! Опять — Бубер, эффект встречи, словно вынырнул, сретение, кошмарный нимб): Лепин; та же залысина, та же Героическая симфония Бетховена во всей своей скульптурной, фактурной, запоминающейся красе, грузной, громяющей силе, славе! И — черный, интенсивно черный, полыхает нимб! В нимбе суть. Увидел, узрел прежде всего нимб, а только затем дошло, что этот, непомерный в плечах: Лепин. То был даже не Лепин, суперЛепин, супергегельянец! Студент, блаженный физиономист, побледнел, как бумага, поджилки затряслись, забилося сердце, всегдашний, непременный и мятежный позыв медвежьей болезни, зенки у мистика сделались шибко квадратными, в них — прямо-таки неодолимый, неукротимый *метафизический страх* (Д. Андреев): зеленый апокалипсис, дюжие черные мухи, черно, как у негра в жопе в 12 часов ночи. Ощутил себя в параличе, как если бы он увидел неотвратимого, неотразимого, успешно атакующего *зверя*. Взял себя в руки. Не хочу! Увильнул ловко, ушел от прямой и непосредственной встречи...

(пронесло. Не застукан. Лепин так его и не узнал, хотя в его сторону повел и не раз чутким носом, чем-то знакомым подпахивало, неприятно щекочет нос запах: моча. Во — нос! Смелый! Гегелевско-гоголевский, если в профиль. Какой нюх! Да и на комендантском ОЛПе они были вместе меньше года: смерть Сталина, амнистия. В подслеповатости и равнодушии к мелочам и подробностям жизни надменный гегельянец был оскорбительно невнимателен к окружающим, подслеповат, самодостаточен, отрешен, ловко умел абстрагироваться, ничего вокруг себя не видел, а на повзрослевшем студенте не было тех запоминающихся сивых, неприлично длиннющих волос: под машинку оболванен; режим не нарушает. Ну а Гегель, известно — поглощение частного общим, гипертрофия общего, общее более реально, чем конкретное, частное, отдельное, улей более реален, более конкретен, чем отдельная пчела, пчела-то и есть абстракция. И еще поклон Буберу: *Идея и стремление к целостности в национальном характере основывается на том, что еврей более способен усматривать связь между явлениями, чем отдельные явления. Он видит лес более подлинным, чем деревья, море более подлинным, чем волны, общину более подлинной, чем людей*)

...избегал якания, оппортунистическая оторопь, воровато прятал глаза, озноб не проходил, притаивался, искус, зорко, пристально, неусыпно, неустанно глазел, подгляд, подглядывал напряженно, даже сверхнапряженно, издали за Лепиным, из-за угла (ассоциация: кривое ружье, оно — мечта романтически настроенного поэта), как бы через прицел, пожирал воспаленными от пронзающего страха глазами черный нимб — знак! умело блюл дистанцию, на небольшом пятчке ОЛПа трудно не столкнуться: получалось; выпытывал, узнавал волнующие и важные подробности о Лепине через Минаева. Юноша сразу догадался и все больше расчухивал, убеждался, что Лепин — это *враг*, фатальный извечный носитель большевизма, воплощение мирового зла: дракон. Это — он, он! Пополоскал ты, гордый, злобный марксист просвещенного, порочно-изошренного, иезуитского толка и блеска, скорпион, аспид, монстр, гном широкоплечий, непропорционально, крабообразно широкоплечий, чудовище, свой грязный член в моих нежных юношеских мозгах, хватит, с души воротит, выворачивает всего, довольно с меня. Ненавижу. И боюсь. Внушаем, жутко боюсь вновь потерять самого себя, подпасть под твоё обаяние, гипнотическое влияние: опять очарует, растлит, ошельмует, опять засрет мозги, опять приручит, навяжет свое, буду есть из рук чародея. Лучше подальше. Прочь, прочь. Кровь холодеет, стынет, сворачивается в сыворотку: боюсь, боюсь. Не поддамся. Грандиозное открытие, глубоко проник в тайну черного нимба. Разгадал. Ты — гнида, аспид, паук кровавый. Ты — изверг, выходец из преисподней, ты, ты! Как пить дать — *зверь из бездны*, хозяин державы смерти, *антихрист, 666!* Ты есть тот самый, с большими рогами и копытами. Ты отвратителен. На таких, как Лепин, держалась и держится Советская власть. Неиссякаемая энергия и первопричина зла, ген агрессивного, одержимого, наступательного, всюду и всегда торжествующего inferнального большевизма. Столп, опора и оплот! И — спрут!..

И мерещится шибко глазастому физиономисту, что в профиль Ленин еще разительнее похож на Гегеля. Советская власть, большевизм неколебимы, цветут, будут одерживать все новые и новые триумфальные победы, *гром победы раздавайся*, фанфары (и не говорите мне, что большевикам — *просто везет*), пока жив и существует жуткий, отвратительный Ленин — ратник сатаны: ликующая, сверхъестественная, всегда одерживающая верх черная сила.

Студенту прыгнула в голову мысль, хвостиком вильнула пройда, испуганная, больная, улепетнула, дала деру в норку, где ей надлежит всегда сидеть и не высывываться, еще раз сиганула безумная, светло вызвездилась, донимала, не отпускала маниакальная, шмыг, шмыг, искушение, не изгонишь: бормотание сомнамбулы, адреналин в крови подскочил, паника, сквозь него несутся голоса укороченные, запретные, запрещенные цензурой-культурой; вырван с корнем и отброшен оппортунизм, интеллектуальные судороги, заикливание, короткое замыкание, выход из цикла, голосует сердце, сверкнула бесстрашная мысль: — Я убью тебя, *зверь ада!*

Трудное решение. Проблещ надежды, свет в конце туннеля, зарница во весь горизонт. Дерзай, Возвышенное — страшно. Оно, высокое, дерзновенное, — сверхлично. *Ужо тебе, строитель чудотворный!*

Студент духарится, видит события в неслучайном свете; горделивая фигура: *в высшем смысле*, если не я, то кто? Доминанта! Готов к жертве. Готов к гибели. Раздухарился, готов собою закрыть амбразуру дота. Достоин. Достойн! Дерзостник и воитель погружен в мрачный восторг, планирует, смекалит, продумывает детали, как совершить убийство. Подступлю втихаря, ушло! И со всеми вытекающими последствиями. Однако несуразного обормота, Ромен Роллана, помраченную очарованную душу, никто всерьез не воспринимает. Тяжелый случай, злословят, подсмеиваются, фыркают: мол, страхи сильно преувеличены, мистический закидончик. Рвение и ревность не по уму. Успокойся, усмирись. Никто не слушает и не слышат горячей проповеди с ослиными завываниями, не прошибешь сердца, смеются, да ты что, с х.я сорвался? Говорят, что у студента пошаливают нервы, ну — с большим приветом (с пунктиком), совсем рехнулся, безумствует безумец, глаза бесноватого, красные, голоса слышит, с *черным монахом* беседует, видения видит, сдвиг по фазе, большое воображение и чересчур разыгравшиеся фантазии бестолкового и мистика развесисты и неадекватны действительности, далеко за пределами разумного, вероятного.

(— Кликушество.

— Вандервельде!

— Ссыте на него: он сумасшедший!)

Нет, для студента это не злые шутки *черного монаха!* Тупость, уродство, куриная слепота, слепорожденность: неразумное стадо ОЛПа, шелупонь и шобла интеллигентская, не видит то выпренно пепельной, то окаянно-пурпурно-серой, то демонической ауры над внушительной, бетховенской головой; все пребывают в блаженном идеализме, в то время как отчетливо все видать невооруженным, чистым, простым, честным, коровьим глазом.

Он зачарован созерцанием смелого, невыносимого, дюжего, блистающего, великолепнейшего нимба, который теперь им воспринимается в виде семи голов, каждая с десятью рогами: *на рогах десять диадем?! (Апок. 13. 1)...*

(начинается самое интересное, ведь мечтатель и визионер в руки не брал Евангелие, не читал Апокалипсиса, представления не имеет о символе веры: прорехи образования Так откуда все берется? Нужен Юнг, его глубокомысленная теория коллективного подсознательного, которое даже не использует, как же так? материально-го носителя. Юнг способен все объяснить и прояснить. В подсознании человека много всякого и такого, беспросветного, что и не снилось нашим мудрецам. Вспомним первые слова еврейской девочки, *папа, мама, х.й, погром?* Что сие значит? Наследственное вещество приоткрывает свои страшные тайны? Платон, божественный Платон, вообще познание сводил к воспоминанию)

...Ищу человека! Днем с огнем. Ищу зрячего, глазастого! Спятивший студент уязвлен и подвигнут таинственной силой, горячку порет, самозабвенно, обуянно, холерически (из лопуха-меланхолика эволюционировал в неконтактного холерика) мечется по ОЛПу, не знает угомону, запускает риторические рулады, неистует неукротимый до культяписного неприличия мистик. На совесть давит. Шелупонь, разуй очи! Ведь что ж получается, ты единственный зрячий среди слепых, единственный трезвый среди пьяных. Сполна. Как есть сполна. Тут-то и познается экзистенциальная глубина одиночества. Обречен на полное одиночество. Отчаяние, тоска безысходная: об опасности Лепина никто не догадывается: не хочет осознать, не хватает мужества глянуть правде в лицо. Естественно, мудилу всерьез не принимают: полное непонимание. Укус в сердце: навязчивая и сверхличная идея не дает покоя, мучит, поедом ест, гложет, душит удавом. Он пожираем идеей. Душевные корчи, мучился, распался. Долг, зажатие, упертость назначены ему свыше. Пора, зажглось сердце решимостью, сделался легким и свободным: рога трубят. Он ощущает свою гениальность. Таким свободным и гениальным он был лишь в Бутырках. Это — крест его. Он и явился на свет Божий, чтобы спасти человечество и прежде всего Россию от коварного, атакующего, всюду успевающего *зверя — царя Иудейского*. Ужасен рык дюжего пернатого льва, отвратителен, он представляет собой наступающую, побеждающую, роковую силу, имя которой страшно, нельзя произнести: табу! В звере ада (в высшем смысле!) нет ничего человеческого, слишком человеческого, даже подобия, даже намека.

Прорыв к истине. Просветилась нездешним светом душа, воссияло солнце правды: новое озарение...

(*Повсюду пахнет нефтью!* В минуту божественного опьянения Достоевский воскликнул: «Константинополь должен быть наш!» В такую же минуту Гришка Распутин, ясновидец, крикнул царю: «Черт с ними, сербами! Отмени указ о мобилизации! Погубишь великое царство!»)

...Каким-то образом шибко суеверный и мнительный недотепа проник в отвратительный секрет оборотня, зашиблен этим. В омерзительном крабе вовсе нет банальной, обычной крови, яркой, красной, как сок клюквы, горячей, сверкающей, а — одни чернила, сплошная вредная субстанция, стойкая, химическая, брр, сугубо фиолетовая. Не сомневайтесь: только чернила...

(Подтверждает и крайне загадочно и непонятно другое, в год смерти Сталина был в лагере несчетный урожай на клопов, каким только геноцидом ни брали их, все бесполезно: доняли нас подлые насекомые, кровососы. И мы взвыли. Но — интересно! Заметим, будем помнить. Лепина почему-то клопы не жарили. Таинственная и смущающая простого, наивного человека исключительность, противостественная и парадоксальная онтология. Прямо-таки вляпались по уши в чудо. Решительно непонятно, трудно найти мало-мальски разумное объяснение мистической аномалии. Какой-нибудь намек, метафора, иносказание? Невольно думается, неспроста! Клопа ты не обманешь. Лепин не был среднестатистическим эзком, будучи до чрезвычайности чувствителен к запахам — а как же он переносил вонищу барака, а как же выносил парашу? — сам ничем таким и эдаким безоглядно человеческим не пах: черт знает что, Зюскинд, «Парфюмер», противно — никакого запаха!)

...Вбить в это бесчеловечное, злое, адово сердце зверя осиновый кол, сокрушить сверхъестественное зло, сокрушить зверя. Для этого он, студент, здесь, призван, и он должен не иметь своей воли, быть полностью покорен, подчиниться Плану и Замыслу. Юный небожитель возродился из никчемности и приземленности к задору и подвигу. Восторг. Не узнать студента.

Признаем и мы, извинившись, что в феномене Лепина сохраняется и загадочность, и проблематичность: прежде всего есть весьма основательный, смущающий слабонервных титанизм, крепкий орешек: и — покушение на идею, воплощающую абсолютную, общечеловеческую истину в последней инстанции. Он заслуживает самого пристального, напряженного внимания. Лепин сходу сделался заметным придурком, нормировщик, фон-барон, украсил цветистый ландшафт ОЛПа; на комендантском он — прежде всего был истинным интернационалистом, фигура знаковая, факелом пылающая, грандиозная, символическая, роковая, считался и числился у нас большим профессором — с критерием, действительно был энциклопедически образован, его тенорок восхитителен, умел подать себя, блистает эрудицией, дрыновал нас ею, утер нам нос; ученостью, громадным и явным интеллектуальным превосходством унижал, подавлял нас, законодательствовал, надменно и высокомерно унасекамливал, давил, как жалких насекомых, лишь он человек, а мы лишь ничтожные букашки. Мастерски, красиво, виртуозно разделал под орех шумного, балаганного красноречивая Миная, взял его в логические тиски, остановил лавину слов, срезал, припер к стенке, задал интеллектуального щипача (проклинал, провозглашал анафему, мол: — Союз русского народа!), сбил пафос великого славословия.

Долго шовинист, фашиствующий черносотенец будет помнить. А озорной Бирон, язва здешних мест, мастер злых шуток, затейник, неблагородный штукарствующий ерник, потомок чуть ли не византийских императоров по женской линии, ну разумеется, а это — пшик, не считается: тыфу! лишь догробил бедного старика, изгилялся. У нас на комендантском любят, принято бить лежачего, ногами бить, здесь царит русский дух, здесь Русью пахнет. В лагере Лепин, сей чуткий барометр большевизма, гегельянец, естественно (а то!) проклял Сталина (анекдот не дурен. Что общее между Моисеем и Сталиным? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро. Ну, знаете, такое не прощается. Ну и: «дело врачей»!) Получалось как-то так и само собой, не нуждается в аргументации: Сталин совершил глубочайшее грехопадение, копай смелее и глубже: подлое предательство (изменил большевизму), окончательно и бесповоротно ссучился, а возможно, всегда таким был (азефовщина: «Фигус»), предал Интернационал и Пролетарскую революцию: термидор! Сверхзадача: вернуть Россию к категорическому, системному большевизму!

В главном, основном и целом Лепин остался отпето фанатичен, неколелебим, генетически несгибаем, оставался при прежних утрированно ортодоксальных воззрениях, в этом отношении оказался на удивление целен, даже стилин, даже слегка сюрреалистичен, продолжал умным, завлекающим тенором, с которым мы давно и хорошо знакомы, с неоскудевающей энергией вбивать в головы марксистско-большевицкий пошиб и догмат. Вне большевизма — физиология, пошлость, двумерность, всевластие наваждения: ночь! Онтологическая ночь! Этот сорт генетических сверхинтеллектуалов (по Лепину: и Плеханов, и даже Ленин проаняли поверхностный романтизм, невнимательность, не до конца усвоили и поняли великие тезисы Маркса о Феебахе), прямо зашмелен и помешан, оказывается, на искривленном, извращенном большевизме: на *преданной революции*. Что они под этим понимали?

Поразительно и впечатляюще потрясно, этот безнадежный сухарь-гегельянец, лукачист, интеллектуал, с некоторых пор чемпион ОЛПа по шахматам, легко, одной левой одолевал нас, облапошивал, как маленьких, красиво, не торопясь чесал, конем искрометно, оскорбительно ходил, при этом надменно, державно, противно, пасквильно, неприлично улыбался: конь его любимая фигура, ходит замысловато, хитро, подло, непонятно, буквой Г (честный Алехин был *рыцарем* слона); вдруг (это стряслось внезапно, именно — вдруг) с ним нечто приключилось, сделался комическим персонажем: рассмешил всех. Дело вот в чем. Нагрянула, разверзлась громом амнистия, у кого срока мало, попал под амнистию, у Лепина, гения и эрудита, срок отнюдь не дурная бесконечность числового ряда, проклятая Гегелем, а детский, пустяк, завидки берут, 5 лет; ему, как по шучьему велению, свобода сама в руки плывет, везение, крупное везение! Но для Лепина амнистия стряслась в недобрый час; вот вам и — здравствуйте, я ваша тетя! Нечто: уже по ту сторону характера. Характер — судьба. Такого не могло и не должно быть. Он оказался поражен (в его-то годы, парадокс!) острой, исключительно вредоносной, исключительно

язвительной стрелой Амура (Купидона? резвого, играющего, развлекающегося шалуна?) Уборщица подсобного хозяйства (иеху, питекантропочка, мерзкая, подлая, вульгарная шикса, хрюкало, рыло, мурло — страшнее войны; но фигура что надо, невероятная бабская фигуристость, огненные бедра! *природа женщин одарила: какой таз! а с лица не воду пить*) снарядила ядовитую стрелу. Угрозило. Пронзен насквозь ядовитой стрелой, знобит. Болезнь брала свое, Лепин теряет себя, теряет цельность, чистоту и простую красоту стиля, засиховал, сохнет, лихо исхудал, зеленый, в профиль уже не Гегель, даже не Гоголь, а прямо-таки Кошей Бессмертный, так, не юный Кошей, не мальчик, ну — в возрасте, так сказать, Пушкина; что-то окончательно рахитичное, вырожденческое. Вzbеленился, верх неприличия, смешон, смех, пардон, уссаться можно: заныкался и зафиговался от гражданина надзирателя, переполох на ОЛПе, сыр-бор, представляете, в уборной (а ароматы уборной, а аллергия как же? вот так скандально-анекдотический цирк! такое не каждый день увидишь! и нет необходимости восторженному Ромен Роллану вбивать осиновый кол в сердце антихриста: сам спекся), отказался идти на свободу (*о которой так много в лагерях говорят*), не детская то игра в прятки на сказочном фоне приближающихся великолепных белых ночей архангельского лета, а все очень серьезно, шекспировская трагедия в условиях благополучного, тихого лагеря, здесь, сегодня. А почему бы и нет? Бывает. Знаем, знаем: свобода была, есть и будет великой соперницей любви (*Сладко любить их завидная доля,/Но веселей молодецкая воля*). Этот гротескный цирк мы много раз и подробно рассказывали, описывали. Он всем известен. Остается лишь добавить, как на исключительно комическое поведение Лепина точно среагировал именно девственник, визионер с серьезными мистическими позывами и порывами, словом, пугало огородное.

Итак, внимание, внимание: остолопистый, сиволапый, дикий (да вы представить не можете! таких не бывает и не должно быть!), с сумасшедшинкой, знатно чумной студент, с которым мы почти сроднились, тут нам с суперсуеверной драматической надсадой, испуганно, испуганным, дрожащим голосом засвидетельствовал:

— **Любовь зла.**

Еще больше сосредоточенности и внимания; возглас, как в церкви (честная минута, как в церкви: сопологание, синтез, высшее):

— Значит, все не так. Значит, не на все сто процентов антихрист, пернатый зверь из бездны. Значит, что-то банально человеческое все же и в нем было. Значит, не совсем чудовище. А я решил на Нет, я не огляделся. Не фантом, не галлюцинация, не примерещилось. Не романтизация. Был доброкачественный, откровенный, внятный, убедительный нимб. Я свидетель, и мое свидетельство истинно. Сразу, как Лепин начал дурить, творить безобразия, над его головой потух, совсем исчез адский, пурпурно-серый, с золотым, серебряными блестками, вполне врубелевский, беспощадный, великолепнейший нимб; непостижимо: словно вовсе не было. Все так сложно, мутно, жутко. Ничего не понимаю. У меня в голове просто не укладывается. А вот так получается — воистину так! — я же мог его убить.

Звук хрипловатого юного голоса все никак не поддыхает, долго стоит в архангельском воздухе, интенсивно, агрессивно, густо пропитанном хвоей.

Дело прошлое, беспробудная, уже неинтересная, скучная, занудная архаика, быльем поросло, все же вспомним, запомним, что Лепин как сел в лагерь марксистом, так и вышел дюжим ортодоксальным марксистом. Лепин не был бы Лепин, если бы изменил самому себе. Столп, зубр, блюстителъ большевизма. Фундаментален. Непогрешим, всегда *ex cathedra*. Бронебоен. Кремень. Цельный, шекспировский характер. Тут высота духа. Отмечен, роковое явление эпохи: избранник.

Лепин освободился и вышел на волю по ворошиловской амнистии. Для охладомона и мистика он так и остался волнующей, неразрешенной загадкой.

Так в чем все же тайна Лепина?
Каков вердикт?

ГЛАВА ПЯТАЯ, которую мы налаживаемся опустить, поскольку студент с завиральными идеями, прозревающий всякие там серо-буро-малиновые, цветущие и поющие нимбы, был не кто иной, как Женька Васяев, *дитя жизненной тревоги* (Т. Манн), в прошлом студент химфака МГУ (помните, химфак, «дело Васяева»), в *осадке лев*, а правдоискатель да к тому же чудик, мистик и должен загудеть в лагерь, тут — закон природы (его жизнь, приключения в лагере, печальный конец обстоятельно нами обсосаны, описаны в «Бунте»).

ГЛАВА ШЕСТАЯ, Ямайка — остров в океане, ЭПИЛОГ (разумеется, — а то! Не лыком шиты! — на небесах), вот мы с грехом пополам дотянули единую лямку замысла, осталось в довершение всего описать «жизнь после смерти» (пользуемся выражением Мули, поднявшего эту сагу, и настоящая глава претендует играть роль пролегоменов ко всякой будущей системной теологии) ненаглядного и обожаемого Женьки Васяева, отпетого мечтателя, непутевого, блаженного, безудержного фантазера, до встречи с лагерем отчаянного правдоискателя; затем — шибко ушиблен, искалечен лагерем. Объятия лагеря мистичны, из его мутной пены нарождается новая актуальность: из лагеря вообще нельзя выйти (душа заклинивается)! Перед нами — дитя лагеря! Эмпирическая жизнь избранного героя в условиях лагеря радикально разошлась с его изначальным идеальным замыслом, то есть с высшей реальностью: с Истиной.

Натворила ты, неприступная фифа, делов, ой, натворила! Заварила кашу! До сих пор мы разгадать не в состоянии, где причина, а где следствие. К этому самому времени

(ну — долгожданно-неожиданная смерть Великого Вождя, Генералиссимуса, светопреставление, всенародная скорбь, скорбь великая, сиротство, лагерный психоз, бешеный взлет параш, болезнь, поразившая Каргопольлаг, а мы до них большие охотники, падки, они цвели махровым цветом, несть им числа, не соскучишься, припозднившийся гигантский тайфун революции, слава Тебе, Господи, слава! наконец-то теряет силу, давно бы пора; пронзительное предощущение: появилось новое в воздухе лагеря, дуют новые ветра, а, как учил Павел Иванович Александровский, умнейший человек, следователь отличной андроповской закалки, одной левой сделавший Якира, Красина: декаданс, сквозняк безумия и разруха начинаются в головах людей)

... занебудно занебудил сей вечно сексуально озабоченный девственник, уловлен ядреной и деликатесной артисткой Веркой (зэк, мы уже знаем на примере Лепина, беззащитен пред стрелами Амура), нет, нет, Вера не штакетник, а чудо телесно, круто воплощенной женственности, каждая кровинка, каждая клетка ее тела вопит: я — женщина! Вот из-за таких Троянские войны завязываются. Какая там *встреча*, какие там Бубер или там шуры-муры, магнетизм, взаимное влечение: лагерь, поджечь условия нет; он, Женька Васяев, ни разу с ней не обмолвился словом, лишь издали любил, на сцене, заглядывался, пялил глаза, впиался совсем серыми, совсем коровьими веждами

(ослепительна юная богиня, распускающийся бутон, глаз не отвести, похожая на одну фотографию мамы, тот же женский тип: архетип!),

боялся подойти, заговорить, застенчив, где ж ему, лосю сохатому, во — какие рога! вкручивать Вере шурупы, некрасиво, уродливо робок; на днях она затейливо и остро вела треп с Гладковым, художественным руководителем культбригады, выплюнула напряженные, капризные, закрученные словеса, сказала, что сегодня не в форме: «А в диалектике! Страсть к диалектике: все течет, все из меня»; обдала нас всех нервным презрением, в том числе и Женьку, оказавшегося первый и единственный рядом, ну, не совсем рядом, но почти. Как же она хороша! Ах ты, Вера моя, краля невозможная! Такая девка, сияющие, звенящие женственностью ножки, быстрые, резвые в пляске. Не одни лютые, назойливо-пленительные лажки

(*Природа женщин одарила! или: Пусть их Пушкин воспевает*)

в восторг нас, грешных эзков, приводили, но и сладкий голос, полный капризных авансов и провокаций, до дрожи в коленках, ломоты в костях, *частица черта в нас*, хтонические интонации, глубины, петля; Верка прыгнула в бедную головку увальня, тут же осквернилось похотью воображение девственника, вытурилась из замутненной головы Рита, первая любовь; все перегорело: подзабыл ее, Риту, тургеневскую, небесную деву: как — обрезало (вот вам и любовь до гроба! уж эти мне поэты!). Женька воспарил в мечтах, безоглядно и бесстыдно грезил на яви о другой, о красючке Вере, исчезли повседневные реалии лагеря. В студенте проснулся

поэт, Пушкин, эдакое легкомысленное существо, представляете, вечный мистик и тугодум бойко, скоропалительно заговорил, не поверите, стихами! Это уже не лагерь, а сплошной заритмованный, зарифмованный Текст! Неукротимый инстинкт, который всегда с тобой, выше не прыгнешь; но тут (бывает) одуревшего подранка круто, интенсифицированно повело на стихи, сексуальная энергия сублимировалась, трансформировалась: ревуший восторг, возомнил себя поэтом (а то — нет!), псалмопевцем Данте, воспевшим солнечную, божественную Беатриче, набил руку, взнуздal Пегаса, что оказалось не так трудно, творил, чувствовал себя гением, творческим Гоголем, изливал душу, впадал в поэтический экстаз, познал, что есть припадок вдохновения, высшая радость, высшее счастье: присутствие Бога! за одну ночь выдал грамотный цикл любовных стихов с вкраплениями крайнего, густого мистицизма (в духе Владимира Соловьева, раннего Блока), ломил в невятицу, галиматью, пошла абракадабра; стоял сменным машинистом на локомотиве № 4, дежурил, значит, в ночь (к этому времени сортплощадка Лесозавода в прошлом, забыта, романтик давно и симпатично жируется на электростанции, в машинисты вышел, так жить можно, так и дурак проживет), ну и — просиял бессмертными стихами: катал. Давид, пророческие псалмы, Данте, *Новая жизнь* (Vita Nuova): просто не было сил не писать стихи, болезнь — пыл, запойно шмалял, откуда что берется, строчки готовые, ладные, совершенные, пронзительные выныривали сверхбыстрыми дельфинами из восторженной, пророческой головы.

После душевного подъема — спад, слабость, апатия, через силу плелся на ОЛП, еле ноги переставлял, в столовую не пошел: нары, сон. Собирался и рассчитывал свои вдохновенные, гениальные стихи через Гладкова вოსслать, передать распрекрасной, шеголеватой Вере: живая красота, сияние женской плоти, кровь с молоком (Гладков и сам поэт, посвящал стихи ээчке, Нине Квасовке).

И тут! На тебе — катастрофа! Пала Троя! Кому-то там (о, ужас!) подвернула. Кто-то (мы еще не знаем кто: за ноги не держали) вогнал в ворота размагнитившейся, потерявшей бдительность неприступной крепости троянского коня, сломал целку, и это всем сразу стало известно, но возобновляют справку о невинности каргопольской крале, царь-девице; недоуменно заахали мы: мать-перемать. Поругана честь девчонки: ославилась Верка. Не девственнику, раненому сердцу, Женьке Васяеву, досталась ты. Ну — дура, дрянь девчонка, свистушка! Да ведь это же прямо-таки скандал: онтологическая, умопомрачительная космическая катастрофа, начало конца, конец благополучной истории благополучнейшего из ОЛПов необъятной системы ГУЛАГа, жаркие безумные вздохи, рвем на голове волосы (иносказание, даже гипербола: волос на эзчих головах, разумеется, нет, обкорнали, все правильно, режим и резон, за просто завшиветь ленивый раб может, не положено носить волосы, значит, не положено!), настали дни печальные, нам, ээкам, нужен идеал, девственница с серьезной, заверенной справкой, подтверждающей девственность казенной, жирной, убедительной печатью. Судьба-индейка, ляпы,

досадная клякса, ужимки, превратности, безжалостная, бессмысленная, слепая, угнетающая и впечатляющая случайность, античный черный ужас предо неуклонной мощью судьбы (Мойры, Парки), темен, глух, непонятен замысел жизни исключительно интересного героя, а ведь должен быть замысел каждой души, как у Гете в «Фаусте»: *пролог на небесах* («Фауста» читали?) с продуманной компоновкой, включая телесно-материально-ситуационное воплощение фабулы, когда случайность и цель как бы оказались повязаны неразрывным, крутым единством, до конца сохраняют незамутненную чистоту и блистательную ясность стиля; перехлесты, превратности, неразбериха, мистика мутного случая, лагерь — это жизнь в катастрофе, шумок, блатные, заварушка, окаянный бунт, шумок, хипеж, одно к одному, немыслимый разгул стихии, познали мы прелести свободы, узнали, что есть воля, химически чистая русская воля, шарахнулись от нее, горькая правда, блатные раком поставили комендантский ОЛП, бросили нам палку, черные десять дней, воля бездушно-го случая, глупого, слепого, в глубинных недрах сущности — невинного, стечение неотвратимых глупых обстоятельств, пиф-паф, таков, видать, его, Женьки Васяева, жуткий жалкий жребий, страстотерпец, одно мучение, мучение на мучении, школа, угнетен зловредной школьной гримзой (— *Крыса!* — и зубов скрежет: ненавижу), лагерь, почти год на спортплощадке, затем электростанция, затем бунт и гибель Ромен Роллана с коровьями, погасшими, выкатившимися из орбит веждами, горемыки и девственника, а перед внутренним взором вновь возникла вечная возлюбленная, Россия, кровью умытая, жуткая; срамная, отвратительная эпоха революции, гражданской войны, смуги, моря крови, исследователи считают, население сократилось на 20 миллионов, не одни расстрелы, и голод, и тиф; мы слышим истошный, утробный стон родного нам Женьки, поэта, псалмопевца(!): душераздирающее зрелище, агония: исподние, весь низ, брюки, которые недавно прислала ему мама, обильно, постыдно — в моче! И — кал: под большим напором брызнул, посмертная постыдная медвежья болезнь, обдристался, бывает, у мистиков и романтиков особенно частенько: всегда. Почему-то так именно у них...

(Как мудра и была бы кстати молитва: «Поддай, Господи... Христианския кончины живота нашего, *безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа* на страшнем судиши Христове, просим».)

...Любопытно: ты умер, умер совсем и бесповоротно, а ногти и волосы неистово растут, не смиряются, последними потухают, теряют волю к жизни раковые клетки, испытывая при умирании *неизъяснимы наслаждения*. Кому же, как не ему, бесповоротному и очарованному страннику по мистическим сверхчувственным далям, вкусить и познать *жизнь после смерти*. Последняя ослепительная, длившаяся одну сотую долю секунды, вспышка мистического сверхсознания и самосознания. Бенгальская — тощий, последний ресурс. Время уплотнилось, утрамбовалось.

Опять невероятный и чрезвычайный каприз человеческой памяти, всплыло то, что забыто намертво, на веки вечные, навсегда, что давно превратилось в прах и чистое небытие. На твердокристалльной небесной

сфере появился джентльмен с ярко выраженной иудейской внешностью, источающей бесконечную доброту; он вовсе не старый, не в том преклонном возрасте, о котором обычно говорят: другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь (зоркий, пленительно отзывчивый, зоркий Николай Павлович выглядел бы постарше, седины много больше); рекомендуется апостолом Петром; он улыбается доброжелательно, что-то вроде заговорщического еле заметного подмигивания, прищур, переходящий в непрерывный подмиг, посул, мол, все это не след воспринимать абсолютно серьезно; и здесь Женька сильно понадеялся на счастливый, благополучный исход, поразмыслив, сообразив: апостол Петр — «ключник рая», значит, в большом авторитете. Апостол Петр привычным, ритуальным движением и по-быстрому открыл папку, зачитал выписку из приговора Чрезвычайной Комиссии при архангеле Михаиле, словом, если в общем, что уловил Женька, да, он назван «юным философом Васяевым», что само по себе приятно, льстит самолюбию (в поэты он не успел себя зачислить, хотя в сущности был не философом, где ему, аховый философ, а романтиком был, шибко мистиком был, натура меланхолическая, поэтическая, все глубже погружался в безоглядный невозможный мистицизм; ну а Вергилий, спутник, экскурсовод, гид, умный, опытный в таких делах адвокат был бы ему сейчас крайне не лишен), что он расстрелян в упор во время бунта на комендантском ОЛПе (ОЛП-2) Каргопольлага, а вот это странно, это уж слишком: оказывается, за свою жалкую короткую жизнь умудрился, успел он наломать дров, он, экземпляр, всесокрушающий заблудок, мистик, представляете, жил в соблазне, от всех этих Ромен Ролланов (оказалось, томик Ромен Роллана, с которым не расставался Женька Васяев, которым подпитывался, посвящен всяким Брамиуграм и Рамакришна) недалеко и до мистических, опасных прозрений, видения нимбов и жуткого *зверя из бездны*, еще шаг, подкрадутся сатанинские глубины: воля к убийству, услаждение убийством себе подобного — наделал он сраму, *убил своего отца и таво-с*, подженился, без берегов, с вывертом, *на своей матери*. Еще пара ласковых, говорится, мол, серьезно и весьма основательно нарушены 5-я и 7-я (по аналогии) заповеди. А сверх того: чревоугодник, на себя пеняй, вечно не сдержан, жаден в гостях: уестествол, сноровисто, каверзно присосежившись, девятипудового осетра! С жадностью, пока никто не смотрел — ел, даже жрал, за ушами трещало! И юному философу подлежит быть прикованным цепью к правой стороне сортплощадки, да, с той самой стороны, где пятидесятка, где плывут, плывут эти доски, тупо, бесконечно на цепях плывут злые, бесчеловечные, садистические доски, пятидесятка. 25 лет — четвертная! Набат ужаса, душа обмерла в испуге, мамочки, это же вечная вечность! Ад — изнурительный физический труд. И — дрын. Не умеешь — научим, не хочешь — заставим. На сортплощадке идиот умудрился в 49-м зафитилить. Еще: «приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

В высшем смысле — непостижим подарочек. Через плечо. Врасплох. Не икалось. Какова подлянка! Хоть караул кричи. Рассказать — не поверят.

Опять слышит обескураженный, малодушный, растерянный внутренний голос: Эт твою мать совсем (язык лагеря, который все и вся ненавидят, обыкновенная феня, прямоговорение, а Ромен Роллан (и незабвенный лирический поэт, и Коля Красоткин!), поистрепанный изрядно лагерем, сделался большим матершинником, а хорошо ли это?). Перед абсурдом испытывал полную растерянность и священный ужас: он в шоке, ушам напрочь не верил. Чего-чего, но этого меньше всего ждал крайне растерявшийся, простодушный, несчастный мистик; свистящая, захлестывающая душевная метель, чад, смута в голове, ошалел, ополоумел, офонарел, немота прошибла, язык к гортани намертво прилип, позыв, нестерпим, и он не выдержал напора, описался коровой, мощнее, чем в детстве, а когда описался (пусть говорят, что все естественное не стыдно, он ощутил жгучий стыд, мочой разит, стыд насквозь прожжет душу, вся его жизнь прошла в коротеньких штанишках, какой позор!) — вернулась речь, то была чудотворная таблетка от немоты, язык сам начал правильно ворочаться, заботал, держит марку, перекривлен, пошел во всю силу, нечестиво, как буйнопомешанный, куролесить, нервный смех, непристойный, выражает революционный протест, извивается, делает какие-то подлохвостные телодвижения, беда с ним (*Не гони волну!*), сам все только усугубляет, портит, несет что ни попадя, смотреть, слышать тошно, доставляет много хлопот, огрызается подлый сучара, возмутитель спокойствия, неуместно, позорно ерепенится; раздразнил грызло, мятежно возопил — готически вверх, за пределами храбрости, дурь, срыв, летуха дает:

— Клевета! Вздор! Креста на вас нет! Чистый абсурд! Водоворот абсурда! В жизни осетрины в рот не брал. И не мечтал. Какая осетрина, голодное детство, война, послевоенные годы, Лефортовская тюрьма, лагерь, пайка! Черняшкой и то только недавно наелись! Твою мать! Со всем за мудака меня считаете? — Женька чуть не перешел на классический, сильный, испытанный, очень художественный лагерный язык: на отменную, неукрошенную, убедительную феню; вовремя одернул, обуздал себя. — Тут какая-то ошибка. Грубая. *В осаде лев*. Тут промах. Это предсказание гадалки. Экстрасенс. Шутка. Мой отец еще жив. Как я мог жениться на матери, когда сидел в лагере, в Каргопольлаге! Требую гласного суда с прениями сторон. Требую левого адвоката, квалифицированного, опытного, энергичного и бесстрашного заступника. У меня свидетели, тысячи свидетелей, весь комендантский ОЛП, тьма тьмущая!

— Ну, врать здоров. Полно чушь нести. На комендантском ОЛПе менее тысячи человек. И никогда не превышало полторы тысячи. Какие же тысячи? — тихо, спокойно вразумлял апостол; его улыбка выражала бесконечную жалость и доброту. — И к тому же это решение высшей инстанции, Чрезвычайной Комиссии.

Вздохнув:

— Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?

Мол, таково положение вещей, делать нечего, реализм, не нами придумано, все: поезд ушел.

Нам говорят, нет правды на земле./ Но правды нет и выше! Так получается. Сальери прав. В студенте, воспитанном на Ромен Роллане, опять

проснулся пылливый правдоискатель, поумнения, видать, нет как нет, не унимается здесь, на Небе, идет на крошечную, неврастеническую революцию, скандальный, истерический срыв, схлестнулся (романтизм: *с небом гордая вражда*), хоть святых выноси, запальчиво вопит, взбалмошно, неприлично кобенится, унижается до откровенного кривлянья и непрекращающихся цирковых трюков, повисает над бездной:

— Не убивал! Вообще никого не убивал. Поклеп!

— И на матери не женился? Даже в мыслях? Да ты святой, что ли? Не ты ли говорил, что полагаешь свою маму самой красивой в мире женщиной? Намерение, сам знаешь, как квалифицируется. Разве не собирался замочить Лепина? Вспомни. Мудрил. Выложился весь в подвиг. И нож мысленно точил — старательно, одушевленно, усердно; запал был, неподдельный, восторженно точил, хорошая получилась заточка (*сим победиши!*), да разве тебе пронести не воображаемую, а всамделишную заточку в зону пусть через халтурные (обленились надзиратели, потеряли бдительность), но все-таки профессиональные шмоны: тварь дрожащая, грезившая наяву, несуразный, жалкий, хилый фраер, интеллигент! Не горазд! Это у блатных — пики. Не положен тебе нож в лагере. Нет и не было у тебя возможностей убить Лепина. Не получилось. А был, был позыв к убийству, познал ты его восторг и сладость. Прелесть, страсть, предвкушение, разыгрался сильнейший аппетит к убийству, врожденная, каинова, неистовая, сумасшедшая страсть, первородная, и ты низвергся в черную дыру. Пламень неистов. Все зашкалило. И убил бы: будь на то технические возможности. А для тебя Лепин много больше чем отец родной. Это же грандиозная фигура, по гамбургскому счету — непревзойденна, уникальна, еще какая! единственная, светлая, харизматическая! Зевс-громовержец, муж рока и судьбы. Это он так сильно, полно определил лицо эпохи и дал ей свою имманентную суть, роковым образом определил ее внутреннюю драматургию, общие контуры исторического процесса, вектор настоящих и грядущих перемен: стереотип 60-х. *Назад к Ленину! К 20-м годам.* Лепин это идея, чистая идея! Власть ключей. И как вырос, всех обскакал, большой педагог! К его голосу прислушивается вся интеллигентская сливка. Все и вся исполнились роковой лепинской идеей. Сплошной Лепин. К тому же — сексуальный гигант, Геракл, только подтаскивай, племенной бык. А идея, как доподлинно известно и ясно, правит миром. Необыкновенно активен, реактивен, неугомонен, дюжий сгусток бешеной энергии, хватка, ломом подпоясан, не человек, а провокация, лезет, сверхактивен, мятежен, везде и изо всех возможных и невозможных щелей лезет, пассионарен, ввинтился в историю, стал ее и кротом, и локомотивом. Вообще — удался: специфическая и характерная дюжая совесть, результативен. Роем: *крот истории*. Везде четкий след Лепина. С его легкой руки 20-е годы вошли в большую моду. Реванш. Тайна беззакония влезла финал: и скачет гоголевской тройкой лепиниада на лепиниане. Трубит, хорошо трубит, от него все новые песни. Тут и волюнтаризм, пустозвонство, тут и преодоление культа личности, доклад Хрущева на XX съезде, развенчивающий Сталина, тут и хру-

щевский штурм православного неба, погром русской церкви, возвращение школы к совместному обучению, хроника первополосных событий (все эти явления одного порядка, одного прицела, одного подтекста и значимой символики, одной и той же энергии, энтелехиально заданной, словом — реванш большевизма; хотя мощь урагана ослабла: уже не то); имя Щербакова вычеркнуто напрочь из истории: в Москве исчез район Щербакова, ну нет как нет, как не бывало — посмертное забвение, не ушел от расплаты! восстановлен примат партии — а это так важно, принципиально! — над другими государственными структурами; ну там — всякое, мелочи, революционный театр на Таганке, Любимов, «Антимирь», *уберите Ленина с денег*, мода на Корбюзье, Мейерхольда, Маяковского, Хлебникова, поэзия Евушенко, Вознесенского, пьесы Арбузова, мода на революционный авангард (авангард — в самом широком, безбрежном, все затопляющем смысле), возрождение абстрактного искусства, пути Малевича, «Черного квадрата», Злотников, Слепян. На тогдашнем кратком периоде русской истории Лепин видится нами, как положительная, маститая фигура. В его ретроградстве нелегко узреть попустительство Промысла, смысл и блеск которого станет очевиден со временем. Так-то. Все — гениально, во Славу Божию, что бы там ни говорил Шафаревич со своей теорией малого народа!

Длинноволосый (в своем истинном виде он всегда длинноволос и сивоволос) протак, любомудр с высшими устремлениями и истовый мистик плохо петрит, неразвит, темен, предрасположен к ересям, туп от природы. Что это за светлые явления, Злотников, Слепян? Уперт: издал до неприличия похожий на навсегда и совсем пропавшего зайца крик, само собой вывихнулось, выплеснулось:

— Да как вы можете? Издевательство! Не убивал. Не женился. Вот те Крест.

Надрывающая душу сцена: Женька, как маленький, распустил сочные, густые нюни. Фи, слезы и сопли: соплизм. Апостол тихо и с большой любовью увещевает, предлагает честно внять Правде, старался перебудить и хотя бы немного утешить, успокоить, следует что-то вроде заговорщического еле заметного подмигивания, мол, все, что ты слышишь, не совсем серьезно:

— Трудно только первые десять лет, а потом человек привыкает. А у нас, милый, никакой резины, у нас принципиально иной хронотоп: нет профанного и субъективного времени (Бергсон: *длительность*). Миг (*Грядущего скоро!* — Апок. 22: 20), моргнуть не успеешь, глянь — труба Архангела, Апокалипсиса, а за ней и Страшный Суд. А что могли бы сказать твои лагерные свидетели? Шевели мозгами. Предсказания более истинны, чем твоя жизнь, главная идея оказалась не воплощена, точнее — ее воплощение несовершенно и мнимо. У нас промашки быть не должно. Обсуждать тут нечего. Предсказания истинны в самом высшем, платоновском смысле. Ведь тонкие корни платонизма идут до Неба. И если предсказания не сбылись, тем хуже. Это еще не значит, что они ложны. Они более истинны, чем пошлая реальность. Они, повторяю, невыполнены,

недовоплощены. Предсказания всегда истинны, только они истинны, являют собою полную онтологическую достоверность.

— Но я не знал, — горько заскулил, потом безудержно заголосил жалкий, русоголовый кутенок; сохранилась детскость: за соломинку упрямо цепляется потерянный, раздавленный Женька — последний шанс, не упустит; полон безысходной паники; его начинает сильно бить озноб, зуб на зуб не попадает; тупик, безнадежный панический тупик, отчаяние, слезы. Опять сопли. За что? За что? Mamochka-mama!

Слышит:

— Незнанием правила или закона — не оправдываются.

Женьке сдуру и по темноте почудилось, что сие крепкое, зубодробительное изречение заимствовано из римского права, продолжает уповать, со слезами в голосе умоляет о пощаде, горазд, опять недостойно, позорно, неэтично, некрасиво изворачивается (внутренний голос на сей раз остерегает: — Уймись, дурак, не ищи авантюры на хобот, завязывай и ту же, дурака не валяй: не наступай на грабли. Укротись! Заткнись!), несет его, заносит, ударился в высокоумие, попытка справедливости, попытка правды: своей; брыкнулся, опять конвульсивные, пошловатые, подловатые телодвижения, шамальнул, выковыряв из толщи мозга, отдавшего своевременный приказ о смерти:

— Эта формула отражает волчьи нравы рабовладельческого общества, которое чуждо заветам и высоким принципам Евангелия.

Услышал слабоумный, растерявшийся раззява очередной рикшет:

— И не придумывай. Да и ад создан Великой Любовью.

Лицо, улыбка апостола Петра выражали бесконечную доброту, он растерянно развел руками, не знал, как укротить, как сделать успокоение и утешение этому жалкому юнцу, явно тянул резину: ну — трудный случай, безнадега; тяжело, устало вздохнул, щелкнул двумя пальцами, крикнул куда-то кому-то:

— Даю!

Баста. Как бы сказал Маяковский — *инцидент исчерчен*. Все конечно и никаких скоморошеств и чудачеств. Непутевый коровеглазый Женька откуда-то сверзился, куда-то проваливается. Куда-то с нарастающей скоростью, вихря сверкающий Эфир, падает. Господи помилуй и прости, умирает окончательно и бесповоротно зайчик наш, кранты, последнее, что слышит он, это голос Николая Павловича Грибова, те же мягкие, утешающие интонации, что и у апостола Петра: — *Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века*. Утихающий, проходящий, исчезающий озноб души, утихающая, стихающая, исчезающая боль, а боль является экзистенцией, ипостась ипостаси бытия, она порождает длительность, время. Перед протухшим героем — зияющее, умножающееся небытие, оно — состоялось, низринулся, хлещет вниз, поминай как звали, а ведь звали Женькой, мы с разрешения начальства обмыли его, бирка к ноге, а то на пятке чернильным карандашом, вырви глаз, написали номер. Черная жуткая рапира времени преломлена о колено, п.здец, буддисткой Нирваной оборваны страхи, боль, накрылось кое-чем субъ-

ективное время, испарилось или там ушло в песок, отчалил и поплыл счастливо в вечность ногами вперед в лагерной телогрейке 1-го срока, оставив начальничку, гражданину лейтенанту Кошелеву, около года честного срока, чуть даже меньше...

(через какие-нибудь 7 месяцев открылись бы двери проклятой Лубянки: реабилитирована группа Кузьмы, и он побежал бы к истерзанной, измученной его горькой судьбой маме, а дальше (опять-таки от большого ума и великого перемудра) снова пошел бы расстраивать маму, опять пробудился бы в нем увлеченный и неукротимый правдоискатель, а ведь его правда никому не нужна! Правда и справедливость вообще никому не нужны, да и кто такую чушь придумал, что воля к правде таится в сердце каждого здорового человека? Брехня! Разум, как у хищников клыки, когти, как бивни слона, не инструмент поиска Истины, а дан для выжигания, для приспособления к окружающей подлой, деспотической действительности)

...летит вниз под действием властной, неодолимой силы — все вниз; что ни на есть на свете порывается сигать вверх, но у всего, брэнного, один конец, по ту сторону принципа удовольствия, ничего уже не нужно, следует грозное, неодолимое и самопроизвольное влечение вниз, ногами вперед, сыра-земля, все в нее устремляется, из глины и праха вышли...

(И образовал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в ноздри дыхание жизни, и стал человек живым существом. — Быт 2:7)

...и вернемся в землю...

(Возвратишься в землю, из нее ты взят, ибо ты прах и в прах возвратишься. — Быт 3:19)

...ляжем все в нее...

(откуда-то явилось и очень распространено мнение, что человек вылеплен из превосходной красной глины, возможно, все потому, что в Израиле есть редчайший, исключительный краснозем, и эта красная земля, говорят, обладает особыми и интересными лечебными свойствами, лечит ревматизм, артроз, артрит, а также великолепными моющими качествами)

...смерть — пламенное, сверкающее, слепящее, актуализированное небытие! — универсальна, царит и царствует повсюду, развенчивая, унижая самонадеянный, самовлюбленный Космос.

Поминки по Васеву, друзья-однодельцы помянули, одним цветком земля беднее стала, нам его, безумного, зачумленного лопуха с внезапными озарениями, наваждениями, мистикой очень не хватает, общий плач, надгробное стенание по Женьке: *со святыми упокой*. Смерть как бы литературно завершила эту молодую жизнь, полную перекосов и вывихов. Как поэт он состоялся. Приходится до сих пор удивляться прозорливости, пророческой глубине его любовных, эмоционально взвинченных, огненных псалмов.

1952–2003 (повесть начата еще в лагере; старое название: «Эдип»)

ИЮЛЬ

* * *

А летний мир всё краше, краше,
И я пила из этой чаши
И допила почти до дна...
Крылами в небе птица машет...
На что я, Господи, годна?
На то лишь, чтоб за строчкой строчку
Тянуть, боясь поставить точку
И связь с Тобой навек прервать?
Прошу о малом: дай отсрочку,
Коль можешь Ты хоть что-то дать.

* * *

Цвела крапива жёлтым цветом,
И было это ранним летом,
И только начинался пир.
Шёл карапуз с большим букетом
И познавал окрестный мир.
И познавал он мир окрестный,
Такой земной, такой небесный,
Непознаваемый такой.
На землю падал луч отвесный,
И на земле царил покой.
Во всяком случае, казалось,
Что он царит. Щеки касалась
Слегка увядшая сирень,
И я жила, верней, спасалась
От всех печалей в этот день.

**Лариса
МИЛЛЕР**

— родилась в Москве. Окончила Государственный институт иностранных языков. Автор книг «Безымянный день», «Земля и дом», «Стихи и проза», «Стихи о стихах», «Сплошные праздники», «Заметки, записи, штрихи», «Между облаком и ямой», «Мотив. К себе от себя», «Где хорошо? Повсюду и нигде» и др. Живет в Москве.

* * *

Сядем на завалинку. Будем толковать.
А кукушка в рощице будет куковать.
С шорохом и шелестом дождик моросит,
Облако белёсое над землёй висит.
Сядем на завалинку. Некуда спешить.
Можно очень медленно днём июньским жить.

* * *

Сирень замешкалась. Она
Ещё не отцвела.
Сирени влажная стена
Сиренева, бела.

Бела, сиренева. В росе
И листья и цветы.
День долог в средней полосе.
Я счастлива. А ты?

Давай помешкаем с тобой.
Нам некуда спешить.
Под этой сенью голубой
Давай неспешно жить.

И под сиреневым кустом,
В его густой тени
Давай подумаем о том,
Что бесконечны дни.

* * *

Эта влажная ветка в открытом окне,
Под окном моим маки горят, как в огне.
Под окном моим алые маки горят..
О сплошных пустыках на земле говорят.
Ну а жизнь так мала, безнадёжно мала,
Вот уже прозвучало не «есть», а «была».
Всё в мгновение ока промчалось, прошло,
А остаток пылающим маком прожгло.

* * *

На стеблях зелёных алеют цветки,
И дни недождливые нынче редки,
И солнечный лучик неяркий и редок.
О жизнь, не скупись и погрей напоследок.

Зачем я прощаюсь? Ещё не пора.
Ещё меня держит земля, что сыра,
Ещё меня носит по белому свету,
Ещё обращаюсь к текущему лету,
Ещё поднимаю с земли лепесток,
Который алеет, как утром восток.

* * *

Что надо, чтобы жить?
Совсем немного надо:
В июльский день кружить
По тихим тропам сада.

Здесь на краю села
Весь день белеть жасмину...
Я век свой прожила,
А лета — половину.

Лучи, что день принёс,
На радость нам даются,
И нет причин для слёз,
А слёзы льются, льются.

А дело было летом, летом,
Лучами жаркими согретом
В июле праздном и цветном,
И дом украшен был букетом.
Цвели пионы под окном.
Верней, пионы отцветали,
Повсюду лепестки летали,
Огромный шмель жужжал в тиши,
И были все эти детали
И праздничны и хороши.
Я написала: «Дело было»,
Но дела не было, и плыло
Далёко облако одно,
В корытце мама Лушу мыла,
Как было сказано давно.

Корытце нынче надувное,
А время жаркое, дневное,
И лейка в маминых руках...
Пытаюсь царствие земное
Восславить в двадцати строках.

* * *

Бабочка да стрекоза,
Да росинка, как слеза —
Чистая, прозрачная,
Сверху неба бирюза —
Обстановка дачная.
Двадцать дней пробуду тут,
А потом — конец, капут,
Дело-то сезонное.
Вот схожу ещё на пруд,
Посижу там, сонная.
Ну а может, не пойду.
Что мне делать на пруду?
Там водичка грязная.
Посижу в своём саду
Тихая да праздная.
Лето — праздник, лето — жар.
Лето — это Божий дар.
Ну продлись маленечко,
Пусть оранжевый твой шар
Мне погрееет темечко.

ДЖАГА

Костылины и Колдуновы: хроники и семь разговоров

1. Июль — декабрь 1931. Рухнул сразу. Июль 1927. Декларация

Большие события грянули летом, в июле, когда Москва, окутанная маревом зноя, млела от жары, исходила гнетущей истомой, а затем вскипала грозами, шумела, дымилась, озарялась всполохами молний, содрогалась от гулких раскатов грома и снова затихала, словно проваливаясь в обморочное забытие. Душно! Нехорошо! Тревожно!

И оказалось, неспроста тревожились: сбылось предчувствие.

От своих бывших соседей Тихомировых, которые по-прежнему жили на Остоженке, неподалеку от Ильи Обыденного, где служил отец Нектарий Тихомиров, Костылины узнали, что храм Христа Спасителя будут взрывать, а на его месте возводить капище Молоха — Дворец советов, увенчанный гигантской статуей Ленина. Затем они прочли об этом заметку в газете, где навязчиво проводилась мысль о том, что для передовой части русской интеллигенции Храм давно уже превратился в ненавистный символ церковного официоза, застывшего византизма, окостеневшего в своих догматах православия, верного пособника царского режима. Словом, ужю тебе! К тому же, помпезный и вычурный, архитектурной ценности он не представляет, и поэтому жалеть его нечего, пора заменить новым символом, — символом пролетарского освобождения, торжества разума и науки.

Наука обессмертит, воздаст и спасет. И первым среди мертвых воскреснет Ильич в Мавзолее (поэтому-то его и не хоронят). Верьте!

На рисунке этот новый символ спасения и освобождения был изображен во всей красе: дворец, как Вавилонская башня, попирает само небо и бросал вызов Богу, а под его сводами разгуливали освобожденные пролетарии со счастливыми лицами и просветленными взорами.

**Леонид
БЕЖИН**

— родился в 1949 году в Москве, окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. Работал в Музее искусства народов Востока, был главным редактором издательства «Столица». В настоящее время — ректор Института журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). Автор книг прозы «Метро “Тургеневская”», «Гуманитарный бум», «Ангел Варенька», «Тыквенное общество», а также публикаций в журналах «Москва» (повесть «Воспоминания старых москвичей»), «Новый мир» (роман «Калоши счастья», повесть «Благословенный, или Усыпальница без праха»). Живет в Москве.

Вот так-то, ваше боголюбие! Отец Серафим Саровский не зря про-
рочествовал и сестры дивеевские в колокола звонили: правда на небо
ушла. Нет ее больше с нами, правды-то! Кончилась! И юродивый на
Якиманке не зря гундосил, что придет Джага, бич Божий, и несдобро-
вать тогда толстозадым попам и надушенным архиереям, надменно вос-
седающим в своих каретах, поскольку для Всевышнего на это время
атеизм, быть может, станет милее и желаннее их куцей веры.

Прочитали заметку, переглянулись, перекрестились, и сердце заны-
ло — поехали взглянуть. Поехали и увидели, что Храм обнесли забором,
возвели вокруг леса, снимают рельефы со стен, позолоту с куполов: кипит
работа. Заарканили и попытались сбросить крест, а он застрял в арма-
туре главного купола.

Крест — в арматуре!

Увидели все это и оторопели: явился Джага! Месяца через три те
же Тихомировы, с которыми обменивались открытками по двенадеса-
тым праздникам, сообщили, что закладывают в шурфы динамит. А в
начале декабря, когда ударили морозы, свершилось, взорвали, рухнул сразу,
осел и в прах рассыпался: хорошие взрывники попались.

Костылиным, отцу Николаю и матушке Галине, не сразу удалось снова
выбраться в центр, чтобы взглянуть на все собственными глазами: хва-
тало и других скорбей и забот. А когда все-таки выбрались, то сами же
и пожалели об этом: лучше было не смотреть на груды щебня и кирпи-
ча, обозначившую место, с которым связана половина жизни. Сколько
служб и молебнов отслужил отец Николай в этом Храме, сколько слав-
ных юбилеев отметил — и столетие Отечественной войны, и трехсотле-
тие дома Романовых, и открытие памятников Александру III и Гоголю!
А сколько отпел, обвенчал, причастил! И вот смотри теперь, как раз-
гребают мусор, грузят в полуторки и увозят на свалку.

Правда, закрадывалась, — невольно закрадывалась мысль: а какой
Храм рухнул-то? Ты помозгуй, отец Николай, пораскинь умом, покуме-
кай. Обновленческий! Да, обновленческий, оскверненный, извергнувший
из сана патриарха Тихона, поэтому не знак ли это карающей десницы,
суда Божьего над нечестивцами, заправилами, зачинщиками смуты цер-
ковной, Антонином, Краснецким и Введенским?!

На этот вопрос отец Николай не ведал, что ответить: кто он, чтобы
возглашать Божьи суды! Но мысль закрадывалась, свербил, и хотелось
ему уличающий перст поднять: знак, знак!

Хотя становилось ли от этого легче? Вряд ли... Все-таки полжизни...
Сроднился он, душою сросся с этим Храмом, его куполами, парусами, при-
делами. Особенно дорог ему, понятное дело, придел Николая Чудотворца,
его небесного покровителя, и икона его в трапезе, на южной стене, ближе
к алтарю: как посмотришь на нее, так сердце усладится, взыграет, в любви
изойдет... И вот уж больше-то и не посмотришь, отлюбило сердце.

С этих пор они чувствовали себя на Остоженке совсем чужими. Быв-
ших соседей Тихомировых, к которым раньше забегали на чашку чая,
тоже выселили, и они разделили судьбу самих Костылиных. Костылин-

ская же судьба известная: после того как храм Христа Спасителя захватили обновленцы, началась история их кочевий по Москве и они несколько раз меняли приходы, пока не поселились на Лосином Острове, в сторожке возле маленького храма, разграбленного во время голода в Поволжье и конфискации церковных ценностей. Разграбленного до какой-то сиротской неприкаянности: ни копия, ни лжицы в алтаре не оставили. И из всех икон деисусного чина один лишь Иоанн Предтеча руки к Распятому простирает, а икону с Распатым сняли и унесли — только дыры от крепежных болтов в стене зияют.

И натоптали, как на скотном дворе, — матушка Галина целый день спину гнула, полы отмывала.

Поэтому чего удивляться, что сторожка оказалась особенно несчастливой: Джага он и есть Джага! В своем закуте, за ситцевой занавеской, повесился тихий дядя Ваня, брат тети Таты, который когда-то был священником в белой армии, чудом спасся от красных, натерпелся, навидался, насмотрелся всякого. Оторопь брала от увиденного: как лютует зверь! Потому и помутился у него рассудок — с тех пор он лишь целыми днями курил в постели и разговаривал сам с собой.

И вот повесился, руки на себя наложил, сам священник и в доме священника, неподалеку от церкви! Повесился во всем облачении, с крестом на груди — знамение Апокалипсиса! Теперь жди блудницу вавилонскую верхом на звере!

Все это случилось в июле двадцать седьмого, сразу после выхода декларации Сергия. Тогда же начали вызывать на допросы Николая Глебовича, главу семейства Костылиных, — долгие, изнурительные допросы, после которых он возвращался поникший, сторбившийся и все придерживал на носу очки словно бы в страхе, что его ударят в лицо, а очки упадут и разобьются. Отец Николай стал сдавать, жаловаться на сердце и во время службы часто уходил в алтарь, чтобы принять лекарство и посидеть немного перед маленькой иконой Пантелеймона, всегда приносившей ему облегчение.

Да и матушка Галина испытывала постоянные недомогания, если не физические (слава богу, на здоровье не жаловалась), то душевные, а это было еще хуже. Физические недуги и хвори она умела переносить, но душевные недомогания делали ее совершенно беспомощной, и, словно человек, который боится утонуть в омуте, она тащила за собой тех, кто пытался ее спасти.

2. 1917–1922. Родилось обновленчество.

Июль 1927 — декабрь 1931. Вот как заговорили!

Больше всего матушка Галина страдала, тужила, печалилась из-за мужа.

Отец Николай сразу, еще во времена Московского Собора, сделал свой выбор: анафема большевикам. Сам патриарх Тихон тогда призвал: «Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо обще-

ние». Собор одобрил анафему патриарха, и по городу, на воротах храмов и столбах церковной ограды, была расклеена листовка: «Не губите же душ ваших, прекратите общение с сатанинскими слугами — большевиками. Родители, если дети ваши — большевики, требуйте властно, чтобы отреклись они от заблуждений своих, чтобы принесли покаяние в вечном грехе, а если не послушают вас, отрекитесь от них. Жены, если мужья ваши — большевики и упорствуют в служении сатане, уйдите от мужей ваших, спасите себя и детей от заразы, губящей душу. Не может быть у православного христианина общения с слугами дьявола... Покайтесь, горячей молитвой призовите помощь Господа Сил и отряхните с себя «руку чужих» — истонных врагов веры Христовой, объявивших себя самозванно «народной властью». И если вы не слушаете Церкви, будете не сынами ее, а участниками жестокого дела, сатанинского, творимого явными и тайными врагами Христовой истины... Дерзайте! Не меддите! Не губите души своей, не предавайте ее дьяволу и его приспешникам».

Отец Николай принес эту листовку домой, показал матушке и прошептал горячим шепотом: «Вот!» Прошептал так, словно в типографских буквах, оттиснутых на серой бумаге, запечатлелся — ни больше ни меньше! — глас Божий, прогремевший с небес. Как же он мог после этого относиться к обновлениям, «Живой церкви» и прочим либералам, которые засасюкали на разные лады: большевики, не веруя, творят то благое и светлое, что они, верующие, творить не могут?! Не могут, потому как немощны и слабы, в чем и готовы расписаться?! Засасюкали и стали ластиться, егозить, заискивать, выпрашивать подачку.

И получили! И получили! И журналы, и свои приходы — все получили! Патриарх-то был под домашним арестом, а они, явившись к нему в Троицкое подворье, подсунули заранее состряпанную бумагу и возопили, взмолились: наложите высочайшую резолюцию, дабы не скапливались не разобранные запросы и прошения, дабы чинно и благопристойно управлять нам делами вашей канцелярии. Патриарх в верхнем углу бумаги начертал распоряжение, поручил им канцелярию, — поручил до прибытия епископа Агафангела, назначенного законным местоблюстителем, а они раздули, переиначили и изобразили все так, будто они теперь высшая власть.

И родилось обновление: сначала «Живая церковь», затем «Церковное возрождение», затем «Союз общин Древле-Апостольской церкви». А во главе вожди, и какие вожди! Витии!

Вот по-украински певуче соловьем выводит свои рулады протоиерей Красницкий, крепкий, осанистый, со слегка курносым лицом. Вот чарует, гипнотизирует, завораживает публику своим красноречием Александр Иванович Введенский, длинный, тощий, несуразный, весь какой-то развинченный, с нервно подергивающимся лицом, остренькой бородкой и черными невыбритыми квадратиками вместо усов. А вот мечет громы и молнии епископ Антонин, гренадерского роста, с развевающейся на ветру широкой седой бородой, в черной грубой монашеской рясе, клобуке, похожий то ли на Петра Великого, то ли на древнего пророка.

А какие лозунги! Какие призывы! Реформировать церковь, покончить с засильем черного духовенства! Вместо каноничной молитвы — сердечное возгласие, исповедание, воззвание к Богу, вместо застывших обрядов — духовный экстаз.

Отец Николай отворачивался ото всей этой трескотни и шумихи, затыкал уши: увольте, мы уж как-нибудь без сердечных воззваний и экстазов. Так он в душе отвечал обновленцам, — отвечал и со смущением ловил себе на мысли: «Да что ж это я, голова садовая?! Без экстазов... гм...»

То-то и оно, что отвыкли они от экстазов. Забыли, что это такое. А ведь Сергей Радонежский однажды после причастия воскликнул, отшатнувшись от ученика: «Отойди от меня, оставь одного, потому что я опьянел от Христа». И отец Иоанн Кронштадтский чудно изменялся за литургией. После пресуществления даров он в духовном восторге рукоплескал перед престолом. А мы трезвы. Не изменяемся. Не рукоплескаем.

Так, может быть, обновленчество в наказание нам за то, что Иисусову молитву забыли и имяславцев афонских осудили?! Да, как-то стало принято у батюшек высокомерно недоумевать, даже подсмеиваться над теми, кто призывал постоянно творить ее, коротенькую Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». А ведь старцев она преображала, эта молитва, чудеса ею творили.

Ан нет... не по нам.

Монахи же афонские вместо Иисусовой молитвы повторяли и славили Имя Божье, полагая, что Бог присутствует в своем имени, и так же, как старцы, преображались, возносились, парили. А Синод их за это к ногтю прижал, насильственным путем выдворил с Афона и расселил по разным российским монастырям.

Не хотели афонских экстазов — вот вам экстаз обновленческий. Решайте теперь, какой лучше...

Так рассуждал отец Николай, выражая свое частичное несогласие с теми, с кем он был заодно в главном, — в верности церкви. С Антонином, Красницким, Введенским (читал его статью об Иоанне Кронштадтском) он, может быть, в чем-то и согласен, но с ними не заодно, а — врозь! Врозь прежде всего потому, что по их доносам сослали, сгноили в лагерях и тюрьмах многих священников-тихоновцев, что на них кровь петроградского митрополита Вениамина, осужденного по их лживым свидетельствам, а затем расстрелянного. Поэтому пусть они все получили — и журналы, и приходы, одного им не видать — совестливого залога, согласия, уступки отца Николая и тех верных, которые до конца будут с ним.

Да, до конца — пусть даже мученического, — претерпим!

3. 1923–1925. Освобождение патриарха

Однако не все так гладко складывалось у обновленцев.

Когда патриарха из Троицкого подворья перевели в Лубянскую тюрьму, они уже было поставили на нем крест, уверенные в том, что он обречен и теперь ему не выкарабкаться, не вывернуться, не избежать

суда. Суд над патриархом — для обновленцев это было бы поводом если не для громогласного триумфа, то для скрытого, елеем обволакивающего душу торжества, ведь они еще раньше его осудили своим церковным судом. Осудили за анафему большевикам, сопротивление изъятию церковных ценностей и прочие тяжкие грехи, поэтому им можно было и не проявлять излишнего усердия перед властями, подготавливая общественное мнение к будущему судебному процессу. Антонин Грановский так и написал в «Правде»: «Снявши голову по волосам не плачут». Осудивши б. патриарха Тихона, обновленческая церковь всякую агитацию за или против осуждения Тихона тем самым сделала излишней».

Отца Николая, читавшего это письмо в «Правду», особенно поразила в нем буква «б» — бывшего патриарха Тихона. Да, бывшего патриарха Тихона! Для них он уже бывший! Да и многие в те дни считали, что участь Тихона уже решена, что он уже покойник, во всех смыслах бывший, ведь из Лубянки так просто не выпускают. Но один святой человек в Москве сказал, когда друзья пришли навестить его, больного, и поздравить с именинами: «Я скоро умру, но в день моих похорон будет величайшая радость для церкви». Все подивились, но смысла сказанного никто не уразумел. Эти слова облетели церковную Москву через четыре месяца, когда освободили патриарха и в этот же день был похоронен исполненный благодати прозорливец — отец Алексей Мечев. Патриарх отслужил панихиду на могиле святого, бросил на гроб горсть земли и простился с его прахом.

Да, святое слово — вещее. Сбылось! Патриарх вернулся. Вот она, радость!

Отец Николай вместе с толпой верующих встречал патриарха в Донском монастыре, и ему не забыть охватившее всех чувство благоговейного восторга и ликования. Нет, мало сказать ликования — тут было что-то большее, никем не предугаданное, не предусмотренное и почти чудесное, словно иерихонский голубь вдруг соткался из голубизны июньского неба. Отец Николай явно ощутил сопричастность какой-то благодатной волне и, может быть, впервые в жизни почувствовал себя близким к просветленному экстазу. После всех смут и брожений, сотрясавших церковь, он мог с твердой уверенностью сказать в те минуты: «Бог с народом и патриархом». Да, вот он, любимый всеми Тихон в патриаршьем куколе и шелковой рясе, с драгоценной панагией на груди! Правда, на ногах почему-то калоши без сапог. Но все равно — и в калошах — патриарх!

Затем начались публичные покаяния тех, кто во времена заточения патриарха не выдержал, дрогнул, примкнул к обновленцам, и среди кающихся был митрополит Сергей. В простой монашеской рясе, черной скуфейке, без каких-либо регалий, он смиренно встал на левый клирос с монахами, а после причастного стиха опустился на колени и прочел акт своего отречения от обновленческого раскола. Затем поднялся на ноги, подошел к Тихону и поклонился ему до земли. Патриарх обнял его, ласково тронул за окладистую густую бороду и сказал: «Ну, пускай другие

отходят, тебе-то как не стыдно отходить от церкви и от меня». Они троекратно облобызались, и Тихон надел на него крест и панагию. Иподиаконы накинули на плечи прощенного владыки архиерейскую мантию. Архиепископ Иларион подал ему на блюде белый клобук.

Так описывали эту сцену те, кто был свидетелем покаяния митрополита Сергия, и отец Николай, слушая, кивал головой и шевелил губами так, будто что-то заставляло его повторять за рассказчиком каждое слово. Для него это было не торжеством, а триумфом, и кающийся митрополит казался зримым символом поверженного во прах обновленчества.

Но знал бы он тогда, кому какие уготованы судьбы и как обернутся события.

В апреле двадцать пятого патриарха не стало: он умер в частной лечебнице Бакунина на Остоженке, неподалеку от бывшего дома Костылиных, и всякие по Москве ходили слухи об этой смерти. Поговаривали, что отравили Тихона по негласному указу ОГПУ: слишком мешал он, слишком был неудобен. После своего освобождения патриарх признал советскую власть, но лебезить, заискивать перед ней, уподобляясь обновленцам, не стал и о смерти Ленина отозвался более чем сдержанно и сухо. В письме, адресованном газете «Известия», он написал: «Прошу через вашу газету выразить мое соболезнование Правительству Союза Советских Республик по поводу тяжелой утраты, понесенной в лице скончавшегося Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянова (Ленина)». И все! Разве сравнишь это со слезливыми воплями обновленцев об утрате великого освободителя русского народа от векового насилия, страдальца за угнетенных, борца за счастливое будущее! Поэтому неудобен, неудобен был патриарх — вот ему и помогли умереть через год с небольшим после В.И. Ульянова (Ленина), и эти две смерти стали знаменiem времен, таинственным знаком Божьего промысла: что-то кончилось и что-то теперь будет?

А случилось так: в своем завещании патриарх назначил себе трех местоблюстителей — Кирилла, Агафангела и Петра, но в конечном счете ни один из них не вступил в свои права, все оказались в тюрьме или ссылке, и поэтому власть досталась Сергию, заместителю Петра. Разумеется, от Сергия ждали... ждали, за кем он пойдет в признании власти большевиков, за Тихоном или обновленцами. Будет сдержан и сух или станет лебезить и заискивать.

И вот Сергей присягнул... присягнул так, что отец Николай, тоже ждавший от него выбора, вдруг увидел все в совсем ином — зловещем, сумеречном, — свете. Прочитав декларацию, он снова сказал: «Вот!» — но сказал так, словно не Божий, а чей-то иной голос запечатлелся в типографских строчках. Иной, неведомый, неразличимый слухом, а внятный обреченному сознанию того, что все гибнет, рушится, рассыпается в прах! Чья-то могущественная, непреклонная воля сначала вынудила патриарха Тихона отказаться от своей анафемы, а затем заставила митрополита Сергия написать: «Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радос-

ти и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас».

Вот как заговорили: ваше — наше! И те, кто метят в вас, попадают в нас! Но ведь Коверда на Варшавском вокзале стрелял в советского посла Войкова (и не из-за угла, а в упор), одного из участников кровавой расправы над царем и его семьей! Стрелял, совершая акт возмездия! И получается, что Сергей осуждает мщение за царя-мученика и жалеет о гибели цареубийцы!

Вот и разумеи, чья тут воля, чье копыто тут наследило и чьи тут маячат рога! А ну-ка, куда нас выведет рифма: рога — Джага! Вывела!

Декларацию Сергея с ее умильными славословиями в адрес советских властей отец Николай отверг, — отверг со всем подобающим достоинством христианина, не желающего вставать под сатанинские знамена. Для него это было делом совести, делом чести, но он не учел одного: отказ признать декларацию рассматривался ОГПУ как выражение гражданского неповиновения властям. На первом допросе отца Николая спросили, как он относится к декларации, и он спокойно ответил. Ответил и вдруг всей кожей почувствовал: сейчас... Сейчас превеличенно серьезный, глуповато уверенный в себе следователь с пшеничным отливом волос, голубыми глазами и ухватками крестьянского паренька поднимет трубку, вызовет конвой, его уведут в эти самые двери, и он сгинет, обратно уже не выйдет.

Но почему-то его отпустили, затем вызвали снова и снова спросили. Отец Николай хотел повторить свой ответ, но вдруг поперхнулся, закашлялся, и пшенично-голубоглазый следователь брезгливо налил ему из пыльного графина воды. «Так как же? Поддерживаете декларацию?» — следователь протягивал ему стакан, склоняя набок голову и пытаясь что-то уловить, высмотреть в нем своим цепким, буравящим взглядом, а отец Николай не решался этот стакан взять, пока не кончится кашель, словно оказываемая ему услуга обязывала его ответить: «Да».

Следователь поставил стакан на стол так, как будто этот жест освобождал отца Николая от каких-либо обязательств. Тогда он, закрыв глаза, выпил воды, и тут у него возникло видение и из воздуха соткалось: рушится Храм. Он так явственно это увидел, что невольно вздрогнул и отшатнулся. Да, да, украшенный мрамором, с золоченым куполом, увенчанным крестом, рушится, оседает, рассыпается в прах. И отец Николай ответил: «Нет!» Ответил, а Храм все равно рухнул.

И рухнула вся их жизнь...

4. Февраль 1917 — март 1925. Обкуренный и окрыленный

Рухнул Храм, рухнула жизнь — вот и настало время им пострадать. И матушка Галина страдала, тужила, печалилась и из-за мужа, и из-за детей, белокурого несмышлениша Стасика и смуглой, молчаливой, зага-

дочной Наташи — Нэды, как ее называли в семье, хотя и поповской, но позволявшей себе прозвища, словечки и всякие милые глупости. Когда вслед за февральской смутой пришла октябрьская и началось брожение в церкви, белокурый несмышлениш ударился в обновленчество: лишь только позвонят от Красницкого или Введенского, картуз на голову и — бегом. Да и как же иначе, ведь он и на религиозно-философских собраниях бывал, и Бердяева слушал, и однажды провожал до дома самого Мережковского, совершавшего после собрания свой вечерний моцион! Иными словами, он был напичкан, нашпигован этими идеями, как бараний бок чесноком, и его аж распирало от восторга, когда он повторял: «Да, да, нужна живая церковь. Нужно вернуться к апостольским временам!»

Отец ему на это отвечал: живое ищи не в реформе, а в молитве. Реформа сейчас на руку большевикам, Ленину и Луначарскому, которые хотят расколоть церковь, ослабить и уничтожить. Но куда там! Стасик и слушать не хотел. Отец ему теперь не указ. Ему подавай другие авторитеты. Году в двадцатом он и познакомился с Зинаидой. Сухопарая блондинка с осиной талией и узкими прямоугольными стеклышками очков заворожила его, и Стасик стал бывать у Колдуновых, — бывать, пропадать, засиживаться и возвращаться заполночь.

Обкуренный и окрыленный, он и в дом приносил что-то колдуновское. Матушке Галине казалось, что в пространство их комнат с образами и лампадками вдвигалась откуда-то оклеенная голубыми обоями гостиная, горка с хрусталем, овальный обеденный стол под низко опущенным абажуром. И она слышала скрип тугой обшивки кресел, журчание кипятка, наливаемого в чайник из самовара, звяканье ложек в стаканах, чье-то покашливание и голоса, голоса, голоса.

Что его к ним влекло? Если семейство Костылиных было поповское, то Колдуновых — профессорское, хотя кто-то у них и носил рясу, но сколько они обили порогов архиерейских, пока добились сана! К каким только уловкам ни прибегали, и так и сяк старались исхитриться, вывернуться, слишком уж хотелось облачиться в поповскую мантию! В Москве их отовсюду гоняли, поэтому ухитрились где-то в Сызрани или Саратове...

Зачем им это, профессорам-то? Мало им университета — к церкви норочей поближе. При этом не столько служат, псалтырь читают, поклоны кладут, сколько разглагольствуют! Умничают! Протестанствуют! И царит за столом, хмелея от своего красноречия, Александр Иванович Введенский, частый гость у Колдуновых, можно сказать друг дома, кумир, идол. Царит за столом, а затем садится за рояль и, касаясь педали носком модной белой туфли, играет Шопена и Листа. Играет и снова проповедует — о вере, о новой церкви, о Третьем Завете или о чем там еще!..

У матушки Галины дед был англиканец и по отчеству она — Ричардовна, но ее этим всем не удивишь, не купишь, Стасику же захотелось, одолел соблазн, а главное, — влюбился в Зинаиду. Влюбился по-костылински, — иными словами, до озноба, до лихорадки. И вот вам роман: он из семейства тихоновцев, а она — обновленцев! Монтекки и

Капулетти! И меж ними Александр Иванович Введенский реет, как живая хоругвь, как обновленческий стяг.

Пять лет продолжался их роман, мучительный, страстный, суеверный для Стасика, — роман с разрывами, примирениями, слезами и исповеданиями. Исповедовался, разумеется, Стасик. И исповедовался главным образом в том, что ревновал Зинаиду к Введенскому. Она же дразнила его тем, что насмешливо давала к этому повод — в отместку за его упорное непонимание того, что к такому человеку ревновать нельзя, смешно, нелепо, глупо. В конце концов Александр Иванович покровительственно обнял их обоих, поцеловал в лоб и сказал, что им надо венчаться, а Стасику рукополагаться.

Как вспыхнули, засияли у него глаза! Это же была его мечта — рукоположиться у Введенского. От радости он забыл обо всех своих ревнивых подозрениях: лишь бы свершилось, сбылось, не сорвалось!

И Александр Иванович венчал их в Храме Христа Спасителя, приделе Александра Невского, своего небесного покровителя. Был март двадцать пятого, в окна Храма слепило, зыбило, переливалось, дробилось на множество золотых осколков весеннее солнце, и Колдуновы тесным кольцом окружали молодоженов, а отец Николай и матушка Галина стояли в сторонке, испуганные, притихшие и... втайне счастливые и умиленные.

Как ни сторонятся они Колдуновых, как ни стараются повернуться боком, все-таки сыночек, родная кровь, хотя и подался в передовые, раскрепощенные. И Колдуновы для них теперь — родственники, поэтому — хочешь не хочешь, — принимай от них поздравления, жми руки, улыбайся, дружи. Дружи — вот причуда, вот парадокс-то! — хоть не церквями, а домами. Дружи и терпи. Свою муку никому не показывай. Такие времена настали, времена причудливых парадоксов...

5. Март 1925 — январь 1932. Ошеломляющее признание

После венчания и свадьбы, на которой шафером был Введенский, Стасик собрал вещи и уехал к жене на Покровку, в квартиру с голубыми обоями и низким абажуром над овальным столом. Галине Ричардовне не хотелось его отпускать, — отпускать туда, словно она заранее знала, что, лишенный ее опеки и заботы, трепетной, нежной, пугливой, ревнивой, Стасик, как в детстве, набьет себе шишек. Его надежды обрести замену тому, что он отталкивал, расставаясь с домом, обернутся полным крахом. Она не верила, что эту опеку возьмет на себя Зинаида: скорее, напротив, Стасик сам начнет ее опекать, и они оба будут чувствовать себя неуклюже, словно в чужой одежде.

Так оно и вышло: у Стасика с женой не заладилось, как говорят в том случае, если не могут из множества причин случившегося отыскать одну, главную. Вот и Галина Ричардовна не могла, — может быть, потому, что заранее знала, слишком хорошо знала. Настолько хорошо, что ее мнительный прогноз не мог не сбыться. И теперь она, сама боявшаяся

своих мнительных прогнозов, увидела во всем этом лишнее (и спасительное!) подтверждение тому, что сторожка, где они обитали, несчастливая и надо с ней расстаться.

В это же время случилось несчастье и с отцом Валентином, мужем Татьяны Францевны, тети Таты, как ее называли в семье (она была теткой Галины Ричардовны): его забрали по доносу Красницкого и из тюрьмы он уже не вышел. Тетя Тата осталась совсем одна. Старенькая, с больными ногами, она жила в Тушине, и каждая поездка к ней отнимала у Галины Ричардовны полдня. Она смертельно устала от извозчиков, и суголоки в трамваях, и битком набитых пригородных поездов. Руки болели от тяжелой кошелки, а туг еще приготоь обед, вымети сор из углов, подлей масло в лампадки, устрой нагоняй соседям, писавшим мелом на двери тетушки скверные антирелигиозные стишки, — любой не выдержит!

Костылины решили забрать тетю Тату к себе, но им отказали: были потеряны документы, подтверждавшие родство между Галиной Ричардовной и тетей Татой, к тому же тетушка носила другую фамилию. Пришлось доказывать родство через суд, — вызывать свидетелей, а это тоже немалые хлопоты. В конце концов Костылины добились разрешения и вместе с тетушкой переехали на другой конец Лосиног Острова, в бревенчатый домик-башню, похожий на пожарную каланчу. Тетушка, здраво рассудившая, что такой переезд в ее возрасте — меньшее зло, чем одиночество, была довольна новой квартирой, в которой, слава Богу, был телефон (а она безумно любила говорить по телефону), но и о Тушине вспоминала с жалостью, словно ей хотелось сохранить в новых стенах чувство прежнего дома.

Сюда же, на каланчу, после шести лет супружеской жизни возвратился Стасик, что должно было означать для Костылиных окончание затянувшейся полосы невезения. Но не тут-то было! Едва появившись в дверях и поставив на пол чемоданы, Стасик ошеломил их своим признанием: отныне он не верит! Да, дорогие домочадцы, не падайте в обморок, но он теперь не верит! Да, да, и это после пылких молитв, суровых постов, мечтаний о рукоположении. Как отрезало. Просто не верит и все! Ха-ха! Он, знаете ли, атеист. И на лице блуждающая хмельная улыбка, в глазах шальная искорка, и весь он сияет от надрывного восторга и упоения собой. Белокурый несмышлениш! Дайте ему телефонную трубку, и он позвонит Введенскому, чтобы обрадовать, осчастливить его этим известием!

Нет, он не шутит! Дайте, дайте! Словом, стал разыгрывать истерику, рваться к телефону, опрокидывать стулья. Галина Ричардовна попыталась успокоить Стасика, заглянула в глаза и укололась о его острый, колючий, язвительный взгляд, — взгляд, не оставлявший ей никакой надежды...

После этого удара судьба нанесла другой, случилось самое худшее: отца Николая арестовали. В двадцать седьмом обошлось, хотя на последнем допросе он чувствовал себя так, словно в его небесной книге осталась без запятой (ангелы второпях забыли) строчка: казнить нельзя помиловать. И вот судьба поставила запятую. В нужном месте.

Два месяца, пока его держали в тюрьме, Галина Ричардовна металась по кабинетам, умоляла, заклинала, рыдала и для нее вызывали то врача, то конвой. Надо отдать должное Колдуновым: несмотря на разлад между Зинаидой и Стасиком, они не остались в стороне, проявили участие и сам Александр Иванович Введенский ездил в Кремль, чтобы похлопотать за отца Николая (лучше бы он помолился за него в приделе Николая Угодника!). Ничего не помогло: отца Николая осудили и отправили в зырянские лагеря.

Галина Ричардовна на суде держалась мужественно, но после оглашения приговора долго не могла очнуться и прийти в себя. Ее увели под руки. Дома она ходила, держась за стены, как больная, постоянно плакала и, закрыв глаза, беззвучно читала молитвы. Комнаты, вещи казались ей враждебными и чужими, и, разочаровавшись в новой квартире, она стала — по примеру тетушки — еще больше жалеть о Храме Христа Спасителя, о родной Остоженке и их домашнестьквартиредесять, как произносили Костылины свой старый адрес. Жалеть так, словно именно там они прожили самые лучшие, счастливые годы и это счастье никогда не вернется, не повторится...

6. Разговор первый. Нераскаянный грех

...— Стасик, опять тебя, — прошептала Галина Ричардовна, прикрывая ладонью телефонную трубку и вопросительно глядя на сына, который так же вопросительно смотрел на нее, словно желая узнать, кто ему звонит, и одновременно предупреждая, чтобы его не подзывали к телефону.

— Меня нет дома. — Он предостерегающе помахал рукой на тот случай, если мать захочет дать ему трубку.

— А вы знаете, Стасика сейчас нет, — смягчила она слова сына, слегка заискивая перед тем, кого ей приходилось невольно обманывать. — Ему что-нибудь передать? Или вы позвоните попозже? — Своим участием в делах постороннего человека Галина Ричардовна как бы оправдывалась перед собой за невольный его обман.

Ей ответили, что позвонят еще раз, и она положила трубку с таким выражением, словно этот жест вызывал в ней угрызение совести и явное недовольство собой.

— Кто звонил? — спросил Стасик, стараясь не замечать недовольства матери.

— Какой-то незнакомый голос... — Галина Ричардовна не решилась прямо ответить на вопрос, заданный в такой прямой форме.

— Мужской?..

Галина Ричардовна глубоко вздохнула, вынужденная разочаровать Стасика.

— Женский...

Он не успел настолько подготовиться к возможному разочарованию, чтобы суметь его скрыть.

— Наверное, из Троицкого подворья... Хорошо, что ты не дала мне трубку, а то они любят звонить по любому поводу. Спасибо...

— Может быть, ты им нужен? — Галина Ричардовна сама предположила то, что могло помочь Стасику скрывать свои чувства.

— Обойдуся. Я для них не мальчик на побегушках, не курьер и не посыльный, — сказал он с упорством в голосе и вдруг спросил, словно бы добровольно сдаяя оборону: — А Зинаида не звонила?

Галина Ричардовна промолчала, отказываясь принять капитуляцию сына. Стасик понял, что повторить вопрос означало бы еще более унижить себя в глазах матери.

— А ты знаешь, я решил перенести в мою комнату старый буфет. Вот только почию дверцу... Ты не против? — спросил он, словно бы извиняясь за предыдущий вопрос.

— Пожалуйста, переноси... — Она неохотно поддержала сына, понимая, что поддержка нужна ему совсем в другом.

— Я помню этот буфет по Остоженке. Он стоял у нас в большой комнате, прямо напротив дивана... — Стасик говорил о буфете и молчал о Зинаиде.

— Зинаида не звонила. Ни сегодня, ни вчера. — Галина Ричардовна намеренно заговорила о том, о чем молчал Стасик. — Сколько можно об этом спрашивать!

— Я не спрашиваю... — Отказываясь от слов, он признавался в угаданных ею мыслях.

— Забудь о ней! Забудь об этом семействе! Не нужна нам их помощь! Забудь! Это из-за них ты перестал... — она закрыла глаза, чтобы не произнести того, что нельзя было оставить без поправки, — говоришь, что перестал...

— Я не говорю. Это действительно так... — Стасик пожал плечами, показывая свое безразличие к тому, что его слова несколько не убеждают мать.

— Не верю!

— Если ты можешь во что-то не верить, то почему я не могу?

— Потому что ты добр, у тебя чистая и светлая душа и ты вырос в семье, где... — По мере произнесения этих слов Галина Ричардовна с удивлением и страхом обнаруживала, что они оказывают на Стасика странное и непонятное воздействие: губы его дрожат, плечи дергаются, словно изнутри его всего сотрясает от овладевающего им неудержимого порыва.

— Вот именно! Вот именно! — хохотнул, взвизгнул и всплеснул руками Стасик. — Я вырос в семье, где... где деды и прадеды были... Где из поколения в поколение передавали... Что передавали?! Все, кроме осознания простой вещи: «Ненавижу Я ваши приношения и жертвы!» Ненавистны мы Богу! Ненавистны! Иначе не попустил бы закрываться храмам, гореть в кострах иконам, а священникам-расстригам надевать нарукавники бухгалтеров и шелкать на счетах. Не безбожная власть в этом виновна, а сама церковь. Церкви! Вся виновна — и тихоновская, и обновленческая, и катакомбная, и зарубежная. И Карловацкий Собор

виновен! А разве кто-нибудь прямо об этом сказал? Разве церковь покаялась? Посыпала голову пеплом?

— Ну, Стасинька, каются... каждый по-своему...

— Вот именно, каждый по-своему, а атеистами становятся все. Соборно, так сказать... За нераскаянный грех мы атеизм получили. Он нам — замена покаянию.

— Как это так — замена?

— А так! Я помню, с какими воодушевленными, восторженными, сияющими лицами молодежь начала двадцатых участвовала в антирелигиозных шествиях. Сколько в них было вложено чего-то искреннего, самоотверженного, даже жертвенного! Какой всех охватывал очистительный порыв, какая объединяла вера в свою правоту! Вот бы священникам такие лица, такую веру! Правда, потом был НЭП, который все замутил и опошил, но в начале двадцатых...

— Нет, нет! — Галина Ричардовна схватилась за голову, осознав, как далеко она зашла, позволив себе выслушивать такие крамольные речи. — Никогда в нашем доме... Ты здесь об атеизме рассуждаешь, а твой отец в лагерях... страдает за веру!

— А у истинно верующего сейчас две дороги: или пострадать за веру, или стать атеистом. Дайте Богу отдохнуть от ваших молитв, бесконечных просьб, домоганий, слез и вздохов! Устал Он от вас!

После этих слов Галина Ричардовна задумалась, а затем осторожно произнесла:

— Стасик, вот ты сказал: Богу. Значит, ты все же веришь?

— Ни во что я не верю, — ответил Стасик, и она снова укололась о его взгляд.

7. Середина двадцатых. Обманчивое равновесие

Возвращению Стасика Костылины были рады, очень рады, хотя долг сочувствия и не позволял слишком радоваться за человека, который в этот момент не испытывал ничего, кроме растерянности и сомнений. Но Галина Ричардовна, Нэда и тетя Тата оправдывали себя тем, что Стасик сам не понимал своего же блага, а благо это, по их мнению, заключалось в том, чтобы скорее расстаться с Зинаидой, после чего можно было начать выравнивать их и его понимание одних и тех же вещей. Зинаида же перетягивала Стасика к своему пониманию и удерживала возле себя не потому, что он был ей нужен, а потому, что он был нужен Костылиным. Их она считала противоположной стороной, — противниками, недоброжелателями, врагами, а Стасика — лишь промежуточной, и для нее было важно не дать им соединиться. Поэтому она удерживала, не отпускала, создавала препятствия, в пылу воинственного угара не брезгуя даже угрозой лишить его сына, посорить с Введенским и добиться, чтобы сорвалось рукопожатие, о котором он так мечтал.

Стасик — надо отдать ему должное — угару не поддавался и на все выпады жены отвечал робким и терпеливым увещанием: «Хорошо,

давай еще раз обсудим», «Давай попробуем все изменить». Снова обсуждали, пробовали, но ничего не менялось, только у обоих иссякали последние силы, и свою полную опустошенность и равнодушие друг к другу они принимали за взаимное примирение. Стасик вновь откладывал окончательный шаг, не сознавая, что сам же себе мешал его совершить. Костылины не вмешивались в эту борьбу и не поддерживали Стасика, хотя он ждал от них поддержки, совета, участия, но они нарочно оставляли его без всякой опоры там, где лучше было упасть, чем сохранять шаткое и обманчивое равновесие.

И, лишенный опоры, Стасик упал: перед самым Новым годом явился к ним с чемоданом и кипой книг, перевязанной плетеным ремешком. Попросил не заговаривать с ним на эту (!) тему и не подзывать к телефону. И Костылины две недели после Нового года отвечали в трубку, что Стасика нет и неизвестно, когда будет.

Их предсказание сбылось: ничего хорошего из этого брака не получилось, и теперь они могли напомнить, что были против еще тогда, когда Стасик только собирался жениться. Помимо обновленческих загибов и завихрений в Зинаиде Костылиных настораживало то, что она старше Стасика, а это мешало тому восторженному преклонению перед мужчиной, которое господствовало в их семье. Для Костылиных мужчина в доме был царем и владыкой уже потому, что он мужчина, и большего от него не требовалось: в остальном он мог не отличаться от простых смертных, быть как все. Женщины в семье Костылиных обычно выходили замуж за слабых, нерешительных, безвольных мужчин и тем настойчивее создавали их культ и подчинялись их власти, невольно заставляя своих мужей чувствовать себя сильными.

Зинаида же изначально мечтала о сильном мужчине, а выйдя за Стасика, явно вознамерилась повелевать и царствовать сама. Мягкий характер, покладистый нрав Стасика давал простор ее капризному эгоизму, и Зинаида очень скоро превратила мужа в приводной ремень, с помощью которого вращались нужные ей колесики. Стасик послушно бегал на собрания «Живой церкви», «Союза общин Древле-Апостольской церкви», «Церковного возрождения», отвозил гранки в книгопечатни, дежурил как курьер в Высшем церковном управлении, а затем в Синоде, даже спал там иногда на кожаном диване. Костылиным было горько и обидно замечать, как его мужское начало рассеивалось в воздухе легким дымком.

Стасик становился придатком женского своенравия, что вполне отвечало взгляду на мужчину, принятому в семействе Колдуновых. У Колдуновых всегда царили женщины, правил триумвират из матери, Юлии Федоровны, и двух сестер, Зинаиды и Лидии. Юлия Федоровна писала в церковный журнал, носила пенсне, пила ликер из узкой зеленой рюмки и любила лежать на тахте, держа на отлете руку с кипарисовыми четками, улыбаясь своей загадочной (византийской, как говорили в доме) улыбкой и вспоминая то, о чем с ней накануне откровенничал, волхвовал, на струнах бряцал вещий баян — Александр Иванович Введенский.

Дочери же сидели рядом с ней, прямые и неподвижные, и ждали, когда она что-нибудь произнесет, поведает, обронит доверительную реплику, тем самым обозначив их причастность тому кругу, в который допускались лишь избранные и посвященные.

И прежде всего они, женщины, жрицы, сивиллы. Мужчины же должны были им поклоняться, им угождать и их любить. Сами женщины понимали любовь лишь как ответную благодарность, как поощрение и при этом вели строгий счет: ты — мне, я — тебе. Поэтому, считая вторым недостатком Зинаиды её возраст и властолюбивый характер, Костылины добавляли, что, в-третьих, она не способна любить, а это, по их понятиям, означало высший, беспощадный приговор.

В семье Костылиных все любили или, во всяком случае, старались любить, и это старание было разлито в воздухе наподобие сладкого, удушливого эфира. Забота друг о друге, участливые вопросы о здоровье, сопереживания легким недомоганиям и мелким неприятностям облекались у Костылиных в возвышенно-любовную форму. И иначе они попросту не могли, — без этой возвышенности теряли что-то, без чего у них сразу опускались крылья и они казались уличными воробьями, загнанными осенним ненастьем под стреху крыши. Слушая друг друга, им необходимо было без конца повторять: «Ах, да, да, да!» — словно без этого собеседник заподозрил бы их в невнимании. Желая друг другу спокойной ночи и закрывая на прощанье дверь, они непременно открывали ее снова, чтобы умильно вздохнуть, растрогаться, от переизбытка чувств улыбнуться, еще раз пожелать спокойной ночи и только потом закрыть дверь.

В семействе Колдуновых не понимали такой восторженности: женщины, которых любят, с презрением и жалостью относились к тем несчастным, которым самим приходилось любить. К тому же суховато-сдержанные, чопорные, скупые на проявления чувств Колдуновы не выдерживали долгих чаепитий, принятых у Костылиных, — с самоваром, тульскими пряниками, маслом в горшочке, и, бывая у новых родственников, не знали, куда деваться от чувствительных вздохов, обожающих взглядов, желания угодить, сделать приятное, оставить хорошее впечатление. В том-то и заключалась особенная костылинская трогательная наивность, детскость: они могли думать и говорить о Колдуновых все что угодно, но, когда принимали их в гостях, и впрямь обожали, млели и таяли от восторга. «Пожалуйста, кушайте». «Можно вам добавить заварки?» «Можно положить еще кусочек торта?» Колдуновы лишь недоумевали, за что их так любят и почему вокруг так хлопочут и суетятся. Гостеприимство Костылиных лишь смущало, отпугивало, заставляло их украдкой озираться в поисках двери, и, когда новые родственники, наконец, замолкали в ожидании ответной исповеди, Колдуновы поднимались и начинали прощаться, чем ранили хозяев в самое сердце. «Как с ними трудно!» — с обидой говорили Костылины, закрывая дверь за гостями, которые на лестнице произносили ту же самую фразу: «Как с ними трудно!»

Эти взаимные трудности увеличивались по мере того, как увеличивался стаж супружеской жизни Стасика. «В нашем роду все мужчины

неудачно женятся, — успокаивали себя Галина Ричардовна, Нэда и тетя Тата, вспоминая и другие примеры, подтверждающие их правоту. — Наверное, судьба». Когда у Стасика и Зинаиды родился мальчик, в честь Введенского названный Александром, Костылины обступили его тесным кольцом, умиляясь на все лады розовым пяточкам, карим глазкам и большой головке будущего наследника. Они словно бы обрели самый непререкаемый предмет обожания и возликовали, будто бакланы на птичьей свадьбе, скрепляя собственной слюной тоненькую скорлупку нежности и любви, оберегавшую новорожденного Костылина. На наследника посыпался дождь игрушек и распашонок, вызвавший в доме наводнение беспорядка. Колдуновы не знали, куда деваться от этого потока, усматривая в таком проявлении любви нечто непристойное, варварское и первобытное, и хотя долг вежливости не позволял им устыдиться Костылиных, они как бы стыдились за них, тем самым восстанавливая опрокинутые ими барьеры.

Зинаида полагала, что ребенка надо не любить, а воспитывать, и Стасик видел, как тщательно уничтожаются следы пребывания в доме его родных: точно так же собирают в тряпку лужицу на полу, а затем выжимают в ведро. Однажды в разговоре с матерью он не выдержал и сказал: «Да что вы всем навязываетесь с вашей любовью, как с демьяновой ухой!» Для Костылиных это было ударом, после которого они сразу отрезвели и попритихли. Постепенно им самим становилось стыдно за демьянову уху, и они чувствовали себя папуасами, танцующими с погремушкой перед толпой чужестранцев. С тех пор что-то меж ними распалось и сладкий эфир, витавший в воздухе, начал рассеиваться. Костылины словно увидели себя глазами Зинаиды и беспощадно осудили за то, что раньше казалось естественным и обычным: «По шкафам бродят кошки, собака спит в кресле, дверцу буфета никто не починит!» Еще больше они забеспокоились и встревожились, когда Галина Ричардовна и тетя Тата впервые поссорились. Поссорились, наговорили друг другу резкостей и вдруг поняли, что дела отчаянно плохи. Стали искать причину и, вспомнив о прежней любви друг к другу, почувствовав пугливую радость ее обретения, вновь ополчились против Колдуновых.

8. Разговор второй. Письмо

— Стасик, милый, — Галина Ричардовна смягчила голос, выражая не осуждение, а сострадание, — нельзя же так! Ты сам на себя не похож! Тебе надо отвлечься, подумать о чем-то другом. Я уверена, что Зинаида в эту минуту... — Она говорила как человек, способный из сострадания к близким людям угадывать и их собственные мысли, и мысли тех, о ком они думают.

— По-твоему, я ей безразличен?! — Стасик как бы усиливал неправоту ее утверждения тем, что заставлял его прозвучать ответом на свой вопрос.

— ...Всю жизнь думала о самой себе и лишь искала, на кого бы еще взвалить эту заботу. Ты сам подставил плечи и вот теперь жалуешься, что тебе тяжело.

— Я не жалуюсь... — Он снова отказывался от слов и признавался в мыслях.

— Тебе, конечно, тяжело. — Она поторопилась признать за ним право и на слова, и на мысли. — И я бы страдала на твоём месте... я и сейчас страдаю... — Галина Ричардовна улыбнулась, как бы прося снисхождения к собственной слабости, и в её глазах задрожали слезинки.

— Успокойся... не надо. — Стасик бережно поправил шерстяной платок, сползавший с её плеч.

— Как же мне не страдать, если ты... если у тебя все так неудачно складывается! И отец Николай... — Хотя платок готов был снова сползти, Галина Ричардовна, благодарная сыну за этот жест, не стала сама поправлять его.

— Все складывается удачно. — Он как бы напоминал ей условия, которым они оба должны следовать. — Я уверен, что Введенский, что Александр Иванович...

— Да, да, удачно, — согласилась Галина Ричардовна, словно проводя разграничение меж тем, о чем стоит говорить, и тем, о чем можно лишь думать.

— Все идет, как надо... к лучшему. Отца выпустят. С сыном я буду видаться, а когда он вырастет, то и сам все поймет. — Стасик будто не замечал, что обращался к матери с ее же собственными словами.

— Я рада, что ты так считаешь. — Галина Ричардовна не узнавала собственных слов, радуясь за ту уверенность, с которой они произносились Стасиком и которой она никогда не чувствовала в себе.

— Главное, нам самим держаться, относиться друг к другу с доверием и любить, любить, любить! — скороговоркой закончил Стасик, и Галина Ричардовна поняла, что стала жертвой насмешки.

— Зачем ты хочешь меня обидеть? — спросила она тихим и напряженным голосом.

Стасик помолчал.

— Сам не знаю... Извини.

— Ты все еще любишь Зинаиду?

Галина Ричардовна забыла о своей обиде, чтобы не тратить попусту душевные силы, столь нужные ей именно в этот момент. Стасик вздохнул и развел руками, показывая, что ей он так же не может ответить на этот вопрос, как и самому себе. Для Галины Ричардовны его молчание тоже было ответом.

— Бедный...

— Не смейте, не смейте меня жалеть! Я никого не люблю! — выкрикнул Стасик в лицо испуганной матери и сам же испугался возникшей паузы. — Извини, мне надо починить дверцу.

Он взял молоток и направился к буфету.

— Стасинька... — Галина Ричардовна лунатически двинулась за сыном.

— Что?! — Он резко обернулся.

— Стасинька, я тебя... не понимаю. — Она прикоснулась к сыну рукой, словно они двигались в полной темноте и могли потеряться. — Ты сказал, что никого не любишь. Может быть, ты просто не любишь нас? Нэду, Тату, меня? Мне иногда кажется, что для тебя здесь все чужое. Между тобой и нами — словно бы глухая стена!

Стасик хмуро притронулся к дверце, висевшей на одной петле.

— ...Выдумываешь какие-то глупости...

— Хорошо, я глупа. Где мне угнаться за моими умными детьми! Я всю жизнь простояла у свечного ящика, а вы столько знаете, столько читаете, умеете обо всем рассуждать. — Галина Ричардовна как бы почувствовала, что у нее еще остались силы обижаться. — Но ведь я же не слепая! Я вижу, как ты приходишь, как запираешься в комнате, как нехотя садишься с нами за стол, как разглядываешь этот плетеный ремешок от ее платья...

— Хватит!

Стасик бессильно опустил руку, державшую молоток.

— Я не упрекаю и не хочу тебя каким-то образом... удерживать или насильно привязывать к нам, но мне тяжело, что ты любишь равнодушного к тебе человека... гораздо больше, чем своих близких. — Словно перепрыгивая по камушкам, Галина Ричардовна приближалась к месту, до которого нельзя было добраться по сухой дороге.

— Хватит же! — Стасик повернулся к ней лицом. — Неужели ты не понимаешь, что есть вещи, о которых нельзя так... без всякого смущения...

Галина Ричардовна замолчала, жалея не столько о своей ошибке, сколько о том, что она была допущена ею так не вовремя.

— Хорошо. — Она решила не говорить всего того, что собиралась сказать сыну, — решила, но, прежде чем поставить точку в разговоре, все-таки не выдержала и сказала: — Стасинька, прошу тебя об одном... напиши письмо отцу.

— Письмо? Ну да, я ему писал и еще напишу...

— Нет, ты напиши ему *письмо*. — Она выделила в этом письме то, что должно было отличать его от писем, написанных раньше.

— Не понимаю...

— Письмо о том, что ты вернулся...

— Конечно, я напишу.

— ... вернулся и поешь ему из дома. Подчеркни это, Стасинька, — из дома. Он будет очень рад. Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Стасик, удивляясь тому, что эти слова почему-то и в нем соединились с чувством внезапно проснувшейся радости.

9. Середина десятых. Участь любимчиков

Накануне Нового года возвратившись домой, Стасик обрадовался маленькой комнате, отданной в его полное распоряжение, оставшимся

в ней прежним вещам и знакомым с детства запахам, сохранившимся в старом буфете, в ящиках стола и под крышкой пианино, на котором он когда-то учился играть, — обрадовался и даже удивился, что не испытывает при этом никаких мук и страданий. Решившись на разрыв с женой, он ждал, что будет с тоской вспоминать Зинаиду, в отчаянии рваться назад, не находя себе места здесь, среди родных, и с враждебным недоверием относясь к матери, сестре и тетушке. И вот — вопреки ожиданиям — он легко нашел себе место, устроился на нем и с удвоенной силой почувствовал любовь и привязанность к близким.

После двух лет разлуки мать, сестра и тетушка показали ему гораздо нужнее, чем жена, и он с облегчением успокоился на этом чувстве побежденной любви к Зинаиде. Стасик приготовился к тому, что отныне его счастливому покою ничто не угрожает и он может не опасаться прежних — мучительных — воспоминаний. Но тогда-то Зинаида и напомнила о себе: он наткнулся на ее плетеный ремешок, которым были перевязаны книги, и вдруг, словно от внезапного приступа, заломило сердце. До этого Зинаида как бы находилась там, в другом месте, поэтому туда же можно было отослать и тоску о ней, но теперь жена была здесь, рядом, и вместе с ней сюда же незваными проникли тоска и тревога, нарушившие покой Стасика.

Его перестали радовать комната, старые вещи, знакомые запахи, и в своих родных он увидел людей, которые — словно магнит с двумя полюсами, — не только притягивали, но и отталкивали его от себя.

Стасику вспомнилось, как часто он ссорился с матерью, считая ее не то чтобы самым близким, а самым далеким и чуждым для себя человеком, который совершенно не способен его понять, и таких случаев было много — всех не пересчитать. Мать настолько поработала его своей любовью, лишала всякой возможности поступать по-своему, что Стасик готов был усомниться в ее любви и принять за ненависть. Мать как бы отталкивала от себя все то, что не подпадало под ее любовь, уклонялось в сторону, скашивалось, словно второпях наклеенная полоска обоев.

Она убеждала всех вокруг, что ради детей способна на любые жертвы, но на самом деле не могла принести самой простейшей, пожертвовав тем материнским чувством собственности, которое заменяло ей любовь. Получалось, что жертвовал он, Стасик, постоянно отказываясь от права на самостоятельность, на собственную точку зрения, на смелость в поступках, и эти жертвы словно бы слипались в пухлый снежный ком, который он уныло втаскивал в гору.

Это казалось ему долгом, которого нельзя избежать, ведь мать есть мать и поэтому надо терпеть ее слабости и прощать недостатки, недаром же говорится: родителей не выбирают. К тому же Галине Ричардовне приходилось за десятерых управляться в храме, тянуть дом, помогать тетушке и отцу Валентину, когда он еще был на свободе — одним словом, не позавидуешь. Может быть, слепая любовь к сыну и восторженное стремление любить всех — для нее единственная отдушина, и было бы жестоко закупорить ее собственным непониманием.

И Стасик покорно нес свою ношу, все более сгибаясь под ее тяжестью и не подозревая о возможности распрямиться: ему и в голову не приходило, что отношения с матерью способны быть иными — легкими и свободными, основанными на взаимном уважении, а не на тягостном сознании долга. И постепенно на том месте, где должно было возникнуть это уважение, образовывалась впадина, яма, дыра, которая с годами катастрофически увеличивалась и превращалась в вулканическую трещину. В эту бездонную трещину проваливались те хрупкие постройки, которые он кропотливо возводил до тех пор, пока вулкан не просыпался и не оживал, но вот появлялся легкий дымок, глухо вздрагивала земля, и Стасик знал, что от его попыток самосозидания вскоре ничего не останется.

Лишь отношения с отцом позволяли Стасику сохранить частичку самостоятельности. В противоположность жене Николай Глебович относился к сыну без всякой восторженности, с трезвым и ровным постоянством, в котором угадывалась если и не любовь, то понимание меры, призванной эту любовь ограничивать. Лишенная ограничения любовь всегда отнимает что-то у человека, на которого она направлена, всегда берет для себя и таким образом превращается в одну из разновидностей эгоизма. Николай Глебович, вероятно, и не формулировал так этого правила, но внутренне ему следовал, не отягощая излишними ласками Стасика и Нэду и соблюдая дистанцию между собою и ими, определявшуюся различием возраста и положения в доме. Николай Глебович считал себя главой семьи и, хотя на деле уступал эту роль жене, требовал к себе ответного чувства от всех домашних. Ему хотелось, чтобы его любили и уважали как старшего в доме: только при этом условии он был согласен на подчинение.

Николай Глебович беспрекословно слушался жену, выполнял все ее распоряжения лишь тогда, когда Галина Ричардовна говорила: «Не надо, ты и так устал! Лучше отдохни или почитай газету, а я сама управлюсь!» И если при этом она еще и нежно улыбалась ему, обнимала за плечи или притрагивалась ладонью к щеке, Николай Глебович тотчас бросался выполнять ее просьбу, сохраняя, однако, строгий и значительный вид: он как бы отвечал жене делом, а не улыбками. Вот и своей холодностью к детям Николай Глебович помогал им любить его, словно его собственная любовь была бы для них помехой. Галина Ричардовна опасалась, не создала бы эта холодность отчуждения между отцом и детьми, но, как ни странно, Стасик и Нэда гораздо больше тянулись к отцу, чем к матери. Они действительно любили в нем отца, старшего в доме, и единодушно отказывались признать старшинство матери. Для Галины Ричардовны это было загадкой, которую она не желала разгадывать: вопрос о собственном старшинстве был для нее решенным, а поднимать другие вопросы она избегала, чтобы не нарушать равновесия, сложившегося в семье.

Предпочтение, отдаваемое отцу, одинаковое в Стасике и Нэде, объединяло их обоих и создавало взаимопонимание меж ними: словно близнецы, играющие в одни и те же игры, они узнавали друг в друге то, что заставляло сделать одинаковый выбор. Каждый из них по-своему испы-

тывал гнет материнской любви, поэтому им достаточно было взгляда, вздоха, а то и просто молчания, чтобы найти взаимопонимание. Одинаковая участь любимчиков слепо обожающей их матери сближала Стасика и Нэду, но тем труднее им было сблизиться в другом, и они с детства напоминали людей, способных разговаривать лишь на одну тему. Мать с ее слепым обожанием словно незримо стояла меж ними: чем больше она стремилась к тому, чтобы дети дружили, чтобы брат и сестра помогали друг другу, чтобы в доме был мир, тем чаще они ссорились и враждовали. Странное дело: когда Стасик и Нэда оказывались среди чужих людей, они чувствовали друг к другу гораздо большую тягу и меж ними возникало доверие, непривычное для обоих, но дома их, словно одинаковые полюса магнитов, непреодолимо отталкивало в разные стороны.

«Ну, как сегодня?» — спрашивал утром Стасик, встречая сестру на кухне и как будто отыскивая в ней то, с чем можно было сопоставить собственное неопределенное чувство. «Сама не знаю... так...» — отвечала Нэда, и на этом утренний разговор заканчивался, и они оба замолкали, словно в присутствии человека, о котором им говорить не хотелось и который не позволял касаться иных тем.

Когда Нэда вышла замуж, Стасик совсем отдалился от сестры и почувствовал себя брошенным на необитаемом острове и провожающим взглядом корабль, паруса которого исчезали за горизонтом. Стасику казалось, что сестра первой нарушила договор, скреплявший их общую участь, и, как бы неожиданно спрыгнув с доски качелей, лишила его спасительного противовеса. Теперь он один остался в любимчиках: на необитаемом острове больше никто не жил. Тогда, перестав соблюдать расторгнутый договор, Стасик тоже женился и его корабль поплыл совсем в другую сторону.

10. Разговор третий. Во спасение

— Стасинька, мальчик, — она порывисто устремилась к сыну, — я конечно же не права... этот ремешок... прости меня! Наверное, я действительно разучилась понимать какие-то вещи. Вы у меня чуткие, умные, деликатные, а мы жили по-другому. Какая уж там деликатность, когда в Храме Усекновения Главы отца Николая за волосы от алтаря отсаскивали и прикладом били за то, что он крест позлащенный отдавать не хотел. Да, били, и он кровью отхаркивался, а ему кричали в лицо: «Вот мы твою дурную голову сейчас усечем, если будешь сопротивляться декрету советской власти!» Лютое время, лютое время! Я ведь даже Сергия-то и не виню за его декларацию, хотя отцу об этом не говорила. Какой бы он ни был, Сергей, а литургию сохранил. — Стараясь загладить свою оплошность, Галина Ричардовна намеренно говорила о постороннем. — Бедные мы, Стасинька. Нищие! На этот буфет целый год откладывали деньги. Зато какой буфет — резной, настоящее дерево! Сейчас таких не делают. Ты конечно же заведи его к себе, вот только дверца, но ведь ее легко починить, правда?

— Да, да, легко... — ответил Стасик, смиряясь с тем, что при всем его желании починить злосчастную дверцу ему никогда не дадут это сделать.

— Я очень рада, Стасинька, я так рада! — Галина Ричардовна выделила слово, подчеркивающее, что она радуется отнюдь не из-за дверцы.

Стасик отложил молоток, окончательно потеряв надежду забить им хотя бы один гвоздь.

— Я тоже рад тебе, Нэде, Тате и этому дому. Никакой стены меж нами нет, ты ее просто выдумала!

— Я действительно выдумываю глупости. — Галина Ричардовна с просветленным и счастливым лицом признавалась в том, что еще совсем недавно казалось ей таким обидным. — Ты молодец, что говоришь мне об этом прямо. Ты у меня во всем молодец, и я действительно горжусь собственным сыном!

— Не повторяй так часто это слово, — сказал он, как бы не слишком веря восторженному порыву матери.

— Какое, Стасинька?

— «Действительно».

— Хорошо, не буду. А что, это слово какое-то неправильное? — спросила она, подозревая его не столько в желании исправить ошибку, сколько в стремлении нанести ей новую обиду.

— Правильное, правильное. Просто не повторяй его так часто. — Стасик уже жалел о своей придирке.

— Если тебе не нравятся мои слова, зачем тогда вообще говорить с нами! — Галина Ричардовна сама удивилась, как недолго она удерживалась на волне восторженного порыва.

— Ну вот, снова начинаешь! Я же сказал, что всем вам очень рад. Вы самые родные, самые близкие мне люди, и среди вас я себя чувствую действительно дома, — сказал Стасик и улыбнулся матери такой улыбкой, которая должна была развеять ее последние сомнения.

— А Колдуновы? — произнесла она так, словно, не задав этот вопрос, не могла перестать сомневаться.

— Что нам Колдуновы! Они вместе с Александром Ивановичем Введенским по театрам ездят, в ресторанах обедают, ведут светскую жизнь...

Она уловила в его голосе нотки, позволившие ей спросить:

— Ты в них разочаровался?

— Нет, я по-прежнему... со всем уважением, восторгом и пиететом... Но все-таки это несопоставимые вещи: театры, рестораны и — зырянские лагеря. Правда, Александр Иванович тоже пострадал: в Петербурге одна фанатичка после его блестящего выступления бросила в него камень, попала в голову, чуть не убила. Но все-таки... все-таки...

— Да, Стасинька, да! И мне кажется, я теперь понимаю: твой атеизм — это тоже мученичество, добровольное мученичество. Для тебя это, как подвиг юродства!

— Ну уж, ты скажешь: подвиг... Да и какой я атеист! Я просто не выношу ложь. Вот я специально вырезал, — Стасик достал из записной книжки вчетверо сложенную газетную вырезку. — Митрополит Сергей

отвечает на вопросы корреспондентов. Вопрос: «Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?» Ответ: «Да, действительно, некоторые церкви закрываются. Но проводится это закрытие не по инициативе властей, а по желанию населения, а в иных случаях — даже по постановлению самих верующих». Вопрос: «Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, ссылаются и т.д.» Ответ: «Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния». Вопрос: «Соответствуют ли действительности сведения, помещенные в заграничной прессе, относительно жестокостей, творимых агентами соввласти по отношению к отдельным священнослужителям?» Ответ: «Ни в коей степени эти сведения не отвечают действительности. Все это сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей...» И это говорится, когда из пяти священников лишь один или два на свободе, когда пытаются, зверствуют, мучают, расстреливают!..

— Стасинька, но, может быть, это ложь во спасение?

— Во спасение кого? Нашего отца? Вряд ли она его спасет...

— Во спасение литургии, — сказала Галина Ричардовна подчеркнуто тихо, словно от громкого произнесения ее слова перестали бы быть верными.

11. Двадцатые годы. Тетя Тата и ее желания

Навешая родных на Лосином Острове, Стасик охотно разговаривал с Нэдой и ее мужем, подбрасывал на руках их дочурку Дашу, но при этом словно бы не узнавал сестру, для которой он тоже стал другим человеком. Они оба стали друг для друга новыми и немножко чужими. При этом они замечали, что чужим часто друг с другом легче, чем близким, вот и Стасик с Нэдой ощутили наконец эту свободу и легкость отношений между замужней сестрой и женатым братом. Отныне им не угрожала слепая материнская любовь: Галина Ричардовна не могла и помыслить, чтобы посягнуть на самостоятельность взрослых детей, но почему-то именно этой слепой любви им теперь и не хватало и они обижались, ревновали и даже готовы были заподозрить собственную мать в том, что она их вообще никогда не любила.

Привыкнув к постоянству материнской любви, Стасик и Нэда как бы не успели удержать ее в памяти и, лишившись этого постоянства, сразу забыли и о самой любви, помня лишь о привычке пользоваться ею.

Они жаловались друг другу на несчастное детство, упрекали мать в том, что она не удовлетворила желаний, которые рождались в них только сейчас, и не дала им то, чего они сами не хотели брать. Брат и сестра не понимали, что за этим скрывалась их запоздалая ответная любовь к ней, — любовь взрослых детей к стареющей матери. «Ты нам совсем не

помогаешь, заставляешь самих решать такие вопросы!» — говорила Нэда, еще недавно умолявшая позволить ей разобраться со своими вопросами. «Ты ведешь себя как посторонняя, нарочно ни во что не вмешиваешься!» — вторил ей Стасик, который когда-то мечтал о подобном невмешательстве матери в собственные дела.

Так самолюбиво враждовал он с матерью и сестрой, и лишь тетя Тата была для него испытанным и верным другом, и отношение к ней не менялось, словно и она сама оставалась одной и той же, не старела и не молодела, а как-то странно застывала в своем возрасте. Из всех домашних Стасика тетушка была самым суровым аскетом, вся жизнь которого заключалась в ручной кофейной мельнице, суковатой палке с резиновым наконечником, круглых очках, едва державшихся на носу, и высоких подушках, которые она подкладывала под голову, читая в кровати жития мучеников. Этих нескольких предметов ей вполне хватало, чтобы чувствовать себя наполненной жизнью, смело обо всем судить, ругать обновленцев, Красницкого, Введенского, Антонина, во всем поддерживать отца Николая (в отличие от Галины Ричардовны Сергия она не простила) и участвовать во всех семейных делах — если не поступками, то желаниями.

Поступков тетушка не совершала никаких: даже необходимость вызвать водопроводчика, чтобы починить кран, или заклеить на зиму окна вселяла в нее беспросветное уныние, но вот пылко и страстно желать она не разучилась до старости. Однажды в молодости тетушка осмелилась пожелать для себя: накануне замужества — по молодости, по глупости — польстилась на запретный плод, вместо церкви, молитвы перед образами пошла к цыганке — погадать на суженого. И Бог наказал ее за этот грех, лишив счастья иметь детей. С тех пор она стала желать лишь за других — за Галину Ричардовну, Нэду, соседей по старой квартире, и даже за арестованного отца Валентина она продолжала желать, словно надеясь, что он еще сможет воспользоваться плодами ее неосуществленных желаний.

Часто подобные желания тетушки бывали столь настойчивы, что Костылины пытались оградить себя от них, — с обреченным вздохом закрывали от нее дверь и, разговаривая по телефону, уносили аппарат в дальнюю комнату. Но тетя Тата все равно узнавала о происходящем и, добывая пищу для своих желаний, кормила их так же обильно, как добрая хозяйка любимых кошек. Стасик один из всех домашних не закрывал перед тетушкой дверь и не уносил телефон, поэтому меж ними и возникла возвышенная и пылкая дружба. Стасик доверял тетушке самые страшные секреты, а она вместе с ним желала, чтобы он стал священником, затем полярником, метеорологом, затем снова священником. Когда Стасик женился, тетушка засомневалась в своих желаниях: желать плохого ей не хотелось, а пожелать хорошего она не могла.

И лишь когда Стасик вернулся к родным, желания тетушки снова ожили и устремились навстречу тому безоблачному счастью, которое, как ей казалось, ожидало его впереди.

12. Разговор четвертый. Под низким абажуром

Галина Ричардовна еще минуту находилась во власти сомнений.

— ...Мы самые близкие, и среди нас ты?..

— Да, чувствую себя дома, — легко подтвердил Стасик.

— Господи, как я счастлива! Давай договоримся, что с этого дня в нашей семье не будет ни одной ссоры. Нэда, Тата, вы слышите? — Галина Ричардовна приоткрыла дверь в другую комнату. — Мы со Стасиком договорились, что больше никогда не будем ссориться.

— Весьма похвально, — сказала Нэда, перебирая нитки в круглой железной коробке с изображением красноезвездного Кремля на крышке.

— Оказалось, что мы просто недопонимали друг друга. Каждому все рисовалось не таким, каким было на самом деле, а стоило нам сейчас поговорить, и мы все выяснили. — Галина Ричардовна обращалась к домашним, столько раз разделявшим ее тревоги и опасения, что теперь она чувствовала себя обязанной поделиться с ними и своей радостью.

— Значит, кто старое помянет... — Тетушка охотно участвовала во всеобщем примирении, тем более что она ни с кем и не враждовала.

— Стасинька нас любит и считает... ну, одним словом... — Галина Ричардовна не стала при всех повторять то, что было ей сказано наедине.

— Мы тронуты... нам это приятно. — Пришивая оторвавшийся погончик к домашнему платью дочери, Нэда благосклонно кивнула в сторону брата.

Стасик уловил в этом извечное желание сестры быть похожей на жену Пушкина.

— Наталья Николаевна, — назвал он сестру полным именем, — осторожнее... пальчик уколете.

— Не уколем... Не беспокойтесь.

Стасик снова взял молоток и направился к буфету, явно предпочитая заняться делом вместо того, чтобы пререкаться с сестрой.

— Между прочим, тебе сегодня звонили. Оттуда. Кажется, Зинаида, — вслед ему сказала Нэда.

— Зинаида? — Он обернулся слишком резко для того, чтобы не доставить сестре удовольствия думать, что ее слова на него подействовали.

— Да, я узнала ее по голосу. Ты рад? Тебя снова зовут на баррикады. Тебе дадут горн и назначат знаменосцем. Вперед!

Стасик огляделся в поисках предмета, который мог бы доказать сестре, что у него всегда найдется способ отвлечь свое внимание от ее слов.

— Да уж какие там баррикады!..

— А тебе бы хотелось... Ты у нас любитель все обновлять. Как я хорошо представляю эти разговоры у Колдуновых, за овальным столом, под низким абажуром: о русской церкви, о расколе, о реформе Петра, упразднившего патриаршество из-за боязни сильной церковной власти, о синодальном периоде, об утрате соборности и зависимости от обер-прокурора. И вот Московский Собор восстановил патриаршество и вместе с ним соборность. Выбрали Тихона. Но вам захотелось большего — власти, денег и женщин...

— Ну, знаешь ли, к этому сводить...

— А к этому все и сводится, к этому все и сводится! Власть белого духовенства над черным епископатом, единая церковная касса и второе брачие священников. Недаром вас так называют — живцы!

— Живцы — это Красницкий, «Живая церковь».

— А вы «Союз общин Древле-Апостольской церкви!» Облагороженный вариант. Зато я...

— Ты у нас всегда жаждала не церковного, а мистериального. Христос у тебя в душе, а сама ты поклонница театра Михаила Чехова.

— Да, Христос не в алтаре, а в душе. Душа же у меня под замком. Не стучите. Все равно не открою и никого не пущу, — сказала Нэда, отворачиваясь от брата и поворачиваясь с сияющей улыбкой к матери и тетушке, которые молча и заворуженно слушали их разговор.

13. Десятые и двадцатые годы. Исключили из игры

Когда Нэда выходила замуж, Стасик как бы радовался той радостью, которую испытывали мать, сестра и тетушка, а собственную держал в тайнике, под спудом, под тяжелым камнем. В этот тайник не заглядывал никто из домашних, и сам Стасик лишь изредка приоткрывал туда дверцу, чтобы тотчас захлопнуть ее: собственные чувства могли лишь помешать ему чувствовать то, что объединяло его со всеми в доме. Без этих — собственных, — чувств Стасику было легче улыбаться Нэде и жать руку ее будущему мужу, удивляясь тому, что сестра выбрала именно этого человека и ее выбор совершенно не совпадал с ожиданиями самого Стасика.

Еще со времен детства Стасик ждал, что будущий избранник Нэды, словно сказочный витязь из морской пучины, возникнет из их молчаливого понимания и согласия друг с другом, ведь, по представлениям Стасика, мужчина для Нэды зарождался именно в нем, ее брате, и именно к нему опасно и осторожно примеривалась ее женственность. Когда они играли на старом диване в купцов и разбойников и Стасик падал, сраженный пулей, он угадывал во взгляде Нэды желание узнать, как ведут себя в таких случаях мужчины и как им, женщинам, надо отвечать на их поведение. Поэтому, изображая мучения раненого, Стасик одновременно и как бы подсказывал сестре: заботливо перевяжи рану, подложи под голову подушку, накрой одеялом. И она, несмотря на старшинство, подчинялась брату, соглашаясь на роль младшей ради того, чтобы испытать свою заботливость, словно бы адресованную не Стасику, а тому, кто в будущем займет его место.

Ничего не подозревая о том, что он играет чужую роль, Стасик готов был и дальше подсказывать Нэде, но чем старше она становилась, тем неохотнее пользовалась его подсказками, считая их ребяческими, глупыми, ненастоящими, годными лишь для игр на старом диване, а не для взрослой жизни. Взрослую жизнь она узнавала теперь от других, и именно к ним — другим, — примеривалась ее женственность. Стасик же оставался для Нэды младшим братом, и, хотя он выросл вместе с нею, это еще

больше превращало его в ребенка, словно бы донашивавшего ее платья и по наследству получавшего болезни, которыми давно переболела она.

Поэтому и будущий избранник Нэды как бы появился из-за той черты, за которую не было доступа Стасику, и он не только не узнал в нем себя, но и поразился полному несходству между собою и им. Что ему искания Стасика, сомнения и восторги, дружба с Введенским, мечты о рукоположении! Тот, кого выбрала сестра, для брата был чужим и посторонним, и Стасик почувствовал себя преданным и обманутым, словно его исключили из игры, в которую приняли другого. Ему оставалось лишь уйти, наедине переживая свою обиду. Но от него как бы требовалось, чтобы он еще и радовался игре другого, восхищался им, восторженно аплодировал, потому что этого хотела она, его сестра, и сам другой охотно помогал ему в этом. Он дружески протянул руку Стасику, своим великодушием словно бы подставляя себя под ответную благодарность, и Стасик должен был униженно благодарить, изображая себя достойным предложенной дружбы, хотя на самом деле он мечтал о вражде и мести.

Своим унижением Стасик словно бы наказывал себя за то, что когда-то слепо доверял сестре, — ее молчаливому пониманию и согласию, но своей мстью хотел вознаградить себя за это. Наказание казалось более заслуженным, чем награда, и поэтому, наказывая себя сейчас, награду он откладывал на будущее. Стасик ждал, что сестра разочаруется в избраннике и тогда наступит час его торжества, а пока этот час не наступил, Стасик присутствовал при торжестве другого и вместе с ним праздновал его победу.

Когда он вернулся на Лосиный остров, сестра и ее муж уже ничем не напоминали счастливых влюбленных накануне свадьбы, и Стасик удивился, что за четыре года могла произойти такая перемена. Красивая Нэда стала за это время еще красивее: она одновременно и похудела и расцвела, хотя в детстве (Стасик-то это помнил!) была болезненной толстушкой. Ее темные волосы приобрели теперь матовый блеск, на узких запястьях по-цыгански болтались тяжелые браслеты, в движениях появилась замедленная плавность, а в чертах лица отчетливее обозначилось сходство с женой Пушкина. Нэда гордилась этим сходством, ревниво следя за тем, чтобы все замечали: «Как вы похожи на Наталью Гончарову, вы ведь и по отчеству — Николавна!» Эти восклицания заставили ее поверить, что совпадение имен — признак особой участи, назначенной ей свыше, поэтому Нэде так хотелось, чтобы и муж кого-то напоминал, на кого-то был похожим. Но его имя — Алесь Петрович — не совпадало ни с одним из великих имен. И сам он за эти годы лишь полюбил сидеть дома и делать то, к чему у Нэды не было никакой охоты, — выметать пыль из-под ножек буфета, протирать суконной тряпкой овальное зеркало и ухаживать за сморщенным кактусом в глиняном горшке.

Для Костылиных он из другого превратился в своего, и они быстро к нему привыкли, научились понимать и не требовать лишнего с человека, который был похож на самого себя. «Алесь, взгляните на термометр, надевать ли шубу?», «Алесь, вы не спуститесь за газетой?», «Алесь, вас не

затруднит забежать в аптеку?» Эти мелкие одолжения, в которых так нуждались Костылины, вызывали в них пылкий энтузиазм благодарности, и лишь Нэда безнадежно разочаровалась в муже и вместо того, чтобы понять, стала требовать, не разбирая, где лишнее, а где необходимое.

Одинокая в своем разочаровании, Нэда стремилась обрести союзника в брате. Она встретила Стасика с той восторженной радостью, которая раньше предназначалась другому, и, подолгу разговаривая с братом на кухне, словно искала в нем то, что могло их вновь сблизить, создать меж ними то общее, чем они дорожили когда-то. «А ты вспоминаешь наш старый диван, игры в купцов и разбойников, беготню, драки? — спрашивала Нэда, жадно закуривая и разгоняя облачко табачного дыма. — Я бы сейчас все отдала, чтобы туда вернуться. Иногда какой-нибудь угол буфета, ножка от зеркала или подушка дивана вызывают во мне такие острые воспоминания... Жаль, что старый диван вынесли на свалку!» — «А помнишь, у нас еще был круглый раздвижной стол, за которым собирались гости?» — спрашивал Стасик. Он охотно отзывался на попытки сближения, хотя сам уже ничего не искал в сестре, сдерживая ее откровенность и не позволяя Нэде видеть в нем собрата по несчастью с такой же незадавшейся семейной жизнью, как и у нее. Со своим несчастьем Стасик предпочитал оставаться наедине, а несчастьем сестры сочувствовал как чужому, спрятанному за закрытой дверью, не допускающему праздного вмешательства. Нэда с готовностью распахивала дверь, — пожалуйста, любопытствуйте, но Стасик избегал осведомленности, обязывающей его перед сестрой.

Былая жажда торжества над другим бесследно исчезла, и Нэда впуская билась над тем, чтобы возродить ее вновь. Больше всего ее ранило то, что брат был одинаково дружелюбен с нею и с Алесем вместо того, чтобы отомстить другому за свои детские обиды, а заодно и за ее взрослые ошибки. Отказавшись от мести, Стасик протянул руку обидчику, и теперь уже Нэда сочла себя преданной, обманутой, исключенной из игры и, не желая отсиживаться среди зрителей, гордо покинула поле.

14. Разговор пятый. Влюбилась бы с горя

— А я не отрицаю! Я не отрицаю! — Нэда встала спиной к столу так, что эта поза выражала бы явное отрицание чего-то, если бы не произнесенные ею слова. — Для меня это святыня. Театр Михаила Чехова для меня святыня! Религия! Какое это было счастье — замереть в кресле и чувствовать, что перед тобой не просто разыгрывается спектакль, а творится действо. Мистерия! Перед тобой распахиваются иные миры, возникают дивные, чарующие видения, до тебя доносятся неземные звуки, голоса ангелов, и сама ты уносишься...

— Вот-вот, ты всегда мечтала унестишься... — Стасик покраснел, почувствовав, что он сам не знает, зачем это сказал.

Нэда посмотрела на него так, как смотрят на человека, о котором до произнесенной им фразы думали лучше.

- Все-таки ты скучный. Нет, я не обижаюсь, но ты скучный.
- Извини...
- Мне уже не хочется на эту тему... — Нэда опустила голову и вопреки своим словам заговорила: — Да, мечтала, мечтала! Жаждала! И только театр Михаила Чехова утолял мою жажду. Господи, я пересмотрела там все, каждый спектакль я помню до мельчайшей детали. Я живу этими воспоминаниями, и мне больше ничего не надо. Ну что, что ты можешь мне возразить?!
- Я не собираюсь тебе возражать.
- Возражай, пожалуйста...
- ...просто наша интеллигенция сделала искусство богом и за это получила революцию.
- Что-что?
- Могу повторить.
- Нет, ты не повторяй, а объясни.
- Уклончивым выражением глаз Стасик наводил ее на мысль, которую не хотел высказывать. Нэда некоторое время всматривалась в него, не понимая, к чему он клонит. Затем она воскликнула:
- Ах вот оно что! Да, я скучна. И этого не скрываю. Скучна, глупа, ленива. А ты катись со своей мыслью...
- Стасик улыбнулся, благодаря сестру за любезность.
- Объясняю. Хотя что ж тут объяснять! Обожествовали! Театр, живопись, музыку. Культуру, так сказать. Обрели в ней вечную ценность, высшую цель. За это и получили варварство... Не знали, что оно всегда в ней таится, в культуре-то, скрывается таким зародышем, эмбрионом... Эмбрионом грядущего хама.
- Стасик, ну после тебя... какие еще мысли можно высказывать! Ты все объяснил. Ты меня с моим театром... Но ты не сказал о Пушкине! Как же так, Стасик?! Надо, надо сказать! Ведь из него у нас сделали маленькую интеллигентскую религию!
- Я говорил тебе об этом раньше.
- А теперь еще скажи! Еще скажи! — Нэда заткнула уши, словно самым невыносимым для нее было бы сейчас услышать голос брата.
- Стасик закрыл ладонями лицо, раздвинул пальцы и посмотрел на сестру. После долгой паузы он счел нужным произнести:
- Они молчали, и каждый думал о своем.
- Нэда медленно повернулась к нему, вглядываясь в его лицо, закрытое ладонями. Затем она так же медленно произнесла:
- Теперь я понимаю, почему твоя жена, живя с тобой, любила Введенского. Я бы в него тоже с горя влюбилась...

15. Начало тридцатых. Свидетель мнимой ревности

После Нового года Костылины, не изменяя давней традиции, все-таки встретили Рождество и старый Новый год, и на этом новогодние праздники закончились: Алесь вынес во двор наполовину осыпавшуюся елку с

кусками ваты и обрывками серпантина на ветках, а Галина Ричардовна вымела из щелей паркета порывевшие иголки, сложила в коробку елочные игрушки и вместе с дедом-морозом убрала на антресоли.

Когда Стасик и Нэда учились в университете и еще были на свободе Николай Глебович и дядя Валентин, Костылины проделывали весь этот ритуал позже — после зимних каникул. Но сейчас осыпавшаяся елка напоминала Галине Ричардовне о том, что Николая Глебовича и дяди Валентина с ними нет и ее дети давно не студенты и сама она постарела с тех пор, как отправляла их на каникулы в Самару, обещая сохранить до их возвращения маленькое срубленное деревце. Теперь надо ждать, когда повзрослеет Даша и у нее тоже начнутся каникулы — сначала школьные, а потом университетские, и тогда можно будет долго радоваться хвойному запаху в комнатах и включать по вечерам разноцветные лампочки.

Впрочем, сама Даша ждать не хотела, и ее пришлось увести гулять на то время, пока Галина Ричардовна снимала игрушки. Напоминание о прошлом заставило поторопиться с привычным ритуалом, к тому же недавний развод Стасика, участвовавшие ссоры между Нэдой и Алесем вынудили убрать обманчивый символ патриархального согласия и семейного единения. Когда Даша вернулась с прогулки, на паркете осталась лишь разобранная крестовина и следы от мокрого веника. «А где же?!» — спросила она, не решаясь прямо назвать предмет, которого не было перед глазами. «Дашенька, елку забрал Дед Мороз. До следующего Нового года», — вовремя нашлась Галина Ричардовна. «Почему?» — Девочка задала вопрос, обычно затягивавший тяжбу с взрослыми. «Так полагается», — Галина Ричардовна знала, что на этот вопрос следует отвечать коротко. «А как он ее унес? Через форточку?» — снова спросила Даша, как бы заключая на этом маленьком чуде перемирие с родителями. «Да, да, через форточку», — рассмеялась Нэда, снимая с дочери шапку и валенки.

Проводив старый год, Стасик стал потихоньку выбираться из-за своей баррикады, ужинать вместе со всеми и даже делиться, то есть рассказывать вечером о том, что случилось днем. Галину Ричардовну обрадовала эта перемена, которую она сравнила с первой ласточкой и суеверно добавила: «Только бы не сглазить». Ее вновь охватили мечты о женитьбе сына, и она в душе пожелала, чтобы Стасик все-таки встретил хорошую женщину — пусть не красивую, но любящую, заботливую, с добрым сердцем. Не получилось в первый раз, — даст бог, получится во второй! Если не сидеть бирюком в своем углу, не мучиться и не страдать понапрасну. Как говорится, под лежачий камень...

Угадывая мечты и надежды матери и тщетно пытаясь обуздать их разумными доводами, Стасик волей-неволей стремился заручиться поддержкой Нэды, которая должна была внушить ей, что с женитьбой спешить не стоит, но Нэда не слишком охотно поддерживала брата, тем самым напоминая ему о выборе, сделанном им меж нею и Алесем. «Как ты, так и я», — словно бы говорила она, сохраняя холодный нейтралитет в спорах между матерью и братом.

Стасик не обижался, терпеливо дожидаясь возвращения первой ласочки, выпущенной на волю сестрой. Своим терпением ему хотелось уравнять прошлогодние и нынешние отношения с домашними, но Нэда к ним постоянно что-то прибавляла, и поэтому Стасик словно не успевал угнаться за растущей суммой. Он старался уменьшить прибавок, открыто объяснившись с сестрой, и Нэда торжествующе уличала его в тайной враждебности. «Брату, конечно, надо жениться, чтобы не быть таким злокой, — говорила она, значительно поглядывая на мать и как бы обсуждая вопрос, касающийся их обеих гораздо больше, чем Стасика. — Иначе он меня целиком проглотит, а тобою и Татой закусит. Единственная надежда для нас всех, что какая-нибудь его подберет». — «Стасику нужна не какая-нибудь, а очень порядочная женщина, — возражала Галина Ричардовна, пользуясь случаем лишний раз напомнить о своем мнении в присутствии сына. — Вот если бы ты почаще приглашала в дом подруг...» Выделяя это слово, Галина Ричардовна как бы подчеркивала, что подруги, способные составить счастье Стасика, должны отличаться от тех, которых Нэда обычно приглашала на чай. «Пожалуйста... Весьма охотно», — соглашалась Нэда, по-своему радуясь присутствию брата. «Хватит вам! Надоело!» — не выдерживал Стасик, рассерженный не столько этими выпадами, сколько тем, что его заставили рассердиться.

Выпады Нэды оставляли Стасика равнодушным до тех пор, пока они внезапно не прекратились и не заставили его заподозрить, что сестра нашла иной способ испытать прочность мужского союза. Вместе с выпадами прекратились и визиты подруг, зато сама Нэда все чаще исчезала из дома, как бы отдавая себя на растерзание их ответному гостеприимству, и допоздна задерживалась в конторе, где шелкала на счетах и стучала на машинке. Алесь принимал это как должное, просто-душно сочувствуя жене в том, что ей приходилось надолго отлучаться из дома. Для него такие отлучки были бы наказанием, поэтому подозрения, возникавшие по поводу Нэды, упирались в его собственную непогрешимость, и Алесь готов был нести незаслуженное наказание, чтобы лишить ее сомнительной награды.

«Хочешь, я тебя встречу после работы? Ты ведь так устаешь...» Нэда не отвергала его сочувствия, но при этом оставляла за собой преимущество в том, что платила мужу снисходительной благодарностью. «Спасибо, дорогой. Ты у меня очень заботливый...» Часто на глазах у Стасика она заключала Алеся в самые нежные объятия и, кротко положив голову ему на плечо, принимала блаженный вид человека, позволившего себе минуту долгожданного отдыха. «Ах!» — вздыхала Нэда, тем самым выражая признание, что она не способна поведать о том, как устала она и от гостей, и от службы в конторе.

При этом она украдкой поглядывала на Стасика, как бы предлагая невинное испытание его доверчивости. «Если тебе угодно, ты можешь принимать все это всерьез, — словно бы говорил ее взгляд, — но в таком случае мне тебя искренне жаль». Стасик в ответ улыбался сестре, но смотрел на нее чуть дольше того времени, которым могло удовлет-

вориться слепое доверие. «Мы друг друга поняли», — как бы говорил он, принимая условие поединка, скрываемого за взаимными улыбками и красноречивыми взглядами.

Понимание Стасика таило угрозу для Нэды, но она намеренно не пыталась защититься, принося себя в жертву тому соблазну разоблачения, который охватывал брата. «Неужели ты меня выдашь?!» — словно бы спрашивала она Стасика, для которого унижение заключалось в победе, и она добровольно отдавала ему победу, чтобы похитить у него унижение. Разговаривая по телефону в отсутствие мужа, она часто произносила мужское имя — Алекс, которое иногда оборачивалось загадочным иносказанием — Олеандр, а однажды спрятала в столе у Стасика одеколон и бритву, предназначенные явно не для Алеся. «Что это?» — холодно спросил Стасик, обнаруживая в ящике стола посторонний предмет. «Это для одного из наших. Подарок ко дню рождения. Мы всей конторой собрали деньги, и мне поручили купить. Пусть пока полежит, а то Алесь такой ревнивый. Еще подумает что-нибудь...» — беспечно ответила Нэда, как бы приглашая брата в свидетели мнимой ревности мужа, чтобы тем самым вызвать его собственную ревность.

Она испытывала Стасика тем, что придиричivo взвешивала на самых точных весах его любовь к сестре и дружеское расположение к Алесю, и Стасику было все труднее выдерживать испытание. Неспособный предать Нэду, он чувствовал себя предателем по отношению к Алесю, мучился, выдумывал для себя оправдания и в конце концов готов был воскликнуть: «Да какое мне дело! Что я им, нянька, что ли! Пусть сами разбираются в своих сложностях! У меня их и так хватает!» При этом он ловил себя на том, что оплачивал желанный нейтралитет за счет обязательств друга в то время, как обязательства брата перед сестрой оставались цельными и нетронутыми. Значит, он все-таки жертвовал дружбой ради любви, невольно нарушая равновесие весов, установленное Нэдой?

Замечая, что Нэда именно так и считала, Стасик сопротивлялся зависимости от мнения сестры и отвечал ей попыткой бунта. После разговора с Нэдой он долго не задвигал ящик стола, задумчиво разглядывая его содержимое, а затем решительно достал одеколон и вместе с лезвиями переложил в шкатулку Нэды. «Извини, у меня в столе мало места». К удивлению растерянной сестры, он вышел из комнаты, но на пороге не выдержал и обернулся, тотчас же пожалев об этом: Нэда с облегчением улыбнулась и небрежно закрыла шкатулку.

Эта улыбка сестры убедила Стасика, что Нэду ничто не заставит отказаться от самолюбивого сознания власти и над ним, и над Алесем, и над прочими людьми, вызывавшими ее любопытство, но неожиданно Нэда перестала произносить по телефону мужское имя и вечерами отлучаться из дома, а злополучный одеколон бесследно исчез из шкатулки. Стасик с недоверием отнесся к этой перемене, готовый к новым подвохам со стороны сестры: ему казалось, что явное грехопадение Нэды стало тайным, а прежнее испытание для него превратилось в пытку.

Он ждал от Нэды такого же бунта, на который отважился сам, но сестра с покорностью принимала его недоверие и, не стремясь разубедить в нем брата, не предпринимала попыток посеять новое. «Чем богаты, тем и рады», — как бы говорила она, доставая все ту же коробку с нитками и аккуратно штопая дырочки на носках Даши. Покончив со штопкой, она принималась за стирку, а после стирки бралась за глажку, чего раньше никогда не случалось, но теперь со всей очевидностью доказывало, что Нэда исправилась.

Постепенно привыкнув к этой мысли, Стасик с облегчением почувствовал, что его пытка закончилась, но однажды, зайдя на кухню, застал сестру в странном оцепенении, с потухшей папиросой в руке, с напряженно выгнутым запястьем, подпирающим подбородок, и с такой жалкой растерянностью в глазах, что он не выдержал и отвел в сторону взгляд. «Прости, пожалуйста. Мне нужен уют. Ты, кажется, недавно гладила?» Нэда махнула рукой, отсылая его к предмету, наиболее далекому от того, что она чувствовала: «Возьми... он там...» — «Спасибо... — Стасик поблагодарил, задерживая внимание на этом предмете и осторожно отыскивая доступ к другим. — У тебя ничего не произошло? Может быть, на работе?» — «Нет, нет, ничего. Ты будешь гладить? Сейчас я освобожу...» — сказала Нэда, ломая в пепельнице потухшую папиросу. Стасик остановил ее руку: «Может быть, тебе помочь?» — «А у меня все прекрасно! — Нэда с вызовом подняла плечи. — Замечательно! Лучше не бывает!» Стасик посмотрел на нее с замешательством и снова отвел взгляд. «Может быть?..» — «Ты не волнуйся. — Она предупредила его вопрос. — Просто твоя сестра сдуру влюбилась. И, конечно же, во Введенского — а в кого же еще! В него все влюбляются — вот и она тоже. Пала. И ей теперь крышка. А про твою жену я тогда со злости брякнула. Она перед тобой чиста. Как ангел».

После этих слов Стасик долго — несколько дней, — не мог преодолеть охватившего его замешательства и, хотя Нэда старалась не напоминать об их разговоре, настойчиво искал поводов возобновить его. Стасика не покидала надежда, что он в чем-то ошибся, чего-то не понял, что-то упустил и ему все показалось не таким, каким было на самом деле, но стоит вновь заговорить на эту тему, и недоразумение исчезнет, все прояснится и покажется таким. Поэтому Стасик нарочно заходил на кухню, когда Нэда курила одна, и, глядя на сестру, пытался поймать в ней прежнее выражение растерянности.

Но Нэда держалась уверенно и спокойно, с насмешливым любопытством наблюдая за его попытками и словно не догадываясь о значении адресованных ей озабоченных взглядов. «Видишь ли, я много думал о нашем разговоре... — Она молчала. — Понимаешь, твои слова... — Она беззаботно отворачивалась к окну. — Да хватит, наконец! Я твой брат и могу поговорить с тобой откровенно!» Так он воскликнул, потеряв терпение и почувствовав, что возненавидит себя, если не сумеет заставить сестру подчиниться.

Нэда посмотрела на него с интересом. «Что же я, по-твоему, должна сделать?» — спросила она, уступая его решительности с угрозой не-

медленно выполнить то, о чем он попросит. «Я не знаю... ты...» — Стасик словно не находил просьбы, которая бы отвечала готовности сестры ее выполнить. «Говори, говори. Ты же хотел откровенности», — насмешливо напомнила Нэда. «Не знаю. Ты должна сама», — Стасик с сожалением обнаружил, что его решительности хватило ненадолго. «Что я должна? Поговорить с Алесем и во всем признаться?» — Нэда как бы ждала от брата того же ответа, который дала себе сама. «Объясни хотя бы, как ты себе мыслишь?..» — спросил Стасик, чтобы ничего не отвечать. «А никак», — Отклонив вопрос, Нэда снова ждала ответа.

Стасик же поймал себя на чувстве невольной вины и перед сестрой, и перед ее мужем. И ему захотелось убедить себя, что он тоже страдает, что ему мучительно тяжело быть свидетелем разрыва между Нэдой и Алесем, что он с готовностью поменялся бы с ними местами, но при этом каждый оставался на своем собственном месте и страдания Стасика не облегчали его вины. Он даже заподозрил себя в тайном желании увидеть сестру такой же несчастной, каким был он сам, но сейчас же ответил себе, что он — любил, а она — не любила, поэтому с его несчастьем сравниться ничто не может.

16. Разговор шестой. С лупой в глазу

— Побывать на Остоженке? — Галина Ричардовна вздохнула, словно этот вопрос относился к разряду таких, на которые — при всей их простоте — очень трудно ответить. — Не знаю... нет... Мы были там с отцом Николаем, сразу после того, как взорвали Храм, и теперь это место... Нет, мне бы не хотелось там бывать.

Она наконец нашла ответ и посмотрела на Стасика как на человека, которого он явно разочарует.

— Что ж, — Стасик попытался скрыть разочарование, — я понимаю, я всех понимаю. — Его принужденная улыбка была адресована Нэде и тете Тате, от которых он еще раньше услышал такой же отказ. — Тогда я поеду один.

— Поезжай, поезжай. Вспомни прошлое. Потом расскажешь. — Нэда положила в стакан кусок сахара так, как будто ее слова нуждались в каком-то неопределенном добавлении.

Стасик долго следил за тем, как она размешивала ложкой чай.

— Да, поеду, — сказал он, поднимаясь из-за стола, словно после принятого решения он уже не мог сидеть вместе со всеми.

— Может быть, кого из соседей встретишь... в наши окна заглянешь. — Галина Ричардовна украдкой смахнула слезу.

— А кто там теперь живет? — спросила тетя Тата с участливой заинтересованностью.

— Там теперь часовая мастерская. Старик сидит с лупой в глазу. По фамилии Воскресенский. Поп-расстрига. Старушки, которых он когда-то причащал, ему свои будильники приносят, а он чинит.

— Такая теперь служба...

— Такая служба... — Галина Ричардовна повернулась на стуле и обратилась к Стасику, пока он еще не вышел из комнаты: — А ты возьми с собой Дашу. Вместе вам будет веселее.

17. Начало двадцатых. Неведомая мука

Как и когда он влюбился в Зинаиду, для Стасика оставалось загадкой. Он долго не мог вспомнить самое начало своей любви — момент загадочного возникновения того чувства, которое он затем стал называть любовью, но которое, быть может, и не было никакой любовью, а было чем-то другим — хотя бы обычным страхом перед неизвестностью, похожим на страх высоты или боязнь открытого пространства. Человек, охваченный страхом, обычно боится приблизиться к предмету, вызывающему страх, вот и Стасик ловил себя на том, что не может подойти, заговорить, взять за руку, а наоборот, стремится убежать, спрятаться, отсидеться в засаде. Услышав ее голос или увидев ее среди подруг или близких, он словно бы обещал себе: нет, не сейчас, потом, когда-нибудь. Когда-нибудь через год, через два, через десять лет он согласится поддаться желанию выйти из укрытия, отозваться на этот голос, а сейчас подождет, побудет здесь, наслаждаясь неведомой мукой лишения себя того, чего ему больше всего хотелось...

18. Разговор седьмой. Двадцать лет вперед

— Вот здесь, — сказал Стасик, разводя руками в знак того, что он чувствовал себя слегка виноватым перед девочкой, ожидавшей совсем иного впечатления от места, на которое он показывал. — Вот здесь он и стоял, этот Храм, а наши окна раньше выходили на сарай... — Стасик нехотя кивнул в сторону, предвидя неизбежный вопрос Даши.

— Какие сарай? — спросила она с полным правом на вопрос, уличавший его в очевидном вымысле.

— Сейчас их нет, их снесли, но раньше там были сарай, очень старые, оставшиеся от прежних домовладельцев. Сарай, голубятни, какие-то чердаки... — Чем меньше эти слова значили теперь, тем больше ему хотелось подчеркнуть их значимость в прошлом. — А вот здесь стоял тополь, под которым по праздникам оставляли еду, одежду и мелкие деньги для странников. А вот сюда, на солнышко, выносили парализованную старушку с ногами, обернутыми клетчатым пледом, в лечебном кресле с большими колесами, в очках и чепчике, похожую на бабушку Красной Шапочки.

— И ее съел волк? — сразу откликнулась Даша на сказочное сравнение.

— Да, ее съел волк, — сказал Стасик с задумчивой улыбкой человека, умеющего на языке детей говорить о взрослых вещах.

— И ты все это вспоминаешь? О чем ты вспоминаешь?

— Так... о самом себе, каким я был двадцать лет назад. — Стасик старался на языке взрослого говорить о вещах, понятных детям.

— Ты — о себе или себе — о ты? — Даша нарочно переиначила вопрос так, чтобы понятное выглядело непонятным.

— Себе — о ты, — ответил Стасик, охотно соглашаясь на непонимание Даши.

— ...каким ты был двадцать лет вперед! Двадцать лет вперед! — Она захлопала в ладоши, радуясь победе детского языка над взрослым.

19. Начало пятидесятых. Воссияла! Эпилог

Через двадцать лет Костылины по-прежнему жили на Лосином Острове, в том же доме, похожем на пожарную каланчу. Вот только покосилась, обветшала, в землю вросла их каланча, и некому стало пожары тушить: не те пожарники! Тетя Тата умерла, тихо угасла в эвакуации, и похоронили ее, православную, на узбекском кладбище, под чинарами. Галина Ричардовна и Нэда вернулись в Москву с оставшимися после нее вещами: кофейной мельницей, палкой и старинными житиями в кожаных переплетах. Галина Ричардовна за эти годы побелела, почти совсем ослепла, стала заговариваться и всем блаженно улыбаться: костылинская детскость воссияла в ней сквозь сетку морщин, сквозь поддрагивающую пелену старческих слез, застилавших полуслепые глаза. Нэда водила ее под руки, помогала встать, показывала, куда сесть. Сама она почти не изменилась, была такой же красивой. Впрочем, побыла она с ними недолго...

Летом пятьдесят третьего стали возвращаться из лагерей, но Костылины уже не ждали. Не ждали потому, что знали: это случилось зимой, в феврале сорок седьмого. Лютая была зима, морозная, метельная: сыпало, вьюжило, кружило. И отец Николай замерз в карцере, куда его посадили за хранение антиминса, попытки тайком исповедовать и если не причащать, то хотя бы благословлять. Антиминс ему передал перед смертью другой священник — узколиций отец Силуан, а уж как он его уберег, один Бог ведает. Последнее письмо от отца Николая получили за месяц до этого. Отец Николай писал, что держится, хотя работы тяжелые, что перед ноябрьскими Бог миловал, не расстреляли. Просил прислать вязальные носки и — вот уж странная прихоть! — кусок ваты из-под новогодней елки, какую-нибудь игрушку: хотелось мысленно оказаться дома, с ними поприблудничать. Посылку с носками и ватой они собрали и отправили, но он уж, видно, не получил, не поприблудничал... И больше писем от него не было. Все-таки настиг, достал его безносый, с провалившимися глазницами Джага, ткнул в темечко, ткнул железным пальцем под самую левую лопатку. Да и не только его — до многих добрался, многих извел, не пощадил...

Алеся, мужа Нэды, убили в самом начале войны, в одном из первых боев под Брестом, сразу, наповал, словно он сам искал смерти. Стасик уберется, уцелел, лишь дважды был ранен и контужен. Вернувшись с фронта, он больше года не снимал шинели и гимнастерки, в церковь не ходил, дружбы ни с кем из бывших единомышленников, запевал обнов-

ленчества, не водил. Да и само обновленчество к тому времени окончательно выдохлось, усохло, захирело. С Введенским Стасик последний раз виделся в сорок шестом. Брошенный, забытый всеми, и друзьями и поклонницами, Александр Иванович лежал больной, измученный бессонницей, и у ног его — как верная собака, — Нэда. Она, единственная, оставалась с ним до конца, а умер он в том же сорок шестом.

Зинаиду такая участь — смиренно лежать у ног — не привлекала: на то она и Колдунова, чтобы не смиряться, а царить, возвышаться! Хотя к Нэде она относилась с затаенной ревностью, как к сопернице, пусть не очень-то счастливой, но получившей то, к чему стремилась, — свое сокровище, а с сокровищем и несчастье в радость. От самой же Зинаиды желанное сокровище уплыло: после развода со Стасиком она ждала, что понадобится Введенскому, что он ее позовет. И готова была мыть полы ради общего дела, уверенная, что ее замужество, постылые брачные узы — для него единственное препятствие. Но Введенский ее, разорвавшую узы, не позвал. Не понадобилась! Полы и так чистые! Чистые, потому что их вымыла другая: к тому времени начались их тайные свидания с Нэдой. Оскорбленная, Зинаида решила мстить, стала цепляться к нему по всякому поводу. При этом не осмеливалась говорить, что он — священник без призвания, плохой верующий или неудавшийся оратор, а стала всех уверять, что он скверно играет на рояле. Мажет! Она ухватила за это словечко. Да, мажет, мажет! Но Зинаиде это не помогло, и тогда она встретила с Нэдой и сказала, что отдает ей сокровище, а сама умирает. И действительно умерла: до конца прожила в узкой комнатушке, одинокая, высохшая, седая и — прямая. Умерла, но не сгорбилась. Ее мать Юлия Федоровна скончалась иначе — от сердечного приступа на общем собрании, где ее клеймили и поносили: попала в космополитки. И ее настиг безносый, с провалившимися глазницами. Вот и все о Колдуновых.

НА БЛИЗКОМ ВОСТОКЕ

1

Когда на берегу морском
я в детстве строил замки из песка
лепил крепостные стены, башенки,
кубики домиков на террасах
под солнцем палящим
как над древней пустыней, —
я не догадывался, что строил Иерусалим.

Когда внезапные волны
били, смывая белые стены,
дома и храмы,
я возвращался упрямо,
начинал всё сначала,
сбивал упругий песок,
возводил между ветром и морем,
как между Сциллой и Харибдой,
небывалый град,
беспомощный и бессмертный.

Вот он теперь передо мной,
беспомощный и бессмертный,
под ярким солнцем,
с кубиками домов на террасах,
с крепостными стенами, храмами,
словно великану-ребенку
купили конструктор
и он сложил это чудо;
или волшебник
подвесил к синему куполу город,
плывущий над пустыней и веком,
над морем и миром.

**Кирилл
КОВАЛЬДЖИ**

— родился в 1930 году в Бессарабии. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт, прозаик, переводчик, критик, автор десяти поэтических сборников и двух книг прозы, лауреат литературной премии Союза писателей Москвы «Венец» (2000). Живет в Москве.

А в подзорной трубе
 перевернутой временем —
 крохотный императорский Рим,
 с близоруко моргающими историками,
 а здесь, на выжженной солнцем окраине
 крупно —
 бродячий бедняк проповедник
 с горсткой неграмотных учеников
 на первом плане
 и тогда, и теперь, и навек.

Империя, между делом одобрявшая распятие,
 не заметила день Его смерти
 но зато Воскресение
 очевидное — длится и ширится,
 шире той бывшей империи
 и многих других.

Знал и не знал Иерусалим,
 что здесь появится Тот,
 Кто Священное Писание
 из сокровищницы избранного народа
 возьмет и откроет народам, народищам,
 кто Нагорной проповедью
 обратит к себе кругосветные земли,
 кроме той, не поверившей,
 что Он на ней родился..

И вот Он опять идет на Голгофу,
 сгибается под крестом,
 между двумя Писаниями —
 предшествующей Торой
 и последующим Кораном,
 раной, незаживающим шрамом,
 храмом располовиненным,
 между нами идет, как сквозь строй,
 на Голгофу,
 падает от железных гусениц танка,
 от безумного взрыва шахида
 и поднимается вновь
 и несет свой крест
 туда, где Его каждый день распинают,
 а он воскресал, воскресает,
 воскреснет.

Нечаянный паломник,
я из тех христианских стран
где передовые грешники
не ведают, что творят,
им по-прежнему легче
подчинять, воевать, ненавидеть,
чем смиряться, прощать и любить.

В цивилизованных странах
в рамах и в изваяниях
мертвый Христос на кресте,
но, попирающий смерть,
Он и тут, и там, и везде,
воскресающий в каждом,
кто принял Его.

* * *

Небо ближе на Святой земле,
ниже, чем где бы то ни было,
оттого здесь, как через балкон,
разговаривал
Иегова с Моисеем...

* * *

Существует Иерусалим
в умозрительности, вообще,
если не предстал очам твоим
город сей с горами на плече!

Существует Иерусалим.

Знать-то знал, но разглядеть не мог.
Непутёвый старый пилигрим
после долгой тысячи дорог,
наконец, застыл я недвижим
перед ним, с кем сообщался Бог.

Существует Иерусалим.

Иерусалим

Масличная гора и Гефсиманский сад.
Сегодня, как и сотни лет назад...
Среди молящихся, уверовавших истово,
стою, а на душе — и странно, и светло.
Да будь я стопроцентным атеистом,
покаялся б: что-то здесь произошло!
Здесь мир един. И перекресток розни.
Благая весть. И дьявольские козни.
Оазис — рай, где пальмовые чащи,
сосед — пустыни ад, котел кипящий.
Пейзажи — вроде съемки комбинированной:
то ангельски сияют небеса,
то рядом, там, за тучею минированной —
шахидки примеряют пояса...

* * *

дорога на Гологофу?
базар ближневосточный.

арабские лавчонки
на Via dolorosa —
горячие каменья,
как лысины в аду...

(вот здесь на «третьей станции»
Он под крестом упал)

горластые торговцы
поделки сувениры
жара толкучка гвалт

дорога на Голгофу
не здесь

не только здесь

* * *

Живая вода Иордана
втекает в Мертвое море
с приказом не помирять...

Легко, как седой одуванчик,
по Иерусалиму Григорий
идет — мудрец Померанц.

Тело войной изранено,
лагерем жизнь поломана,
казалось бы — навсегда;

но вот на девятом десятке
сподобился стать паломником
в Святые места.

Прямо из Домодедово
сюда за четыре часа...
Наверно, он думает: все-таки
бывают чудеса.

* * *

— Почему Иуда предал Христа?
Пишут книги, а всё темнота.

— Слышал Слово и видел чудо:
Почему же Бога предал Иуда?

А ответ (все заветы просты):
— Потому, чтоб не предал ты!

ДВА РАССКАЗА

Бег времени

Эта история любви обрушилась на меня бурно, как водопад. Дело происходило летом в Питере — шел второй день Великой Жары. На небе показалось облако в виде кукиша и сразу же испарилось. Нора (Элеонора) приготовила себе и мне влажные марлевые повязки, которые нужно было прикладывать к носу, чтоб продышаться — так советовали по радио.

При этом у Норы была хризантемная стрижка (все волосы завихрились по часовой стрелке), а цвет — с фиолетовым оттенком. И в глазах у меня стоял фиолетово-сиреневый туман. В общем, мы обе так плохо соображали от этой жары, что про нее же и забыли (марлевые повязки так и не были надеты).

В свое время мы вместе с Норой учились на первом курсе филфака, как вдруг заболела ее питерская тетя, и вся семья их перебралась в город на Неве.

В 1999 году издательство «Лимбус-пресс» пригласило меня в Санкт-Петербург для работы над моим романом. Через своего редактора я разыскала Нору, и она пригласила меня в гости.

— Нора, это твой портрет? Словно негатив фотографии... А кто написал? Что за техника?

— Темпера на доске. Муж мой написал. Кстати, о грузинах: они чем старше становятся, тем чаще встречаются с друзьями. Давай выпьем чего-нибудь сухого за то, чтобы чаще встречаться!

И вот тут-то ее история любви обрушилась на меня, как водопад (видимо, что-то такое нам требовалась как лекарство от жары)...

— Букеты пудовые носил моей подруге — знаменитой Кате-клоунессе, — Нора покачала головой. — И началось-то все с того, что она — подруга — попросила меня проверить его на донжуанность. Мол, значь свидание — якобы ошибись номером, а потом разговори..

Но как проверять человека на донжуанность, нет, нет! Тем более, что он только что стал знаменит как сценарист! На заре перестройки Ленфильм снял картину о бомжах — все газеты обсуждали.

**Нина
ГОРЛАНОВА**

— родилась в Пермской области. Закончила филологический факультет Пермского государственного университета. Автор (в соавторстве с Вячеславом Букуром) «Романа воспитания», повестей «Учитель иврита», «Тургенев — сын Ахматовой», «Лидия и другие» и т.д. Печаталась в журналах «Звезда», «Знамя», «Континент», «Новый мир», «Октябрь». В 1996 вошла в shortlist претендентов на Букеровскую премию. Живет в Перми.

Но даже не в этом дело, а в том, что его звали Николай!

У Норы кругом Николаи и Алексеи.

На четвертом курсе ей нравился Николай с третьего курса. Даваясь томом политэкономии в читалке, она смотрела на него, но он ее не замечал.

Затем был роман с Алексеем — в 77-м году. Запомнила год, потому что он говорил про эти семерки: «два топорика». Тут нужно заметить, что Нора была маленького роста. Ей казалось, что ее не замечают — старалась привлечь внимание: носила много оригинальных золотых колечек. Алексей просил ее снимать все колечки вечером — якобы они его царапают. В общем, однажды ночью он тихо ушел от нее со всеми колечками и исчез.

Вскоре за Норой стал ухаживать Николай... по фамилии Алексеев! Это сочетание так ее настораживало, что она в конце концов рассталась с ним.

Затем ей понравился тележурналист Алексей. И хотя отчество у него оказалось — Николаевич, однако Нору это совершенно не тревожило. Но он вдруг заявил:

— Ты слишком сильно меня любишь!

— А я думала: любви много не бывает.

Ну, а он так не думал...

Когда-то бабушка Норе обронила: «В нашем роду женщины счастливы через поколение. Я не была счастлива, твоя мама да, была, а тебе вот опять не везет»...

— Зачем бабушка тебе про это сказала — словно запрограммировала? — с сомнением тогда спрашивала у Норы подруга Катя.

А теперь что — та же Катя втаскивает Нору в сомнительную историю. Да еще снова на горизонте Николай. Не надо!

— Он приехал из Грузии, но уже насквозь пропарженный, неужели тебе совсем не интересно, Нора? — уговаривала подруга. — Ну, ты же знаешь, с каким подозрением я отношусь к мужчинам с длинными ресницами! Надо проверить его, надо.

И вот Нора покорно позвонила. И он согласился на свидание. Она сразу бросила трубку (проверила ведь уже). А у него там, где снимал комнату, оказывается, был определитель номера. И он пришел! С вином, которое ему с проводниками присылали родители из Тбилиси.

Во время ужина Нора зажгла 2 свечи (проверять так проверять).

— Ешьте, у меня салаты комбайн режет, я не устаю.

— А комбайнер? — Когда Ник спрашивает, два пальца сжаты на обеих его руках — большой и указательный.

— Что?

— Комбайнер есть? Харашо, что нэт (она не поняла, он акцент иногда невольно подпускает или зачем, ведь может говорить совершенно без акцента). А вот бокалы эти красивые, только отливают нефтью — словно пленкой покрыты, и не располагают к питию. Дай другие.

Она поставила два металлических кубка, в свое время их не украл вор Алексей, поэтому они сохранились.

— Что за медальон на груди? — спросил он и нырнул носом в вырез футболки. — Родинка овальная!

Когда Николай только вошел в прихожую, он показался ей — с первого горяча — чуть ли не уродливым: такая челюсть — на ней еще одно лицо разместить можно.

А после первого бокала ей уже казалось: он так по-грузински красив, что ему не хватает шрама на лице. «Это я выпила, и все стало голубым и розовым».

Сказала Николаю про нехватку шрама, а он сразу: «Откроем салон для красавцев — ШРАМ НА РОЖЕ? Вам какой шрам — от сабли или от кулака с когтями?».

— Нора, я сейчас осушу еще несколько бокалов, мои остроты будут становиться все более плоскими, поэтому я заранее прошу меня извинить... А ты больше не пьешь?

— Я пьянею от присутствия пьющих.

— Это надо запатентовать! Откроем ресторан, где один пьет, а все пьянеют от его вида. Общество непьющих алкоголиков. Ну, как от эротической картины — все же заряжаются...

На другой день он повел ее на свой фильм. Там достоверно все: один спившийся математик работает дворником — шапку низко на глаза натягивает, чтоб не узнали. «Я подсказал это режиссеру», — заметил Ник. «Губенки дрожат — терпеть не могу, когда мужик без яиц», — запомнилось из реплик.

— Норочка, вот что значит советская пленка — видишь тут: стайка комаров в эмульсии застряла, в цехе летали, значит.

— Все равно гениальный фильм, — отвечала Нора. — Бомж говорит «демоглобин» — вместо гемоглобин!

И у Ника гениальная походка... А при чем тут походка?

В воскресенье он ушел от нее в девять утра, а уже через три часа прислал срочную телеграмму: «Нора, будь моей женой!»

А еще через неделю она заметила, что сны изменились.

Дело в том, что ей уже месяц снилось, как она усыновляет ребенка. Нора делала материал о привокзальных беспризорниках (их тогда было еще немного, поэтому они сильно поразили ее). И вот во сне она моет в ванне мальчика лет восьми, расчесывает его, кормит — он открывает рот воронкой, как птенец в гнезде. А с появлением Ника все эти сны прекратились.

Подруга Катя потом звонила и во всем обвиняла Нору:

— Есть у тебя какая-то беспощадность. Это беспощадность маленькой женщины! Вам — маленьким — трудно сравняться с нами, больши-

ми, сил мало. Вот вы и становитесь беспощадными к себе, чтобы сравняться. Ну а потом переносите свою беспощадность на всех... Ты играешь роль женщины-девочки, а на самом деле...

Тут Нора повесила трубку. Она поняла логику подруги: Кате, как всякой крупной женщине, хочется представлять себя трепетной птичкой. А на самом-то деле!.. Недавно Нора писала статью о коммунальщиках и договорилась с базой, что Кате продадут большую ванну (тогда еще только по знакомству можно было решить такую проблему). И вот приехали вдвоем на базу. Так Катя прямо в шубе легла в ванну, чтоб примерить — не мала ли — в окружении трех грузчиков.

У Норы, конечно, были свои проблемы. Корректорша заметила недавно:

— Какие у вас опечатки, Норочка! «Пересписка» вместо «переписка».

Но даже не в этом дело (сказала мне Нора). Тронуло, что Ник в свои сорок искал ровесницу, а не гонялся за юными и длинноногими.

Да, он был некогда женат, но давно жену увел от него богатый сосед еще в Тбилиси. Детей нет.

На этом месте я переспросила Нору:

— Богатый сосед?

— Очень богатый. Так говорил Ник. Мол, жена прямо вокруг него — соседа — обвилась, как виноградная лоза, правда, довольно увесистая...

— Очень богатый. Ты прости, что я, как в сериале, но что значит «очень богатый» в советское время?

— Ну, якобы он мог пригласить 500 человек в гости и ни одной вилки не занять у соседей.

Вскоре у Ника появилось много забот: раньше все не получалось поменять квартиру из Тбилиси. А тут в Грузии началась война, его квартиру заняли. Тогда он приехал и пошел к одноклассникам — те выгнали наглецов. Потом все же удалось продать эту квартиру — есть кодекс кавказца, одноклассники вступятся...

Ник сумел приобрести в Питере «хрущевку» — в рабочем районе, но зато до Невы семь минут ходьбы, уже в мае корюшкой пахнет — ее ловят и продают в киосках.

Вскоре рядом купили жилье родители Ника — они навсегда покинули Грузию. Он часто упоминал, что отец «журит» его. На полном серьезе — это в сорок-то с лишним! Подруга Норы (не та, клоунесса, а другая — Вика — говорила по этому поводу: инфантил).

Знакома Нору со своими (мать — грузинка, отец — украинец), Ник сказал:

— Великий человек! Я не преувеличиваю. Отец — великий человек. Всегда умеет заработать деньги!

Вскоре выяснилось, чем зарабатывает отец — гороскопами для... кошек. Ну, не простых, конечно, а разных там колумбийских и сиамских.

Ник отремонтировал «хрущевку», эффектно всюду развесил свои картины. Удачно сумел сдать свою квартиру иностранцу. Общался с ним

на своем нахальном английском, правда, так и не вспомнил слово «мусор» — пальцем показал, куда нужно выносить мусор. Рассказывал Норе, что у англичанина под пиджаком — футболка с портретом Гагарина в космическом шлеме. «И знаешь: смотрится!»

Он был очень буржуазен: замечал любой новый коврик в квартире друзей.

А писал о бомжах! Почему? Она не понимала.

А у Норы от мира маргинального была только мышь, которую она звала почему-то по отчеству: Савватеевна. Мышь появлялась по вечерам, когда Нора и Николай молча смотрели телевизор. Как-то Савватеевна отличала голос живой от голоса из ящика. И выходила, потому что думала: хозяев нет.

— За преодоление морозов в природе и творчестве! — Это был уже новогодний тост Норы — вскоре после их регистрации в ЗАГСе.

— Любой питерец и москвичоныш добиваются всего, а я что — не могу, что ли?

У Ника начинались проблемы с работой: один сценарий никто не брал к постановке, другой застрял на середине и не хотел сдвинуться с места.

Но Нора поминутно ухаживает за розами, что он подарил. Трогает, вздыхает: вянут! Ставит то в горячую, то в уксусную воды, вдруг начинает сыпать в вазу аспирин, два раза в день концы подрезает и разбивает молотком. В 12 ночи стала бить молотком по концам роз, пришел сосед ругаться — что вы стучите.

— Знаете, — сказал ему Ник, — ваша светлая рубашка к этому пиджаку не подходит!

— Вот что: поедem завтра с утра на дачу, — осенило Нору. — Там так... у тебя сценарий полетит просто!

Дачу она после смерти родителей сдавала, но недавно арендаторы съехали.

— Кто изобрел крылечко? — спросил Ник, когда входили в дачный домик. — Запатентовал? Наверно, нет! А сколько бы денег сейчас получал человек!

Упал, сломал палец. Приехали в больницу. Когда палец загипсовали, первым делом Ник спросил: а кто изобрел гипс?

— Кажется, скульптор, у которого кошка сломала ногу. А что?

— Он запатентовал это изобретение? Что ты смеешься! Ну, конечно, дело не в деньгах, а в их количестве.

Она с неделю называла его «Ваше Количество».

— Что в коробке, Ваше Количество?

— Купил чашки чайные, похожие на инопланетные — словно занесенные из альтернативной истории. Дешево. Удачно!

Любил удачу в делах денежных. Сначала только отдельные фразочки проходили. Когда она сказала, вернувшись из командировки, что в

Москве в гостинице «Россия» в номере были даже... нитки всех цветов и иголка, Ник спросил:

— А денег там не положили?

— Ты прямо как в «Подростке» у Достоевского — он миллион хотел заработать.

— И заработал? — со жгучим интересом спросил Ник.

У него оказались странные пробелы в образовании. Мог, например, спросить: «У Гомера что стоит почитать?» (а у Гомера не собрание сочинений).

Норе это казалось забавным. Она читала все, что читали в Питере, отдаленно в юности была знакома с Довлатовым, пару раз оказывалась в одной компании с Валерием Поповым. У нее уже к сорока годам было имя в журналистике, заработанное собственным юмором. Кроме того, половина тележурналистов — ее однокурсники, и все это было брошено под ноги Нику, но никак не срабатывало. Дела его не шли, он начал много пить.

Один раз не явился ночевать.

— Моцарт шел жену предупредить, что на обед не придет, а ты!

— Тоньше делай сочни (в чебуреках).

— Я специально толще делаю, чтоб можно было наестся — мало фарша. Не ходила за гонораром сегодня — заснула под утро и весь день проспала. Ты же не даешь мне ни копейки...

— Так мне нужна машина! Я уже сдал на права.

— Смотри, Ник: в рекламе как легко они с рюкзаками вспархивают в вагон электрички, а уж я-то знаю — с рюкзаками трудно залезть в вагон! Сама на электричках ездила на дачу.

— Нора, забудь об электричках! Завтра покупаю машину.

— Какую?

— Ладу-112. Знаешь, это не машина, а такой веселый парень, все время рвется в скорость — я опробовал (покупал с рук).

Нора заметила: стоило ей полюбить Ника, как мужчины вдруг стали всюду с нею знакомиться. На обед она ходила в одно и то же кафе «Красавица». И вот сосед по столику рассказал ей, как в детстве сбежал из дома, родители — в милицию, а там уже все знали — по ТВ шел фильм о Джеке Лондоне, и множество подростков побежали поступать в мореходки... Он так просил у Норы номер телефона, этот бывший подводник, но она — конечно — сказала, что замужем.

Дома она между прочим пересказала эту историю Нику — вдруг ему в сценарий куда пригодится — хоть и не про бомжей, но все-таки. А он страшно занервничал:

— Этот подводный флот и на суше найдет свою цель! — и вдруг сказал диктору Осокину: — Да пошел ты, козел! (И выключил ТВ. А в чем он виноват — ведущий? В том, что Ник не успешен?)

Впрочем, все можно понять: сценарий не идет, вот он и срывается.

Налил себе рюмку водки, быстро произнес тост:

— Творческих узбеков, как говорят у нас в кино!

— Зачем ты стал писать штампами и блоками? — спрашивала она, тут же целуя мужа, чтобы затмить резкость.

— Тут штамп, там блок — глядишь, и доллар в уголок!

Ник в это время получил грант (ну, что значит получил — Нора помогла через своих знакомых). Такой большой грант: три тысячи долларов! Так долго отмечал. Она сказала наконец:

— Ты, конечно, очень здоровый, но любое здоровье подвергается воздействию грантов.

Когда через неделю по ТВ говорили о вирусе, подобном СПИДу, который нашли в Чернобыле, Ник заявил:

— Все, снимаю с себя нравственные вериги!

Нора думала, что это такая шутка.

На другой день она увидела у магазина косметики машину мужа, села и спросила:

— Странно: что ты тут делаешь?

А в это время впархивает через заднюю дверь молодая синеволая девица:

— Тетенька, куда вас подвезти?

Свитерок у молодой — мохеровый, серый, шерсть клубится в виде завитков, а Нора скрючилась улиткой и не знала, как достойно выйти... Потом руками задвигала, как черепаха, в разные стороны. Вышла.

Подруга Вика говорила: надо губы утром массировать зубной щеткой, чтоб сохраняли упругость... и подбородок рукой не поддерживать, а то на шее морщины.

— И вот что, Нора — прекрати носить коричневое! (Это уже третья подруга вещала — Галка) Мужчины на коричневое не реагируют. Не сексапилен этот цвет.

— Я еще месяц назад помаду на его плавках нашла... но он уверял меня, что это мой цвет. А сейчас я вспоминаю, что он покраснел блудливо.

Когда Ник приехал за вещами, она ела половинку хурмы, и косточки громко упали на пол.

— Вот-вот, — сказал он, — нет ковра! А если б у тебя на полу лежал ковер, косточки упали бы бесшумно.

Вдруг она увидела с неприятной отчетливостью... он — лысач, настолько брюзга, что первый звук, который он издает (перед фразой): брю-у...

В сердце сделалось — словно море, и волны ударяют одна за другой, как бывает в бурю. Что я в нем находила? Бочка дегтя и всего одна ложка меда.

— Жен обижают все, — сказала она Нику как можно спокойнее.

— Точнее, так: все жены обижаются.

— Когда я люблю человека, люблю его кормить. А вдруг месяц назад стало неохота готовить. Ведь еще месяц назад стало...

Вскоре они развелись.

Но она не сумела поставить точку в отношениях — осталось много-много. Ник часто звонил:

— Тебе сам Николай Спасибо звонит! — и потом сетовал, что не везет.

Норе долго не удавалось освободиться от жалости к нему и себе, хотя работала больше прежнего и ко всему прочему согласилась вести колонку в новой женской газете «Катюша».

Еще пересекались в разных компаниях. Подруги Норы (с клоунесой Катей помирились) стали звать его «прихехешник», но и он не оставался в долгу. Одну звал вороною, хотя она — Галка (Он зовет меня вороной, хотя я — Галка). Вику он высмеивал за ее сережки «до пупка». Кате сказал, что эта страна не предназначена для проживания — «как ты тут осталась, зачем, с твоей-то известностью»!

— Надо уметь находить бреши и ниши. Ниши и бреши. Я умею, — отвечала Катя.

Вдруг Норе замаячила ниша в Швейцарии.

Пригласили на конференцию по гендерной тематике. Все оплачивалось: дорога, проживание. Она обрадовалась возможности переключиться. И там вдруг в какую-то минуту почувствовала себя совершенно спокойной. «...Ну просто, как большая! Горы вокруг, какая-то из них Монблан (но они мне не представились)». Так писала она подругам по электронной почте. «На роскошных длинных ногах — высокогорное шоссе».

Отправилась в Шильонский замок, где Байрон накарябал свое имя. Была ли там — в подземелье — подстилка для шильонского узника? Неужели он спал без?

«Колечко купила — ну, болезнь, сами понимаете».

Ей отвечали: «Ник спал на горящем диване, от которого осталось 30 сантиметров. Но жив и невредим».

Да, жив и невредим. Только после пожара две недели он выхаркивал такие черные сгустки — из каждого можно развести целую бутылку чернил! Так он рассказывал Норе, когда она вернулась и позвонила.

Между тем он опускался и все больше становился похож на своих героев — бомжей.

В гололед она катилась по улице вниз, а впереди катился по тротуару Ник. И она его чуть не сбила, катясь, и крикнула: «Еду за гонораром, спешу».

— А деньги опять маленькие, — крикнул он вслед.

Она хотела спросить: где твоя машина — пропил, небось, но промолчала.

На другое утро выглянула в окно — на скамейке кто-то спит! Он? Испугалась. Нет, не так. Пожалела. Побежала вниз, но это оказалась шуба — сосед с 4 этажа ночью выкинул шубу жены (поссорились).

Вдруг Ник стал звонить Норе, Кате, Вике и Галке, со всеми вел разговоры о любви, о том, как получилось, что у них нет детей... и даже о приемах предохранения от беременности. Подруги затем долго перезванивались в недоумении.

Но все быстро выяснилось: он три дня писал рекламу презервативов и создавал себе атмосферу.

Оказалось, что у него талант — стал в рекламе много-много-много зарабатывать, купил много-много квартир, все их сдавал.

В январе 1997 года у Ника умер отец. В крематории Ник подошел к Норе, посмотрел на рукав ее шубки и сказал тихо:

— А рукав-то протерся! Новую шубку нужно.

Боже мой, да что это с ним! Ведь он так любил отца, почему шубка, при чем тут рукав? Это его жена там стоит — вторая уже, кажется, после меня. Да, шубка у нее новая... конечно. Но все равно! Ведь это похороны.

На другой день она поехала на могилы родителей. Потянуло.

Отец Норы во время войны приехал с фронта в Пермь в командировку. И все думал о матери: спаслась ли от немцев на Украине. Евреев немцы расстреливали. И вот шел он по городу: темно, в поле его зрения светилось всего одно окно. Он постучал в этот дом.

ОТКРЫЛА МАТЬ! Эвакуировалась!!!

И она рассказала: так одолели в ночи мысли о сыне, что не могла спать, зажгла свет и сидела. Ее хозяева уехали в гости.

Бог посылает такие совпадения! Только Он!

На обратном пути с кладбища Нора решила зайти к Вике. Позвонила по сотовому. «Да, заходи, моя радость! Я дома». И вдруг Нора увидела: впереди идет Ник. Она не знала, живет он сейчас здесь рядом или просто спешит к приятелю. Вот он подошел к углу дома и... на морозе начинает разуваться. Ну, неужели по снегу будет ходить — закаляться? Но нет! Он... берет из кармана деньги и кладет в носок!

— Но это еще не все, — сказала мне Нора. — Несколько месяцев тому назад включая телевизор — показывают Ника! Он организовал ночлежку для бомжей — на свои деньги. То есть не только на свои — привлек разных спонсоров еще, но все-таки... Представляешь: якобы даже сам пробует там лобико: вкусно ли готовит повар!

— Поняла! Это был первоапрельский розыгрыш? Клип смонтировали из двух разных... И что: он тебя подозревает?

— Ниночка, это не розыгрыш. Он на самом деле открыл такой приют.

— Так. Он открыл. Для бомжей. Прости, что я, как в сериале, все повторяю! Ну, ты что после этого — опять много о нем стала думать?

Нора показала мне две иконы: святого Николая и святой Нины.

— Она ведь Нина Грузинская! — сказала она мне со значением.

— По-моему, святая Нина — еврейка.

— Да, еврейка, но крестила Грузию. И вот я стала за Ника молиться.

Нора стала за него молиться, и он начал опять часто-часто звонить: мол, жена не разрешает тратить деньги на приют для бомжей. Недавно приезжал в гости.

Я уже видела, что Нора с крестиком (блузки мы расстегнули, потому что жара). Она сама стала рассказывать: мама была внучкой священника и перед смертью просила дочь окреститься. В 1985 году Нора пришла в храм. Батюшка спросил:

— Вы на коне сюда прискакали?

— Простите-простите! Я с работы, поэтому в брюках...

Я уже обувалась в прихожей, когда Нора скороговоркой произносила: год назад исполнилось 55 лет — вышла на пенсию. И вдруг в жизни образовалась такая пустота, хотя подруги есть, книги.

— Это печень, — сказала я, — надо но-шпу пить.

— Это не печень. Ведь когда я увидела, что Ник открыл ночлежку, печень была та же, а я так обрадовалась! И поняла, что могу за других радоваться. Значит, надо уметь дожидаться хороших новостей. Великое дело — бег времени.

— Великое! Великое!

Собиратель взглядов

Роман написал роман. Вывесил в Интернете.

Пришел спросить, прочла ли я его. Мол, по телефону не мог, потому что потерял мой номер. Я не прочла (еще не умею заходить в Интернет, только почтой пользуюсь).

Темные очки, не женат. Изысканные манеры (ручку целует).

А был вечер, я убирала «снег» — внуки играли в зиму, и я разрешила им накрошить белый пенопласт. Говорю гостю:

— Я лишь часик смогу с тобой посидеть, сегодня ну очень устала.

«Снега», который я убирала, было так много, что я думала: Рома все понимает (как я наигралась с внуками). Но он посмотрел на меня с удивлением. Тогда я решила водкой компенсировать гостю свою вялость в беседе.

— Слава уехал на курсы иврита, а я не пью. Поэтому ты сам наливай и производи тосты.

— Чтоб писались романы и наполнялись карманы. — Он браво выпил и добавил: — Я надеюсь, что Букур сейчас мысленно с нами!

Мысленно с мужем была потом я, говоря: эх, Славочка, опять я без тебя застряла в какой-то истории...

Игра на понижение началась сразу после первой рюмки. У Ромы есть друг Белов. Я тоже его знаю. Рома стал называть его не Белов, а Еблов. Я смолчала, решив, что это такой у них юмор.

Второй тост у гостя случился такой:

— Чтоб к девяти утра не ходить на работу и получать много денег! Я опять промолчала.

— Это и к вам относится, Нина Викторовна!

Нет, это ко мне не относится. Я всю жизнь ходила к девяти на работу — почти всю жизнь. В вечерней школе — к девяти через день, зато в две смены...

— Рома, а где сейчас Белов? Давно о нем не слышно ничего.

— Я вам расскажу. Мы стояли на остановке — большая компания, вдруг он — шашь — на крышу минимаркета! И ловко так залез, как обезьяна. По голой стене. Стал кричать: «Инопланетяне захватили землю! Очнитесь, люди!» Долго кричал, мы просили его прекратить, он не слушал, потом мы ушли, а его увезли в больницу...

— Люди очнулись, — сказала я. — Но как же его жалко!

Рома сделал жест рукой: не надо — Белов до этого увел у него девушку и писал ей в стихах: «Ты вокзал, твои глаза в огне!». Рома хотел ему даже морду набить за это: что значит — «ты вокзал», все едут, что ли...

— Ну как брата по разуму все равно ведь жалко его, — настаивала я.

Рома в ответ стал ощупывать или рисовать что-то руками слева от себя. Наконец выяснилось, что он изображал не что-то, а кого-то, то есть конкретно — девушку с рыжими кудрями (ему после двух рюмок водки «Флагман» казалось, что кудрявость он запросто взмахами рук передает).

В общем, оказывается, он очень дорожил той, которая «вокзал», то есть не вокзал. Сегодня с нею окончательно поссорился. Точнее — она с ним. Он уделял этой рыжекудрявой девушке столько внимания, угощал ее красным вином, а она в ответ: «Мне нужно бежать, я спешу».

— Нина Викторовна! Внимание сейчас стоит несколько граммов дерьма! Нина Викторовна! У меня телефон в квартире по трое суток молчит! А когда я сам звоню — уделяю внимание кому-то — это ни во что не ставится. Я никому не нужен.

Тут вошел наш сосед по кухне и попросил тридцать рублей. Я сказала, что могу дать только пять. Сосед плюнул и ушел.

— Нина Викторовна, вы что — в коммуналке живете?

— Да.

— А я этого не знал. Нина Викторовна, да что же это такое!

— Рома, слушай: ты считаешь, что никому не нужен? А я думаю так: раз не нужен, два не нужен, но не стоит опускать руки. Если все время уделять внимание всем, то рано или поздно... Жениться тебе нужно, вот что! Будешь уделять внимание детям, а они знаешь как ценят это!

— Нет, жениться — это не для меня. Я сам пятый ребенок в семье. (А я-то думала, что он единственный избалованный). Нина Викторовна! Я уж знаю, что такое семья... Нет, не для меня. То есть если бы я

встретил такую... которую бы полюбил, то я готов жениться лет на пятьдесят, но я пока не встретил.

— Ром, так если ты сначала дашь понять девушке, что готов жениться лет на пятьдесят, она в тебя сразу влюбится, и если будешь вкладываться в семью, то вот и счастье.

Тут гость посмотрел на меня внимательно: вроде, пойму ли я его, способна ли вообще на это. И махнул рукой: будь что будет, а попробую объяснить.

И объяснил.

В общем, он — СОБИРАТЕЛЬ ВЗГЛЯДОВ. Идет человек, а все на него смотрят. А он собирает их взгляды — эту энергию!

Вот оно что! Видали мы таких собирателей взглядов, прямо скажем, перевидали... Один наш друг вот так всю жизнь сватался к славе-известности, да она не хотела его, и человек спился. Другой тоже сватался к славе-известности... Ладно. Хватит.

Не знает ни один мудрец, ни один провидец на свете, как сочетать жажду славы и счастье! Никогда они не сочетаются. Даже если слава придет, ее же всегда кажется мало, там бездна — на путях потребления... хочется все больше и больше.

— Нина Викторовна, вы меня понимаете?

— Нет. Разве мы для того родились, чтоб СОБИРАТЬ?

Он еще налил, еще выпил. Подумал. И вдруг повернул разговор:

— Я не для себя собираю взгляды! А чтоб потом их в роман вставить. Да, в роман! Находить интересное и в роман это все. Но кругом!.. Эх! Все такие неинтересные! Серые!

— Рома! Ты — как дитя. Тебе сколько лет?

— 34.

И в 34 года он все еще ничего не понял! Интересность никто не отдаст ведь даром-то! Это не грибы — нельзя собрать интересность, как грибы. Надо самому быть интересным, чтоб в ответ тебе интересное сообщали.

— Рома, а ты знаешь закон сообщающихся интересных сосудов? Надо отдать десять единиц интересного, чтоб получить одну единицу... Так же и с вниманием-любовью: ты отдал десять единиц — получил одну.

Он долго смотрел на меня вопросительно: компьютер работал, но не сходились цифры. Если взамен на десять единиц любви — одну получаешь, то куда деваются остальные?

Я сама задумалась. Куда они деваются — девять-то единиц любви? Раз каждый, отдающий десять, получает одну, кому достаются остальные-то? Ведь не исчезают же бесследно? Наверное, Господь посылает эту любовь избранным, своим любимцам, которые заслужили добротой, святостью.

— Что вы молчите, Нина Викторовна?

— Рома, ИНТЕРЕСНОСТЬ ДЛЯ РОМАНА вообще не приходит из разговоров! Только в процессе собственной жизни, своих поступков она появляется, Бог дает.

— А помните, у Фолкнера, а — может — не у Фолкнера... Я литературу совсем не знаю. — Он еще раз налил и выпил, после чего забыл о Фолкнере.

Но я не забыла, что обещала час времени гостю — час истек давно. И я стала говорить, что все — пора мне спать ложиться.

— Так я еще вам стихи свои не почитал!

— Ну, прочти одно стихотворение.

— Одно и самое маленькое? — саркастически уточнил он.

Тут зашел сосед опять. Он был милостив:

— Ну, ладно, давай свои пять рублей!

Я протянула ему приготовленную купюру. Рома забыл про стихи. Так что от стихов сосед меня спас! И всего за пять рублей.

— Нина Викторовна, вы что — в коммуналке живете? — спросил Рома.

— Да.

— А я этого не понял.

Оно и неудивительно, что не понял — он уже водку наливает, не отвинтив пробку — долго соображает, отвинчивает, выливает остатки (полбутылки было и нет, но я уже рада — сейчас гость уйдет, значит).

— Рома, все — мне спать нужно ложиться.

— Давайте покурим (достал сигареты).

— Нет, я курю мало, а ты покури на улице.

— Мне нужно позвонить. — Он достал сотовый.

— На улице позвони, а? Белые ночи ведь, светло. Я так спать хочу.

— Вы меня просто гоните!

— Но мы сидим уже больше двух часов. А я провела день с тремя маленькими внуками!

— Я водку не допил.

— Допил. — Он перевернул бутылку — да, допил.

— Нина Викторовна, вы же красивая женщина!

Вот так. Я уже стала красивой. Видимо, забыл, сколько мне лет, про мужа моего тоже...

— Нина Викторовна, как же так: Интернет есть, а вы не зарабатываете. Я рекламу пишу для «Серебряного дождя»... Так что, Нина Викторовна, покурим?

— Я же сказала: не хочу.

— Как это так, чтобы я не покурил с Горлановой за литературу...

Он думает, что в таком состоянии смог бы говорить со мной о судьбах русской литературы! Да, думает... И уже заговорил:

— Через двадцать лет книги выходить не будут, потому что бумаги не будет — лесов не будет, все, экологическая катастрофа.

— Я вчера читала, что наоборот — конец света — это ЗЕЛЕНАЯ ЗИМА (всемирное потепление, наверное, имелось в виду — в ирландских мифах я такое вычитала).

Гость ушел в туалет. И тут вошла моя дочь Агния. Когда Рома вышел, он остановился в недоумении (откуда взялась девушка). Но я, пользуясь тем, что он уже в коридоре, подвинула ему его сандалии:

— Давай с Богом иди, Ромочка, а то один наш гость после водки зимой вышел и лег на скамейку под нашим окном — заснул! Его уже снегом запорошило, но тут — к счастью — шла моя дочь и увидела.

— Нина Викторовна, что вы говорите! — Он ушел с оскорбленным видом, но все же на прощанье поцеловал руку.

Агния мне стала выговаривать: зачем ты так — разве можно гостю намекать, что он ляжет на скамейку...

Н-да, что-то я уже... В общем, не очень хорошо себя повела. На душе стало муторно, я пошла покурить в туалет и обнаружила — увы, — что теперь мне придется взяться за тряпку.

Убирая за гостем, я думала: вот так всегда — от собирателей взглядов всем остаются большие проблемы.

И ВСЕ МНЕ НОВО...

* * *

Я не умею ждать Тебя,
Мое заплаканное Чудо!
Ликуя, гневаясь, скорбя,
Я перелистываю груды
Дней, не отмеченных Тобой...
И новый день — как новый бой!

Вот жребий мой:
Он и прекрасный, и печальный,
Банальный и необычайный,
То вдруг такой,
То вдруг иной, —
По воле плоскости зеркальной.

И новый день — как новый бой...
Дней, не отмеченных Тобой,
Я перелистываю груды,
Ликуя, гневаясь, скорбя...
Мое заплаканное Чудо,
Я не умею ждать Тебя!

1993

* * *

Учусь писать тебе стихи.
Учусь любить тебя до боли.
И все мне ново — оттого ли,
Что слишком много чепухи

Друг другу говорили прежде,
Что лишь в отброшенной одежде
Искали страсть, и смысл, и суть,
Забыв заветное шепнуть?..

Михаил
НОДЕЛЬ

— московский журналист, сотрудник «Литературной газеты», музея Пушкина и музея Высоцкого, составитель поэтических сборников Н. Матвеевой и И. Киуру. Умер в августе 1995 года в возрасте двадцати трех лет. Стихи при жизни не печатались.

Теперь совсем иные страсти
Нас сокрушают и гнетут:
Разлуки горькое причастье —
Отчасти боль, отчасти труд...

...И хочется услышать: «Здравствуйте!»
И выдохнуть в ответ: «Я тут...»

1993

Весенняя песня

Дело в том, что сегодня, зимой отболев,
Молодая природа шумит и чудачит,
В стылом воздухе птичий оттаял припев
И одною весной стали люди богаче.

Дело в том, что, скользя по грязи животом,
Почерневший февраль уползает дворами:
К нам явившись царем, умирает шутом...
Что ж, и мы для него тоже были шутами.

Дело в том, что среди городской нищеты,
В перепутьях метро, где привычная давка,
Океаном хмельным распустились цветы,
Презирая казенную сущность прилавка.

Дело в том, что весна улыбнулась и мне:
Подарила дорогу и небом снабдила.
И по-дружески так потрепал по спине
С неба прыгнувший дождик — шутя и вполсилы.

Я иду по весне в добровольный полон,
Я пустые рубли воплощаю в букеты.
Дело в том, что я просто немножко влюблен...
Впрочем, честно сказать, дело вовсе не в этом.

Дело в том, что сегодня, зимой отболев,
Молодая природа шумит и чудачит,
В стылом воздухе птичий оттаял припев
И одною весной стали люди богаче.

1991

* * *

Осень щиплет глаза. Я не плачу! Я, правда, не плачу!
Засыпает природа, а с ней засыпаю и я.
Мне бы в лето сбежать, да сковала меня неудача, —
Та, что вечно со мной и которая — только моя.

Снег завалит меня. Может, так я смогу отогреться?
До весны дотянуть, если вдруг все же будет весна....
Но не верит в нее бесполезное, глупое сердце,
А с неверящим сердцем нет сил отряхнуться от сна.

1988

ДВА РАССКАЗА

Schein

I

Владимир Дмитриевич Кареев был счастлив; он ничего не желал; он был переполнен жизнью так, что ощущал течение ее и самую эту жизнь — упоительную и волнующую — в каждой травинке, в насекомом, в земле, деревьях, людях, — и нимало не затруднялся отысканием причин этого своего счастья, и ежели касательно этого последнего мелькала у него хотя одна мысль, то это была та мысль, что это счастье никак не связано с не отходящей от него ни на шаг женщиной.

Несмотря на то, что с начала их знакомства прошло всего две недели, — Кареев уже на четвертый день перестал ощущать, что это его приключение есть связь, и ни в какой мере не чувствовал ни себя — любовником, ни Анну Львовну — своей метрессой, и одним из видимых выражений этого было то, что Владимир Дмитриевич уже через неделю говорил с нею главным образом о делах службы, советовался (как он это делал со своею женою) об этих делах и — точно так же, как делал он с своею женой, — не слушал того, что отвечали ему на требование советов или на жалобы.

— Как они не понимают, — говорил он, делая нетерпеливое движение головой и рукой, — что эта их так называемая реструктуризация абсолютно бессмысленна, потому что мы в итоге опять вернемся к тому, что имеем теперь... Ведь, в самом деле, рассмотрим на примере одной, отдельно взятой, М-й области: допустим, что мы расчленили одну эту — всего только одну — составляющую единой энергосистемы, то есть сделали так, что каждое предприятие, составляющее данную составляющую, станет независимым от другого предприятия и при этом каждое такое предприятие станет, действуя как независимое, поступать соответствующим образом — а значит, в первую очередь продавать то, на чем оно специализировано, то есть из клеточки, зависимой от других и дружной с ними, делается, повторяю, независимым... монстром... — и совершенно ясно, что, даже задействуя систему взаимозачетов (которую, несмотря на запрещение Хари, мы задействуем и сейчас, потому что иначе невозможно и система упадет), — даже используя эту систему, мы увидим, что предприятия, задействованные в данной, локальной, системе, покроются долгами, и им не останется ничего другого, как использовать эту систему

**Алексей
ЧЕПЕЛОВ**

— родился в 1970 году в Магадане. Окончил Литературный институт им. Горького. Публиковался в журнале «Литературная учеба». Это — вторая его публикация. Живет в Москве.

взаимоуступок дальше, и в конце концов мы — я повторяю — придем снова к тому, с чего мы начали и на чем стоим теперь, — а именно, к тому, что каждая областная единица опять станет единым организмом...

Кареев приезжал на кисловодские воды третье лето подряд, а в этом году нарочно приехал в конце сентября с тем, чтобы увидеть осень, которая, как он слышал, здесь на редкость хороша, — и точно, осень была чудная. Лестница, называемая «каскадной», которою они обыкновенно подымались в парк, была запущенной: серый гранит ее ступеней треснул, и всюду — в трещинах, между гранитными плитами, в темных каменных чашах фонтанов — где воды уже не было, — и под самыми чашами росла трава. Деревьев вдоль лестницы и над нею, — в самом ее верху, подле каменной колоннады, знаменующей собою вход в парк, — лет десять не подстригали, и тесно стоящие кипарисы отгораживали от нее сплошной стеной два длинных каменных балкона, расположенные справа и слева от ступеней, а одичавшие длинноветвенные туи, склоняясь, покрывали их.

Этот отпечаток запустения лежал на всем парке с красноватыми дорожками и темными, земляными, тропами, с недостроенными или заброшенными, приходящими в негодность и разрушающимися санаториями, с «долиной роз», где на аккуратно разделанных клумбах — бесприютно и заброшенно — росли два-три десятка согбленных и кривоватых, цвета *fin de siècle*, уродцев; плахами с прикованными к ним железной цепью орлом и совою, — обезумевшей от ужаса, и у которой в глазах и во всем облике навсегда застыло веселое, залихватское юродство, — и стоящими тут же непременно, хмурым ишаком или подагрической и печальной кобылой, висящими рядом буркою, папахой и саблей и торчащим, тоже хмурым, отрешенным, нищим «сыном гор»; с полуразрушенными беседками и лежащими на тропинках и в руслах горных ручьев сваленными деревьями; оползнями и разрушающимися арками и колоннадами... Тот же отпечаток разрушения и запустения лежал и на городе, — и даже нарзан уже не был «холодным кипятком», но жидкой, пустой водицей.

Женственный пурпур и жженная тупая охра, пунцовый жар и пена прозрачного шафрана — рассыпавшееся, захлестывающее, горящее, темно рдеющее, — все было озарено и напитано холодным золотым светом, а воздух напоен ароматом гор и так волшебным и пронзительно прозрачен, что казалось, будто его нет и что деревья, и горы, и небо, и листва живут раздельной, особенной друг другу жизнью, производя ощущение совершенной ирреальности: кажется, что это иной, какой-то неземной, мир; и в то же время этот прозрачный и призрачный воздух так насыщен запахами умирающей листвы, хвои, остывающей земли и чем-то чудно-острым, всегда разлитым в воздухе осени и борющимся и неслышно главенствующим надо всеми остальными ее запахами, — что кажется плотным и осязаемым...

Этот прозрачный и пестрый, остро-невесомый и одновременно осязаемый и густой воздух стоял совершенно неподвижно, и чудилось, будто деревья и кусты по краям аллей зыбко струятся, устремляясь ввысь.

Кареев и Анна Львовна играли в lawn-tennis, — она играла довольно хорошо, — ходили по парку, гуляли в городе; были уже везде, где можно было побывать — ездили в предгорья Эльбруса и в Домбай, на Бешту и Машук, катались на изящных, черкесско-арабской, старой породы — лучших в Европе — лошадях.

На Покров они наняли шофера и снова поехали в предгорья Эльбруса. Солнце начинало уже заходить, когда они, пред тем как спускаться, решили отдохнуть. Скалы, обрамляющие небольшое, поросшее низкой желтеющей травой плато, голые и темно блестящие и покрытые кружевными узорами лишайников, были облиты золотистым светом и были теплы.

Обе вершины Эльбруса тонули в кружащихся, лилово-сизых тяжелых облаках. Слева, на запад, плато обрывалось в скалистое и сырое ущелье, внизу расширявшееся, поднимавшееся и сливавшееся с равниной: там виднелась двухэтажная гостиница, стоящие рядами автомобили и автобусы и две станции канатной дороги.

— Как странно, — проговорила Анна Львовна, — отчего это, когда не видишь гор и думаешь о них, кажется, что в горах никогда не бывает полной... совершенной тишины, — а между тем тут так тихо... А я знаю: когда стану думать и вспоминать вот эту вот осень, эти роскошные горы, эти горящие листья... и эти сосны, которые и сейчас, кажется, — слышишь? — звенят, — то все будет чудиться, будто в небе, надо мною, что-то гудит и раскачивается....

Она села на краешке скалы, вполоборота к нему, и, задумчиво срывая редкие травинки, смотрела вниз и, изредка повертывая голову, взглядывала на него. Кареев долго и со странным чувством глядел на глаза, лицо, волосы, плечи, на три тонкие и темные родинки, обнимавшие запястье... Она повернула голову: и в долгом, темном и пристальном взгляде Кареев прочел то, что он вдруг и внезапно почувствовал и хотел сказать ей. Он быстро подошел и опустился на колени, опустил лицо в тугую шелковый холод ее юбки.

— Да?

Анна Львовна смотрела вверх его головы: после, медленно переведя взгляд, встретила его глаза, мгновенно смотрела на него, как будто изучая и не решаясь и решаясь на что-то; меж бровей у нее появилась и пропала маленькая, но резкая морщинка: потом, опустив глаза и быстро полуобернувшись на ущелье, она так же быстро и тихо ответила:

— Да.

— Воздух и впрямь «чист и свеж, как поцелуй ребенка», — вдруг произнесла она, — и чего, правда, еще желать?

Когда они уже почти спустились вниз, небо, с час назад начавшее затягиваться дымными, мутными, огромными тучами, наконец разразилось слепым дождем, мгновенно перешедшим в ливень, который длился несколько минут и снова перешел в дождь.

— Смотри! — воскликнула она.

Кареев обернулся.

На западе, в закипающем водовороте сине-пепельных туч, вдруг что-то взорвалось: сверкнул и разбрызнулся бледно-желтый сноп — и сквозь посветлевшие облака протянулись, разошлись веером и уперлись в темную равнину длинные, туманно белеющие лучи, а справа, за полосой тягучих, мутных и длинных дождевых капель, где стояли наполовину и косо озаренные теплым, желтым и дымящимся предзакатным светом холодно красневшие стволы сосен: свет пронизывал все пространство, и длинные и упругие дождевые капли и стволы сосен дымились, и сверкал и дымился в каплях самый свет, — над соснами, перегораживая Эльбрус, с запада на восток протянулась и стояла узкая и огромная, с повторяющимися, нервно и зыбко заходящими друг в друга полосами радуга.

II

— Жаль, что ты не едешь поездом, — проговорила Анна Львовна; она сидела в креслах и смотрела, как Кареев укладывает вещи.

— Отчего?

— Не увидишь Кавказа, не ощутишь именно путешествия... — она помолчала и улыбнулась, — всем телом, всем умом, всей душой...

— Да; жаль, — рассеянно произнес он, изо всех сил стараясь, — правой рукой сжимая стального цвета сумку, — левой застегнуть молнию. Молния взвизгнула и долетела.

На каменных перилах стояли недопитые чашки с остывшим кофеем, и в одной, в крохотном радужном нефтяном кружочке, медленно плыл и повертывался скрученный умерший лист. Внизу, сквозь облетающие, морозно черневшие деревья виднелись темные парковые аллеи, и по одной из них очень медленно шел высокий и седой старик. «Через десять-пятнадцать лет и я буду такой же», — пронеслось у него в голове. Он услышал позади шаги Анны Львовны и с поспешностью развернулся, чтобы закрыть собой старика, — и, когда понял, зачем развернулся и отчего он не желал, чтобы Анна Львовна увидала его, — почувствовал стыд и раздражение.

— Хочешь еще кофе, Володинька? — улыбаясь, спросила она.

Он кивнул. «Завтра уезжать», — и, глядя на парк, на горы — все в желтых и шафранных пятнах, — вспомнил другие горы, другие деревья, и ясно ощутил чувство, которое охватит его, когда он увидит желтые, зеленые, багровые, бурые цвета, раскиданные на сопках; когда самолет приземлится и будет подруливать к длинному, бедному и дикому зданию аэропорта, — вероятно, будет дождик; когда кругом встанут, за завесой этого мелкого, сыплющего дождика, округлые, ледовитые и пустынные и дремуче и темно плешивеющие вершины сопкок; когда под ним качнется маятником трап и блеснет мокрый и закопченный борт, — он почувствует тоску, одиночество и чувство необыкновенной отдаленности и отъединенности от мира, — мира, который за тридцать лет он обыв представлял чрезвычайно далеким и отчасти даже несколько чуждым ему, — а между тем этот далекий мир была Россия — и это чувство отъединенно-

сти и отдаленности странным образом будет соседствовать с ощущением себя как именно центра всей этой России. Эти тоску, одиночество и отъединенность от мира Владимир Дмитриевич начал ощущать в последние только три-четыре года, и, хотя редко задумывался над этим — он именно чувствовал их, а не мыслил, — наклонен быть отнести к возрасту.

Мысли его перебежали на службу, он почувствовал успокоение, и чем больше он думал об службе и о делах, какие нужно сделать, когда он выйдет, тем покойнее и радостнее становилось ему. Анна Львовна пришла: он улыбнулся ей. Она начала разливать кофе. Он смотрел на по-особенному убранные волосы, на руки, — немного сухие, но чрез которые он один умел видеть сводившую с ума чувственность, и впервые подумал о странности того, что он, уже через несколько дней, начал относиться к ней так, как относился бы к человеку, прошедшему с ним бок о бок очень большую часть жизни; часто он даже не замечал ее и был равнодушен, даже испытывал досадливое чувство и раздражение, едва ли не злобу, — а между тем Анна Львовна вовсе не была непривлекательна, как не была она и глупа, — напротив. Еще более странным казалось ему то доверие, с каким он поверял Анне Львовне свои, очень часто чрезвычайно сокровенные мысли и планы, — такие мысли, какие он не открывал даже своей супруге. Глядя на нее, он опять ощутил чувство счастливой наполненности жизнью, и полноты и радости жизни, которые всегда ощущал рядом с нею, — и это тоже казалось ему странным и необъяснимым.

«Любит ли она?» — впервые задался он вопросом. И глядя на нее — не находил ответа.

Когда они пили кофе, он внезапно рассмеялся. Анна Львовна с любопытством посмотрела на него.

— Вспомнил, как мы в студенчестве называли того, кто влюблялся.

— И как же?

— Schein. По-немецки это значит — ошибка, иллюзия. И еще говорили — «ошейлся», потом — как это всегда бывает — из этих слов вышли другие.. — всего уже не припомню — вот, разве что, «ощенился»...

Она рассмеялась.

— А мы говорили так: присохла...

Потом, в аэропорту, — когда она плакала, а он стоял, держа ее руки, и утешал ее и говорил весь тот вздор, который говорят всегда, — в голове стояло: «Schein... schein...» — и хотелось рассмеяться.

III

Воздух был восхитительно и остро свеж и пронизан блеклым, умирающим светом, озарявшим округлые плечи сопки, рассыпающихся кругом аэродрома. В Карееве возникло то особенное, ни с чем не сравнимое ощущение, которое — он это знал — создает здесь самая земля, воздух и — тоже особенный и, как и все здесь, ни на что не похожий —

еле уловимый, знакомый запах, — странный аромат, мешающийся в запахах осени. Сопки стояли в багрянце, в желтых, охряных пятнах, в коричневых проплешинах, в зелени. Маленькие лужицы на аэродроме, отблескивавшие из глубины свинцом, были затянuty тоненьким льдом.

Владимира Дмитриевича встречала жена. Выйдя из вокзала, они сели в его, черного цвета, «Волгу». Она села за руль. Говорили о том, о чем говорили всегда, когда он приезжал из отпуска, — о пустяках, о детях, о службе, о семьях детей, об огородах и дачах, о пище, о погоде, о домашних цветах и домашних же псах, — и Кареев, несмотря на всю ненависть к известного рода пошлости, — как и всегда, наново входя в знакомый и привычный до мелочей круг жизни, уже через несколько времени смеялся, живо делал вопросы и, когда они приехали домой и он услышал запах кухни, смешанный с ароматом кофе и сливок, выпил этот кофе и, пройдя к себе в кабинет, услышал тяжелую тишину, — а открыв дверь на лоджию, нашел на всегдашнем месте пепельницу, закурил папиросу и, втянув дым, почувствовал слабый, давно знакомый запах выращиваемых женой уже лет десять помидоров и еще чего-то, — он снова встал в вечный центр своего круга.

Этот же ночью Владимир Дмитриевич, — чего с ним за последние двадцать лет не случилось ни разу, — не смог уснуть. Он полусидел на кровати: медленно и тихо проходила ночь, и с каждым прошедшим часом нервы его — против воли его и независимо от него — раздражались все более и более. К тому же его, помимо бессонницы, что-то еще полусознательно мучило, — что, он не мог определить. Владимир Дмитрич, решив, что не будет спать вообще, собирался уже встать и сварить себе кофе, как вдруг услышал какой-то смутный, отвратительный звук. Он повернул голову. Жена лежала на спине, чуть развернув к нему голову: левая щека ее, дряблая и тяжелая, отвиснув, опускалась на подушку, вялый рот был полуоткрыт, и из него выходил еле слышный и высокий и постарушечьи придавленный храп. С омерзением и гадливостью он, быстро поднявшись, отыскал в шкафу белье и пошел в комнату, которая была соседней и в которой год тому назад еще жил младший сын. С тех пор он стал спать тут.

Кончилась радость службы первых дней, и Кареев еще прочнее и тверже встал в центр круга, вокруг которого медленно повертывалась его жизнь, а она была все той же жизнью, какая сложилась у него окончательно двадцать лет назад и которая, за некоторыми постепенными изменениями его обязанностей службы, — которые умножались и расширялись по мере того, как он поднимался по служебной лестнице, — оставалась, в главнейших своих чертах, неизменною. Он вставал в половине седьмого и ехал на службу; служил и иногда уезжал в короткие командировки по М-й области; после службы ехал или домой, или в спортзал — где играл в волейбол или в lawn-tennis, — или в бассейн, — или домой, а оттуда отправлялся, в компании друзей (по большей части сослуживцев), к морю, удить рыбу; в выходные дни он ехал вместе с

супругой и иногда с кем-нибудь из сыновей (у которых у всех были уже свои дети) на дачу, где у них было два огорода; иногда на выходные он уезжал в гараж, который был у него оборудован почти как дом, и жил там эти два дня, занимаясь машиной и тесно общаясь «с мужиками», — как именовал он соседей по кооперативному гаражу, опять-таки большею частью своих сослуживцев (их же он называл «ребятами», когда играл с ними в теннис, волейбол или плавал в бассейне).

Кареев часто думал об Анне Львовне, с сожалением думая о времени, когда, — как всегда бывало у него после таких связей, — воспоминания эти начнут блекнуть и стираться и он не сможет уже отчетливо восстанавливать в памяти ее лицо, тело, волосы, руки, и, усиливаясь представить себе ее, — будет видеть лишь какое-то смуглое, белесое и туманное пятно. Он знал, что воспоминания об ней уйдут быстрее, чем воспоминания о тех женщинах, каких он любил или в которых бывал влюблен. Он знал это все, и ему было жаль своей, — как он думал, — жестокости, и того, что он не сумел полюбить ее, и он чувствовал раскаяние, — и именно раскаяние, думалось ему, понуждает его часто вспоминать ее.

Эти два чувства — раскаяния и вины о себе и жалости к ней — через три недели заслонили собою и отравили всякое воспоминание об Анне Львовне, и Кареев начал испытывать какое-то странное, гложущее чувство, которое казалось ему смутно знакомым и которое, охватывая его все чаще и чаще, постепенно сделалось почти непрерывным. Через полтора месяца Владимир Дмитриевич весь измучился этим чувством, никогда ранее не испытываемым. Он дурно спал; утром вставал вполне забывшимся и с тем бодрым ощущением довольства собою и миром и радости, с каким всегда просыпался по утрам, — и так было до того мгновения, когда он вспоминал Анну Львовну.

Раньше все его мысли о ней являлись ему большей частью помимо его воли, совершенно бессознательно, — за исключением тех случаев, когда он намеренно вызывал в себе их; теперь, — чтобы разрешить вопрос и найти корни того странного чувства, которое измучило его, — он начал вызывать в себе воспоминания о ней намеренно и думал о ней почти непрерывно, порой удивляясь сам себе. Наконец, в голову ему стала уже заходить мысль, что надо увидеться с нею или хотя бы позвонить и объяснить, — тогда, быть может, кончится чувство вины перед нею и — главное — жалости, которая перевешивала в Карееве все остальные мысли и чувства. «Да и зачем мне жалеть ее? — думал он, — может быть, она и не любила меня совсем, — а сейчас счастлива вполне...» Он думал о том, что Анна Львовна одиннадцать лет замужем, думал о детях, — их у нее было двое, — пытался вообразить ее мужа, увлекался, воображение разгорячалось, — и он видел явственно их жизнь, в которой события сцеплялись логикой, проистекавшей из характеров, собранных им по отдельным чертам, — черты же эти брали начало в том знании характера Анны Львовны, какое было у него, и в том, что слышал об ее муже и детях и о жизни, которую они вели, от нее самой. Картины их жизни он видел живо, они представляли перед ним ясными и законченными, и одно он

только не мог себе представить, — ему словно что-то мешало домыслить полную картину этой жизни до конца, и это «что-то» было боль и темное и смутное предчувствие, что, как только он домыслит эту картину, сделает ее законченной и уничтожит тайну, — он куда-то упадет и с ним произойдет что-то ужасное.

Наконец он понял, что любит ее.

IV

Когда Кареев понял, что любит, он успокоился и был рад, что «вопрос» разрешился. Теперь он знал и видел причину и вместе с тем знал, что в причине этой не было ничего дурного и противоестественного; любовь же пройдет. Однако мучившая его тоска и еще что-то, — призрачно-гнетущее, — не оставляло его: напротив, стало еще хуже. Теперь, когда он знал, что любит, он уже не считал странным и неестественным то, что думает о ней почти постоянно, но вместе с тем теперь он — уже сознательно — страстно желал быть рядом с нею.

Наконец, наступил час, когда Кареев стал думать о ней почти непрерывно. Это случилось недели через две после Нового года. Его мучала тоска и неудержимо и бешено влекло к ней, но он не писал и не звонил Анне Львовне, зная, что для нее и для него сделается еще хуже, и, напрягая все душевные силы, заставлял себя не думать о ней.

Ему представлялось невозможным порвать с женою и жениться на Анне Львовне: эта мысль, мысль о разводе, один-единственный раз зашла ему в голову, и он испугался и отверг ее. День шел за днем, и тоска становилась все мрачнее, все безысходнее, все более сильно его влекло к ней, мысли о ней обступали его со всех сторон, и думал о ней уже во сне — да это был и не сон, а дикая смесь бреда и грез. Ум Владимира Дмитриевича впал в болезненное состояние, и в редкие минуты ясности и спокойствия он дивился сам себе.

Он стал работать больше, и работал очень много и так, как никогда еще не работал. Он начал вставать на час ранее, засел за брошенную еще в университете диссертацию, и после службы, если не ехал в бассейн или в спортзал, уезжал домой, запирался в кабинете и в покойной, чуть сырой и тяжелой тишине писал. В субботу и воскресенье он теперь всегда ехал с товарищами на рыбалку, иногда на охоту.

Но все было напрасно: тоска, хотя и приглушенная, не уходила, и хотя думать об Анне Львовне Кареев стал реже, — он чувствовал всегда неосоздаемое, необоримое ее присутствие. В конце января, наконец, эти мысли о ней, и тоска, и самая любовь к ней превратились в какое-то темное, гнетуще-тяжелое ощущение-мысль, — всегда с ним бывшую и ни на мгновение не отступавшую от него.

Однажды после службы он сел в машину и поехал за город. Сопки стояли в снегу, снег был в долине, краем которой он проезжал, им были занесены речки и ручьи, а в городе лежали двухметровые сугробы. Вдоль дороги, по обеим сторонам ее, тянулись обнаженные деревья: сверху на

ветках у них лежал прозрачный пушистый снег, там же, где снег сдуло ветром, ветви чернели неприятно и печально, и деревья смотрели дико. Трасса была отлично расчищена, машина шла легко и хорошо. Кареева обняло какое-то мрачное оцепенение. В тридцати километрах от основной трассы отвечивалась вправо маленькая дорога. Он свернул и поехал, памятуя, что километрах в двух дорога эта выводит к морю.

Действительно, через несколько минут он увидел поднимающийся берег и, подъехав к нему, остановился вблизи обрыва, нависавшего метрах в пятидесяти над морем.

Бухта едва заметно белела сквозь сине-фиолетовый покров сумерек: посреди одиноко темнела остроконечная скала, — это был остров, называемый Монахом.

Он еще раз вспомнил увлечения своей молодости — и еще раз удивился тому, как властно и неотторжимо прилепилось к нему это чувство, которое он, не смея признаться себе, наклонялся уже ненавидеть. Все приходит, живет, отходит и уходит, думал он, а мое вот не уходит от меня, и что, если никогда, никогда не уйдет? Пред ним вдруг предстали, словно живые, древние и богохульные слова: *так на роду написано*, — и почудилось, что слова эти произнес кто-то глухим, противным и отрешенным голосом... Так остро почувствовал Кареев эти слова, так глубоко зашли они в него, что ему показалось, будто он ощутил их вкус — извечно-звериный. Он снял шапку и прижался лицом к дереву. Едва слышимый, до ноздрей донесся далекий запах сосновой смолы. Он любил и любил, однако отчего ж ни одна старая любовь не заставляла его страдать так трудно, так тяжело? У Кареева мелькнула мысль, что это не есть любовь, но он отогнал ее, — потому что, действительно, — что, кроме любви, могло так прилепить к нему это страдание, эту тяжесть, это — он чувствовал — наполовину уже помешательство? Но тогда, если это есть любовь — что заставляет его так мучиться? — Невозможность соединиться с любимым существом, — был ответ. — Однако почему же невозможность? — он сам себе придумал эту невозможность...

Разошлись облака, и посреди бухты легла дорога, в синем свете которой заблистали острые срезы торосов и сделалась видна неровность ледового поля: дорога эта шла на пологий и длинный берег, разрезала его и улетала к городу.

Глядя на город, на его дрожащие огни, он подумал о том, что девять тысяч километров отделяют его от нее, и впервые физически ощутил эти тысячи километров земли. В Орле сейчас два часа дня.

Одним движением растегнув пальто, он достал телефон, набрал номер, и — когда услышал ее голос — понял, что вся прошлая жизнь его и все, что с нею было и есть связанного, погибла.

V

В ту же ночь Владимир Дмитриевич поехал в аэропорт, купил билет в Москву и утром взял недельный отпуск.

В аэропорт его вез секретарь Ванюша, двадцатипятилетний, с мечтательным взглядом молодой человек, имевший большую наклонность к писательству и слог архаический, представлявший собой странную смесь Державина и Льва Толстого (происходило это, как он говорил, отчасти и от чрезвычайного отвращения его к службе, — то есть главным образом к запискам, отчетам и вообще к так называемому «служебному стилю», упражнениями в котором были заняты все почти его дни, которым он очень боялся испортить свой «слог» и в пику которому отходил к другим крайностям — архаизму и манерности). Ванюша был единственным, кого Владимир Дмитриевич посвятил в факт существования Анны Львовны, был, так сказать, его наперсником — и наперсником во всех отношениях идеальным. Жене Кареев сказал, что поехал на охоту в С***-е, отстоявшее в двухстах километрах от М***, (он, действительно, раньше ездил: там, километрах в ста от С***-я, обитали снежные бараны).

— С Богом, Владимир Дмитриевич, — тихо проговорил Иван, с особенным выражением взглядывая на Кареева; тот протянул ему руку, потом, внезапно, быстро притянул к себе: они обнялись. Отстранившись от Ивана, Кареев несколько мгновений смотрел на него.

— Прощай, Иван... — произнес он и усмехнулся. — Смотри, остаешься за меня!.. — Он коротко засмеялся, потом, резко оборвав свой смех, отрывисто сказал: — Все, — и, повернувшись, быстро пошел к пропускному пункту.

Иван стоял и смотрел ему вслед, пока не перестал видеть, хотя знал, что тот не обернется; но, против ожидания, Владимир Дмитриевич, перед тем как выйти на аэродром, развернулся и, мгновенно найдя его взглядом, поднял руку; потом, уже переступив через порог, он еще раз обернулся и еще раз помахал ему. На губах Ивана появилась легкая улыбка: он наверное знал, что расплата, за двойственный знак этот, неминуемо грядет.

Кареев прилетел в Москву, как и вылетел из М***, в два часа пополудни. Он доехал до города в автобусе, потом пересел в такси и, купив на Курском вокзале билет, в четыре часа уже ехал в Орел.

Он ехал один: в купе, кроме него, никого не было. Поля, заснеженные и опять и опять встающие перед ним и снова исчезающие, тощие и темные деревни, отлогие и обширные холмы и то отступавшие, то приближающиеся к самому поезду леса — все это казалось и было для него чужим и, как всегда, несколько поражало глаз. Он бессознательно выискивал взором хотя одну гору, желая как бы опереться на нее взглядом, и не находил ни одной, и его не покидало странное и — тоже бессознательное — ощущение присутствия этих гор, и казалось, что они должны непременно начаться за той последней чертой, до какой достигает его взгляд.

В шестом часу Кареев проголодался и, заперев купе, пошел в вагон-ресторан. Ему пришлось пройти почти через весь поезд. Ехал большей

частью бедный люд, было тесно, был дурной запах. Он пообедал и вернулся в купе.

Кареев старался не думать ни о предстоящем свидании с Анной Львовной, ни о результатах его, но одна мысль пробивалась и страшила его, и это была та мысль, что она попросит времени обдумать то, что он скажет ей; ожидание, какое воспоследовало бы ее ответу, казалось ему невыносимым.

Была полночь, когда поезд остановился в Орле. Кареев разыскал такси и приказал везти себя в гостиницу.

— В какую? — зевая, произнес таксист: он пред тем спал.

— В любую... Погоди: есть гостиница рядом с Мещанской улицей?

— Да есть на самой Мещанской.

— Туда.

Номер был тесный, стены оклеены обоями, показавшимися Карееву довольно грязными; на полу лежал потертый и тоже грязный, с псевдовосточным рисунком, ковер; справа, у стены, была кровать, с двумя желтыми тумбочками по обеим сторонам от изголовья, стоял журнальный стол и, на подставке в углу, телевизор.

Владимир Дмитриевич отпустил коридорного, включил телевизор, пошел к окну и отодвинул штору: пока он поднимался в номер, пошел снег и валил густо, тяжелыми и большими хлопьями. Он чувствовал, что не заснет, и решил пойти и взглянуть на дом, в котором жила она: от мысли, что Анна рядом, здесь, — быть может, в полусотне шагов от него, — и не знает еще того, что он тут, он почувствовал восторг и, одновременно, ужас: что скажет она ему? Он оделся и вышел из гостиницы.

Дом, в котором жила Анна Львовна, был деревянный, двухэтажный, постройки девятнадцатого века, как и все почти дома, которые стояли в этой улице и были чем-то неуловимо схожи, — даже родственно схожи, — между собой. Впереди у каждого из этих домов был небольшой узкий палисадник и два-три дерева, и пред каждым палисадником, отделяя его от улицы, шел забор, — и тоже всюду одинаковый, дощатый, редкий и серый. Он знал, что Анна Львовна живет во втором этаже. Окна были темны. Несколько времени он стоял, глядя на них, на серый забор палисадника, на дом, отыскивая в них что-то, что отличало бы этот палисадник и этот дом от остальных и указывало бы на присутствие Анны, но, как ни старался, не мог и, — кроме того, что дом ветхий и имеет какую-то легкомысленную и несколько порочную физиономию, — ничего не нашел.

В конце улицы, противоположном тому, откуда он пришел и где была его гостиница, послышался легкий звук автомобиля: машина завернула и, проехав несколько шагов, остановилась. Из нее вышли двое и шли по направлению к нему. Через минуту он разобрал, что это были мужчина и женщина. Карееву вдруг пришло в голову, что это могут быть Анна Львовна и ее муж, и он, поспешно и стараясь остаться незамеченным, отошел на несколько шагов и стал в тень дерева, под которое не достигал свет фонаря.

Шагах в сорока от него они остановились на середине улицы и стали прощаться; мужчина обнял женщину, и Владимир Дмитриевич понял поцелуй... они расстались. Женщина быстро пошла вперед и — Кареев узнал Анну Львовну.

Какая-то влажная и проникающая волна прошла по его телу, кожа на голове сжалась, и он ощутил легкое покалывание. Она подошла к калитке. Кареева вдруг что-то толкнуло; он превозмог себя и, выйдя из-под дерева, произнес ее имя. Она обернулась и несколько мгновений всматривалась в него, потом сделала три шага навстречу...

Кареев быстро подошел к ней, взял ее руки... и едва он почувствовал ее руки и услышал знакомое движение, каким она, не противясь, позволила ему увлечь их, едва только увидал вблизи ее лицо и ощутил что-то неуловимое, что обняло его, как только он оказался рядом с нею, — он почувствовал, как к нему возвращается чувство жизни и радость жизни, уходит боль и *то*, тяжелое и гнетущее, что не оставляло его три последних месяца.

— Анна.. — проговорил он, засматривая в ее глаза, которые она держала опущенными. — Анна... Я здесь, чтобы говорить с тобой... Завтра. Во сколько?..

Он вдруг почувствовал, как она сжала его пальцы. Он коснулся губами ее лба, обнял. Анна подняла голову и проговорила: «В двенадцать».

Он долго бродил по улицам. Снег давно перестал, а тот, что лежал на земле, беспокойно и тоскливо отливал синевою. Кареев вспоминал каждое ее движение, слово, произнесенное ею, звук ее голоса, обдумывал эти движения ее и этот, меняющийся, звук голоса; думая и вспоминая, он думал о человеке, которого видел с ней, и, удивляясь, понял, что вытерпит и этого человека, и все, что с нею ни станется, — лишь бы она была с ним, с Кареевым, и была бы с ним вечно.

Вернувшись в гостиницу, он вошел в номер и зажег свет. Телевизор горел, и в голубом и пляшущем отблеске он увидал на обоях двухмачтовые кички: на каждой из них стоял человек. «Капитан», — усмехаясь, подумал он. Ложась, он заметил на одной из тумбочек пепельницу: она была бронзовая и представляла собой стоявшую на хвосте кобру.

Всю ночь ему снилось, будто он тонет в море, рядом стоит двухмачтовая кичка и на ней — капитан, который отгалкивает его зеленым багром и больно бьет по рукам всякий раз, когда он старается влезть на корабль. Кареев плавает и, чувствуя, как теряет силы, зовет на помощь... захлебывается... чувствует облегчение и — видит громадную кобру, обвившую его хвостом и приподнявшую над водой. Он счастлив, что спасся, но вдруг понимает, что змея спасла его только затем, чтобы пожрать... он вырывается и падает и опять тонет...

VI

Кареев снял номер в другой гостинице, в противоположной части города, и Анна приходила, и четырех дней как не бывало, а «вопрос» так и не был разрешен. Наконец Кареев сделал его.

Они сидели в маленьком ресторане, недалеко от гостиницы.

— Нет.

Он смотрел в ее глаза, видел, что она страдает, и чувствовал, как ясность мышления стремительно удаляется. Анна оставалась в самых малейших своих чертах тою же, только, казалось, была покойнее и движения стали медленнее.

— Нет? — возразил он, ошеломленно, не веря.

Она качнула головой, быстро встала, надевая на плечо сумочку, повернулась и, оступившись, упала бы, если б он не подхватил ее. Она крепко обняла его и зарыдала.

Они вышли из ресторана и пошли по улице, которая вела к его гостинице. На том конце, с которого они ступили на нее, висела табличка, указывавшая, что название этой улицы «Купеческая»; указатель этот был новый; на другом конце эта же улица носила название «ул. им. Кирова».

— Анна, скажи... Ты любишь меня?

Она остановилась, повернулась к нему, посмотрела ему в глаза.

— Да.

— Почему же «нет»?

Она, не отвечая, пошла вперед.

— Может быть, ты думаешь о детях... то есть боишься потерять детей. — Прошу тебя не бояться, потому что я сделаю все, чтобы дети остались с тобой... это очень легко.

— Я этого не боюсь.

Утром он уехал.

VII

Лишь автоматизм и знания тридцатилетней выработки делали то, что Владимир Дмитриевич мог служить. С каким-то тупым отчаянием и почти не сознавая, что и зачем делает, он занял себя работой еще более. В конце апреля Кареева сделали начальником всего управления. Он прятал все, что могло бы указать на его несчастье, и произошло невероятное — то, чего никогда почти не бывает: его несчастье осталось сокрытым ото всех.

Через месяц после приезда из Орла Владимир Дмитриевич начал испытывать странное, навязчивое и неприятное ощущение: словно у него над правым ухом стремительно вращалась черная маленькая воронка. Вместе с этим дурным и необыкновенно странным ощущением у Кареева явилось ясное сознание предопределенности его жизни, и, хотя он знал, что это все вздор, что предопределенности нет и все в воле человека, — чувство неотвратимости чего-то страшного росло в нем.

Кареев постепенно приобрел привычку спать по три, по четыре часа, — обыкновенно с четырех до восьми, — заговаривал сам с собою, оставил спортзал, охоту. Один всего раз он смеялся — когда увидел на столе Ивана Овидиево «Лекарство от любви» и прочел и понял, что он нарочно оставил книгу.

Жена не оставила, однако, без внимания его вид и ночные бдения — хотя он уверял, что пишет, — и через два месяца неотступной мольбы он пошел к доктору.

Доктор, осмотрев Владимира Дмитриевича и расспросив его (о причине — как он полагал — болезни Кареев распространился чрезвычайно пространно и, надо полагать, доктор ничего не понял, но зато очень хорошо понял воронку), так же иносказательно и обвиняясь изложил свою точку зрения, повинувшись которой, пациент должен был, не медля ни мгновения, отправляться в желтый дом. Кареев плюнул и вышел. Когда он уходил, доктор сокрушенно и любопытно глядел ему вслед.

Анна не звонила; не звонил и не писал и он ей: Кареев подумал об этом, и ему пришла мысль написать — и он удивился: хотя он был против этой мысли, — потому что знал, что писать ей бессмысленно... Через секунду он понял, что это была не его, а ее мысль, и, когда понял это, ему стало страшно.

Он остановил машину и бросился из нее: впереди была церковь; он вошел. Начиналась служба, священник вышел из алтаря... Карееву он показался смутно знакомым, — и, чем больше он приглядывался, тем более убеждался в том, что священника он знает. Наконец он вспомнил: это был университетский друг и первоначально сослуживец Кареева, Борис: они вместе приехали в М***.

После службы он подошел к священнику.

— Я тебя сразу узнал, — проговорил тот, обнимая его. — Ведь, поди, лет десять не видались...

Они пошли к Борису.

— *Schein?* — произнес Борис, насмешливо глядя на него, когда они кончили обедать и пили чай.

Кареев усмехнулся.

— *Schein*, — ответил он.

Он все рассказал.

— Володя: когда ты последний раз был у причастия?

— Лет двадцать назад, когда еще была жива мама.

Борис спросил:

— Были у тебя в роду сумасшедшие?

— Этот вопрос только что делал мне доктор; нет.

— Да я, впрочем, вижу и сам... Послушай: все, что ты рассказал, — суть признаки душевного расстройства. Видишь ли, этот род заболевания, — то есть, я хочу сказать, сумасшествие вообще, — вызывается или органическими поражениями, или... ну, в Бога ты не веришь, — ну да все равно — или причинами... невидимыми.

— Что делать? — спросил Кареев, глядя на него.

Они уговорились встретиться на следующий день в храме. Кареев стоял и эту службу. Чувства, какие он испытывал, были самые разные, но преобладали — стыд от того, что он в церкви, страх — и тоже стыд — за то, что его могут увидеть, и крепнущая убежденность, что ни Бог — в существование которого он не верил, — ни Церковь, ни Борис ему не помогут.

Он повернулся и тихо вышел из храма, повернул направо и вышел на улицу: напротив была больница и маленькое, одноэтажное и ветхое здание морга. Он сел в машину и поехал домой и более не ходил ни в церковь, ни к Борису.

В тот же вечер, приехав домой, Кареев не успел еще запереться в кабинете, как вошла жена, и по тому, как она вошла, как открыла дверь, он понял, что случилось что-то нехорошее и даже дикое. Он глядел на персиковый пух на щеках жены и на ее подбородке, на обманчивую свежесть лица, на большую и тоже обманчиво роскошную грудь, на ненависть и презрение, с какими она на него смотрит, и не верил мысли, которая поднималась и настойчиво звучала в нем.

Вечером она уехала к младшему сыну. Владимир Дмитриевич встретил этот отъезд с совершеннейшим равнодушием, и его гораздо более занимал вопрос: как могла она узнать?

— Невозможно, — говорил он сам с собой, ходя по квартире, — невозможно, потому что Анна не писала, и, если бы писала, — писала бы до востребования... Как? Иван... нет: разве он сошел с ума...

Кареев стоял в их спальне и рассеянно перелистывал свою рукопись. Вдруг он вздрогнул. Последние четыре абзаца представляли собой написанное его рукой короткое изложение всего того, что произошло с ним с июля.

Он медленно разорвал рукопись.

VIII

Через два месяца Кареев уезжал в Кисловодск. За рулем сидел Костя, младший его сын. Почки распустились не все, и древесная листва была редка; весна только начиналась.

Справа открылась долина, вся в серой и темной прошлогодней траве, сквозь которую пробивалась зеленая. Посреди долины текла речка, и на перекатах были видны пересекавшие ее тонкие цепочки камней. Владимир Дмитриевич быстро и всем телом повернулся к сыну.

— Э-эх! Порыбачить бы.. да, Костя? — сказал он и засмеялся.

Костя тоже фыркнул.

Долина кончилась. Они проехали узкую, извилистую и обсаженную высокими елями дорогу, ответвлявшуюся от основной трассы, по которой ехали они. Кареев проследил взглядом эту дорогу и отвернулся.

— Как мама? — произнес он, закуривая.

— Простила. Ничего, разумеется, не говорит о тебе... — Он помолчал. — Не надо путать темы, папа, — осторожно произнес он и усмехнулся. Кареев засмеялся. Костя рассмеялся тоже.

Они троекратно поцеловались — по русскому и семейному обычаю.

На следующий день Кареев обедал уже в Кисловодске. Он снял номер, соседний с тем, что занимал прошлым летом. Там жили худой старик, с рожей совершенно разбойничьей, и его жена, — от жира распухшая, похожая на баржу.

К этому времени Владимир Дмитриевич совершенно выздоровел, и ему причиняли боль уже не воспоминания об Анне, а воспоминания о своем тогдашнем состоянии, и он ощущал жгучий стыд.

Он вставал рано, в семь часов, гулял по парку. Потом шел на городской базар, куда об эту пору мирные черкесы, грузины, чечены, осетины, абхазы, карачаи везли брынзу, айран, сметану, лаваш, молоко, табак в громадных зеленых мешках, окровавленные коровьи, козьи и свиные туши, куриц, пряности, освежавших кроликов и каких-то маленьких речных зверьков, сладости, чай... Он с наслаждением вдыхал запах — особенный, носившийся надо всем этим, и все больше и больше любил жизнь и все сильнее и сильнее привязывался к ней.

Кареев покупал копченое мясо, молоко и брынзу и шел обратно в гостиницу. Потом легко завтракал и отправлялся на теннисную площадку, играл часа три и оттуда шел в нарзанные ванны.

Он знал, что Анна должна приехать, и он ждал ее со смешанным чувством неловкости, гнева и — не смея в том себе признаться — страха. Прошла неделя. Гуляя, он очень часто бессознательно выбирал те пути, которые обычно выбирали они и где часто гуляли вместе, бессознательно останавливался и стоял или сидел там, где они всегда сидели, стояли или останавливались. Лишь через две недели он заметил эту особенность своих прогулок. Постепенно отсутствие Анны начало поселять в нем какую-то тревогу, и он, против воли, думал о ней все чаще и чаще. И вот однажды, стоя над долиной на том месте, где они часто стояли, и вспоминая, как читала она ему Лермонтова, он вдруг ясно вспомнил эти строчки и вдруг увидал ее всю, до боли... и с этого часа почувствовал, что то тяжелое и тягостное и едва не сведшее его с ума снова приближается к нему. Он противился всей силой воли. «Что это? — думал он. — Я не люблю ее — я это знаю; так откуда же это? — и что это?»

К концу третьей недели он съехал из гостиницы и, наняв квартиру, поселился в ней. Квартира была во втором этаже старого дома, в старой части Кисловодска. Окна квартиры с одной стороны выходили на узкую улицу, с другой — в маленький, горбатый переулок, где с утра и до вечера сидели и орали грязные, оборванные старухи. Они были совершенно равнодушны к нему; языка их он не понимал.

Дом стоял на горе, и Карееву было хорошо видно горы. Он часами стоял у окна, замечая все те места, где они с Анной были. На второй день он не выдержал и позвонил ей. Телефон не отвечал. Он справился в гостинице, — она не приезжала, и номера на ее имя не было записано.

Наконец он не выдержал. Билетов в Орел не было, как не было их в Москву, Петербург и вообще на том направлении, какое ему было нужно; тогда он нанял шофера, и через день они выехали. В гостинице он оставил для нее письмо.

Было шесть утра, когда они выехали из Кисловодска, было темно и прохладно. Решившись, Кареев успокоился. Всю дорогу — они ехали весь день и приехали в Орел в полночь — он сидел, глядя перед собой, и

чувствовал, как у него внутри что-то натянулось и дрожит. Он гнал и гнал, не дав шоферу ни обеда, ни ужина.

Ровно в полночь они остановились у ее дома. В окнах не горел свет. Владимир Дмитриевич вышел из машины и позвонил у калитки. Ему долго не открывали; наконец старуха выползла на двор и спросила его, что ему нужно. Он сказал, что ему нужно видеть Анну Львовну. Старуха ответила:

— Уехали, — и хотела закрыть дверь.

— Куда?

— Не знаю я... говорят, они совсем уехали...

Кареев остался на день, навел справки и выяснил, что она выписалась из этого дома, но нигде в Орле не прописалась.

Возвращаясь, он чувствовал странную пустоту и легкость. Внутри него что-то еще сильнее натягивалось и дрожало, а сердце билось быстро и удары его было слышно в каждой жилке. Он с удивлением почувствовал, что не думает вовсе об Анне.

Шофер, из породы так называемых «русских кавказцев», с лицом бритым, желтым и одутловатым, был совершенно убежден, что везет сумасшедшего. Он поглядывал на Владимира Дмитриевича, однако, без всякого опасения и, как чувствовал Кареев, с какою-то дружелюбной привязанностью.

— Не нужно ли куда еще? — спросил он, когда они остановились у гостиницы.

Он совершенно забыл, что живет на квартире. Была глубокая ночь. Портье спал, положив голову на конторку. Он прошел мимо него, поднялся во второй этаж, подошел к двери номера, который он снимал неделю назад; пошарив в кармане и не найдя ключа, он повернул ручку и вошел.

Номер был ярко освещен. Посреди его стояла Анна и, широко открыв глаза, уронив руки, смотрела на него. На разобранной постели лежал мужчина, которого Кареев видел в Орле: глаза его были закрыты, и лысина ярко блестела. У двери на балкон стояли два чемодана, на низком столике — бутылка с вином и в вазах лежали виноград и бананы.

Кареев повернулся и вышел.

Машина, на которой он приехал, все еще стояла во дворе; шофер спал. Он разбудил его и сказал, куда везти. Тот не удивился и только, когда машина тронулась, коротко усмехнулся, отвернув лицо.

Через два часа они въехали в Грузию. Рассветало. Дорога вилась по горам. «Вот Р*** перевал», — сказал шофер. Он заплатил ему и вышел.

Дорога слева круто обрывалась в пропасть; серые облака клубились, поднимаясь почти вровень с дорогой. Справа поднималась гора. Было холодно. Он начал подниматься, цепляясь за кусты и траву. Кареев был здесь, когда ему было семь лет, с родителями, и помнил — и это единственное ясное воспоминание его детства, — что до вершины примерно километр.

Три или четыре раза он едва не сорвался: он чувствовал страх и на несколько мгновений мысли становились ясными: что он делает, для чего он здесь? — делал он себе полубессознательные вопросы и — продолжал взбираться, пока не ступил на ровную и поросшую невысокой травой площадку.

Воздух был разрежен, дышалось быстро и легко. Солнце уже подымалось, и плато было облито золотым светом.

В долинах и ущельях еще был густой туман, вершины окружены кольцами облаков и покрыты снегами. Прямо перед ним, к северу, протягивались мрачные колонны холмов, и виднелся темный завиток дороги. К югу плато обрывалось в пропасть: облака внизу, над долиной, разрывались и уносились.

Кареев снял плащ. Что-то развлекало его. Он посмотрел на правую руку и понял, что болит безымянный палец: вросший перстень, на котором были гравированы его инициалы, перехватывал его. Стараясь не думать о боли, он расстегнул сорочку и подставил грудь под свежий ветер. Но боль развлекала его, и, сжав зубы, он долго и под конец злобно рвал перстень. Завернув его в платок, он положил платок на траву и долго еще стоял и смотрел на горы.

Рультытэгин*

Закончив второй курс института международных отношений, Рультытэгин Дмитриев, в первый раз за два года, ехал домой. В Анадыре его встречал Юйютхэ, друг детства, а теперь правая рука отца Рультытэгина. Дул холодный, перерывистый ветер, верхушки сопок мокро темнели и глядели бедно и неуютно. Лицо Юйютхэ было темно и до странности старо, а сам он показался Рультытэгину жалким, и он чувствовал отчужденность и в то же время виноватость, исходившие от Юйютхэ, и, — сам ощущал странную, противовольную и неприятную виноватость перед Юйютхэ и жалость к нему.

Они сели в японский джип; садясь, Рультытэгин заметил на заднем сиденье засаленный мехок: он шевелился. Они поехали по улицам. Город показался Рультытэгину диким и таким убогим, что чувство отвращения, нахлынувшее на него, победило жалость и — снова — какую-то виноватость его перед этим городом.

Они не стали заезжать в городской дом, а поехали сразу на Великую реку, где, километрах в пяти к северу от болот, было то, что Рультытэгин называл в детстве «дачей», — огромный, в три этажа деревянный дом, окруженный со всех сторон забором и необыкновенно напоминавший старинное североамериканское ранчо.

---

* Рультытэгин — чукотское имя; на русский переводится пословицей: «Умный в гору не пойдет — умный гору обойдет».

Скоро асфальт кончился, и они поехали по убитой гравием, узкой дороге, вившейся меж сопкок, взбиравшейся на них. Когда ехали краем сопки, — с одной стороны обрывалась круча, а с другой круто убегал вверх бок сопки. Было начало июля, самая теплая пора на Чукотке; солнце уже поднялось и страшно и низко стояло над голыми сопками. Становилось жарко, и Юйютхэ раскрыл окна.

— Зачем тебе щенки, Юйютхэ? — спросил Рультытэгин. Он развязал мешок и, вытащив наудачу первого попавшегося, держал его за загривок: это был щенок полярной лайки, неуклюжий, с пушистой, грязно-белой шерстью и густым подпушком. Щенок лизнул его в губы, пахнув псиной, и тонко твякнул.

Юйютхэ прибавил скорость.

— Мать заболела.

— Так зачем щенки?

— Саркома правого легкого; отец сказал, что нужно нутряное сало.

— Что такое нутряное сало?

— Щенячье сало и есть нутряное сало.

— Однако... постой: нужно доктора; был ли доктор?

— Да. Я выписал доктора из Москвы. — Юйютхэ замолчал.

— Ну?

— Он жил у меня две недели. Через две недели я понял, что он ничего не знает; он и не лечил. А через три недели... — Тут Юйютхэ резко остановил джип и, с яростью развернувшись к Рультытэгину, почти прорычал: — А через три недели он сказал матери. — Юйютхэ выругался и отвернулся, и Рультытэгин понял. — Все.

— Все?

— Мать боялась, что я убью его; послала сказать к твоему отцу...

— Что же отец?

— Что, ты не знаешь своего отца? Велел намазать ему пятки салом, раздеть и увезти в тундру... Через три дня даже костей не сыскать. — Юйютхэ усмехнулся и, в первый раз, открыто поглядел в глаза Рультытэгина.

— Жаль, — задумчиво проговорил Рультытэгин.

Юйютхэ искоса глянул на него, и Рультытэгин услышал, как руки его ждали бархатную кожу руля.

— Чего жаль? Правду твой отец говорил... что расслабишься... *Устал*, что ли?..

— Жаль, что меня не было здесь.

— Так же и Палыч сказал, — усмехнулся Юйютхэ и снова поглядел на него.

— Палыч?

— Помнишь Палыча? (Палыч был начальник управления внутренних дел Анадыря.)

Рультытэгин кивнул и улыбнулся.

— Так вот: Палыч приехал к отцу (он каждое воскресенье приезжает), и, когда отец твой ему все рассказал, он говорит: «Жалею, — говорит, —

что меня здесь не было: я бы ему, — говорит, — женилку-то поотрубал...» Когда напился, спросил: «Дмитрич, ты его спрятал? Так, чтобы никто не нашел?» — А твой батяня отвечает: «Да, — говорит, — так спрятал, что и песец не найдет». — Юйютхэ притормозил и, обернувшись к Рультытэгину, произнес: — Только я его, когда вывел за лес, пристрелил.. мертвого уже песцы сожрали... Отцу не говори только, ладно?

Рультытэгин усмехнулся.

Тем временем щенок сделал лужу, и Юйютхэ, затормозив, вышел из джипа, достал из багажника грязную, навсегда пропитанную бензином и копотью тряпицу и кинул Рультытэгину; Рультытэгин подтер лужу и выкинул тряпку.

Они поехали дальше. За окнами, слева, потянулась долина; справа сопки тоже расступились и стали редки: чувствовалась близость болот.

Вдруг Юйютхэ затормозил.

— Не разучился стрелять? — глядя на Рультытэгина и благодушно улыбаясь, проговорил он.

Рультытэгин вышел из автомобиля. Юйютхэ обошел машину, поднял багажник, вынул карабин и снял с него оптический прицел.

— Утром здесь видел лисицу... А может, песца... не разглядел... — и он посмотрел на Рультытэгина. Рультытэгин взял карабин, и они пошли по низкой, усеянной кочками земле. Рультытэгин шел, и ему казалось, что широкая, плоская, холмистая и бесконечная бледная равнина плывет и шатается у него под ногами: он поймал себя на мысли, что он до сих пор, как-то невольно, мыслями еще в самолете, в Москве, в институте, а то, что видит он теперь, — греза, обман, и что стоит только ему на мгновение закрыть глаза, — и все рассеется; исчезнет — и он снова очутится в университете, вечером пойдет на бульвары, на Мясницкую...

Они поднялись на небольшую сопку. Рультытэгин на мгновение зажмурился, потом широко раскрыл глаза.

На востоке поднималось и было уже на полпути к полудню бледное, мерцающее солнце: там, к востоку, лежали крохотные, будто игрушечные, сопки: Рультытэгин знал, что за ними, километрах в ста, была река, и, постепенно становясь все меньше и меньше, маленькие сопочки неприметно переходили в темно-зеленую долину. На юге лежало огромное, безбрежное и замыкавшееся с юга рекою болото, и на этой пустынной равнине, кроме чрезвычайно редких, поросших желтой и какой-то соломенной растительностью холмов и искривленных, причудливых и странных деревьев, ничего не было. Болото было покрыто зеленой травой и редкими островками белого и фиолетового иван-чая; Рультытэгин различил один, каким-то чудом сохранившийся цветок рододендрона. Метрах в пятистах, на холме, стояла сосна: ствол ее почти до самой макушки шел прямо, а потом резко, почти горизонтально земле, выгибался и, так идя с метр, вновь выпрямлялся: зеленая крона была дико роскошна и уродлива. Рультытэгин вспомнил эту сосну: она была здесь с незапамятных времен: он видел ее, когда зимой, малень-

кого, его везли в школу; он вспомнил, что он ожидал ее появления и что она служила даже ему своего рода приметою — по ней гадал он об экзаменах, загадывал о своей первой, — кажущейся такой смешной теперь, «любви»...

Он повернулся к западу: там шли вязкие, мягкие темно-зеленые холмы; каждый из них походил на несоразмерно длинного, вытянувшегося кита: за этими холмами текла Великая река.

Юйютхэ вдруг положил Рультытэгину на плечо руку и нагнул его; они легли.

— Вот они, — прошептал Юйютхэ, проворно выдвигая вперед ружье и мягко вдавливая его в руки Рультытэгину. — Видишь?

Рультытэгин, изо всех сил напрягая зрение, вглядывался несколько мгновений, прежде чем увидел две быстрые, светлые, метавшиеся по земле точки. Он крепко обмотал ружейным ремнем левый локоть и начал целиться. Лисицы, играя, приближались, и уже можно было различить морды, и Рультытэгин наконец увидел черные лисьи глаза.

«Стреляй, — вдруг прошептал Юйютхэ, — они подходят к норе».

Рультытэгин плавно и быстро поднялся: еще секунду он целился, и — отрывистый, резкий и замкнутый щелчок; одну из лисиц мотнуло, протащило, и она замерла. Юйютхэ вскочил, вырвал у Рультытэгина карабин, на мгновение как будто став выше, — сделал ртом какой-то шипящий, острый звук и, прыгнув головою вперед, словно бросался с высоко-го обрыва в море, — на лету выстрелил. Вторая точка, до тех пор мчавшаяся с неимоверной быстротой и изредка делавшая повороты, вдруг, словно споткнувшись и на мгновение ставши неподвижною, — еще быстрее — как показалось Рультытэгину — бросилась вперед, — и остановилась...

Обе лисицы были убиты в глаз: лис — в левый, подруга его — в правый, и Рультытэгин вспомнил, что так получалось у них иногда с Юйютхэ в детстве. Из черной раны лисы сочились кровь и сукровица, а шерсть назади черепа была противно мокрой, теплой и под ней мягко и нехорошо перекатывалась раздробленная кость.

Они пошли к машине. От лисиц пахло псиной и кровью. Когда они бросили их в багажник, щенки в мешке зашевелились и возбужденно заскулили. Закрыв багажник, Юйютхэ подошел к Рультытэгину и долго посмотрел в глаза, потом порывисто и сильно обнял; Рультытэгин чувствовал, как глаза делаются мокрыми; он плакал, не стесняясь и не скрывая своих слез и крепко обнимая Юйютхэ.

Юрий Каграманов

БЕСЛАН: ШКОЛА КАК БОЛЕВАЯ ТОЧКА

Ты (о, на каком ветрище!)
Светоч зажжешь Ума,
Чтоб выслушать: «Нам милее
Египетская тьма!»

Р.Киплинг. «Время белых»

Похоже, что, выбрав школу в качестве объекта атаки, террористы перестарались: то, что они выдают за «дело Аллаха», на сей раз слишком явно отмечено когтями Иблиса (дьявола). Массовое убийство детей вызвало широкое возмущение даже в мусульманском мире, большинство которого террористам в иных случаях так или иначе сочувствует (увы, но это факт).

Даже в среде самих нападавших, не знавших заранее, на какое дело их ведут, нашлись такие, кто был повергнут в смущение. Так, по некоторым сведениям, две женщины-шахидки, бывшие в отряде, уже на второй день удержания заложников выразили недовольство тем, что их вынуждают участвовать в убийстве ни в чем не повинных детей; за что они были взорваны раньше времени своим вожаком.

Но если взглянуть на вещи «без сантиментов», придется признать, что в нападении на школу был свой резон — хотя, возможно, нападавшие руководились им подсознательно. Школа была и остается проводником русского влияния на Кавказе — гораздо более надежным, чем крепости и форты с «грозными» названиями (вроде Владикавказа или того же Грозного).

Не следует упрощать дело: проводник влияния в данном случае не есть то же самое, что инструмент господства. Просвещение (примерно к середине XIX века окончательно потеснившее идею крещения иноверных) регсе было о д н о й и з главных целей русского наступления на Кавказ (хотя, конечно, нельзя сказать, что оно было главной целью). Еще шла Кавказская война, а в местах, прилегающих к зоне боевых действий, стали создаваться первые школы — для детей офицеров, но также и местных жителей, которые обучались здесь русскому языку. А русский язык открывал для аборигенов Северного Кавказа дорогу в «большой мир».

Будем помнить, что в отличие от Южного Кавказа (Закавказья), где существовали древние культуры, хотя и пришедшие в состояние глубокого

**Юрий
КАГРАМАНОВ**

— родился в 1934 г. в Баку. Окончил исторический факультет МГУ. Автор книг и статей по западной и русской культуре и философии, публиковавшихся в журналах «Вопросы философии», «Иностранная литература», «Новый мир» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

расстройства, Северный Кавказ (за исключением Осетии, исторически подпавшей под влияние Грузии) был отсталой провинцией мусульманского мира, который и в целом-то не без оснований называли тогда отсталым. Здесь существовали только духовные школы при мечетях — мектебы (1 ступень) и медресе (2 ступень), где обучали арабскому языку и Корану; притом чем выше в горы, тем реже становились и эти школы, и сами мечети.

Стихийно сложившаяся стратегия русских на Северном Кавказе была такая: вытеснить авторитет арабского языка авторитетом русского языка.

Интересно, что первыми просветителями здесь были отставные офицеры. Так, полковник П.К. Услар уже в 1862 году, то есть «назавтра» после окончания Кавказской войны, инициировал создание школ, в которых местные дети учились читать и писать на родном языке; и сам придумал для некоторых бесписьменных народов (аварского, чеченского и кабардинского) первые азбуки — на базе русской графики. Эти достигались двойная цель: укреплялось самосознание горских народов, как отличных от народов арабского мира, и в то же время облегчался переход к изучению русского языка. Другой отставной офицер А.П. Ипполитов, возглавивший после окончания войны Шатойский округ, открыл здесь первые школы с начальным образованием на русском языке; сам он, между прочим, женился на чеченке, овладел чеченским языком и переводил на русский произведения чеченского фольклора.

Уже в 60-е годы в Ставропольской гимназии появились первые ученики из Дагестана и Чечни. В дальнейшем уже на дагестанских и чеченских землях появились гимназии облегченного типа, где классические языки заменил русский, а классы подразделялись на православные и мусульманские. Так создавалась местная интеллигенция, которая, независимо от своих политических взглядов, была уже прочно связана с Россией.

Советская школа во многом продолжила традиции дореволюционной школы; с тем отличием, что теперь это была атеистическая школа и какие-либо «заигрывания» с религией начисто исключались. Резко вырос охват населения системой общего образования (что, наверное, произошло бы и в том случае, если бы не было революции).

В то же время с советизацией школы начались шарахания, которые не могли не привести в смущение незрелые умы. Сначала попытались восстановить в правах арабский язык — только потому, что его изгонял царизм; потом перевели местные языки на латинскую графику; и только в конце 30-х годов вернулись к русской графике.

Еще важнее были шарахания с преподаванием истории; на Северном Кавказе это касалось в первую очередь истории Кавказской войны. Сначала она преподносилась как справедливая борьба горцев против царизма; предполагалось, что новая власть, как «интернациональная» и «рабоче-крестьянская», ничего общего с царизмом не имеет. В конце 30-х знаки резко поменялись: присоединение Северного Кавказа к России стало делом объективно прогрессивным, а Шамиль оказался агентом английского империализма.

Что на деле способна сотворить «рабоче-крестьянская» власть, показала депортация целых народов, проведенная в 40-х годах с жестокостью, до какой никогда бы не могли додуматься «царские сатрапы».

Какие созвучия в местных умах рождали все эти противоречия, можно только догадываться. Ясно, во всяком случае, что они сохраняли память о Кавказской войне как справедливой или хотя бы отчасти оправданной со стороны горцев. Даже у пропитанного русско-советской мифологией Расула Гамзатова прорывалась симпатия к Хаджи-Мурату, от чьего имени он пишет следующие строчки:

Хочу, чтоб сторона чужая знала:
Моя еще не срублена башка...
(«Пять песен Хаджи-Мурата»).

В то же время местная интеллигенция испытывала обаяние русской культуры; да и вся мировая культура преломлялась через русскую призму. У того же Гамзатова в стихотворении «Поговорим о бурных днях Кавказа» (адресованном Ираклию Андроникову) читаем:

Не скажем о Ермолове ни слова
И предпочтем ему, как земляка,
Опального и вечно молодого
Поручика Тенгинского полка.

А что сейчас? Листаю общероссийский учебник «История России. Учебный минимум для абитуриента» (М: Высшая школа, 2003).

Без малого тысяча страниц, а о Кавказской войне, точнее, о Кавказских войнах XVIII-XIX веков нигде н и с л о в а. Хотя рассказывается о завоевании Средней Азии. О советском периоде — сумбур вместо истории. Вскользь говорится о сталинских депортациях, но конкретно упоминаются только западные украинцы, прибалты и молдаване (то есть народы, ныне не входящие в состав РФ); о кавказских народах — н и ч е г о.

Вероятно, авторы учебника хотели избежать «скользких» сюжетов. Но тем самым они оставили место для невежественных, а порою и совершенно диких их толкований.

«О Ермолове» говорить можно и должно. Даже современники Кавказской войны Пушкин и Лермонтов (последний к тому же ее участник) у м е л и охватить ее взглядом с разных сторон, так что в итоге получалась взвешенная, близкая к истине картина. Возьмите знаменитую последнюю строфу из стихотворения Пушкина «Кавказ» (которую и при царской и при советской власти то разрешали, то запрещали):

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

Строфа проникнута определенной симпатией к мятежному Кавказу: словосочетания «буйная вольность» и «дикое племя» (неполиткорректное в наше время выражение, но вполне отвечавшее принятой в XIX веке объективной классификации народов и племен) имеют позитивную окраску в рамках романтической поэтики; и все же историческая правота, и это понимает Пушкин, на стороне тех, кто несет п р о с в е щ е н н у ю (и

просвещающую) власть и с нею законы (а потом еще станет насаждать школы, где будут заучивать наизусть Пушкина и Лермонтова).

Да, Россия в свое время завоевала Северный Кавказ, лишив его народы независимости, но завоевание это, по меньшей мере отчасти, было вынужденным. После того как Южный Кавказ стал русским (а Грузия и Армения, напомню, присоединились к России скорее добровольно), Северный Кавказ оказался анклавом, окруженным со всех сторон русскими территориями. И добро бы это был мирный анклав. А то ведь оттуда постоянно совершались разбойные нападения на все, что не защищено и что находится в пределах досягания.

Вспомним, что Пушкин, путешествуя в Арзрум, после Владикавказа вынужден был присоединиться к каравану, насчитывающему пятьсот (!) человек и включающему все три рода войск (такова была о б ы ч н а я почтовая *оказия*, отправлявшаяся раз в две недели), а на обратном пути положился на защиту «славного Бей-Булата», чеченца, перешедшего на русскую сторону.

Как это ни парадоксально, но именно русское завоевание сделало возможным для северокавказских народов территориальную экспансию. Дело в том, что горцы никогда не осмеливались обживать подошвы своих гор: селиться на не защищенном ландшафтом месте было для них смерти подобно. К примеру, Надтеречный район, ныне входящий в состав Чеченской республики, никогда ранее не был заселен чеченцами. Только цивилизация, принесенная на русских штыках, сделала для горцев возможным также и равнинный образ жизни.

Еще важнее, что Россия осуществляла на Кавказе, как я уже сказал, просвещенческую миссию. А то, что при этом лилась кровь, не дает оснований для многовекового злопамятства. Вот и *Gallia comata*, «косматая Галлия», дикая Галлия когда-то оказала яростное сопротивление римским войскам, но французы, хоть и гордятся тогдашним своим вождем с труднопроизносимым для них, нынешних, именем Верцингеторикс, однако испытывают, как писал Анатоль Франс, благодарность к Цезарю за то, что он не сплочивал и сумел-таки наложить на Галлию «римское иго». Последние глумливые фильмы «об Астериксе и Обеликсе» — о том, как «мы их (римлян) сделали» — в счет брать не стоит.

Самым трагическим последствием русского завоевания для некоторых северокавказских народов, а именно чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и калмыков, стала депортация, осуществленная в 1943-1944 годах («ошибка», ввиду слишком уж явного своего изуверства, была исправлена в 1957-м). Но депортацию осуществила советская власть, в становлении которой приняли участие все народы бывшей Российской империи (напомню, что в годы гражданской войны большая часть северокавказского населения поддержала красных). И между прочим, решение о депортации приняли на самом высоком уровне два кавказца.

И бедствия, которые претерпели депортированные народы, не выделяются на тогдашнем общем фоне. В этом смысле разница между северокавказскими народами и, скажем, русским народом лишь в том, что последний был депортирован (или физически уничтожен) лишь частично, за фактической невозможностью депортировать или уничтожить его целиком.

Удивительно, что и в условиях всеобщего разора продолжал дуть верхний, так сказать, ветер, поющий «про сильных и больших людей», которые строят и обязательно построят самое справедливое общество на земле. Советская школа питалась этим ветром и в меру своих возможностей еще усиливала его. Заметим, что в реалистическом (а по советским меркам — очернительском) романе Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая», где действие происходит в Чечне в самый год депортации, над страшными реальностями возвышается светлая (даже, пожалуй, чересчур просветленная) фигура русской (или, во всяком случае, русскоязычной) воспитательницы, олицетворяющая веру в «разумное, доброе, вечное», **н е с м о т р я н и н а ч т о**.

Свою просветительскую миссию на Северном Кавказе русские продолжали до самых последних лет советской власти и, хотя из нее было вынута религиозное содержание, какие-то позитивные в ограниченном смысле результаты она принесла. Цивилизация, основанная на безрелигиозном гуманизме, — это все-таки цивилизация; плохо в ней то, что рано или поздно внутри нее открываются роковые пустоты. На исходе советского периода северные кавказцы более или менее успешно вписались в русский мир, как правило, хорошо или прилично говорили по-русски, а многие сумели далеко продвинуться на том или ином достойном поприще.

К истории русско-сеveroкавказских отношений могут быть отнесены слова Бориса Слуцкого:

Как спугано добро со злом!
Каким тройным морским узлом
Все спуганное перевязалось.

И не разрубить этот узел мечом; надо терпеливо распутывать его, если мы хотим и дальше жить вместе. Русская сторона должна здесь найти средний путь между покаянием и самозащитой, о чем недавно писал (по другому поводу) А.И. Солженицын.

Школа — место, где получают «путевку в жизнь», имея более или менее сложившееся представление о своей стране, ее прошлом и видах на будущее. Оставлять детей «за флагом» просвещения опасно с точки зрения общественного блага; на Северном Кавказе (сместим акцент) — с точки зрения интересов Российского государства. Мы это видим на примере Чечни, где за несколько лет выросло диковатое поколение, никогда не ходившее в школу и ныне ставшее главным источником пополнения для боевиков-террористов.

Но формальная «охваченность» образованием уже не является гарантией того, что северокавказские (как, впрочем, и некоторые другие) нацменьшинства будут должным образом интегрированы в русский мир. Нынешняя школа в своей основе формировалась во времена победного шествия европейской цивилизации, частью которой была и остается Россия. Но победного шествия давно уже нет. «С той стороны» хорошо видно, что бессильно повисли некогда гордо надутые паруса и что корабль движется только по инерции.

Конечно, если под цивилизацией понимать, как писал еще Глеб Успенский, «кабаки, кадрили, пьянство и наклонности к разрушению семейных

устоев»¹, то с этим сейчас все в порядке (заменим только кадрили на более темпераментные телодвижения). Но если иметь в виду, как принято было выражаться, «высшие цели», то вот с этим дела обстоят совсем неважно.

Особенно это относится к России. Коммунистический проект был наиболее радикальным вариантом просвещенческого (в данном контексте — от Просвещения XVIII века) утопизма. Его полный крах неизбежно должен был породить долговременную смугу — если не на политической арене, то в умах и сердцах во всяком случае. Было бы странно, если бы в этой ситуации у окраинных народов не проявились бы тенденции к отложению от России.

Часто говорят, что у России нет своей политики на Кавказе. На самом деле у России нет чувства миссии на Кавказе, как и в других местах².

Зато чувство миссии есть теперь у противной стороны. Противной стороной я называю здесь мир воинствующего исламизма.

Террористическая война — «фрагмент» в общей картине «столкновения цивилизаций», христианской (которую можно так назвать лишь с большой долей условности) и мусульманской. Все софиты на нее нацелены, оставляя в тени главные вопросы: откуда являются террористы, что побуждает их действовать так, как они действуют? И особенно: почему к ним испытывает тайную или явную симпатию большинство мусульман? Если не считать террористов, то мусульманский мир остается для нас малоосвещенным и, откровенно говоря, малопонятным.

Хотя ответы на поставленные вопросы надо искать не только в мусульманском мире. Хорошо известно, например, какую роль сыграли советские инструкторы в воспитании террористов всех мастей. И даже если бы не было прямого советского инструктажа, самый пример советской истории не мог не оказать в этом смысле заразительного влияния. Люди Востока — замечательные люди; из-под полуопущенных век наблюдают они, что происходит в чуждом им мире, и делают свои выводы. Если Европа такая хорошая, то откуда взялся Сталин? Откуда взялся Гитлер? И нынешние трансформации евроамериканской культуры отнюдь не настраивают мусульман на миролюбивый лад. Когда-то Европа производила впечатление уверенности в себе и заражала мягкостью, гуманностью; сейчас от нее исходят совсем другие нервные токи — глубинной разубежденности, склонности к бесконечному экспериментированию со злом, пока умозрительно-фантазийному.

Если мы хотим сохранить русское господство или хотя бы русское влияние на Кавказе, а не отступать, скажем, до Волги, нам, конечно, придется продолжить нынешнюю войну. Хотя это несчастливая война. Вообще-то, наверное, счастливых войн не бывает, но в таком случае это особенно несча-

---

¹ Успенский Г.И. Избранные сочинения. М., 1990, с. 314.

² Даже в предреволюционные годы правительство подвергалось с этой точки зрения заслуженной критике. После поражения России в войне с Японией известный прот. Иоанн Восторгов писал: «....Если мы здесь (на Востоке. — Ю.К.) ищем только государственной и экономической мощи, как чего-то самодовлеющего, — то нечего и жалеть, что мы опозорены и отброшены». (Прот. И. Восторгов. Россия и Восток. — «Наш современник», 2000, № 6). Речь не о том, что у России не было тогда чувства миссии, но о том, что оно все чаще затемнялось материальными интересами.

стливая война. Потому что российское войско ведет ее в состоянии упадка духа и нравственной неустойчивости (хотя будем надеяться, что такие люди, как полковник Буданов с его подручными, являются все-таки исключением).

Довольно зыбкой представляется и объявленная цель войны: сохранение Российской Федерации в ее нынешних границах. Поскольку границы эти проводились в советское время, легитимность их весьма относительна³. По-настоящему оправдывает войну лишь то, что она является, по сути, оборонительной — таковою она стала в тот момент, когда «ичкерийское» войско напало на Дагестан (не проявляющий — пока, во всяком случае, — стремления к отделению), а исламские изуверы стали устраивать взрывы на территории России.

И школа, в том виде, в каком она ныне существует, не является гарантией того, что будет воспроизводиться ставшее естественным тяготение к России, которое сохраняют старшие поколения. Такая школа не выдержит столкновения со «школой жизни», вразумляющей на совсем иной лад. Если школа без кавычек будет полагаться только на инерцию советских традиций, от нее будут откалываться наиболее пассионарные, как теперь принять говорить, элементы и прибиваться к тайным ваххабитским кружкам, число которых постоянно растет (на Северном Кавказе и в других местах). А ваххабиты учат не только писать «наоборотно» — справа налево, — по-арабски, но и мыслить так же; причем «наоборотно» не только русскому научению, но и местным религиозно-культурным традициям.

Конечно, ваххабизм — это все-таки ислам, пусть и в сильно упрощенном его виде. Но в культурном отношении это солончаковая пустыня, которая будет отхватывать все новые территории у некогда цветущих краев. К тому же из рядов ваххабитов выходят «воины Аллаха», у которых одна задача — сеять вокруг себя смерть; а это уже и не ислам, а подлинно «тьма египетская».

Нужно радикальное обновление концепции просвещения (на что потребуются годы и даже десятилетия). Вообще-то это дело не чисто русское, а общее европейско-американское; но Россия могла бы здесь сказать свое веское, быть может, решающее слово — если бы пустила в дело свое религиозно-философское наследие, до сих пор хранимое в «запасниках». В этом случае школа из болевой точки, каковою она является сегодня, стала бы магической точкой роста; и русский «участок» в «столкновении цивилизаций» из самого слабого сделался бы самым сильным. Соответственно и русская политика на Кавказе получила бы наступательный импульс.

И тогда рано или поздно Кавказ (не только Северный, но и Южный) снова стал бы органически близким России краем, как бы ни были проведены здесь государственные границы.

---

³ Напомню, что согласно «сталинской» Конституции 1937 года национальные меньшинства, насчитывающие не менее одного миллиона человек и имеющие общую границу с иностранными государствами, получали статус союзных республик и с ним вместе право на отделение (хотя бы и чисто формальное) от Союза. В то время Чечня и Дагестан названным условиям не отвечали. Теперь же Чечня имеет более миллиона населения, Дагестан — более двух; и обе республики граничат с иностранными государствами.

К десятилетию первой чеченской войны общество «Мемориал» выпустило сборник **«БЫТЬ ЧЕЧНЦЕМ. Мир и война глазами школьников» (М.: Мемориал\Новое издательство, 2004)**. Книгу составляют сочинения подростков из Чечни, присланные на конкурс «Человек в истории. Россия — XX век».

Мы попросили высказаться в связи с этим изданием представителей разных гуманитарных профессий — публициста, школьного учителя и православного священника. И получилось так, что, оттолкнувшись от книги, разговор вышел далеко за ее пределы, коснулся событий в Беслане, чеченской войны в целом и — еще шире — вопросов войны и мира, человека и человечности, вопросов жизни и смерти, истины и добра.

Но иначе, наверное, и быть не могло. Слишком уж велико количество тех наболевших проблем, тех общественных недугов, которые встают уже за самим по себе сопоставлением таких двух несопоставимых понятий, как «война» и «дети»...

Татьяна СОТНИКОВА

НЕИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Читать сочинения, которые чеченские школьники прислали на объявленный обществом «Мемориал» всероссийский конкурс «Человек в истории. Россия — XX век», принимаешь с нелегкой душой. Понятно же, о чем могут — точнее, даже не могут, а должны — написать эти дети. О войне, которая лишила их детства, о том, как у них на глазах гибли родственники и друзья — взрослые, ровесники, совсем маленькие дети, — как хрупки оказались человеческие представления о человечности...

Все это в сочинениях, разумеется, присутствует. Четырнадцатилетняя Малика из села Гелдагана, родители которой — учителя в нескольких поколениях, пишет: «Бедная бабушка! Она проработала 40 лет, никаких богатств не накопила, и ее дом (разбомбленный. — *Т.С.*) был единственным ее достоянием. Чем же она провинилась? Она всю жизнь работала вместе с русскими и татарами. Ни у нее, ни у других членов нашей семьи не было неприязни к людям другой национальности. (...) Мой племянник Ваха, которому пять лет, при звуках выстрелов бежит в дом и прячется за спину

**Татьяна
СОТНИКОВА**

— родилась в 1963 году в Минске. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета и аспирантуру Литературного института. Кандидат филологических наук, доцент Литературного института. Автор двенадцати романов (под псевдонимом Анна Берсенева) и многих статей по современной русской литературе в энциклопедических и в периодических изданиях. Живет в Москве.

деда — моего отца. И он стал у нас инвалидом из-за болезни сердца. В чем же его вина?! (...) Хорошо, что хоть дедушке не пришлось видеть весь этот ужас. Он скончался еще в 1990 году».

Что на это ответить? Что к этому добавить? Девочка считает счастливым умершего дедушку... Остается только вспомнить банальность (она же вечная истина) — о слезе ребенка, на которой не построишь ни всеобщее счастье, ни конституционный порядок. И посочувствовать тем людям, которые этого не понимают. Впрочем, им и сочувствовать не хочется — такое неприятие они вызывают.

И все-таки сочинения чеченских школьников поражают даже не описанием ужасов, которые им пришлось пережить. Как ни страшно об этом говорить, но про ужасы-то как раз все жители России, у которых совесть не замещена бредовыми представлениями об имперском величии, могли прочитать в газетах и даже увидеть по телевизору, когда чеченская тема еще освещалась практически всеми СМИ в относительном соответствии с реальностью.

Поражает недетская мудрость, которую проявляют авторы сочинений. Когда эти дети пишут: «Что мы сегодня имеем? Прошлое, насыщенное тяжелыми воспоминаниями, неопределенное будущее?! Огромную надежду и веру в Аллаха...» — то они имеют в виду вовсе не то, что вырастут и возьмут автомат, чтобы отомстить русским за все свои мучения.

Девятиклассник Зелимхан Ирбагиев из Грозного, описавший страшную гибель своих родственников, завершает сочинение словами: «Неизвестно, когда закончится эта война. А пока мы, вернувшись на пепелище, пытаемся выжить. Если мне это удастся, то я тоже выучусь, стану трудиться. Конечно, в первую очередь построю заново дом».

Та же четырнадцатилетняя Малика из Гелдагана, дочь заслуженного учителя республики, знающая своих предков поименно до седьмого поколения и знающая о том, что на каждое поколение ее предков пришлось по войне, пишет: «Я надеюсь, что рано или поздно все те преступники, чьи действия привели к гибели тысяч ни в чем не повинных людей, понесут наказание. Говоря о судьбе своей семьи, я понимаю, что это часть судьбы моего народа. Мои родители делают все возможное, чтобы мы, пятеро их детей, получили образование. Папа считает, что народу нужно прежде всего поднять образование, чтобы его никто не мог душить, и я с ним согласна. Два моих брата и старшая сестра закончили школу с медалями. Старшая сестра работает в больнице после техникума. Она училась в университете, но из-за войны оставила учебу. Вторая сестра окончила пединститут и работает в школе. Братья учатся в Чеченском государственном университете и в Нефтяном институте. Мне предстоит закончить школу, а затем и я постараюсь закончить вуз, чтобы принести больше пользы».

Эта девочка не является исключением — ни в своем стремлении учиться, ни в знании истории своего рода. Причем это не просто знание имен, а знание множества подробностей жизни своих предков, гордость за них.

Зелимхан Ирбагиев пишет о своем прапрадеде так, словно не раз с ним разговаривал, хотя, конечно, знает его только по рассказам старших. И это не просто знание об отдельном человеке — мальчик понимает, какова именно

его семейная традиция, то общее, очень четко очерченное пространство, вне которого человек в Чечне не может развиваться как личность. Суть семейной традиции Ирбагиевых состоит в сочетании предприимчивости с благоразумием. Прапрадед честным трудом нажил магазины, мельницу, лесопилку; к 1917 году его взрослые сыновья приумножили семейное достояние и имели уже целую сеть магазинов, мельниц и лесопилок, которые обеспечивали работой жителей соседних сел.

«Все в семье было хорошо, — пишет Зелимхан. — Но Октябрьская революция коренным образом изменила их жизнь. Трезво оценив обстановку, мой прадед решил добровольно отдать новой власти все, что было нажито нелегким трудом. Детям он объяснил, что главное — сохранить семью и Родину, а богатство — дело наживное. В его домах разместились школа, больница, аптека, сельсовет, почта. В магазинах, на мельнице и лесопилках оставили работать сыновей, так как не нашлось других специалистов. Вскоре после смерти Ибрагима-хаджи началось раскулачивание всех зажиточных селян. Только тогда дети по-настоящему оценили дальновидность и благоразумность решения отца. (...) Все Ирбагиевы — патриоты. Никто не хотел уезжать из республики. Но и никто не хотел идти с оружием проливать кровь невинных. По примеру своих знакомых десятки молодых людей из наших семей могли взяться за оружие, но старейшины на семейном совете решили: каждый, кто возьмет в руки оружие, будет изгнан из семьи. Молодые подчинились. Возможно, это решение спасло жизни многим русским солдатам, но не спасло наших близких. Как говорится, пуля не выбирает. Некоторые мои родственники погибли во время артиллерийских обстрелов и бомбовых ударов, других настигли случайные пули».

В семейном архиве семьи Магомедовых, чудом и огромным усилием сохраненном во время бомбежек и зачисток, хранится копия телеграммы Верховного главнокомандующего русской армии от 25 августа 1916 года, направленная генерал-губернатору Терской области. В телеграмме говорится: «Как горная лавина обрушился чеченский полк на Германскую железную дивизию. *(В этом полку воевал прадед девочки, написавшей сочинение. — Т.С.)* Менее чем за 1,5 часа перестала существовать «железная дивизия», с которой соприкасаться боялись лучшие воинские части наших союзников, в том числе и русской армии. Передайте от моего имени, от имени царского двора и от имени русской армии братский сердечный привет отцам, матерям, братьям, сестрам и невестам этих храбрых орлов Кавказа, положивших своим бессмертным подвигом начало концу германских орд. Никогда не забудет этого подвига Россия. Честь им и хвала. С братским приветом, Николай II».

Россия забыла этот подвиг. Как забыла и подвиги в Великой Отечественной войне, совершенные чеченцами. О том, что совершившие эти подвиги — именно чеченцы, а не просто солдаты армии-победительницы, какими они чувствовали себя в войну, власти вспомнили только для того, чтобы отправить вернувшихся с фронта бойцов в ссылку. Записанные внуками воспоминания бабушек и дедушек о том, как это было, составляют едва ли не половину сочинений на тему «Человек в истории». Собственно, нет ни одной чеченской семьи, для которой депортация 1944 года была бы в чистом

виде историй. Для них это часть жизни, которая никогда не станет благостным преданием, и это вызывает глубокое уважение. После чтения этих сочинений становится еще непонятнее, как можно испытывать уважение к людям, которые, зная, что миллионы их соотечественников были безвинно убиты по воле Сталина, Берии и прочих преступников, имеют бессовестность говорить: «Ну, подумаешь, когда это было! Кто старое помянет...»

Это было, и было не так уж давно. Хотя иногда создается ощущение, что эти преступления не поросли быльем только для чеченцев.

О том, какое унижение и психологический шок из-за этого унижения пережили вернувшиеся с фронта солдаты, расскажет ветеран Отечественной войны любой национальности. Если он честен, конечно, и если не считает собственную униженность житейской нормой. Этим солдатам сразу дали понять: вы больше не воины-победители, а те, кем были всегда, — пыль под ногами властей предрежащих, они могут и будут вас унижать, ломать и калечить ваши жизни... Это пережил каждый вернувшийся с войны; не верьте тому, кто скажет, что это неправда.

К чести чеченских школьников, ни один из них и не написал в своем сочинении, что это неправда. Они знают, что произошло в селе Хайбах — чеченской Хатыни, в которой заживо сожгли сотни стариков и женщин с маленькими, в том числе грудными, детьми, чтобы не возиться с ними во время депортации. Знают и о том, какова была ссылка для тех, с кем власти решили «повозиться». Милана Мальцагова, десятиклассница из станицы Наурская, пишет: «Мой прадедушка — к этому времени он работал военным комиссаром в Старых Атагах — ушел добровольцем на фронт. Прабабушка работала на военном заводе в городе Грозном, выпускала снаряды для «катюш». Их старший сын тоже работал на военном заводе. Мать и сын сутками не приходили домой. С детьми оставалась четырнадцатилетняя дочь».

Именно этой четырнадцатилетней девочке пришлось в течение пятнадцати минут (больше времени доблестные воины НКВД детям не дали, как не дали и дожидаться, когда придет с работы выпускавшая снаряды для «катюш» мать) собрать четверых маленьких братьев и сестер (самой младшей было 9 месяцев) и ехать с ними в ссылку. О том, что представляла собой эта дорога в вагонах для скота, с выгрузкой трупов на каждой станции, читать в детском сочинении невыносимо... И было бы очень странно, если бы подобные вещи стали в сознании народа всего лишь историческим воспоминанием.

И все-таки — о том, что вызывает самую большую печаль при чтении этих сочинений.

Совершенно очевидно, что их написали дети из интеллигентных семей — дети учителей, врачей, образованных людей других профессий. Но ведь таких детей крайне мало, и, что особенно горько, чем дольше идет война, тем меньше их становится. Ужас состоит в том, что эти детские голоса чеченского разума тонут в море ненависти, которую война воспитала в гораздо большем числе детей — никогда не читавших книг, не понимающих, зачем надо учиться, живущих по закону «кто сильнее, тот и прав»... Таких людей в нашей стране вообще большинство, этого трудно не заметить — не надо и ездить в Чечню, достаточно выйти на улицу любого мирного российского города и присмотреться к преобладающему стилю повседневной жизни населения. А если ко

всему этому добавить автомат, который у мальчика вот он, под рукой? А если сосед, ставший боевиком, предлагает девочке сделаться шахидкой и отомстить за родных, взорвав сотню-другую неверных в московском метро?

Покров природной интеллигентности, внятного разума очень тонок, и этот покров с большинства жителей Чечни сорван. К каким последствиям это привело, жители остальной России не раз с ужасом наблюдали по телевизору — в «Норд-Осте», в Беслане...

Среди детских сочинений есть одно, написанное недавней школьницей Ларисой Аюбовой из Грозного. Когда ей было три года, ее родители закончили филфак института в Коломне и обосновались в Череповце. Одиннадцать лет, прожитых в этом городе, запомнились ей в основном ксенофобией, которая окружала «девочку непонятно какой национальности, то ли цыганку, то ли чукчу»; самым светлым воспоминанием детства стало возвращение родителей на родину, в Чечню. Но здесь же ей пришлось пережить и «самое страшное, что показывали в фильмах и рассказывали в книгах, то, что, казалось, никак не может произойти ни со мной, ни там, где я живу».

Шок от того, что это все же произошло, был настолько сильным, что, как можно судить по сочинению, оправиться от него девочке оказалось не по силам. Точнее сказать, это был даже не шок от самих по себе жутких событий, которые ей пришлось пережить, а психологические «открытия», которые с этими событиями оказались связаны.

«В одну ночь, когда начали бомбить, дедушка так боялся, что с нами что-то случится, что не выдержал этого. Утром, после бомбежки, он слег, хотя был совершенно здоровым человеком, он пролежал целый день, вечером ему стало плохо, а ночью он умер, умер прямо у нас на глазах. Мне казалось, что я и все вокруг сошли с ума. Человек умирал, а идти было некуда, помощи искать было нигде. Смерть, оказывается, наступает так легко, и ничто не может помешать ей. За эту ночь я, наверное, повзрослела сразу на несколько лет. Казалось, что все чувства просто выжаты из меня. Хотелось только умереть. Однажды у меня разболелась голова, чем сильнее она болела, тем больше мне хотелось забыться. И тут на минуту я подумала о том, как хорошо наркоманам! Да, я позавидовала наркоманам. Это был момент отчаяния, до которого нас нередко доводят. Что нам делать? Таить ненависть? Или же быть бессердечными лицемерами? Тогда я поняла всех наших парней, которые сидели на игле, а их становилось все больше и больше с каждым днем. Им оставалось или идти на войну, или же стать ничтожествами и наркоманами».

У этой девушки почти не осталось сил для того, чтобы сопротивляться силе войны, которая разрушает ее личность. Но она все-таки учится в университете, ее окружают люди, понимающие это психологическое состояние и готовые помочь иначе, чем подсунув ей пояс шахиды... А скольких таких девушек окружают в Чечне совсем другие люди?

Да, самое печальное в сочинениях чеченских школьников — это то, что этих сочинений очень мало... Правда, организаторы конкурса отмечают, что из Чечни пришло 155 работ — больше, чем из многих других регионов России. И все равно это капля в море. Что же представляет собой само нынешнее чеченское море — море войны, смерти, несправедливости, — можно только с ужасом догадываться.

Среди вошедших в книгу работ есть несколько сочинений русских девочек — из г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области, из поселка Ярега Республики Коми, из Астрахани и других российских городов, — авторы которых пытаются это «море» понять и осмыслить. Эти попытки вызывают не меньшее уважение, чем то знание истории своего рода и народа, которое вызывают школьники из Чечни.

Евгения Миронова из Ленинск-Кузнецкого взяла восемь интервью у русских и чеченцев, живущих в ее городе. Главные вопросы этих интервью: почему русские и чеченцы не любят друг друга, почему мы не можем жить мирно?

Вообще-то ответы на эти вопросы, ставшие открытием для «девочки, обдумывающей житье», для взрослого, с мало-мальским жизненным опытом человека выглядят предсказуемыми. Понятно, что ни один из девочкиных респондентов — а среди них, что тоже понятно, не было ни руководителей федеральных силовых структур, ни олигархов и чиновников, делающих деньги на войне, — не сказал, что он имеет претензии к чеченцам или к русским вообще, как к народам. Хотя о достоинствах и недостатках именно народов люди все-таки размышляли. И не все эти размышления были благостны...

Русская женщина, вышедшая замуж за чеченца, прекрасно понимает, что присущее ее мужу «ощущение жены как вещи» — не особенность лично его характера, а часть национального менталитета.

А чеченский предприниматель, вынужденный вести свой мелкий бизнес вне родины, понимает, что слабость русских «в их разобщенности, недружности, эгоизме. Ведь у нас как? Я поднялся на ноги, купил себе квартиру, машину, теперь помогаю своим родным, чтобы они тоже смогли встать на ноги. Ведь и мне тоже когда-то так же помогали. Это у нас как закон. А у вас, русских, если кто-то и смог подняться выше других, он старается затоптать нижестоящих, забыть, каким он сам недавно был».

Но, оценивая таким образом недостатки друг друга, ни один из простых людей, с которыми говорила девочка, не считал эти недостатки достаточным поводом для войны. В свете этих интервью особенно убедительно выглядят данные социологов, приведенные в послесловии к книге А. Левинсоном, сотрудником Аналитического центра Ю. Левады. Оказывается, беспристрастная статистика тоже показывает, что в августе 2004 года только 21% российских респондентов выступал за продолжение боевых действий в Чечне, а 68% — за то, чтобы начать мирные переговоры. Интересно, удалось ли социологам до сведения верховного главнокомандующего и его военных советников такие неудобные данные?..

Впрочем, после десятилетий войны уже непонятно, с кем вести эти переговоры. Народный нравственный суд, в котором состояла сила единства чеченцев (так назвал это молодой русский парень, воевавший в Чечне), становится все более призрачным, и все по той же причине: слишком много становится людей, не защищенных покровом нравственности и внятного нравственного понимания жизни.

И все-таки эти сочинения написаны. Может быть, школьники, приславшие их на конкурс, не являются показательным социологическим срезом для того чтобы понять, как настроено население Чечни в целом. Но они еще есть в 2004 году, эти дети; это такой же непреложный факт, как депортация чеченцев в году 1944.

Остается только верить, что такие дети никогда не станут для чеченского народа отдаленным воспоминанием, как не стал им ни один факт его объединенной с современностью истории.

Лев АЙЗЕРМАН

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» ПОСЛЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

школьное сочинение как документ эпохи

Сборник сочинений «Быть чеченцем» — обжигающая книга. Жаль, что он вышел тиражом всего 1500 экземпляров, такую книгу должны были бы прочесть сотни тысяч людей. Не буду говорить о содержании этих детских сочинений, скажу лишь, что здесь есть поразительно точные картины увиденного и пережитого. Меня же как учителя эта книга в очередной раз заставила задуматься о том, что школьное сочинение — это исторический документ. И — что, вероятно, гораздо важнее, — документ человеческий. Чтобы жить в новом тысячелетии разумно, нужно услышать зовы времени, его голоса, — прежде всего многоголосие юности, нашего завтрашнего дня.

Поэтому мне хочется рассказать здесь и о других сочинениях — тех, что написаны моими учениками-москвичами осенью нынешнего года, когда свежа еще была память о трагедии в Беслане и о теракте у станции метро «Рижская» в Москве. Но и не только о сочинениях. Вообще об этой школьной осени, когда я давал обычные, в общем-то, уроки, а ребята писали работы на темы, на которые мои ученики пишут уже много лет. Так что далеко не всегда они размышляли непосредственно на темы Беслана или Чечни. Но куда же было деться от того, что происходило со всеми нами, что звучало с экранов телевизоров, что носилось в воздухе?..

1. Сентябрь 2004-го. «Почему классики не писали о терроризме?»

Вот уже больше тридцати лет я предлагаю ученикам выпускного класса домашнее сочинение на тему «Что меня волнует в русской классической литературе и что оставляет равнодушным». Нынешний год не был исключением, и в сентябре я снова задал на дом такое сочинение. Но когда пришла пора обсуждать написанное, разговор принял неожиданный оборот. *«Конечно, — читал я, — русские классики и не догадывались о таких проблемах, которые обрушились на нас в современном мире».*

**Лев
АЙЗЕРМАН**

— родился в 1929 году в Москве. Окончил пединститут имени В.П. Потемкина. В средней школе преподает более 50-ти лет. Заслуженный учитель России, кандидат педагогических наук, автор целого ряда книг о преподавании литературы. Живет в Москве.

Сочинение писали три класса — семьдесят три человека. Сорок четыре человека выбрали для размышления роман Достоевского «Преступление и наказание». Семеро роман не приняли — потому что он

— *«давит на психику»;*

— *«переполнен сценами насилия, нищеты, горя, страдания. Я больше люблю книги, в которых описывается радость, все плюсы жизни, а не страдания»;*

— *«все эти кошмары, страдания, душевные порывы, мучения совести — этот мир является для меня чужим»;*

Напоминаю, это написано после Беслана.

Тридцать семь человек высказались за роман, но только трое написали о его философском смысле и глубинных проблемах.

— *Слова о том, что не нужно светлое будущее, если за него прольется слеза хотя бы одного ребенка, в наше страшное время нельзя не вспомнить...*

— *... в современном мире так много несправедливости, жестокости, лжи, коварства, и от этого никому не денешься. Поэтому роман Достоевского актуален и в наши дни, когда нередко зло, безразличие, бездушные побеждают и затмевают лучшие качества человеческой души...*

— *...Достоевский не приемлет теорию «крови по совести», и я с ним полностью согласна...*

— *...на примере Раскольникова убеждаешься, что, причинив страдания и боль другому человеку, счастья не добьешься...*

Это написали трое — всего три человека из семидесяти трех — по одному ученику на класс. И это при том, что роман Достоевского, проблемы, поднятые в нем, имеют прямое отношение к теме терроризма — к тому, о чем в те дни просто не могли не думать одиннадцатиклассники.

Да, детоубийства такого масштаба в наступившем веке еще не было. В прошлом — что говорить, бывало: Бабий Яр, Освенцим, бомбардировки англо-американской авиацией в конце войны мирного Дрездена, куда незадолго до этого пришли эшелоны с эвакуированными детьми, голод в СССР тридцатых годов, Хиросима... Чеченские боевики говорят о сорока тысячах детей, погибших в Чечне... Ну а в истории? Чего стоит одно евангельское избиение младенцев, когда Ирод «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже!» Недаром с тех пор это имя из собственного стало нарицательным. И вот тут-то и возникает вопрос: а как человек становится иродом?

И русские народники, и эсеры, и большевики эпохи красного террора, и баскские сепаратисты, и ольстерские ультра, и немецкие террористы, и террористы палестинские, и террористы чеченские всегда выступали и выступают под знаменами высоких и святых идей — за национальную независимость, за свободу народа, за его счастье, за справедливость. Конечно, далеко не все террористы — убежденные борцы за идею, очень много среди них и тех, для кого кровавое дело — способ раскрыть и утвердить собственное «я». К тому же за исполнителями чаще всего стоят кукловоды, для которых главное — финансовые потоки и политические интересы. Но есть, конечно, среди тех, кто идет в террор, и люди, как недавно было принято говорить у нас, высокого идейного уровня и моральной устойчивости.

Однако в любом случае всё это замешано на крови... И потому искренне или заблуждаясь, а терроризм в любом случае всего лишь эксплуатирует высокие идеи и идеалы — можно сказать, паразитирует на них.

Действительно: разве, по сути, не этот феномен исследовал и развенчал в своем романе Достоевский?

Конечно, делая подобные сопоставления, надо быть очень осторожным. Писатель наделил Раскольникова душевной отзывчивостью, способностью сострадать, совестливостью и в конце романа привел к порогу воскресения, новой жизни. Но ведь мы говорим сейчас о внутренней сути философской идеи, рожденной благим порывом и приводящей к крови. Речь идет о почве и подпочве, на которой и возрастает терроризм.

Кровь по совести... Раскольников ищет аргументы, позволяющие торжествовать кровавой логике террора. Ищет и находит: «...не загладится ли одно крошечное преступленище тысячами добрых дел? Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика!»

...«*А почему русские писатели ничего не писали о терроризме?*» — задал вопрос один из моих старшеклассников...

* * *

Я всегда спрашиваю своих учеников: почему после убийства старухи-процентщицы Раскольников убивает и беременную Лизавету? И, размышляя, мы приходим к выводу, что писатель обнажает тем самым глубинную ложь этой кровавой арифметики: после одного убийства начинаются не хорошие дела, а другие убийства. И недаром в конце романа возникает сон о моровой язве, которой заражались целые селения, целые города и народы — заражались и сумасшествовали. «Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина... Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром... Остановились самые обыкновенные ремесла... остановилось земледелие... Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало».

Зачем в конце романа эта картина конца света, конца мира, конца человечества? — спрашиваю я учеников. Спросил и на сей раз.

Достоевский показал здесь, к чему придет человечество, если пойдет дорогой Раскольникова, — таков был общий смысл большинства ответов. Но одна девушка воскликнула: «*Как! Из-за одной поганой старухи — конец света?!*»

Именно так — *из-за поганой старухи...*

Пришлось, впрочем, услышать мне и то, что это нынешние террористы не шадят стариков, женщин и детей, а раньше у них были совсем другие мишени — императоры, губернаторы... Так-то оно вроде бы и так, но только давайте вспомним:

— когда Степан Халтурин устроил взрыв под малой столовой в Зимнем дворце, то погибли одиннадцать и были ранены пятьдесят шесть солдат лейб-гвардии Финляндского полка, несших караул во дворце;

— взрыв бомбы в парижской Гранд-опера, имевший целью убить Наполеона III, привел к гибели чуть ли не сотни человек;

— взрыв в доме Столыпина стал причиной смерти десяти человек, в том числе двух крошечных детей (дело было в субботу, когда премьер прини-

мал посетителей, некоторые пришли с детьми). Сам Столыпин в тот раз остался жив, но была искалечена его четырнадцатилетняя дочь...

По самой логике своего развития, терроризм не может слишком долго выглядеть как «святое дело», рано или поздно он неизбежно приводит к Беслану. Не только в книге, но и в жизни убийство «поганой старухи» неминуемо влечет за собой убийство Лизаветы и ее неродившегося ребенка.

Нет, классика не позади нас. Она с нами, а часто и впереди нас.

* * *

В 1974 году «Комсомольская правда» напечатала письмо школьницы из Темиртау: *«Что... мы находим в "Преступлении и наказании"?.. Ни одного проблеска, будто все происходит в грязной луже. Хотела бы знать, какую пользу данное произведение принесет нам. Ну, что мы, убивать кого-нибудь, грабить собираемся?! Зачем нам до тонкостей знать все, что происходило в голове у Раскольникова?»*

Прошло тридцать лет, и жизнь сама ответила на этот вопрос — да как еще жутко ответила.

Но вот в те же сентябрьские дни попался мне журнал со статьей Валерии Новодворской: «Русская классика хрупка, тонка и драгоценна. Слишком много в ней тяжелых, невыплаканных слез, слишком отягощена она мыслью и насыщена тоской. Она напоминает тучу, почти никогда не разрешающуюся дождем».

Подумать только: «слишком отягощена мыслью!» У меня тоже одна ученица написала: *«Я люблю, когда я не думаю»...*

В сентябре — по свежим следам Беслана — были опубликованы данные опроса НИИ социальных исследований СПГУ. На вопросы отвечали школьники, студенты и работающая молодежь. Результаты таковы:

— мужественными, искренними людьми, **борцами за справедливость считают террористов** 28,7 % школьников, 44,3 % учащихся ПТУ и колледжей, 14,3 % студентов, 26,9 % слушателей военных училищ и 20,1 % работающих; — более половины опрошенных **не считают жизнь человека** самой главной **ценностью** в мире;

— а 55,5 % думают, что при уверенности в своей правоте **могут принести боль, страдание другим людям и не будут очень сожалеть**.

Вот мы и добрались до первопричины. Как сказано у Достоевского, «И поле битвы — сердце человека». Вот здесь-то и начинается борьба с терроризмом...

Пятьдесят третий год преподаю я литературу и сейчас с горечью думаю вот о чем: зачем литература в школе, если каждый второй может переступить через человека? Или мы не так и не для того ее в школе преподаем?

2. Октябрь 2004-го. «Всегда ли в жизни есть место подвигам?»

«В жизни всегда есть место подвигам» — эти слова из рассказа «Старуха Изергиль» давно стали афоризмом. На поэтизации подвига была построена вся советская идеология, вся система воспитания, искусство и литература. В романе «Прокляты и убиты» Виктор Астафьев писал: «В героической

Советской стране передовые идеи и машины всегда ценились дороже человеческой жизни», словно человек лишь для того и рождался и рос, «чтобы всюду проявлять героизм, мужеством своим и жизнью укреплять могущество советской индустрии».

Естественно, когда наступило похмелье и отрезвление, самое слово «подвиг» стало вызывать у многих аллергию.

«*А что такое подвиг?*» — спросили меня в одном из классов, где я предложил для сочинения тему, давшую название этой главке. Я сказал, что хотел бы найти ответ на этот вопрос в тех работах, которые будут сейчас написаны.

И вот законченные сочинения лежат на моем столе.

Только четыре человека из всех трех классов написали, что в нашем жестоком мире подвиг невозможен. Остальные высказались за подвиг, но разошлись в оценке того, что же это такое.

Многие полагали, что в повседневной жизни мы так или иначе совершаем подвиги ежедневно. Мне пришлось прочесть о том, что:

— *человек, который ухаживает за тяжело больным родственником, — герой...*

— *со временем у некоторых людей появляется потребность в серьезных отношениях и браке. А брак — это разве не подвиг?*

— *все едут веселиться к кому-то в гости, а тебе надо делать уроки...*

— *я уступаю место в автобусе, хотя у меня очень сильно устали ноги...*

— *помощь старушке, которой тяжело перейти дорогу ... кошка которой забралась на дерево...*

— *я всегда постараюсь помочь соседкам на контрольных работах, даю позвонить свой мобильный телефон...*

— *мальчик дал мелочь бедняку...*

Подобным образом планку подвига опустили четверть писавших сочинение. Я не впервые даю эту тему и, должен заметить, ничего нового для себя, к сожалению, не отметил — в 93-м году так понимал подвиг каждый четвертый; в 95-м — каждый третий.

В чем же причина такой девальвации понятия «подвиг»? Не в том ли, что стали совсем редки, а потому так возросли в цене уже и просто отзывчивость, доброта, сочувствие? И этот дефицит так остро ощущается молодыми людьми, что они готовы провозгласить подвигом элементарные вещи?

Но не тревожно ли, когда старшеклассники (а таких было четверо) именно и считают? Что:

— *в наше время быть хорошим человеком уже подвиг;*

— *в наше несладкое время достойная жизнь — это подвиг;*

— *в наше время быть просто человеком — уже подвиг, ведь большинство людей обманывают, лгут, причиняют боль...*

* * *

А в чем же, по мнению сегодняшних школьников, заключается подвиг в высоком значении этого слова?

Больше всего говорили о Беслане — больше половины писавших. О бойцах спецназа, под пулями выносивших из школы раненых детей. О врачах, спасав-

ших детям жизнь. *«Спасали», «защищали», «рискуя собой», «жертвуя собой»*. Двое вспомнили в этой связи «Норд-Ост», еще трое — 11 сентября 2001 года.

Но никто почему-то ни слова не написал об учителях. А ведь там погибли 22 человека.

Показываю газетный лист с фотографиями:

— **учительница начальных классов Соскиева Ольга Николаевна** — успокаивала детей, стараясь уберечь их от агрессии боевиков; взяла на себя заботу о старике-учителе истории, пришедшем 1 сентября в родную школу. Буквально на себе выносила старика из зала в туалет — ему трудно было передвигаться. Старик выжил. Когда раздался взрыв, не заботясь о спасении собственной дочери и не думая о себе, она выталкивала детей из окон наружу...

— **учительница начальных классов Ханаева Ирина Захаровна**, 74 года, больна тромбозом — во время боя, раненая автоматной очередью в ноги, встала на колени, подставляя спину малышам, чтоб они могли дотянуться до окна и выпрыгнуть; ей удалось спасти фактически весь класс...

— **работник котельной Карлов Иван Ильич**, 72 года — спрятал в котельной детей и учительницу; сохранил жизни тридцати человек, расстрелян боевиками...

Нынешние дети не знают имени Януша Корчака. Боюсь, не запомнят они и эти имена...

* * *

Два ученика из разных классов как бы спорят между собой:

— *Для нас это великая трагедия, а для террористов — это подвиг, во имя которого они отдадут жизни.*

— *На подвиг не способны низкие и подлые люди, которые не знают, что такое истинный подвиг.*

Меня поразила здравая мудрость одного из одиннадцатиклассников:

— *Выручить кого-нибудь в катастрофе — подвиг, а предотвратить катастрофу — подвиг вдвойне.*

Еще двое написали, что

— *при захвате людей в заложники не министры, не депутаты, а простые солдаты спасают жизни людей...*

— *А где же остальные? Те, кто руководят нами и учат нас жить, они не спешат на помощь...*

* * *

В одной из работ я прочел: *«К счастью, весь этот кошмар кончился»*.

Слово «к счастью» в этом контексте вообще невозможно. И потом: как это — кончился? А дети, оставшиеся без родителей? А родители, у которых погибли дети? А пропавшие без вести? А не идентифицированные остатки тел? А тысячи людей, у которых погибли родственники, друзья, соседи? А дикая травля директора школы — женщины, которая проработала здесь 50 лет и которую теперь считают соучастницей убийц? И потом: кончился сорокадневный траур, пришла очередь кровной мести. Опасность нависла над всеми нами — именно над всеми нами!.. Нет, не кончился этот кошмар! Не кончится.

— *Там все совершили подвиг...*

Увы, это не так. Вряд ли забудет мальчик-заложник, как на его глазах учительница выгоняла из-под парты малышкой, чтобы спрятаться самой. Да, далеко не все взрослые вели себя в этом спортивном зале достойно. Не будем их судить. Но мы можем сказать о некоторых из тех, кто был вне школы. О тех, кто поторопился внести в списки заложников себя и своих близких, когда стало известно, что заложники получают материальную компенсацию. О том, что во Владикавказе работали и казино, и ночные клубы, и дискотеки — и всё то время, пока боевики были в школе, и потом, во время траура. Вряд ли тут необходимы комментарии.

О чеченской войне написали только трое — в десять раз меньше, чем в 2000-м году.

Но дело не в количестве — в тональности.

Четыре года назад:

— *«Погибая в Чечне, ребята обеспечивают мирную жизнь всем нам. Это и есть настоящий подвиг».*

Теперь:

— *«Сколько нужно мужества и терпения, чтобы не сойти там с ума»...*

Писали и так:

— *«Что же спасет мир, как не подвиги? Что можно противопоставить злу?»*

— *«А когда же еще быть подвигам, как не в наше жестокое и опасное время, когда сотни людей гибнут в Чечне и во время терактов?»*

— *«Мы живем в очень скверные времена, когда люди отделились друг от друга, когда каждый считается только со своими интересами. А подвиг объединяет людей, делает их сплоченными...»*

И, что мне представляется особенно важным, писали о духовном воздействии подвигов на наше общество, на нас, на наше мироощущение и миропонимание. Люди подвига помогают нам жить не только тогда, когда они нас спасают.

— *«Я думаю, что в жизни место подвигу есть всегда и сейчас тем более, чем когда-либо. Мир катится в пропасть, люди все более приближаются к самоуничтожению. Сейчас подвиги нужны как никогда. Они и только они заставят людей верить в то, что еще осталось на земле что-то хорошее, доблестное, человеческое. На что способен человек, верящий только в плохое? Только на плохое. И если бы в этом мире не осталось подвигов, то жизни уже не существовало бы...»*

* * *

О чем писали еще? О пожарных, о спасателях, о врачах. Семь человек написали о подвиге материнства, один — о подвиге «успешного человека» — того, кто родился в бедной семье и разбогател. А вот о гражданском мужестве, о нравственной несгибаемости, об утверждении правды ценою жизни не написал никто. Да и вообще не часто пишут. Хотя бывали в прежние годы сочинения об академике Сахарове, журналисте Дмитриии Холодове, священнике Александре Мене... Но таких сочинений слишком мало.

В пьесе Брехта «Жизнь Галилея» есть такой диалог. Ученик говорит своему отрешенному учителю:

— Несчастлива та страна, у которой нет героев.

— Нет! — возражает Галилей. — Несчастлива та страна, которая нуждается в героях.

Речь тут не о героизме. Но если в стране для того, чтобы сказать, что дважды два — четыре, назвать черное черным, а белое белым, нужно подняться на высоту подвига, стать героем, — то такая страна действительно несчастна.

...А я в который уже раз за долгие годы убеждаюсь в том, что гражданский подвиг — вне круга внимания и интереса наших выпускников. С тем и пойдут они в большую жизнь...

3. Октябрь 2004-го. «Нужна ли человеку правда?»

Я много раз выступал против превращения произведений классиков в повод для бесед по поводу литературы. Современность классики в самой классике... Вопросы, поднятые великими писателями, — вопросы вечные. Никуда эти вопросы не деваются и не денутся, пока существует человечество, а потому размышления о том или ином литературном произведении зачастую вольно или невольно влекут за собой размышления о смысле жизни. Особенно это касается книг, в которых сталкиваются разные жизненные позиции, разворачивается драма идей. И, конечно, это касается непосредственно драматургии — в частности, пьесы Горького «На дне».

Когда мы с моими одиннадцатиклассниками размышляли об утешительной лжи Луки и знаменитых словах Сатина о гордом человеке, о том, спасительна или унижительна ложь, я познакомил ребят с двумя точками зрения на этот счет. Первая принадлежит Григорию Гачеву. В одной из своих статей он говорит, что так называемая ложь «может быть стократ более правдоносной» — «зачем истина, если она расходится с интересами людей? Права ли бесчеловечная правда? И вообще, является ли она тогда правдой?» А Павел Басинский, со своей стороны, замечает, что грандиозный миф о Человеке, который «звучит гордо», — ложь не меньшая.

Вот обо всем этом — о том нужна ли человеку правда и какая правда ему нужна, и что это вообще такое — правда, — и писали мои ученики.

— *Ложь засоряет души. Ложь — такая вещь, которая затягивает: из нее трудно выпутаться...*

— *Ложь как наркотик: она есть — человеку хорошо. И он уже не может от нее отказаться...*

— *Некоторые люди окружают себя ложью до такой степени, что сами перестают понимать, что есть правда...*

— *Любям спокойно жить, если они вообще чего-то не знают. Зачем знать, зачем пугать людей. Так и было со всей нашей страной...*

— *Человек обязан знать правду...*

— *Жесткая правда помогает собраться с силами, отбросить детское понимание жизни...*

— *Нельзя прятаться. Знаешь — значит, видишь, нельзя жить с закрытыми глазами...*

— *Правда необходима, какой бы она ни была. Именно потому, что это правда...*

Юность категорична. Но даже те, кто защищал правду как величайшую ценность, порой оговаривали, что бывают такие особые ситуации, когда

правильнее и человечнее солгать. Чаще всего в таких случаях говорили о смертельных диагнозах, о том, что солгать тут зачастую гуманнее, чем сказать правду.

— *Мне кажется, что в нашем мире, мире зла, и ложь нужна...*

— *Государству должна быть присуща гласность. Но не полностью, потому что некоторые события, действия, инциденты не должны показываться не готовым к этому людям: детям, пенсионерам, людям со слабым рассудком. Правда нужна, но она должна быть ограниченной.*

— *Правда нужна даже на телевидении, но там должен быть защищенный, платный, специальный канал, который должен представляться только уравновешенным людям, проходящим постоянно обследование.*

— *В средствах массовой информации должны быть люди, которые будут фильтровать информацию. Потому что не всякая правда полезна.*

Вот так от разговора о Сатине и Луке мы незаметно, но неизбежно приходим к вопросам, жизненно важным для каждого: *«преступно прятаться от правды, нельзя жить с закрытыми глазами»* — и *«правда должна быть ограниченной, не всякая правда полезна»*.

Какой вариант выбрать, кто даст правильный ответ?

* * *

11 сентября 2001 года ни один телеканал Америки не показывал тела погибших. Не потому, что было чье-то указание «сверху». Это был такт журналистов. Всех. Лично меня всегда возмущало, когда, снимая ужасы и катастрофы, которых становится все больше, наши операторы так и норовят заглянуть камерой в гробы. А жителей Беслана возмутило поведение тележурналистов на похоронах, делающих сенсацию из чужого горя. Я не говорю уже о том, что во время терактов телевидение не имеет права показывать передвижение войск, перемещение антитеррористических групп, подготовку к боевым действиям.

Возможна ли нравственно оправданная ложь?

Думаю, что да, возможна: я сам не однажды, сидя у изголовья умирающего, поддерживал разговор о перспективах, о планах на будущее. Я откровенно лгал — и считаю, что был прав. Но сокрытие *важной обществу* правды не имеет оправданий. Оно оплачивается слишком дорогой ценой. Вспомним хотя бы Чернобыль, — тогда, после катастрофы, тысячи людей, детей и взрослых, на Украине, в Белоруссии, в России были отправлены на первомайскую демонстрацию, под радиоактивный дождь. Тысячи людей заплатили за то, что «наверху» решили утаить страшную правду.

А вот то, что произошло только что, буквально на наших глазах. Два дня сообщали, что в школе Беслана 354 заложника, хотя их было в четыре раза больше — уже в первый день трагедии были составлены списки, в которых числилось более тысячи фамилий. На следующий день от освобожденных Аушевых заложниц все узнали, что захвачено 1200 — 1400 человек. Во время телесъемок родственники заложников поднимали рукописные плакаты: «Заложников — более 800», «Заложников — более 1000». Но мы на своих экранах этих плакатов не видели. Не соответствовало действительности и утверждение о том, что террористы не выдвигали никаких требований.

Террористы все это слушали по радио и видели по телевизору. По свидетельству заложников, эта ложь привела их в неистовство: «Раз ваши говорят, что вас 354, так вас и останется 354». Именно после всего этого людям

запретили набирать воду из-под крана (дети были вынуждены пить собственную мочу — кто оценит глубину моральной травмы, которую они при этом получили?), стали издеваться над заложниками, некоторых убили: «Вы никому не нужны, видите: никто к вам не приходит»...

* * *

Некоторые из моих учеников высказывались против правды, защищая ложь как высшую необходимость. Думаю, объясняется это, во-первых, тем, что считающие так под правдой понимают только негативное, горькое, тяжелое и безысходное — как сказано у Гачева, «бесчеловечную правду». А во-вторых, — особенностями пьесы Горького, где ложь если и не синоним сострадания, надежды и добра, то уж во всяком случае очень близка к этому. Вот что писали такие ученики:

— *Есть люди, которые не могут переносить тяжелую правду...*

— *На мой взгляд, ложь во спасение лучше, чем правдивая истина, способная уничтожить надежду на лучшее...*

— *Если говорить человеку только правду, то этим его можно затравить, зажать, забить, уничтожить. Вся правду жизни способны вынести только единицы...*

— *Человеку необходима надежда. Наша жизнь настолько опасна! Ежедневно нам грозят аварии, природные катастрофы, бесчисленные преступления террористов. Но мы должны верить в лучшее...*

— *Безусловно, глаза на правду закрывать нельзя. Но невозможно жить, все время думая о плохом, заходя в метро — думать, что сейчас произойдет взрыв...*

Думаю, что в данном случае не о неприятии правды идет речь, а о неприятии безнадежности, бесперспективности, безотрадности, бескрылости. И за словом «ложь» в этих сочинениях скрывается стремление обрести опору, найти то, что поможет выстоять. Это вовсе не ложь, а свет надежды, тоска по идеалу, жажда положительного.

Сам я принадлежу к тем миллионам советских людей, которые постоянно ощущали дефицит правды в жизни и в искусстве. Но как учитель я понимаю, что поколение нынешних моих учеников испытывает прежде всего дефицит положительных эмоций, твердых опор, нравственных устоев. И мне близка мысль Ирины Роднянской: «Ужасы и горечи жизни были всегда. Но не всегда их встречали настолько разоружившись. Уместно будет диагностировать не рост Зла, а дефицит мужества, питаемого знанием Добра».

* * *

Тех из моих учеников, кто считает, что правда не в правде и не во лжи, что необходимая первооснова всей нашей жизни — и то и другое, — двадцать девять процентов:

— *Бывают такие ситуации, когда правда может навредить...*

— *Я больше люблю правду. Но, с другой стороны, я ничего не имею против лжи во благо...*

— *Если не будешь врать, тебе никто не будет верить. Просто в жизни слишком много размытых границ, мыслей в голове, сознании людей. Люди много ненужного внесли в жизнь...*

— *Правда необходима человеку, но человек должен знать ее не всегда...*

И как-то незаметно, исподволь подползает следующая мысль: правда и ложь — понятия относительные, между ними вообще невозможно провести твердые границы.

— *Нельзя жить только правдой. И только ложью жить нельзя. Жизнь сама покажет, что лучше.*

— *Нужно иметь тонкое чутье, чтобы знать, когда говорить правду, а когда ложь...*

— *Человеку не нужна правда, когда она расходится с его интересами...*

— *Говорить правду и лгать нужно очень аккуратно и тактично, хорошо зная, чувствуя того человека, кому это говоришь...*

— *Для каждого человека существует своя правда. И нельзя сказать, что есть одна правда для всего человечества...*

— *Границы лжи и правды, на мой взгляд, очень растяжимы...*

Конечно, то, что человек пишет в своих сочинениях, и то, как он проживает свою жизнь, — далеко не одно и то же. И все же, если сочинение не «скачано» из Интернета, не списано у товарища, а отражает те мысли и чувства, которые на самом деле бушуют юного человека, то подобный релятивизм не может не пугать. Конечно, во многом он объясняется неопределенностью самих понятий «правда» и «ложь» — и ученики, отстаивающие в этом споре противоположные позиции, по сути, спорят о разных вещах. Как говорили в былые времена руководители партии: «Такая правда нам не нужна»...

И все же — не тревожно ли, что понятия «истина» и «справедливость» они зачастую смешивают с понятием «правдоподобие» или «факт»?

В чем же дело?

Кто-то подсчитал, что за годы обучения в школе наши ученики овладевают более чем тысячей понятий. Тут функция и тангенс, приставка и безличное предложение, метафора и гипербола, меридиан и азимут, хромосома и земноводные, валентность и кислота, барщина и оброк, ампер и цепная реакция. Более тысячи. А вот с некоторыми ключевыми понятиями, связанными с жизнью человека, дело обстоит очень плохо. Каждый раз, когда я спрашиваю в десятом классе, что такое совесть (а как без понимания этого слова постигать русскую литературу?), отвечают двое-трое, или вообще не отвечает никто...

«*Ведь отчего гражданская война?*» — пишет в сочинении мой ученик. — *Правда идет на правду, вера — на веру, земля — на землю. И все по-своему правы»...*

Ну что тут добавишь — не только моим ученикам, целым землям и народам свойственно заблуждаться относительно того, что такое правда.

В одном из сочинений была приведена выписка из словаря Даля:

«**Правда** — истина на самом деле, истина в образе, во благе, правосудие, справедливость.

Ложь — всякая незаконность, дело противное совести, кривосуд, неправедный приговор».

У Даля же находим поговорку: «Бог — в правде, а неправда от лукавого». То есть правда — подлинная Правда — по большому счету просто не может быть бездушной, антигуманной, бесчеловечной. Правда — это такая истина, которая ПРАВСТВЕННА. Разве в душе мы этого не знаем?

...Я уже убрал в портфель тетради с сочинениями, когда мне на стол лег поразительный документ — открытое письмо российским детям. Автор — ученица школы № 1 города Беслана Белла Губиева. Девочка рассказывает своим сверстникам, как надо себя вести, если они вдруг окажутся заложниками: «Я, конечно, очень надеюсь, что с тобой такого никогда не случится, но все равно помни эти правила и помогай людям, которые рядом с тобой. Только помощь друг другу может спасти тебя и других людей».

То, до чего дошла эта девочка на своем трагическом опыте, давно уже открыто людьми. В блокадном Ленинграде первыми погибали те, кто думал только о себе. И твердо держались те, кто даже перед лицом смерти помогал другим

Это и есть одна из главных человеческих правд.

Ибо не всё относительно.

Священник Андрей ЛОРГУС

ВОЙНА — ЭТО ТОРЖЕСТВО НЕНАВИСТИ

Чеченская война, да и любая война вообще, ставит перед каждым из нас множество вопросов. Это те самые вопросы, от которых современный человек пытается убежать. В суете обыденной жизни они представляются нам надуманными, не имеющими отношения к действительности, уводящими от реальных проблем в область абстрактной метафизики. А между тем вопросы эти — о добре и зле, любви и ненависти, о смысле жизни и смерти — неотступно стоят перед каждым из нас всю нашу жизнь. Потому что вопросы эти — самые главные. И, возможно, высший смысл войны именно в том и заключается, чтобы каждый из нас поспешил ответить на них, дать себе отчет в том, как и зачем он проживает свою жизнь. Ведь война с ее чудовищной жестокостью, близкой опасностью — это война не только для тех, кто принимает участие в боевых действиях, но и для мирных жителей; война с тысячами невинных жертв и угрозой терактов как бы сгущает жизнь, приближает ее вечные вопросы вплотную, заставляет отвечать на них немедленно. Война задает нам свои нелегкие уроки

В своей пастырской практике, как и в своей частной жизни, я еще не встречал ни одного человека, который бы оправдывал войну вообще — тем

**Священник
Андрей
ЛОРГУС**

— родился в 1956 году. Окончил факультет психологии МГУ и Московскую духовную семинарию. Автор книг: «Книга о Церкви» (1997, 1998, 2000, 2004), «Православная антропология» (2003) и нескольких статей по христианской психологии и антропологии. Рукоположен в 1993 году. Служит в Высоко-Петровском монастыре и в Психоневрологическом интернате № 30 (Москва). Декан факультета психологии Российского православного университета св. Иоанна Богослова. Живет в Москве.

более войну в Чечне. Все люди, которых я знаю, понимают, что война есть зло. Никакому отдельному человеку, я убежден, эта война не нужна. Но она нужна государству. А государство — это машина, и, как всякая машина, оно не имеет лица. Безликая машина — министерство обороны, министерство внутренних дел... Машина, которая пожирает людей и в Чечне, и здесь — убивая и заставляя убивать, превращая чиновников, офицеров и солдат в нечеловеков. Во имя чего?

Думаю, что человек, который служит в Чечне или направляет туда солдат, наверное, тоже скажет: я против убийства, но я служу родине, и это мой долг. Долг кому? Не нам, не мне, не тебе или ему — но государству. Для солдата война — это ситуация, которую создает некто (именно «некто», потому что нельзя сказать, кто это создал — Ельцин или Путин, главком сухопутных войск или министр обороны) и в которой невозможно не убивать: иначе убьют тебя самого. Ведь совершенно очевидно, что если наши офицеры и солдаты в Чечне станут просто наблюдателями, их всех попросту перережут. И я как священник просто не знаю, что проповедовать людям, едущим на войну. Когда меня пригласили в гарнизон МВД прочитать напутственное слово очередному уходящему в Чечню батальону, я отказался. Что я могу сказать им как священник? Только одно: ребята, бегите оттуда, пишите рапорт об увольнении, все что угодно, только не ходите туда. Вот что я могу сказать. И мне стыдно будет перед офицерами, которые ждут от меня помощи, поддержки, которые должны выполнять свой долг, должны идти с этими ребятами в бой. А сказать что-то одобрительное, поддержать их я не могу. Они ведь ждут от меня совершенно другого — я сам видел по телевидению, как священник окропляет ядерные ракеты, эти жуткие боеголовки. Мне же кажется, это чудовищно и к христианству не имеет никакого отношения.

Наверное, церковь должна была бы остановить эту войну. Думаю, что она и пытается это сделать. Только поворачивать ко Христу безбожное государство — задача безнадежная. Человеческое сердце должно бороться с ненавистью внутри себя. Это внутренняя духовная работа, и она имеет такое же отношение к жизни в Москве, как и к жизни в Чечне. Я задавал себе много раз вопрос: могу ли я поехать в Чечню и что-то там проповедовать? Но что я скажу людям? Я не вижу возможности проповедовать чеченцам — не потому что они мусульмане, а потому что у меня чувство вины перед ними: я принадлежу к тому большинству, которое воюет против них, и у меня нет морального права читать им проповеди. А если проповедовать русским солдатам, которые там стоят, то моя проповедь будет, по сути, призывом к дезертирству, за что во время войны положено расстреливать.

Война — это торжество ненависти. И если говорить об уроках войны, надо начать с ненависти. Ненависть — одна из тех важнейших проблем, которые порождены войной и которые войну порождают. Сегодня ненависть такова, что работает уже сама по себе — не надо прикладывать никаких усилий. Чеченцам не надо платить деньги, чтоб они убивали русских, они их и так будут убивать. В Чечне все сгустилось сегодня, все обострилось до предела. Там и время течет гораздо быстрее, чем у нас, и люди стареют и взрослеют гораздо раньше. Там дети в четырнадцать лет уже, наверное, мужчины — а может, и еще раньше: берут автомат и стреляют. Мы посеяли там

столько плевел, что они долго будут отравлять эту землю, и этой ненависти хватит теперь лет на сто пятьдесят. Может, и за сто пятьдесят лет чеченский народ еще не забудет все, что с ним сейчас происходит, как не забыл Шамиля, как не забыл сталинского переселения (о чем помнят и пишут в книге современные чеченские подростки, чья политкорректная мудрость и кротость, признаться, удивили меня).

Вся эта война и направлена к ненависти. Потому что ненависть — это, пожалуй, на сегодня единственная народная сила, на которой можно строить какую-то политику. Единственная сила, на которую еще способен наш измученный народ. Пусть это вялая ненависть, но ненависть, и ее можно использовать как инструмент для того, что сейчас осуществляется государством. Для политиков это, наверное, единственный путь. Во всяком случае, такой вывод я сделал из Беслана. Беслан стал для меня той критической точкой, которая все поставила на свои места. Стало понятно, кому нужны эти теракты, кто их заказчик (я не говорю о конкретном человеке, я говорю о той самой безликой машине, перед которой долг у солдат и офицеров, о машине, которая не служит человеку, а заставляет его служить себе и почему-то всё дает «в долг»...). Понятно, что чеченцы тут ни при чем, и Кавказ тут ни при чем. Понятно, что и чеченцы, и Кавказ являются тут только инструментом для исполнения. А главное — это ненависть: она же причина, она же следствие. И та война, что идет на Кавказе, и та внутренняя террористическая война, которая идет в тылу, продолжают рождать ненависть. Эта ненависть выстраивается, подогревается, приносит определенные политические плоды. Боюсь, что ненависть и есть ведущая сила нашего бедного и уже почти исчезающего народа — всё, что осталось от национальной силы. Потому и возбуждается агрессивный патриотизм — не миролюбивый, не духовный патриотизм, который присущ православию, а патриотизм, основанный на вражде, предполагающий наличие врага. Сам момент самоидентификации построен у нас на ненависти: мы считаем себя русскими, потому что ненавидим — чеченцев, кавказцев или евреев. Поэтому и патриотизм наш агрессивен, построен на чувстве национального превосходства: мы, русские, лучше — потому что мы верующие, потому что мы православные, а православие есть истина. И так как-то незаметно происходит подмена: христианство из проповеди любви и кротости превращается в некий атрибут державности, а всё нерусское автоматически становится лживым и враждебным — ЦРУ, чеченцы, Западная Украина и т.д. Больно, когда православие становится разменной монетой, когда им манипулируют, а сегодня в нашем государстве многие полагают, что православие — предмет, которым может манипулировать кто угодно — и президент, и так называемые патриоты в Думе, и те, и другие, и третьи.

Война ставит вопросы, поднимает проблемы, обнажает язвы. Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит. Увидит всю лживость того, что происходит вокруг, услышит лживые слова. Может быть, самое главное, что должен вообще понять человек — неважно, кто он, православный, католик, мусульманин, русский, чеченец или еврей (и об этом я как православный священник не устану напоминать) — человек есть божественная, богоподобная личность. И эта божественная личность присутствует в человеке

помимо его желания, помимо его веры в Бога. Себя как образ и подобие Бог дал *каждому*. Независимо от того, как верует человек и верует ли он вообще, он есть личность, причем личность, похожая на Бога, — *богоподобная*. И строить всю нашу жизнь вот на этом основании не просто можно, — необходимо. Мы обязаны это делать. Это единственное христианское основание, на котором можно строить отношения людей, отношения народов друг с другом, отношения государства с человеком, общества с человеком. Это означает прежде всего признание, что другой тоже есть личность: если я личность, то я низко кланяюсь перед другим человеком, потому что в нем вижу образ Божий, Его величие и достоинство — кто бы этот человек ни был.

Увы, для нас, для нашей страны, для нашего народа, человек не есть ценность. Недавно был проведен опрос по поводу эвтаназии — умерщвления престарелых, тяжелобольных, бомжей. И большинство людей — процентов около семидесяти — высказались *за*. Уверен: процент мог быть и больше, потому что в нас не воспитано уважение к жизни человека, к собственной жизни. Люди у нас не любят жить, едва ли не больше распространена любовь к смерти. Не потому ли в стране так много алкоголиков и не потому ли общество так снисходительно к ним — ведь алкоголик открыто стремится к смерти? Ценность человеческой жизни ничтожна. Она практически даже нигде и не оговаривается. Человек всегда есть материал — материал для служения отечеству, причем не просто отечеству, а именно державе, империи. И каждый наш патриот готов пожертвовать собой и своими и чужими детьми ради государства, ради вот этой колоссальной империи — только чтоб империя осталась целостной. Потому что убеждения патриота основаны не на чувстве собственной ценности, собственного достоинства, а на чувстве принадлежности к великой империи.

У чеченцев этого быть не может. Ни один кавказский народ к этой империи себя не причисляет, и для кавказца чувство собственной ценности основано на сознании своей народной самоидентификации. Прежде всего, это дом, семья, затем род, к которому человек принадлежит, и, наконец, Кавказ — земля, на которой он родился. Естественно, что для них также не существует ценности человеческой жизни. В исламе вообще нет понятия богоподобия человеческой личности, нет уважения к духовному достоинству личности (что, понятно, не мешает многим чеченцам, дагестанцам, азербайджанцам, осетинам или аварцам быть личностями в самом лучшем смысле слова). Древняя мусульманская народная традиция выработала, конечно, определенное уважение к человеку, более или менее похожее на европейское. Однако если брать те мусульманские настроения, которые сейчас в Чечне превалируют, — так называемый ваххабизм, то здесь этого уважения нет: чеченец себе не принадлежит, он обязан (и он готов!) жертвовать собой во имя высших ценностей — национальных, религиозных. Повторяю, сама по себе человеческая жизнь, как ценность, тут не рассматривается. Получается, что она не считается ценностью с обеих сторон — и с российской, и с чеченской.

Война обнажает проблемы, которые не на ней возникли. Она лишь выпуклее показывает то, что уже есть. Война — синоним смерти. Война — ужас смерти, поощряемое государством убийство. Но семьдесят процентов — за

эвтаназию... Что реально это значит для России? Это значит, что общество в массе своей готово к убийству. Почему бы не убивать стариков? Почему бы не убивать инвалидов? Сирот, которые не могут о себе позаботиться? Детей, пораженных неизлечимыми заболеваниями? Бомжей? Это не фашизм даже. Это полное отсутствие в человеке сознания своего достоинства. Это полное непонимание достоинства другого.

Да, война навязана обществу сверху, навязана ему государством. Но не прорастает ли она и снизу — не является ли она следствием нашей готовности убивать и быть убитыми? Эвтаназия, говорят ее сторонники, будет проводиться по желанию самого умирающего. Это гуманная акция, избавляющая человека от лишних страданий, от бессмысленных предсмертных мук. В этих либеральных рассуждениях есть свои резоны и своя гуманность, нет только главного — Христовой правды. Как православный священник я свидетельствую, есть такая замечательная пора нашей жизни, которая называется «умирание» — и которую очень трудно понять, с которой очень тяжело согласиться и примириться вне христианства. Умирание — важнейшая задача жизни. Именно жизни. Это не часть смерти, а часть жизни. Это такая же важная составляющая жизни, как рождение, возрастание, болезнь. Это тоже школа жизни, возможно, — важнейший ее класс; это школа, это духовная задача. И люди, которые просят себя убить, не хотят проходить этот путь, трудный и тяжелый — как дети не хотят учиться. Не хотят умирать, а хотят умереть. А еще вернее хотят не смерти, а простого избавления от страданий, внимания близких, заботы и участия, потому что умирание другого — это важнейшая духовная школа и для тех, кто находится рядом с умирающим.

И еще. Когда мы говорим об эвтаназии, мы нередко забываем, что у эвтаназии есть вторая фигура — убийца. И если бы только вторая — и третья, и четвертая, и пятая. Ведь на эвтаназию должен дать согласие родственник, государственный чиновник, заведующий отделением медучреждения, аптекарь, выдающий смертоносный препарат, — целая цепочка людей, причастных к «добровольной смертной казни»! И если общество признает себя к этому способным, оно подписывается под своим собственным страшным духовным приговором. Это общество мертво, духовно мертво. И я вновь повторю: это не фашизм. Это следствие не нашей испорченности даже, а нашего бессилия.

В народе не осталось силы любви, нет силы к миру, нет силы к труду. И церковь, и общество констатируют сейчас, что нет сил к браку и семье. Нет у людей сил создавать семьи, нет стремления рожать и воспитывать детей. Мне снова приходится повторить: похоже, что в людях остались только силы ненависти. А ненависть — тот рычаг, с помощью которого легче всего управлять человеком, группой людей, целой нацией.

Собственно говоря, не только ненависть, — любой грех легко использовать как инструмент для манипуляции ближним. Но есть и еще одна вещь, о которой я не взялся бы однозначно сказать, грех это или несчастье человека, его беда. Речь идет о страхе. Сегодня такой разговор особенно актуален — многие люди после Беслана буквально парализованы страхом: боятся выходить на улицу, ездить в метро, боятся отпустить детей в школу. Страх считать грехом как будто не принято. И редко на исповеди люди каются в страхе.

Между тем страх есть такая страсть (а с точки зрения православия, страсть есть греховное образование человеческой души), такой путь, по которому нас ведут ко лжи, к войне, к убийству. Страх всегда деструктивен, он парализует волю, разрушает психические способности, разрушает любовь. Страх противостоит любви всегда, в том числе — Божьей любви и доверию к Богу. Иное дело страх Божий, — «трепет и ужас перед величием Божиим», как писал Кьеркегор. Это страх благородный, боязнь оскорбить Любимого, нарушить дружбу. Но, увы, совсем не этот страх парализовал общество после Беслана.

И я думаю, что единственное, к чему по-настоящему направлена эта война дьявола против нас, — именно страх. Посеять страх и пожать ненависть. Мы же можем противопоставить этому только любовь — только любовь к другому как к самому себе. Ведь любовь к себе разрушена у нас и в масштабах страны, и в масштабах нации, и в каждом из нас, детей советской власти. Да-да, прежде всего, как ни странно это звучит, мы должны научиться любить себя самих. Я говорю не о самолюбии и не о себялюбии, не о преувеличенном представлении о своей персоне, своих достоинствах и значимости. Я говорю о сознании в себе величия и достоинства христианина, об осознании своего богоподобия — как величайшего дара и как величайшей ответственности одновременно. До тех пор, пока человек сам себя не полюбит, он никого любить не сможет и возлюбить ближнего как самого себя, осуществить эту заповедь, не сможет. Я знаю это и как священник, и как психолог, и просто как человек. Когда личность в человеке разрушена, когда нет любви (а личность без любви не может существовать, условие формирования человеческой личности с самого раннего детства есть любовь), до той поры человек не может и быть совершенным христианином, не может быть человеком. И Христос это знал, а потому прежде всего возвращал человеку человечность и веру в себя: иди, прощаются тебе твои грехи — и больше не грехи. Господь исцелял человека и от греха, и от страха, и от болезни и давал ему любовь. И человек, вместо того чтобы горделиво с собой, как с писаной торбой, носиться, шел служить другим. Свою задачу как священника и психолога я вижу в том, чтобы показать любому человеку — и бомжу, и алкоголику, и чеченцу, и солдату, и офицеру — кто он есть, какой дар, какое величие, какое божественное состояние он в себе носит. Это можно показать любому человеку. Невозможно — только тому, кто не хочет слышать и слушать; тому, кто бежит от себя.

Для того чтобы не бояться выпускать ребенка на улицу или в школу, не бояться ездить в метро, не бояться встречаться на вокзалах или в аэропортах с людьми, похожими на арабов, саудовцев или чеченцев, — для этого надо любить. И любовь эта не должна быть какая-то абстрактная или, наоборот, какая-то эйфорически-эмоциональная, это должна быть любовь и принятие себя и любовь и принятие другого — кто бы этот другой ни был. Только любовь. Любовь в семье, любовь к друзьям, любовь к сослуживцам, любовь к тем, с кем я сейчас еду в одном вагоне метро, с кем спускаюсь по лестнице, любовь к нищим, гайшникам, чиновникам и так далее. Христианская любовь — не в том, чтобы восклицать при виде каждого «Ах, как тебя люблю!», а в том, чтобы в каждом человеке суметь увидеть человека и отнестись к нему по-человечески.

Война — во всяком случае, современная война — ставит нас в необходимость воспитать в себе ненависть задолго до встречи с врагом. Так называемая духовная (а недавно — политическая) подготовка нашего воина заключается в том, чтобы ненавидеть условного врага, потому что иначе человек стрелять в другого не станет. Я столкнулся с этим во время афганской войны. Я тогда впервые услышал наших солдат, приехавших из Афганистана и говорящих о глубокой личной ненависти к «духам». Помню, я удивился: откуда эта ненависть у мальчиков, которым ничего не сделали афганцы. На что мне один из «афганцев» сказал с пеной у рта: «Ты не видел, как они убили моего друга!» Вот это очень хорошо показывает, что делали с нашими солдатами: их вводят в Афганистан, афганцы кого-то вырезают, и тогда наши солдаты в отместку за своих собратьев стреляют в «душманов» уже с личной ненавистью. Точно так же и в Чечне: надо только ввести один взвод и дать потерять одного солдата, чтобы все лично за него мстили. Законы мести — это законы ненависти, они работают в нашем обществе прекрасно. Что этому можно противопоставить? Только любовь.

Говорить о том, что Россия всегда была многонациональной страной, лишнее. Что она во многом обязана не только русскому народу, но и остальным народам, которые ее составляют, тоже лишнее. Да и ни к чему это, поскольку все должно быть основано не на правах нации, правах державы или правах человека. В этом смысле я должен сказать, что Запад ложно ставит вопрос о человеке. В секулярной Европе сегодня отсутствует понятие человеческой личности, есть только понятие прав личности. Либеральным ценностям, основанным на правовом поле, на самом деле нет дела до личности. Право охраняет лишь внешнюю оболочку человека — своего рода периферию личности, где человек сталкивается с государством, с обществом, с другими людьми. Таким образом, западная цивилизация выстраивает вокруг человека некую защитную оболочку, некий кокон и охраняет личность. Охраняет хорошо, продуманно, целесообразно и достаточно гуманно, но внутреннее содержание человеческой личности мало интересует западную цивилизацию. Именно поэтому в той же Европе, особенно в Европе Северной, колоссальное количество людей депрессивных. Может быть, не меньше, чем у нас. И эта депрессивность отчасти происходит от той самой духовной скудости, которая вытекает из ложно понятого христианства.

Единственное, что мы можем, на мой взгляд, сейчас противопоставить войне, вот этому безбожному и бесчеловечному государству, — не либеральные ценности, не защиту прав человека, а защиту *самого человека*, защиту личности, богоподобной личности. Единственное, что мы можем, — любить и утверждать достоинство человека в человеке. Сознание человеческой ценности и достоинства, сознание богоподобия человека — вот та единственная духовная, национальная и политическая сила, которая в конечном счете способна остановить войну.

**КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ
РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ***

/сентябрь — октябрь 2004 г./

10.09.2004

Здравствуйте все, кто еще жив. В эфире — программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Комментарии к катастрофам помаленьку становятся традицией, но, признаться, навык эту работу не облегчает. Грабли старые, да кровь — новая. Повторение, говорите, мать учения? Учиться — не надоело?

Ну да ладно, обо всем по порядку... Мы ушли на летние каникулы в конце июля — и теперь не вполне ясно, с какого места возобновлять рассказ. Очередной захват Грозного? Гибель самолетов? Взрыв у метро «Рижская»? Большое разнообразие тем... Слушайте, а может, не надо про это вовсе?

И правда, не надо. Будем как дети, сядем в уголку, ладошками сами себе шоры сделаем, чтобы ничего, кроме телевизора, не видеть — и пускай тетя Катя Андреева расскажет нам сказку, какую рассказывает уже много лет... А на мир, который снаружи, за ладошками, мы отвлекаться не будем. Уговоримся, что это мелочи жизни... Ну, вошли опять в Грозный боевики, ну, целую ночь расстреливали людей. Обычное явление, типа дождя. Зачем акцентировать на этом внимание, портить гаранту настроение перед чеченскими выборами? Взрыв на Каширке — бытовое хулиганство, так всем будет лучше. То же самое с самолетами: ну, упали — зачем говорить, что это теракт? Открутить что-нибудь телеведущим, и будет не теракт. Отказ техники такой одновременный, — и сняли тему... В общем, все было вполне терпимо, и в предвкушении голосования, по всем телеканалам, грех было не пососать старую конфетку о дружбе России с чеченским народом.

За две недели до выборов президента Чечни московская мэрия сообщила о присоединении одной из столичных улиц имени Ахмата Кадырова. В честь погибшего президента Чеченской республики был назван проектируемый проезд в районе Южное Бутово.

---

* О формате «Комментария» Виктора Шендеровича см. в предисловии к выпуску в № 118.

**Виктор
ШЕНДЕРОВИЧ**

— родился в 1958 году в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Шуйкина театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Сейчас на радио «Свобода» регулярно выходит его передача «Все свободны», а на «Эхе Москвы» — «Плавленный сырок». Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «Здесь было НТВ» и другие истории», «Шендевы» и др. Живет в Москве.

М-да. И ведь месяца с тех пор не прошло, а как по-новому смотрится название! И даже странно, что в Москве когда-то не было улицы Кадырова! Конечно, есть закон, чтобы раньше чем через десять лет после смерти человека его именем в Москве ничего не называть — дать, так сказать, продукту отстояться, посмотреть, какого цвета окажется впоследствии. Недавно московские власти не дали назвать улицы в честь Булата Окуджавы и академика Харитона — сказали, еще не время! Законное, взвешенное, а главное, мудрое решение! Ведь ни Окуджава, ни академик Харитон ничего хорошего для Путина не сделали — за что ж называть их именами улицы Москвы, по которым иной раз на страшной скорости ездит сам президент? Это ж ни уму, ни сердцу...

Ну да. Окуджава подождет, пока не будет Путина: его имя никуда не денется ни через десять лет, ни через сто. Кадыров — дело другое. Он тут через десять лет никому на хрен будет не нужен, как, подозреваю, и сам Владимир Владимирович, а под то воскресенье — самый был политически целесообразный момент.

В Чечне выборы, и хрен с ними, с законами! Дорого яичко ко Христову дню. А что это яичко еще встанет в горле всухомятку, — ну так это ж оно в нашем горле встанет, а не у тех, которые сие яйцо спешно покрасили и нам в горло грязными пальцами запихивают. Они и в тех самолетах не летают, которые в честь Кадырова взрываются на просторах Родины, и в метро не ездят, и дети их учатся, чай, не в Беслане, а на спектакль какой-нибудь, вроде «Норд-Оста», они если и пойдут, то с такой охраной, что не то что Бараев — остальные зрители в зал не проникнут. Этим людям ничего не грозит, и они могут позволить нажимать на детонатор.

Впрочем, на результатах чеченских выборов никакие катастрофы не отразились. Да и мудрено было бы им на результатах отразиться: нам еще за несколько дней до мероприятия один знающий человек все объяснил окончательно. По сообщению Национальной информационной службы Страна.Ру, за несколько дней до выборов президента Чечни представитель Госсовета республики в Совете Федерации Муса Умаров, оценивая шансы кандидатов на победу, сказал: «Алу Алханов — достойный парень. Можно сказать, что решение о его победе уже принято». Конец цитаты.

Жалко, что этот чеченский обитатель Совета Федерации не уточнил, где именно было принято решение о победе Алу Алханова. Я потом всю голову сломал, все думал: кто же этот отчаянный человек, который еще до того, как чеченцы пошли голосовать, принял решение о победе одного из кандидатов? Ведь просто Господь Бог какой-то: сказал — и стало по слову его! Жалко только, этот наш всевышний в чине полковника запаса ничего, кроме победы над ящиком для голосования, на чеченском направлении добиться так и не смог. А то б цены ему не было. Через несколько дней после той его победы все началось уже совсем не по-детски. Видимо, последние умственные силы силовики потратили на распиливание промеж собою ЮКОСа, потому что нападение боевиков опять произошло совершенно внезапно.

Как рассказал в интервью сайту NewsInfo руководитель Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа Анаптий Цыганок, в Беслане полностью повторилась ситуация с Назранью,

где таксисты отказывались везти пассажиров в центр города еще за пять часов до прибытия боевиков. Крытый брезентом армейский грузовик, на котором подъехали боевики, в Беслане видели уже не раз, но его ни разу не проверили. Жители Беслана не верят, что милиция здесь ни при чем.

Ну да, Басаев еще во времена Буденновска жаловался на гаишников — планировал, мол, доехать до Москвы, но деньги кончились. Стало быть, либо решили после этого покупать не ГАИ, а сразу милицию, либо расценки выросли настолько, что деньги кончились уже в Осетии. А уж как только стало известно о захвате, власть начала показывать себя во всей красе! Перво-наперво они создали штаб и объявили, что заложников в школе — 354. Видимо, хотели ввести в заблуждение террористов... Никто из местного начальства, приглашенного на переговоры, к бандитам не пошел и к народу не вышел, — и тогда бандиты перестали давать детям воду. Но и после этого никто из начальников хладнокровия не потерял — и все они остались сидеть глубоко в штабе. Языков и Дзасохов — наша старая гордость, советской закалки кадры, опытные номенклатурные бойцы, их на передовую калачом не выманишь! Все это время операцией по спасению заложников где-то по соседству руководил Патрушев. Говорят, что руководил, потому что за все эти три дня его так ни разу никто и не увидел... Настоящий, короче, боец невидимого фронта. Зато через пару дней в стране обнаружился президент. Он завел свой органчик, органчик сказал все, что уже много лет говорит про мировой терроризм, а потом сообщил: главное — спасти жизнь заложников. В последний раз из президента это звучало в октябре 2002-го, как раз перед тем, как в зал «Норд-Оста» пустили отравляющий газ, поэтому не могу сказать, что он нас сильно обнадежил. Впрочем, как выяснилось впоследствии, все это время в Кремле шла большая стратегическая работа... И очень скоро дала шикарные результаты.

На второй день после захвата школы в Беслане заместитель генпрокурора Сергей Фридинский заявил, что среди бандитов, входящих в банду, присутствуют представители около десятка национальностей, и что «речь идет о полном интернационале». Впоследствии представители силовых ведомств называли в числе террористов арабов, казахов, корейцев и даже одного негра. Уже после трагедии министр обороны Иванов заявил, что среди террористов не было ни одного выходца из Чечни. В дни «Норд-Оста», если помните, Ястржембский обрадовал мировую общественность сообщением, что среди боевиков есть грузины. Потом выяснилось, что лгал, как обычно, но так то ж потом... Теперь вот арабов надыбали, с негром для колорита... Раз поставлена задача, чтобы это был мировой терроризм, будет мировой терроризм! Правда, почему-то все эти мировые террористы говорили исключительно по-русски с кавказским акцентом, а негр впоследствии оказался вполне себе белым, только с закопченным лицом. Он легко отделался: закоптил себе лицо и умер, — а нам тут жить с закопченными мозгами! Ну да ладно. Вторая штабная победа была одержана над Аушевым, а третья, самая главная, — над Масхадовым. Аушев пошел к террористам и вышел от них с тремя десятками людей и переговорными требованиями к президенту, а Масхадов выказал готовность стать посредником. Шансы на спасение детей повышались, но какой ценой? Опальный Аушев и, страшно сказать, Масхадов —

могли стать на Кавказе героями! Этого, сами понимаете, допустить было никак нельзя, поэтому требования террористов немедленно засекретили и объявили, что требований у них, в сущности, никаких нет. И вместо того, чтобы дать Масхадову заняться переговорами о судьбе бесланских детей, федералы занялись маленькими родственниками самого Масхадова.

«Собственные заложники появились у России на следующий день после захвата заложников в Беслане, — пишет The Los Angeles Times. — На базу российского командования в Ханкале из села Знаменское были доставлены тестя Аслана Масхадова, 67-летний Хаваж Семиев, жена Семиева, его дети и трое внуков, всего десять человек. В Ханкале мужчин поставили на колени и заставили склонить головы до земли. Им на головы надели мешки, а руки связали за спиной. В течение 24 часов тех, кто шевелился, били ногами. Российское правительство утверждает, что ставило перед собой цель защитить родственников Масхадова от боевиков».

Ну да. Примерно таким способом российское правительство защищает чеченский народ от боевиков уже много лет, и, судя по событиям в Беслане, с нарастающим успехом. Детей Беслана, впрочем, тоже защищали с умом. В отсутствие президента Северной Осетии и каких бы то ни было федеральных представителей командование взял на себя подъехавший по такому случаю президент Осетии Южной, г-н Кокойты. Строго говоря, вот уж он-то точно гражданин Грузии, мечта Ястржембского, но напомнить об этом в Беслане было некому. Оцепление держал местный ОМОН, пускавший внутрь всех желающих родственников с автоматами, что и дало наконец всем известный результат, с массовой гибелью детей, уличными боями, исчезновением части боевиков и линчеванием невинных. Кстати, а почему нельзя было раз и навсегда убрать это ополчение за периметр? Нешто не было сил? Через полсуток, когда привычным черным вороном на место свежего смертоубийства залетел ненадолго Владимир Владимирович, территорию зачистили так, что не то что родственников с автоматами, — с перочинным ножиком никого за километр не было! Могут, стало быть, когда захотят? Почему-то, стало быть, накануне — не захотели? Стати, почему? Какие были задачи — предотвратить катастрофу или сделать так, чтобы ее было потом на кого списать? И отчего по официальной версии рвануло внутри школы, а по некоторым свидетельствам — сначала снаружи? И почему в этот момент над школой, еще до появления «Альфы», практически сразу завис боевой вертолет? (А на его подготовку к полету, по мнению экспертов, нужно около часа.) И каким образом боевой вертолет мог пригодиться при вывозе трупов? И самое главное: почему эти вопросы уже неделю никто не задает власти в прокуратуре и по всем телеканалам страны? Как вы думаете — почему?

Итак, Путин привычно прошелся по больничным палатам, постоял чуток возле уцелевших детей и уже к девяти утра был в Москве. Вообще, при тех перспективах, которые вырисовываются в стране благодаря его политике, Путину скоро предстоит передвигаться по России только ночью. Президент, стало быть, вернулся домой, но выполнение поставленных задач продолжалось. Единственный захваченный боевик честно признался, что очень хочет жить, и начал давать показания, немедленно показанные по Первому каналу... Собственно говоря, только для показа на Первом канале эти по-

казания и были предназначены. Как по писаному говорил боевик Нур-Паша, чисто полковник Шабалкин! И первым делом вспомнил он, что операцию в Беслане готовил Масхадов... Когда очень хочешь жить, память обостряется до невозможности! Насчет дальнейшей жизни этого Нур-Паши я не уверен, но попасть напоследок на это общедоверальное «Поле чудес» ему удалось. А уж потом с обращением к народу выступил президент Путин. Лучше поздно, чем никогда, — но лучше никогда, чем так.

Путин: *«Мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного, великого государства. Государства, которое оказалось нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира. Но несмотря на все трудности, нам удалось сохранить ядро этого гиганта — Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией».*

«И мы назвали страну Российской Федерацией...» Даже удивительно, что рассказ о бесланской беде Владимир Владимирович начал с распада СССР, а не Римской империи. А еще лучше было бы кардинальное: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова... Это имело бы такое же отношение к сути вопроса, но отвлекло бы от нее россиян еще основательнее. Дальше, правда, пошло несколько ближе к делу, но зато и гораздо удивительнее.

Путин: *«Наша страна — с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей — в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока. На создание новых, современных и реально защищенных границ уйдут многие годы и потребуются миллиарды рублей».*

Тут я чего-то не понял, Владимир Владимирович, — это что за «одночасье» на пятом году президентства? И это, что ли, из-за рубежей приехали в бесланскую школу бандиты на военном УАЗе с ингушскими номерами? Какой Запад, какой Восток, при чем тут Киплинг? Это, что ли, пьяный бен Ладен ходил пару лет назад по грозненскому рынку и предлагал пальнуть из установки «Град» за полторы штуки долларов по любому населенному пункту? Это американская военщина шпионерила полбюджета и вывела в офшоры обороноспособность страны? Отдать на оборону новые миллиарды рублей — мысль, конечно, шикарная, вот только — в чьи руки?

Путин: *«Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы. Мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире».*

Вообще, поначалу это напоминало заявление об отставке, я даже испугаться немного успел за Владимира Владимировича. Но зря...

Путин: *«Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз».*

Что и говорить, свежие соображения посетили голову нашего гаранта на второй тысяче наших трупов. Но главное — это трогательное «мы»... Мы перестали уделять внимание... Мы не проявили понимания...

Теперь пришла пора рассказать, наконец, о самом главном бое, который вела всю прошлую неделю российская власть и в котором победила за явным преимуществом. Это был бой со средствами массовой информации. Эта

спецоперация прошла блестяще, приятно вспомнить! С телевизионными СМИ разобрались заранее, поэтому чуть ли не единственным адекватным комментарием происходящего за все эти часы было слово «п..ц», сказанное главой Северо-Кавказского бюро НТВ в тот момент, когда он думал, что еще не в эфире. Загнанные за Можай и отрезанные от информации, журналисты знали и видели почти то же, что и мы, — то есть почти ничего. Короче, дисциплина и порядок. А вот печатные органы напоследок распоясались.

В минувший понедельник со своего поста был уволен главный редактор газеты «Известия» Раф Шакиров. Причиной увольнения стал субботний номер газеты, посвященный теракту в Беслане. По словам самого Шакирова, руководство управляющей компании «Проф-Медиа» посчитало подачу материала слишком эмоциональной... Ну да, зачем эти фотографии, этот ужас, эта кровь... К чему эмоции? Надо хладнокровнее. Вот, например, как телеканал ТВЦ — совершенно хладнокровно рассказал москвичам: чеченских боевиков финансировали ЮКОС и «ЛогоВАЗ», Ходорковский и Березовский. И обратите внимание: все на своих местах! Хладнокровнее надо! Вообще, судя по кадровым мерам, Раф Шакиров — единственный виноватый в осетинской трагедии. И он еще дешево отделался...

По сообщениям СМИ, корреспондент радио «Свобода» Андрей Бабицкий был задержан в четверг при попытке вылететь из московского аэропорта Внуково в Минеральные Воды. Сначала в его багаже искали взрывчатку, а потом спровоцировали на конфликт и задержали. Накануне журналистка «Новой газеты» Анна Политковская, вылетающая из того же аэропорта, была госпитализирована с тяжелейшим отравлением. Первые анализы, взятые у нее в аэропорту Ростова, по непонятной причине уничтожены. Московские врачи однозначно заявляют: токсин пока не известен, но попал он в организм извне.

Бывают на свете удивительные совпадения. Вот, например, два известных журналиста, с разницей в несколько часов, вылетают из одного аэропорта в одну и ту же точку на карте, причем оба имеют возможность повлиять на ситуацию, предотвратить большую кровь — и тут с ними, почти одновременно, случаются невероятные вещи: Бабицкий вдруг ни с того ни с сего лезет в драку, а Политковская пьет в самолете обычный чайк и теряет сознание. А еще бывает, что два самолета, летящие из одного аэропорта, одновременно взрываются в воздухе. Это тоже совпадение — ну, вы помните... Будучи дебилom с детства, я охотно в такие совпадения верю. А вы?

Бесланская драма, вмешательство в которую Масхадова, Бабицкого и Политковской было предотвращено нашими доблестными спецслужбами, благополучно закончилась полноценной трагедией. Может, кому от этого и стало хуже, но только не российским политикам. Они, мышками сидевшие по щелям в часы, когда надо было спасать детей, пришли в себя и бросились делать то единственное, что умеют делать хорошо, — закручивать гайки. Правда, та гайка давно сошла с резьбы, но кого это беспокоит?

По сообщениям СМИ, губернатор Кемеровской области Аман Тулеев на минувшей неделе предложил вернуть смертную казнь для террористов и ввести ответственность для их родных и близких — «чтобы подумали, прежде чем взрываться». Думать надо не только перед тем, как взрываться, — иногда это полезно делать перед тем, как открываешь рот. Иначе

можно взорвать целый шарик. По счастью, наших говорунов мало кто принимает всерьез...

Министр обороны России Сергей Иванов считает оправданным нанесение превентивных ударов по базам боевиков, в том числе за пределами России. Об этом глава военного ведомства заявил журналистам в четверг в Москве. Насчет баз террористов на Кавказе — непонятно, кто Иванову мешал раньше и зачем об этом отдельно заявлять. А насчет того, чтобы мочить за пределами — это роскошная идея! Десятый год не можем поймать Басаева на пятидесяти квадратных километрах — будем хреначить по земному шару. Сила есть... Молодец Иванов! Вообще бывают такие холодные головы, от которых происходят ледниковые периоды... На этом блестящем фоне идеи отдельных законодателей взять под контроль перемещение граждан по стране выглядят сущей формальностью. Недолго им перемещаться с таким министром обороны...

Опыт «Норд-Оста» не пропал: в Беслане еще не успели опознать погибших, никто толком и не опомнился от шока, а власть быстренько объявила траур, а потом сама же собрала митинг. Вообще, при таком стечении народа, какой случился на Васильевском спуске, да после такого позора, — полезно делать себе хакакири, но в нашей стране заходящего солнца это не принято. У нас берут себе восемь бочек народной поддержки и с гиканьем катят в прежнем направлении. Это ведь на Западе народную поддержку завоевывают, у нас ее — организуют и свозят автобусами... В первый раз, что ли? — разнарядка на учреждения, раздача на месте маек и транспарантов, группа скорбящих под табличкой «Кузьминская управа»... Талантливый мы народ, особенно когда надо превратить поминки в спецмероприятие! А река народного горя — если в нужном месте поставить турбинку — хороший источник политической энергии! Скорбь скорбью, а требование экстрадировать Закаева на английском языке засобачить не поленились. Короче, и мероприятие получилось из конца семидесятых, и резолюция оттуда же: «Господа, ваши слова о правах человека и общечеловеческих ценностях лукавы и лживы!» Узнаешь брата Колю? Тут-то и стало понятно, кто, кроме Рафа Шакирова, виноват в бесланской трагедии... Ну конечно, Страсбург! Где враг, таким образом, выяснилось, осталось понять, где же спасение? Да все там же. Видели спецлзунг на том спецмитинге: «Путин, мы с тобой!»? Вот и ответ. Только на Путина опять и надежда. Пять лет назначавший на главные посты своих главных лизунов — он уже три дня борется с некомпетентностью; прикормивший дивизию вора с силовым уклоном — уже разглядел угрозу коррупции! О радость! Короче, в этот критический момент, на самом краю болота, поляков призывают объединиться вокруг Ивана Сусанина. Он нас сюда завел, он и выведет. Железная логика!

И напоследок — о новых материальных возможностях для российских бюджетников. Не упустите свой шанс!

По сообщению СМИ, в минувшую среду Федеральная служба безопасности РФ объявила о повышении вознаграждения за поимку или указание местонахождения лидеров бандформирований — Шамиля Басаева и Аслана Масхадова. Речь идет о сумме более чем в 10 млн долларов. На сле-

дующий день после этого на сайтах чеченских боевиков появилось заявление некоего «Антитеррористического центра Чечни». Чеченские боевики объявили, в свою очередь, вознаграждение в 20 миллионов долларов «за активную помощь в задержании президента России Путина».

Ставки, как вы видите, растут, но после всего, что случилось в России на прошлой неделе, уж точно — не в деньгах счастье. И как говорилось в старом анекдоте про Господа Бога и старого еврея: если вы выполните желания обеих сторон, то мне — чашечку кофе. Счастья вам!

17.09.2004

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что? Получили от гаранта — на опохмел после Беслана? Впрочем, будем верить в хорошее. Когда невозможно ничего хорошего предпринять, только и остается, что в хорошее — верить...

Нет, все-таки я вам скажу: сочетание злобности с бессилием — идеальный вариант для политики, особенно на Кавказе. После осетинских событий некоторые европейски устроенные головы предрекали скорый и печальный конец российского гаранта, который довел объявленное мочение до беспрецедентного в истории смертоубийства малолетних. Дескать, теперь-то народ, частично уже бездетный, понесет его по кочкам до того самого сортира... И ни фига опять не угадали! Народ у нас, слава те Господи, дрессированный, повоеет, да обратно и впряжется, а президент России, как персонаж древнегерманского эпоса, умылся кровью и только еще сильнее стал. Мо-ло-дец! Выступая в минувший понедельник на расширенном заседании правительства, президент Путин заявил о начале коренной перестройки системы исполнительной власти в России. «Полагаю, что высшие должностные лица субъектов Российской Федерации должны избираться законодательными собраниями территорий по представлению главы государства», — сказал Президент. Соответствующий законопроект будет направлен в Государственную думу.

Эту памятную речь президент России начал со слов о слезах, без которых невозможно вспоминать о Беслане — в честь чего тут же и предложил поставить раком избирательное право. Некоторые особо тупые, вроде меня, не сразу поняли, при чем тут вообще слезы Беслана... Я, правда, и потом не понял. Где имение, где наводнение? Почему по случаю борьбы с мировым терроризмом надо устраивать здесь Малайзию? Каким образом жизнь россиян станет безопаснее оттого, что у них отберут право голосовать? Но судя по тому, что на расширенном заседании правительства никаких вопросов к президенту ни у кого не возникло, и все по-тихому разошлись, — какая-то причинно-следственная связь тут имеется. Ну и слава Богу! — потому что ведь иначе могло бы появиться ощущение, что президент Путин положил и на Беслан, и на все остальные населенные пункты вверенной ему Федерации — и просто начал окапываться напоследок. Но этого же не может быть! Ведь не могли же мы так ошибиться, когда растили это дитя демократии и давали ему анаболики, чтобы росло быстрее! Вон чё за четыре года выросло, в песочницу не помещается, уж сами не рады... Или еще рады? Ну да ладно, черт с нами, порадуемся за человека!

Нет, правда же, Беслан пошел Владимиру Владимировичу на пользу? Это ж надо: не растеряться, а взять и прекратить под шумок демократические процедуры... И как грамотно: чай, не с мороза пришел — юрист! Семьдесят седьмую статью Конституции вспомнил, кормилец: про единство системы исполнительной власти в стране. Там, правда, в Конституции этой, в предыдущих статьях, тоже много чего говорится — например, про народ как единственный источник власти; про прямые и свободные выборы — как «высшее и непосредственное выражение власти народа»; про права россиян, как минимум на жизнь... те самые права, ради защиты которых мы всей страной и содержим пятый год этого довольно дорогостоящего гаранта с его причниной... Но ни на что такое Владимир Владимирович отвлекаться не стал, а сразу просквозил до семьдесят седьмой — и его можно понять. Я бы на месте Владимира Владимировича Конституцию эту вообще заныкал куда-нибудь. Очень она начнет мешать в ближайшие годы нашему благоденствию, вот увидите! Товарищу начальнику пока еще неловко насадить странички Основного Закона на гвоздь в дачном домике типа сортир, но первые тихие слова нелюбви к этому документу — уже сказаны.

В Заявлении, сделанном четвертого сентября, сразу после трагедии в Беслане, президент России, в частности, сказал: «Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы».

Политическая система, не соответствующая состоянию и уровню развития общества, — что сие означает? А черт его знает! То ли общество опередило политическую систему, то ли система чересчур для общества хороша... Мы тогда, четвертого-то числа, не стали вслушиваться, не до того было, а президент ведь как честный человек заранее предупредил! И в свете грядущей отмены губернаторских выборов трактовка высочайшей цитаты устаканилась однозначно: это, стало быть, мы, российский народ, не в состоянии выбрать себе правильного губернатора! Правильного президента два раза выбрали — и надорвались. Теперь наш семижильный гарант возьмет эту тяжеленную работу на себя — и сам назначит в регионы кого понадежнее... Все будет, разумеется, без нарушений процедуры: внесут в Думу законодательную инициативу, Дума проголосует, нешто нет? Зря, что ли, всю осень мочили направо и налево? Для того и мочили, чтоб была такая Дума, с которой горе не беда. Между нами, если проголосовать за то, чтобы Путин был царицей морскою, а ООН была бы у него на посылах... — это тоже фигия вопрос! Ну, у Думы все впереди, а главы регионов уже завели торжественные молебны во здравие верховного экзекутора.

Нижегородский губернатор Ходырев готов расстаться со своим постом, если от него этого потребует президент России Владимир Путин. Об этом Ходырев заявил в интервью газете «Washington Post»: «Сейчас получается так, что если избирают не того человека на четыре года, то мучается и он, и народ, а отозвать его не могут».

Вот ведь в чем, оказывается, была проблема! — мучились губернаторы, и народ мучали, а сами, без президентского пинка, выковыряться из руководящего кресла не могли. Прилипли, наверное. Ну, теперь, слава Богу, наступает некоторое облегчение, и за прошедшие дни почти все главы реги-

онов сами приподнялись и повернулись к гаранту насиженными местами в ожидании высочайшего пенделя. Отдельной песней в честь президента разразился при этом находящийся под следствием ярославский губернатор Лисицын. То есть он и раньше был за Путина, а с тех пор как его взяли за одно место, стал путинец запредельный...

Ярославский губернатор Лисицын, поддержав инициативы президента России по назначению глав регионов, выступил со встречной инициативой по изменению Конституции Российской Федерации, дабы дать возможность Владимиру Путину баллотироваться в президенты России в 2008 году на третий срок.

Лисицын: «Другой подготовленной кандидатуры, которая бы могла продуктивно и эффективно работать на посту главы государства, сегодня трудно и даже невозможно найти».

О да. И главное, не приведи господи, кто-нибудь начнет искать другую кандидатуру... Ну что же, Владимир Владимирович, главное — не останавливаться! Губернаторы губернаторами, а ближе к восьмому году надо будет обязательно помочь народу и с правильным президентом. А Конституция — чистая формальность, не в ней счастье!

Прищемить, вслед за этим Лисицыным, остальных законодателей — чай, не на него одного Лисицына есть папочка? Да и остаться самому. А то ведь народ возьмет сдуру да и выберет не особиста... Такое дело нельзя пускать на самотек! Впрочем, это вопрос будущего, а пока — вернемся к настоящему — и рассмотрим поближе чудный комплекс мер, которыми наш президент начал ставить заслон мировому терроризму. Отменой губернаторских выборов по мировому терроризму был нанесен первый страшный удар, а когда тот только начал подниматься из нокдауна, Путин добил его насмерть двойным кадровым ударом сбоку.

В минувший понедельник полномочным представителем президента Российской Федерации в Южном федеральном округе был назначен руководитель аппарата правительства России Дмитрий Козак. Одновременно президент объявил о воссоздании министерства региональной и национальной политики. Его главой назначен бывший полномочный представитель президента в Южном федеральном округе Владимир Яковлев.

Вот. Этого сюда, а того — туда! Да одновременно! Теперь у мировых террористов закружится голова, они упадут в обморок, ударятся головой о новую региональную политику и умрут. Потому что Владимир Яковлев — кадр совершенно необыкновенной силы. Он же практически в полном одиночестве сумел одолеть федеральное финансирование трехсотлетия Санкт-Петербурга! Он за несколько месяцев поднял ЖКХ страны и держал, как атлант, пока не отошел с миром в Южный федеральный округ, где тут же произошло такое улучшение ситуации, что осталось только положить Владимира Анатольевича всем телом на региональную политику... Собственно, Яковлев — такого свойства работник, что класть его можно, как при советской власти, на любое направление. Если есть задача положить вообще на все — лучше него не найти... Да он и сам это знает.

На пресс-конференции, посвященной своему новому назначению и фронту работ только что созданного министерства, Владимир Яковлев, в

частности, сказал: «Мы берем на себя контроль над религией, межбюджетными отношениями, федеральными целевыми программами...»

Итак, за короткое время, прошедшее после Беслана, президент Путин успел сделать очень много: он отменил выборы губернаторов, прекратил индивидуальную депутатскую деятельность, пересадил Козака, создал новое министерство и положил туда Яковлева контролировать религию и межбюджетные отношения. (Вы не забыли, что все это — во имя борьбы с мировым терроризмом? Нет, я просто боюсь, что ваш интеллект не вместил этого в один прием, вот и напоминаю.) Теперь о том, чего Владимир Владимирович во имя борьбы с террором — не сделал. Он не отправил в отставку никого из руководителей федеральных спецслужб. Тут президента можно по-человечески понять. Спецслужбисты — ребята злопамятные, Путину ли не знать? Тут тебе не Басаев, тут, в случае чего, оторвут обе ноги вместе с должностью. Или просто подадут однажды на завтрак кофеек из того же буфета, из которого давеча поили Анну Политковскую и ее грузинскую коллегу в Беслане... Нет, не стоит ссориться со спецслужбами. А потом — нельзя же идти на поводу у народа! Народ знать должен свое место: проголосовал, как сказали? — сиди кочумай. Так что Патрушев в полном порядке, ждет продолжения банкета.

Теперь несколько слов о другом герое бесланских дней. Несмотря на многотысячные митинги с требованиями отставки Дзасохова, президент Северной Осетии уйти в отставку отказался, заявив, что это было бы уходом от ответственности. «У меня выборная должность, — сказал Дзасохов. — А «пришел-ушел» — это может быть в научной лаборатории, а не для людей, облеченных государственной ответственностью».

Ну да. Никому не дадим уйти от ответственности перед народом — всех, в приказном порядке, оставим в президентах пожизненно! Правда, говоря о своей ответственности, г-н Дзасохов, как мне кажется, немножко путает эскорт с конвоем, но вот про лабораторию он вспомнил очень кстати. Дело в том, что в настоящее время осетинский президент как раз работает лабораторной мышкой: кремлевская профессура ставит во Владикавказе ценный опыт, цель которого — понять, можно ли в нынешней России остаться президентом после того, как ты публично опозорился и люди вышли на улицы с проклятиями в твой адрес. Выясняется: можно. Очень ценный опыт. Вот увидите, пригодится.

Бурные события начала осени чутко заслонили собой социально-экономические перспективы. Они по-прежнему прекрасны, а дальше будет совсем хорошо. Правительство Российской Федерации одобрило проект бюджета на 2005 год. Как отмечают СМИ, около сорока процентов госрасходов в новом году уйдет на содержание силовиков и оборону — и лишь чуть более 15% на образование, здравоохранение, культуру и социальную политику.

Мне кажется — это все-таки чересчур. Я имею в виду 15% на образование, здравоохранение, культуру и особенно социальную политику. Куда им столько? Уж и так мы ученые, культурные, а некоторые даже и здоровые! Приковывает, бывало, библиотекаря в больницу, лекарства с собой принесет, так вся богатством и пышет — глядь: а там нянечка, восемьсот рублей в месяц с задержками, кормит на клеенке у туалета (потому что ни

мест, ни простыней нет) училку, сошедшую с ума от питания на рупь во семьдесят в день. И все счастливы, и не надо им больше из бюджета ни копейки! А силовики еле-еле сводят концы с концами, а концы у них толстые, и мучаются они страшно... Да, Родина не резиновая, она не может обеспечить своими удовольствиями всех, но уж для самых достойных — ни себя не пожалеет, ни нас. По данным газеты «Русский курьер», силовое начальство в России получает ежемесячное денежное вознаграждение в размере 12 должностных окладов, так что, путем умножения, доходит это дело у них до двухсот тысяч в месяц! Теперь — умножаем в столбик дальше. В Советском Союзе было 900 генералов, сообщает интернет-издание «Утро.Ру». После распада СССР территория государства, численность населения и армии значительно уменьшились; при этом число генералов выросло на треть. Сегодня их 1200 только в системе министерства обороны. Кроме того, в России имеется еще 36 ведомств, руководство которыми осуществляют военные. В частности, генералы командуют авиаперевозчиками, речным флотом, издательствами, военными оркестрами, архивами и ветеринарной службой. Да... Я, знаете ли, как представлю себе генерала ветеринарной службы, сразу хочется завывать — от гордости за страну, разумеется.

Теперь — удивительные результаты исследований, проведенных Федеральным резервным банком США. Оказывается, страны, основная часть населения которых, согласно национальным традициям, верит в существование ада, как правило, менее коррумпированы и более богаты. Представляете? Уж и не знаю, каковы взгляды на ад в администрации президента России, но похоже, что из подземных перспектив там верят исключительно в сорок долларов за баррель, причем — не сказать, чтобы для казны... Полтора месяца назад председателем Совета директоров нефтяной компании «Роснефть» был избран замруководителя администрации президента РФ Игорь Сечин. По информации газеты «Коммерсантъ», после присоединения «Роснефти» к «Газпрому», состоявшемуся на минувшей неделе, этот ближайший соратник президента возглавит совет директоров «Газпрома». СМИ напоминают: новый нефтегазовый гигант является главным кандидатом на покупку «Юганскнефтегаза» — главного нефтедобывающего подразделения ЮКОСа, продажа которого может состояться в ближайшее время для покрытия налоговых долгов опальной нефтяной компании.

Ну! Связь улавливаете? Но согласитесь, глуповато было бы работать в Кремле — и не приблизиться чуток к аду посредством пролезания в чужие нефтяные скважины... А прокуратура, суд, налоговые органы — это у нас такие инструменты глубокого бурения... Но главное при этом знаете что? Правильно, имидж страны! Вот чтоб, значит, сидючи в Кремле, крышевать нефтянку и давать прокуратурой конкурентов по бизнесу, но чтоб при этом пиар был белый и пушистый. Работа в этом направлении не прекращается ни на минуту. В минувший понедельник президент Путин традиционно встречался в Кремле с главными редакторами газет и журналов. Правда, чересчур большого сбора не получилось: ни из «Известий» уже не пригласили, ни из «Ведомостей», ни из «Независимой». Я уж не говорю о «Русском курьере» с «Коммерсантом» — «МК» не позвали! Все же они теперь провинившиеся перед Путиным, после Беслана... Только «Россию»

позвали на чаек с «Российской газетой», шерочку с машерочкой, да еще парочку изданий — ну, там, как говорится, уже до мышей... Вообще (это мой совет родной администрации), можно начать издавать в Кремле стенгазету и проводить ежедневные совещания с ее редактором — тоже будет неплохая работа с общественностью... И сахар сэкономите.

Свои, впрочем, обходятся недорого — в крайнем случае, можно придать и совсем бесплатно. Но уж на международном направлении, на поправку своего имиджа, администрация никаких денег не пожалеет, тем более что имидж — ее, а деньги наши... В начале сентября в Великом Новгороде прошло заседание «Дискуссионного клуба «Валдай» — с участием журналистов крупнейших западных изданий. По сообщениям СМИ, всем гостям конференции был оплачен перелет самолетом в бизнес-классе и номера в «Метрополе» (самый дешевый номер — 300 долларов в сутки). По словам одного из депутатов Государственной думы прошлого созыва, в федеральном бюджете «существует закрытая строка, предусматривающая финансирование мероприятий, направленных на улучшение имиджа России».

Я считаю, правильно сделали, что засекретили ту строку бюджета. Не надо нам знать, сколько наших бабок вылетает в эту медную трубу! Да хоть сколько! Поправка имиджа — наша последняя надежда, потому что от мысли поправить реальность мы, кажется, уже помаленьку отказываемся... Недаром же через три дня после осетинской крови г-н Путин прилетел в Новгород и три с половиной часа беседовал с зарубежными журналистами. В Беслане-то, кстати, он провел времени поменьше. Ну так с кем там было разговаривать, в пять утра?

И напоследок — кое-что из того, что ждет нас впереди и что на полном серьезе предсказал давеча президент Ингушетии Зязиков. (А какие уж шутки с генералами КГБ!) В вопросе газеты «КоммерсантЪ» он отозвался о президентских инициативах так: «Меры адекватные, но будут приняты еще и дополнительные». Насчет мер «адекватных» и «дополнительных» — тут Зязиков неожиданно для себя сказал, согласитесь, нечто довольно глубокое... Счастья вам!

24.09.2004

Здравствуй! В эфире — программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Жизнь после Беслана и президентских инициатив помаленьку входит в русло. Русло, конечно, пересохшее и вытоптанное стадами всевозможного начальства, но уж какое есть... Пейзаж не выбирают. Милости просим...

В первые дни после Беслана президент Путин категорически высказался против создания независимой комиссии по расследованию обстоятельств трагедии, сказав, что это будет не расследование, а политическое шоу. Вкус, чувство меры и ответственность главы государства торжествовали победу: президент не дал врагам организовать политическое шоу! Он организовал его сам. По сообщению РИА «Новости», в минувший вторник в Государственной думе был утвержден состав думской части комиссии по расследованию теракта в Беслане. От фракции «Единая Россия» в комиссию вошли семь человек, от КПРФ, «Родины» и ЛДПР — по одному человеку. Ни один независимый депутат Госдумы в состав парламентской комиссии включен не был.

Ну да, зачем они вообще нужны, эти независимые депутаты? Век бы их не видать... Независимый — он ведь черт-те чего на расследует, да и расскажет потом на весь белый свет! На фиг, на фиг... То ли дело эти семеро смелых из фракции «Единая Россия» — полная гарантия результата! Их туда, безмянных, специально насовали полную Думу, для таких оказий... Плюс еще двое никому не известных патриотов и боксер Малышкин от ЛДПР — на случай, если тем девятерым не хватит чистого интеллекта. Свой человеческий вклад в эту комиссионку внесла и верхняя палата... Все одиннадцать членов комиссии по расследованию бесланской трагедии от Совета Федерации были назначены лично спикером Мироновым. Об этом сообщила газета «Коммерсантъ». На вопрос газеты: «Почему вы не записались в комиссию?» — Рамазан Абдулатипов, в прошлом возглавлявший министерство по делам национальностей и считающийся большим специалистом по проблемам Северного Кавказа, ответил: «У нас добровольно не бывает!»

Правильно! Не надо независимых, к черту и разбирающихся. Гармония должна быть, общее понимание целей... А то ведь есть еще недоработки на местах! Давеча один недоинструментированный представитель Северной Осетии взял вдруг и поинтересовался у Патрушева, Устинова и Нургалиева: почему никто из них в те дни так и не появился в Беслане? Ну, с этих ребят — где сядешь, там и слезешь! Бестактному осетину объяснили: силовики опасались возможного ухудшения обстановки в других регионах, поэтому вынуждены были неотлучно сидеть в Москве. Понимаете? Пожарные не едут на место катастрофы, потому что может загореться в другом месте! А уж когда загорится в другом месте, они просто запрут на калаче — и начнут поливать себя водой... Главное, чтобы уцелели пожарные, верно? — иначе кто ж нас спасет от огня? Чистые имена главных силовиков воссияли, таким образом, с новой силой еще до начала работы комиссии, и теперь нет оснований сомневаться в том, что настоящие крайние по Беслану найдутся очень скоро! Виновные во взрыве самолетов — уже найдены. Газета «Коммерсантъ» сообщает о результатах внутренней проверки действий капитана Артамонова, проверявшего в аэропорту Домодедово документы у двух чеченок, оказавшихся впоследствии шахидками. Милиционер уволен со службы, в отношении него возбуждено уголовное дело. Капитану Артамонову грозит до пяти лет лишения свободы.

Ну да, разумеется! За весь «Норд-Ост» — потраву заложников и полные автобусы трупов — ответил милиционер, оформивший террористке регистрацию... За взорванные самолеты ответит капитан Артамонов... Конечно, документы у тех чеченок были в полном порядке, и обыскивать их капитан не имел права. Не говоря уж о том, что милиция вообще не для того проверяет у brunetов документы, чтобы потом искать у них взрывчатку: в «обезьянник», или бабки давай — и свободен! Но войдите и в положение прокуратуры: если сейчас по-крупному не наказать Артамонова да еще того мелкого жучилу, который за пару бумажек помог шахидкам оформиться на рейсы, то ведь надо будет искать каких-то других виноватых в том, что по России, где полстраны ходит в хаки и каждый второй — генерал, свободно разгуливают басаевцы со взрывчаткой. Чур нас, чур... Лучше посадить в тюрьму милиционера и сконцентрироваться на Беслане! Парламентская комиссия

уже добыла первые сведения о коррупции на районном уровне — и будьте уверены, здесь пощады не будет...

Но виноватые виноватыми, а надо что-то делать и на будущее! Слава Богу, первые светлые идеи на этот счет уже посетили силовые головы наших долгоиграющих руководителей. По сообщениям СМИ, глава ФСБ Патрушев, выступая в Совете Федерации, заявил о необходимости предпринять меры для того, чтобы работа добровольных агентов ФСБ воспринималась в обществе позитивно, а не как стукачество. Генерал Патрушев предложил привлекать к популяризации работы таких агентов деятелей культуры.

Сеятелям культуры нашим, конечно, только свистни, они те чё хочешь популяризуют, да и Патрушеву наконец есть чем заняться, а то — такая скука!.. Но покамест его бойцы справляются без деятелей культуры, своими силами. В минувшие выходные какой-то впоследствии так и не опознанный человек приехал на заминированной машине в самый центр Москвы и там, совершенно случайно, попался патрульным милиционерам. Милиционеры отдали его эфэсбэшникам, и те немедленно забили ценного свидетеля до смерти и полной неузнаваемости, после чего сразу начали врать про сердечный приступ. Врать им не впервой — и коллективно убивать, видимо, тоже; килограммы взрывчатки в Спиридоньевском переулке могли бы, пожалуй, притормозить их мышечную деятельность и включить умственную, но привычка — вторая натура...

Тем временем думцы тоже не сидели сложа руки. Они подготовили объемный пакет законопроектов по борьбе с терроризмом. Некоторая часть содержимого этого пакета начала пахнуть еще до вынесения из комитетов Совета Думы. Зампредседателя комитета по информационной политике, член фракции «Родина» Александр Крутов предложил внести поправки в закон «О средствах массовой информации». Поправки содержали запрет для радио и телевидения на информацию о терактах с захватом заложников, а также запрет на освещение хода контртеррористической операции по освобождению заложников до ее завершения.

Понимаете? Захватили террористы в заложники полторы тысячи человек — выдвигай спецназ и блокируй телецентр и радиостанцию, чтоб в стране вообще никто об этом не узнал. Пускай террористы там всех от злобы перемучают, ничего страшного, пускай хоть перестреляют, и это не беда, потому что об этом ведь тоже никто не узнает! И вообще: если я правильно понял мысль товарища Крутова в развитии, по нынешним временам лучше спецназ от телекомпаний далеко не уводить. Заложники не заложники, а власть целее будет, это точно. Профильный комитет давеча крутовский документик отклонил, но только по техническим соображениям, и по всему видать, до следующего раза... Так что ежели тут кто еще остался с «лейкой» и блокнотом, то заранее предупреждаю: лучше с пулеметом...

Всего Совет Думы подготовил аж сорок с хвостиком законопроектов: работа со СМИ — только начало всеобъемлющего наступления на терроризм. По сообщению «Независимой газеты», в комитете по конституционному законодательству и госстроительству готовится новый закон, призванный восстановить советскую практику контроля за миграцией: в случае

принятия закона граждане не смогут менять место жительства без разрешения властей. В числе прочих мер рассматривалось предложение: дать милиционерам право досмотра жилых помещений для проверки паспортного режима, сообщает газета.

Сто тридцать лет назад, до всяких Государственных дум, мысль о праве на досмотр жилых помещений граждан активно продвигал один персонаж Салтыкова-Щедрина — полицмейстер, разумеется. Время было жуткое, имперский застой, полный общественный паралич, откат от демократических реформ... Ну, вы в школе проходили, да? А про черту оседлости — проходили? Самое время освежить в памяти, и не только тем, про кого вы подумали. Глава комиссии по законодательству и безопасности Мосгордумы Юрий Попов предложил дать регионам право закрывать свои административные границы без объявления ЧП. Среди других инициатив Попова — запрет въезда на территорию Москвы лиц некоренной национальности, если их в городе уже 10% от населения. Депутат предложил также регистрировать мигрантов по биометрическим параметрам на въезде в столицу.

М-да... Уж и не знаю, что бы такое измерить у этого Попова, чтобы понять, откуда он взялся на наши головы, — но чай, не марсианин, крупный московский начальник, нами же избранный... Мы вообще наизбирали себе, вы не находите? Сколько их, таких избранных, расселось по местам и зазвучало до самозабвения — не сосчитать!

Отзвуки Беслана всю неделю гуляли по стране — думскими предложениями по оцеплению СМИ и инициативой по измерению черепов дело не ограничилось. Террористическая угроза оказалась столь велика и, главное, широка, что достигла калмыцких степей. В минувший вторник в Элисте власти запретили митинг оппозиции: не поверите, как раз из-за нее, из-за террористической угрозы! А когда оппозиция все-таки собралась на площади Ленина, власти начали ее от террористической угрозы защищать — и защищали, палками по ребрам, несколько часов кряду. Потому что люди — самое дорогое, что у нас есть, особенно в Калмыкии, где у людей, кроме самих себя, уже давно ничего нет... И уж для их защиты от терроризма президент Илюмжинов с присными никого не жалел и жалеть не будет! Идеологическая подмога подоспела тут же... Вице-президент Калмыкии Валерий Богданов сравнил организаторов митинга в Элисте с исполнителями террористических актов на Кавказе. А прокурор Хлопушин заявил, что митингующие представляют «мировой терроризм, который хочет установить на территории России халифат и выгнать всех немусульман с этой земли».

Прокурору Калмыкии не обязательно знать, что мусульман в охраняемой им республике с гулькин нос, а те, кого молотил ОМОН, были по преимуществу буддисты и православные... Главное — лыко встало в строку! На помощь калмыцкому начальству подоспел и свеженазначенный президентский представитель Козак, заявивший, что власть будет и дальше противостоять экстремизму. Короче, экстремизм у нас не пройдет, и терроризм не пройдет, зато уж ОМОН так пройдет — никакого Басаева не надо!

Мы, надо сказать, вообще не оставляем людей в беде, а если это связано с дополнительным федеральным финансированием — из желающих помочь

обычно выстраивается очередь... По сообщениям СМИ, президент Путин, обсуждая с членами правительства социальные проблемы, уделил особое внимание помощи пострадавшим от теракта в Беслане. «Это касается и конкретно помощи людям, и возведения объектов инфраструктуры города, — уточнил президент. — Мы договорились, что поможем Беслану сделать хороший генплан развития города. Москва уже сделала свои предложения».

Москва! Как много в этом звуке для сметы всяческой слилось... Я думаю, в отдельных столичных коридорах сейчас царит некоторый энтузиазм, потому что генплан и возведение объектов инфраструктуры города — это вам не кот начхал, цифр под такие гуманитарные проекты обычно не жалеют. Это ж политический вопрос! Освоение средств предстоит — гуляй, Вася! Если бесланцы не отобьются, им еще Церетели поставит чего-нибудь, ближе к школе, в качестве ориентира для будущих неприятностей... Грозный, помню, пять раз восстанавливали, а потом президент страны, однажды, по случаю, пролетел там на вертолете и спрашивает: а где город-то?

Освоение федеральных средств — проверенная забава еще ельцинских времен. Но приметы нового (то есть хорошо забытого старого) уже несколько лет яркими пятнами проступают на теле пожившей свое российской демократии. Природный климат, братцы мои, не шутка! Это болото сколько ни осушай, там внутри — такие запасы! И рано или поздно трясина свое возьмет... На заседании Совета Думы принят к рассмотрению законопроект, фактически восстанавливающий право министров на занятие руководящих постов в партии. Комментируя это решение, член политсовета «Едиства» Пехтин сказал: «История пока не придумала другого механизма ответственности правительства перед народом, как через партийную принадлежность».

Ну да. История (особенно история КПСС, из которой все эти единоссы повылуплялись нам на голову) напридумывала, действительно, кучу механизмов ответственности, — но всё почему-то народа перед партией, а вот наоборот — я что-то ни одного не припоминаю. Но черт с ним, с народом — он и раньше-то был нужен раз в четыре года, галку поставить, а после новых президентских инициатив народ вообще ни при чем! Заплати налоги — и иди на фиг! А начальству шас как разрешат партийность! Оковы тяжкие падут, и министры с губернаторами, уже на законных основаниях, помчатся наперегонки ложиться в постель в обнимку с вертикалью. Собственно, они — уже... Издание «Газета» сообщает о начале массового номенклатурного приема в «Единую Россию». На минувшей неделе членские билеты «единоссов» получили десять губернаторов и сенаторов. По информации «Газеты», на следующей неделе ряды правящей партии пополнят еще двадцать высокопоставленных чиновников. Комментируя это, лидер «Единой России» Борис Грызлов заявил: «Я вижу в этом рост доверия к партии».

Когда наступают времена, в которых без корочки правящей партии не получишь самого захудалого поста, доверие к этой партии обычно растет как на дрожжах. В КПСС на руководящих харчах сидело пять дивизий партийного начальства, вокруг них, в едином порыве к кускам помельче, сплотилось девятнадцать миллионов остальных несгибаемых — потом, правда, все делись куда-то: в конце августа 91-го днем с огнем не найти было ни одного коммуниста! В Германии в середине тридцатых тоже — такой был рост доверия

к партии среди желающих возглавить города и земли, это ни в сказке сказать! Есть на кого равняться партайгеноссе Грызлову. Ну, да кого я учу...

Ну а вот теперь скажите: есть ли у вас дети или внуки школьного возраста? Есть? Тогда узнайте у них поскорее — не хотят ли они позакалять сталь? Вы уж их как-нибудь морально подготовьте к предстоящему, чтобы потом никого не парализовало... В канун учебного года Департамент образования Москвы объявил о проведении ряда мероприятий, посвященных столетию со дня рождения Николая Островского. «В определенное время по причинам, связанным с изменениями идеологии, исчезли многие замечательные произведения, которые составляют основу нашего государства, — сказал заместитель руководителя Департамента образования Москвы Владимир Моисеенко. — К таким относятся и книги Островского. К счастью, не все они исчезли из библиотек». В образовательные учреждения уже разосланы соответствующие рекомендации.

Да, да! Ужасное было время! Изменение идеологии... срам какой. Но теперь, слава Богу, все эти ужасы позади: гимн на месте, Гостелерадио — вот оно, партийные чиновники в департаментах, и Павка Корчагин снова готов рубить контру, прямо на головах наших детей.

И напоследок — позвольте пересказать вам (из издания «Газета») трогательную историю о единстве России — безо всяких там партийных кавычек. В ноябре прошлого года, в Волгодонске, прошли соревнования по скоростному употреблению водки. Участвовали в них все, кто смогли протолкнуться к бочке. Победитель выпил два с половиной литра и умер. Его тридцатилетний сын попытался пойти по стопам отца, но его откачала мама. Потом был суд. И на суде выяснилось, что никаких претензий к магазину, организовавшему эту параолимпиаду, у вдовы нет, и даже напротив! По ее словам, после смерти главы семьи жизнь в доме наладилась; к тому же руководство магазина оплатило и похороны, и поминки; ежемесячно выплачивает семье покойного победителя тысячу рублей, а уцелевшему сыну в магазине предложили работу... Я вам скажу, с такой прухой им что Пугин, что Брежнев, что царь Горох — лишь бы не было войны! Да и ее, похоже, в Волгодонске особо не заметили. Счастья вам...

01.10.2004

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Минувшую неделю следует считать совершенно замечательной: во-первых, в России не случилось массовых смертоубийств, а только как обычно; во-вторых, Владимир Владимирович Путин на минувшей неделе не поменял местами времена года и оставил без вмешательства гелиоцентрическую систему; и наконец, в-третьих: вдруг оказалось, что с демократией в России все обстоит замечательно! Я бы, так, с маху, тоже в это не поверил, но ведь президент сказал! А президент — он ведь никогда не врет, правильно? В общем, обо всем по порядку.

В прошлую пятницу в Москве случился Всемирный конгресс информационных агентств — и выступил на том конгрессе Владимир Владимирович

Путин. Его, видать, достали после Беслана всякими обидными словами насчет того, что вместо обещанных террористов мочит он по преимуществу журналистов — вот президент и решил полезть за словом в карман. То, что лежало в кармане, было прочитано с большим выражением. Выступая на Всемирном Конгрессе информационных агентств, президент России заявил, что России работают около четырех тысяч телевизионных компаний и радиостанций, а также больше 40 тысяч газет и журналов. «Немногие страны в мире могут похвастаться таким многоголосьем печатных и электронных СМИ, — сказал глава государства. — Мы предельно дорожим тем, что завоевано».

Президент наш хотя и умный, а нет-нет да и скажет впопыхах правду. В области печатных и особенно электронных СМИ, действительно, завоевано в последние годы немало: начиная с НТВ — сплошные завоевания... Привет хану Батыю. Пожгли города поврозь; некоторые СМИ за счет этих кремлевских татаро-монгол надеялись приподняться над соседями, но все закончили примерно одинаково. Так что насчет вышеупомянутого многоголосья — хорошо бы уточнить, что имеется в виду, потому что когда рота по команде старшины заводит в сто глоток строевую песню, это, конечно, тоже многоголосье, но (как бы помягче выразиться) не вполне Верди... Впрочем, уточнением терминологии озабочился и сам президент. Выступая перед зарубежными журналистами, Владимир Путин, в частности, сказал: «Мы должны иметь единый понятийный аппарат. Вот у нас есть слово «терроризм». Оно во всех словарях имеет одинаковое значение. Террор — это подавление политических противников насильственными методами».

Главное — вовремя встретьте на своем жизненном пути образованного человека. «Подавление политических противников насильственными методами». Теперь наконец, со ссылкой на президента Путина, я могу употреблять слово «террорист» в его точном значении. Итак: люди, убивающие детей в Беслане и взрывающие самолеты, — это чеченские террористы, спора нет; люди, отравившие Политковскую, — стало быть, лубянские террористы, а люди, объявившие награду за физическое устранение законного президента Ичкерии, — кремлевские террористы. Эта же террористическая группировка, кстати, четыре года назад посадила в тюрьму бизнесмена Гусинского, чтобы таким путем отнять у него оппозиционную телекомпанию, — если не верите, прочтите приговор Страсбургского суда, там это (про подавление насильственными методами) черным по белому написано.

Но любому человеку, даже террористу, не отрезан путь к раскаянию — и что-то подобное, видать, случилось на минувшей неделе с президентом России, потому что он ни с того ни с сего, вдруг, взял под свою опеку правозащитное движение... В минувший понедельник Владимир Путин объявил о создании Международного правозащитного центра. Президент обязал своих полпредов советоваться с представителями гражданских организаций, а региональным органам исполнительной власти — взять на себя «материально-техническую помощь». СМИ отмечают, что это первый случай в мире, когда власть открыто пытается контролировать правозащитников не только с финансовой, но и с идеологической точки зрения.

Ну да, не было таких случаев, а теперь будет! Назначат правозащитников из органов, добавят группу перевербованных типа Павловского, капнут

для запаха парочку деятелей культуры потише — вот вам и правозащитная организация; с нею и будут советоваться региональные органы власти, в свою очередь назначенные президентом из числа самых проверенных любителей гражданского общества... А остальных правозащитников, — тех, которые без кремлевского финансирования и вообще сами по себе, — быстренько прищучат. Собственно говоря, это уже началось... По сообщению агентства REGNUM, на прошлой неделе представители более чем двадцати политических и общественных организаций Воронежа направили президенту России Путину обращение, в котором выразилось беспокойство по поводу его последних инициатив. В ответ пресс-служба Общественной палаты Воронежской области распространила заявление председателя палаты г-на Прасолова, в котором он назвал произошедшее «безответственным гражданским поведением». «Считаем ответственной гражданской позицией и гражданским долгом оказание всесторонней помощи Президенту Путину», — говорится, в частности, в заявлении пресс-службы Общественной палаты. Ну да, главная задача российских правозащитников — защита президента от неправильного гражданского общества. В этом русле и будем работать.

Как будет защищать права россиян их президент, мы посмотрим, а пока на этом поприще всю старается прокуратура. До таких мелочей доходит забота о человеках, просто хоть плачь от умиления! Давеча в Мещанском суде комиссар Парламентской ассамблеи Совета Европы Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер попыталась ущемить права подсудимых Ходорковского и Лебедева — и повидаться с ними в обеденный перерыв во время судебного заседания, но на защиту прав человека встал представитель обвинения. По сообщениям СМИ, на процессе по делу Ходорковского прокурор Шохин заявил: «Я рад видеть в зале судебного заседания представителя Совета Европы. Это позволит ему иметь представление о том, что судебное разбирательство проходит в соответствии не только с российским законодательством, но и соответствует международным нормам». В то же время Шохин попросил суд отказать в возможности общения представителя Совета Европы с подсудимыми. По его мнению, такое общение заняло бы время, «предоставленное подсудимым для отдыха и принятия пищи, что могло бы сказаться на них негативно». Прокурорская забота о подсудимых, особенно о Лебедеве, к которому, видимо, из боязни навредить, недавно не пустили английских врачей, общеизвестна. Но мне кажется, нам уже пора помаленьку отбивать аппетит у самого прокурора Шохина и его нехудого начальства — пока они не схарчили нас всех.

Тем временем нарастающая Чечня в сочетании с отменой выборов помаленьку перевели количество в качество, и рейтинг доверия Путину, по данным Левады, нахренился и заметно пополз вниз. Ни одно федеральное СМИ о случившемся опущении дорогого ВВП почему-то не сообщило, но до Кремля слух об этом, кажется, дошел быстро — вот сразу и любовь к свободе слова прорезалась, и забота о правозащитниках... А в «Комсомольской правде», на целый разворот, — читай, народ, интервью с замом главы президентской администрации Сурковым! Он столько лет так либерально

молчал, но тут, видимо, решили: пора! И он заговорил. И такого сказал, что Российское телевидение, прямо в новостях, подробно это пересказало — чтобы, значит, уже покрыть электорат окончательно. Интервью, действительно, программное, и мысли там имеются двух видов — просто мощные и опрокидывающие к чертовой матери диамат. Комментируя в интервью газете «Комсомольская правда» президентские инициативы по отмене прямых выборов глав регионов, замглавы президентской администрации Сурков, в частности, сказал: «Единство власти — необходимое условие единства нации».

Ну, для читателей «Комсомолки» это, конечно, сойдет, но мы-то с Платоном, Гегелем и Фридрихом Энгельсом всю жизнь думали, что все обстоит с точностью до наоборот: что это единство власти образуется единством нации! Ан нет — все гораздо проще! Крепче за баранку держись, шофер, — запрись изнутри и гони, куда тебе надо, а нация там, в кузове, вповалку, пускай объединяется как может. Жалко англичан, вот что я вам скажу! Отсталый народ. Правящую партию сами себе, без Вешнякова, выбрали, сами и переизберут, когда надоест... В парламенте никакой сурков из логи ими не рулит, как хотят, так и голосуют. И если в администрации Блэра обнаружится какой-нибудь мистер Сечинс, любитель делить чужую собственность и крышевать суды с телевидением, пресса его завтра же вывалит в дегте и перьях, а потом еще, поди, и посадят, потому что никакого единства власти у этих островитян — одни законы! Но, слава богу, мы далеко ушли от этих древних обычаев — к обычаям гораздо более древним и проверенным. К чему нам Альбион? Вот же славный образец, мечта Суркова, Древний Египет: такое было единство власти, ни в сказке сказать! А уж народ, полностью занятый на строительстве вертикали (в те годы она называлась пирамидой), на своего фараона нарадоваться не мог! Удвоили ВВП, как проклятые, и, между прочим, все как миленькие любили Родину. А сейчас — не все любят. Это нам тоже Сурков глаза открыл, через комсомольский орган. Из интервью Вячеслава Суркова газете «Комсомольская правда»: «Фактически в осажденной стране возникла пятая колонна левых и правых радикалов. У них общие спонсоры зарубежного происхождения. Общая ненависть. К путинской, как они говорят, России. А на самом деле к России как таковой».

Итак, все, кто наперегонки не легли под Путина с приветственной улыбкой на парализованном лице, — все, как один, ненавидят Россию. О да! Где ж нам ее любить? У нас на то государева перстня нету! У нас же Родину по-настоящему любит только начальство и люди, начальством для этой любви специально назначенные. Их правильная любовь, как эталон метра, хранится на Старой площади, плюс пара копий зарыта по Рублево-Успенскому шоссе. А все любви, не совпадающие с ней по форме, со времен Радищева и Чаадаева объявляются государственной изменой. Про государственную измену, кстати, — это тоже цитата из Суркова. Незатейливый вырос юноша, что и говорить... А ведь косил под приличного человека, интеллигентные разговоры разговаривал по молодости лет... Ну да лиха беда начало, то ли еще услышим! Они ведь только начали нервничать.

Единство власти, алкаемое господином Сурковым, растет на глазах, как ячмень. Сразу три депутата Калининградской областной думы, в том числе

спикер Никитин, ранее состоявший в СПС, написали заявления о вступлении в «Единую Россию». По сообщениям СМИ, количество заявлений о вступлении в ряды «Единой России», появившихся после программного заявления Владимира Путина, обескуражило самих «единороссов». В городской парторганизации считают, что перед партией сейчас стоит непростая задача — не допустить в свои ряды политконъюнктурщиков.

Бедные единороссы! С девяностого девятого года, когда Березовский дал им денег, а Кремль — отмашку на победу на выборах, — с тех самых пор шли к ним в партию одни бескорыстные борцы за светлое будущее России: кибальчич на перовской сидит и желябовым погоняет... Толпа прозревших коммунистов, вагон охолонувших либералов... Девать было некуда это кадровое богатство. А тут вдруг, о ужас: опасность прихода конъюнктурщиков. Ну да, опасность реальная: пирог-то один, а вал голодающей номенклатуры нарастает... На фиг, на фиг! Кто первый встал, того и тапки. Будем бороться за чистоту рядов. Но уж те, кто в партии давно, своей неустанной мозговой деятельностью ежедневно укрепляют доверие народа к власти. Иногда шуру говорят и правду. Выступая с докладом о ситуации в России, секретарь ярославского регионального политсовета «Единой России», член Совета Федерации Николай Тонков заявил: «Идеи, предложенные президентом, были подготовлены уже давно. И события в Беслане стали хорошим поводом для того, чтобы начать их реализовывать».

Будем откровенны: Беслан — не просто «хороший повод» для президента, Беслан для него — дивный повод! Правда, по части технологии — ничего нового: под одно чеченское смертоубийство наш президент президентом стал, под другое — НТВ доконал, теперь вот, под третье, выборы похерил... Куча личных успехов, только Басаев все на свободе — может, для будущих свершений?

Но, по всему судя, скоро в Чечне наступит окончательный перелом, со смещением... в нужную сторону. «Комиссия по проблемам Северного Кавказа (это я цитирую) до конца года представит президенту и правительству России предложения по выходу из кризисной ситуации в социально-экономической сфере, правоохранительной деятельности и межнациональных отношениях в Южном федеральном округе»... Когда эта пони перестанет бегать по кругу, разбудите меня, пожалуйста. А покамест самое конкретное действие для прекращения кровопролития предпринял новый президент Чечни. По сообщению агентства «Интерфакс», Алу Алханов, выступая в прошлую пятницу в Ростове-на-Дону, заявил, что кто бы ни носился с идеей разобщения кавказских народов и России в целом, он потерпит неудачу. «Есть вековая дружба и вековые традиции Кавказа, — сказал Алханов. — Нам оставили наши предки эту дружбу».

Вековые традиции Кавказа, надо признать, довольно многообразны: вопрос в том, какие именно из них выбрать для ежедневного пользования. Загаженные колодцы, оскверненные мечети, вранье начальства и кровь русских солдат, описанные в «Хаджи-Мурате», — это тоже традиции Кавказа — и, кажется, мы по всем параметрам превзошли описание Толстого многократно; сейчас половина Осетии ждет сорокового дня после Беслана, а потом сразу начнется вековая дружба...

Но не будем о грустном! Лучше я вам что-нибудь позитивное расскажу. Вот, например: первого октября весь мир отмечает Международный день пожилого человека. Как отмечает этот день остальной мир, не знаю, врать не буду, а в Бурятии старшее поколение будут чествовать представители партии «Единая Россия». Будет много радости, истинно вам говорю. По сообщению агентства REGNUM, партийцы собираются принять участие в торжественном мероприятии специализированного жилого Дома социального использования для инвалидов, участников Великой Отечественной войны и вдов, которое состоится четвертого октября. В этот день «едино-россы» намерены пополнить кабинет здоровья Дома спортивным инвентарем — в частности, гириями, сообщает агентство.

Инвалиды и вдовы Бурятии уже застыли у дверей спортзала в ожидании инвентаря и в особенности гири от «Единой России», а на Сахалине заботу о пожилых заблаговременно взяли на себя военные. Пенсионеры из Южно-Сахалинска попали под обстрел ракетой класса «земля-воздух». Об этом сообщила телекомпания НТВ. Реактивный снаряд был запущен с полигона во время учений и упал на огород в тот момент, когда супруги копали картошку. Никто из супругов не пострадал, но полопались банки с огурцами и вареньем. Возмещать ущерб в 2,5 тысячи рублей военные отказываются, объясняя все происшедшее случайностью: ракете то ли не хватило топлива, то ли она слишком долго лежала на складе.

Бессовестные все-таки люди эти пенсионеры: ракетам топлива не хватает, а без пенсионеров — вообще легко, только под ногами путаются, а вот без ракет класса «земля-воздух» нам нельзя ни минуты. Родина же в опасности, кругом враги, а вам — лишь бы пожрать! Откуда у военных 2,5 тысячи рублей? У них на все про все только сорок процентов бюджета! Надо бы добавить, потому что без огурцов с вареньем мы проживем, русским языком говорят!

Теперь несколько слов об интернациональной помощи. Афган не Афган, но если где-то маячат выборы и начальство, желающее остаться начальством, начинает бросаться деньгами, место артиста — на переднем крае! И помещать этим деятелям культуры не в силах ничто. Суд украинского города Ровно «не запретил» певцам Наталье Королевой, Валерию Меладзе и Иосифу Кобзону выступать с концертами в поддержку кандидата в президенты Украины, премьер-министра Виктора Януковича. Свое решение суд мотивировал тем, что «нет достаточных доказательств того, что эти артисты являются гражданами РФ», по сообщению ИТАР-ТАСС. Теперь певцы намерены принять участие в агитационных концертах и музыкальном фестивале «Мы дети твои, Украина». Ну и слава Богу. Кобзон на родине Кобзаря — это чудно! Первые несколько часов будет он петь за Януковича, потом просто так: чтоб знали... Счастья вам!

08.10.2004

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Жизнь российская на отчетной неделе шла своим чередом по утвержденной схеме, без каких-либо неприятностей для высочайшего на-

чальства. К чему изобретать велосипед, когда все уже давно придумано? Сначала спровоцировать террор, а потом с ним бороться — лучший способ сохранить любовь населения, которое пока не собирается становиться народом. Впрочем, обо всем по порядку...

Война террору, объявленная президентом и его пинками продвинутой администрации, начинает приобретать зрелые формы. В прошлую пятницу она приняла форму народного артиста России Аристарха Ливанова. В его дом пришла вот такая беда: соседи этажом выше каждый день, с четырех до половины шестого утра, исполняют караоке. Человек с мозгами послабее вызвал бы в этом случае милицию, но не таков народный артист Ливанов! Он хорошенько подумал, собрал пресс-конференцию и объявил о создании Всероссийского общественного движения «Россия-антитеррор». По сообщениям СМИ, инициативную группу по созданию нового Всероссийского движения «Россия-антитеррор» вместе с Аристархом Ливановым возглавил бывший сотрудник ФСБ Божков. В планах движения — организация по всей стране сети домовых комитетов, которые «будут пристально следить за лицами из других регионов, с криминальным прошлым или аморальным поведением».

Ну наконец-то кто-то возьмет на себя слежку за аморалкой! Давно мы бабушек-вуайеристок не поощряли... Щас эта полиция нравов заработает у замочных скважин... Что же до слежки за лицами из других регионов, тут Аристарх Евгеньевич со своей идеей подоспел очень кстати: одно лицо из другого региона давно прописало к себе полный Кремль земляков-силовиков — и не пускает общественность посмотреть, что там у них происходит! Очень надеюсь на помощь артиста Ливанова и бывшего сотрудника ФСБ Божкова. Кстати, если вы думаете, что создание этого Всероссийского движения — результат частных психиатрических трудностей группы граждан, переслушавших по ночам караоке, то вы ошибаетесь. Презентация движения проходила в гостинице «Россия» (это не всем здоровым по карману), а поддержать инициативную группу пришел лично советник президента Асламбек Аслаханов. Статус, надо понимать, кой-какой имеется... Впрочем, Аслаханов предупредил товарищей-активистов и о будущих трудностях в работе. Комментируя планы создателей движения «Россия-антитеррор» по проверкам жилых помещений граждан, советник президента России Асламбек Аслаханов, в частности, сказал: «Милиция не пустит вас входить в комнаты с проверками — она на это живет».

Конкуренция — вот, как я понимаю, главная проблема энтузиастов антитеррора! Никому не охота ловить Басаева, всем охота крышевать жилой фонд, но это место уже крепко насижено родной ментурой. Ну, ничего, главное — засветиться, какой-нибудь кусочек ухватить! Массовые конфискации караоке следует ждать со дня на день.

В лице г-на Ливанова мы имеем любителя борьбы с террором, но, слава Аллаху, у нас есть и профи! В московских аэропортах пассажиров вовсю досматривают по новым правилам — с выворачиванием карманов и осмотром носков, а в аэропорту Краснодара уже одержана первая победа: скрутили журналистку местной газеты, одетую во все черное, — и восемь часов допрашивали ее, не давая позвонить родным и близким. Есть новости и по

делу Пуманэ: во-первых, выяснилось, что это действительно был Пуманэ, а главное — стало доподлинно известно, что в процессе борьбы с терроризмом его, уже начавшего давать показания, душили гибким шлангом от душа и насиловали... И напрасно вы думаете, что эти удовольствия могут коснуться только подводников со взрывчаткой... Как сообщает «Новая газета» со ссылкой на источник в Госдуме, по парламентским коридорам, с подачи Генпрокуратуры, уже гуляют предложения об отмене принципа презумпции невиновности. Согласно этим предложениям, бремя доказательств собственной невиновности должно ложиться на самих подозреваемых в совершении преступлений, подпадающих под те статьи Уголовного кодекса, которые касаются терроризма и коррупции. «Отмена принципа презумпции невиновности» — это ведь только звучит сложновато для населения, а на местности все будет проще пареной репы. «Сдается мне, гражданин, что ты террорист. Как будем действовать? Пройдем в подвал, к гибкому шлангу от душа — или будем доказывать невиновность на месте? На месте. Правильно!» Не знаю, как насчет безопасности, но органы мы таким образом материально поддержим, а заодно и бен Ладена, напоследок, разорим... А население потерпит. Год потерпит, десять потерпит, потом начнет в леса уходить безо всякого джихада... Впрочем, еще есть время для того, чтобы воспитать молодежь в традициях любви если не к Родине, то к партии. Главное, начинать с малолетства! Фонд поддержки «Единой России» предложил ввести идентификационные карточки для всех школьников столицы — об этом в минувший вторник в эфире «Эха Москвы» рассказал глава фонда Борис Мещеряков. На сегодняшний день такими паспортами уже оснащены четыре школы в Северном округе. На карточках с одной стороны располагаются данные школьника и его фотография, с другой — номер телефона ближайшего отделения «Единой России»...

Фонд поддержки «Единой России» — вообще очень своевременная штука. Ничто так не нуждается сегодня в поддержке, как «Единая Россия». А уж по части безопасности школьников — обесить их карточками с телефонами ближайшей берлоги есть дело первостепенной важности! Как эти правящие животные помогли детям в Беслане, вы не забыли? Надо заметить, однако, что при внешнем идиотизме, инициатива «единороссов» полностью находится в русле новейших президентских инициатив. А именно: ни то, ни другое не имеет никакого отношения к борьбе с террором, но успешно решает личные политические задачи. Мо-лод-цы!

Тем временем вышеупомянутые президентские инициативы — по искоренению народовластия в интересах народа — завоевывают поддержку масс. В Санкт-Петербурге, правда, сто человек вышли давеча на улицы с перечеркнутым портретом земляка и простым словом «Хватит!», но это, конечно, были экстремисты. А ответственные люди (ну, которые с холодными мозгами и пристроенной задницей) — эти все, как один, поддерживают этого одного. В минувший вторник петушком за дрожками побегал губернатор Орловской области, бывший спикер верхней палаты Егор Строев. При личной встрече с Путиным он буквально умолял президента укрепить власть и не допустить развала страны. При этом Егора Семеновича пробило на воспоминания. По сообщению агентства «Интерфакс», во время встречи с

президентом России губернатор Егор Строев вспомнил, что был одним из немногих, кто своими глазами «видел, как распался СССР». Он сказал: «Тогда все депутаты — и Верховного Совета, и Съезда дали право президенту принимать любые чрезвычайные меры для сохранения страны, но, возможно, духа не хватило, а может быть, прозрения не было».

Насчет прозрения, Егор Семенович, я вам вот что скажу: академика Сахарова надо было слушать, а не ножками на него топтать — он еще в восемьдесят девятом предлагал подписать новый Федеративный договор, чтобы сохранить страну... Но количество прозревающих членов ЦК КПСС оказалось весьма лимитированным; в отличие от любителей чрезвычайных мер — этого добра там было навалом! Выпили еще для храбрости и объявили ГКЧП, нешто не помните? Тут-то страна дуба и дала: от чрезвычайных мер старые системы дуба, как правило, и дают. Потому что не гайки надо завинчивать, а теплотехнику учить, чтобы не рвануло. А вы с предметом вашего восторга, троечники номенклатурные, скоро, под всеобщий одобрямс, устройте так, что рванет уже Россия. И потом, разумеется, опять будет виновата мировая закулиса и «пятая колонна». Главное ведь — все правильно объяснить народу, правда? Ну вот и чудненько, Егор Семенович, продолжайте поддерживать Путина, на ваш век хватит...

Особую роль в поддержке президента исполнил глава Центризбиркома Вешняков. Его тонкая миссия — не чета строевской: он ведь у нас — от закона присматривающий... Пару недель Александр Альбертович молчал, собирался с духом, а на минувшей появился на людях и сказал отчаянной смелости вещь: мол, отмену системы прямых выборов глав регионов следует признать мерой хотя и демократичной, но вынужденной — и законодательно обозначить ее временные рамки! И назвал срок: десять лет. Ну да — за это время, по Ходже Насреддину, сдохнет или шах, или ишак, — так что глава ЦИК практически ничем не рисковал. Что же до права народа на участие в решении собственной судьбы, — здесь г-н Вешняков был предельно демократичен. Отвечая на вопрос журнала «Итоги», могут ли изменения избирательного законодательства быть вынесены на референдум, Александр Вешняков заявил: «Теоретически, да. Такое право у граждан есть. Но если президент уверен в своей правоте, его поддержат парламент и региональные лидеры, то надо принимать соответствующий закон». Вот зрелый государственный муж! Раз президент уверен и его поддерживают те, кого он успел взять сильной рукой за чувствительные места, то и хрен с ними, с россиянами, перебьются... Но право на референдум у граждан есть (теоретически)... «Суха теория, мой друг!»

Экс-спикером и председателем ЦИК номенклатурная поддержка президентских инициатив на минувшей неделе не ограничилась. Как говорил один булгаковский персонаж: «В очередь, сукины дети, в очередь!» Третьим подоспел спикер нижней палаты — и ему хватило. «То, что в России принимаются меры по консолидации общества, вызывает озабоченность у мировой общественности», — заявил в минувший вторник на брифинге в Москве спикер Государственной думы Борис Грызлов. Действия международных террористов он назвал попыткой добиться развала России и снижения ее роли в мировой политике. «Они хотят убрать Россию как активного участ-

ника международной политики, снять ее с обсуждения крупных международных проблем, раздробить ее на какие-то отдельные составляющие и бороться уже с этими отдельными составляющими», — сказал спикер.

Грызлов у нас крупный геополитик. Иногда настолько крупный, что содержание его речей просто не помещается в голове. Тут надо в два присеста. Значит, так: в Европе и США у власти собрались какие-то закоренелые дебилы, которые вместо одной России мечтают получить десяток дарькиных-шамановых с их личными ядерными боеголовками. А уж в чеченских селах просто спят и видят, как бы им перекроить карту мира. Их как зачистят, как мужчин в Ханкалу увезут, с мешком на голове на колени поставят да как начнут бить ногами по почкам в ожидании выкупа — они сразу думают: как бы им расколоть Россию! Это ж сколько надо выпить вискаря, чтобы додуматься до такой геополитики? Велика Россия, а наливает некуда.

Тем временем в Чечне появился второй официальный президент по версии Путина-Вешнякова. Время и место его инаугурации до последнего момента держали в строгом секрете, чтобы чеченский народ, не дай бог, не узнал заранее, где исполняется его воля. К этой конспиративной инаугурации предполагалось поймать Масхадова, чем всю неделю перед этим и занимался вице-премьер Кадыров-младший со своими — как бы это сказать? — работниками правительства... Масхадова взяли в кольцо и объявили, что уже вот-вот... Но оказалось ничего не вот-вот, и инаугурация прошла без головы Масхадова. Я считаю, что Алханов дешево отделался, потому что в прошлый раз Масхадова ловил Кадыров-старший, к девятому мая... Ну, вы помните. За голову чеченского президента назначено десять миллионов долларов, так что давешний энтузиазм кадыровцев вполне объясним. О тех же, кто не склонен искать приключений в горах и за такие деньги, позаботился на минувшей неделе президент России, подписав указ об очередном повышении денежного довольствия военнослужащих, а также (и главным образом) сотрудников центральных аппаратов ряда министерств и ведомств «силового блока» и их руководителей. Низшему офицерскому составу в гарнизонах ожирение, насколько я знаю, не грозит, а вот насчет генералов — это затея опасная: шас лампасы-то по шву и отскочат!

Но все эти радости арбатского двора — детский лепет на лужайке по сравнению с происходящим на Старой площади. Там, братцы мои, пилят уже не бюджет, а собственно кладовую Родины: помаленьку входит в решающую фазу дележ российской нефтянки между питерскими чекистами. И это вам не Басаев — здесь идет война не на жизнь, а на смерть! Из-под ковра эти бульдоги уже вылезли, и россияне имеют сладкую возможность наблюдать битву за свои недра своими глазами. Газета «КоммерсантЪ» пишет об открытом конфликте между главой кремлевской администрации, председателем совета директоров «Газпрома» Медведевым — и его заместителем Сечиным, возглавившим недавно совет директоров «Роснефти». Скандал связан с желанием обоих взять под фактический контроль активы нового нефтяного гиганта — «Газпромнефти». Скандал расколол на две части правительство, пишет газета, и скорее всего, уже сорвал планы части администрации президента по переделу активов ЮКОСа. «Впервые, — подчер-

кивает газета, — практически не скрывается, что основным интересом высокопоставленных представителей российской власти является фактическая бесплатная приватизация остатков государственной собственности и создание собственного бизнеса».

Вона что бывает... А ведь были тихие приезжие особы, скромные канцелярские труженики. И вдруг как склубились! Только кровавые номенклатурные ошметки летают по Старой площади, от Ильинки до Варварки. Вот до чего Ходорковский людей довел! Кстати, там, на процессе, забавные вещи происходят: приходят на допрос свидетели обвинения, а уходят — свидетелями защиты. Судья Колесникова, не доверяя квалификации прокурора, задает наводящие обвинительные вопросы уже сама. Впрочем, на отчетной неделе у нашей незамысловатой Фемиды случился успех и на высшем уровне. По сообщениям СМИ, в минувший вторник Верховный суд РФ оставил в силе свое решение, а также решение Тверского суда столицы и Мосгорсуда отказать в компенсации морального вреда пострадавшим и членам семей погибших во время захвата театрального центра на Дубровке в октябре 2002 года.

Уважаемые москвичи и гости столицы! Если вам не лень, пойдите на Поварскую улицу, к зданию Верховного суда; там сбоку, на втором этаже, стоит каменная скульптурная тетка — имеется в виду, что это Фемида. Так она, можете себе представить, хотя еще с весами, но уже без повязки. Ей-богу! Глаза открыты — и зрение, видать, стопроцентное... По мне, этой даме и взвешивать ничего не надо — она приговор заранее насквозь видит. А вы говорите: Норд-Ост... Да хоть Зюйд-Вест!

Тем временем Россия, спустя тринадцать лет после того, как однажды с утра пораньше обнаружила себя в демократическом виде, по-прежнему пытается понять, кто она и что ей теперь с собою, с такой, делать. По сообщениям СМИ, прокуратура Владимирской области потребовала отправки на регистрацию в Геральдический совет изображения областного герба и флага, принятого законодательным собранием. На флаге, помимо изображения традиционного областного герба — «золотого львиного леопарда в короне, держащего в правой лапе длинный серебряный крест», — присутствуют скрещенные серп и молот. Депутаты удовлетворить представление областного прокурора отказались.

Я вообще не вижу тут никакого особенного противоречия. Ну, корона с серпом и молотом... Ну, золотой леопард с какого-то хрена. Пускай себе! В стране, где члены Политбюро поднимали народ на борьбу с компартией, а на страже прав человека стоят особы, пускай будет и леопард с короной, и серп с молотом. Я бы еще щит и меч добавил, и славянской вязью пустил бы поверху из Карамзина: «Воруюем!» Сгодились бы не только для Владимирской области.

Теперь — одна смешная новость издалека. По сообщению телекомпании НТВ, в Перу в прямой эфир одной из телекомпаний позвонил разгневанный президент страны Алехандро Толедо. Гнев первого лица вызвал документальный фильм, посвященный выборам 2000 года, на которых и выиграл нынешний глава Перу. Журналисты утверждают, что его предвы-

борный штаб подделывал бюллетени и якобы будущий президент об этом знал. Бурную реакцию Толедо журналисты объясняют его страхом за свой рейтинг. За три года он упал до отметки 14 процентов.

Господи! Ну что за самодеятельность там у них, в Латинской Америке? То в Чили генерал создаст правовое государство и сам же, добровольно, от власти под суд и пойдет; теперь у этого перца, в Перу, рейтинг падает... Еще бы он не падал, если в стране работают независимые телекомпании — и крутят населению фильмы про то, каким образом президент побеждал в двухтысячном году! Я того фильма не видел, но нам ли не знать, как победили в двухтысячном? Господин Толедо, голубчик! Надо же было сначала взять под контроль телевидение, а уж потом засовывать свои фальшивые бюллетени хоть по самые Анды... И рейтинг был бы в полном порядке, уверяю вас. Всему их учить... — как дети, честное слово!

И напоследок — новости культуры. Три месяца назад правительство Белгородской области издало распоряжение о начале акции по искоренению сквернословия. По информации газеты «Комсомольская правда», истекший период истек не напрасно: уже организованы лектории, поставлены тематические спектакли, издана брошюра-памятка и проведен конкурс плаката, давший наконец белгородцам образец чистой русской речи: «Сегодня — мат, а завтра — шприц, а послезавтра — террорист!» Культуры повысилось — .....! Вот же, ..., придумщики в этой ..... области. Счастья вам!

15.10.2004

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Вот и еще одна неделя прошла — слава тебе Господи, обычная неделя — потому что по части особенных нам в последнее время наливают что-то густовато... А тут — рядовая пятидневка: текущие подлости, обычные глупости, бытовые радости... Вот только своровать в этот раз затеял крупнее обычного. С этого, пожалуй, и начнем.

Приближается к смысловому финалу дело ЮКОСа. То есть, юридически, там еще конь не валялся, середины процесса не видно, но при чем тут вообще юриспруденция! Дело-то было придумано не для торжества законности (уж чего там отродясь не было, так это законности), — все ради другого начиналось! Или забыли? Правильно: ради блага народа, обворованного олигархами! Не будучи формалистами, кремлевские ребята пустили на дрова всяческую законность и правила приличия, чтобы, как говорил классово близкий Рогозин, вернуть народу богатства Родины! Ну вот, на минувшей неделе и начали возвращать... Правда, вернули Родине почему-то в полтора раза меньше, чем взяли себе... Представитель Минюста заявил в минувший вторник, что компания «Юганскнефтегаз», выбранная для продажи с целью гарантированного погашения налоговой задолженности ЮКОСа перед бюджетом, оценена в десять с половиной миллиардов долларов. Ранее, со ссылкой на немецкий инвестиционный банк, называлась цена шестнадцать миллиардов. Эксперты единодушно объяснили произошедшее снижение цены интересами будущих покупателей «Юганскнефтегаза» и их связью с кремлевской администрацией.

Ну да, разумеется... То есть, разумеется, шестнадцать миллиардов долларов в кремлевской администрации пока что нет. Но зачем деньги, если есть талант и легкость манер! Вот кабы у руля нашего государства стояли какие-нибудь банальные и консервативные люди, вроде, допустим, датчан и разных прочих шведов — они бы что сделали? Они бы, раз искомым денег в стране нет, нашли бы покупателя снаружи, устроили бы аукцион и продали товар по максимальной цене. А денежки — лишние шесть миллиардов долларов — в казну. Их бы за это их скучный бережливый народ похвалил, а там, глядишь, на очередных выборах зачлось бы. Интересно нам так жить? Ну, вот и я говорю. Тоска это смертная, а не руководство! У нас, слава Богу, другие расклады: электорат дрессированный, угождать ему бережливостью — только развращать понапрасну; что начальство спioniерило среди бела дня шесть миллиардов, никто толком и не хватился. А уж наш руководящий первый отдел — точно не для того снимался всей стайей из родного города на Неве и перелетал поближе к закромам Родины, чтобы упускать такой случай! Тем более, они же сами его и организовали. И вот, когда уже все было в руках, нашей кремлевской гоп-стоп-компани нагадил тот самый Дрезденский инвестиционный банк. В минувшую среду он потребовал от Минюста России опубликовать их оценочный доклад полностью: у них, видите ли, репутация! Тут выяснилась неприятная вещь: оказывается, сообщая об оценке «Юганскнефтегаза», Минюст сделал вид, что не понимает по-немецки, и назвал цифру, упомянутую в том докладе как цену при самом плохом сценарии развития событий — в случае отзыва всех лицензий! Попавшись на легком подлоге, Минюст не стал юлить и выкручиваться, а просто и честно заявил, что комментарии не дает. Типа: а пошли бы вы все. Вам, может, неловко за Минюст и родимую администрацию? Ну и зря. Поздно стесняться! Надо отбирать у ЮКОСа лицензии и организовывать худший сценарий. Для начальства, желающего вернуть народу богатства Родины, устроить необходимое обрушение цены — фигня вопрос... Правда, г-н Сечин? Г-н Медведев, я правильно говорю?

Готовность кремлевской администрации взвалить на себя не только ответственность за судьбы России, но и ее имущество — дивный пример для подражания. Этому примеру готовы последовать все люди доброй воли, но кто ж им даст? Впрочем, в правительстве ответственности тоже не боятся и посылно взваливают на себя все, что плохо лежит. А на минувшей неделе стала реальностью и партийная нагрузка. В среду депутаты Госдумы, сразу в трех чтениях, приняли поправки к закону «О правительстве», разрешающие министрам занимать в политических партиях руководящие должности. Как заявил председатель Комитета Госдумы РФ по конституционному законодательству Владимир Плигин, авторы законопроекта учли положительный опыт КПСС, «которая пронизывала все общество, но, к сожалению, была единичной».

Положительный опыт КПСС мы помним, и чем он закончился, помним, а уж как она пронизывала, миллионы россиян не забудут по гроб жизни. И хотя той «единичной» КПСС населению хватило с лихвой, перспектива провести остаток жизни под вторичными «единороссами» приводит меня

в восторг. Посмотрите, какие цивилизованные люди произошли путем эволюции из этой самой КПСС! Ведь взяли и сами записали в законе, что «министры не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в интересах политической партии, членами которой они являются». Завтра же они всем парткомом разбегутся и прыгнут сами себе на горло ради счастья народа, вот увидите. Впрочем, в связи с новым законом у министров, кажется, появилась одна действительно серьезная проблема. Отвечая на вопрос, как министры будут тратить партийную зарплату, председатель Комитета Госдумы РФ по конституционному законодательству Плигин сказал: «Что касается денежных средств, то я думаю, что дополнительные деньги будут куда-то жертвовать».

О да! Ясно вижу мысленным взором очередь активистов «Единой России», желающих что-нибудь пожертвовать. Цирковой аттракцион «Цюрупа и сыновья». Голодные обмороки по просьбе населения. Занимайте места в партере.

Тем временем уже месяц (с тех пор, как президент России объявил о грядущей реформе вертикали власти) по стране ширится соревнование за право прилепиться старыми пальцами к свежему древцу. Глава комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политики Казаков заявил, что главы регионов должны назначаться непосредственно президентом России. По мнению сенатора Казакова, выборность губернаторов «принесла горе и страдания нашей родине, и нет никакого смысла цепляться за эту выборность».

Много лет терпел сенатор Казаков горе и страдания нашей Родины, сидя в Совете Федерации, и вот — переполнилась душа этой мукой. Иов многопартийный, сколько ж в тебя народного горя вместилось! Надо еще накапать вискаря в каком-нибудь хорошем закрытом клубе, с девочками, потому что иначе душа может народного горя не вынести, а такие тонкие души, как у сенатора Казакова, мы должны беречь! Впрочем, он такой чуткий не один. В прошлую пятницу целое Госсобрание Башкирии представило в Госдуму законопроект, даже по сравнению с путинскими предложениями сужающий права местного самоуправления! То есть эта Анна Каренина уже бежит впереди паровоза, успевая заглядывать в глаза машинисту...

Теперь несколько сладких слов об экономике. На выборах президента России, состоявшихся в марте этого года, было сэкономлено полтора миллиарда рублей. Об этом на встрече с президентом в минувший понедельник доложил вице-премьер правительства Александр Жуков. Сэкономленные средства пойдут на помощь детям и ветеранам.

Вот дивная статья экономии — выборы! И главное: покрепче связать это с социальной помощью и, связав тройным морским узлом, бросить в волны телеэфира. Сэкономили на выборах — отдали старикам и детям! Хорошо? А то! Какая мысль возникает следом у всякого советского человека? Правильно: отменить их вообще, эти выборы, а все деньги — старикам и детям! И пускай вечно будут у власти те, которые так любят стариков и детей!

А у кого дети выросли, да ежели мужеского полу, то добро пожаловать в ряды! У Родины как раз освободилось старой кирзы и наткалось свежих

портянок, а время у нас теперь, слава те господи, практически прежнее, без демократических излишеств. С прошлой пятницы около станций метро наряды милиции и военные патрули уже отлавливали молодежь призывного возраста. Перед теми, кто попался, открылись хорошие перспективы... В 2003 году в России покончили с собой 120 военнослужащих. С начала текущего года в Вооруженных силах зафиксировано уже около 190 случаев самоубийств. Военный прокурор Александр Савенков заявил, что, по результатам расследований, примерно 60% случаев суицида среди военнослужащих связаны с «доведением до самоубийства». Министр обороны Сергей Иванов, в свою очередь, заявил, что для суицида среди военнослужащих «нет ни социальной, ни какой-либо иной основы. Суицид, чем бы он ни объяснялся, есть явная недоработка командира».

Ну да. Мы в процессе возвращения Родине этого первобытного священного долга теряем людей больше, чем Соединенные Штаты в Ираке, а социальной базы все нет и нет. Само как-то... Впрочем, насчет недоработки командиров — это точно. С такими отцами-командирами, как Иванов, — только и мечтаешь, как бы поскорее осиротеть. Уцелевшие мальчики в массовом порядке делают ноги уже из рядов... По данным Комитета солдатских матерей Хабаровского края, за полтора года военные части, расположенные на территории Хабаровского края, самовольно оставили свыше шестисот человек, что существенно расходится с официальными цифрами. Среди главных причин побегов — неуставные отношения и продажа солдат в рабство. По данным из того же источника, 90% молодых людей, призванных в армию с территории края, не имеют допуска к огнестрельному оружию из-за психологических отклонений.

Ну что же. Продажа в рабство — это лучшее, что на сегодняшний день может предложить Родина юношам с психологическими отклонениями. Тем более, у нее самой, у Родины нашей военизированной, случаются сезонные обострения: весеннее и осеннее. Наступают по приказу главнокомандующего.

Но вернемся, так сказать, в гражданское общество. В нем происходят удивительные вещи. Иногда в самых неожиданных местах и людях пробуждается нездешняя отвага. Просто даже не знаешь, что и подумать. Выступая на пресс-конференции, глава комитета по информационной политике Государственной думы Валерий Комиссаров заявил: главная задача комитета — «быть надежным фильтром на пути некоторых политических сил, которые пытаются ввести цензуру в нашей стране и ограничить свободу слова». По словам Комиссарова, эти силы хотели бы «поручить СМИ и поставить их на колени».

Как было сказано у Жванецкого: не говорите загадками, вы меня изводите! Что это за загадочные политические силы, Валерий? Это кто же у нас такая бяка, которая хочет поручить СМИ и поставить их на колени? О драгоценнейший из членов партии «Единая Россия», срочно назовите хоть одну фамилию, не то у досужей публики может сложиться ощущение, что вы просто болтаете, по обыкновению. Но мы-то с вами знаем, Валерий, что это не так, что вы человек большой принципиальности и личного мужества! Вы с вашим думским комитетом вступили в бескомпромиссную борьбу за свободу слова — и имена злодеев, которые мечтают поставить наши

СМИ на колени, назовете в самое ближайшее время, правда? А то давайте хором? Три, четыре...

Свобода слова, таким образом, находится под надежной защитой Комиссарова, но это полбеды: не снижаются обороты и у борьбы с террором!

Газета «Коммерсантъ» сообщает о новых инициативах московских властей в области охраны порядка: к тотальной слежке за горожанами подключены члены домовых комитетов. Как объяснили в правительстве Москвы: «Старшие по подъездам доносят как-то неохотно и даже спуская рукава; необходим элемент здорового соперничества». Как рассказала газете член совета домкома по улице Короленко Галина Кирюхина, в ее поле зрения попали «кавказцы, гастарбайтеры, иностранцы и наркоманы». Г-жа Кирюхина уже пресекла оргию во втором подъезде и сообщила в УВД «Сокольники» о крайне подозрительном человеке: «Он ошивался у дома, я попросила его предъявить документы. И точно, оказался из Назрани».

И напоследок. Мы тут давеча в футбол играли, с Португалией... Строго говоря: в футбол играла Португалия, а мы, судя по счету, играли на бильярде и с большого бодуна. Но не в поражении суть, а в его последующем анализе! Анализ получился, как в случае с Чечней — то есть необыкновенной глубины. И получился он, как с Чечней, потому что руководящие головы, в принципе, те же. Член политсовета «Единой России» и по совместительству тренер сборной товарищ Ярцев первым делом обвинил футболистов в отсутствии патриотизма. О, на этом северокорейском пути мы стоим давно. Некто Романцев, тоже тренер и член всяческих политсоветов, помнится, просил Путина поскорее дать игрокам слова гимна, а то все перед игрой поют, а наши стоят, мычат. Дали им слова заодно с этой нечеловеческой музыкой, и перед чемпионатом мира сборная все это выучила, о чем перед первой игрой россиянам торжественно сообщил комментатор Виктор Гусев. Помогло сильнейшим образом, вы помните: аж Тунис обыграли! Но вернемся к анализу игры с Португалией. В интервью агентству РИА «Новости» заместитель генерального директора Российского футбольного союза Виктор Гроздев, комментируя крупное поражение нашей сборной, сказал, что все удары соперников россиян попадали в углы ворот и были забиты с большой долей везения, то есть «случилось футбольное чудо». Мы ж так не договаривались, чтобы попадать в углы ворот! Вторую половину анализа, прямо во время матча, произвел все тот же комментатор Гусев и причину неудачи нашел: «неожиданная болезнь Каряки»... Короче, если бы они не попадали в углы ворот, а у нас на поле вышел Каряка, мы бы этих португалов вообще порвали, как Тузик грелку. Ну ничего: у нас впереди Лихтенштейн — если Каряка выздоровеет, мы им покажем, кто в доме хозяин! Слава Богу, хоть в футболе все неплохо складывается... Счастья вам!

22.10.2004

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Вот, стало быть, какая неделька случилась... Прямо сказать: учебно-показательная неделька! А самые учебные и самые показательные сюжеты в отчетный период произошли, сами понимаете, в Белоруссии. Родная сестра

по линии СНГ, возглавляемая кузеном Владимира Владимировича по линии надзора за населением, Белоруссия для России — как волшебное зеркало, к которому полезно подходить с утра пораньше, чтобы заранее понять, какое у тебя будет лицо через пару лет, если, извините за выражение, не изменить режим... В этом смысле на минувшей неделе подробности превращения лица в харю прояснились окончательно. Ну, обо всем по порядку...

В минувшее воскресенье в Белоруссии состоялся референдум по вопросу внесения в Конституцию республики изменений, дающих президенту страны право баллотироваться на пост в третий раз. По официальным данным, Александр Лукашенко получил в свою поддержку 79% голосов. Это означает, что он может править республикой практически бессрочно.

Итак, победа! Ну, слава Богу, а то я уж волновался за Александра Григорьевича. Потому что накануне все как один социологические опросы показывали ему полный облом и по явке, и по голосованию. Российский «Левада-центр», всего за неделю до референдума, обнаружил в Белоруссии всего 42% желающих, чтобы батька имел их в третий раз, а «Гэллэп» намерил ему и того меньше. Причем по ихней буржуазной арифметике выходило, что для достижения нужных батьке цифр необходим 35%-й уровень фальсификаций, а таких коммунистических показателей обычным вороватым вбросом бюллетеней достичь совершенно невозможно, это вам любой вешняков объяснит. Вот я и волновался, справится ли Александр Григорьевич с арифметикой, сдюжит ли? Сдюжил, да еще как! Сам не ожидал! Результаты, говорит, ошеломляющие! Это нам очень кстати: у нас ведь, как пел Бернес, все еще впереди. Давайте осваивать передовой опыт! Итак, спрашивается: как из 42% за неделю получить 77%? Рассказываю. Во-первых, надо за пять дней до референдума понаставить по всей стране урны для предварительного голосования — и не опечатывать их на ночь (к чему такие формальности?), а чтобы воля народа была целее, оставить под присмотром сотрудников правоохранительных органов. Сотрудник правоохранительных органов — он ведь выбору народа никогда не повредит, а если что, может даже и помочь, правда? Ну вот. Затем, конечно, работа с наблюдателями, особенно с международными. Наблюдателей этих хлебом не корми, дай сорвать показатели! В России с ними еще цацкаются, потому что у нашего гаранта и его компании еще есть идея остаток жизни поездить по миру. А лукашенковских орлов в Европу все равно не пускают; так он на юбилей забавал себе новый «Боинг» за 100 с лишним миллионов долларов и летает на нем, болезный, от Шклова до Бреста... Зато уж внутри страны давно не знает никаких границ! Как сообщило издание «Газета» со ссылкой на белорусский правозащитный центр «Весна», наблюдателей центра физически выдворяли с избирательных участков. По данным того же издания, работники Института Гэллэпа, пытавшиеся проводить опрос на избирательных участках (так называемый exit-poll), задерживались белорусской милицией.

Ну и правильно! Нефиг проверять официальную статистику. Раз батька сказал «ошеломляющие показатели», значит — ошеломляющие! Кстати: запоминаем технологию, да? Независимых наблюдателей — вон с участков, социологов — задержать, иностранных телеоператоров просто отфигачить дубинками, чтобы не показывали, чего не надо. А по государственному те-

левидению (благо, другого нет) показать людей с бутылками пива в рядах демонстрантов из оппозиции. О чудо! Одни и те же, подозрительно спортивного вида пьяницы гуляли из кадра в кадр; демонстранты их из своих рядов выталкивали, а те не уходили: служба... Запоминаете технологию? Или вот еще — цитата, из государственного телевизора, про лидеров оппозиции: «неудавшиеся политики, прячущиеся за спинами детей...» Про неудавшихся политиков — запомнили? Вы услышите это в самое ближайшее время и по-русски, уверяю вас...

Но слова — это ладно. Для личных врагов президента имеются технологии и подейственнее. Впрочем, уж точно — не новые. Сотрудник Первого канала российского телевидения Павел Шеремет был госпитализирован в минувшее воскресенье в Минске с сотрясением мозга — после нападения на него на улице двух неизвестных. Впоследствии самому Шеремету было предъявлено обвинение в хулиганстве. Российский журналист шел на пресс-конференцию, на которой должен был сообщить представителям СМИ о фактах нарушения избирательного законодательства Белоруссии.

Вообще, по части борьбы со СМИ наш гарант до последнего времени немного проигрывал белорусскому коллеге. Впрочем, Лукашенко и раньше начал: Путина в Москве еще и не знал никто, а в Минске оппозиционных журналистов уже вовсю месили ногами. Но в последнее время наш ВВП идет с батькой ноздря в ноздрию, и пожалуй, в последних раундах победу по очкам следует отдать — нашему! А случай с Шереметом — это уже явный плагиат истории с Бабицким! Во время Беслана, помните? Тоже подошли двое неизвестных, тоже сначала мордобой, а потом милиция с обвинением журналиста в хулиганстве. Впрочем, это, конечно, не плагиат, это — общие технологии. Путин и Лукашенко — они же из соседних кабинетов вышли народом руководить. Нешто наш особист ихнего политрука не догонит? То-то и оно. Так что гримаса страдания, гуляющая по лицу дорогого Владимира Владимировича при встречах с белорусским коллегой, вполне объяснима: никто не раздражает нас так, как близкие родственники. Мы видим на их лице следы собственного вырождения. *Себя как в зеркале я вижу, и это зеркало мне — мстит.*

Карма — она и в Африке карма, и сильно не любящий Александра Григорьевича Владимир Владимирович не стал поднимать волну по поводу минских избирательных уродств, зафиксированных всем миром, — и даже вступился за батьку. Некоторые простые, как жизнь, сторонники нашего президента тут же нам разъяснили, почему так получилось. В эфире радиостанции «Эхо Москвы» член комитета Госдумы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками Константин Затулин сказал: «Россия не стала вмешиваться в белорусскую историю, потому что через некоторое время сама станет перед этой же проблемой». Депутат считает вероятным, что ситуация в России будет развиваться по белорусскому сценарию, и в конечном счете президент Путин получит право избираться на третий срок. «Возможно, наступил момент поправить Конституцию путем референдума», — сказал Константин Затулин.

Депутат Затулин пока еще только рассуждает о белорусском варианте для России, а Госсекретарь Союза России и Белоруссии Бородин, по его собственным словам, уже готов «проголосовать за возможность Путина изби-

раться на третий срок и руками, и ногами». Ну, ногами при таких перспективах пока что голосует российский бизнес, уже четыре года с нарастающей скоростью драпающий в сторону Лондона вместе с капиталами. А оставшимся — к чему референдум, какие Конституции? Послушать Бородина, это всё вообще было недоразумение!

Бородин: *«За рубежом правят корпорации. У нас правит царь. Если он есть — таки он есть. А если его нету — таки его нету. И в России, и в Белоруссии царь есть. Такую власть, уверяю вас, — это Бог дает! Это власть от Бога!»*

Ну, что же: баба с возу — кобыле легче! Бог, стало быть, этих добрых молодцев на царство запихнул, ему их оттуда и выковыривать, а народ может смело накатить еще по одной и кочумать до Страшного суда. Сам же Бородин общей апологией самодержавия не ограничился и тут же объяснил почтенной публике, чем Лукашенко отличается в лучшую сторону от других помазанников Божиих...

Бородин: *«Николай Второй был очень порядочный человек — отец пяти детей, очень верил в Бога. Но он что-то ждал всё. Никаких политических решений не принимал. В отличие от него Александр Григорьевич Лукашенко руководит Белоруссией. И сегодня я вам хотел бы сказать, что 95% завозит энергоносителей из России. Вовремя сообразил президент и наладил дружбу с Россией».*

За то, что Лукашенко 95% энергоносителей завозит из России, Бог, надо полагать, оставит его в Вискулях еще на пару сроков. Да и после отречения, может, убережет от расстрела, в отличие от Николая...

Теперь, как всегда, несколько слов о партстроительстве. На минувшей неделе они там у себя выясняли, член ли партии наш министр финансов Алексей Кудрин. Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» утверждал, что член, а Кудрин всячески отказывался, ссылаясь на то, что заявление написал в шутку. Ну, в шутку не в шутку, а Богомоллов в сейф его на всякий случай сховал, а с минувшего четверга эта шутовская полемика приобрела интересный поворот. Как сообщил газете «Новые Известия» на условиях анонимности один из членов аппарата Государственной думы, в администрации президента практически завершена подготовительная работа по созданию новой прокремлевской партии либерального направления. По замыслу Кремля, она должна стать противовесом прошлым кремлевским проектам — бюрократической «Единой России» и лево-националистической «Родине». По предварительной информации, основными действующими лицами новой партии могут стать правительственные чиновники — Герман Греф и Алексей Кудрин, а также председатель Счетной палаты Сергей Степашин.

Ну, слава Богу, а то уже почти год ходим с перекошенной налево физиономией, перед Западом неловко... Теперь все будет тип-топ. Дрессированные оппозиционеры, спешите видеть! Тут Rogozin через горящий обруч прыгнет, здесь Кудрин по канатику с завязанными глазами пройдет. Потом два текста необычайной смелости у Пугина согласуют — и опять на мировую арену: «Здравствуй, Бим!» — «Здравствуй, Бом!» Короче, демокра-

тия! Эх, если бы можно было назначить кого-нибудь из тамошних спецов крышевать исторический процесс, все было бы вообще зашибись... А так, конечно, рано или поздно рванет. Но рванет-то в России, а где к тому времени будут эти дрессированные либералы с этими прикормленными патриотами — Бог его знает...

Чтобы потом было на что любить Родину в комфортабельных условиях, сегодня — самое время напрячься! Работа идет каждый день, и попробуй-те сказать, что осенний день год не кормит... Стартовая цена акций «Юганскнефтегаза» при продаже на аукционе может оказаться равной размеру долга ЮКОСа государству, сообщил «Интерфаксу» источник в Российском фонде федерального имущества. Таким образом, заниженная цена в десять с половиной миллиардов долларов, о которой шла речь еще на прошлой неделе, может быть снижена еще как минимум втрое...

Слушайте, это уже начинает меня волновать! Если цена на ЮКОС будет рушиться с такой скоростью, — может, скинуться трудовым коллективом нашей программы да и прикупить себе нефтянки? Или уж, может, не мелочиться, а подарить этот «Юганскнефтегаз» на Рождество кремлевской администрации? Улучшить отношения... В общем, я уже готов, вот только Америка опять под ногами мешается! Администрация США выразила «озабоченность» по поводу условий продажи филиала российской нефтяной компании ЮКОС. Выступая перед журналистами в Вашингтоне, пресс-секретарь Госдепартамента США Ричард Баучер, в частности, заявил: «Если продажа произойдет не на открытом рынке по справедливой цене, то можно будет предположить наличие фаворитизма». Я не понимаю: какой фаворитизм? Мы что, при Екатерине живем? Просто в России есть несколько лучших людей — народ их вычислил путем голосования и последующих кадровых назначений; теперь этим людям по всем понятиям должны доставаться лучшие куски собственности. И никакого фаворитизма!

Теперь несколько слов об одном народном парадоксе. На минувшей неделе были обнародованы результаты социологических исследований Фонда «Общественное мнение». И выяснилась жуткая вещь: две трети опрошенных считают, что большинство российских судей берут взятки, а почти половина россиян убеждена, что суды чаще выносят несправедливые приговоры, чем справедливые. Получается противоречивая картина. С одной стороны, конечно, кошмар и коррупция, но с другой... если прикинуть разницу в процентах... Представьте: стало быть, некоторые судьи берут взятки и после этого выносят справедливые приговоры! Это ж практически идеальный вариант! Подозреваю, что-то эдакое и имел в виду президент Путин, когда в минувшую среду заявил о необходимости (цитирую) «сделать судебную систему соответствующей требованиям рыночной экономики...» А может, что-то другое он имел в виду... Но что?

Теперь — приятная минутка, свежие новости из Чечни. Вы, небось, при слове «Чечня» заранее вздрагиваете? Ну и зря. Я ж вам не о прошлом республики буду рассказывать, а о ее будущем. Это совсем другое дело... По словам председателя правительства Чеченской Республики Сергея Абрамова, в Чечне

в скором времени появятся аквапарк, современные стадионы, концертные залы, а также Диснейленд. «Сооружение таких объектов является для нас приоритетным направлением», — заявил глава чеченского правительства.

Вот за что мы, чиновники, любим Чечню больше других регионов? За широкие перспективы. Причем чем темнее в горах — тем светлее перспективы. Аквапарк и особенно Диснейленд — о, да! Это как раз то, что требуется в первую очередь — если не самой республике, то людям, вхожим в ее смету. Счетная палатка! Товарищ Степашин! Вы уж там посидите на строительстве этого Голливуда, ладно? Потом расскажете, если не втянут в эту фабрику грез... А за террористами тем временем присмотрит человек, в терроризме понимающий не первый год. Одно лицо чего стоит. По сообщению агентства Интерфакс, первый вице-премьер Чечни Рамзан Кадыров стал советником полпреда президента в Южном федеральном округе. Соответствующий документ уже подписан полпредом Дмитрием Козаком. По мнению президента Чечни Алу Алханова, назначение Кадырова советником является фактом признания его заслуг в борьбе с терроризмом в Чечне.

Со статусом младшего Кадырова действительно надо было как-то решать: его заслуги в борьбе с терроризмом в Чечне столь велики, что от него и его абреков люди в стороны шарахаются. Оружия до зубов, а подчиняется только Аллаху, причем Аллах у него такой специфический... по понятиям. Теперь, наконец, построили человека в структуру. Вот только кто теперь у кого будет под присмотром — Кадыров у Козака или наоборот?

Если с друзьями нашей вертикали более или менее ясно, перейдем к ее врагам. Главный внутренний враг на чеченском направлении особо зорким товарищам офицерам был виден давно, а на минувшей неделе, после того как Союз комитетов солдатских матерей предложил Масхадову обсудить план мирного урегулирования в Чечне, — товарищей офицеров, кажется, прорвало окончательно. Депутат Госдумы Алкснис обвинил Союз комитетов солдатских матерей в выполнении политического заказа со стороны Запада по ослаблению обороноспособности России. «Никакого отношения к солдатским матерям эти женщины не имеют, — сказал Виктор Алкснис. — Это профессиональные политические работники, которые получают зарплату, содержат сотни офисов по всей России, осуществляют активную пропагандистскую, издательскую деятельность. Поэтому я хотел бы, чтобы Генпрокуратура, Минюст провели проверку».

Ага! Кажется, они попались. Вы же их видели? Ну! Слепому видно: получают миллиарды из-за рубежа, на джипах ездят, все в бриллиантах, как Ксения Собчак. Сидят в офисах, а офисы все с фонтанами да пальмами, и подрывают, подрывают, подрывают обороноспособность! Генералы с депутатами замучились с ними бороться... Счастья вам!

29.10.2004

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендерович. Минувшая неделя была щедра на новые впечатления от родины. Не то чтобы что-то принципиально новое показали, но ведь у нас случаются впечатления такой силы, что бывало, засыпаешь и думаешь: почудилось. А проснешься, наружу выглянешь — нет, не почудилось. Здравствуй,

родина — и мычишь от восторга как Герасим, потому что слов уже нет никаких. В общем, обо всем по порядку.

На минувшей неделе исполнилось 2 года событиям в «Норд-Осте». В ту пору про Беслан еще никто не знал, и 130 трупов посреди мирного города были абсолютным рекордом. За истекший период столичная власть одержала над бывшими заложниками и их родственниками еще несколько блестящих побед, отразив десятки судебных исков. А в день годовщины еще и надула по-мелкому. Как сообщила газета «Время новостей», представители столичного правительства приехали на панихиду, посвященную второй годовщине событий в «Норд-Осте», на час раньше запланированного, не предупредив об этом организаторов мероприятия. Чиновники провели короткий официозный митинг под телекамерой и покинули Дубровку, прежде чем к зданию ДК подошли родственники жертв теракта. «Они пришли раньше, чтобы не смотреть нам в глаза», — сказала Зоя Чернецова, чей сын погиб во время штурма «Норд-Оста».

Слушайте, ну что это газета пристала к несчастным работникам мэрии? Ну что им было делать? Не явиться на митинг вовсе — политически неверно. Приехать одновременно с родственниками жертв — из лимузина не выйдешь. Начнут в память обо всем плевать в тонированные стекла и бить мигалки. А отметить их как «лимоновцев» — из Кремля еще команды не поступало. Тяжелый случай. Вот и приходится проводить траурный воровской митинг, пока никто не видит. Кроме своего же телевидения, разумеется. Кстати, государственное телевидение вообще отметило годовщину по высшему разряду. В программе «Время», вспоминая «Норд-Ост», прямо и честно сказали: в тот день спецслужбы уничтожили десятки боевиков. Прекрасный урожайный день, но не будем надолго отвлекаться от главного открытия минувшей недели — опыта московских властей по проведению митингов отдельно от населения.

К очередной годовщине «Норд-Оста» заблаговременно готовилась не только московская власть. Удивительную историю на этот счет рассказала «Новая газета». В других странах, к слову говоря, эту историю уже неделю рассказывали бы все телеканалы для общего развития почтенной публики, а еще через пару дней в стране была бы другая администрация. Ну да ладно, это я размышлял, простите. А история такая. За неделю до траурных дней на Старую площадь в кремлевскую администрацию была приглашена Татьяна Карпова, сопредседатель общественной организации «Норд-Ост». Мама музыканта, погибшего от федерального газа в ДК на Дубровке. И начал там с ней говорить по душам некто Бусыгин, замначальника управления внутренней политики администрации президента. И вдруг до того он проникся женским горем, что прямо спросил: как вам помочь, что нам сделать для вас. «Дайте прямой эфир для родственников погибших», — сказала Карпова. Тут начались настоящие федеральные чудеса. Бусыгин пообещал дать прямой эфир и снять цензуру. Так и сказал. Откуда он взял, что на телевидении есть цензура, ума не приложу. На этом чудеса кончились, и началась спецоперация. Едва Татьяна Карпова доехала до дома, как раздался звонок из администрации: примите факс, и из машинки выполз примерный текст будущего выступления Татьяны Ивановны перед телекамерами. О необходимости объе-

динения вокруг государства, о бдительности — вы программу «Время» смотрите иногда? Ну, вот такой текст. Карпова не совсем поняла, почему вместо обещанного прямого эфира ей предлагается прочесть по бумажке текст, присланный из Кремля. Но чтобы она это побыстрее сообразила, из машинки полез второй факс с платежным поручением на полтора миллиона рублей от общероссийской общественной организации «Молодежное единство». Откуда такие деньги у общественной организации, вы не знаете? Ну ладно. А вскоре, видимо в надежде, что полтора миллиона целковых уже прояснили голову матери погибшего музыканта, госпоже Карповой позвонили с канала «Россия» и уведомили, что сейчас ее приедут снимать по договоренности с администрацией президента, и даже ввели в курс предстоящей режиссуры. Не надо, сказали, ничего придумывать, покажете платежное поручение от «Молодежного единства», поблагодарите главу движения, и хватит.

Вот, собственно, и вся история прямого эфира для родственников погибших на Дубровке. Съемка, впрочем, тоже не состоялась, и, надо сказать прямо, если бы внезапно расщедрившее руководство «Молодежного единства», телеканал «Россия» и администрация президента во главе с замначальником их внутренней политики пошли бы туда, куда их послала в прошлую среду мать погибшего заложника, их бы уже с нами не было.

«Норд-Ост» и Беслан, славные вехи путинского решения чеченского вопроса, навечно вписаны в коллективную биографию российского руководства. Но сколько таких вех еще впереди? Каждый день наши государственные мужи борются с терроризмом, не жалея ни сил, ни, главное, — интеллекта. На минувшей неделе что-то свое сообразили на этот счет в Российском союзе промышленников и предпринимателей. Глава Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадий Вольский считает, что грядущее изменение системы избрания глав регионов уменьшит базу для терроризма в стране. Об этом он заявил во вторник на пресс-конференции в Москве. Мысль Вольского развил выступивший следом глава организации предпринимателей «Опора России» Сергей Борисов: «Одна из основ терроризма — экономическая безысходность, отсутствие средств к существованию, поэтому нерадивых губернаторов, не способных решать экономические проблемы, надо снимать, а не ждать 4 года, на которые они избраны».

Экономическая безысходность как основа терроризма — оно, конечно... Если так и дальше пойдет с инфляцией, то через какое-то время бабушки-бюджетницы начнут на последние гроши прикупать пояса шахидов. Экономике, конечно, надо поправлять. Только что-то я не заметил, чтоб кремлевские назначенцы, которых за 4 года налезло на избирательные поля как саранчи, сильно этому делу способствовали. Как-то все больше себе да себе. А для шахидской работы по-прежнему хватает чеченцев. Причем чем упорней Путин назначает туда своих президентов, тем больше террористов едет оттуда в Россию. Ну что же, неувязки реальности мы будем компенсировать пиаром до Страшного суда, а там посмотрим.

На прошлой неделе президент Чечни полетел в Москву по срочному делу. В минувшее воскресенье президент Чечни Алу Алханов принял участие в праздновании 30-летия выхода на экраны фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих», съемки которого проходили в Чечне. Алханов сообщил,

что договорился с режиссером Никитой Михалковым через год-полтора снять фильм о тех позитивных моментах, которые обязательно произойдут в Чеченской республике за эти годы. Ну что же, за год-полтора в Чечне, безусловно, произойдут позитивные моменты. По крайней мере, в части деления местного бюджета. Сия проблема, впрочем, вполне освещена в том фильме, 30-летней давности. Что же до договоренностей президента Алханова с режиссером Михалковым, новое позитивное кино будет, безусловно, честным. На уровне центрального телевидения как минимум, плюс художественные достоинства. Делать только это надо, разумеется, на широкую ногу. Отчинить по примеру «Сибирского цирюльника» в федеральную кассу, — впрочем, кому я рассказываю. За 30 лет, прошедших со времени съемок «Своего среди чужих...», режиссер Михалков многому в профессии научился.

Теперь пару слов о будущем государственном устройстве России. На этот счет в последнее время многие начали стремительно прозревать. Губернатор Санкт-Петербурга В. Матвиенко в интервью журналу «Итоги» категорически отвергла идею республики как форму государственного устройства в России. «Для нас это не годится, мы не готовы к подобному эксперименту, — сказала Матвиенко, — по менталитету русскому человеку нужен барин, царь, президент, словом, единоначалие».

Вот ведь женская горемычная доля. Сколько лет обитала Валентина Ивановна во властных демократических коридорах, сама русская дальше некуда, а все терпела и никому ничего про свою холопскую тягу к барину-единоначальнику не говорила. Прятала менталитет. Но сколько можно мучить природу. Впрочем, некоторые атавизмы демократического сознания у Валентины Ивановны все-таки остались. На вопрос журнала «Итоги», собирается ли она вступить в партию «Единая Россия», госпожа Матвиенко ответила: «Я ведь не о личной корысти размышляю. Мои размышления вызваны одним — хочу понять, пойдет ли Петербургу на пользу, что его губернатор станет членом «Единой России». Конец цитаты.

Вот, все о народе, все только о нем, в самое ближайшее время со Старой площади в Москве Валентине Ивановне дадут знать, как будет лучше для петербуржцев, — и она примет решение. А пока в том же интервью госпожа Матвиенко выдала судьбоносную метафору. Цитирую: «Как любителю колбасы лучше не видеть процесса ее приготовления, так и политику желательно не заглядывать на политическую кухню». Тут одно из двух: то ли журналист ослышался, то ли Валентина Ивановна сама не поняла, что сказала. Потому что уж кто-кто, а она сама пропахла этой кухней по самый макиаж. Что до качества продукции, то, как говорилось у Хармса: нас всех тошнит. Матвиенко, стало быть, покуда еще колеблется насчет своей второй партийности, многие другие обитатели вышеупомянутой кухни таких сомнений не испытывают. Причем, как правило, чем больше у политика шансов из повара превратиться в блюдо, тем выше его энтузиазм. По сообщению агентства «Интерфакс», губернатор Свердловской области Эдуард Россель подал заявление о вступлении в партию «Единая Россия». «Я принял это решение, потому что поддерживаю нашего президента и всегда поддерживал партийное строительство», — приводит агентство слова Рос-

селя. Между тем, по сведениям газеты «Русский курьер», в последнее время политические ставки губернатора в регионе резко упали. Ухудшилось и экономическое положение аффилированных с ним фирм. Ну что же, в России от появления в руководящих эшелонах власти нового «единоросселя» ничего не изменилось. Но у самого Эдуарда Эдгардовича в преддверии высочайших назначений, кажется, прибавилось шансов остаться царем уральской горы, а там глядишь, и экономическое положение наладится.

Теперь пару слов собственно о реформе власти. Поддержка этого временного начинания охватывает все более широкие слои населения. Особенно студенческую молодежь. Около 4 тысяч человек приняли участие в митинге движения «Молодежное единство» на Болотной площади в Москве. Причем, по данным радиостанции «Эхо Москвы», некоторая часть этих энтузиастов до последнего момента была не в курсе, куда их свозят автобусами, чего это они поддерживают и какого рожна торчат на свежем воздухе, вместо того чтобы учиться. Ну да ладно, хрен ли там учиться, может, хоть по комсомольской линии что-то получится. Кстати, поглядим на вопрос шире.

По-моему, вообще всякому образованию должна предшествовать идеологическая обработка, свойственная данной местности. В идеале такая обработка может образование даже и заменить, как в Северной Корее, где кроме идей чучхе уже ничего не осталось. Мы за 90-е годы от этой корейской педагогики малек отстали, но теперь начинаем наверстывать. По данным газеты «Русский курьер», в одной из начальных школ Щелковского района Московской области родители предупредили об обязательном нулевом уроке для детей. На этом уроке, как сообщила учительница, детям будут включать гимн России. Для этого родителям предложено в складчину купить музыкальный центр. Везти своего полуспящего ребенка с утра пораньше слушать эту нечеловеческую музыку, да еще за это доплачивать — какая радость для родителей. У нормального человека от таких упражнений патриотизм нарастает с неизбежной силой. Что же до профессионалов, то им уже улучшать свой патриотизм некуда, остается только делиться с россиянами.

На минувшей неделе все они собрались в культурном центре Вооруженных сил на научно-практическую конференцию «Российский патриотизм. Истоки, современные проблемы возрождения и развития». Что там было научно-го — не знаю, а в части практической всех страшно порадовал начальник Главного управления воспитательной работы вооруженных сил генерал-полковник Николай Резник. Оказывается, уже разработана новая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан в РФ на 2006-2010 годы». Ну, слава Богу, я уж боялся — пустят нашу любовь к Родине на самотек. Что стало с предыдущей патриотической программой, которая была до 2005 года, куда булькнули те миллиарды рублей, почему патриотическое воспитание в России курируют генералы, с какой стати россияне должны переиздавать эту заезженную пластинку на свои деньги, и главное, какое это все имеет отношение к любви к Родине, генерал опять не пояснил.

Теперь от любви к Родине вообще перейдем к вопросам любви к ближнему. В рабочее время при исполнении служебных обязанностей. По данным государственной комиссии по борьбе с коррупцией, завершившей свою работу в Татарии, годовой оборот коррупционных средств в республике в

бытовой сфере за 2004 год уже превысил 4,5 млрд рублей. Какие-то виды этих отношений стали настолько распространенными, что их перестали называть коррупцией. Такой вывод прозвучал на последнем заседании государственной комиссии.

Ну да, разве это коррупция? Коррупция — на Западе, и слово это — латинское, вот пускай у них голова и болит. А у нас на Востоке это называется отблагодарить, сориентировать, соблюсти интерес, откатить, подмазать, наконец. Впрочем, есть еще и на здешних просторах люди, которые ни-ни, а если чего друг другу делают, то только по любви. А есть бесплатно. Вот чтобы далеко не ходить — Путин и Кучма. Еще недавно они воротили друг от друга свои официальные лица на саммитах СНГ, но ближе к украинским выборам Купидон так саданул из своего арбалета, что они уже месяц не могут разнять рук. Сначала Владимир Владимирович пригласил Леонида Даниловича к себе на день рождения, причем не одного, а вместе с премьером Януковичем. Ну, видимо, несудимых друзей на Украине у Путина оказалось недостаточно для праздничного стола. А едва отгуляли в Москве, Путин поехал в Киев как бы на годовщину освобождения города от фашистских захватчиков. Как бы — потому что, между нами говоря, Киев освободили 6 ноября, но к 6 ноября Ющенко, того гляди, сам начнет гнать по Крещатику пленную администрацию, поэтому Путин с Кучмой попросили фашистских захватчиков подвинуться на 10 дней пораньше. Из всех сил предались любви на глазах у изумленного украинского народа по всем телеканалам сразу. Полюбили друг дружку, потом попользовали на пару шестилетнего мальчика Андрюшу, он хотел сфотографироваться с братьями Кличко, но достался другим дядям. Ну что же, подождем воскресенья. Может, весь этот досуг с малолетними даст какой-нибудь эффект.

И напоследок поразительные новости из Ашхабада. Отец всех туркмен и прочее, прочее, Сапармурат Ниязов вступил здесь в неравную схватку с культом собственной личности. Он отказался принять шестую звезду героя Туркмении и попытался назначить в стране президентские выборы, чем ужаснул благодарное население до самого нутра. Туркменский народ решил демократии живым не сдаваться. По сообщениям агентства «Интерфакс», в ответ на решение Сапармурата Ниязова провести в 2008-2009 годах выборы главы государства группа делегатов, находящихся в президиуме, толкаясь, бросилась к трибуне при поддержке остальных 2,5 тысяч делегатов и заявила о категорическом несогласии с этим решением главы государства. «Нам вас дал Бог, вы пожизненный президент и должны руководить Туркменистаном пожизненно», — заявил герой Туркмении, председатель концерна «Туркменнефть» Сапармамед Валиев. «Народ не даст вам провести президентские выборы», — заявил другой герой Туркмении Муратберды Сопыев.

М-да... Ну, воля народа — это святое. Правда? Особенно когда у этого народа столько героев. Ежели еще этот народ как следует подготовить разнообразными восточными способами, описанными на картинах художника Верецагина... Короче, уйти из дворца живым Ниязову не дадут. Счастья вам!

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

в русской периодике второго–третьего кварталов 2004 г.

Проблема развития, восстановления, возрождения, обновления России — по-прежнему главная забота социально-политических теоретиков и практиков, заявляющих о себе на страницах периодики. Комитет внешнеполитического планирования и Институт стратегических оценок провели круглый стол **«Модернизация: термины и методология. Модернизация России и роль Объединенной Европы»** («Безопасность Евразии», № 2). **С. Картунов** напомнил, что с Петра Великого и до сих пор модернизация является центральной проблемой русской истории. И решалась эта проблема всегда одинаково — волей власти и ценою неисчислимых человеческих жертв. В XXI в. стратегия осуществления национальной политики сверху невозможна. Нынче всё-де требует общенародной дискуссии. **А. Соловьев** отметил, что без вспомоществования внешних сил никакого модернизационного процесса в принципе не бывает, и поэтому России необходимо озаботиться открытостью внешней политики. **В. Гусейнов** одобрил методы экономической модернизации России на западный манер, но заметил, что для развития либеральной экономики нам необходимо заимствовать на Западе не столько форму ее устройства, сколько понимание особенностей ее функционирования. Власти западных государств никогда не относятся к населению, как к «малым сим», за которых можно решать, как им жить. Свое конкретное проявление это находит, в частности, в том, что любая партия, претендующая на власть, оглашает тщательно разработанную программу своих действий. У нас этого нет и в помине. **А. Володин** перечислил конкретные проблемы модернизации в России. Модернизация — это прежде всего экономический рост, который предполагает повышение в составе хозяйства доли продуктов интеллектуальной ценности. У нас такого нет. Кроме того, модернизация — это согласное совершенствование трех аспектов: экономического, политического и культурного. И здесь гармонии тоже не наблюдается. Абстрактная задача увеличения всеобщего валового продукта в деле модернизации мало эффективна (тем более, что объявляемое увеличение ее вдвое к 2010 г. — всего лишь достижение уровня 1990 г). Необходимо создание конкретных проектов. Модернизация предполагает качественное улучшение государственного управления, «административную революцию», преобразование чиновника в бюрократического функционера (менеджера). У нас этой революции не было. Нам необходим экономический авторитаризм, т.е. систематическая политика дисциплинирования общества и его экономической элиты, а также изменение морального облика и профиля деятельности российских предпринимателей. **В. Рубанов** сосредоточил внимание на субъекте модернизации, на качествах ее социальной составляющей. Он лично досадует на деградацию российской элиты (интеллигенции), и хотя Россия не потерпела ни военно-

го, ни экономического поражения, ее элита терпит поражение культурное. Это самый унижительный вид поражения, потому что вину за него нельзя возложить на невезение или варварского врага. Оно произошло от слабости, от неумения найти ответы на вызовы современности, и это влечет за собой унижительную необходимость спасать себя, учась у победителя, которому приходится подражать, одновременно ненавидя его. Сейчас приватизация национального богатства увеличила паразитарную нагрузку на производительные силы. Ставка на алчность как главный стимул экономического развития активизирует не созидательно-творческие силы общества, а попытки перераспределения национального богатства. Стилем господствующей элиты становится потребительство. Потребление без производства провоцирует революцию притязаний и уничтожает общественную потребность в усилиях ради будущего страны. Это противоречит логике социально-экономического развития. Наука превратилась в немощный и убогий субъект, который требует социальной помощи. А ведь во всем мире нет ничего эффективней стоимости, создаваемой знаниями. Именно российская наука дает шанс для модернизации, переходу к постиндустриальному развитию. Знания необходимо трансформировать в права интеллектуальной собственности, найти механизмы утилизации и превращения интеллектуального потенциала в интеллектуальный капитал. Осуществить на его основе технологическую модернизацию способна только сконцентрированная воля государства, а отнюдь не гражданская совесть либерального общества. **В. Кувалдин** высказал подозрение, что вся ответственность за модернизацию сваливается на плечи одного человека — президента. Элита, ведомая единственным императивом — обогащение любой ценой и построение личного благосостояния на костях собственной страны — вряд ли способна к политической консолидации. Модернизационная дееспособность остального общества, которое едва сводит концы с концами, тоже сомнительна. Средний класс (численность его в оценках экспертов сильно завышена) — аполитичен и асоциален. Программу модернизации следует разрабатывать такую, чтобы она была понятна рядовому человеку, т.е. всем гражданам, составляющим основную массу населения. У них уже появилась собственность (приватизированная квартира). Эту собственность нужно «освятить» законом и создать институциональные механизмы, которые позволят превратить ее в действующий активный капитал. Параллельно необходимо учить людей обращаться с собственностью и создать систему ее государственных гарантий. Наша демократия может быть только демократией собственников. Здесь ключ к модернизации. **В. Федотова** считает, что мы должны следовать национальной модели модернизации, т.е. наращивать демократические институты, правовое государство, словом, вестернизироваться там, где это возможно, но одновременно решать и свои собственные задачи. Россия испытала то, что польский социолог Штомпка (см. наш обзор в № 109) назвал «посткоммунистической травмой». Оказывается, мы так любили коммунизм, что с трудом переживаем его поражение. Травма потери прежних идеалов вызвала люмпенизацию масс. Мы не только убываем количественно, но и качественно. А правительству наплевать. Оно не управляет населением и даже не эксплуатирует его, оно его просто игнорирует. Поэтому необходима не только технологическая, но и социальная модернизация, и взять на

себя ее заботы должна национальная элита. **А. Никитин** предлагает формулу: «модернизация через интеграцию». Сие означает, конечно, вестернизацию, и это — хорошо! России нужна «разнонаправленная и разноскоростная» модернизация. Что-то вроде кубика Рубика: сотни разных параметров социально-экономического развития. Вращая их в разные стороны, можно получить сотни разных моделей разрешения проблемы модернизации.

А. Коновалов полагает, что модернизация России — насущная забота не одной России. У Запада нет сегодня более важной задачи, чем обеспечение сильной, конкурентоспособной и стабильной России, и это исходит из интересов их собственной национальной безопасности. Но для построения постиндустриального общества в России абсолютно не годятся авторитарные методы управления. В этом плане у нас наблюдается довольно противоречивая картина: демократический президент окружен стеной «соратников», которые ни в какой модернизации не заинтересованы. Парламент перестал быть демократическим институтом и превратился в «министерство по визированию законодательных инициатив Администрации Президента и Правительства РФ». Представительство свободных и ответственных граждан — непременное условие модернизации. **С. Пыхтин** полагает, что сферу модернизации можно пока что ограничить пределами техники. Здесь опыт других стран и цивилизаций нам поможет. Но если за дело браться серьезно, то модернизировать в России следует прежде всего власть. Главная проблема модернизации — отсутствие национальной элиты. Нет субъекта, который мог бы создать национальную элиту, а та, в свою очередь, — принимать национальные законы. Элита, конечно, имеется, но она не национальная и не является носителем национальных идеалов. А ведь Россия — это особая православная цивилизация, у нее своя судьба и она живет по своим законам. Если мы их игнорируем, то впадем в депрессию и исчезнем как политический субъект. Следуя путем федерализации, мы губим себя. Россия — многонациональная страна (80% русских), которая должна развиваться как единое унитарное государство. Пыхтин уверен, что множество этнических единиц и конфессий должно быть выстроено в иерархическом порядке. Не существует равенства народов, есть равенство граждан. Народы не равны между собой так же, как люди. Законодательство обязано учитывать это обстоятельство. И еще Пыхтин утверждает, что мир (как политическое состояние), как бы нам этого ни хотелось, не является естественной нормой развития человечества. Нормой является война, и к войне надо быть всегда готовым. Бояться следует не войн, а поражений в войнах. С последними доводами никто согласиться не захотел.

За круглым столом, но уже в журнале «Общественные науки и современность» (№ 3), обсуждались «**Экологические последствия распада СССР**». В *экологическом* смысле СССР вследствие своей сверхмилитаризации был феноменом, угрожавшим даже самому существованию биосферы. Но это не значит, что в советское время вообще не было ничего экологически хорошего. Огромные военные полигоны, по сути, консервировали (сохраняли) природу, и эти земли для нас — надежда на создание сети охраняемых природных территорий, заповедников, национальных парков (**Б. Родоман**). Конструкция СССР была универсальна и ориентирована на регламентацию и распределение в пространстве практически всего, в том числе и дикой при-

роды. Поэтому распад державы требует экологической рефлексии. Что мы видим? Произошла децентрализация, дерегламентация и фрагментация пространства. Деградация колхозного хозяйства вызвала процесс запустения сельскохозяйственных земель. Территории освобождаются от эксплуатации, а заодно и от химических удобрений. Только эти два фактора привели к существенному самоочищению малых рек. Уменьшение хозяйственного давления на среду — благо. Но переориентация на общество массового потребления, случившаяся после смены политического режима, — зло, ибо оно привело к изменению антропогенной нагрузки на земли, увы, не в лучшую сторону. Раньше земли эксплуатировались в основном вдоль железных дорог, а их сеть довольно редкая. Теперь — вдоль автодорог, которых значительно больше, особенно в мегаполисах, поэтому в пригородах больших городов человек вытеснил всех других животных, даже особо охраняемых. Итак, распад СССР с экологической точки зрения не однозначен: резко ухудшились условия жизни людей, но зато возник огромный потенциал для самовосстановления природы (**В. Каганский**). **А. Е. Шварц** считает, что для экологии важно создание сообществ свободных людей, имеющих устойчивый доход. Сегодня государство не способно выстроить баланс между социальными интересами и интересами бизнеса. Необходима экология «снизу», активизация гражданского общества, стратегическое планирование, баланс интересов и законы, ограничивающие действия в природной среде любых субъектов. С советских времен изменилось количество сторон взаимодействия, количество экологических субъектов, и сама экологическая ситуация стала сложнее и будет усложняться по мере формирования среднего класса, продолжения приватизации, по мере того как каждое домохозяйство будет становиться экологическим субъектом. Экология перестала быть только экологией, похоже, она стала «наше все».

Название статьи **В. Федорова** говорит само за себя — **«Трагедия России (вымирание народа: территориальная незащищенность)»** («Современная Европа», № 1). Соседние государства миллиард за миллиардом пополняют население; в России численность населения уменьшается. Нынешние демографические процессы эксперты называют «четвертой мировой войной (третья — «холодная»». При малых людских ресурсах мы будем не в состоянии сохранить за собой нашу огромную территорию. Неиспользуемые и слабо используемые территории становятся предметом вожделения (недра, наземные ресурсы, особенно вода) для стран, не справляющихся с ростом своего населения. Напор китайских мигрантов уже настолько велик, что с ним не могут справиться наши пограничные власти. В Дальневосточном округе плотность населения на 1 кв. км — один человек, у соседних китайцев — сотни. Причем китайцы, в отличие от других мигрантов, отнюдь не стремятся получить подданство РФ. Их цель — экономическая экспансия (выкачивание денежных средств и природно-сырьевых богатств края). Поселение китайцев на российской земле на постоянное жительство становится межгосударственной территориальной проблемой. И еще следует помнить, что китайское правительство берет на себя защиту интересов каждого этнического китайца независимо от его подданства. Охрану государственных границ сегодня обеспечить мы не можем. Ожидать лучшего в будущем не приходится. Настора-

живает парадоксальная ситуация: низкая рождаемость ставит нас наравне с развитыми странами, высокая смертность — с беднейшими. Нынешний российский воин и труженик (мужчина) живет в среднем 58,9 лет — на шестнадцать лет меньше немца. Обостряется вопрос о качестве нарождающихся поколений. Пьянство, наркомания, СПИД и другие болезни охватывают значительную, постоянно расширяющуюся часть молодежи. Ухудшение генофонда вместе с сокращением численности населения позволяет говорить о вырождении России. Становится под угрозу само ее существование, и никакие ценности не имеют значения, если утрачивается их носитель.

«Да полноте!» — говорят профессора престижных университетов США **А. Шлейфер** и **Д. Трейзман** («Россия — нормальная страна» — «Россия в глобальной политике», т. 2, № 2). К их удивлению, большинство журналистов и ученых пишут о России как о государстве, лежащем в руинах, населенном криминальными элементами, как о рассаднике многих социальных недугов, представляющем собой угрозу мировому сообществу: «трагедия исторического масштаба», «обанкротившаяся зона ядерной анархии», «самая разнуданная клептомания в мире», «экономический коллапс», «массовая безработица», «крайняя нищета». Авторам это кажется преувеличением. Пациент скорее жив, чем мертв. Россия — нормальная страна с капиталистической экономикой среднего достатка. Последнее подчеркивается как определение. Мы в числе стран среднего достатка, таких, как Бразилия и Аргентина, Малайзия и Хорватия. К тому же огрехи, свойственные капиталистическим демократиям среднего уровня, не являются непреодолимым препятствием на пути к дальнейшему политическому и экономическому прогрессу. Анализ показателей экономической динамики показывает, что реальный спад производства в России был невелик, а учитывая деформированный спрос населения, дугие цифры бухгалтерских отчетов и полную непригодность большей части доперестроечной социалистической продукции, авторы предполагают, что сегодня положение россиян в среднем все же лучше, чем было при социализме. Появление пресловутых олигархов тоже вполне естественно для развивающихся капиталистических стран. Так было и в Мексике, и в Южной Корее, в Израиле и ЮАР. Даже в Италии и Швеции крупные бизнесмены обязательно имеют связи в политических кругах, получают займы и субсидии от правительства, участвуют в процессе приватизации или занимают важные государственные посты, сохраняя при этом связь с собственными компаниями. Следует заметить, что российские компании, контролируемые олигархами, добились колоссальных успехов — гораздо более значительных, чем те, кто остался под контролем государства. Это, конечно, не означает, что олигархи озабочены благополучием общества и что они не извлекают выгоды из любовных соглашений с правительством. Но так происходит везде, то есть во всех странах со средним достатком. На самом деле олигархи выкачивали средства из государственных компаний, чтобы иметь возможность при случае покупать новые. А став полными собственниками компаний, инвестируют их ради повышения производительности, а значит, и прибыли. Конечно, российскую экономику не назовешь хрестоматийным эталоном капиталистических отношений. Но утверждать, что она — уникальный урод, было бы слишком безграмотным преувеличением. Это касается и коррупции, и демо-

кратии, и свободы прессы. Пессимистически параноидальное мнение о России происходит из-за ряда психологических, идеологических и чисто политических факторов. Многие западные обозреватели остро реагируют на бедственное положение нищих пенсионеров на фоне чрезмерной роскоши сверхбогачей. Но это в лучшем случае. А для многих это была погоня за сенсацией, эксплуатация страхов западного обывателя. Кроме того, левые интеллектуалы использовали образ России как пропагандистский постер против глобализации. Все стечения оттого, что думали, будто Россия до перестройки представляла собой высокоразвитую и процветающую державу. Однако существовало качественное различие между ней и большинством по-настоящему развитых капиталистических стран. Сейчас Россия — нормальное государство среднего достатка со всеми *недо...*, вытекающими из этого. Главное, что импонирует авторам, — она перестала быть «империей зла», терроризирующей соседей и собственный народ.

Вот и **И. Аверкиев**, который является отнюдь не сторонним наблюдателем, а председателем Пермской гражданской палаты, отмечает в политической культуре заметные успехи, которые, как всегда, сопровождаются и «некоторыми недостатками» (**«Победы и поражения прав человека в России»** — «Российский бюллетень по правам человека», вып. 18). Какими же? Соблюдение прав, например, имеет в основном положительную динамику, однако наряду с этим по-прежнему применяются незаконные методы дознания и следствия, фактически пыткой являются условия содержания в российских следственных изоляторах. В армии сохраняются варварские обычаи издевательств старослужащих над новичками. Унижениям и всевозможным тяготам подвергаются сироты в детских домах, душевнобольные в «психушках», старики и инвалиды в специальных интернатах. Чудовищным пережитком распространяется по России рабство. В полурабском подневольном состоянии живут многие мигранты. Широко используется принудительный труд заключенных и военнотружеников срочной службы. Работа на многих российских предприятиях стала школой бесправия для миллионов российских граждан: несмотря на экономический рост, многие работодатели используют практику теневого найма, экономя на зарплате, социальных налогах, обеспечении безопасных условий труда. Неумелая раздача государственных льгот и привилегий разрушает и без того хрупкую систему государственной защиты. По сути, государство помогает не тем, кому нужно, а тем, кому помогать выгоднее или проще. Самым незащищенным и малообеспеченным (сироты, дети из бедных семей, одинокие старики и инвалиды) достаются лишь крохи от государственного социального пирога. Дома призрения (детские дома, больницы, интернаты для пенсионеров и инвалидов), да и тюрьмы и казармы являются территориями, свободными от прав человека, или, точнее, территориями, где соблюдение прав человека зависит от доброй воли начальников и обслуживающего персонала. Наиболее запущенная государством сфера прав человека — это права, определяющие качество жизни: право на образование и медицинское обслуживание. Проблема свободы совести приобрела новое звучание. Становясь модным, формально-обрядовым, православие постепенно превращается в государственную религию. Постоянным испытаниям в России подвергается свобода слова. Она зависит от приказов и капризов собственников СМИ,

в том числе и государственных. Наиболее массово и повсеместно нарушается право граждан на доступ к информации о себе. Ситуация настолько остра, что впору вводить новое право человека — право на справку. Авторские права не соблюдаются в таком масштабе, что творческий цвет нации по своему реальному положению низведен до уровня бесправных поденщиков. Экономические права, свобода предпринимательства отданы на откуп чиновничеству и криминалитету. Подавляющее большинство российских чиновников просто не знают, что такое права человека. Отсюда: Просветительство есть насущная проблема российского общества. Человеческое Достоинство и Свобода нуждаются в честной и грамотной поддержке.

Н. Шмелева заботит **«Духовное здоровье российского человека»** («Современная Европа», № 1), которое, по его мнению, никуда не годится. Причины недуга — Октябрьская революция. Ее основной итог — уничтожение лучшей в умственном, нравственном и даже физическом отношении части нации. При советской власти произошла всеобщая деградация популяции. Принцип «цель оправдывает средства», в течение всего XX века бывший проклятием России, получил всеобщее и повальное распространение, а в конце века был легализован верховной властью и принят как руководство к действию. Надежды на постсоциалистические преобразования не сбылись. Псевдодемократическая власть социалистического произрастания за времена своего правления бесстыдно обманывала российское общество. Развал единого государства, тотальная государственная конфискация всех сбережений населения, дармовая приватизация общенародной собственности (нищая Боливия за приватизацию в государственную казну принесла 93 млрд долларов, Россия — 9), афера с ваучерами породили в стране убеждение, что новая «демократическая» власть, как и прежняя советская, ведет с обществом игру без всяких правил и без каких-либо морально-нравственных тормозов. Под стать правительству действовали и крупнейшие российские бизнесмены, которых сама власть «назначила миллиардерами». Не на высоте оказалась и творческая интеллигенция. Она разобщена, ее не слушают, и в значительной своей части она обществу не нужна. Однако Шмелев верит, что нижнюю точку своего морально-нравственного падения страна уже прошла. Вопреки распространенному мнению, российский человек в своей массе ничем не хуже, не глупей и не ленивее никого другого в мире. Просто нельзя ожидать от человека каких-то духовных устремлений и высокой нравственности, если он прозябает в беспросветной нищете (40% населения). И можно ли предъявлять к нему высокие духовно-нравственные требования, если в повседневной жизни его окружают повальная коррупция властей, засилье криминала, безнаказанные убийства и массовое воровство, беспардонная алчность и выставляемая напоказ наглая роскошь мошенников. Шмелев убежден, что если нам суждено иметь когда-нибудь действительно нравственно здоровое общество, то будет это не раньше, чем мы сумеем удовлетворить и надежно защитить базовые потребности человека. Никакие идеологические химеры и «великие» идеи не помогут, если Россия не изживет два существеннейших национальных недостатка: неуважение к личности, к отдельной человеческой жизни и неуважение к собственности. Без этого трудно рассчитывать на какие бы то ни было гражданские доб-

родетели. В пределах жизни одного поколения Шмелев считает вполне возможным разрешение самых жгучих социальных проблем. Это — повысить недопустимо низкий уровень зарплаты и пенсий (государство платит меньше, чем шло на содержание раба в Древнем Риме), ликвидировать разрыв в доходах между «верхами» и «низами» и найти приемлемый компромисс между коммерческим и некоммерческим подходами в социальном обеспечении населения. Главная ответственность за все эти столь необходимые обществу и отдельному человеку преобразования ложится, естественно, на плечи государства. Поэтому России нужно не меньше, как этого требуют либералы, а больше государства, чем она сейчас имеет.

В. Плосконосова («Русский абсолютизм и динамика социальных изменений» — «Клио», № 2) полагает, что трудности развития российского общества еще со времен Петра I были вызваны стратегическими просчетами правящей элиты в выборе способов и путей социально-экономических преобразований. Этот выбор часто происходил без учета культурно-исторических традиций страны и осуществлялся механическим заимствованием опыта государственного строительства западноевропейских стран. Да и сами наши культурно-исторические традиции толковались на западный манер, без учета русской специфики. Так, крепостное право историки имеют обыкновение рассматривать как разновидность рабства. Несомненно, крепостная система основана на деспотизме и подданническом повиновении. Но социальные статусы русского крепостного и раба качественно различны. Крепостной крестьянин имел свой дом и орудия труда, земельный участок, на котором самостоятельно хозяйствовал. За крепостным стояла община и патерналистское (отечески строгое, но заботливое) государство. Крепостную кабалу автор трактует как личную неэкономическую зависимость, которая выражалась всего лишь в прикреплении к месту жительства и сословию, в ограничении прав на собственность, на совершение гражданских сделок, на выбор профессий и занятий, не говоря уже о таких пустяках, как подвергаться телесным наказаниям или продаже. Помещик, таким образом, выступал не как деспот, а как легитимный посредник между крепостным и государством. Он был ответственен не только за порядок сбора податей и повинностей, но и за поддержание минимальных условий жизни крестьян, за оказание помощи нуждающимся и страждущим, а также побуждал их к полезному труду. Крепостничество как социальная система в самой себе имела инновационную энергию. Крестьянскую общину как социальную единицу автор считает звеном динамической взаимосвязи крепостничества и модернизации, коллективизма и индивидуализма. Под влиянием разнообразных факторов крестьянство само изменялось в сторону большей свободы (вовлекалось в рыночное хозяйство). Эволюция общины в сторону индивидуализма сопровождалась изменением законодательства, и это способствовало поддержанию социального порядка. Климатические условия и географическая необъятность пространств России порождали экстраординарные проблемы и трудности и подталкивали общество к формированию мобилизационной модели (быстро набрать и поставить действовать трудовую или военную армию) с использованием авторитарных форм правления. Российскому самодержавию удалось обеспечить подчинение культурного порядка политическому. Политическая сфера была

монополией монарха. Экономическая — децентрализована и предоставлена самостоятельности широких слоев общества. Однако самостоятельность не должна была нарушать систему крепостного права. Эта модель прекрасно действовала, ведь целостность крупномасштабной социальной организации на огромном территориальном пространстве долго одним насилием деспотической власти не удержишь. В русской цивилизации, в отличие от европейской, внимание акцентировалось не на правах граждан, а на их обязанностях, связанных со служением государству. Так называемое соборное согласование интересов образовывало динамическое единство личности и общества. Сакральным символом и выражением религиозно-нравственных идеалов стал образ царя как носителя правды, справедливости и добра. Монархо-архаические отношения определили неравномерность (асимметрию) развития отдельных сфер общества России. Сама имперская идея исходит из того, что эта неравномерность не губительная, а полезная основа соединения разнородных частей общества и государства. Эту полезность следует учитывать в современных условиях социальных преобразований России. Автор признает возможность и необходимость экстраполяции исторического опыта интеграции разнородных (неодинаково полноценных в правовом смысле) слоев и групп самодержавной империи (дворян и крестьян, богатых и бедных, земледельцев и кочевников, православных и иноверцев) в сегодняшнюю жизнь.

В. Давидович и Е. Золотухина-Аболина переводят разговор о модернизации российской социальной действительности *в сферу идеологии* («Повседневность и идеология» — «Философские науки», № 3). Любая идеология (религиозная и политическая), прикрываясь ценностями повседневности, на самом деле отрицают их или, точнее, требуют отказа от них во имя чего-то иного. Вообще, идеология — это призыв к Жертве ценностями повседневности. Вместо ценностей повседневности выдвигаются иные — надповседневные, общенациональные, общегрупповые, общечеловеческие или трансцендентные ценности. Ценности идеологий являются результатом целенаправленной и сознательной деятельности специалистов-идеологов. Идеология гипертрофирует отдельные моменты, которые присущи повседневной ценностной структуре, она нарушает естественно складывающийся баланс между «коллективизмом» и «индивидуализмом» и приводит к крайностям. Призыв к сегодняшней жертве во имя чего угодно (единства государства, веры, нового порядка, грядущей справедливости), т.е. ради победы будущего над прошлым — типичен для идеологии. Тема свободы трактуется по-разному, но общее для всех вариантов — свобода выбора служения тому, что не является «просто жизнью» (обыденностью). Эмоции и страсти, которые владеют людьми в повседневности, идеология стремится обострить и раздуть и, главное, использовать в социальной практике. Разные идеологии сосуществуют, борются, одолевают одна другую. Единственное, что оказывается невозможным, — это полная смерть идеологий. Они не исчезают, но преобразуются. Патриотизм, например, разве не национальная идеология? Разве он не может быть движущей силой модернизации?

М. Акулич и Н. Дмитриева не хотят ополчать патриотизм названием «идеология». Они вместе с Лениным считают *патриотизм* одним из самых древних и глубоких чувств, хотя и не прочь утилизировать его энергию («Пат-

риотизм в системе нравственных ценностей россиян» — «Безопасность Евразии», № 2). Русский патриотизм, возраст которого, по их подсчетам, не менее восьми тысяч лет, возвышает каждого отдельного индивида над этническими корнями и выдвигает на первый план его принадлежность к стране. Он охватывает все государство по внешнему контуру, объединяя его граждан вне зависимости от национального происхождения. Патриотизм — это «деятельная любовь» к стране, когда забота о ней становится заботой о себе. Патриотизм как гражданственное отношение к действительности создает социальную платформу героического поступка. Героизм и самопожертвование — это наиболее яркие, но и наиболее трудно объяснимые проявления патриотизма. Не удовлетворяясь множеством уже существующих теоретических объяснений, почему человек может пожертвовать жизнью ради других, наши авторы переводят объяснение в практический план. Они считают, что — «это реакция подсознания, которая как ни крути, является абсолютной, хотя бы потому, что она выходит за пределы контроля со стороны сознания». Объяснение решительное, но вряд ли эффективное, с педагогической точки зрения. Оба автора учат и воспитывают студентов.

Р. Яновский (член-корреспондент РАН и доктор философии) и **В. Патрушев** (профессор и доктор социологии), не полагаясь на подсознание, пытаются прояснить суть патриотизма как феномена общественного сознания, все-таки переводя его на уровень идеологии. Предметом их внимания стала «**Идеология патриотизма**» («Безопасность Евразии», № 2). По их мнению, демократическая идея оскудела, и сейчас, на переходном этапе российской цивилизации, необходимо сделать упор на формировании государственной идеологии патриотизма. Патриотизм зиждется на идее солидарной заботы о будущем, и именно такая идея способна объединить людей и подвигнуть их на созидательный труд. Власти надлежит перестроить не только реальность — экономику, — но и скорректировать субъективное отношение людей к этой реальности, т.е. трансформировать образ социального мира. Дух западной идеологии, манифестированный в протестантской этике — индивидуальное спасение на основе обретения земных благ, — нам не подходит и несовместим с духовным наследием нашего народа. Идеологию патриотизма авторы основывают на понятии «бытие народа», которое в свою очередь являет собой конгломерат базовых ценностей: стремление к социальной справедливости и порядку; материальное благополучие; социальное здоровье; государственность; народовластие; общинность, соборность, коллективизм; многообразие форм собственности; семья как основа общества. Ни одна из известных общественно-политических формаций требованиям идеологии патриотизма не соответствует. Ни капитализм, ни социализм не годятся, ибо жертвой политики этих режимов во всех их формах и направлениях становится рядовой гражданин, что недопустимо. Авторы предлагают третий путь общественного развития — ноосферно-корпоративная модель (социально ориентированная рыночная экономика с многообразными формами собственности; сильное государство с развитыми механизмами демократического регулирования; приоритет национальных культурных ценностей; государственное финансирование культуры, науки, образования). Общая стратегия управления страной основывается на осознании «государственной идеи

патриотизма». Создание ненасильственной идеологии и мировоззрения патриотизма зависит от решения проблем научного мировоззрения, которые выходят за пределы науки и философии западного типа. Наука психология должна обеспечить мощную связь между всеми областями человеческого знания (естествознания и обществоведения). Исключительная роль в формировании идеологии патриотизма принадлежит интеллигенции. Попутно дается новое определение интеллигенции — это «категория населения, живущая своим трудом и работающая в силу своего интереса». Главная особенность труда интеллигенции есть то, что «его движущим моментом является истинная вера» (вера в свой народ). Авторам очевидно, что главную духовную опору народам нашей страны надо искать не столько в религии, сколько в «возрождении государственной идеологии патриотизма».

О. Ермишин («В поисках русского мировоззрения» — «Философские науки», № 3) сравнивает соображения на этот счет Флоренского, Эрна и Франка, русских философов, забытых в пору строительства реального социализма. Франк, по его мнению, корректнее и точнее сформулировал то, что остальные интуитивно предполагали. Франк утверждал, что «русская философия в гораздо большей степени, нежели западноевропейская, является именно мировоззренческой теорией, и что ее суть и основная цель никогда не лежат в области чисто теоретического, беспристрастного познания, но всегда — в религиозно-эмоциональном толковании жизни». Если для западной философии естественна формула «мыслью — значит, существую» — путь от познания к бытию, то русские мыслители шли от бытия к познанию. Русская философия определяется не идеалом «чистого познания», но направлена на поиск религиозного спасения. Русское мировоззрение имеет ярко выраженный практический аспект. Человек богоподобен не разумом, а тем, что корни его существа уходят в таинственные глубины и обладают богоподобной неисследимостью и сверхрациональной творческой силой, однако это не избавляет его от необходимости рационального (разумного) осознания своего бытия. Что, в свою очередь, требует от человека осмысления прошлого и прозрения будущего.

«Мост между прошлым и будущим» — это настоящее. **В. Карлов** взял слоган из лирического хита эпохи развитого социализма для презентации исторического сознания. («Заметки на «мосту между прошлым и будущим», или историческое сознание этноса как феномен и объект изучения» — «Этнографическое обозрение», № 2). Под историческим сознанием он понимает представления большинства современников, относящих себя к конкретному сообществу-этносу, по вопросам прошлого, настоящего и будущего своего народа. Основой таких представлений служит историческая память народа. Она есть величина переменная. Как известно, одни события оставляют неизгладимый след, о других память держится лишь недолгое время, оставаясь зафиксированной в письменной традиции или трудах историков, третьи и вовсе проходят незамеченными, хотя их влияние на ход истории было значительно. Историческое сознание есть рефлексия исторического знания. Когда речь идет о большом народе, представления об исторических событиях или исторических персонажах сильно разнятся и консенсус достигается плебисцитом (всенародным решением). Историческое сознание —

и поле, и инструмент плебисцита. Есть историческая информация (знание), но и есть способ ее восприятия-осознания, зависящий от настроения народного ума — идеологии. От последнего зависит понимание «правильного» и «неправильного» в истории народа. Внеидеологической, беспристрастной хроники исторических событий быть не может. В любом случае это большее или меньшее приближение к истине, достигаемое средствами всестороннего научного анализа. Однако национальный (идеологический) интерес, очищенный фильтрами объективного сознания, непременно должен присутствовать и в работе ученого как гражданина. Итак, ученый ближе всех к «правильному» пониманию истории, но по силе воздействия наука значительно слабее всех других источников исторического сознания (школьное образование, СМИ, семейные предания и проч.). А особенно сейчас в России. Древние китайцы говорили: «Нет ничего труднее, но и поучительнее, чем жить в эпоху перемен» («И Цзин», 6 в. до н.э.).

Не лишено поучительности и *сравнение проектов перемен*. В. Сапон сравнивает два радикальных варианта трансформации общества России: сегодняшний, предлагаемый лидером национал-большевиков Э. Лимоновым, и давешний, сочиненный 130 лет назад теоретиком анархизма М. Бакуниным («Апостолы другой России» — «Свободная мысль XXI», № 10). Несмотря на максимализм обоих, они не представляются автору фанатиками бунта «бессмысленного и беспощадного». Мечтая о разрушении всех элементов института государственности, оба предлагают позитивные варианты социального управления. Движущая сила революционных преобразований и у того, и у другого — маргинальная молодежь. Различия во взглядах объясняются, конечно, разницей исторического времени и технологическими ресурсами, которые окрыляли воображение преобразователей. Силу паразитов нельзя сравнить с атомной энергией. Кроме того, и формальная сторона подачи проектов весьма различна. Но это Сапон объясняет различием «профессиональной» подготовки. Бакунин — оппозиционный политик, представитель революционной контрэлиты, философ; а Лимонов — маргинальный литератор. Например, Бакунин как рациональный политолог проектирует освобождение человечества сдержанно и научно: сначала образование первоначальных ячеек, основанных на индивидуальной и коллективной свободе, потом добровольное формирование округов с общими органами власти (законодательное собрание и суд), потом федеральный союз нации и, наконец, Международная Федерация, возглавляемая Директорией и Высшим Международным Великим Советом (*мухи дохнут...*). То ли дело Лимонов: насыщенная опасностями и героизмом жизнь в вооруженных кочевых коммунах, свободных содружествах женщин и мужчин на основе братства, свободной любви и общественного воспитания детей. Центры закабаления людей государством — города — ликвидировать. Промышленность, которая останется, пусть займется обслуживанием потребностей новой цивилизации кочевников (безудержное производство средств передвижения, скромная и прочная одежда, легкие жилища, утварь и вооружение). Попутно предполагается также развитие Интернета, генетики, сверхтелевидения и т.п. Политическая сторона: вооруженные коммуны, управляемые советами как «изначальные племена», объединяются в Орды, а те в Наци-

онал-Большевистскую Империю. И не следует бояться противоречий и несогласий между вооруженными коммунами; творческая агрессивность сепаратизма предпочтительнее тюремного порядка глобализма. Сапон, видимо, сам вдохновился такой казацкой вольностью и готов славить обоих «апостолов» как «пассионариев-идеалистов, жаждущих истины и справедливости, зовущих к экзистенциальному бунту», готовых на всяческие жертвы во имя превращения утопии в реальность.

В. Петрухин в статье «**К историческим истокам русской традиционной культуры: проблема «языческого» наследия**» («Традиционная культура», № 1) защищает подлинную традицию. Современная российская наука приложила немало усилий, чтобы по достоинству оценить древнерусскую литературу и культуру в целом и реабилитировать ее после уничижительного высказывания А.С. Пушкина: «Несколько сказок и песен, беспрестанно повняемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником нашей древней словесности». Профессиональные исследователи и романтики-дилетанты с энтузиазмом ищут следы грандиозного языческого прошлого. Но, увы, древнерусская книжность, даже в ее апокрифических вариантах, никакого основания для этого не дает. Все известные памятники, безусловно — христианские и православные. Называние Бояна Велесовым внуком, а всех русских внуками этого языческого божества (в «Слове») не более, чем литературный прием. Петрухин настаивает на том, что язычество в древнерусской книжности всегда воспринимается как кощунство и выступает в качестве «отступлений», метафор, эпитетов (поэтических тропов). Евгемерическая традиция изображать языческих богов царями и героями древности, которая позволяла христианским авторам в других литературах (Византия) использовать античный миф, чтобы избежать обвинений в язычестве, на Руси известна только в «Слове о полку Игореве». Языческие боги для русских книжников были бесами и не могли иметь потомства, все античные мифы воспринимались как «кощунства». Все эти Лады, Лели, Ярилы сочинены романтиками начала XIX века. (А.К. Толстой писал: «...от муз с харитами хоть тресни»). Фундаментальные исследования языческой религии древних славян Б.А. Рыбакова, по мнению автора, служащие идейной основой современного «неоязычества», запальчиво строились на антитезе положениям русского филолога начала XX века Е.В. Аничкова: «Особенно убого было язычество Руси, он сравнивал его с языческими культами варварской Европы, жалки их боги, грубы культ и нравы. Не поэтическое смотрела Русь на природу, и не создавало воображение никакой широко задуманной религиозной метафизики». Петрухин полагает, что нынешнее конструирование «Велесовой книги» (которую он считает подделкой) есть следствие кризиса национальной идентичности и вдохновлено поиском альтернативных коммунизму и православному христианству истоков. Никакого русского двоеверия не было, и языческие пережитки на Руси были ассимилированы, как повсюду в Европе, культами христианских святых. Начало летописной истории и династии Рюриковичей было связано собственноручно с исторической, а не мифологической традицией. Русские, как славяне и другие народы Европы, считались потомками праотца Иафета (один

из сынов ветхозаветного Ноя, которые «населили всю землю»), а не языческих богов.

«Нет ничего жалче, смешнее и нелепее усилий книжного народа для создания подложной старины» — эта мысль русского философа-славянолюбца Хомякова вынесена **А. Шамшуриным** и **В. Шамшуриным** в эпиграф их статьи «**Концепция слова А.С. Хомякова**» («Человек», № 4). Они полагают, что любая идеология, в том числе и называемая «русской идеей», должна иметь рациональное зерно, обоснованное и апробированное интеллектуальным опытом прикладных наук и социальной практики. Для убеждения в достоинствах своей национальной культуры не нужно выдумывать недоказуемых аргументов, как, например, поступают с «русским письмом», якобы существовавшим на Руси до азбуки Кирилла и Мефодия. По поводу подобных теорий еще Михайло Ломоносов говорил: «Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу». А кроме того, такая патриотическая ревность не по разуму ставит под сомнение истинность равноапостольской проповеди и самих святителей словенских. Да и все достижения последующей русской письменности, все, что запечатлено кириллицей, исконно ли русское?! Отнюдь не мнимые основания для «русской идеи» Шамшурины находят в наследии Хомякова, в его особом почитании СЛОВА. По его глубокому убеждению, для которого он приводит вполне научные обоснования, славянская (русская) культура обладает ярко выраженным словесным характером, она филологична. Славянин — человек, владеющий словом. При этом словом особого рода — художественным, поэтически-эмоциональным, сердечным. Эстетическое чувство, по Хомякову, обладает высшей познавательной ценностью. Ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам, а чувство художника — внутреннее чувство истины — ни обмануть, ни обмануться не может. Такой способ видения мира находит наиболее адекватную форму выражения в русском языке, который отмечен особым свойством произношения звуков. Хомяков называет это полногласием. В истории своей от многих языков русский перенял много слов, но «сохранил неприкосновенным, неизменным свой характер полнозвучности и величия». Ни у кого нет «такого соединения металлического звона и полноты, основанной на преобладании гласных **а** и **о**». По его мнению один только язык повторяет в ухе впечатление, производимое русским, — санскрит. Концепция полногласия дала возможность Хомякову предположить и особую органическую predisposition русских к восприятию христианской культуры, духовного образования, усвоению «образа и подобия» Божия. Филологические открытия Хомякова, как и многое связанное с историей славянства, остались обойденными вниманием западной науки. Хомяков находил объяснение, но не оправдание, этой нарочитой невнимательности, которая не преодолена и в нынешнее время.

А. Богданов проигрывает альтернативный вариант *русской истории*, застав ее на «развилке» 1242 г., на Чудском озере («Ледовое побоище или союз Европы?» — «Клио», № 2). Вот-вот начнется битва дружины Александра Невского с рыцарями Тевтонского ордена, с братьями-христианами. И это когда монгольская армия, превосходящая европейцев уровнем организации, мобильностью, тактическим мастерством, вооружением и, наконец,

воинским духом, была готова завершить покорение евразийского материка. У европейцев было время объединиться перед лицом смертельной опасности, разгромить ордынцев и начать завоевание Азии, повторив подвиг Александра Македонского. Да и новгородский князь Александр Невский мог заключить мир с крестоносцами (расхождение в вероучении были не велики) и удержать отца от получения от Орды ярлыка на княжение во «всем Русском языке» (отсюда и началось пресловутое иго). Но камнем преткновения стала власть Папы Римского, которая для православных тошнее смерти. Политическое объединение всех христиан, по мнению Богданова, было возможным, если бы внутриевропейский конфликт между императором «Священной Римской империи германской нации» Фридрихом I и папой Григорием IX разрешился в пользу императора. Тогда бы союз русского князя и крестоносцев против монголов давал шанс Европе победить в богоугодном деле и, может быть, избежать длинного ряда последующих кровавых политических и религиозных войн и революций. Свои рассуждения Богданов подкрепляет и реальной фактологией, и подсчетом вооруженных сил предполагаемой объединенной Европы. Стратегические (геополитические) перспективы даже с точки зрения участников событий были весьма заманчивы: оттеснение наступающей Орды за Дон и Волгу, укрепление рубежей по Волге и восточной границе Кавказа, защита Малой Азии и Святой Земли, занятие всего берега Средиземного моря и Севера Африки. Однако предполагаемый Богдановым столь выгодный союз не состоялся. Многие исследователи мотивируют действия исторических лиц «государственными интересами», однако это ничего не объясняет. Истина, полагает Богданов, в том, что государственные деятели в своей практике руководствуются исключительно частными, личными, корыстными, узкоэгоистическими интересами: сохранить власть, уничтожить ближайшего врага, быстро обогатиться. Итак, не человеческий разум направляет историю, но это оказывается и к лучшему. Православные славяне целее всего сохранилось на землях Орды и Османской империи, Запад их притеснял и попросту истреблял. Богданов любит Европу, но вынужден признать, что в реальной истории мечу Александра Невского (Ледовому побоищу) не было альтернативы.

К истории русской вольницы обратился А. Кадырбаев («Пираты смутных времен» — «Восточная коллекция», № 1). Первые сведения о российском пиратстве, то бишь об организованном частными лицами морском разбое, восходят к четырнадцатому веку. Называли промышляющих этим ремеслом людей «ушкуйниками» (ушкуй — плоскодонная весельно-парусная лодка). Первоначально ватаги ушкуйников формировались в Великом Новгороде. Оттуда они спускались к Каспийскому морю или ходили по Каме и Уралу. Советские историки трактовали их деятельность как форму социального протеста или национально-освободительного движения против Золотой Орды. Однако ушкуйники грабили равно ордынских и русских, последних даже чаще, потому что те были слабее. Грабили и разоряли целые города на Волге, на побережье Каспийского моря; по Дону ходили в Азовское и Черное моря. Отсюда есть пошло и казачество. Казак — слово тюркское и первоначально означало человека «свободного», «бездомного» «изгнанника», «скитальца». На Руси казаками стали звать людей без опре-

деленных занятий и определенного места жительства, «вольных», гулящих людей. Родиной этих были южные степные окраины Московской Руси и Украины, смежные с водными пространствами Волги, Днепра, Дона, Урала, Каспийского, Азовского и Черного морей. Национальный состав был разнообразен, но к шестнадцатому веку казаки обрусели. Как и ушкуйники, казаки строили и укрепляли свои поселения на больших речных островах (Хортица на Днепре — Запорожская Сечь, Черкасск на острове среди Дона) или на стрелках рек (Яицкий городок на соединении Урала и Шагына). Одной охотой и рыболовством не проживешь — пиратство стало основным промыслом. На стругах (весельные лодки до 20 метров) совершали морские набеги в пределы Османской империи и Крымского ханства. Расцвет русского пиратства на Волге и Каспийском море был во времена Степана Разина. Степан, человек бывалый, умный, смелый и жестокий, собрал ватагу донских казаков и пошел «гулять», грабя караваны русских торговых судов. Совершал с моря набеги и на прибрежные села и города Дагестана и Ирана. В 1669 году разбил и разграбил персидский флот (тогда же взял в плен персianскую княжну), пришел в Астрахань, «бил челом» русскому царю, получил «милостивую грамоту», но послушным воле царя был недолго, а в 1670 году собрал свою разбойную армию и двинулся вверх по Волге на Москву. У Симбирска был разбит, потом сдался в плен, казнен и проклят. После него на Каспии разбойничали яицкие казаки. Самый знаменитый из них Ермак удостоился лучшей участи. Разбойное его дело обернулось великой государственной пользой, ибо положил он начало присоединения к России Сибири и Дальнего Востока. Иван Грозный пожаловал ему титул «князя Сибири», а церковь канонизировала. Подобной чести не удостоились даже такие знаменитости, как получившие дворянское достоинство и звания адмиралов английские пираты Генри Морган и Френсис Дрейк. Петр I, а за ним Екатерина II натерпевшись казацкой вольницы (восстания Кондрата Булавина и Емельяна Пугачева), уничтожили Запорожскую Сечь и автономию Яицкого казачества. С тех пор «сарынь на кичку» никто не звал.

М. Громыко ворошит загадочную историю и выясняет «**Мог ли император Александр I стать праведным старцем Феофором Кузьмичом? О религиозной жизни государя в 1812-1825 годах**» («Традиции и современность», № 3). Для ответа на вопрос, выведенный в заглавие статьи, он считает целесообразным испытать совесть Александра I как верующего человека в последний период его правления. И делает это весьма скрупулезно, замечая, что в целом царь вел исключительно интенсивную церковную жизнь. Этому находится масса свидетельств. Особенное внимание уделяется влиянию на состояние духа государя архимандрита Фотия. Либеральная и революционная историография заклеивали «обскурантизм» последнего, называли его фанатиком, приписывали «гибельное» подавление им воли и духа Александра I. Наш автор придерживается другого мнения и более согласен с отзывом митрополита Санкт-Петербургского Серафима, который Аракчееву писал «о пламенном усердии и ревности архимандрита Фотия к соблюдению веры отцов наших неприкосновенною...» и считал, что тот полностью посвятил себя Богу и восходит к совершенству христианской жизни, чуждый всякого желания временных наград. Небезосновательным Громыко счи-

тает и вывод безымянного биографа, который, подводя итоги пятидесятилетней полемики о Фотии, в 1894 г. писал, что он «навсегда останется одной из замечательных исторических личностей XIX века» за то хотя бы, что стал виновником главного переворота в русской религиозно-общественной жизни, каким ознаменована вторая половина царствования Александра I. А переворот заключался в роспуске Двойного министерства (Министерство духовных дел и народного просвещения) во главе с князем А.Н.Голицыным, который сам был охвачен идеей некоего универсального «нового христианства» надконфессионального типа. Используя власть обер-прокурора, он во имя веротерпимости способствовал проникновению в русское общество различных течений протестантско-сектантского толка. Решительные действия царя, конечно, отмечены влиянием Фотия, который не скрывал своих убеждений и прямо говорил Голицыну: «Умоляю тебя Господа ради: остави ты книги, кои в течение твоего министерства изданы против Церкви, власти царской и противу всякой святыни и в коих ясно возмещается революция». Но важнее было глубокое духовное влияние Фотия на личную и церковную жизнь государя, которая шла исключительно интенсивно. Кроме частых индивидуальных богомолий и официальных посещений церквей, он старался, по отзывам, жить как частный человек, сторонясь свиты, избегая придворного этикета, предпочитая этикет церковный. Сам Фотий так передавал слова Александра I в одном из последних с ним разговоров: «Люблю я монастыри и твоих монахов полюбил»... а потом позвал меня в мою дальнюю келью, был разговор о делах Божьих и о спасении души». Последние слова Фотий подчеркнул. Итак, утверждение, что Александр I по самой сути своей не мог стать старцем Феодором Кузьмичем, делается по причине полной неосведомленности о религиозной жизни Государя в последние годы царствования. Приведя многие свидетельства, Громыко полагает, что такая идентификация возможна. И еще — как аргумент в пользу своего суждения — он приводит очень убедительный факт: в документах приближенных к царю лиц сведения о церковных поминальных службах о нем датируются не годом его смерти — 1825, а годом смерти Феодора Кузьмича — 1864.

Е. Дмитриева публикует «Письма В.Ф. Одоевского великой княгине Марии Павловне» («Вестник Российского гуманитарного научного фонда», № 1). Мария Павловна — дочь российского императора, она носила титул «императорское высочество» и состояла в дружбе с Шиллером и Гете. Одоевский, знаменитый в начале XIX века писатель, возглавлявший общество Любомудрия, одно время был ее культурным атташе. В одном из писем он пытается объяснить ей причину непонимания России в Европе. Аргументация может послужить образцом и для сегодняшних объяснений того, чего никто не может понять, не родившись русским. Иностранцы, пишет он, забывают, что в России «нет предмета не многослойного». Немцы, например, в разговоре с ним жаловались на плохие дороги в русских городах. Одоевский предложил им рассмотреть этот предмет как чисто физическое явление. Он указал на действие мороза, не известного на Западе, и прочих обстоятельства, которых не найдешь ни в одном курсе физики. Совестливые собеседники сознались, что, действительно, мостовая в России «есть физическая проблема, которая не

может быть определительно решена — в настоящем состоянии европейской науки». Этот простой пример он предлагает для решения самых важных вопросов. Обратись к физике, и тогда всякое дело встанет как оно есть само по себе. А западная теория и практика могут служить русским по большей части предметом удовлетворения лишь умственного любопытства.

А. Миндлин в статье «**Политика С.Ю. Витте по “еврейскому вопросу”**» («Вопросы истории», № 4) обнаружил согласие с мнением очевидцев-современников о том, что «еврейский вопрос в России начала XX века превратился буквально в центральный, чуть ли не роковой вопрос общественной жизни». Он анализирует роль Витте (министр финансов 1892-1906 гг.) в разрешении этого вопроса. Представления евреев о благожелательном отношении к себе министра, по мнению Миндлина, сильно поколебал его закон о винной монополии, по которому ликвидировалась система откупов по обычному тогда мотиву вреда частной еврейской питейной торговли, и она полностью передавалась в ведение государства. Хотя реформы, бесспорно, принесли пользу стране в целом, в западных губерниях, где была черта оседлости, множество евреев лишилось средств к существованию. Витте, по его собственным утверждениям, «систематически возражал против всех новых мер, которые хотели принимать против евреев». Однако такие реформы, как введение винной монополии, показали его невнимание к нуждам евреев. В начале 1904 года Витте предлагал «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев» и сохранить лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и «явной пользой русского народа». Неопределенность проекта помешала уравнению евреев в правах. После 9 января 1905 года правительство получило повод называть евреев «зачинщиками революции». И только Витте сделал иной вывод из факта революционности евреев. Он полагал, что враждебное к правительству отношение евреев происходит из-за гнета ограничительных законов. Но ошибка евреев виделась ему в том, что вместо требования себе равноправия с русскими они настаивали на «полноправии». Витте придерживался принципа, по которому евреям следует, игнорируя интересы всего русского общества, хлопотать лишь о собственных правах и воздерживаться от участия в общественных движениях, ставящих целью полноправие всего народа страны. А в общем, его благожелательное отношение к евреям расценивалось самими евреями как красивая фраза, и они считали его всего лишь «лучшим из худших».

В. Махлин размышляет над вторым изданием книги бесед Дувакина с Бахтиным. («**Тоже разговор**» — «Вопросы литературы», № 3). Жанр диалога, бытовавший в философии XX века, давал возможность обнаружить в мысли участников что-то такое, чего в монологических текстах никогда не возникало. Дувакин, университетский литературовед советской школы, был лично очень порядочным, искренним и честным человеком, его безупречное поведение во время процесса Синявского стоило ему университетской карьеры, но в этих беседах различие весовых категорий собеседников все же слишком очевидно, и оно — смущает. Кому интересны мысли Эккермана в «Разговорах с Гете»? Но Махлин все же склонен считать предложенные записи равноценным разговором. А ценность его заключается в том, что дает нам воз-

возможность сравнить два совершенно различных видения мира. Об одних и тех же вещах мы слышим суждения «освященного Октябрем» советского филолога Дувакина и «не освященного» — русского философа Бахтина, и филологией-то занимавшегося так... чтобы, по словам Н. Ключева, «умной рыбице в глубину всплеснуть». Для одного, например, по общепринятой либеральной легенде, петербургская Вольфила (Вольная философская ассоциация) — средоточие свободной мысли, для другого — «типичная русская такая, понимаете, болтовня... красноречие, главным образом либерально-демократического характера». Собеседники даже смысл употребляемых ими слов понимают по-разному. Для Дувакина «типичный интеллигент» — образ положительный, канонизированный в сознании культурного советского обывателя. Для Бахтина «типичный интеллигент» — синоним слабости, потому что «наивен, так сказать, совершенно», т.е. живет головным идеальным представлением, идеальным долженствованием, проецируемым издали на весь жизненный мир, на другое и на других, которых воспринимает только в свете этого своего «мировоззрения», сознательно слепого, то бишь идейного (не принимающего реальность всерьез), и в этом смысле, конечно, наивного. И это различие сказывается во всем, о чем бы речь ни заходила: о трагедии, о декадансе, о модернизме. Дувакину хочется пристегнуть Бахтина к какой-нибудь определенной, почитаемой ученой молвой группе единомышленников. Однако «Нет. Я ни к какой группировке не принадлежал», — отвечает Бахтин. Он сделал свой выбор и сделал его «раз и навсегда». Какой? Махлин только начинает об этом догадываться, но нам не говорит, предлагая записи «Беседы...» как поучительное чтение.

Кстати, об *интеллигенции*. **И. Казанин** строго озирает все наше так называемое интеллигентоведение и обнаруживает в нем три тенденции («Власть, интеллигенция и российская государственность» — «Клио», № 2). Одна — славянофильская (Панарин). Тут берется одно или несколько качеств, например способность к критическому восприятию действительности или, скажем, внесение инноваций, представляется как сущностное или абсолютное и негативно интерпретируется. Получается, что интеллигенция все видит в черном цвете и ни на что кроме «разрушения устоев» и «обезьянничества» Запада не способна. Другая, западническая тенденция считает интеллигенцию иллюзорным образованием, идеологическим мифом (Ахиезер, Орлов, Левилов). Необходимая демифологизация сознания предполагает и устранение самой интеллигенции из общественной жизни и замену ее интеллектуалами Кремля, Белого дома и других субъектов российской политики, что сейчас и происходит. Особенно ополчаются на еврейскую интеллигенцию, считая ее «неблагожелательным элементом» государственного строительства (Ципко). Третья тенденция — «провинциальная» (Гловацкий и, видимо, сам автор). Российская провинция проявляет наибольшую научную объективность и академический демократизм. Исследователи этого направления фокусируют внимание на позитивной роли интеллигенции и стремятся подняться выше сиюминутной актуальности и спонсорских подачек. Именно здесь зреет идея о конструктивной реформации государственного строительства. В частности, о создании широкого слоя собственников своих знаний, умений, навыков, интеллекта (читай, ин-

телигенции). Повышение социального статуса этих людей и их количественный и качественный рост — это должно стать приоритетной задачей властвующей элиты. Именно эти люди являются основой модернизации. Именно они могут и должны стать основой политической стабильности и утверждения центризма не только в России, но и в мировом сообществе.

А. Савельев («Советский театр абсурда Андрея Амальрика» — «Вопросы истории», № 4) пишет о творчестве одной из самых загадочных фигур советского диссидентского движения — А. Амальрика. Все им написанное (беллетристическое, биографическое и историческое) он трактует как «абсурдистский реализм». Правда, увлекшись изучением и освещением проблем диссидентства, Амальрик сам попадает в абсурдное положение «изгоя среди маргиналов» (молва делает его «агентом КГБ»). Самым значительным достижением Амальрика Савельев считает абсурдистскую мемуаристику, представляющую собой творческий отчет о перформансах, разыгранных им в реальной жизни. Вклад в историографию скорее оригинальный, нежели значительный. Главное — метод критики исторической реальности с позиции (или в контексте) абсурдистско-экзистенциальной парадигмы.

Обзор подготовил Александр Денискин

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ НЕ В ЛАДУ САМ С СОБОЙ

Каждый праздник, основанный на каком-то давнем происшествии, превращается постепенно в привычный обряд. Взаимосвязь между определенной ситуацией в прошлом и сложившимся потом ритуалом с годами все более размывается, а иной раз совсем пропадает, и некий эпизод минувшего наглухо оплетают романтические предания вперемежку с прямыми небылицами.

Особенно густые заросли легенд окружают события, лежащие в истоках ежегодных торжеств 23 февраля.

Эволюция обряда

В боевом 1918 году, когда советские обычаи находились ещё в эмбриональном состоянии, день Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) справляли на воскресных митингах дважды: 10 февраля в Петрограде и 24 марта — в Москве. Петроградские большевики напечатали по такому случаю призывы к гражданской войне, а московские — провели заседание военной коллегии и порешили срочно разработать подробную инструкцию по организации Красной армии¹.

В не менее боевом 1919 году день Красной армии — «могильщика капитала» пришёлся на воскресенье 23 февраля и ознаменовался, как положено, «большими митингами» в театрах и на заводах². Наркомат по военным делам объявил в этот день конкурс на лучший марш Красной армии³.

Гражданская война, голод и разруха отнюдь не способствовали радужному настроению трудящихся; поэтому, вероятно, в 1920 и 1921 годах о дне Красной армии попросту забыли. Зато 23 февраля 1922 года произошли два

---

¹ Красная газета, 10.II.1918. Правда, вечерний выпуск, 9.II.1918, 11.II.1918. Известия Петроградского Совета, 24.III.1918. Новые ведомости, 21.III.1918.

² Правда, 21-23.II.1919. Известия, 21-23. II.1919.

³ Известия Народного комиссариата по военным делам, 23.II.1919.

**Виктор
ТОПОЛЯНСКИЙ**

— родился в 1938 году в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Доцент Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Автор нескольких монографий и ряда статей в области медицины, а также книги «Вожди в законе» (1996). Выступает как публицист в периодических изданиях, постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

«эпохальных», как выражалась тогда пресса, события: Президиум ВЦИК вынес постановление, обязывающее местные власти в течение месяца изъять из церковных имуществ «все драгоценные предметы из золота, серебра и камней», а нарком по военным делам и председатель Реввоенсовета Троцкий устроил военный парад на Красной площади, заложив тем самым традицию ежегодного всенародного торжества. Ровно в полдень «организатор и любимый вождь нашего воинства» принял рапорт командующего парадом и, обойдя полки, прокричал по привычке пламенную речь, приурочив четвёртую годовщину Красной армии к публикации ленинского декрета о её создании⁴.

Наркому по военным делам вторило политическое управление Петроградского военного округа. В пропагандистском сборнике, напечатанном к пятой годовщине октябрьского переворота, петроградские комиссары утверждали, что декрет Совнаркома от 23 февраля 1918 года заложил основы регулярной армии — *«вооруженного авангарда рабочего класса, акушера с винтовкой в руке при родах нового строя — коммунизма»*⁵.

Тут скрывалось, однако, какое-то противоречие. Декрет об организации РККА был принят на заседании Совнаркома 28 (15) января 1918 года. На следующий день, 29 (16) января, Ленин подписал декрет о выделении из Государственного казначейства 20 миллионов рублей на нужды заново формируемых воинских соединений; куда ушли эти огромные по тем временам ассигнования, осталось, впрочем, неизвестным. Оба декрета были опубликованы 1 февраля (19 января) 1918 года⁶. Спустя ещё 10 дней советское правительство вынесло постановление об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота; соответствующий декрет появился в печати 15 февраля 1918 года⁷.

Тем не менее Троцкий и в 1923 году настойчиво повторял: декрет об организации Красной армии Совнарком издал именно 23 февраля 1918 года. Столичная же пресса к пятилетней годовщине РККА указала её стратегические задачи, поместив под изображением земного шара, накрытого будённовкой, недвусмысленную подпись: *«Перед Красной Армией стоят большие цели»*⁸. К этому дню Троцкий не подготовил военного парада; «выдающийся вождь и воспитатель» РККА уже наигрался в солдатики на площадях и увлекался теперь собственным здоровьем и внутривнутрипартийными раздорами.

Шестую годовщину РККА военное ведомство встретило без особого энтузиазма. Партийная печать еще не остыла от скорби в связи с кончиной вождя мирового пролетариата, ближайшие соратники покойного примерялись к его наследию, а Троцкий усердно восстанавливал свое здоровье с помощью морского воздуха, абхазского солнца и обильной южной кухни. Центральная пресса натушно толковала о роли Ленина в создании РККА и роли самой Красной армии в признании СССР другими страна-

⁴ Правда, 23.II.1922. Рабочая Москва, 23-24.II.1922. Известия, 26.II.1922.

⁵ Красная Армия в пролетарской Революции. Пг., 1922, с. 12, 36.

⁶ Правда, 1.II (19.I.).1918. Известия, 1.II (19.I.).1918. Декреты советской власти, т. I, с. 352-357, 365-366.

⁷ Известия, 15.II.1918. Декреты советской власти, т. I, с. 434-441.

⁸ Рабочая Москва, 23.II.1923. Правда, 23.II.1923.

ми, распевала дифирамбы советской казарме («школе гражданственности и коммунизма, наилучшей форме политической смычки между городом и деревней») и восторгалась прекрасным аппетитом Троцкого, которому удалось наконец добиться «значительной прибавки в весе»⁹.

С опалой Троцкого немного трансформировалось и официальное обоснование праздника. К десятилетней годовщине РККА обнаружилось, что 23 февраля 1918 года советское правительство уже приступило к формированию первых отрядов Красной армии, хотя новый нарком по военным делам Ворошилов всё ещё связывал «торжественные мероприятия» с вышеупомянутым ленинским декретом. Взамен портретов Троцкого и его сподвижников прессу украсили тогда фотографии Ленина, Фрунзе и Ворошилова¹⁰.

В последующие десять лет на торжественных заседаниях по поводу очередной годовщины РККА военное руководство произносило пышные речи с ритуальными угрозами, но без внятных экскурсов в недавнее прошлое. К 23 февраля 1938 года была учреждена юбилейная медаль «XX лет РККА». И только в сентябре того же 1938 года, когда газета «Правда» впервые напечатала «Краткий курс истории ВКП(б)», трудящиеся получили наконец единственно правильное истолкование всенародного праздника: *«В ответ на брошенный партией и советским правительством клич «Социалистическое отечество в опасности» рабочий класс ответил усиленным формированием частей Красной армии. Молодые отряды новой армии — армии революционного народа — героически отражали натиск вооружённого до зубов германского хищника. Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днём рождения молодой Красной армии»*¹¹. Такое объяснение всенародного праздника укоренилось в массовом сознании легко и прочно.

День Красной армии в 1942 году ознаменовался массовым расстрелом советских военачальников, в том числе нескольких Героев Советского Союза, и руководителей наркоматов боеприпасов и авиационной промышленности, арестованных накануне войны или в самом ее начале. Исполняя повеление «любимого вождя советского народа», наркома обороны Сталина, Особое совещание при НКВД СССР вынесло постановление о казни 46 генералов и крупных работников оборонной промышленности еще 13 февраля, но приведение это приговора в исполнение высокие инстанции отложили до памятного дня 23 февраля. В тот же день Сталин издал традиционный праздничный приказ, усилив в нем прежние акценты по-большевистски правильной интерпретации торжественной даты. Отныне его подданным надлежало усвоить не менее прочно, чем таблицу умножения, что 23 февраля 1918 года «молодые отряды Красной армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой»¹².

⁹ Известия, 22-23.II.1924.

¹⁰ Правда, 23.II.1928. Красная звезда, 22-23.II.1928.

¹¹ Правда, 14.IX.1938.

¹² Правда, 23.II.1942. Независимое военное обозрение, 2003, № 6, с. 5.

С 1944 года Сталин ввёл в обычай отмечать день Красной (с 1946 года — Советской) армии (с 1950 года — день Советской Армии и Военно-Морского Флота) праздничным салютом из 20 артиллерийских залпов. В том же 1944 году 23 февраля началась депортация населения Чечено-Ингушской АССР, оккупированной немецкими войсками в 1942-1943 годах, в северные и восточные регионы государства.

О первом этапе карательной операции нарком внутренних дел СССР Берия тотчас же проинформировал Верховного главнокомандующего и председателя Государственного комитета обороны Сталина: *«Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит успешно. Заслуживающих внимание происшествий нет. Имело место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека. На 11 часов утра вывезено из населенных пунктов 94 тысячи 741 человек, т.е. свыше 20 процентов подлежащих выселению, погружены в железнодорожные эшелоны из этого числа 20 тысяч 23 человека. Берия. 23.02.1944»*. В Костромскую, Ивановскую и Вологодскую области доставили только три с лишним тысячи человек из 467 365 чеченцев и ингушей, доехавших до места ссылки; остальных распределили в Казахстане и, в меньшей степени, — в Киргизии.

Основные итоги самоотверженных действий своих подразделений Берия подвел в рапорте Сталину 7 марта: *«В проведении операции принимали участие 19 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД, стянутые с различных областей, значительная часть которых до этого участвовала в операциях по выселению карачаевцев и калмыков и, кроме того, будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев. <> В результате проведенных трех операций выселены в восточные районы СССР 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев. Берия. 7.03.1944»*.

Не забыли чекисты и представителей осужденных народов, служивших в Красной армии; срочной демобилизации и направлению «в распоряжение отделов спецпоселений НКВД» подлежали 5 943 офицера, 20 209 сержантов и 130 691 рядовой. Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение особой акции по превращению жителей Северного Кавказа в спецпереселенцев 714 бойцов и офицеров НКВД наградили боевыми орденами и медалями; заместителям наркома внутренних дел, комиссарам государственной безопасности 2 ранга Б.З. Кобулову, С.Н. Круглову и И.А. Серову 8 марта 1944 года пожаловали полководческий орден Суворова 1 степени¹³.

Священная формулировка «Краткого курса истории ВКП(б)» оставалась замороженной почти 20 лет и лишь во время хрущёвской оттепели в ней образовалась проталина. «Решительный отпор» под Нарвой исчез из нее совершенно бесследно, зато под Псковом созданная Лениным «непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед» Красная армия оказала *«упорное сопротивление превосходящим силам противника и нанесла им серьёзное поражение»*¹⁴.

¹³ Вопросы истории, 1990, № 7, с. 32-44. Отечественные архивы, 1993, № 5, с. 98-111.

¹⁴ Правда, 23.II.1958, 23.II.1963.

Однако и «серьёзное поражение» германской армии под Псковом наконец выпало вскоре из речей и докладов военных министров. Незадолго до свержения Хрущева вдруг выяснилось, что 23 февраля 1918 года никаких боев под Псковом и, тем более, Нарвой не было; поэтому впредь надлежало славить — без уточнения каких-либо подробностей — не триумфальную победу советского оружия, а *«мобилизацию всех сил народа на отпор наступавшим войскам германского империализма, массовое выступление советского народа на защиту Социалистического Отечества и мужественное сопротивление отрядам Красной армии германским захватчикам»*¹⁵.

За время правления четырежды Героя Советского Союза Брежнева у праздника обнаружился новый самобытный оттенок. Инстанции спустили трудящимся негласную директиву: 23 февраля полагалось рассматривать и как специфический мужской праздник, своего рода компенсацию за ежегодные обиды, причиняемые сильному полу в Международный женский день 8 марта.

Непонятно, какую цель преследовали авторы идеи второго однополого праздника. Намеревались ли они таким образом внедрять в сознание подрастающего поколения основы старинной рекрутской повинности, ибо первокурсникам нередко вручали в этот день «памятные подарки» со словами: *«Ты мужчина и, значит, будущий защитник Отечества»*? Собирались ли они противостоять феминизации мужчин и маскулинизации женщин или, наоборот, надеялись возбудить у народонаселения страны, где труд заменял секс, не отменяя деторождения, тягу к ещё невиданным свершениям после обильного застолья? Во всяком случае, из дальних гарнизонов просочилось тогда в массы изречение: одна коллективная пьянка сближает больше, чем год совместной службы. Восторженная молва приписывала эту сентенцию неизвестному подполковнику, чуть ли не ежедневно, да еще и собственным примером подтверждавшему безошибочность назидания партийного аппарата: *«будь попроще — и люди к тебе потянутся»*; говорили, будто по утрам он *«принимал на грудь стакан для разминки»*.

Мелькали годы. Климат теплел, маразм крепчал, салюты продолжались. Тех, кто не хотел (в частности, из-за афганской войны) отмечать «день милитариста» вместе со всеми сослуживцами, не одобряли. Из конца в конец страны шастали слухи о безжалостной головоломке, полученной каким-то важным воинским начальником; передавали, будто к очередному празднованию 23 февраля здание подчиненного ему артиллерийского училища украсил лозунг: *«Наша цель — коммунизм»*.

К 70-летней годовщине Советской армии в 1988 году министр обороны Д.Т. Язов неожиданно вспомнил об отпоре германским интервентам на рубеже Пскова и Нарвы. Чутко уловив настроение генералитета, пресса тут же завела речь о непреходящем значении *«первой победы, одержанной бойцами Красной армии под Псковом ровно 70 лет назад»*¹⁶.

¹⁵ Военно-исторический журнал, 1964, № 5, с. 114–117. Большая советская энциклопедия. М., 1972, т. 8, с. 100. Советский энциклопедический словарь. М., 1980, с. 380.

¹⁶ Известия, 22–23.II.1988. Красная звезда, 21–23.II.1988.

Однако рутинную «обстановку исключительного политического и трудового подъёма» сменили вскоре волнения горбачёвской перестройки, призраки рыночной экономики и, наконец, особенности индивидуального выживания в постсоветском пространстве. В 1992 году полузабытому февральскому празднику дали второпях временное имя — «День вооружённых сил». Новое название не привилось, и в 1993 году 23 февраля нарекли, с благоговения Б.Н. Ельцина, «Днём защитников Отечества»¹⁷. Всё-таки отрешиться от давешних устоев дедушка российской квазидемократии не мог ни при каких обстоятельствах.

Очередная формулировка законодателям хоть и приглянулась, но оказалась недостаточно полной, и 10 февраля 1995 года Государственная Дума приняла, а 13 марта того же года президент Ельцин подписал Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России». Отныне в знаменательный день 23 февраля надлежало торжественно, с ритуальным салютом справлять «День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии (1918) — День защитников Отечества»¹⁸.

Слегка усеченное определение из «Краткого курса истории ВКП(б)» вновь подверглось ревизии в самом начале XXI века. Министр обороны И.Д. Сергеев включил все-таки в свой предпраздничный приказ от 22 февраля 2001 года красочный, но несколько загадочный оборот: *«Этот поистине всенародный праздник олицетворяет неразрывную связь поколений и преемственность ратных традиций, воплощает в себе самоотверженное служение Отечеству и признание великих заслуг российского воинства перед государством»*¹⁹. Зато «Российская газета» нашла такую интерпретацию профессионального праздника «человека с ружьем», что победа над кайзеровскими войсками опять скрылась в непроницаемом мраке прошедшего. Теперь выяснилось, что в день рождения Красной армии, 23 февраля 1918 года, была зафиксирована «самая массовая запись» добровольцев в ряды РККА, а *«сформированные отряды в те же дни вступили в бой с германскими войсками в районе деревень Большое и Малое Лопатино под Псковом»*²⁰.

Через год — в 2002-м — 23 февраля провозгласили нерабочим днем. Долгий путь становления полноценного праздника, таким образом, закончился: мужской и женский дни полностью уравнили в правах. Согласно официальному определению, День защитников Отечества, ранее отмечаемый как всенародное торжество, преобразился в общегосударственный праздник. По этому поводу Московский винно-коньячный завод «КиН» распространил в столице свои рекламно-поздравительные открытки, а министр обороны С.Б. Иванов распорядился о праздничном салюте, пояснив: *«Эта дата олицетворяет собой ярчайшие вехи боевой летописи Отечества, беспримерное мужество и стойкость российского воинства»*²¹.

¹⁷ Красная звезда, 22.II.1992; 23-24.II.1993.

¹⁸ Российская газета, 13.III.1995. Собрание законодательства РФ № 11 от 13.III.1995.

¹⁹ Красная звезда, 23.II.2001.

²⁰ Российская газета, 23.II.2001.

²¹ Красная звезда, 22.II.2002.

Зачатый Троцким и возвращённый Сталиным всенародный праздник утратил в итоге и прародителя, и воспитателя. Но торжественный день без родословной подобен казанской сироте на городской окраине.

Так какие же события минувшего по-прежнему отбрасывают свою вечернюю тень на знаменательную дату 23 февраля?

Война и политика

Вечером 10 февраля 1918 года бесплодные Брест-Литовские переговоры, проходившие с 4 декабря (21 ноября) 1917 года в ставке главнокомандующего германским Восточным фронтом, были прерваны после декларации советских представителей, возвестивших — в одностороннем порядке — о прекращении войны с государствами Четверного союза (Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией). Утром 11 февраля советское правительство распорядилось о полной демобилизации российских вооружённых сил. Столь необычный способ завершения военных действий писатель В.Г. Короленко тотчас прокомментировал в своем дневнике: *«В первый еще раз страна, в сущности еще не побежденная, но с совершенно обессиленной волей, отказывается просто формально признать себя побежденной и, как собачка, подымает лапки кверху, сдаваясь на милость и немилость. Случай во всемирной истории беспрецедентный, своеобразный и во многих отношениях знаменательный»*²².

К срочному расформированию воинских частей, уже достаточно деморализованных непрестанной антивоенной пропагандой, большевики приступили практически одновременно с Брест-Литовскими переговорами. Всего за два месяца они успели снять с передовых позиций и отправить по домам почти шесть миллионов военнослужащих. Оригинальный способ разложения российской армии придумал тогда первый нарком по военным делам Н.И. Подвойский. Своим приказом от 27(14) декабря 1917 года он упразднил главный военно-санитарный совет «ввиду необходимости переизбрания его состава на самых широких началах представительства всех работников медицинского дела». Как только информация об этом приказе распространилась по фронтам, армейские санитарные учреждения стали самочинно сворачиваться, и в январе 1918 года остатки прежних воинских соединений лишились медицинской помощи²³. Как заметил В.Б. Шкловский в письме Максиму Горькому (6.XII.1917), *«революция по ошибке вместо того, чтобы убить войну, убила армию»*²⁴. Однако квалифицировать действия большевиков как ошибочные в данной ситуации было неправомерно, ибо, по признанию Троцкого, *«старую царскую армию наша партия сознательно разрушала»*²⁵.

²² Вопросы литературы, 1990, № 8, с. 214.

²³ Новые ведомости, вечерний выпуск, 13.II.1918. Врачебная газета, 1918, № 1-3, с. 22.

²⁴ De Visu, 1993, № 1, с. 28.

²⁵ Правда, 21.III.1918.

Помимо массовой демобилизации, ускоренному развалу армии способствовали и вести из глубокого тыла о дележе земли, перераспределении угодий и грабеже помещичьих домов. Солдаты, поодиночке или целыми ротами убежавшие с фронта, штурмовали железнодорожные станции, кишели в поездах и крушили и без того полупарализованный транспорт. На стенах вагонов появлялись иногда слезные обращения к давешним защитникам Отечества: *«Товарищи солдаты! Просим не выбрасывать пассажиров из окон после того, как поезд тронется!»* Повальное дезертирство, спровоцированное чарующей перспективой безграничного передела собственности (прежде всего земельной), опрокинуло все старые представления о патриотизме, исходившие раньше от власти и прессы²⁶.

Посильную помощь большевикам в разложении армии оказывал генерал М.Д. Бонч-Бруевич. Сразу же после убийства Верховного главнокомандующего (Главноверха) Н.Н. Духонина (20 ноября 1917 года) генерал Бонч-Бруевич принялся исполнять обязанности начальника штаба у нового Главноверха, прапорщика Н.В. Крыленко. Пока прапорщик Крыленко колесил по фронтам, подвергая арестам отдельных командующих войсковыми соединениями, генерал Бонч-Бруевич занимался планомерной ликвидацией верховного управления российскими вооруженными силами. К вечеру 19 февраля 1918 года он завершил разгром Ставки, 20 февраля укатил из Могилева в Петроград и вечером 22 февраля явился в Смольный²⁷.

Всем, кто не мог понять, зачем распускать войска, не подписав сепаратного мира, петроградский вождь Г.Е. Зиновьев разъяснил с трибуны и в печати: ожидать неприятельского нападения не следует, так как трудящиеся Германии и Австро-Венгрии воевать не желают²⁸. Аналогичные соображения высказывал и командующий Западным фронтом А.Ф. Мясников (Мясникян) — бывший помощник присяжного поверенного и будущий секретарь Закавказского крайкома РКП(б). Выдавая нежелательное для большевиков за невозможное для германской армии, он категорически отвергал предположение военных специалистов о предстоящем наступлении противника и даже распорядился расклеить по всему Минску соответствующее распоряжение: *«Расходятся неблагонадежные слухи о возможном наступлении немцев. Предупреждаю, что впредь буду привлекать к строжайшей ответственности, вплоть до предания военному суду, лиц, распространяющих эти слухи»*²⁹.

Между тем германское верховное командование готовилось к решающим сражениям на своем Западном фронте и с этой целью концентрировало там наиболее боеспособные соединения. Если к августу 1917 года на фронте насчитывалось, по сведениям А.Ф. Керенского, 86 германских дивизий с приданной им тяжелой артиллерией, то к январю 1918 года их осталось только 57³⁰. Всего же за три неполных месяца (декабрь 1917 — полови-

²⁶ ОР РГБ, ф. 520, к. 36, е.х. 9, л. 4.

²⁷ ОР РГБ, ф. 369, к. 421, е.х. 1, л. 7, 7об; к. 458, е.х. 1, л. 2-3. *Ильин-Женевский А.Ф.* Большевики у власти. Воспоминания о 1918 году. Л., 1929, с. 19.

²⁸ Новые ведомости, 11.II.1918.

²⁹ *Самойло А.А.* Две жизни. Л., 1963, с. 233.

³⁰ Вопросы истории, 1991, № 2-3, с. 166.

на февраля 1918 года) с Восточного фронта на Западный было переброшено около 80 дивизий (почти треть всех германских вооруженных сил), что не стало, однако, неожиданностью для верховного командования союзных войск. Еще 9 мая 1917 года начальник Генерального штаба Великобритании В.Р. Робертсон прогнозировал вполне реальную возможность перемещения из России во Францию всей германской восточной группировки войск в составе 91 дивизии³¹. Как подчеркивал позднее генерал Э. Людендорф (фактически руководивший всеми германскими военными операциями), «дело заключалось уже не в обмене выдохшихся на западе дивизий на свежие с востока, а в действительном усилении численности Западного фронта»³². На Восточный же фронт были направлены — взамен снятых с него дивизий — формирования ландвера (части, состоявшие из военнообязанных запаса второй очереди).

До начала Брест-Литовских переговоров германское верховное командование намеревалось заключить сепаратный мир на достаточно выгодных для советской стороны условиях. Ленин и Троцкий считали, однако, что мирные переговоры надо использовать для разложения неприятельских войск, ибо в Германии вот-вот вспыхнет революция. Советская делегация получила в связи с этим четкую инструкцию: переговоры затягивать, «обращаясь к германской массе и к германским солдатам» через головы немецких собеседников. Участники советской делегации выполняли директивы главных вождей с превеликим усердием, хотя склонного к своеволию Л.Б. Каменева, недавно смещенного с поста председателя ВЦИК, Ленин подозревал в тайном желании «вести реальную политику» и быстрее закончить войну мирным соглашением. Будущему заместителю наркома просвещения М.Н. Покровскому пришлось поэтому ехать в Брест-Литовск со специальной миссией: «Следить за Каменевым, чтобы реальная политика не велась»³³.

Поскольку Ленин явно не собирался покупать мир задешево, германский генералитет приступил к осуществлению своей «реальной политики» на Восточном фронте. Утром 18 февраля германские солдаты прекратили демонстрации «братания» с российскими нижними чинами и принялись за исправление железных дорог на нейтральной полосе и наведение разрушенных мостов³⁴. Затем германское верховное командование заявило об окончании временного перемирия. Немецкие воинские части, как и подозревали скептики, начали наступление по всей линии разваленного Восточного фронта, захватив Двинск (впоследствии Даугавпилс) и Луцк 18 февраля, Минск и Могилев — 20, Полоцк — 21, Режицу (позднее Резекне) — 22 февраля³⁵.

Отдельные российские формирования, еще сохранившиеся, несмотря на торопливую демобилизацию, никакого сопротивления неприятелю не оказывали. Германский патруль из трех солдат и одного унтер-офицера на мо-

³¹ Вопросы истории, 1998, № 8, с. 87-93.

³² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М., 1924, т. 2, с. 90, 153.

³³ Отечественные архивы, 1992, № 3, с. 97-106.

³⁴ Петроградское эхо, 21(8).II.1918.

³⁵ Новая Петроградская газета, 19-26.II.1918. Новые ведомости, 19-21.II.1918. Новое слово, 21.II.1918. Русские ведомости, 24.II.1918. Утро России, 20-23.II.1918.

сту за Двинском с трудом успевал собирать стрелковое оружие и патроны у бегущей армии³⁶. Генерал М. Гофман (фактический глава немецкой делегации на переговорах в Брест-Литовске) записал в своем дневнике 20 февраля: *«Свинство в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет. Вчера один лейтенант и шесть солдат взяли в плен 600 казаков. Сотни пушек, автомобилей, локомотивов, вагонов, несколько тысяч пленных, дюжины дивизионных штабов захвачены без всякой борьбы»*³⁷.

Неординарность возобновившихся военных действий определялась не только беспримерным разложением российских войск, но и стремительностью германского вторжения. Противник беспрепятственно продвигался на восток преимущественно «боевыми поездами». В 14-16 вагонах таких эшелонов размещались обычно эскадрон кавалерии, до полуроты пехоты (при 14-16 пулемётах и 2-4 пушках) и сапёрный взвод³⁸. На пятый день наступления, 22 февраля, генерал Гофман констатировал: *«Это самая комическая война, которую только можно себе представить. Она ведется только на железной дороге и на грузовиках. Сажаят какую-нибудь сотню пехотинцев с пулеметами и одной пушкой на поезд и отправляют до ближайшей станции. Берут станцию, большевиков арестовывают и продвигаются дальше. Это, по крайней мере, имеет некоторый интерес новизны»*³⁹.

По признанию того же Зиновьева, в хорошо укрепленный Двинск просто въехал на автомобилях неприятельский отряд, состоявший не то из 60, не то из 100 человек⁴⁰. В Режицу ворвалось подразделение настолько малочисленное, что не сумело к ходу занять телеграф, проработавший ещё почти сутки⁴¹.

Минские большевики стали готовиться к бегству с утра 19 февраля. На станцию свозили оружие и продовольствие; к 18 часам туда прибыл грузовик с ящиками и баулами, где находилось 13 миллионов рублей — конфискованная за день городская наличность. В 10 вагонах «секретного эшелона» расположились местные начальники с охраной и штаб Красной гвардии во главе с командующим Западным фронтом Мясниковым, мужественно попиравшим в тот день собственный приказ о судебной ответственности за распространение слухов о германском нашествии. Неожиданно рабочие железнодорожных мастерских отогнали паровоз и потребовали жалованье за последние месяцы.

Ночь протянулась в спорах о допустимых масштабах вознаграждения за пролетарский труд; лишь к рассвету обе стороны сошлись на общей сумме в 450 тысяч рублей. Получив деньги, рабочие вознамерились было не выпустить из города нескольких комиссаров, подозреваемых в крупных хищениях. В ответ большевики выставили на площадках и крышах вагонов пулемёты и пригрозили разгромить всю станцию, если к поезду не прицепят паровоз

³⁶ Новое слово, 23.II.1918.

³⁷ Гофман М. Записки и дневники. 1914-1918. Л., 1929, с. 240.

³⁸ Утро России, 27.II.1918.

³⁹ Гофман М. Указ. соч., с. 241.

⁴⁰ Правда, вечерний выпуск, 23.II.1918.

⁴¹ Русские ведомости, 24.II.1918.

немедленно. Утром 20 февраля «секретный эшелон» отправился наконец в Смоленск, а к белорусской столице приблизилась германская кавалерия. После короткой передышки в Минске немецкие отряды переместились на 117 вёрст по направлению к Москве за каких-нибудь 18-20 часов⁴².

Не менее впечатляющими были и темпы мародёрства. Жители Двинска и Режицы в содружестве с крестьянами из близлежащих деревень успели разграбить местные склады, магазины и частные лавки буквально перед появлением передовых немецких разведов⁴³. Кроме того, Режица подверглась нападению вооружённых банд дезертиров сразу же после падения Двинска. Совет рабочих депутатов и Красная гвардия разбежались. Обыватели, тщетно пытавшиеся организовать самооборону, послали за помощью в штаб Северного фронта. Через несколько часов остатки регулярной армии очистили Режицу от грабителей: одних расстреляли на месте, других изловили, остальные успели скрыться из города⁴⁴.

В ночь на 19 февраля Ленин и Троцкий телеграфировали в Берлин о готовности Совнаркома без промедления подписать мир на германских условиях, но немецкое командование предпочло продлить экономически выгодное и необременительное наступление до получения официального письменного подтверждения присланной депеши. На следующий день Совнарком одобрил ночную телеграмму и призвал все местные советы и войсковые организации приложить максимум усилий к воссозданию армии. Вместе с тем советское правительство отнюдь не спешило дать указание хотя бы о приостановлении трудно объяснимой демобилизации, что возбуждало всяческие слухи и толкования. Одни давно уже считали большевиков немецкими агентами, выполнявшими поручения германского верховного командования, другие говорили о паранойальной верности вождей марксистским догмам, неукоснительное соблюдение которых делало необходимым полное уничтожение дореволюционного государственного аппарата и — особенно — прежней армии. Пока жители рухнувшей империи пытались осмыслить происходящее, соответствующий комиссариат продолжал свою конвульсивную деятельность по расформированию воинских частей⁴⁵.

Командующий Западным фронтом Мясников добрался до Смоленска только 22 февраля и тут же занялся изданием приказов о воссоздании штаба Западного фронта и введении в Смоленске военного положения. Разгневанный германской интервенцией, он сгоряча предписал всем местным Советам от Нарвы до Одессы «задерживать и сосредоточивать отступающие части для приведения их в боеспособный вид», но через пару дней, слегка остыв, распорядился о расформировании Управления начальника военных сообщений, Сибирских стрелковых и запасных полков⁴⁶.

---

⁴² Утро России, 23-24.II.1918.

⁴³ Новое слово, 24.II.1918. Русские ведомости, 24.II.1918.

⁴⁴ Петроградское эхо. 21(8).II.1918.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 65, л. 1. Новые ведомости, 20-21.II.1918. Новая Петроградская газета, 19-21.II.1918. Утро России, 21-23.II.1918. Декреты советской власти, т. I, с. 487-488.

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 574, л. 71, 74, 78, 80, 81, 83.

Псковская оборона

В анналах военной истории сохранилось описание доблестной защиты Пскова, но только во время Ливонской, а вовсе не Первой мировой войны. На протяжении без малого пяти месяцев (с августа 1581 года по январь 1582) осаждённый псковский гарнизон, возглавляемый воеводой Иваном Шуйским, успешно отражал неоднократные попытки польского короля Стефана Батория овладеть городом. Зимой 1918 года всё получилось иначе.

Первый пункт по вербовке добровольцев в Красную армию открылся в Выборгском районе Петрограда лишь 21 февраля. В тот же день был учреждён чрезвычайный штаб Петроградского военного округа во главе с управляющим делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем, а Ленин написал воззвание «Социалистическое отечество в опасности»⁴⁷. Чрезвычайный штаб объявил столицу на осадном положении, ввёл военную цензуру и распорядился о расстреле «контрреволюционных агитаторов и германских шпионов». Советский главнокомандующий, прапорщик Крыленко настроился, в свою очередь, на разгром коварного противника посредством публикации грозного приказа об «организации братания» и поручил революционным агитаторам убеждать немецких солдат «в преступности их наступления»⁴⁸.

Официальное сообщение о наступлении германской армии сразу же наполнило боевым офицерам, застрявшим в Петрограде после демобилизации, что никакие жизненные обстоятельства не могут освободить их от исполнения воинского долга. Пока они обсуждали, как правильнее поступить в данной ситуации — пробираться ли на Дон или без промедления вступать в Красную армию, — военный инженер, строивший полевые укрепления под Псковом, и вместе с тем член ЦК Трудовой партии В.Б. Станкевич поспешил в приемную Крыленко, чтобы предложить свои услуги в качестве рядового офицера на передовых позициях. Чрезвычайно удивленный этим визитом главнокомандующий попросил специалиста по фортификации срочно изложить свои соображения по защите Пскова в письменном виде. Закончить свой доклад Станкевич не успел, так как его арестовали по ордеру, подписанному Е.Ф. Розмирович — женой Крыленко и председателем следственной комиссии Верховного трибунала⁴⁹.

Тем временем германские воинские части направились к Пскову, где был штаб Северного фронта и находились обширные склады военного имущества, боеприпасов и продовольствия. Лишь 22 февраля командование Северного фронта решило приостановить демобилизацию; 23 февраля большевики объявили город на осадном положении, что ни в коей мере не улучшило ситуацию. Германские воинские части приближались к еще не осажденному городу с неумолимостью часового механизма, и комиссар Б.П. Позерн, входивший в состав управления войсками Северного фронта, доложил в Петроград

⁴⁷ Новая Петроградская газета, 21.II.1918. Правда, вечерний выпуск, 21.II.1918. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 357-358.

⁴⁸ Новая Петроградская газета, 23.II.1918. Утро России, 23.II.1918. Новое слово, 24.II.1918.

⁴⁹ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919 гг. Берлин, 1920, с. 303-305.

по прямому проводу: *«Немцы в 25 верстах от Пскова и идут броневиками по шоссе и по железной дороге поездом. Очевидно, будут в Пскове через несколько часов»*. Вечером 24 февраля немецкий отряд численностью не более 200 человек без боя овладел городом. В тот же день, 24 февраля, пали Юрьев (с 1919 года Тарту) и Ревель (ныне Таллинн)⁵⁰. Прорыв, не удавшийся мощной группировке генерал-фельдмаршала П. Гинденбурга в 1915 году, осуществили — практически без потерь — небольшие и разрозненные германские подразделения, скорость продвижения которых ограничивалась преимущественно степенью проходимости российских шоссе и железных дорог.

Истоки массового героизма

Через несколько часов после падения Пскова управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича всполошила телеграмма о возможном германском наступлении на Петроград. В ночь на 25 февраля он зачитал это тревожное известие на заседании Петроградского Совета и потребовал разбудить спящий город заводскими гудками, дабы перейти, наконец, от слов к делу и срочно приступить к записи добровольцев в Красную армию⁵¹.

Утром редакция «Красной газеты» придумала невятное объяснение ночной тревоги, а через сугки изложила его на первой полосе как информацию Совнаркома: *«В районе Пскова идут бои, причем город, по-видимому, несколько раз переходил из рук в руки. Первые германские отряды, вступившие в Псков, были очень незначительны. Наткнувшись на сопротивление, немцы начали стягивать к Пскову большие силы»*⁵². Немногочисленным читателям этой прессы оставалось лишь удивляться неосведомленности большевиков, поскольку о германской оккупации Пскова жители Петрограда узнали еще 24 февраля. Во всяком случае 24 февраля А.А. Блок отметил в своем дневнике: *«К ночи — долгие и тревожные гудки фабрик в разных районах города»*. Вслед за этим 25 февраля поэт записал: *«О взятии Пскова было известно еще вчера. Еще сомнительно, придут ли сюда (брать на себя 3 000 000 жителей)»*⁵³.

К вечеру 25 февраля во все губернские Советы поступил циркуляр Совнаркома: *«При дезорганизованности нашей армии, в панике бегущей от наступающих немецких войск, оставляющей в руках врага всю артиллерию и фураж, не желающей разрушать железнодорожные пути, уничтожать мосты, при остроте переживаемого нами продовольственного кризиса, при общем утомлении от войны никакая вооруженная борьба в данный момент невозможна»*. Вместе с тем необходимы *«организация сил, создание дисциплины, упорядочение железных дорог и продовольствия и подготовка революционной войны»*⁵⁴.

⁵⁰ Новая Петроградская газета, 26.II.1918. Утро России, 24-27.II.1918. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). М., 1971, т. 1, с. 68-69, 77.

⁵¹ Красноармеец, 1919, № 10-15, с. 48-50.

⁵² Красная газета, 26.II.1918.

⁵³ Блок А.А. Записные книжки. М., 1965, с. 390.

⁵⁴ ГАРФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 591, л. 20-22.

Одновременно «Правда» продублировала ночное беспокойство Бонч-Бруевича восклицаниями, частично заимствованными из популярных в начале XX века романов о Французской революции: *«Смертельный удар занесён над Красным Петроградом! Если вы, рабочие, солдаты, крестьяне, не хотите потерять своей власти, власти Советов, — до последнего издыхания сражайтесь с разбойниками, которые надвигаются на вас! Все к оружию! Сливайтесь немедленно в красные социалистические батальоны и идите победить или умереть!»*⁵⁵ С 25 февраля в разных районах Петрограда действительно открылись вербовочные пункты, где принимали кандидатов в защитники Отечества ежедневно, за исключением выходных и праздничных дней, с 10 или 11 до 15 или 16 часов, но только по рекомендации того или иного комитета — партийного, солдатского или фабричного⁵⁶.

Постоянный, хотя и совсем не густой, приток волонтеров в Красную Армию обеспечивала нарастающая хозяйственная разруха. Небывалая безработица и надвигающийся голод служили надёжной гарантией успешной вербовки добровольцев и впредь, поскольку армейский паёк, подкреплённый обещанием денежного довольствия, издавна рассматривали как верное средство для возбуждения боевого духа у безработных. Сцены комплектования советских войск на Украине еще в январе 1918 года получили отражение в дневнике Короленко:

«Приходит наниматься в красную гвардию человек. Ему говорят:

— Вы, товарищ, значит, знаете нашу платформу?

— Та знаю: 15 рублей в сутки.

Красногвардеец, почти мальчик, из петербургских фабричных.

*— Что ж, — говорит мальчишка, как будто оправдываясь, — фабрика закрылась, есть нечего, а тут плотять»*⁵⁷.

Конкретные указания по борьбе с голодом Ленин, возмущенный «чудовищной бездейтельностью питерских рабочих», озвучил еще 27(14) января 1918 года: *«Необходимо созвать пленарное собрание Совета и постановить произвести массовые обыски в Петрограде и на товарных станциях. Для обысков каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам надо привлечь не желающих, а обязать каждого, под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет. Если отряды будут составлены из случайных, не сговорившихся людей, грабежей не может быть. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте. Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов и могут по высоким ценам достать у спекулянтов»*⁵⁸. Не возлагая, видимо, особых надежд на скорое пробуждение экспроприаторской активности у трудящихся, 28(15) января вождь мирового пролетариата обратился к единомышленникам в Харькове: *«Ради бога, принимайте самые*

⁵⁵ Правда, вечерний выпуск, 25.II.1918.

⁵⁶ Известия Петроградского Совета, 24.III.1918.

⁵⁷ Вопросы литературы, 1990, № 8, с. 207–208..

⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 311.

энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околоть»⁵⁹.

В середине февраля Совнарком учредил особую комиссию по продовольствию во главе с Троцким, наделив её неограниченными полномочиями. О кризисном положении в городе свидетельствовала одна из первых телеграмм, отправленных комиссией Троцкого в Саратов 16 февраля: *«В Петрограде выдали сегодня хлеба только одну восьмую на два дня. <> Направляйте на Петроград всё, что имеется из продовольствия»⁶⁰.*

Коммунистическая пресса, уже три месяца тосковавшая по «властной руке», восприняла образование провиантской комиссии с чувством глубокого удовлетворения и сразу же предложила свою программу. Повальные продовольственные обыски, проведённые Петроградским Советом, дали, конечно, кое-какие результаты, утверждала «Красная газета», но останавливаться на достигнутом нельзя, — «нужно в первую голову выселить из Петрограда всех паразитических дармоедов и контрреволюционеров», а затем проследить, чтобы в город никто не мог проникнуть без крайней необходимости и чтобы все продукты распределялись поровну⁶¹.

Идя навстречу пожеланиям трудящихся, 22 февраля Совнарком потребовал от военного ведомства «принять срочные меры к эвакуации военнопленных» и учредил еще одну разновидность ЧК — «Чрезвычайную Комиссию по разгрузке Петрограда»⁶². Утром 23 февраля новая комиссия вынесла постановление: «прекратить пассажирское движение поездов на Петроград и за Петроград»; разрешить въезд в город только по удостоверениям местных советов «в служебных поездах»; виновных «в самовольном въезде» подвергать задержанию с конфискацией имущества; обязать домовые комитеты ввести прописку — регистрацию всех, кто въезжает или выезжает из каждого дома; просить чекистов «очистить Петроград от контрреволюционеров»⁶³.

К тому времени Петроград уже заметно опустел. Если с января 1918 года, спасаясь от репрессий, из города потянулась так называемая буржуазия (вкуче с интеллигенцией и офицерством), то в конце февраля начался массовый исход рабочих, гонимых голодом⁶⁴. Радикальное решение сразу всех проблем нашёл тогда вождь мирового пролетариата. Утром 21 февраля Ленин повелел было «двинуть поголовно всю буржуазию до одного» под контролем десятков тысяч рабочих на рытьё окопов под Петроградом, но, поразмыслив до вечера, не стал включать в состав трудовых батальонов малолетних и немощных «членов буржуазного класса», приказав мобилизовать лишь работоспособных мужчин и женщин, а «сопротивляющихся — расстреливать»⁶⁵.

⁵⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 30.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 467, л. 5.

⁶¹ Красная газета, 15.II.1918.

⁶² РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 68, л. 1-2. Известия, 27.III.1918. Декреты советской власти, т. I, с. 495.

⁶³ ГАРФ, ф. 3842, оп. 1, д. 31, л. 13-16.

⁶⁴ Петроградский голос, 14.III.1918.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 354, 357-358.

Исполняя директивы вождя, прапорщик Крыленко призвал жителей Петрограда на защиту советской власти, не забыв упомянуть о свободе выбора каждого обывателя: кто сам не запишется в Красную армию, того отошлют долбить мёрзлую землю под конвоем⁶⁶. Через три дня после этого заявления Красная армия разрослась, по мнению петроградской прессы, чуть ли не до ста тысяч человек⁶⁷. На самом деле это число надо было уменьшить минимум в 10 раз. По признанию Свердлова, к 7 марта 1918 года большевики могли полагаться лишь на армию из «5-10 тысяч питерских пролетариев»⁶⁸. Тем не менее отдельные наспех сколоченные рабочие, точнее, партизанские, отряды — фактически своеобразное ополчение — отправились затыкать своими телами безразмерные прорехи на Западном фронте.

В дальнейшем, преимущественно с апреля по декабрь 1918 года, когда городские жители стали пухнуть от голода, Петроградскому военному комиссариату удалось поставить под ружье почти 48 тысяч человек, из которых сформировали 172 партизанских отряда⁶⁹. Каждый из них присвоил себе какое-нибудь устрашающее название (например, «Беспощадный» или «Волчья стая») и, действительно, стяжал громкую славу полным отсутствием элементарной воинской дисциплины. Организация регулярных воинских частей оказалась возможной лишь после того, как 29 мая 1918 года ВЦИК принял постановление о принудительном наборе в Красную армию⁷⁰.

Через 11 лет генерал Бонч-Бруевич предпринял осторожную попытку пересмотра недавнего прошлого. Поскольку в 1929 году еще никто не догадывался ни о триумфальных победах под Псковом и Нарвой, ни о массовом вступлении обывателей в ряды героических защитников Отечества, генерал перенес только заводские гудки, растревожившие сонный Петроград, с ночи на 25 февраля в ночь на 23 февраля 1918 года. Утром 23 февраля советское командование послало к Нарве несколько разведывательных групп численностью до 20-30 человек каждая. Именно эти разведывательные группы и стали, по словам генерала, «*первыми вооруженными силами молодой советской республики, получившими наименование Красная армия*»⁷¹.

В отличие от генерала, явно не склонного к высокому полету фантазии, его младший брат, бывший управляющий делами Совнаркома, проявил незаурядные способности в исправлении минувшего. Вообразив себя не то гениальным военным организатором, не то просто скромным спасителем Отечества, он переместил во времени все те же заводские гудки, возвестившие о падении Пскова, на более удобную для сталинской историографии дату — после полуночи 21 февраля.

По мановению волшебного пера младшего Бонч-Бруевича, угром 21 февраля под окнами Смольного выстроилась десятитысячная дивизия сестро-

---

⁶⁶ Красная газета, 22-23.II.1918.

⁶⁷ Новая Петроградская газета, 27.II.1918.

⁶⁸ *Свердлов Я.М.* Избранные произведения. Статьи, речи, письма. М., 1976, с. 144-149.

⁶⁹ *Ильин-Женевский А.Ф.* Указ. соч., с. 43, 46-47, 58-59.

⁷⁰ Декреты советской власти, т. II, с. 334-335.

⁷¹ Красная газета, 23.II.1929.

рецких рабочих в дубленых полушубках, отороченных по борту белым мехом. Вслед за ними подошли вразвалочку батальоны морской пехоты из Кронштадта, вдали растянулись колонны войск петроградского гарнизона и несметные полки Красной гвардии, а в Смольный устремился неудержимый поток добровольцев, охваченных патриотическим порывом. Обладая столь внушительным воинством, бывший управляющий делами Совнаркома 22 февраля готовился к сражению, а 23 февраля — в соответствии с указаниями «Краткого курса истории ВКП(б)» — обратил в бегство вероломного противника и освободил Псков⁷². Разгромить германскую армию под Нарвой младший Бонч-Бруевич почему-то не захотел; может быть, в период хрущевской оттепели советская пресса и по этой причине о нарвской операции не упоминала.

Нарвский поход

Вполне реальная, судя по направлению главного удара, угроза германского наступления на Петроград побудила советское командование выдвинуть на защиту столицы лучшие воинские части. Нарком по морским делам П.Е. Дыбенко лично повёл навстречу противнику соединение балтийских матросов, отлично зарекомендовавших себя при разгоне и расстреле мирной демонстрации жителей Петрограда в день открытия Учредительного собрания.

Славно покутив в Петрограде 28 февраля и прихватив с собой три конфискованных где-то бочонка спирта, революционные моряки ворвались в застывшую от мороза и страха Нарву 1 марта. Объявив городу свои личные декреты о всеобщей трудовой повинности и красном терроре, нарком по морским делам засел в штабе и занялся перераспределением спирта; братва же приступила к повальным арестам потенциальных контрреволюционеров (особенно учителей нарвской гимназии и самих гимназистов) и безотчётным расстрелам соотечественников, предварительно выгнав нарвских обывателей на улицы для расчистки мостовых от снежных заносов⁷³.

Конфискованный спирт быстро закончился, и к вечеру 3 марта Дыбенко вместе со своим штабом покинул Нарву, увозя с собой телефонные и телеграфные аппараты. Подчинённые наркому войска охватила паника; их сокрушительное отступление удалось остановить лишь через сутки. Перехватив Дыбенко в Ямбурге (с 1922 года Кингисепп), командующий нарвскими отрядами генерал Д.П. Парский и комиссар латышских стрелков К.А. Петерсон попытались уговорить наркома вернуться в Нарву. Пасмурный с перепоя Дыбенко ответил, что его матросы «утомлены», и, приказав братве запретить Парского в одном из вагонов своего поезда, отвалил в Гатчину. На первой же остановке генерал ускользнул из вагона, вернулся в Ямбург и, приступив к исполнению своих обязанностей, послал в разведку 300 сол-

⁷² Знамя, 1955, № 4, с. 154-158.

⁷³ ГАРФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 1288, л. 32-37. Петроградское эхо, 25.IV.1918. Известия, 4.V.1918.

дат местного гарнизона. Результатов этой разведки он не дождался, потому что его солдаты, выйдя из города, разбежались⁷⁴.

Вечером 3 марта германские подразделения, опасаясь ночного боя в Нарве или на ее окраинах, тоже отошли от города на 15 верст назад. К полудню 4 марта небольшой немецкий отряд занял Нарву без боя и не без лёгкого удивления. Опытный боевой генерал Парский сумел всё-таки наладить оборону Ямбурга, но германская армия уже прекратила наступление, поскольку 3 марта в Брест-Литовске был подписан мирный договор. Дыбенко же вместе со своими матросами внезапно возвратился в Ямбург 6 марта, сутки терроризировал местное население и 7 марта умчался наводить революционный порядок в других регионах⁷⁵.

Крыленко, променявший жезл главнокомандующего на дубину государственного обвинителя на следующий же день после подписания Брестского мира, спустя четыре года с умилением вспоминал, как рабочие Петрограда поднялись на защиту советской власти «в критическую ночь» 25 февраля 1918 года и отстояли свой город на позициях у Нарвы и Ямбурга, Пскова и Луги⁷⁶. К 15-й годовщине РККА первый верховный главнокомандующий «пролетарской армией» и выдающийся специалист по организации первых показательных судебных процессов Крыленко был награжден орденом Красного Знамени «за исключительные заслуги перед рабочим классом СССР в деле борьбы с врагами социалистического Отечества»⁷⁷.

Побег в ночи

Германская интервенция в феврале 1918 года имела, как стали извлекаться через несколько десятков лет, поистине судьбоносное значение для страны неизбывных дум и советов. Первыми это почувствовали петроградские жители, ибо уже 20 февраля столицу наводнили слухи о предстоящей эвакуации советского правительства в Москву. Многоопытные журналисты предрекали незамедлительный переезд Совнаркома в Москву, если германские войска оккупируют Псков. В Смольном эти бытовые сплетни презрительно опровергали, но на всякий случай непрестанно совещались с военными специалистами по единственному вопросу: не угрожает ли Петрограду германское нашествие?⁷⁸

Изначально намерение перенести столицу из Петрограда в Москву принадлежало Временному правительству и получило широкую огласку после того, как 21 августа 1917 года германские войска завладели Ригой. В сен-

---

⁷⁴ Петроградский голос, 24.III.1918. Известия Петроградского Совета, 8.V, 10.V.1918. Военно-исторический сборник. М., 1919, в. II, с. 194-218. Военно-исторический журнал, 1966, № 10, с. 125-128.

⁷⁵ Известия, 4.V.1918, 14.V.1918.

⁷⁶ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 76, л. 22-23. Известия Петроградского Совета, 3.IV.1918. Рабочая Москва, 23.II.1922.

⁷⁷ Правда, 23.II.1933.

⁷⁸ Новые ведомости, 21.II.1918.

тябре — начале октября 1917 года правая печать высказывала крайнюю обеспокоенность в связи с вероятностью дальнейшего наступления противника и пугала население слухами о немецких дирижаблях, разлетающихся по окрестностям Петрограда. Волнения по поводу военных неудач усугубляли доносившиеся с газетных полос напоминания о грандиозном немецком погроме, устроенном в Риге российскими солдатами и латышскими мародёрами в ночь перед падением города, и смутные опасения мести со стороны победоносного неприятеля⁷⁹. Пресса левого направления усердно шпыняла малосильную власть за паническое уmonoстроение и рассматривала эвакуацию столицы как недостойную политическую игру.

Временное правительство объявило столицу в опасности и 6 октября вынесло постановление о переводе в Москву основных государственных учреждений⁸⁰. Начало эвакуации было запланировано на 12 октября; само же Временное правительство собиралось покинуть столицу в первых числах ноября, но так и не сумело предпринять какие-либо действия, чтобы оставить беспредельно раскаленную большевиками почву Петрограда.

Намеченный Временным правительством переезд в Москву большевики сразу же расценили как «удар ножом в спину революции»; кто-то из министров в публичном выступлении поинтересовался тогда, не предпочитают ли представители крайних левых партий «удар германским штыком в грудь?»⁸¹. В рабочих кварталах, по свидетельству современника, «готовность правящих патриотов бросить столицу немцам и бежать самим вызвала величайшее негодование». Солдатская секция ЦИК 6 октября приняла специальную резолюцию: «Если Временное правительство не способно защитить Петроград, то оно обязано заключить мир либо уступить место другому правительству. Переезд в Москву означал бы дезертирство с ответственного боевого поста»⁸². За всей этой патетической мишурой скрывались, как обычно, вполне конкретные устремления, ибо перенос правительственных учреждений в другой город всерьёз нарушал планы большевиков по захвату власти.

На заседании Петроградского Совета 9 октября большевики приняли резолюцию о повышении боеспособности петроградского гарнизона и образовании революционного комитета обороны. В прениях Троцкий изложил сгоряча свою программу по организации военного руководства будущей Красной армии: «Мы приставим дуло револьвера ко лбу реакционного генерала, и он будет нашим стратегом и поведет нас туда, куда мы ему укажем»⁸³. Когда меньшевики на том же заседании назвали его подлецом, Троцкий никак не отреагировал на оскорбление, только слегка побледнел.

Спустя всего четыре месяца после октябрьского переворота большевики целиком приватизировали замысел Временного правительства о перемещении столицы в Москву. На следующий день после падения Пскова, 25 фев-

⁷⁹ Русское слово, 22-29.VIII.1917. Современное слово, 6.IX.1917. Вечернее Время, 5-15.IX.1917.

⁸⁰ Биржевые ведомости, 6-7.X.1917.

⁸¹ Биржевые ведомости, вечерний выпуск, 6.X.1917.

⁸² Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992, т. 3, кн. 6, с. 231.

⁸³ Биржевые ведомости, вечерний выпуск, 10.X.1917.

раля, управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич проинформировал Ленина о необходимости экстренного переселения высших сановников из столицы в провинцию. Председатель советского правительства изъявил полное согласие. И Бонч-Бруевич, и Ленин отчётливо сознавали, что главное в ремесле вождей — это вовремя смыться, только формулировали свои понятия в иных выражениях.

Вождя мирового пролетариата и его управляющего весьма беспокоили не только и, очевидно, не столько германские военные действия, сколько массовое обнищание и длительное недоедание жителей столицы, самоуправство демобилизованных солдат и одичание революционных матросов. Хорошо зная, чем может завершиться стихийное возмущение в «колыбели трех революций», вожди торопились укрыться от соотечественников за кремлевскими стенами, разместив по периметру цитадели многочисленную бдительную стражу с пулеметами. В целях сугубой конспирации своего замысла от сограждан Ленин и Бонч-Бруевич *«условились всё это не разглашать, в Москву предварительно не сообщать и переезд организовать насколько возможно внезапно»*⁸⁴.

Во избежание каких-либо недоразумений опасливый Бонч-Бруевич заручился рапортом своего старшего брата — генерала, «разгадавшего замыслы германского командования» и авторитетно подтвердившего целесообразность переезда советского правительства из Смольного в Кремль. Для пущей убедительности генерал Бонч-Бруевич припугнул вождя мирового пролетариата информацией о незащищенности Петрограда — «магнита для немцев» — с севера и в связи с этим высоким риском неприятельского десанта с территории и прибрежных вод Финляндии⁸⁵.

На закрытом заседании Совнаркома 26 февраля Ленин уведомил соратников о своём решении срочно перебраться в Москву, захватив с собой от каждого ведомства «только минимальное количество руководителей центрального административного аппарата», а также *«во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг»*⁸⁶. С тех пор ленинскую тактику многократно использовали чуть ли не все диктаторы XX столетия: при военном перевороте брали в первую очередь почту, телеграф и телефонную станцию, а перед бегством — Государственный банк.

О конфискованном серебре позаботился секретарь ВЦИК В.А. Аванесов. По его распоряжению драгоценный металл «в медалях и вещах» упаковали в ящики, наложив на них печать ВЦИК, и специальным эшелоном доставили в Москву вместе с делами ВЦИК⁸⁷.

С 27 февраля большевики прекратили всякие выплаты населению и организациям Петрограда и закрыли Государственный банк, *«чтобы не*

⁸⁴ Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения в трёх томах. М., 1963, т. III, с. 145.

⁸⁵ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч., с. 146. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957, с. 262-263.

⁸⁶ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 70, л. 1-3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 398.

⁸⁷ Советские архивы, 1988, № 6, с. 49-52.

потворствовать паническим настроениям»⁸⁸. Вслед за этим в Совнарком посыпались телеграммы из Казани, Нижнего Новгорода, Череповца и других городов о полном отсутствии денег в банках, невыплатах жалования трудящимся и забастовках из-за невозможности выкупить хлебный паек⁸⁹. Тем временем коммунистическая пресса напечатала специальное сообщение ВЦИК: «Все слухи об эвакуации из Петрограда Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета совершенно ложны. Совет Народных Комиссаров и Центральный Исполнительный Комитет остаются в Петрограде и готовят самую энергичную оборону Петрограда. Вопрос об эвакуации мог бы быть поставлен лишь в последнюю минуту в том случае, если бы Петрограду угрожала самая непосредственная опасность, чего в настоящий момент не существует»⁹⁰.

Теперь вожди не кидали в толпы пламенные фразы о «дезертирстве с ответственного боевого поста» — речь шла лишь о поспешном исполнении требований «текущего момента» и нескольких постановлений Совнаркома, частично заимствованных у дореволюционного Российского или у Временного правительства, «по разгрузке» Петрограда⁹¹. Чтобы убедить сподвижников и, заодно, жителей столицы в серьезности германской угрозы, «Красная газета» подняла трезвон по поводу неприятельских дирижаблей: 3 марта они вдруг поплыли невесть откуда в сторону Петрограда, но умелым зенитным огнем их удалось отогнать от города. Через несколько дней обнаружилось, что 3 марта в небо поднимался всего один дирижабль, да к тому же не вражеский, а российский, но это открытие уже ничего не меняло, — газетная утка сыграла свою небольшую роль и даже обрела долголетие⁹².

С понедельника 4 марта большевики приступили к эвакуации в Москву правительственных учреждений и казначейства. Одновременно Москву «разгружали» от служащих экстренно упраздняемых заведений, учащихся и беженцев: их просто лишали продовольственных карточек⁹³. Жесткие, энергичные действия советского правительства придавали ленинской диктатуре видимость исправно функционирующего государственного аппарата.

Соратникам, никак не способным уразуметь, зачем бежать в Москву после заключения Брестского мира, Троцкий разъяснял, что смена столицы послужит наилучшей гарантией от захвата Петрограда германской армией, — огромный голодный город без правительства немцам, дескать, не нужен⁹⁴. Такую же аргументацию он использовал в специальном обращении к жителям Петрограда⁹⁵. Публикацию официального извещения о переносе сто-

---

⁸⁸ Новая Петроградская газета, 27.II.1918.

⁸⁹ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 75, л. 13-18.

⁹⁰ Правда, 1.III.1918. Известия, 1.III.1918. Декреты советской власти, т. I, с. 500.

⁹¹ Декреты советской власти, т. I, с. 521-522, 525-526.

⁹² Красная газета, 5.III, 9.III.1918.

⁹³ Красная газета, 5.III, 8.III, 9.III, 12.III.1918.

⁹⁴ Новая жизнь, 12.III.1918. *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1990, т. 2, с. 74.

⁹⁵ ГАРФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 591, л. 28.

лицы Совнарком счел полезным отложить до назначенного на середину марта съезда Советов⁹⁶.

Не обошлось, как водится в таких случаях, без мелких интриг сановников. Проведав о передислокации высшего руководства, нарком просвещения Луначарский, слышавший между большевиками недружелюбным интеллигентом, выдвинул себя на пост петроградского воеводы. Он искренне полагал, будто его присутствие в городе могло бы смягчить у трудящихся, покидаемых своим правительством, горечь понесенной утраты. В конфиденциальной записке на имя Ленина он акцентировал еще и моральный аспект своего пожелания: *«Я сознаю всю ответственность, которую беру на себя, всю тягостность, опасность, скажем, почти гибельность той позиции, которую я прошу у Вас позволения занять, но, если я не ошибаюсь, занять ее является моим долгом»*⁹⁷. Прошение Луначарского вождь мирового пролетариата просто-напросто проигнорировал, а к петроградскому кормилу приставил не без лести преданного Зиновьева. Несостоявшийся генерал-губернатор Петрограда, Луначарский вынужден был по-прежнему довольствоваться креслом главного мандарина советского образования.

В пятницу 8 марта «для более спокойной и продуктивной работы» ретировался в Москву наркомат юстиции, а в субботу 9 марта выбыло руководство ВЧК, взяв с собой для покрытия предстоящих расходов два миллиона рублей. До отъезда чекисты успели основать Петроградский филиал карательного ведомства и предложить коллегам арестовать «видных капиталистов» в качестве заложников⁹⁸.

Поздним воскресным вечером 10 марта под усиленной охраной латышских стрелков пустился в путь и сам вождь мирового пролетариата. Его поезд с неосвещенными окнами вагонов тихо, словно крадучись, отошел от заброшенного полустанка на окраине Петрограда и так же скрытно прошмыгнул в первопрестольную темным морозным вечером 11 марта. Тайную организацию перевозки советского правительства в Москву управляющий делами Совнаркома считал впоследствии одной из самых главных своих заслуг перед партией⁹⁹. Генерал Бонч-Бруевич, назначенный военным руководителем Высшего военного совета, вместе с немногочисленной свитой из штабных офицеров примчался в Москву экстренным эшелоном из 24 вагонов 14 марта — в день открытия Чрезвычайного съезда Советов¹⁰⁰.

Среди участников съезда преобладали большевики. После долгих препирательств делегаты ратифицировали Брестский мир и 16 марта предоставили Петрограду статус провинциального города. Для страны, где символы зачастую подменяли собой реалии, лишение Петрограда прежнего титула означало по сути поворот вспять, возврат в прошлое — к допетровской обособленности и капитальной изоляции населения от «тлетворного влияния»

⁹⁶ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 74, л. 10б.

⁹⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1170, л. 1-2.

⁹⁸ Красная газета, 8.III.1918. В кн.: Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996, с. 51.

⁹⁹ РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 237, л. 10. *Бонч-Бруевич В.Д.* Указ. соч., с. 152-155.

¹⁰⁰ Новое слово, 15.III.1918.

западных демократий. Петроградский наместник Зиновьев попробовал было с трибуны утешить себя надеждой на «временный перенос столицы» и даже протасил это положение в резолюцию съезда, но собравшиеся не разделили его чаяний. Меньшевики попытались было изложить свою точку зрения на происходящее, однако, как только они начинали говорить о «дискредитации революции», неумолимый председатель съезда Свердлов лишал их слова, за что тут же получил прозвище «затыкальщик»¹⁰¹.

Прошла еще одна сумбурная неделя, и 23 марта Петроградское бюро ЦК РКП(б) уведомило кремлёвских обитателей, что в результате скоропалительного побега советского правительства денег в бывшей столице не осталось вообще. В городе полная безработица, запустение и паника, а *«бегство по-прежнему такое, что только пятки сверкают»*. В ответ на просьбу о финансировании нарком продовольствия Цюрупа затребовал подробную смету, что петроградские большевики расценили как чистое издевательство. Особенно же обидел петроградских соратников Дзержинский: *«Бумаги он вывез, следователей вывез, а подсудимых оставил»*¹⁰². Через неделю руководство ВЧК учредило специальную комиссию *«для выяснения дел, которые должны быть продолжены следствием в Контрреволюционном Отделе, и определения состава тех из арестованных, кои должны быть по этим делам переведены из Петрограда в Москву»*¹⁰³.

23 февраля 1918 года

В незапамятные времена глагол *праздновать* означал быть в определенный день *праздным*, то есть отдыхать, пировать и совершать те или иные обряды во славу или в память какого-либо события прошлого. Отчетливо понимая важность всенародных торжеств, нарком по военным делам и председатель Реввоенсовета Республики Троцкий провозгласил 23 февраля днем рождения Красной армии, связав, вопреки очевидности, эту дату с подписанием в 1918 году ленинского декрета об организации РККА. Вслед за Троцким генеральный секретарь, а затем генералиссимус Сталин повелел справлять день рождения Красной армии 23 февраля, связав, тоже вопреки очевидности, эту дату с «решительным отпором», оказанным в 1918 году советскими вооруженными силами «войскам германского империализма» под Псковом и Нарвой.

В 1922 году Троцкий впервые провел 23 февраля военный парад на Красной площади; в 1944 году Сталин впервые распорядился отметить 23 февраля артиллерийским салютом. Однако ни тот, ни другой не видели необходимости в учреждении полноценного праздника с объявлением 23 февраля выходным днем. Может быть, объяснение такой сдержанности вождей сле-

¹⁰¹ Новые ведомости, 16.III.1918. Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов. М., 1920, с. 71. *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции, 1917-1919. М., 1990, с. 209-210.

¹⁰² РГАСПИ, ф. 466, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹⁰³ В кн.: Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996, с. 57.

дует искать на уровне их подсознания, запечатлевшего все, что случилось на самом деле 23 февраля 1918 года?..

...В тот бесцветный зимний день во всех районах Петрограда состоялись митинги, посвященные обороне социалистического Отечества. Местные власти объявили о роспуске пулеметного полка в городе Ораниенбауме (впоследствии Ломоносове) и ружейно-пулеметного батальона Петропавловской крепости, не забыв упомянуть о своем намерении объединить иностранных граждан, не владеющих русским языком, но понимающих по-английски, в первый интернациональный отряд Красной армии¹⁰⁴. В Москве же ничего экстраординарного не случилось. Под утро приплёлся, правда, обшарпанный почтовый поезд, отправленный из Минска с беженцами ещё 19 февраля, да только доставил он, к удивлению встречающих, одних лишь солдат из расформированных подразделений. По рассказам железнодорожных служащих, где-то за Минском недавние фронтовики просто выкинули из вагонов беженцев, не забыв отобрать у них продукты и ценные вещи¹⁰⁵.

...В тот безотрадный зимний день члены ЦК большевистской фракции РСДРП, собравшиеся в Смольном, согласились вывести войска из Прибалтики, Украины и Финляндии, произвести полную демобилизацию армии и выплатить Германии гигантскую контрибуцию. Ради сохранения своей власти Ленин готов был подписаться под любыми условиями «похабного мира» с государствами Четверного союза. *«Для революционной войны нужна армия, а её нет»*, — жёстко аргументировал он навязанное сподвижникам решение. Вождю мирового пролетариата поддакивал, как обычно, Зиновьев: *«По опыту последних дней ясно, что нет энтузиазма, замечается лишь всеобщая усталость»*¹⁰⁶.

...В тот беспокойный зимний день состоялось ещё и заседание ВЦИК под председательством Свердлова. Несмотря на категорические возражения 85 его участников, 116 членов ВЦИК при 25 воздержавшихся глубокой ночью приняли продиктованные германским правительством условия безоговорочной капитуляции; двое анархистов от голосования отказались¹⁰⁷.

...В тот же безысходный зимний день вождь мирового пролетариата приказал обеспечить в ночь на 24 февраля безотлучное дежурство технического персонала на радиостанции Царского Села, дабы радиотелеграмма советского правительства «могла быть отправлена безотлагательно и с полной гарантией»¹⁰⁸. В 7 часов утра 24 февраля Ленин телеграфировал в Берлин: *«Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4 ½ часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира,*

¹⁰⁴ Красная газета, 24.II.1918.

¹⁰⁵ Утро России, 24.II.1918.

¹⁰⁶ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918. Стенографический отчёт. М., 1962, с. 265-271.

¹⁰⁷ ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 18, д. 8, л. 1-29. Правда, вечерний выпуск, 25.II.1918.

¹⁰⁸ Ленинский сборник, XI, с. 27.

предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск»¹⁰⁹.

...В тот бесславный зимний день Ленин и его приспешники раскололи страну на два непримиримых лагеря, после чего полномасштабная гражданская война стала совершенно неизбежной. Сотрудничество большевиков с германским правительством обернулось в конечном счете не только перманентной агрессией, направленной против сограждан, но и предательством военных союзников России и международного социал-демократического движения. Подписав Брестский мир, ленинская партия поставила, наконец, точку в публичном доказательстве своего «права на бесчестие», по определению Достоевского.

Вытеснив из памяти неприятные впечатления, связанные с постыдной капитуляцией, Троцкий назначил на 23 февраля всенародный праздник. Продолжив традицию ежегодного торжества, Сталин постарался навсегда вытравить из сознания своих подданных позорное пятно на прошлом его империи.

Каждый диктатор знает толк в фальсификации минувшего и, потерпев поражение, тотчас претендует на лавры триумфатора. Так, после беспримерного разгрома вооруженных сил Ирака в 1991 году Саддам Хусейн объявил о великой победе своей страны над западной коалицией.

Но что же, в сущности, отмечают у нас в приснопамятный день 23 февраля — тактический успех германской армии или конец петербургского периода российской истории и культуры?

---

¹⁰⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 381.

**«...ДЛЯ ИУДЕЕВ СОБЛАЗН,
ДЛЯ ЭЛЛИНОВ БЕЗУМИЕ...»**

**Библейский параллелизм, античная риторика
и антиномическое богословие***

Мы привычно говорим, что христианское богословие насквозь антиномично. Мусульманин признает, что Бог Един, что Мухаммед — Его посланник и что Коран — Его слово, продиктованное Им Мухаммеду; на этом вполне возможно поставить точку. Но как только христианин говорит, что Бог триедин, что Христос — Бог и человек, а Библия — собрание книг, написанных разными авторами в разные времена по вдохновению Святого Духа, ему приходится ставить вопросительные знаки. Мой пятилетний сын задает вопросы: кто такой Бог? Кто такой Иисус? С точки зрения мусульманина было бы очень просто ему ответить, но христианин обязан давать сложные ответы, плохо понятные не только пятилетнему ребенку, но и многим взрослым. Ведь на эти вопросы христианское богословие отвечает с помощью антиномий, то есть богословских формул, которые сочетают воедино несочетаемое.

Древние религии не видели ничего странного в том, что боги могут обладать несколькими лицами, или что потомки богов и смертных могут быть частично богами, а частично людьми. Но только христианство заявило со всей определенностью, что три равняется одному (Триединство Бога), а один плюс один дает один (божественная и человеческая природы Христа в единой Личности). Только христианство категорически настояло на том, что любое отклонение от этого парадокса есть не просто частная точка зрения, но измена вере.

Савелиане полагали, что Бог Един и лишь является людям в трех лицах, как Афина являлась Одиссею в разных обликах. Ариане настаивали, что Сын не равен Отцу. Казалось бы, эти маленькие отступления от основной линии были совершенно понятны и извинительны, они приближали христианское богословие к представлениям язычников об их собственных богах. Но Церковь решительно вводила в свои вероучительные документы (такие, как

* Статья основана на докладе, сделанном в Москве на Первых Библейских чтениях памяти о. Александра Меня 11 сентября 2004 года.

**Андрей
ДЕСНИЦКИЙ**

— родился в 1968 году в Москве. Окончил классическое отделение филологического факультета МГУ. Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор многих работ по библеистике и истории древней культуры. Живет в Москве.

Символ Веры) определения, которые однозначно исключали савелианство, арианство и многие иные «поправки» к христианскому богословию, провозглашая их ересями. Она настаивала на антиномичном мышлении, соединявшем положения, несоединимые с точки зрения формальной логики: Бог троичен и един, Христос есть полностью Бог и полностью человек.

Это есть уже в Евангелии. Посмотрим, например, на историю, рассказанную в 7-й главе Евангелия от Луки (36-47)¹. Женщина приходит на пир помазать миром ноги Иисуса, и Он, видя, что пирующие смотрят на нее неодобрительно, рассказывает им притчу о двух должниках, которым были прощены долги. Притчу Он заканчивает таким выводом (стихи 44-47):

Видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отёрла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит.

Что первично: Божье прощение или благодарная любовь человека к Богу? Что служит причиной, а что следствием? На этом в свое время было сказано немало богословских копий: одни утверждали, что Божье прощение безусловно и зависит только от Божьего выбора, а человек никак не в силах на него повлиять; другие утверждали, что от человека тоже требуется определенный волевой акт, чтобы это прощение получить. Но на протяжении всей этой истории Иисус не выносит четкого определения, а под конец ее дает определение остро парадоксальное: одновременно первичны и любовь («прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много»), и прощение («кому мало прощается, тот мало любит»). Курица прежде яйца, а яйцо прежде курицы².

Антиномии важны не только в богословии. Ведь христианство есть прежде всего вера в воплощение. Следовательно, и христианское богословие воспринимается нами не просто как некий набор абстрактных идей, но как живые истины, воплощенные в истории, а антиномии пронизывают все грани христианской культуры, самой христианской жизни. Причащаясь, христианин принимает то, что, с одной стороны, остается хлебом и вином, а с другой — становится плотью и кровью Христа. Становясь на молитву перед иконой, он созерцает, с одной стороны, доску и краски, а с другой — невидимый первообраз. Приходя в храм на праздник, он, с одной стороны, включается в годичный цикл богослужения, идущий из года в год по тому же кругу, а с другой стороны — участвует в движении мировой истории от ее начальной точки (сотворение мира) до конечной (новые небо и земля).

¹ Этот пример мне подсказал О.М. Лазаренко.

² В русском переводе эта евангельская фраза может показаться содержащей повтор, инверсию — дескать, мало прощается тому, кто мало любит. Однако греческая конструкция оригинального текста такое толкование едва ли поддерживает (см. в том же Евангелии сходные выражения в 8:18, 9:48, 9:50 и 14:33).

Выходя из храма, он, с одной стороны, должен помнить о неотмирности своего земного отечества, а с другой стороны — призван активно действовать в конкретном земном отечестве.

Именно поэтому антиномичность — не абстрактный богословский термин, но образ жизни христианина. И большинство споров из области богословия и практики христианской жизни были и остаются поиском точки равновесия между двумя антиномическими полюсами. Верность традиции и открытость сегодняшнему дню; точное следование правилам и снисхождение к данному конкретному грешнику; национальное своеобразие и вселенскость — вот только некоторые примеры. Забывать об одном из полюсов — не просто интеллектуальная ошибка, но подлинная духовная катастрофа, на святоотеческом языке называемая ересью.

Разумеется, само христианское благовестие — с небес, а не от человек, но облечено оно всегда в культурно-историческую «плоть» догматов. Именно на этой плоти мы остановимся и зададимся вопросом: откуда берут свое начало некоторые характерные черты антиномического богословия?

Ответ известен давно: христианство возникло в точке пересечения двух традиций, библейской и античной, возникло как результат их синтеза.

Этот синтез осуществлялся в течение многих веков. Вспомним, что большинство дошедших до нас риторических трактатов античности было написано уже после Нового Завета. С другой стороны, живая стихия арамейско-сирийского словесного творчества, непосредственно продолжающего библейскую традицию, постоянно оказывала свое влияние на греческий Константинополь. Достаточно сказать, что самый известный проповедник раннего христианства, Иоанн Златоуст, равно как и самый известный поэт, Роман Сладкопевец, прибыли в столицу из Сирии.

Античные истоки христианского богословия кажутся вполне очевидными. В самом деле, богословы первых веков отошли от простого языка Библии и заговорили в терминах греческой философии — и более уже от этого языка не отказывались: *сущность, ипостась, энергия* — все это слова философов, а не пророков и евангелистов. Казалось бы, содержание христианского благовестия пришло от евреев, но его форма была взята у греков. Однако если мы сравним античную риторику и библейский параллелизм, мы легко убедимся, что и в форме от евреев взято очень и очень много.

Но как нам определить — что именно пришло от греков, что от евреев и в чем вообще различие между ними?

Каждая письменная традиция вырабатывает собственные способы сотенения текстов с реальностью, свои пути из мира слов в окружающий мир. Античная литература пользовалась огромным количеством самых разнообразных приемов, которые мы сегодня объединяем под названием «риторика». Для библейской традиции похожую роль играло явление, которое сегодня мы называем «параллелизмом». Иногда термины «риторика» и «параллелизм» понимаются очень узко, как определенные внешние приемы организации текстов, но здесь мы будем использовать их в широком смысле, как привычные двум культурам образы мышления. В чем разница между ними?

Сравним два почти синхронных текста, говорящих о человеческом гневе. Вот первый из них:

Вы слышали, что сказано древним: «не убивай»; кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду; кто же скажет брату своему «пустой человек», подлежит синедриону, а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной (Евангелие от Матфея, 5:21-22).

А вот второй:

Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всеми этими свойствами они обязаны незнанию добра и зла. Я же, после того, как познал природу добра и зла и природу самого заблуждающегося, не могу ни потерпеть вреда от кого-либо из них, ни гневаться, ни ненавидеть его... Противодествовать друг другу противно природе: не досадовать на людей и чуждаться их и значит им противодействовать (Марк Аврелий, Размышления, 2.1)³.

Можно ожидать, что читатели сделают из этих двух высказываний один и тот же вывод: добродетельный человек не должен гневаться на других людей. Но придут они к этому выводу совершенно разными путями. Евангелист вводит эту мысль в контекст абсолютных ценностей Десяти Заповедей, причем для него достаточно сослаться на авторитет Учителя. Марк Аврелий предлагает некое субъективное объяснение, доказывая своему читателю, почему прав именно он. Первый показывает, какое место занимает гнев в этом мире. Второй — доказывает, почему гнев не имеет смысла для конкретного человека. Никому не известный иудей властно приказывает, великий император — убеждает. Почему получается так?

Параллелизм помогает библейскому автору выстроить определенную картину мира с некоторыми абсолютными ориентирами. Чтобы внести в эту картину новый элемент, нужно просто подобрать ему соответствующую положительную или отрицательную параллель: гневаться — то же, что и убивать. Весь мир описывается как сложная система, где все взаимосвязано, все приковано к единой системе ценностей. Указать на место того или иного явления в этой системе очень просто: надо приравнять его к другому, уже известному.

Но для античной литературы подобной абсолютной системы нет (хотя, безусловно, есть некоторые общепризнанные ориентиры). Поэтому картину мира приходится в некотором смысле рисовать каждый раз заново. Широко известна практика риторических школ поздней античности, где одному и тому же ученику предлагалось составить две речи, отстаивающие две противоположные позиции.

Как пишет об этом Дж.А. Соджин⁴, «у греков и римлян речь была рассчитана на убеждение слушателя с помощью логической аргументации, поэтому она носила достаточно отвлеченный характер, даже если и сопровождалась конкретными примерами. Такая речь апеллировала к здравому смыслу слушателей. В древнееврейской традиции... публичное выступление

³ Перевод С. Роговина.

⁴ Соджин. Дж.А. *Долитературная стадия библейской традиции. Жанры // Библейские исследования*. Сб. статей под ред. Б. Шварца, М., 1997, с. 101-102.

было рассчитано на воздействие совершенно иного рода... Истина здесь появляется не как объективный элемент, который следует изучить и спокойно оценить перед тем, как принять решение. Ей необходимо поверить, принять ее не под действием внешних доводов, а внутренне».

Разумеется, это не значит, что древнееврейская мысль была глуха к внешним доводам или, говоря шире, к формальной логике. Широко известно, что уже к новозаветному времени были выработаны семь «правил» (точнее было бы сказать — моделей) толкования Писания, которые приписывались рабби Гиллелю. Позднее число этих правил было увеличено до 15 (и они приписывались рабби Ишмаэлю) и даже 32 (у рабби Элизера). Интересно, что эти правила основывались не на силлогизме, как у античных авторов, а именно что на параллелизме: если к такому-то месту Писания применимо такое-то понимание, то оно будет применимо и к другому.

Но античному автору, чтобы звучать весомо, нужен был мощный логический аппарат. Если ему, как библейскому пророку, недостаточно было сказать «то-то подобно тому-то», то он должен был выстроить тонкую и убедительную систему доказательств. А для этого явления окружающего мира должны быть четко определены и грамотно классифицированы, равно как и дозволенные способы доказательств.

И такие классификации, действительно, были созданы. С.С. Аверинцев пишет об этом: «В Афинах... была выработана культура дефиниции, и дефиниция стала важнейшим инструментом античного рационализма. Мышлению, даже весьма развитому, но не прошедшему через некоторую специфическую выучку, форма дефиниции чужда. Можно прочесть весь Ветхий Завет от корки до корки и не найти там ни одной формальной дефиниции; предмет выясняется не через определение, но через уподобление по принципу “притчи”. Освященная тысячелетиями традиция построения высказываний продолжена и в Евангелиях: “Царство Небесное подобно” тому-то и тому-то — и ни разу мы не встречаем: “Царство Небесное есть то-то и то-то”»⁵.

Для библейского автора этого было уже достаточно, потому что существовали абсолютные ценности, которые безусловно должны были разделяться и его читателями. Исайе достаточно было начать свою проповедь с обращения к небу и земле, ибо «так говорит Господь»; Сократу приходилось начинать каждый диалог от азбучных истин, заставляя данного конкретного собеседника под собственным чутким руководством самостоятельно выстраивать сложную систему силлогизмов, приводящую к верному суждению. Исайя орлом слетает с горной вершины, Сократ, как альпинист, начинает тяжелое восхождение от самого подножья.

Итак, основная цель эллинистического писателя (будь то поэт, философ, историк или ритор) состоит в том, чтобы найти подходящую нишу для описываемого явления, по пунктам сравнить его с подобными ему и сделать соответствующий вывод. Всякая классификация по определению должна быть однозначна и непротиворечива. Логика превыше всего — таков девиз античного мыслителя.

---

⁵ Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996, с. 337.

Здесь будет уместно вспомнить одну встречу между двумя людьми, один из которых принадлежал к библейской, а другой — к античной традиции (Евангелие от Иоанна, 18:33-38):

Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему:
Ты Царь Иудейский?

Нетрудно понять логику Пилата. Если кто-то называет этого странного Человека царем, то римскому чиновнику требуется четко определить, претендует ли подсудимый и в самом деле на царское звание. Однако Иисус отказывается беседовать об отвлеченных категориях. Для Него важнее всего в этой беседе — личные отношения: называя кого-то словом «царь», человек ставит себя в определенное положение по отношению к этому царю, именно поэтому важно понять, говорит ли Пилат от себя или пересказывает чужие слова. Царь для Иисуса — тот, у кого есть служители, тот, кого признают царем и кому служат как царю. И потому вопрос «является ли N царем?» не имеет особого смысла. Гораздо важнее дать ответ на другой вопрос: «признаю ли я N царем и готов ли служить ему как царю?»

Иисус отвечал ему:

— От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне?

Пилат отвечал:

— Разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?

Иисус отвечал:

— Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда.

Пилат сказал Ему:

— Итак, Ты Царь?

Иисус отвечал:

— Ты говоришь, что Я Царь.

Разговор продолжается:

— Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Пилат услышал слово «истина», столь знакомое ему по философским трактатам — ведь он наверняка был человеком образованным. И это слово, наверное, показалось ему приглашением к увлекательной философской беседе...

Пилат сказал Ему:

— Что есть истина?

И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им:

— Я никакой вины не нахожу в Нем.

Совершенно не обязательно представлять себе Пилата законченным циником, который издевается над Иисусом и не признает существования истины. Судя по его поведению, задавая свои вопросы, он искренне стремится понять Иисуса и относится к Нему с симпатией. А если собеседник начинает оперировать таким сложным понятием, как «истина», то для всякого

разумного человека разговор не будет иметь смысла без четкого определения этого понятия. Итак, что есть истина?

Но для человека библейской традиции истина несводима к какой бы то ни было дефиниции, истина — это то, что возникает в отношениях между Богом и людьми. Не случайно ветхозаветное слово *эмет*, которое чаще всего и переводят как «истина», относится прежде всего к сфере межличностных отношений. Вот первое место, где это слово встречается в Библии: «благословен Господь Бог господина моего Авраама, Который не оставил господина моего милостью Своею и *истиною* Своею!» (Быт 24:27). Разумеется, такая истина не может быть определена в словесных формулировках, но она рождается там, где возникает диалог двоих.

Да и сами понятия, которые в античной традиции выглядели бы абстрактными терминами, обретают в Библии максимальную конкретность. Достаточно вспомнить книгу Притчей, где Премудрость и Глупость выступают в виде двух женщин, призывающих к себе людей. А вот удивительные строки псалма 84/85 (стихи 11-14):

Милость и истина встретятся,
правда и мир облобызаются.
Истина произрастет от земли,
а праведность взглянет с небес,
и благо подаст Господь,
а земля наша — свой урожай,
правда пойдет пред Ним,
стопы свои поставит на путь.

С точки зрения древнего грека, это могла быть игра слов или история из жизни богинь Дике и Эйрене («правда» и «мир»). Но скорее всего, эти строки грек счел бы поэтическим вымыслом, если не полным абсурдом. Как истина может существовать самостоятельно, не будучи выраженной в логических пропозициях? Как может милость произрастать из земли, если это — определенная форма поведения? И уж тем более — как могут они облобызаться?!

Но в том-то и дело, что для еврейского псалмопевца, в отличие от античного философа, объективны и первичны сами эти понятия, поскольку для него первичен Единый Бог, а не многоипостасный человеческий разум.

Христианское богословие и возникнет как синтез двух подходов, Пилата и Иисуса. Иисусу были не нужны догматические формулировки, но в них нуждался Пилат, именно поэтому они и появились. Но, следуя за Иисусом, христианство помнило, что эти формулировки — лишь указатели на пути к Истине, но не Сама Истина.

Однако продолжим наш анализ. С любовью к определениям связана и любовь античных авторов к классификациям, причем проявлялась она далеко не только в научных текстах, где такая классификация может быть названа необходимостью. Прочитаем отрывок из знаменитого «списка кораблей» во второй песне Илиады (2.511-527):

Град Аспледон населявших и град Миниеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил, и Иялмен, Ареевы чада;

Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная; некогда терем ее возвышенный
Мошный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.
С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.
Вслед ополченья фокеев Схедий предводил и Эпистроф,
Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;
Криссы веселые доли, и Давлис, и град Панопею;
Жили кругом Шиампола, кругом Анемории злачной;
Вдоль по Кефису реке, у божественных вод обитали;
жили в Лалее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополчением черных судов принеслося.
Оба вождя устроили ряды ополчений ахейских,
И близ беотян, на левом крыле, ополчались к бою⁶.

Гомер перечисляет различные племена, вышедшие сражаться с троянцами. Но он не просто называет их имена, вождей и количество кораблей. Каждое племя описывается в деталях: где живут эти люди и каковы особенности этих местностей, какие мифы связаны с происхождением их предводителей и каково было место этих воинов в общем строю ахейцев. Ни одно племя невозможно перепутать с остальными, каждая деталь описания глубоко индивидуальна и подчеркивает отличия данного племени от всех остальных.

А вот образец ветхозаветного текста, который по форме стоит ближе всего к этому списку (Числа 1:20-27):

И было сынов Рувима, первенца Израилева, по родам их, по племенам их, по семействам их, по числу имен, поголовно, всех мужеского пола, от двадцати лет и выше, всех годных для войны, исчислено в колене Рувимовом сорок шесть тысяч пятьсот. Сынов Симеона по родам их, по племенам их, по семействам их, по числу имен, поголовно, всех мужеского пола, от двадцати лет и выше, всех годных для войны, исчислено в колене Симеоновом пятьдесят девять тысяч триста. Сынов Гада по родам их, по племенам их, по семействам их, по числу имен, от двадцати лет и выше, всех годных для войны, исчислено в колене Гадовом сорок пять тысяч шестьсот пятьдесят. Сынов Иуды по родам их, по племенам их, по семействам их, по числу имен, от двадцати лет и выше, всех годных для войны, исчислено в колене Иудином семьдесят четыре тысячи шестьсот.

Разница огромна. Библейский автор, не утомляясь, перечисляет списки имен и цифры, но почти ни о ком не сообщает никаких подробностей. Одно имя неотличимо от другого имени, одно колено — от другого колена, так что современному читателю все это кажется скучным до зевоты. Единственное, что имеет значение, — это единое целое.

Можно было бы подумать, что дело здесь — в жанровом своеобразии. Ведь «Илиада» — эпическая поэма, ей положено быть цветистой, в отличие от сухих списков и генеалогий. Но если мы взглянем на псалмы, мы увидим нечто подобное. Обратимся к 113/114-му псалму:

---

⁶ Перевод Н.И. Гнедича.

Когда вышел Израиль из Египта,
род Иакова — от народа чужого,
Иуда сделался святыней Его,
Израиль — владением Его.

Можно воспринимать колено Иуды как часть единого израильского народа, а можно противопоставлять северное и южное царства, Израиль и Иудею, но в любом случае Иуда и Иаков-Израиль — не одно и то же. Но псалом никак не отражает этого, и разница размывается до полного исчезновения — вероятно, псалмопевец хотел тем самым подчеркнуть единство израильского народа. И невозможно представить себе, чтобы псалмопевец, как сделал бы это Гомер, воспевал одно колено или один город, пусть даже Иерусалим, только как Иерусалим, обладающий своими уникальными чертами и отличающийся тем самым от всех других городов. Нет, Иерусалим будет центром вселенной, той точкой, куда соберутся все народы, забыв о своих различиях (Псалом 67/68:28-30):

Там ведет их малый Вениамин,
там все множество князей Иуды,
князя Завулону, князя Неффалима.
Заповедал Бог тебе мошь,
Боже, силу Свою яви,
как ты прежде являл ее нам!
Ради храма Твоего в Иерусалиме
понесут цари Тебе дары.

Но особенно удивительный образ мы находим в 132/133-м псалме, где перечисляется несколько явлений и событий, связь между которыми можно восстановить только по самому общему контексту, исходя из нашего понимания всей ветхозаветной культуры. Вот дословный перевод этого псалма:

Песнь ступеней. Давиду.
Как хорошо, как приятно
жить братьям вместе!
Так елей драгоценный с макушки стекает на бороду,
на бороду Аарона, на складки его одежды;
Так роса Хермона стекает по склонам Сиона.
Там Господь заповедал благословение жизни — навеки!

Псалмопевец словно нанизывает на нить своего произведения образ за образом, оставляя читателю самому догадываться, что общего между ступенями, Давидом, братьями, маслом, бородой Аарона, горами Хермон и Сион; а также почему роса одной горы попадает на другую, отстоящую от нее на пару сотен километров, где и как Господь заповедал «благословение жизни вовек» и что вообще все это означает.

Б. Дойле, назвавший этот псалом «прерванной метафорой», предлагает такое толкование⁷: речь идет о единстве израильского народа, причем это единство может иметь несколько измерений. Так, упоминание Сиона, куль-

⁷ Doyle B. *Metaphora Interrupta: Psalm 133* // *Ephemerides Theologicae Lovanenses* 77 (2001), pp. 5-22.

тового центра, и Аарона, основателя первосвященнического рода, указывает на религиозное и культовое единство, а упоминание двух гор — галилейского Хермона и иерусалимского Сиона — может указывать на призыв к политическому единству двух государств, Израильского и Иудейского царств. Интересно, что описывает он это единство с помощью столь смелого образа — роса с одной горы попадает на другую, так, что они сливаются до полного неразличения. Здесь нет уже ни Израиля, ни Иуды по отдельности.

Итак, библейского автора интересует общее, а античного — частное. Разумеется, различия в подходах к описанию окружающего мира сказываются и тогда, когда авторы описывают своих персонажей. С.С. Аверинцев отмечал, что для античного автора действующее лицо — прежде всего маска, и «сами слова, передающие в “классических” языках понятие личности (греч. *просопон*, лат. *персона*) означают театральную маску и театральную роль»⁸. Соответственно, каждый человек, как и каждый предмет, попадает в ту или иную рубрику детальной классификации. Такую систему человеческих индивидуальностей разработал ученик Аристотеля Феофраст в своем труде «Нравственные характеры».

Отмечая, что и авторы обычно воспринимали мифологических героев как своего рода застывшие театральные «маски», Аверинцев цитирует Послание Горация к Пизонам (*Ars Poetica*), 120-124⁹:

...Ахилла ли славного вывести хочешь —
Гневен и бодр, неустанен, к мольбам неподатлив, свои пусть
Знает законы, всего пусть оружием он достигает,
Дикой, упрямой Медею представь, Иксиона коварным,
Ио блуждающей, жалкою Ино, печальным Ореста.

Но в Библии нет не только таких классификаций, но и вообще психологических портретов в нашем понимании этого слова. Как пишет Аверинцев, «это каждый раз психология лжи, а не лжеца, образ лености, а не «характер», не «маска» лентяя. Душевные свойства описываются в Библии как динамическая энергия, а не как душевный атрибут»¹⁰.

Далее Аверинцев цитирует Д.С. Лихачева¹¹, по свидетельству которого, древнерусские авторы описывают состояния души, а не характеры людей. По-видимому, это черта общая для многих, если не всех средневековых культур. Особенно ярко она проявляется в житиях святых, в которых переход от греха к святости совершается сразу и целиком, как у Марии Египетской, которая из отъявленной блудницы стала идеальной отшельницей.

⁸ Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996, с. 24.

⁹ Перевод А.В. Артюшкова; см. анализ этого отрывка в: Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996, с. 26-27.

¹⁰ Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996, с. 25.

¹¹ Лихачев Д.С. *Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV вв.)*. М. — Ленинград, 1962, с. 64-66.

Жития скорее указывают на общее, а не на частное, как и краткие ремарки о правлении иудейских царей (4 Царств 13:10-13):

В тридцать седьмой год Иоаса, царя Иудейского, воцарился Иоас, сын Иоахазов, над Израилем в Самарии, и царствовал шестнадцать лет, и делал неугодное в очах Господних; не отставал от всех грехов Иеровоама, сына Наватова, который ввел Израиля в грех, но ходил в них. Прочее об Иоасе и обо всем, что он сделал, и о мужественных подвигах его, как он воевал с Амасиею, царем Иудейским, написано в летописи царей Израильских. И почил Иоас с отцами своими, а Иеровоам сел на престоле его. И погребен Иоас в Самарии с царями Израильскими.

Для библейского автора не так важно запечатлеть уникальные черты личности того или иного царя, но исключительно важно место его поступков на шкале абсолютных ценностей. Конечно, о многих других царях будет сказано гораздо подробнее, но все равно еврейских повествователей будет интересовать скорее общее, а не частное; они будут оценивать поступки, а не классифицировать характеры.

Греки, напротив, как отмечает Аверинцев, «увидели телесно-душевный облик человека как систему черт и свойств, как целостную и закономерную предметную структуру, подлежащую наблюдению в последовательном ряде ситуаций»¹². Вот как, например, начинается Плутарх биографию Агесилая¹³:

Царь Архидам, сын Зевксидама, правивший лакедемонянами с большой славой, оставил после себя сына по имени Агид от своей первой жены Лампидо, женщины замечательной и достойной, и второго, младшего — Агесилая от Эвполии, дочери Мелесиппида. Так как власть царя должна была по закону перейти к Агиду, а Агесилаю предстояло жить, как обыкновенному гражданину, он получил обычное спартанское воспитание, очень строгое и полное трудов, но зато приучавшее юношей к повиновению. Поэтому-то, как сообщают, Симонид и назвал Спарту «укрошающей смертных»: благодаря своему укладу жизни, она делает граждан необычайно послушными закону и порядку, подобно тому как лошадь с самого начала приучают к узде. Детей же, которых ожидает царская власть, закон освобождает от подобных обязанностей. Следовательно, положение Агесилая отличалось от обычного тем, что он пришел к власти, после того как сам приучен был повиноваться. Вот почему он лучше других царей умел обходиться со своими подданными, соединяя с природными качествами вождя и правителя простоту и человеколюбие, полученные благодаря воспитанию.

Личность главного героя у Плутарха — в самом центре. Все остальные сведения по истории, мифологии и обычаям его родного края приводятся в качестве иллюстрации или примечания. Важнее всего для Плутарха описать, что это был за человек. Даже его поступки часто преподносятся как иллюстрация определенных черт его характера.

¹² Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996, с. 25.

¹³ Перевод К.П. Лампсакова.

Собственно говоря, чем это отличается от библейского повествования? Ведь там мы тоже находим исключительно яркие образы, мы видим людей, которые показаны «в последовательном ряде ситуаций».

Но библейского автора интересует не портрет, но действие, не статика, но динамика. Для него не так важно, каков был царь и каковы были черты его характера, но исключительно важно, что он сказал и что сделал.

В каком-то смысле даже библейские повествования следуют второй заповеди, запрещающей «изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исход 20:4). Ведь не случайно одно из наивысших проявлений античной языческой религии мы видим там, где скульптор изображает свое божество в образе прекрасного человека, но еврею это было просто запрещено делать. Он должен не любоваться красотой Бога, но вспоминать, что Бог сделал для него и его народа и что он повелел делать ему самому. Точно так же и в словесном творчестве на первом месте для еврея будет не описание и не портрет, но поступок и слово.

Потому еврею и не нужна такая детальная классификация, как греку. Главное — помнить о кардинальном различии между добром и злом, и этого уже достаточно. Портрет можно разложить на тысячи мелких деталей, но вот поступок может быть праведным или греховным, и этого уже достаточно.

Конечно, сравнивать подробное повествование Плутарха об Агесилае с кратким упоминанием о второстепенном царе Иоасе было бы несправедливо. Потому давайте посмотрим, как вводит библейский повествователь главного царя Израиля — Давида.

Впервые он упоминается в 16-й главе 1-й Книги Царств, и оказывается на заднем плане. Самуил приходит в дом Иессея, чтобы помазать нового царя, и выясняется, что этот царь — самый младший сын, которого отец даже не счел нужным показать пророку. Конечно, это особый прием, который позволяет повествователю подчеркнуть, сколь неожиданным был Божий выбор, павший на безвестного пастушка.

Но и потом Библия говорит о Давиде крайне мало. Характеристики обрывочны и даются только в связи с каким-либо действием (1 Царств 16:17-21):

И отвечал Саул слугам своим: «Найдите мне человека, хорошо играющего, и представьте его ко мне». Тогда один из слуг его сказал: «Вот, я видел у Иессея Вифлеемлянина сына, умеющего играть, человека храброго и воинственного, и разумного в речах и видного собою, и Господь с ним». И послал Саул вестников к Иессею и сказал: «Пошли ко мне Давида, сына твоего, который при стаде». И взял Иессей осла с хлебом и мех с вином и одного козленка, и послал с Давидом, сыном своим, к Саулу. И пришел Давид к Саулу и служил пред ним, и очень понравился ему и сделался его оруженосцем.

О дарах Иессея (хлеб, вино и козленок) здесь сказано едва ли не больше, чем о самом Давиде — вероятно, потому, что эти дары — неотъемлемая часть действия. Далее Давид появляется в 17-й главе, и вновь мы видим, что его личность описывается менее подробно, чем та провизия, которую он везет с собой (2 Царств 17:12-18):

Давид же был сын Ефрафянина из Вифлеема Иудина, по имени Иессея, у которого было восемь сыновей. Этот человек во дни Саула достиг старости и был старший между мужами. Три старших сына Иессеевы пошли с Саулом на войну; имена трех сыновей его, пошедших на войну: старший — Елиав, второй за ним — Аминадав, и третий — Самма; Давид же был меньший. Трое старших пошли с Саулом, а Давид возвратился от Саула, чтобы пасти овец отца своего в Вифлееме... И сказал Иессей Давиду, сыну своему: «Возьми для братьев своих ефу сушеных зерен и десять этих хлебов и отнеси поскорее в стан к твоим братьям; а эти десять сыров отнеси тысяченачальнику и наведайся о здоровье братьев и узнай о нуждах их».

И, наконец, ближе к концу рассказа о битве с Голиафом мы встречаем портрет Давида, данный как бы между прочим (2 Царств 17:42):

...взглянул Филистимлянин и, увидев Давида, с презрением посмотрел на него, ибо он был молод, белокур и красив лицом.

Кажется, если бы приятная внешность юного Давида не вызвала презрения у филистимского богатыря, автор и не счел бы нужным упомянуть о ней! Вновь мы видим, что портрет дается лишь как фон для главного в рассказе — действия.

Но, может быть, дело еще и в том, что мы рассматривали повествовательные тексты, в которых действительно должно превалировать действие? В Ветхом Завете есть и Песнь Песней, пронизанная описаниями. Собственно, вся эта книга — описание любви двоих, будь то Соломон и Суламифь, другой жених и другая невеста, Бог и Израиль, Бог и человеческая душа, Христос и Церковь (все эти толкования были широко распространены в разных традициях¹⁴). Это никак не история, подобная истории Давида или других царей, это нечто совсем другое, очень лиричное и наполненное самыми подробными и нежными описаниями. Может быть, мы найдем здесь нечто подобное статичным описаниям, которые столь характерны для эллинистических идиллий (ведь само название жанра, *эйдиллион*, в переводе с греческого значит «картинка»)?

Прочитаем, что говорит лирический герой о своей возлюбленной в начале 4-й главы (1-7)¹⁵:

Как прекрасна ты, милая, как ты прекрасна!

Твои очи под фатою — голубицы,

Твои волосы — как стадо коз, что сбегает с гор гилеадских,
Твои зубы — как стриженные овцы, возвращающиеся с купанья,
родила из них каждая двойню, и нет среди них бесплодной.

Как багряная нить твои губы, и прекрасна твоя речь.

Как разлом граната твои щеки из-под фаты.

Как Давидова башня твоя шея, вознесенная ввысь.

Тысяча щитов повешано вокруг — все оружие бойцов!

¹⁴ Великолепный обзор традиционных толкований на эту книгу см. в Фаст прот. Г. *Толкование на книгу Песнь Песней Соломона*. Красноярск, 2000.

¹⁵ Перевод И.М. Дьяконова и Л.Е. Когана.

Две груди твои — как два олененка,
Как двойня газели, что бродят среди лилий.
Пока не повеял день, не двинулись тени,
Я взойду на мировой холм, на ладановую гору —
Вся ты милая, прекрасна, и нет в тебе изъяна.

Здесь все наполнено движением. Волосы-козы сбегают, а шея-башня возносится, и это еще довольно легко вообразить, но вот как возвращаются с купанья и рожают двойню зубы-овцы или как бродят груди-газели, представить уже труднее. Даже гранат не покоится, а разламывается, даже похвала губам связана с речью, а не просто с красотой самих губ; день веет, тени движутся — ничто не стоит на месте, все дышит, живет, меняется. Наконец, пылкий влюбленный не выдерживает и говорит о собственных переживаниях, но вместо того чтобы сказать привычное нам «я люблю», он говорит «я взойду» — и здесь главным оказывается действие¹⁶.

Совсем не то мы видим у эллинских поэтов. Вот две небольшие любовные эпиграммы из Палатинской антологии (5.124 и 5.144), приписываемые Филодему и Мелеагру соответственно:

В почке таится еще твое лето. Еще не темнеет
Девственных чар виноград. Но начинают уже
Быстрые стрелы точить молодые Эроты, и тлеть
Стал, Лисидика, в тебе скрытый на время огонь.
Впору бежать нам, несчастным, пока еще лук не натянут.
Верьте мне — скоро большой тут запылает пожар.

Действительно, эллинские поэты дают именно «картинку», статичное и внутренне непротиворечивое описание одного момента. Эта девушка еще не созрела для любви, но скоро созреет, другая уже вошла в пору цветения:

Вот уж левкои цветут. Распускается любящий влагу
Нежный нарцисс, по горам лилий белеют цветы,
И, создана для любви, расцвела Зенофила, роскошный
Между цветами цветок, чудная роза Пифо.
Что вы смеетесь, луга? Что кичитесь весенним убором?
Краше подруга моя всех ароматных венков.

Здесь, как и в Песни Песней, девичья красота сравнивается с нарциссом и лилией, а девственность — с виноградом. Даже грозное оружие присутствует и там, и там — щиты, висящие на Башне Давида, или грозные стрелы

¹⁶ Комментируя эти строки, С.С. Аверинцев пишет: «Пусть кто хочет попробует представить себе каждого из славословимых партнеров сакрального брака, вычитать из стихов “Песни Песней” пластическую характеристику, наглядную “картинку”; ему придется испытать полную безнадежность этого предприятия... Не случайно на “Песнь Песней” тысячелетиями писали мистические толкования: по самой природе своего поэтического слова она открыта для любых интерпретаций предельно конкретного или предельно вселенского, предельно плотского или предельно сакрального характера, ибо ее образность разомкнута и дает жизнь как нечто принципиально нечленимое». — Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996, с. 34-35.

Эротов. Но, несмотря на эти явные совпадения (по всей видимости, многие из этих образов были общими для всего Восточного Средиземноморья), хорошо заметны и различия. У эллинских поэтов образы выстраиваются в единый и целостный ряд: если девушка подобна цветку, то именно девушка и именно цветку; а у еврейского поэта девушка уподобляется самым разным вещам и существам. Образность еврейского поэта построена на динамике; Песнь Песней — и пробуждение любви, и ее муки, и радость брачного пира одновременно, причем показано это все в едином тексте, как на иконе изображаются порой в едином пространстве события, разделенные во времени.

Как отмечал С.С. Аверинцев, «различное понимание универсума — вот что стоит за гегемонией повествования в библейской словесности и гегемонией описания в греческой литературе. Греческий мир — это *космос*... иначе говоря, законосообразная и симметричная пространственная структура. Древнееврейский мир — это *олам*, по изначальному смыслу слова «век», иначе говоря, поток времени, несущий в себе все вещи: мир как история»¹⁷.

В чем же проявился синтез двух этих начал в христианской культуре? Давайте рассмотрим такое явление, как икона. С одной стороны, она подчинена строгим правилам канона и тем самым подчеркивает общее, а не частное: все святые изображены с нимбами, Богородица держит на руках Младенца Иисуса. С другой стороны, подлинное иконописное творчество исключительно разнообразно и отражает не только индивидуальность того, кто изображен на иконе, но и индивидуальность иконописца, несет несмываемый отпечаток его национальной культуры и эпохи.

Далее, икона изображает человека в определенный момент истории, и в этом она похожа на античную статую или на эпиграмму из Палатинской антологии. Но, с другой стороны, на иконах нередко можно видеть различные эпизоды одной и той же истории, так что статика становится динамичной.

Мы уже отметили, что основная цель эллинистического писателя (а следом за ним — и новоевропейского ученого) состоит в том, чтобы найти подходящую нишу для описываемого явления, по пунктам сравнить его с подобными и сделать соответствующий вывод. Всякая классификация по определению должна быть однозначна и непротиворечива: нельзя одно и то же существо отнести к рыбам и птицам, одну и ту же черту характера или один и тот же поступок — к добродетелям и порокам. При такой установке античный автор само действие делает предметом дефиниции, подлежащим классификации, но автор библейский, как мы видели, даже подобие делает действием.

Безусловно, это не означает, что античные писатели не допускали формальных разногласий. Так, у «отца истории» Геродота можно найти немало случаев, когда различные противоречивые версии описания одних и тех же событий некритически сведены воедино¹⁸. Однако их скорее следу-

¹⁷ Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996, с. 36.

¹⁸ См., например, Грантовский Э.А. *Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии*. М., 1998, с. 189 и далее.

ет считать недоработками, чем сознательным отказом от логически связанного повествования.

Если мы посмотрим на дальнейшее развитие греческой историографии, то увидим, что ее (да и не только ее) идеал состоял именно в выяснении наиболее правильной из всех существующих версий. Если автор не считал возможным или необходимым сделать выбор в пользу одной из версий, он приводил обе, но описывал их именно как отдельные и несовместимые друг с другом.

То же самое касается даже такой, казалось бы, не поддающейся сюжетному выравниванию области, как описание мифов. В «Мифологической библиотеке» Аполлодора в изобилии встречаются оговорки вроде следующей: «Кора вновь вернула ее (Алкесту) на землю; некоторые же говорят, что это сделал Геракл, сразившийся с Аидом» (1.9.15)¹⁹. Едва ли можно представить себе подобную оговорку у кого-нибудь из ветхозаветных авторов, например: «Давид вышел на бой с Голиафом, когда он еще был никому не известным пастушком, некоторые же говорят, что он был к тому моменту оруженосцем и личным слугой Саула». А ведь именно так и выглядит рассказ о Давиде в главах 16-18 1-й книги Царств. Так, в 1 Царств 16:17-23 мы видим Давида оруженосцем и любимым музыкантом царя Саула, но в 1 Царств 17:12-20, где мы встречаем его накануне поединка, он снова предстает перед нами как мальчишка-пастушок, которого отец посылает отнести провизию старшим братьям. Довольно неожиданное обращение с ближайшим слугой царя! Более того, столь важную фигуру при дворе не узнает не только Саул (что можно было бы объяснить душевным заблуждением — 1 Царств 16:14), но и царские приближенные (1 Царств 17:55-58), и до самой победы Давида над Голиафом Саул даже не интересуется, что это за юноша! Конечно, это прекрасно характеризует Саула: ему совершенно все равно, кого посылать на смерть, и только когда юноша неожиданно побеждает богатыря, он в изумлении старается хоть что-то о нем разузнать. Но тот факт, что Давид вообще не был узнан никем из царского окружения, объяснить довольно трудно.

Можно предположить, что здесь соединены воедино два предания о Давиде: согласно первому, он был оруженосцем и музыкантом Саула, согласно второму — неизвестным героем, появившемся при дворе только после победы над Голиафом. Однако вопрос о том, почему же автор не избавился от очевидных противоречий или хотя бы не постарался их сгладить, все равно остается. Может быть, потому, что традиционная форма повествования требовала соединить эпизод единоборства с эпизодом представления неизвестного героя царю? А можно объяснить это явление и с точки зрения параллелизма. Автору крайне важно нарисовать два портрета Давида: безвестного пастушка и верного царского оруженосца, — и каждый портрет прорисован в деталях, со всеми сопутствующими эпизодами. А то, что они вступают друг с другом в формальное противоречие, автора совершенно не смущает. Безусловно, такое объяснение не исключает теории о соединении в тексте двух самостоятельных преданий (чему находятся и тек-

---

¹⁹ Перевод В.Г. Боруховича.

стологические подтверждения²⁰), но скорее объясняет, почему два предания были сведены воедино именно таким образом.

Кстати, можно добавить сюда и два не слишком схожих портрета Давида, которые мы обнаруживаем в книгах Царств и в книгах Паралипоменон (Хроник). Автор Царств рисует его страстным и зачастую грешным человеком, но для Хрониста это уже памятник, величественный и безгрешный.

Библейские авторы не просто допускают такие парадоксы — они широко используют и ценят их. Нет ничего удивительного в том, что один и тот же текст может быть прочитан в двух разных смыслах, но в Библии бывает и так, что эти смыслы вступают друг с другом в противоречие. Удивительный пример мы найдем у пророка Осии (13:14)²¹. Традиционное понимание этих строк таково:

От Шеола искуплю их, от смерти избавлю!
Где, смерть, твоя чума? Где, Шеол, твоя язва?
Так решил, и не передумаю.

Так понимает эти строки и Новый Завет (1 Коринфянам 15:54-55): «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»²². Но приходится признать, что такое прочтение довольно плохо вписывается в контекст 13-й главы, которая говорит о наказании, а не о избавлении. И тогда можно понять эти строки как горькую иронию: Господь отказывает Израилю в помиловании и призывает на него чуму и язву:

От Шеола искуплю ли их? От смерти избавлю ли?
Где, смерть, твоя чума? Где, Шеол, твоя язва?
Так решил, и не помилую.

Но можно предложить для этих строк и третье толкование, если понять форму *эхи* как «я буду», а не как диалектный вариант вопросительного наречия «где?»:

От Шеола Я, было, искупал их, от смерти избавлял.
Но Сам Я буду чумой смертельной, Сам Я буду язвой Шеола!
Так решил, и не помилую.

Такое разнообразие интерпретаций, конечно, может шокировать современного читателя. Что же именно имел в виду пророк? Ведь не может быть, чтобы Господь в одной и той же короткой фразе одновременно яростно угрожал израильтянам и давал им самые смелые надежды!

²⁰ См., например, Tov E. *Textual Criticism of the Hebrew Bible*. Minneapolis (USA), 1993, p. 335-337.

²¹ Этот пример был мне подсказан В. Войновым, который и предложил третье из приведенных здесь толкований.

²² Насколько важен этот отрывок для христианского богословия, можно судить по тому, что в православной церкви принято на Пасху читать *Огласительное слово* Св. Иоанна Златоуста, построенное как комментарий именно к этой цитате.

Не может... только если мы сами следуем строгим законам аристотелевой логики, где угроза и обещание — два разных и совершенно несовместимых понятия. Ведь есть и своя, притом немалая ценность в том, что одно и то же выражение может быть понято по-разному, вплоть до противоположных значений. Разными бывают люди, времена, обстоятельства. В мире, где главное — отношения между личностями, а не классификации, где все построено на динамике, а не на статике, то, что звучало угрозой для одних, легко может стать обещанием для других.

В то же время основной принцип параллелизма — не описание, а перечисление, не соподчинение, а соположение, не классификация, а система оппозиций. Библейские авторы не находили ничего странного в том, чтобы описать один и тот же предмет по-разному или представить различные точки зрения на одно и то же событие, даже если с точки зрения формальной логики они плохо увязываются друг с другом. Наиболее известный пример — два рассказа о сотворении мира в начале книги Бытия. Вот как выглядит в них появление человека²³:

Бог сотворил человека, образ Свой,
Божий образ Он сотворил,
мужчину и женщину сотворил (1:27).

И создал Господь Бог человека из пыли земной, вдохнул в его ноздри дыхание жизни и человек ожил...

Господь Бог погрузил человека в глубокий сон и вынул у него ребро, а место, где оно было, закрыл плотью. Из ребра Господь Бог создал женщину и привел ее к человеку (2:7, 21-22).

Замечание, что первый рассказ принадлежит т.н. Элохисту, а второй — т.н. Яхвисту, вероятно, справедливо и даже помогает понять происхождение этих двух рассказов, но оно еще ничего не говорит о том, почему они соединены. Легко убедиться, что это не просто повтор одной и той же мысли другими словами, это два очень разных рассказа об одном и том же событии, и они прекрасно дополняют друг друга. Первый, например, говорит о единстве и равенстве мужчины и женщины, а второй подчеркивает столь характерное для многих древних культур представление о первенстве мужчины. Первый кратко описывает место, которое занимал акт творения человека в сотворении всего мира, второй сосредотачивается на «технологических» деталях этого акта. Первый указывает на «образ Божий», уподобляя сотворенного человека его Творцу, второй — указывает, что он, созданный из «пыли земной», материален, как и прочие твари. Заодно можно отметить, что первый рассказ облечен в поэтическую, а второй — в прозаическую форму.

Итак, параллелизм неотделим от многозначности, но для античного автора многозначность представляется скорее недостатком, поскольку ему важно донести до читателя свои идеи в их цельности и полноте. И я думаю, что можно без преувеличения сказать: сами основы христианской догматики нашли свое словесное выражение благодаря этому сочетанию. Догмат о со-

---

²³ Перевод М.Г. Селезнева.

единении во Христе полноты Божественной природы с полнотой природы человеческой мог быть основан только на библейской традиции, вполне допускавшей два разных взгляда на одно и то же явление. Но вместе с тем этот догмат мог быть основан только на эллинистической традиции, требовавшей найти для любого явления точное определение. По отдельности идея богочеловечества не могла быть принята ни в одной из этих традиций, по слову апостола Павла — «для иудеев соблазн, для эллинов безумие» (1 Коринфянам 1:23). Для того чтобы «соблазн» и «безумие» превратились в стройную систему богословских антиномий, в краеугольный камень всей христианской цивилизации, библейский параллелизм должен был сочетаться с античной риторикой.

РЕЛИГИЯ В НОВОЙ РОССИИ: НЕАНГАЖИРОВАННЫЙ ВЗГЛЯД

Морозов А.О. Религия и политическая модернизация России

М.: Издательский дом «Ключ-С», 2004.

В последнее время в российских СМИ, в интернет-изданиях и толстых журналах довольно много пишут о религии. Теперь религия, — это, вне всякого сомнения, *тема*. И не только как «часть культуры», но и «сама по себе». Собственно, как раз и видят один из знаков в том факте, что религии самой по себе уделяется часть общественного внимания, так называемого религиозного возрождения. Пишут о вероучении и благочестии, о святых, иконах и церковной истории. И это не так трудно, благо у нас уже достаточно пишущих и образованных людей, погрузившихся в религиозные материи, да еще и верующих, так что они действиями могут рассказать о религии изнутри.

Гораздо труднее писать о религии в ее отношении к общественной жизни, а более конкретно — к политике. В данном случае доминируют две позиции. Одну можно назвать антиклерикальной (против «нового засилья религии»), а другую — так сказать, проклерикальной («только религия может нас спасти»). Соответственно, сторонники первой позиции являются решительными противниками какого-либо участия религии и Церкви в политических процессах, тогда как сторонники второй настаивают на том, что без религиозного вдохновения и смысла не может быть никакой политики, способной вывести Россию из затянувшегося политического кризиса. Таким образом, получается, что в российском политическом пространстве образовался некий политико-религиозный конфликт ориентаций — между секуляристами и «церковниками». (И это тоже, между прочим, является признаком новой динамики религиозной жизни.)

Опыт анализа этого конфликта и предлагает Александр Морозов в недавно вышедшей книге «Религия и политическая модернизация России»¹.

¹ Книга вышла в Библиотеке «Новая политика». Автор — один из руководителей недавно учрежденного одноименного политологического центра и интернет-портала (www.novopol.ru). Полную интернет-версию сборника можно найти на портале «Религия и СМИ» (www.religare.ru).

**Александр
КЫРЛЕЖЕВ**

— родился в 1957 г. в Москве. Закончил Московский институт культуры и Московскую духовную семинарию. Работал в «Журнале Московской Патриархии», в газете «Русская мысль», в Центре по изучению религий. Автор многих богословских и религиозно-публицистических статей. Член редколлегии «Континента». Живет в Москве.

Причем, что весьма важно, не только в российском, но и в более широком контексте. Книга представляет собой сборник уже опубликованных статей, большинство которых — краткие тексты, написанные для интернет-изданий, но включены также и более пространные концептуальные статьи.

На первый взгляд кажется, что это не книга, а скорее книжка, ибо в ней всего 120 страниц. Однако «первый взгляд» в данном случае обманывает, потому что здесь мы имеем дело с актуальным *политическим* комментарием, но — посвященным месту и роли религиозного фактора в современной, прежде всего российской, политике. А это весьма редкая вещь — когда политолог может посмотреть на религию изнутри. Иначе говоря — обнаруживать политические контексты религиозных процессов, и наоборот — религиозные контексты процессов политических. И при этом оставаться аналитиком, то есть не становиться ни на секуляристскую, ни на «церковническую» позицию.

Подобная позиция порождает весьма продуктивные ракурсы — в ситуации, когда мы испытываем дефицит подобных ракурсов. Ведь одна из проблем заключается именно в том, что в условиях «возрождающейся религии» общество (и прежде всего, люди, выполняющие роль интеллектуалов и пишущие о религии) с трудом справляются с задачей увидеть религию, как она есть, помимо предрассудков и предзаданностей, а тем более разобраться с тем, как религия функционирует в контексте общих модернизационных процессов.

Прежде всего, Морозов делает предметом рассмотрения саму проблематику передачи религиозных смыслов в массовой коммуникации. И обнаруживается, что религия, «как она есть», просто не попадает в медийные форматы. «Религия слишком «перегружена», обладает слишком большими контекстами, она слишком плохо поддается адаптирующим процедурам СМИ», религиозные смыслы слишком нюансированы. В результате не политика «искажается» через привнесение в нее религиозных элементов, как считают секуляристы, а искажается именно религия. Безусловно, это проблема, прежде всего, для самой религии — проблема ее присутствия в реальном политическом пространстве (коль скоро именно через СМИ сегодня делается политика).

Морозов делает такой вывод: «Для современных масс-медиа какой-либо интерес представляют лишь *две формы присутствия религиозного* в публичном пространстве. С одной стороны, это “удобный язык” для передачи моральных убеждений, тогда как религиозные организации интересны лишь как “социальные службы”. С другой — интерес вызывают различные формы радикализма, экзотика религиозного антисоциального “подполья”. Для медийного мейнстрима собственное ядро религиозной жизни — обращение к трансцендентному — находится в “мертвой зоне”. Но в то же время медиа, будучи весьма могущественным фактором современности, производят изменения в религиозном сознании: они давят на религиозное сознание по всему фронту соприкосновения с ним. Результат этого давления сегодня — не атеизация общества, как это было в XIX веке, а формирование “обмирщенного религиозного сознания”».

В качестве следующего шага можно сделать другой вывод: медиа не выполняют собственно медийную функцию — между религией и обществом. Тем более в нынешней российской ситуации, когда именно медиа и

являются «обществом», то есть осуществляют внутриобщественную коммуникацию. Тем более тогда, когда столько говорят — и наверху, и внизу — о необходимости построения «гражданского общества», которое и означает, прежде всего, развитую культуру диалога различных общественных сил, горизонтальные коммуникативные практики.

Так проблема «коммуницирования» религии в общественное пространство выводит и на другой ракурс — гораздо более широкий. Морозов формулирует так: «Главный вопрос заключен в следующем: существует ли диалог между тремя субъектами (государство, общество, Церковь), или же все эти субъекты осуществляют друг против друга стратегии, то есть, по-русски говоря, “играют в закрытую”?» Словом, альтернатива такова: диалог или стратегии?

Очевидно, что эта проблема не исчерпывается проблемой отношений Церкви и общества. Вопрос в том, соглашается ли общество на то, чтобы *против* него осуществлялись некие однонаправленные стратегии со стороны государства, СМИ да и той же Церкви, или оно сможет дозреть до того, чтобы вести взаимоуважительный, корректный и плодотворный внутренний диалог. Именно диалог, а не «обличительную полемику» идеологических партий, что свидетельствует об отсутствии чувства общей принадлежности к сложному целому и, соответственно, понимания значения и ценности общего блага.

«Главный итог постсоветского десятилетия, — пишет автор, — заключен именно в господстве «стратегического» поведения и в том, что нет никакого роста институций диалога. И, разумеется, в пространстве стратегий все смыслы и перспективы искажаются».

Можно подумать, что проблемы функционирования гражданского общества, внутриобщественной дискуссии и, в частности, взаимоотношений религии и внерелигиозного социума касаются только постсоветской России. Но это не так. Дискуссии об этом уже давно идут на Западе. И обращаясь к текстам немецкого философа Юргена Хабермаса, Морозов попадает точно в цель, поскольку именно Хабермас долгие годы размышляет над тем, как сверхсложное современное западное общество должно сохранять свое «самостояние» посредством процедур коммуникации. А после «11 сентября» он специально обратился к вопросу о соотношении секулярного и религиозного.

Хабермас — секулярист, не замеченный в религиозных пристрастиях. Однако новые проявления религиозного в общественной и политической жизни заставляют его очень резко поставить вопрос об отношении секулярного сознания к религии. Как сегодня сосуществовать этим принципиально противостоящим друг другу позициям?

Снова цитирую Морозова: «Пафос Хабермаса заключен в том, что современное секулярное общество не может односторонне требовать рефлексивной позиции от религиозного сознания, само оставаясь вне реального диалога с религиозными сообществами, вне рефлексии о своей «секулярности» и ее границах... Он напоминает о том, что язык религиозных смыслов не удастся без ущерба перевести на секулярные языки. И «секулярное большинство» должно теперь [после 11 сентября] более чутко прислушиваться к религиозным смыслам, выраженным на их собственном языке».

В чем здесь новизна и что здесь наиболее важно?

Новизна и важность этой позиции секуляриста Хабермаса в том, что в ситуации давней расколотости человеческого мира на религиозное и светское именно со стороны секулярного сознания звучит призыв к диалогу. Ранее же именно многие «религиозники», оказавшиеся маргинализированными в современной социокультурной ситуации, призывали не противостоять современной безрелигиозности, но идти ей навстречу посредством диалога. Такова была, в частности, позиция Второго Ватиканского собора, инициировавшего диалог Католической Церкви с людьми других вер и даже коммунистами, которые тогда были в силе — и на Востоке, и на Западе. Соответственно, в религиозной среде это часто воспринималось как слабость и отступничество, как отказ от непримиримого противостояния секуляризму. Но сегодня ситуация меняется: теперь уже наиболее чуткие представители секуляризма осознают, что сами нуждаются в диалоге с религией. С одной стороны, потому что уже не могут сохранить «монополию на безрелигиозную истину», а с другой — потому что начинают понимать, что религия имеет собственный топос, свое, неотчуждаемое, место в индивидуальном и общественном существовании человека в этом мире. А следовательно — и свою истину.

«События 11 сентября и дискуссия о геной инженерии для Хабермаса лишь подтверждают, что просвещенческая самонадеянность разума, секулярного научного знания должна смениться гораздо более аккуратной позицией. Сколько бы этот разум ни пытался присвоить себе авторитет и позу сакрального, это безнадежная попытка. А это значит, по словам Хабермаса, что профанный разум должен все-таки испытывать уважение “к тому уголку, который воспламеняется всякий раз, когда поднимается вопрос о теодицее...”» (снова цитирую Морозова).

В России тотальность секуляризма не как интеллектуальной позиции, а как психологической очевидности «простого человека» разваливается на наших глазах. Очень по-разному, но «уголок теодицеи» воспламеняется у многих людей самых разных состояний и положений. Это тоже знак перемен в отношении религиозного и секулярного, хотя эти перемены еще и не обрели явного социологического измерения. Но, может быть, это происходит потому, что социологи в процессе своих исследований и опросов навязывают респондентам свое собственное понимание религиозности?

В своей книге Морозов касается и этой, весьма важной для общества, проблемы. «Ежегодно публикуются результаты социологических опросов на тему “сколько в России православных”. Авторы работ, как правило, пытаются доказать, что в России много православных, либо что их нет совсем. Обсуждение продуктивности таких опросов ведется давно, и всякий раз дискуссия сводится к проблеме ангажированности социологов. При этом есть проблематика гораздо более конкретная и вполне доступная для социологии. В частности, это ответ на вопрос “Почему люди ходят в церковь?”»

Мы, действительно, привыкли к «социологии опросов», она кажется убедительной. Даже если мы не очень ей доверяем, то все-таки часто считаем, что таким образом выявляются некоторые значимые тенденции общественной жизни. Но определение количества и «качества» верующих, кото-

рое предлагают нам наши социологи, следует признать неудовлетворительным. Потому что критерии определяют сами социологи. Между тем именно вопрос о критериях и является в данном случае наиболее важным. И именно о научных (то есть стремящихся отразить реальность), а не идеологических критериях.

Но можно идти и другим путем: наблюдать и думать, а не собирать цифры, складывающиеся из ответов на не очень точно или, лучше сказать, весьма произвольно поставленные вопросы. Пользуясь методом «включенного наблюдения», Морозов обнаруживает то, что никак не могут заметить социологи, привязанные к своим методикам. Речь идет о мотивациях, которые приводят наших соотечественников в церковь (их можно назвать «типами приходского сознания»). Морозов выделяет шесть таких мотиваций: корпоративная лояльность («люди моего круга ходят в церковь»); обретение среды общения; причастность к долгой культурно-религиозной традиции; привлечение чудом; поиск спасения в собственно религиозном смысле; и, наконец, «работа в церкви».

Подобный типологический подход позволяет обнаружить новые явления в области религиозности наших соотечественников, которые не опознаются «социологией опросов». В данном случае важным является не количество верующих или их процент от всего населения, но появление новых психологических и поведенческих типов и, соответственно, групп граждан, для которых религия и Церковь — так или иначе, в той или иной степени — оказываются значимы. Не замечать того, что для многих людей религия вновь становится источником жизненных ориентиров, значит обрекать себя на заведомую необъективность в оценке противоречивых модернизационных процессов, которые идут в России.

И напротив: обращая внимание на процессы «перегруппировки» религиозного и светского, церковного и политического, которые происходят в России, на параллельные, а где-то и пересекающиеся (по Лобачевскому) религиозно-идеологические поиски политического мейнстрима и политических маргиналов, можно лучше понять эволюцию постсоветского общества. О различных идейных и иных «казусах» религиозно-политического характера и пишет в своих кратких, но содержательно емких комментариях Александр Морозов. Будучи актуальными в смысле привязки к конкретным событиям и проблемам, они в то же время выводят читателя из текущей событийности. И прежде всего потому, что демонстрируют неангажированный взгляд аналитика.

**МЕДЖУГОРЬЕ
ВОЙНА ДЕНЬ ЗА ДНЕМ**

Фрагменты из книги²

Употребляя выражение «Пресвятая Дева явилась...», мы никоим образом не предваряем заключения Церкви о подлинности явлений Пресвятой Девы в Меджугорье. Здесь приводится лишь наше личное мнение, а также мнение свидетелей событий, происходящих в Меджугорье в настоящее время.

Мы заявляем, что публикуем эту книгу с целью информировать о происходящем и подчинимся решению Церкви, как только оно будет оглашено.

Царице Мира, моей Матери и Виновнице моей радости
Моим хорватским друзьям из деревни Меджугорье
Моим братьям сербам, которые считают себя моими врагами, но которые стали бы мне друзьями, если бы у нас нашлась возможность посидеть вместе за чашечкой кофе...

VI. Август 1992 г.

«Что на ухо услышите, проповедуйте на кровлях...»³

Факс из Меджугорья, 5 августа 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу Христу!

Фестиваль молодежи идет вовсю. Участников в этом году меньше, но они могут подолгу общаться с визионерами, и свидетельства из первых рук глубоко трогают наших гостей. Вчера состоялась долгая молитва о мире в одной полностью разрушенной деревне: участники фестиваля своими глазами видели плоды ненависти и ощутили, что примирение жизненно необходимо. Они не забудут лиц этих несчастных, потерявших все!

Во время явления Ивану Пресвятая Дева передала послание, адресованное молодым. Эти несколько слов особенно важны тем, кто в силу возраста особенно часто испытывает чувство незащищенности в жизни: **Дорогие дети, я призываю вас в эти дни совершить выбор в пользу Бога. Если**

---

¹ О назначении и содержании рубрики см. в № 117: *Игорь Виноградов. По поводу новой рубрики и книги сестры Эммануэль*, а также № 115: *Я даю тебе Свою любовь, передавай ее дальше. О явлениях Богородицы в Междугорье*.

² Продолжение. Начало в № 120.

³ Мф 10,27.

вы, молодые, поместите Бога на первое место в своей жизни, то вместе с Ним сможете выйти на верный путь. Прошу вас молиться о мире вместе со Мной.

Сегодня, 5 августа, в честь 2008-го дня рождения Пресвятой Девы, Вицка преподнесет Ей огромный пакет детских рисунков.

А теперь — информация, которую нужно распространить повсюду, потому что на карту поставлены человеческие жизни.

Нам известно о существовании сербского концентрационного лагеря в Боснии. До недавнего времени никто не знал, что там творится. Но буквально на днях нескольким узникам удалось оттуда вырваться, так что мы располагаем рассказом одного из непосредственных свидетелей.

Речь идет о городе Добой. С 7 марта 1992 г. сербы превратили его в обширный концентрационный лагерь, и сегодня здесь содержится 10-11 тысяч заключенных, мужчин, женщин и детей, хорватов и мусульман⁴. Мужчины полностью изолированы от своих семей, их заставляют тяжело работать и каждый день избивают. Они живут в импровизированных бараках или прямо под землей — в шахтах, где работают. Многие умирают от голода, потому что в день им дают только какие-нибудь огрызки картофеля и немного воды. Их жены остаются в своих домах, но дважды в день обязаны проходить регистрацию. Они постоянно подвергаются насилию, в особенности сексуальному.

Поскольку сербы не хотят оставлять узников, началось систематическое истребление. Каждый день убивают сто человек, как мужчин, так и женщин и детей. Им режут горло ножом, часто после жутких мучений, которые наш друг нам описал, но я не стану этого повторять. Сербь предупредили узников, что проводят «этническую чистку» и все не-сербы будут в конце концов ликвидированы (логика прямо нацистская). Город расположен в той части Боснии, что лежит между Банья-Лукой и Тузлой, куда не могут проникнуть ни Красный Крест, ни силы ООН. Он полностью окружен, это настоящее царство ужаса, где неведомо для мира уничтожается целый народ. Несколько беглецов обязаны своим спасением сербам, предавшим свою армию и тайно (за 1000 немецких марок с человека) выведшим наших друзей из лагеря. Спасшиеся подвергались огромному риску, а многих подобных неоднократно ловили и казнили. Да и у многих ли узников найдется в кармане 1000 марок?!

Сербь панически боятся, что тайна этих лагерей будет раскрыта. А значит, мы должны кричать о ней со всех крыш, чтобы услышали все, пока не стало слишком поздно. Все узники приговорены к смерти, безжалостное уничтожение уже грядет, и на счету каждый день. Хорваты умоляют нас сделать что-нибудь — нас, иностранцев, ибо сами они не могут ничего.

Поразительно видеть инертность политической Европы, той самой Европы, где об ужасах лагерей выпущено столько фильмов и написано столько книг. Позволить развиваться этой раковой опухоли в Боснии-Герцеговине, не искоренить ее как можно быстрее — не значит ли позволить ее фаталь-

---

⁴ Так в странах бывшей Югославии называют босняков из-за их принадлежности к исламу.

ным метастазам распространиться по всей Европе? Ненависть — это реальность прежде всего духовная, и она быстро пересекает границы.

Необходимо, чтобы какая-нибудь очень известная и очень сильная духовно личность, например, популярный писатель, епископ (католический либо православный), человек на виду, отважная женщина типа Эсфири или Юдифи проявили мужество явиться на место с толпой журналистов, вступили с сербами в переговоры и потребовали освобождения заключенных. Ведь это всего в двух часах от Парижа...

...А морскую пехоту отправили в Кувейт!

Пожалуйста, опуститесь на колени для долгой молитвы, а те, кто может, пусть сотрясут небеса и землю, ибо то, что вы сделали *одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне*⁵, — говорит Господь.

Весь приход Меджугорья молится вместе с вами.

Благодать вам и Мир!

Госпа⁶ в кулуарах FR 3⁷, 5 августа 1992 г.

Вечером 4 августа Милона пришла домой и сказала, что в приход обратился человек, семью которого держат в Добое. Он плакал и умолял сделать что-нибудь. С его слов Милона рассказала подробности о жизни в концентрационном лагере. У меня кровь застыла в жилах. С детства помню рассказы отца, который три года провел в нацистских лагерях. Сходство потрясающее.

Действовать нужно быстро. С помощью Милоны я составляю три факса, чтобы подать весть в Париж. Правда, отсюда легко позвонить в Нью-Йорк или в Иерусалим, только не в соседнюю деревню! Созвониться с нашим свидетелем невозможно, приходится ехать к нему на машине.

Наконец мы встречаемся, и я засыпаю свидетеля вопросами. Через несколько часов его рассказ обойдет весь мир: на сегодняшний вечер назначено интервью по телефону для Радио-Нотр-Дам (Париж). Наш свидетель говорит, Милона переводит. Связь прерывается раз десять, но столько же раз мы снова набираем номер и доводим рассказ до конца.

В конце передачи меня просят позвонить еще через полчаса: со мной хотят поговорить журналисты с FR 3. И вот в тот же вечер, в самый благоприятный час, миллионы французов, бельгийцев и швейцарцев смогли узнать о том, что происходит в Боснии, узнать об ужасах лагерей. В течение четырех минут они видели на своих экранах церковь Меджугорья, а заодно и мое фото.

Это свидетельство действительно обошло весь мир и вызвало мощную волну молитвы.

Уже на следующее утро я получила вот этот факс от одного из швейцарских друзей:

---

⁵ (Мф 25,40).

⁶ Госпа, т.е. Госпожа. Так по-хорватски называют Пресвятую Богородицу.

⁷ Французская телекомпания.

«На Свой 2008-й день рождения Пресвятая Дева доставляет Себе удовольствие: продолжительный клип на FR 3. Вид Меджугорья, портрет сестры Эммануэль, Женеьевы и прочее, и прочее. Bravo!»

Да, Она одна могла это сделать — причем в рекордное время. Если бы я хотела показать по телевидению фото Меджугорья, если бы я попыталась сделать передачу, чтобы затронуть общественность, мне бы это стоило месяцев работы, обращений, звонков, бешеных денег, а результат все равно оставлял бы желать лучшего.

Но Она, словно играючи, достала себе телеантенну на четыре минуты! С днем рождения, дорогая Госпа!

Факс из Меджугорья, 12 августа 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу! Всегда Иисусу и Марии!

Вицка уехала на несколько дней в Швейцарию для очередного медицинского обследования. Паломников становится все больше и больше. Это хорошо: они не испугались ложных слухов, якобы приезжать в Меджугорье опасно. Ничего подобного! Опасно было бы для нашей всеобщей безопасности оставить этот Оазис Мира, который Пресвятая Дева специально сохранила.

В последние дни во время явлений на горе Пресвятая Дева много раз нам говорила: ***Дорогие дети, продолжайте молиться о мире.*** Требуя этого, Она прежде всего имеет в виду мир в нашем собственном сердце, затем мир в наших семьях и только тогда — мир во всем мире. ***Если вы будете молиться о мире во всем мире, но не будете иметь мира в собственных сердцах, ваша молитва не будет многого стоить,*** — говорит Она.

Спасибо всем, кто широко распространили мой последний факс о концлагерях и об истреблении людей в Боснии. Эта тема в последнее время присутствует на всех телерадиоканалах, и у нас появилась крепкая надежда, что лагеря будут уничтожены и геноцид остановлен, даже если в высоких европейских сферах кое-кто продолжает воздерживаться от вмешательства. Мы только что узнали, что в Добое также содержатся евреи. Неужто нам придется открывать новый «Музей Холокоста»? Но у нас еще есть время остановить адскую машину

В нашем мире, бредущем впотьмах, ***молитва — это единственное средство спасения человечества,*** — говорит Пресвятая Дева. Поэтому мы призываем всех верующих, уповающих на Бога Живого и Единого, горячо молиться за своих братьев, приговоренных к жестокой смерти. Всеобщая молитва позволит нам стать орудием Господа, узнать друг друга и совместно осуществить Божье дело. Без молитвы не выйдет ничего, только пустая суета.

Пусть каждый из нас пошлет своего ангела-хранителя к какому-нибудь узнику или стражнику, и таким образом лагеря наполнятся ангелами, и те совершат чудеса в сердцах тамошних людей. Наконец, мы попросим Единые Сердца Иисуса и Марии царить над этими лагерями и поторопить час освобождения и мира.

Благодарю вас всех!

Факс из Меджугорья, 19 августа 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Вот новость, которая всех нас обрадует. Вицка сказала, что ситуация начинает улучшаться и на лице Пресвятой Девы в последние дни заметно больше ясности и радости. Пресвятая Дева, действительно, видит все вещи в божественном свете, намного превосходя наши человеческие возможности. Давайте и дальше помогать Ей от всего сердца в Ее планах мира!

После медицинского обследования в Швейцарии Вицка заявляет, что со здоровьем у нее полный порядок. Невероятная энергия, которую она расходует на паломников, подтверждает это!

Иванка отправилась на месяц в США.

В канун Успения Госпа сказала нам через Ивана на горе: *Дорогие дети, Я призываю вас обновить молитву Розария в ваших семьях. Больше молитесь по Розарию⁸ и жертвуйте его за мир.*

Два дня назад в приходе началось непрерывное (круглые сутки) поклонение Святым Дарам в интенциях⁹ мира. Именно это изменит лицо мира, растворит зло изнутри!

О. Йозо выразил великую печаль по поводу отношения Франции к его стране. Помолимся, чтобы наши правители слушали планам Божиим!

Огромное спасибо за ваших ангелов, присланных в Добой, и спасибо Господу за все благие плоды нашей новенны¹⁰ поклонения. Всем сердцем с вами в этой борьбе!

Послание Пресвятой Девы от 25 августа 1992 г.

Сегодня Я хочу сказать вам, что люблю вас. Я люблю вас всей Своей Материнской любовью и призываю всецело открыться Мне, чтобы через каждого из вас Я могла обращать и спасать этот мир, где так много греха и зла. Поэтому, Мои дорогие детки, полностью предайтесь Мне, чтобы Я могла открыть и показать вам Бога, Который вас любит.

Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Факс из Меджугорья, 26 августа 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Всю эту неделю наши взоры были устремлены на Добой и на лагеря в Боснии. Мы предпринимали все усилия помочь — и в материальном смысле, и незримо, через молитву. Молитва всегда приносит плоды, а вот физи-

---

⁸ Розарий Пресвятой Богородицы — распространенная молитва у католиков, творится с помощью четок. Во время этой молитвы размышляют о различных спасительных тайнах из жизни Иисуса Христа и Пресвятой Девы.

⁹ Интенции (от лат. *intentio* — «намерение»): то, чего мы желаем испросить в молитвах. Молиться на чьи-либо интенции означает молиться о том же, о чем молится подразумеваемое лицо.

¹⁰ Новенной называют молитву о чем-либо определенном (на те или иные интенции), читающуюся в течение девяти дней.

ческие попытки преодолеть непреодолимые барьеры пока не достигли своей цели. Терпение! Американские телевизионщики подготовили было некоторую акцию, но один из них погиб в Сараево, и они отказались продолжать. На днях в Добой пытался пробиться французский конвой, но ему пришлось повернуть обратно. Мы приветствуем храбрость этих людей. Госпожа Симона Вей, пострадавшая в лагерях за свое еврейское происхождение, участвовала в этом конвое. Мы благодарим Бога за то, что Он дает ей возможность потрудиться для спасения невинных жертв.

Прекрасна вера, благодаря которой мы знаем, что молитва самых малых из нас надежно спасает жизни. Продолжим посылать наших ангелов и молиться за узников, предназначенных к уничтожению, говоря себе, что мы могли бы оказаться на их месте, в Добое, как и они могли бы оказаться на нашем.

Яков продолжает вести довольно скрытую жизнь, так же, как Иванка и Мирьяна. Франкоязычные паломники сумели добиться встречи с ним. В назначенный день он прочитал вместе с ними *Отче наш*, *Богородице Дево* и *Слава*, а затем сказал: «Важнее всего молитва. Все остальное не так важно». И ушел...

Линия фронта в районе Мостара почти не меняется. Сербские пушки, расположенные километрах в пятнадцати от города, посылают туда время от времени снаряды, и в Меджугорье мы слышим глухие и отдаленные разрывы. Ситуация здесь и в окрестных селениях весьма благоприятная, поскольку населены они исключительно хорватами и потому не знают ужасов межэтнических конфликтов, как это происходит в местах со смешанным населением.

Дорогая Госпа, сегодня мы полностью открываемся Тебе, как Ты того требуешь. Спасибо Тебе, что возвела наши взоры к дивной любви нашего Бога и Творца, спасибо, что вознесла наши сердца к небесным реальностям, ибо таким образом наша радость и мир понемногу расплавят бастионы Разрушителя во всем мире. Ты наша Царица!

Миг и ♥

VII. Сентябрь 1992 г.

Отче, прости им, ибо не ведают, что творят

Факс из Меджугорья, 2 сентября 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Вопреки всем трудностям и препятствиям, французский гуманитарный конвой в прошлую пятницу смог достичь Добоя. Однако французы нашли центр города совершенно опустошенным: людей нет, магазины закрыты, церковь сожжена. Куда девалось население? Бегство + истребление + заключение тысяч жителей в три лагеря, расположенных в самом городе. Лагерь, разумеется, остаются «строго запретной зоной». Конвой не сумел доставить заключенным никакой помощи, но подобраться к ним настолько близко — уже огромный шаг.

Теперь уже ясно, что европейские правительства не станут вмешиваться и Сербия будет безнаказанно продолжать «этническую чистку» Боснии.

Наших руководителей больше не возмущает возмутительное... Боюсь, как бы колючая проволока не вернулась и к нам!

Поскольку гуманитарная помощь невозможна, мы будем продолжать нашу незримую помощь, посылая на место массированный десант наших ангелов-хранителей. Что могут сделать десять тысяч ангелов в лагере уничтожения?

Очень многое. Например:

- облегчить побег;
- внушить палачам глубокое отвращение к истязаниям;
- уберечь женщин от сексуального насилия;
- умножить пищу;
- развеять скорбь;
- предупредить о грозящей опасности;
- смутить разум командира и сделать его бессильным;
- помочь ребенку найти свою мать, мужу — свою жену;
- избавить от злого влияния.

Ведь наш ангел-хранитель всегда бывает счастлив получать поручения (он ужасно боится безработицы!). Он перемещается как молния и может находиться во множестве мест одновременно. Чем больше ему молишься, тем больше он проявляет свое присутствие. Он всегда действует в соответствии с волей Божией. Каждый ангел, посланный в лагерь, значит больше, чем тонна муки!

Об этой войне у Вицки есть удивительные слова:

«Когда Госпа просит нас молиться, это значит, молиться за каждого человека, каким бы он ни был. Мы должны молиться за сербский народ, что бы он ни делал против нас. Если мы не покажем, что желаем ему добра и молимся за него, если мы не подадим примера прощения и любви, эта война не прекратится. Самое главное для нас — это не пытаться мстить. Если мы скажем: “Такой-то мне сделал зло, он должен заплатить, я сделаю ему то же самое”, у войны не будет конца. Мы должны прощать и говорить: “Боже, благодарю Тебя за то, что происходит с моим народом, и молюсь Тебе за сербов, ибо они поистине не ведают, что творят”. Пусть наша молитва тронет их сердца, пусть они поймут, что эта война никуда не ведет».

Госпа избрала нас, чтобы мы Ей помогали; будьте же этими открытыми сердцами, в которых Она сможет все больше и больше *обращать и спасать этот мир, где так много греха и зла.*

Благодать и мир!

Способ установить мир

Библия и иудейская традиция преподают нам очень глубокое учение о Мире, об этом «Шаломе», который приходит Свыше и которого сей мир не может дать, о «Шаломе», Царица которого Пресвятая Дева Мария...

Вот история Раби Меира, о котором говорится в Иерусалимском Талмуде.

Иерусалимский Талмуд, Сота 1,16:

Раби Зерариах, зять Раби Леви, рассказывает следующую историю:

У Раби Меира было обыкновение по вечерам в субботу произносить речь в синагоге в Хамте, близ Тиверяда. Там была одна женщина, которая постоянно приходила его слушать.

Однажды оратор продлил свою речь более обыкновенного. Жениcina, вернувшись к себе, нашла светильник погашенным. Муж спросил ее: «Где ты была?» — «Я слушала речь раввина». Муж сказал: «Клянусь, что ты не войдешь в этот дом, пока не плюнешь в лицо раввину».

Равви Меир увидел это все в Духе Святом, и он притворился, что у него болят глаза. Он сказал: «Пусть каждая женщина, которая знает молитву от болезни глаз, придет и произнесет ее».

Тогда соседки этой женщины сказали ей: «Вот тебе случай, ты можешь вернуться домой. Подойди к раввину, как будто хочешь сказать молитву, и плюнь ему в глаза!» Женщина подошла к раввину, и он ей сказал: «Ты знаешь заговор от глаз?» Полная страха, она отвечала: «Нет». Он сказал: «Тогда плюнь семь раз мне в глаза; это их исцелит». После того как она плюнула, он сказал: «Иди к своему мужу и скажи ему: "Ты велел мне плюнуть один раз, я плюнула семь раз"».

Ученики раввина сказали ему тогда: «Как, раби, так ли ты унижаешь Тору? Почему ты ничего нам не сказал? Если бы ты нам сказал, мы бы не дали этому человеку так делать, мы бы вразумляли его плетью до тех пор, пока бы он не помирился со своей женой».

Раввин отвечал: «Слава раввина не должна ли быть подобна славе Создателя? Ибо святое Имя Адонаи, записанное в святости, было, согласно Писанию (Числ 5,23), погружено в воду, чтобы она его смыла, для установления мира между мужем и женой. Честь Раби Меира не должна ли была подвергнуться такому же оскорблению?»

Раби Меиру не в чем завидовать ученикам Иисуса.

Факс из Меджугорья, 9 сентября 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Почта заработала, вы можете, стало быть, снова присылать молитвенные интенции, которые будут переданы Пресвятой Деве через Вицку или Марию (чеков не нужно). Запишите адрес:

Чада Меджугорья
До востребования, 88266
Меджугорье, Хорватия

(Если написать «Босния-Герцеговина», почта не доходит, потому что Сараево заблокировано).

Много мужчин из Меджугорья возвращаются после десяти дней, проведенных на фронте, потому что они оказывают помощь району за Столацем, где все еще идут горячие бои. Исключительный итог: с самого апреля (с начала конфликта) ни один солдат из Меджугорья не убит, а ведь они часто находились в первых рядах! Редко встретишь здесь солдата, который не мог бы рассказать о пережитой им чудесной помощи. И те, кто не верили в Госпу, теперь веруют в Нее. Война стала для них случаем испытать Ее материнскую любовь. Ваши молитвы принесли чудесные плоды, и нужно продолжать молиться без усталы.

В пятницу на горе Пресвятая Дева сказала нам через Ивана: *Дорогие дети, сегодня вечером ваша Мать желает призвать вас особенно усердно*

молиться за мир. Я нуждаюсь в ваших молитвах. Это значит в Ее устах, что молитв все еще «недостает», что для полного осуществления Ее плана мира их необходимо еще больше.

Многие нас спрашивают: «Когда наконец эта война закончится?» Она закончится в наших сердцах тогда, когда в них распустится святость, когда огонь любви и безусловного прощения загорится в нас достаточно сильно для того, чтобы растопить оледенелые сердца тех, кто в качестве основной пищи получали атеистический коммунизм и кому грозит смерть, если они не будут убивать сами.

Сердце Иисуса, уповаю на Тебя!

Непорочное Сердце Марии, я знаю, что Ты восторжествуешь!

Факс из Меджугорья, 16 сентября 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу за Его Животворящий Крест!

В воскресенье утром целые толпы людей поднялись на гору Крыжевац в честь праздника Животворящего Креста в силу очень живой в этих местах традиции. Удивительна вера хорватов, пришедших соединить свои страдания и страшные кресты этой войны с Крестом Иисуса. Серьезность и глубина славян пример для нас.

Иванка возвращается сегодня из Америки вместе со своей семьей.

Госпа сказала Ивану, что в течение трех недель Она не будет являться для молитвенной группы: действительно, каждый год Она дает им «каникулы», чтобы позволить каждому покинуть ненадолго деревню. Подлинная Мать!

В прошлую пятницу Она потребовала на горе: **Будьте упорны в молитве за Мир.**

У нас по-прежнему нет новостей о трех лагерях в Добое; ужас остается полностью сокрытым. Спасибо за вашу незримую помощь. Если бы мы знали плоды малейшего порыва наших сердец! Сколько отчаяния лечит каждый такой порыв!

14 сентября о. Ратко Перич был рукоположен в епископы в Неуме. Отныне он замещает монс. Занича в качестве епископа Мостара. Примем его с любовью в свои сердца и поддержим молитвами!

На Мостар по-прежнему падает несколько снарядов ежедневно. Цель сербов — прежде всего сеять страх.

Со Своей стороны, Госпа продолжает сеять мир в наших сердцах. В эти дни Вицка различает великую безмятежность на Ее лице.

Да, Меджугорье поистине сияет, как чудесная звезда в ночи. Меджугорье — это самый замечательный источник надежды посреди нашего мира, отягощенного злом. Мы можем опустить руки перед лицом ярости Разрушителя, перед лицом стольких страданий, ослепления, греха, перед лицом распятой невинности стольких детей... Но Госпа направляет и возводит наши взоры к победе Божией, Она учит нас, что у Нее с Ним имеется план мира *для всякой ситуации*, какой бы драматичной она ни выглядела с человеческой точки зрения.

Визионерка Миряна получила от Госпы откровения одновременно самые суровые — о роли сатаны в наши времена — и вместе с тем самые

возвышенные — о волнах благодати, равной которой еще не было в истории мира. Ни в коей мере не выдавая уже полученных десяти тайн, Мирьяна свидетельствует об обещаниях Госпы, относящихся к тем годам, которые мы теперь переживаем:

«Когда исполнится первая тайна, власть сатаны будет разрушена. Вот почему он так злобствует в настоящий момент. У сатаны была огромная власть в двадцатом веке, власть, какой он никогда не имел прежде и никогда уже не получит в будущем»

«...Первые две тайны станут предупреждением для мира, это будут события, которые произойдут прежде, чем человечеству будет дан видимый знак. Они произойдут еще при моей жизни. За десять дней до первой и второй тайны я предупрежу о. Петара. Он будет поститься семь дней, прежде чем возвестить о них миру...».

О. Петару сорок семь лет, Мирьяне — двадцать семь. Если эти вещи произойдут еще при их жизни... у нас есть все шансы тоже их увидеть. Увидеть времена, когда власть сатаны согнется, чтобы уступить место дивному делу Божию.

Итак, смелее! Мы переживаем самые горькие минуты, но Госпа рассчитывает на нашу стойкость в испытаниях.

Благодать, мир и любовь!

Сатана плакал...

На что будут похожи времена, когда власть сатаны разрушится? — Этот вопрос задают себе многие из нас, но никто и представить себе не может того, что Господь нам приготовил.

Вместе с тем в истории Меджугорья Госпа пожелала устроить своего рода небольшую «генеральную репетицию» или, скорее, позволила нам бросить беглый взгляд на то, как будут жить Ее дети, когда Разрушитель сделается беспомощным. Итак, однажды...

Рассказывает о. Томислав Власич¹¹:

4 августа 1984 г. я находился на молитвенном собрании вместе с группой Елены, «внутренней» визионерки. Госпа открыла, что завтра, 5 августа, Ей исполнится две тысячи лет. Во время молитвы я заметил странную вещь: Елена, которая начала произносить «Отче наш», вдруг прервалась, как если бы у нее перехватило горло. Я видел, как она борется, пытаясь произнести хоть слово, но у нее ничего не получается. Так продолжалось несколько секунд. А потом она опять смогла молиться, как все остальные.

В конце собрания я отозвал ее в сторону, и она рассказала, что во время «Отче наш» явился сатана и стал мешать ей молиться. Она видела его перед собою на земле, в великой скорби. Горько плача, он умолял ее:

— Попроси Госпу не благославлять завтра мир!

Потом он исчез. Елена не хотела обращать на него слишком много внимания.

---

¹¹ Выступление 30 июля 1991 г. во время подготовительных реколлекций к Фестивалю молодежи.

Она мне сказала, что вскоре после этого Госпа тоже явилась ей, Она улыбалась. Она говорила о сатане и объяснила, откуда эти его горькие слезы: — Он прекрасно знает, чего просит! Он знает, что в течение этих дней он ничего не сможет сделать в этом месте (Меджугорье), потому что будет связан. Всемогущий позволил Мне благословить мир торжественным благословением.

Это благословение было подарком Пресвятой Девы на день Своего рождения!

Поистине, на следующий день, 5 августа, благодать изливалась, как река. Семьдесят священников принимали исповеди целый день напролет, а их сто¹²лы¹² пропитались слезами кающихся. А вечером они говорили:

— Наши слезы смешивались со слезами исповедующихся.

В этот день все были исполнены мира, и благодать прямо-таки ошущалась. Люди исповедовались с большой легкостью. И некоторые даже говорили:

— Мы не собирались ехать в Меджугорье, мы приехали в отпуск на побережье Адриатики. Но, сами не зная почему, мы испытали сильное побуждение поехать сюда и не смогли ему противиться.

Эти дни поразительной благодати были приготовлены всем приходом, который молился и постился на хлебе и воде в течение девяти дней. В три последних дня жители даже прервали полевые работы, чтобы посвятить все время молитве. В эти дни произошли тысячи обращений. И Пресвятая Дева сказала визионерам:

— **Никогда в жизни Я не плакала от горя так, как сегодня Я плачу от радости; спасибо!**

О. Томислав прибавляет:

«Очень важно благословлять, чтобы разрушить всякое дело сатаны. Благословение — это самый великий дар Госпы в Меджугорье, более великий, чем послания... В этот момент Она дотрагивается до нас изнутри».

Факс из Меджугорья, 23 сентября 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Иван готовится к длительной поездке в Канаду и США, а Вицка решительно настроилась не покидать деревни.

Значительные перемещения людей чреваты драматическими ситуациями. В Мостаре, например, идет настоящая «квартирная война». Скажем, хорватская семья, уехавшая четыре месяца назад, возвращается и находит у себя дома пятнадцать беженцев-мусульман, которым некуда податься... Или в одном и том же здании одна квартира сгорела, а другая нет. Должны ли теперь обе семьи жить в уцелевшей квартире? Справедливость и милость — далеко не всегда синонимы, и множество несчастных стоят на грани отчаяния. Но у этого народа огромная способность переносить страдания, и его мужество нас поражает.

Французские семьи хотят принять хорватских детей. О. Славко не предал своего народа, отвечая следующим образом: «Предпочтительно помогать детям и разоренным семьям здесь, на месте, не экспатриировать их, по-

¹² Стола — аналог епитрахили в латинском обряде.

тому что именно здесь, среди своего народа, они смогут оживить страну. Ведь ее надо оживлять, а не опустошать».

Со своей стороны я прибавляю, что местная молодежь счастливее французской, менее затронута вирусом материализма и, следовательно, без-надежности. Общества помощи понемногу прибывают на место и развивают свою деятельность.

Кроме прочего, следует поощрять частную гуманитарную помощь — всех, кто направляет сюда грузовики с продовольствием. О. Славко оценивает минимальное суточное содержание бездомного беженца в два американских доллара. Между тем страна не в состоянии нести такие расходы, стало быть, это нам, чадам Госпы, следует сделать все, что в наших силах, чтобы помочь жертвам войны. Скоро наступит зима, мы нуждаемся в теплой одежде, особенно для грудничков и маленьких детей, и в основных продовольственных запасах — в муке, сахаре и т. д.

Уточняя, что все, что было доставлено в Меджугорье, почти целиком направлено в Боснию, самый голодающий регион. Сделавшись своего рода распределительным пунктом, Меджугорье исполняет таким образом свое призвание быть Оазисом. Самое горячее спасибо за лепту каждого!

Как Госпа сумеет осуществить Свой план радости посреди всего этого хаоса? Какими Она видит события в свете Божиим?

Сразу перед началом войны в Боснии-Герцеговине Она через посредство Марии Павлович обратилась к священникам и епископам Южной Америки:

Молитесь, чтобы суметь понять эти времена.

Госпа желает, чтобы мы были как никогда разумными, чтобы суметь Ей помочь. Только через молитву мы станем такими, ибо в молитве Она открывает нам элементы плана Божия о будущем мира...

От всего сердца спасибо!

Послание Пресвятой Девы от 25 сентября 1992 г.

Дорогие дети!

Сегодня Я снова хочу вам сказать: Я с вами и в эти тревожные дни, когда сатана хочет разрушить все, что Я и Мой Сын Иисус создаем на земле.

Сатана хочет погубить ваши души, увести вас как можно дальше от христианской жизни и от тех заповедей, соблюдать которые призывает вас Церковь. Он хочет погубить все, что есть святого в вас и вокруг вас. Поэтому, деточки, молитесь, молитесь, молитесь, чтобы вы смогли принять все то, что Бог вам дает через Мои явления. Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Факс из Меджугорья, 30 сентября 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Наступило время сбора винограда, все Меджугорье трудится в виноградниках. Это радостное время для всех семей.

Другая радость: Мирьяна вернулась из Италии со своим мужем и дочерью Марией; она отсутствовала больше года. Кроме Якова, все визионеры находятся здесь, вместе с нами!

Свидетельство сербского летчика, которому не удалось бомбить Меджугорье, подтверждено. Этот летчик содержится в плену в Любушках. Ждем дальнейших известий...

В Боснии много женщин, забеременевших в результате насилия, находятся в трагической ситуации — морально и физически. Будем молиться, чтобы они избрали прощение и жизнь.

Добой скоро освободится? На прошлой неделе несколькими автобусам было разрешено забрать оттуда некоторых узников, которые укрылись в Хорватии. Будем горячо молиться, чтобы эта операция по спасению могла продолжаться, ибо недавние сербские бомбардировки Славонски Брода перерезают теперь единственный возможный путь для этого «исхода»... Мешать истощенным, полуживым людям искать убежища?!

К тому же приближается зима, а в этих районах Боснии температура опускается ниже -20° . Это значит, через несколько месяцев здесь не останется ни одного уцелевшего.

Вести еще хуже: только что почти все узники лагеря в Брчко (около двух тысяч) были убиты.

Нейтральная комиссия ООН, направленная в некоторые лагеря, подтвердила ужасы, уже записанные на «диком видео» благодаря некоторым смелым журналистам.

Если Европа не вмешается как можно скорее, она подпишет под собственным самоубийством. Кажется, Европа думает: «Босния-Герцеговина — это пустая болячка вроде лихорадки. Это пройдет. Позволим действовать природе...» Нет, милая Европа, это не лихорадка. Это раковая опухоль. Опухоль ненависти. И если ты останешься сидеть в своем кресле, подписывая бумаги, она поглотит всю тебя целиком.

Неделю назад Карло, сосед Вицки, сказал ей:

— Вицка, помнишь, как ты плакала, когда получила свою седьмую, восьмую и девятую тайны, и Мария тоже? Если ты скажешь, что Госпа в этих тайнах говорила не об этой войне, то что же тогда нас ждет???

— Ты сам ответил на свой вопрос, — пожала плечами Вицка.

Не случайно в Своем последнем послании Госпа так ясно нас предупреждает о действиях сатаны. Она ждет наших молитв и неисчерпаемого потока нашей любви, чтобы взорвать баррикады ненависти и убаюкать в сердце Своего Сына наш мир, столь больной, но и столь нежно любимый.

Миг и ♥

VIII. Октябрь / ноябрь 1992 г. Из тьмы к свету

Дровяная плита

Сегодня, 1 октября, стоит теплое и приятное осеннее утро. Проходя по «улице визионеров», я замечаю Марию Павлович: засучив рукава, она скребет

старым ножом древнюю деревянную плиту. С помощью какой-то штуки, когда-то бывшей венником, она сметает сажу, толстым слоем покрывающую две маленькие мушмулы. Вид у кустиков печальный... как бы эта сажа их совсем не доконала!

Мария в превосходной форме, улыбается, веселая, живая. Похоже, ей доставляет такую же радость счищать сажу, как и передавать *слова Небес* нашим жаждающим сердцам. Одна и та же работа — убрать черноту, дать свет. Очистить, вернуть изначальную красоту. Та же простота.

Завязывается разговор о том о сем, причем я стараюсь удержать свое белое платье на разумном расстоянии от ее орудия.

— Лицо Госпы? Спокойное, — говорит Мария.

Вицка последнее время говорит то же самое, это внушает бодрость.

Мария делится своей тревогой. В некоторых странах «молитвенные группы Меджугорья» начинают следовать всякого рода внутренним голосам и посланиям, которые являют себя там и сям, особенно в США. Таким образом эти люди рискуют отвратиться от Госпы и Ее посланий.

Нож летает во все стороны, приканчивая самые упорные пятна. А я смотрю на эту совсем простую молодую девушку и в то же время носительницу самых важных посланий из данных миру Царицей Небесной с тех пор, как Она стала являться на земле.

Приход пришел в движение, и Я желаю дать такие послания, каких никогда прежде не было от сотворения мира (4 апреля 1985 г.).

Мы говорим о войне.

— Как ты думаешь, она продлится еще долго?

— В Хорватии нет, здесь ситуация проще. Но в Боснии-Герцеговине конца пока не видно, может быть, еще годы...

Огромная американская рубашка, покрывающая ее хрупкую фигуру, из розовой превратилась в угольно-серую.

Когда говоришь с Марией, порой трудно отличить ее собственные заключения (где она может ошибаться) от того, что идет от бесед с Пресвятой Девой. Как и все визионеры, она очень сдержанна относительно своих ежедневных интимных диалогов с Матерью Божией и расспросы на этот счет встречает с неудовольствием.

Через нее Пресвятая Дева открывается нам как бы опосредованно, распространяя Свое благотворное материнское присутствие поверх слов. Из такого общения выходишь обогащенным, сам не зная, как это произошло.

Кроме того, всегда и во всех испытаниях Мария радует нас своим основательным здравым смыслом, рассудительностью. В самых странных или сложных ситуациях она способна произнести простое слово, которое снимает напряжение и утешает наши мозги, переполненные ложными вопросами.

Мне вспоминается прошлогодний случай.

В январе Мария находилась в Дублине. Как-то вечером она давала интервью Пату Кенни, звезде ирландского телевидения. Публичная встреча, во время которой это происходило, транслировалась на все экраны. Как обычно, Мария с великой простотой рассказывала о данной ей благодати ежедневно видеть Пресвятую Деву, объясняла основные послания и опи-

сывала Пресвятую Деву такой, какой Ее видит: очень живая Личность, Чья любовь невыразима.

Желая подлить масла в огонь (у каждого своя работа), журналист спросил:

— Мария, а не происходит ли все это только в твоей голове?

И тогда Мария молча поднялась — камеры следили за каждым ее движением — очень спокойно она подошла к журналисту, взяла его за плечи и со всей силы тряхнула:

— А это тоже происходит только в моей голове?

В тот вечер Госпу приняли миллионы ирландцев...

Факс из Меджугорья, 15 октября 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Как было предусмотрено, Иван на несколько недель покинул Меджугорье для свидетельства в Северной Америке. Нам будет не хватать вечерних молитв на горе вместе с ним! 2 октября Госпа передала нам через него очень важное послание:

— Дорогие дети, сегодня вечером ваша Мать по-прежнему желает призвать вас к молитве, особенно важной именно сейчас. В настоящее время, дорогие дети, сатана хочет действовать посредством малых, малых вещей. Поэтому молитесь! Сатана сейчас силен, он хочет сорвать Мой план мира. Он хочет его разрушить.

Что это за *малые вещи*, о которых говорит Пресвятая Дева? Только сердечная молитва сможет возжечь в наших умах мерцающие огоньки, которые предупредят о ловушках врага, стерегущих нас на пути, прячущихся в мелочах повседневной жизни.

Ситуация в центральной Боснии все время ухудшается, позиции сторон ожесточаются. Сотни убитых каждый день — и совсем рядом с нами. От этого кружится голова. Продолжайте, пожалуйста, посылать ваши гуманитарные транспорты, хотя бы для тех, с кем мы можем держать связь. А изголодавшимся и замерзшим узникам могут оказать действенную помощь только наши молитвы и жертвы.

Большая радость, что Мирьяна снова с нами. 2-го числа каждого месяца Госпа молится вместе с ней о неверующих. И часто Она является ей, как прежде. Мирьяна тогда по-особому молится о неверующих — специальными молитвами, которым ее научила Госпа. Нам она сказала: «Неверующим повезло, что у них такая Мать, Которая так любит их и так внимательна к ним. Никогда Она не жалуется, никогда не говорит: “Довольно, Я больше не могу”. Нет, Она всегда надеется, кротко и терпеливо. Как всякая мать, больше всего внимания Она уделяет самым больным из Своих детей. Как всякая мать, больше всего времени Она находится рядом с ними».

Мирьяна не только молится за неверующих, но и много страдает за них. Она знает то, чего мы не знаем, и часто делится с нами своей заботой: «Как страшно провести всю жизнь так, будто Бога не существует. Когда приходит момент смерти, а вся жизнь была прожита без Бога, это страшно. Очень прошу вас, каждый день молитесь о неверующих, потому что они не знают, что их ждет».

Близость к Пресвятой Деве делает нас более простыми, кроткими и терпеливыми. Продолжим же отдавать наше *да* Пресвятой Деве, чтобы все больше Ей уподобляться, как Она нас к этому призывает.

Благодать и Мир, и смелее!

Послание Пресвятой Девы от 25 октября 1992 г.

Дорогие дети!

Я призываю вас к молитве сейчас, когда сатана силен и желает присвоить как можно больше душ. Молитесь, дорогие дети, и доверьтесь Мне еще больше, ибо Я здесь с вами, чтобы помочь вам и вести вас новым путем, к новой жизни. Поэтому, дорогие дети, слушайте и исполняйте то, что Я говорю. Все Мои слова, всё, что Я говорила вам, важно помнить и теперь, и тогда, когда Меня с вами больше не будет. Призываю вас в корне изменить свою жизнь и решиться на обращение не на словах, а на деле. Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Противобомбовое облако

Нас принимает шеф хорватской полиции в Любушках. Он так учтив, взгляд его так ясен, а улыбка так сияет, что мне трудно представить, как этот человек стреляет в противника. Кажется, скорее он побежит навстречу неприятелю, чтобы его утешить.

— Сколько было вчера убитых?

— Девять среди наших людей. Но мы сумели отбить шесть деревень.

Видно, что к своим людям он относится как отец.

— Сестра моя, как военный я могу дать вам отчет только в том, что происходит на земле. Но весь этот регион — Меджугорье и его окрестности — пользуется защитой, которую невозможно объяснить с военной точки зрения. Это заметили все солдаты. Наше дело, однако, замечать, а не объяснять.

И он детально мне описывает случаи с неразорвавшимися бомбами. Говорит о том, что в Меджугорье до сих пор нет ни одного убитого, и т. д. То и дело его прерывают телефонные звонки или донесения с фронта.

— А свидетельство сербского летчика? — спрашиваю я.

— Какого сербского летчика?

— Ну, история, о которой рассказывалось в местной газете... Хотелось бы услышать от вас подробности.

— Простите меня, сестра, но об этом я ровным счетом ничего не знаю, — отрезает он.

Неужто эту историю знают все, кроме него, начальника полиции? Или это военная тайна? Я понимаю, что ничего тут не добьюсь, и глотаю разочарование: нет так нет. Я обещала Пресвятой Деве не писать ничего, кроме подлинной правды, и должна соблюдать этот договор. Так что привожу лишь самое основное, в чем уверена.

В прошлом мае сербский летчик-атеист получил задание бомбить Меджугорье. Но, оказавшись над долиной Меджугорья, он по совершенно

необъяснимой причине не смог сбросить бомбу и решил избавиться от нее в пустынном месте. Это спасло ему жизнь: через некоторое время самолет сбили хорватские зенитки, и, будь при нем бомба, она взорвалась бы еще в воздухе. Но все обошлось: человек благополучно катапультировался, а самолет врезался в землю несколькими километрами дальше. Пилот попал в плен, был помещен в хорватскую тюрьму и допрошен, а потом, как это часто происходит, обменян на хорватских пленников.

Это то, что известно достоверно. Но, разумеется, в округе циркулируют всякого рода подробности. Говорят и о странном облаке, внезапно скрывшем Меджугорье; и о необычайной глубине воронки, проделанной выброшенной бомбой; и о том, что за одного этого летчика сербы освободили много-много хорватских солдат... Но будем терпеливы, не станем перескачивать слухи. Дождемся точных показаний.

Зато достоверно известно и самое главное. То, что Свой Оазис Мира Госпа сохранила Собственными средствами — простыми, но неожиданными и действенными, позволившими избегнуть кровопролития и в одном, и в другом лагере. Она простерла Свой спасительный покров над обеими сторонами, и мы от всего сердца благословляем Ее за это!

Эта история — наша история. Не только потому, что для защиты Своего Оазиса Мира Госпа воспользовалась и нашими молитвами, но также и потому, что Она показывает нам, что способна защищать от бомб Разрушителя *все* Свои Оазисы. А ведь таким оазисом является каждое сердце. За те несколько секунд, что Она простирала Свое покрывало над, казалось бы, уже приговоренной деревней, Она сделала больше всех дорогостоящих политических «круглых столов», в ходе которых подписываются документ за документом, на которые бессильны помешать ненависти. Одно Ее простое слово, и бомба унеслась в пустыню... Вот вам действенность молитвы, вот вам могущество святых. Вот почему 25 апреля Она напоминала об одной, единственной, неизбежной стратегии мира: *Только молитва и пост могут остановить войну.*

Порой это так легко...

Неподалеку от нас жила молодая семья с двумя маленькими детьми. Нам часто приходилось встречаться. Муж относился к нам хорошо, но Лерка, его жена, терпеть нас не могла. Имея с ней дело, всякий раз приходилось сдерживать дыхание и быть готовым, что к тебе отнесутся как к последнему проходимцу. Дело в том, что с самого начала Лерка приняла нас за сербов. Не будем забывать, что до прихода Богородицы крестьяне Меджугорья жили в тысяче лье от современного мира и прежде никогда ни один иностранец не проникал в эту затерянную деревню. Послание Госпы *Любите ваших братьев православных сербов* тогда еще не было услышано.

С началом войны, подобно многим нашим соседям, Лерка с детьми покинула Меджугорье и укрылась в Хорватии. Мужья-солдаты время от времени ездили повидаться с ними и привозили тот мизер съестного, какой могли.

В общину продовольствие доставляли французские грузовики¹³, так что у нас бывала возможность осчастливить какую-нибудь из этих лишенных всего семей. Приготовлением таких пакетов занималась Сесиль. Именно ей первой пришла мысль (полагаю, внушенная непосредственно Святым Духом) приготовить пакет с едой, пеленками, порошковым молоком и другими маленькими гостинцами специально для нашей Лерки. И такие посылки нашему дорогому «врагу» Сесиль отправляла не раз и не два.

В начале июня Лерка вернулась... совершенно преображенной! Она подошла к нам с улыбкой и, сияя, заговорила о том, как рада быть снова дома и как благодарна за подарки.

Так Госпа еще раз воспользовалась войной, чтобы исцелить человеческую душу.

Факс из Меджугорья, 1 ноября 1992 г., праздник Всех Святых

Дорогие Чада Меджугорья!

Трудная ситуация в стороне Столаца и Мостара: туда подошли сербские части из Дубровника (теперь уже освобожденного). Солдаты из Меджугорья не должны покидать страну, и многих мобилизовали для помощи на этом фронте. К счастью, наша зона прекрасно защищена и паломникам здесь совершенно нечего бояться.

Мария и о. Славко уезжают 12-го в Испанию и Португалию. Связи с Фатимой укрепляются все больше.

Старики здесь говорят: «Эта война гораздо хуже всех других. В 1940 г. фронт проходил далеко от населенных мест. А теперь убивают в самих городах, население целых деревень и городов уничтожено в собственных домах».

Из лагеря в Добое продолжают вывозить узников — медленно, но верно. Девушка, каким-то чудом оказавшаяся в списке освобожденных, свидетельствует: «В Добое страшный голод». Поможем Господу полностью освободить этот лагерь!

Из Сараево одна женщина смогла передать послание по любительскому радио: «У нас больше нет ни крошки хлеба. Приходится есть траву. В квартирах люди скребут паркет и варят опилки. Транспорт с продовольствием захватывают солдаты».

Для Боснии Верховный комиссариат по делам беженцев предвидит этой зимой «400 000 погибших от холода и голода, в том числе 100 000 детей». Сто тысяч невинных детей?! Мы не должны этого допустить. Это Сам Иисус в них снова терпит смертные муки. В час, когда сатана хочет захватить максимум душ, я предлагаю контратаку со стороны каждого из нас: в течение этой зимы мы можем заменить наши второстепенные дела ежедневной мессой (присутствуя реально или духовно). Мы погрузимся в кровь Христову, переживая скорбь всех этих малышей, умоляя Отца вместе с Иисусом, чтобы Он проник Своим Духом в души, захваченные сатаной. Европа не шевелится? Тогда Дух Божий отворит запоры. Успех этой операции зависит от наше-

---

¹³ Наш друг Жерар Куле был одним из самых верных и отважных путешественников по хорватским дорогам.

го порыва любви. Госпа сказала Мирьяне: *Самая великая милость, которая дана человеку на этой земле, это месса. Это самая сильная из всех молитв. С любовью можно достичь всего, даже самого невозможного.*

Спасибо от всего сердца!

Факс из Меджугорья, 15 ноября 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Это больше уже не тайна: на Пасху визионер Яков женится на молодой итальянке. Ему исполнится двадцать два года. Молодые будут жить в новом доме неподалеку от Мирьяны и Ивана. Помолимся, чтобы они прославляли Бога, переживая такое прекрасное таинство!

В этих краях традиционное приветствие «Слава Иисусу! — Всегда Иисусу и Марии!» сменилось на весьма специфическое — военное — приветствие: «Ты жив! — Да, слава Богу, и ты тоже!»

Школа в Меджугорье все еще не открылась. Уже несколько недель каждое утро в десять часов дети приходят собиравшись, чтобы послушать о Боге и помолиться по Розарию о мире. Многие из них читают молитвы Розария и по вечерам.

Улицы Меджугорья заполнены множеством детей, доселе никому тут не известных: это маленькие хорватские беженцы, принятые деревней вместе с их матерями. Меджугорье укрывает более тысячи двухсот беженцев, что на три четверти увеличило его население. Да исцелит Госпа их раны и дотронется до их сердец, ибо лишь немногие из них приходят в церковь.

В одном своем интервью о. Славко так анализирует невмешательство стран, которые могли бы остановить этническое истребление: «Если нация привыкла к тому, что миллионы ее подростков умирают от наркотиков, а миллионы ее младенцев — от аборт, как она встанет на защиту пяти тысяч хорватов, убиваемых тут, или десяти тысяч мусульман, убиваемых там?! Всякое истребление и все войны проистекают из презрения к жизни. А мир зависит от нашего обращения к жизни, от нашей любви к жизни. Без этого обращения к жизни мы уничтожим самих себя так, как мы позволяем уничтожать других...»

Дорогие дети, — говорит нам Госпа, — благодарите Бога за красоту и величие дара жизни. Благодарите Бога за то, как чудесным образом Он нас сотворил.

И наконец: *Дорогие дети, Я люблю каждого из вас так же, как люблю Моего Сына Иисуса!*

Благодать и Мир вашим сердцам!

Прекратим войны!

С начала войны в Боснии-Герцеговине многие паломники нам говорят: «Здесь у вас воюют бомбами, но у нас не лучше. Ненависть проникла в наши семьи, мы рвем друг друга на клочки, не покидая собственных домов».

Правда, что самые смертоносные войны начинаются в глубине наших сердец, когда мы питаем ненависть к кому-то из наших близких. Царица Мира хорошо знает об этом. Она говорит нам: *Начните с того, чтобы любить членов своей собственной семьи. Ведь сатана хочет разрушить ваши семьи; он очень активен, особенно по отношению к молодым.* Несомненно, сатана хорошо знает, что довольно внедрить непонимание и ненависть в семьи, и тут уж все дальнейшее становится детской игрой — скажем, зажечь войну между народами. Свой «первичный материал» он легко использует для все больших разрушений. Вот так некоторые семьи становятся точкой опоры для сатаны, настоящими «складами» его губительных боеприпасов. Напротив, семьи, которые молятся, — подлинный источник утоления ненависти, ибо Дух Святой в них пребывает, трудится в них неустанно, и демоны бегут прочь. Вот почему Госпа уже больше одиннадцати лет постоянно просит нас молиться в семьях. Здесь, в Меджугорье, мы все время говорим об этом паломникам, которые часто в ответ широко раскрывают глаза и возражают: «Молиться в семье? — Невозможно!» И следуют аргументы, столь неопровержимые, что можно было бы легко позволять себя убедить. Между тем права именно Госпа, и лучше, чем кому бы то ни было, Ей известно, что нет ничего невозможного для Бога.

Пятидесятилетний Альбер впервые приехал в Меджугорье. Здесь он испытал сильнейшее чувство, даже плакал от радости... Но услышав в последний день, что Госпа требует молиться в семье, страшно опечалился:

— Знали бы вы, что со мной делала жена перед моим отъездом! Оскорбления, насмешки, угрозы... Ужас! Мы живем с ней вдвоем. Молиться вместе?! Бесполезно и думать, она категорически откажется.

— Альбер, — сказали мы ему, — ты веришь, что Госпа знает о твоей ситуации?

— Гм... Да, Она должна бы хорошо ее знать...

— Говорит ли Она: «Молитесь в семье, кроме некоторых исключительных случаев, когда это невозможно»?

— Гм... Нет, не думаю.

— Ты веришь, что, требуя так настойчиво, Она способна сделать возможным то, что тебе сегодня кажется невозможным?

— Гм... Видели бы вы мою жену!

— Госпа видела и не таких. Ты готов оказать Ей доверие?

— Я-то готов... Но как конкретно?

— Ты все сделаешь в точности так, как Она требует. Ты знаешь, Она очень конкретна: ты начнешь молиться у себя дома, не говоря особых речей своей жене. И ты скажешь Госпе: «Ты видишь, я делаю, как Ты сказала. Я молюсь в семье, но... один. Так что давай поменяемся. Ты займешься *моей* женой (помоги Тебе Бог!), я займусь *Твоими* интенциями. Я буду молиться о том, о чем Ты просишь: о мире в сердцах, о священниках, о неверующих, о молодежи, я буду молиться, чтобы Твои планы осуществились... Словом, я основательно займусь Твоими делами, а Ты — моими».

Четыре месяца спустя в одной из групп паломников я узнаю Альбера!

— Так ты вернулся?

Он указывает на какую-то женщину в группе:

— Это всё жена! Она меня почти заставила. У нас не было денег, но ничто не могло ее остановить: «С помощью Провидения всегда можно разобраться», — говорила она. И вот мы здесь!

— Твоя жена?! Невероятно! Расскажи!..

— Ну так вот, дома я настойчиво молился, я был уверен, что Госпа начнет действовать. И вот как-то раз, через много недель, входит моя жена: «Альбер... гм... Я не хотела бы тебе мешать... Я только посижу несколько минут вместе с тобой...» — «Хорошо, присаживайся, ты мне не мешаешь...» — «Гм... А что это за молитвы?» — «Хочешь, чтоб я объяснил?» — «Ну, просто чтобы знать, чем ты занимаешься...»

День за днем она приходила, поначалу робко. Я всё больше и больше говорил с ней о Боге. Она не могла поверить, удивлялась — оказывается, у нее было совсем другое представление о Боге. Наконец мы заговорили о Меджугорье... И вот... Знаешь, теперь она молится столько, что порой мне бывает трудно за ней поспевать...

Спасибо Тебе, Царица Мира! Как и Бог, Ты Сама даешь то, чего требуешь.

Послание Пресвятой Девы от 25 ноября 1992 г.

Дорогие дети!

Сегодня Я как никогда призываю вас к молитве. Пусть ваша жизнь вся целиком сделается молитвой, но без любви молиться невозможно. Поэтому Я призываю вас прежде всего любить Бога — Творца вашей жизни, и тогда вы узнаете Бога и полюбите Его во всем, как Он Сам вас любит. Дорогие дети, то, что Я с вами — великая милость, поэтому принимайте и исполняйте Мои послания ради вашего блага.

Я люблю вас и потому Я с вами, чтобы научить вас и вести в новую жизнь обращения и самоотречения. Только так вы откроете Бога и все, что сейчас далеко от вас. Поэтому, деточки, молитесь! Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Примечание автора

Некоторых читателей, возможно, охватит сомнение по поводу кое-каких приводимых здесь фактов — особенно тех, где Провидение явным образом проявляет Свое присутствие. Пусть эти читатели будут уверены: я обязалась говорить одну только правду. И я еще скажу, что такие факты — только небольшая часть милостей Божиих, которые я могла испытать сама или видеть в течение пятнадцати последних лет в лоне нашей Общины. Это обычная христианская жизнь. Разве не обычно для Бога Живого совершать чудеса для доверившегося Ему народа? Непосредственно перед войной Госпа нам сказала: *Молитесь, исполняйте Мои послания, и тогда вы увидите чудеса любви Божией в своей повседневной жизни* (25 марта 1992 г.). Но если сомнения так уж неодолимы, всегда можно приехать в Меджугорье, провести там основательное исследование и собрать свидетельства из первых рук.

IX. Декабрь 1992 — весна 1993 г. Настойчивость!¹⁴

Факс из Меджугорья, 1 декабря 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу, единому нашему Спасителю, в этот скорбный Адвент!¹⁵

Прекращение огня, позволившее немного перевести дух Герцеговине, полностью нарушено: целый дождь снарядов падает на деревни за Мостаром.

Множество паломников пережили в Меджугорье особого рода опыт — испытав то, что переживается обычно в момент смерти. Внезапно вся их жизнь прошла перед глазами, как в фильме. Они ясно и точно видели каждый момент своей жизни, когда говорили *да* Богу, а также те моменты, когда говорили Ему *нет*. Их сознание было заполнено таким светом, что каждый, *словно в лучах Святого Духа*, видел себя с темными пятнами греха и светлыми участками — отблеском дарованной кому-либо любви. Они ощущали глубокое раскаяние. Все одновременно получили великое исцеление, физическое и духовное. Так, один наркоман был полностью избавлен от своей зависимости, а один паралитик поднялся со своего кресла. Отныне у них только одно желание: поместить Бога и Его любовь на первое место в своей жизни.

Госпа призывает нас: ***Начните полностью менять свою жизнь***. Не станем же ждать просмотра фильма в час нашей смерти... Наполним любовью оставшиеся серии!

Из некоторых стран теперь почти никто не приезжает в Меджугорье. Куда девались прежде столь многочисленные паломники из Америки, Канады, Италии? Разве здесь опасно? Нет, совершенно напротив! Глядя на трудности в семьях, пустоту в сердце, отчаяние молодых — все то, чем охвачен мир, где не рвутся снаряды... Глядя на безмерные милости, изливаемые здесь, глядя на обращения и исцеления, мы говорим: гораздо опаснее для жизни не приезжать в Меджугорье.

Вы знаете, что Пресвятая Дева снова явилась в Фатиме и Лурде? Действительно, Мария Павлович находилась в конце ноября в Фатиме, а Вицка в Лурде. Госпа, разумеется, встретилась там с ними и наверняка была этому рада.

Пожалуйста, вкладывайте побольше жару в молитву об этой стране: беженцев становится все больше и больше, часто они размещаются, как животные, где только могут; тысячи семей остались без всяких средств, а что до заключенных в лагерях... это просто мученики.

К счастью, мы знаем, что время испытаний может быть сокращено благодаря молитвам святых.

Всем сердцем с вами в этом жестоком сражении и в этой великой надежде!

---

¹⁴ IX и X главы являются дополнением к этой книге и содержат сообщения, которые сестра Эмманюэль продолжала посылать в 1993 г.

¹⁵ Адвент (от лат. *adventus* — пришествие): название предрождественского поста у католиков латинского обряда. В латинском обряде этот пост охватывает четыре недели перед Рождеством.

Факс из Меджугорья, 15 декабря 1992 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Будь прославлен Иисус в ночи материнского лона, и будь прославлено Его рождение в наш мир!

Иван вернулся из Америки. Для нас это великая радость, потому что теперь мы сможем возобновить наши вечерние молитвы вместе с Матерью Божией на горе.

Я разговаривала с женщиной, которая выбралась из Добоя. Она говорила, что помимо жестокостей и голода худшим было также ничего не знать об окружающем мире, думать, что никто и не пытается спасти тебя и что все узники так и оставлены в руках палачей. Ужас и безысходность. Она сказала, что из-за суровости режима было невозможно что-либо сделать — только молиться.

Госпа пользуется всем, чтобы привлечь Своих детей. Как говорит Мария: «Она хитрая!» Она и вправду «хитрая»: мы то и дело видим, как приезжают к Ней всякого рода водители и сопровождающие гуманитарных грузов, которые у себя дома гораздо лучше знали дорогу в бар, нежели в церковь, а здесь вступили на прекрасный путь обращения.

Ситуация в Боснии ухудшается со дня на день. Если бы даже война прекратилась сегодня, потребуются еще годы гуманитарной помощи, чтобы восстановить страну. Но Сербия не собирается останавливаться. Судя по запасам ее вооружений, она может воевать еще 20 лет. За сколько-то долларов в месяц русские и болгары пополняют ряды ее армии... Но что значит вся эта человеческая мощь по сравнению с сердечной молитвой? — Пустяк! Спасибо за вашу *настойчивость*, спасибо за то, что держитесь на передовой в вашей скромной повседневной жизни, чтобы одолеть ненависть молитвой.

Жители деревни начали поститься на хлебе и воде для подготовки к Рождеству. В 1985 г. Госпа сказала: ***Я прошу вас готовиться к Рождеству через покаяние, молитву и дела любви. Не считайте важными материальные вещи, ибо тогда вы не сможете жить!..***

Как Ты прекрасна, о Матерь Божия! Мы примем Твое Дитя, чтобы сжать Его в своих объятиях и прижать к своему сердцу!

Послание Пресвятой Девы от 25 декабря 1992 г.

Дорогие дети!

Сегодня Я желаю взять всех вас под Свой покров и хранить от всех нападок сатаны. Сегодня день мира, но во всем мире так много вражды. Поэтому я призываю всех вас молитвой строить вместе со Мной новый мир, живущий в мире. Я не могу этого сделать без вас, поэтому Я призываю вас всех с материнской любовью, а Бог совершит остальное. Откройтесь же навстречу планам Божиим и Его намерениям, чтобы созидать с Ним мир и добро. Не забывайте, что ваша жизнь не принадлежит вам, она — дар, ради которого вы должны приносить другим радость и вести их к жизни вечной.

Дорогие дети, пусть нежность Моего Младенца Иисуса всегда сопровождает вас.

Спасибо, что ответили на Мой призыв!

**Факс из Меджугорья, 26 декабря 1992 г.
Праздник Материнства Пресвятой Девы Марии**

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Младенцу Иисусу, Который сопровождает нас Своею нежностью, слава Пресвятой Деве Марии, Его Матери, Которая укладывает Его в ясли наших сердец!

Никаких угрожающих военных известий в эти дни в Герцеговине. Только солдаты в честь праздничной полуночной мессы стреляли из всякого рода оружия взамен традиционных петард.

Все визионеры находятся в Меджугорье, и Яков представил нам свою невесту Анну-Лизу, приехавшую из Италии.

Госпа сказала в одном послании: ***В Рождественскую ночь Я освобождаю больше всего душ из чистилища.*** Все почувствовали эту радость.

А вечером Рождества Мария, Иван, Вицка и Яков видели Ее в золотом платье еще более великолепной, чем обычно. Мария Павлович нам сказала: «Иисус тоже был весь в золоте, потому что был завернут в платье Матери: Они не могут обходиться один без другого!» Многие паломники говорили, что здесь они почти что касаются неба.

Как и в Вифлееме, Пресвятая Дева ищет прибежища любви для Своих младенцев, рожденных войной. В концентрационных лагерях сотни молодых женщин стали забавой для солдат. Забеременевших в результате насилия отпускают на шестом месяце, чтобы они не смогли сделать аборт и родили маленьких сербов. Травмированные пережитой жестокостью, многие женщины отказываются от своих «младенцев-четников¹⁶». Папа призвал христиан помочь этим матерям и собрать таких детей в Загребе. Нужны папы и мамы!

В Сараево матери говорят себе со скорбью: «Сколько еще я смогу кормить грудью моего ребенка? Высосав всё до последней капли, он умрет от голода у меня на руках, как уже умерли сотни других вокруг меня...»

Одна женщина сообщает по любительскому радио: «У нас даже нет воды промывать раны у раненых».

В час, когда младенцы, бедняки и больные платят более других по счетам ненависти, как не прокричать миру о *двух единственных* средствах остановить адскую машину, — о *посте и молитве*?!

Меджугорье возродит наш мир. В Рождественскую ночь, несмотря на войну, радость здесь переливалась через край. Многие молодые люди, более-менее неверующие, пережили поразительное открытие Бога, Творца Любви.

В сердце истекающих кровью Балкан Меджугорье — это факел радости. Госпа растопляет сердца, чтобы они могли принять Спасителя и стать способными любить всех людей. В Меджугорье небесная радость смывает всякую земную печаль. Но Госпа ищет соработников повсюду в мире.

Год назад, когда о. Славко проводил реколлекции для молодежи и Мария Павлович молилась вместе с этими молодыми людьми, Госпа воскликнула во время явления: ***Возлюбленные, о, как легко бы Я могла остановить войну, если бы нашла больше людей, молящихся так, как вы!***

¹⁶ «Четник» на сербско-хорватском означает «боец». В местной разговорной речи так называют сербских солдат.

В 1992 г. Она не нашла их столько, чтобы остановить войну. Но в 1993... мы не оставим Ее без своей помощи! Дорогая Госпа, вместе с Тобой мы превратим этот год в год победы любви, в год Твоей победы. Вместе с Тобой мы будем сражаться даже до крови, чтобы во всех обстоятельствах выбирать любовь. С помощью Розария и Твоей радости в сердце мы победим сатану. От Тебя нам родился Спаситель!

Рассказ Елены, 2 января 1993 г.

Приехав в Меджугорье на рождественские каникулы, Елена рассказала нам, что постоянно получает внутренние слова, сопровождаемые внутренними образами, и, похоже, погружается во все более глубокое созерцание.

Недавно во время молитвы она сделала в своем сердце следующее открытие:

— Я увидела, что Пресвятая Дева, когда жила на земле, непрестанно молилась молитвами Розария.

Общее недоумение... Я спрашиваю:

— Как это может быть? Ведь Розарий обращен главным образом к Ней Самой? Не могла же Она говорить Самой Себе: «Богородице Дево, радуйся...»?

— Нет, конечно! Но Она постоянно с любовью переживала в Своем сердце жизнь Иисуса, и Ее внутренний взор никогда Его не покидал. А что такое наш Розарий, как не это же самое? — Вспоминая пятнадцать тайн, мы переживаем в своем сердце всю жизнь Иисуса (а также Девы Марии в единении с Ним), таков подлинный дух Розария, и Госпа призывает нас совершать его именно так.

Факс из Меджугорья, 15 января 1993 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Как всегда в январе, священники обходят деревенские дома и благословляют их. Эта традиция еще очень жива здесь; Пресвятая Дева Сама рекомендовала не только благословлять наши дома, но также иметь дома освященные предметы, чтобы удалить сатану. В Меджугорье христианство заново открывает глубокий и библейский смысл благословения, в это время борьбы мы нуждаемся в нем как никогда.

В январе также меньше всего паломников, и визионеры пользуются этим для поездок. Яков уехал в Италию, Иван едет в Австралию, Мария — в Италии. Вицка в Загребе, Елена отправилась в Стивбенвил (США), а Мирьяна уезжает в Швейцарию. Хорошенько ходатайствуйте, пожалуйста, за визионеров, ибо Госпа рассчитывает на них, чтобы вывести наш мир из духовной комы. Не впервые ли в истории Она дает явления визионерам, где бы они ни находились?

Солдаты из Меджугорья продолжают отправляться на фронт, но во всем нашем регионе ситуация очень спокойная. Напротив, жестокие бои продолжаются в Сараево и в центральной Боснии — вопреки женевским встре-

чам, которые внушали определенную надежду. Но для хорватов единственным знаком мира будет реальное разоружение на месте, а не новые подписи на бумаге. Люди хотят действий, а не обещаний.

Ведь множество концентрационных лагерей еще не вернули своих узников, а «этнические чистки» продолжаются в самом центре Европы, которая, подобно Пилату, умывает руки. Посланцы миротворческих сил были свидетелями актов терроризма, имеющих целью очистить деревни от их жителей, разграбить, а затем сжечь дома. Но миротворцы вынуждены ждать, пока все не будет уничтожено, чтобы потом доставить ящики с консервами «перемещенным лицам» (у них приказ не вмешиваться).

Женщины, подвергшиеся насилию в лагерях и бежавшие в Хорватию, в отчаянии. Многие делают аборт, потому что стыдятся произошедшего и не желают свидетельств о страшном прошлом. Нужно срочно организовать прием этих женщин, найти усыновителей для их малышей. Перед лицом этой трагедии зияет полная юридическая пустота. Вот благоприятный момент для «борцов за Царство» выступить с отважными инициативами. Как говорит Госпа: *Посредством любви обращайтесь во благо все то, что сатана хочет разрушить и присвоить.*

Мы ждем перемен, возлагая надежду на молитву. И в этом смысле Меджугорье продолжает верно исполнять свое служение. Мы знаем от Ивана, что в эти дни Госпа призывает нас более интенсивно молиться на Ее интенции (которые хранит в тайне), ибо *она нуждается в наших молитвах.*

Непоколебимый мир визионеров показывает нам, что Госпа знает, что делает, и что Она держит весь мир в Своих Царственных руках и в Своем Материнском сердце!

Как мы счастливы, что у нас есть Она!

Послание Пресвятой Девы от 25 января 1993 г.

Дорогие дети!

Сегодня Я призываю вас со всей серьезностью принять Мои послания и жить по ним. Эти дни — то время, когда вы должны сделать выбор в пользу Бога ради мира и ради добра. Пусть всякая ненависть и зависть исчезнут из вашей жизни и из ваших мыслей, пусть в вас живет лишь любовь к Богу и к ближнему. Так, только так вы будете способны различить знаки сих времен. Я с вами и веду вас к новым временам. Это время Бог дает вам как благодать, чтобы вы узнали Его еще лучше.

Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Факс из Меджугорья, 17 февраля 1993 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Волна отъездов сменилась волной возвращений: Вицка, Яков и Мирьяна с нами, а Мария и Иван ожидают до конца месяца. Похоже, что поездка Ивана с о. Славко в Австралию и Новую Зеландию принесла много благих плодов.

В деревне по-прежнему довольно спокойно. Наша репутация достигла международных политических сфер. Зная о полной защищенности здешних мест, ООН выбрала Меджугорье базой для двух сотен испанских «голубых касок» с их новенькими танками. Их задача охранять гуманитарные транспорты в Боснию, что не очень-то логично, принимая во внимание расстояние. Но причина ясна. «Это самое спокойное место в стране, именно такое необходимо нашим людям», — говорят они.

И вот эти «наши люди» с изумлением открывают, что Пресвятая Дева является здесь уже одиннадцать лет! Уж не устроила ли Госпа «дикие паломничества» для ООН? Просто невероятно, что политики-атеисты признают Меджугорье в качестве надежного убежища, тогда как столько здешних христиан все еще не видят этого. Дорогая Госпа, очко в Твою пользу и в пользу Твоего Оазиса Мира, данного Небом!

Вицка говорила нам вчера: «Мы переживаем время благодати, но многие люди не понимают этого. Страх войны у них на первом месте, они позволяют захватить себя материальным заботам, деньгам... Они слепые и не видят даже очевидного — того, что здесь нет ни убитых, ни разрушений. Нет, на первое место нужно поместить послания, только тогда нам откроется, насколько наше время — это время благодати!»

Член молитвенной группы Ивана объясняет: «В молитве главное не какие-то чрезвычайные вещи. Главное — каждодневная верность и постоянство. Ибо как растение ежедневно нуждается в глотке воды, чтобы жить и расти, так и мы нуждаемся в нашем глотке воды — в ежедневной молитве. Без этого глотка мы понемногу умираем. Вот чему нас учит Госпа».

Дорогая Госпа, как не сказать тебе *да* от всего сердца!

Послание Пресвятой Девы от 25 февраля 1993 г.

Дорогие дети!

Сегодня Я благословляю вас Моим материнским благословением и призываю всех к обращению. Я хочу, чтобы каждый из вас решил изменить свою жизнь и чтобы каждый из вас еще больше трудился в Церкви. Не на словах и в мыслях, а примером своей жизни радостно свидетельствуйте об Иисусе. Вы не можете сказать, что уже обратились, пока ваша жизнь не стала ежедневным обращением. Чтобы понять, как вы должны поступать, дорогие деточки, молитесь, и Бог укажет вам, что именно нужно делать и в чем вам нужно измениться. Я с вами и всех вас беру под Свой покров. Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Факс из Меджугорья, 1 марта 1993 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу, ведущему нас к Своей победе!

Как описать политическую путаницу в Боснии-Герцеговине, где ситуация ухудшается с каждым днем? С человеческой точки зрения представляется невозможным, чтобы сербы, мусульмане и хорваты впредь смогли сосуществовать; между тем в большей части городов смешанное население! Чтобы изгнать мусульман из мест их проживания, сербы теперь используют

безопасные коридоры для гуманитарной помощи — как в Сипоро, где две тысячи человек подверглись «этнической чистке». И это неумолимо продолжается... Посреди этой драмы лишь зона № 8 (как она называется в планах раздела территории) избавлена от конфликтов. Лишь она одна. И это зона Меджугорья...

О. Славко вернулся из поездки в Австралию вместе с очень счастливым Иваном. Они воздают благодарение за добрых 150 тысяч человек, тронутых вестью о Меджугорье.

По причине хаоса, в который погружена Хорватия, а также из-за проблемы беженцев пока еще невозможно усыновление «детей-жертв» за границей. В настоящий момент только глубокая молитва может помочь делу: силы зла безошибочно метят в самых уязвимых, и сперва следует выиграть незримую битву. Изнасилованные женщины представляют собой золотую жилу для газет и журналов, не говоря уже о гнуснейшей коммерции, связанной с абортами. Возможности помочь будут появляться на месте. Пост и молитва помогут нам.

После большой встречи в Голландии Вицка возвращается совершенно простуженная, но сияющая. Вицка, несомненно, ближе всех из визионеров к тем, кто страдает, она активнее всех посещает и утешает их. В Меджугорье она часто ходит к некоторым молодым людям, которые бросили наркотики ради жизни под покровом Госпы. Вицка представляет для них живую надежду.

Отрадно видеть, что визионеры поистине ничто не считают несчастьем, разве только быть отдаленным от Бога. Глядя на них, мы почти забываем о войне. «Вместе с Госпой, — говорят они, — чувствуешь себя в совершенной безопасности!» Они слепо доверились Ей, и мир, в котором они живут, — это окно, открытое в Небо.

Мирьяна, как и Вицка и Яков, говорит нам: «Когда Госпа просит нас о чем-нибудь, мы не спрашиваем Ее, почему Он об этом просит. Мы это делаем просто потому, что Она попросила. Она Сама знает, почему, и этого достаточно».

Какой урок нашему рационализму!

Сердечная приверженность гораздо плодотворнее наших мыслей, и в этом начало подлинной радости. Лейтмотив этих военных месяцев — приглашение Госпы к такой сердечной радости.

Матерь Предивная, Царица Мира, моли Бога о нас!

Факс из Меджугорья, 13 марта 1993 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу!

Холмы Подбрдо и Крыжевац покрылись первыми крокусами. Но природа своему Творцу подчиняется, а люди — не особенно. Ежедневные взрывы в Мостаре, ежедневные разрушения. Возле Столаца сербы укрепили свои позиции, и хорваты ожидают ожесточенной атаки. Все это грозит ключевому мосту, по которому проходят транспорты с продовольствием для Сараево.

В Меджугорье архиспокойно. С нами о. Лорантен. Множество паломников сообщают о своем прибытии на Пасху. Приезжайте без страха почерпнуть из этого источника благодати!

Паломники спросили, как преодолеть рассеянность в молитве. Мирьяна отвечала: «Когда рассеянность охватывает меня во время Розария, я останавливаюсь и говорю Госпе о моей рассеянности; это меня освобождает. Потом я в мире продолжаю свой Розарий...»

Вицка уехала в Чикаго и Лос-Анджелес, это ее первое большое путешествие с начала войны... Она вернется к 20-му, через Германию.

Для визионеров великое счастье — передавать слова Пресвятой Девы, но вместе с тем это и подлинная печаль. Особенно для Марии Павлович, которая каждый месяц передает послание для всего мира. О. Славко рассказал нам, что однажды, передавая ему свой маленький листочек бумаги, она разразилась слезами.

— Почему ты плачешь, Мария?

— Эти слова — ничто. Я искажаю послания!

— Но почему? Ты написала очень хорошо, без ошибок!

— Когда Пресвятая Дева сказала: *Знайте, дорогие дети, что Я безмерно вас люблю*, в Ее взгляде отразилась такая сила любви! Я действительно испытала в своем сердце Ее бесконечную любовь к каждому из нас. Невозможно выразить это переживание словами. Люди не поймут всей Ее нежности. Эти слова ничего не значат по сравнению с тем, что Она на самом деле дает.

Дорогая Госпа, мы хотим ощутить Тебя за пределами слов!

Я Ее видела!

В декабре 1982 г. Госпа обещала Мирьяне, что будет являться ей один раз в год в день ее рождения (18 марта), а не каждый день, поскольку она уже получила свои десять тайн. 18 марта нынешнего, 1993 года, я чудом вспомнила об этом, и мы еле-еле успели добежать до Мирьяны. И вот Небеса отвернулись, и Мирьяна возвела взор к Матери Божией и Царице всего мироздания.

В течение семи минут мы присутствовали при поразительном диалоге двух женщин, двух матерей... Присутствие Пресвятой Девы ощущалось так сильно, так интенсивно, так явно, что мое сердце наполнилось и я заплакала от восхищения, а у Мирьяны скатились две огромные слезы (от радости — пояснила она потом). Обе они молились за неверующих, и я увидела в своем сердце тысячи гробов, отворившихся при молитве Матери Божией, я увидела покрытых мраком существ, которых Она привлекала к Себе и облачала в свет. Незримая реальность покрывала зримую, и я видела на прекрасном лице Мирьяны отражение того, как осуществляется блистательное дело спасения. Земля — прихожая Неба, но сегодня ее стены из стекла, и окна позволяют проникать ароматам, которые невозможно описать человеческим языком¹⁷.

---

¹⁷ Перед тем как нам покинуть дом Мирьяны, Марко, ее муж, раздал нам копии послания Пресвятой Девы, полученного во время этого явления. Вот оно: *Дорогие дети! Мое желание таково: протяните Мне ваши руки, и Я смогу повести вас как Мать по верному пути, Я смогу повести вас к вашему Отцу. Отворите ваши сердца и позвольте Мне войти. Молитесь, ибо в молитве Я с вами. Молитесь, и Я смогу вас вести. Я буду любить вас в мире и счастье.*

Настоящая линия фронта, настоящая передовая находится здесь. Здесь разыгрываются самые подлинные сражения и одерживаются истинные победы. И самые важные трофеи берутся этими маленькими крестьянами, у которых нет ни должностей, ни дипломов, но которые в простоте своего сердца произносят «Отче наш» вместе с Матерью Божией, а также теми, кто по всему миру присоединяют к ним свои голоса.

Никогда я не забуду этого явления. А ведь на протяжении трех с половиной лет я часто видела Марию Павлович и Ивана в экстазе. Но сегодня я подумала: если бы я была атеисткой, я бы за эти несколько минут была бы захвачена верой в Бога более надежно, нежели циклоном во Флориде!

В 1981 г. Госпа сказала: *Пусть те, которые не видят, верят так, как если бы они видели.* И отец Йозо любит прибавлять: «Каждый из нас визионер. Визионер сердца».

Многие дети видели Пресвятую Деву в Меджугорье.

Как-то у подножия холма безутешно плакал трехлетний малыш.

— Что с тобой, мой хороший?

— Я хочу туда!

— Куда?

— Наверх!

— Но зачем?

— Хочу посмотреть на Нее еще раз!

Да сумеет каждый христианин, мирянин или посвященный, увидеть своим сердцем то, что эти дети увидели своими глазами!

Послание Пресвятой Девы от 25 марта 1993 г.

Дорогие дети!

Сегодня, как никогда прежде, Я призываю вас к молитве за мир: за мир в ваших сердцах, в ваших семьях и во всем мире. Сатана хочет войны. Он хочет раздора, хочет разрушить все доброе. Молитесь, молитесь, молитесь.

Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Факс из Меджугорья, 1 апреля 1993 г.

Слава Иисусу, разбивающему запоры смерти!

В ожидании Пасхи все визионеры вспоминают страстную пятницу 1988 г., когда Госпа явилась вместе с Иисусом в терновом венце, покрытом кровью, в разорванных одеждах... Она тогда сказала: *Я пришла со Своим Сыном, чтобы вы увидели, сколько Он пострадал за вас* Сам Он молчал, но Вицка мне рассказала, что Его взгляд выражал любовь лучше всяких слов...

Согласно Ивану, на горе, как и в Австралии, Госпа призывает молиться за грешников. В ответ мы можем все совершить великую новенну перед Воскресеньем Милосердия (18 апреля), когда будет провозглашена Блаженной сестра Фаустина, чтобы прекратился «великий грех войны», — как говорит о. Славко, и всякий грех против жизни.

Визионеры не забывают и о шутке. Один паломник спросил у Мирьяны: «А можно я в дни поста на хлебе и воде буду все-таки выпивать по утрам одну ма-аленькую чашечку кофе с одним малю-юсеньким кусочком сахара?» — «Только побыстрее, — отвечала Мирьяна, — пока Она не проснулась!»

Ангелы, которых мы посылаем в концентрационные лагеря, работают хорошо. Нас достигают поразительные свидетельства. Например, священника из Боснии, подвергшийся жестоким пыткам, говорит: «Было удивительно хорошо, когда мы собирались, чтобы молиться за своих палачей...»

Иван, Мирьяна и Иванка собираются на выступление в США в мае. Для Ивана это будет длительная апостольская поездка на два месяца.

Никогда еще я не видела Мирьяну такой красивой, как 18 марта во время явления. Ее лицо таяло от нежности к Госпе. Даже если мы не можем расслышать этот тайный диалог между Небом и землей, ощущение радости было таким сильным, что все плакали. Мирьяна нам сказала: «Я была невыразимо счастлива». Пресвятая Дева не говорила в этот раз ни о каких тайнах. Просто молилась за неверующих.

В послании, которое получила Мирьяна, меня поразила одна деталь: если Пресвятая Дева желает, чтобы мы протянули Ей руки, *обе* руки, то это значит, что одной руки Ей недостаточно, чтобы вести нас к Иисусу. Кого берут за обе руки? — Младенца, который еще нетвердо стоит на своих ножках, или калеку, неспособного самостоятельно передвигаться. Госпа знает нашу немощь, и вот в смиреннии Своем Она идет перед нами, пятясь и по-зволяя нам смотреть Ей в лицо...

Дорогая Госпа, как прав был Иисус, избрав Тебя!

Факс из Меджугорья, 15 апреля 1993 г.

Дорогие Чада Меджугорья! Слава Иисусу, Он воскрес!

Ровно год назад Воскресенье Пасхи здесь больше напоминало Страстную Пятницу... Но какая радость видеть в этом толпы паломников, вернувшихся в Меджугорье! И свет от фонариков — целые реки света, стекающие с горы вечером после явления Ивану. Все визионеры находились в Меджугорье.

Яков женился на Анне-Лизе в день Пасхи, их обвенчал о. Славко. Все были тронуты чистой и детской радостью новобрачных. Свадебного путешествия не будет, здесь нет такой традиции, новобрачная сразу же поселится в доме мужа. Она будет учить хорватский, и, надеюсь, окажется способнее меня!

На ближайших фронтах очень спокойно, даже в Столаце.

Мирьяна продолжает нас учить. Она говорит, что каждая молитва, совершенная за неверующего, для Госпы словно слеза, отертая с Ее щеки.

Мирьяна рассказывает, что когда она работала в агентстве Атлас, у нее был коллега, бывший полицейский, который произносил проклятия через каждое третье слово. Она не стала ничего ему говорить, делала вид, что ничего не замечает. Но много молилась за него втайне. В первый месяц ничего не изменилось. Но на второй месяц после каждого проклятья он стал прибав-

лять: «Ох, прости меня, Мирьяна!» На третий месяц проклятия исчезли, и теперь этот человек состоит в ее четверговой молитвенной группе.

Недаром в 1984 г. Госпа ей сказала: *С молитвой можно достичь всего.*

Беседуя с визионерами, мы узнали, что Пресвятая Дева часто побуждала их к духовному чтению, в частности, о жизни Святых. Действительно, самые великие победы одержаны святыми. Как говорил сатана св. Кюре из Арса: «Если бы я встретил во Франции еще хотя бы троих таких, как ты, я бы больше не смог ступить сюда ни ногой!»

Святых я совсем еще недавно встречала в самых бедных домах Меджугорья, в таких, куда никто не заглядывает, но которые, тем не менее, укрывают сокровища молитвы и подлинной мистической жизни. Одна местная вдова сказала мне со смиренным видом: «Госпу я вижу каждый день в своем сердце. Я знаю, что все, что я Ей говорю, Она слышит и исполняет». Эта женщина лучилась радостью.

Матерь Воскресшего, дай нам красоту святых!

Послание Пресвятой Девы от 25 апреля 1993 г.

Дорогие дети!

Сегодня Я призываю всех вас пробудить ваши сердца для любви. Посмотрите на природу, как она пробуждается, это поможет вам открыть ваши сердца для любви к Богу-Творцу. Я хочу, чтобы вы разбудили любовь в ваших семьях, чтобы там, где вражда и ненависть, воцарилась любовь. А если в ваших сердцах есть любовь, есть и молитва. И не забывайте, дорогие дети, что Я с вами и что Я помогаю вам Своей молитвой, чтобы Бог дал вам силу любить. Я благославляю вас и люблю вас материнской любовью.

Спасибо, что ответили на Мой призыв!

Перевод и комментарии о. Анри Мартена

(Окончание следует)

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ в зеркале прессы

(сентябрь – ноябрь 2004 г.)

(Краткий обзор)

1. Архиерейский собор Русской православной церкви

В начале октября в храме Христа Спасителя целую неделю работал Архиерейский собор — собрание всех епископов Русской православной церкви, созываемое патриархом раз в четыре года. Фактически Архиерейский собор является высшим органом церковной власти. Де-юре, правда, дело обстоит иначе: в Уставе РПЦ значится, что ее высшим органом управления является Поместный собор, в котором участвуют, помимо архиереев, представители духовенства и мирян. Но на фоне радикального сворачивания демократических институтов в России церковное руководство вряд ли в ближайшее время пойдет на проведение такого форума.

Собор традиционно открылся отчетным докладом патриарха Алексия II о церковной жизни в период после прошлого собора, который состоялся в 2000 году. «В своем обращении патриарх привел и самую точную статистику: сегодня у РПЦ насчитывается 26 590 приходов, из них в России — 12 638, на Украине — 10 377 и 275 — в дальнем зарубежье (столько же, сколько и у Зарубежной церкви). Воскресных школ, работой которых патриарх высказал неудовлетворение, в России открыто 4696, приютов и других социальных центров — 1820, а молодежных церковных центров — всего 287», — сообщает **Надежда Кеворкова** в газете «Газета» (03.10.2004).

Из уст патриарха прозвучало несколько сенсационных по уровню самокритики заявлений, считает **Михаил Поздняев** (газета «Новые Известия» — 06.10.2004). «Многое из того, о чем так долго писали язвительные публицисты, сказано теперь, — отмечает он, — Его Святейшеством. К примеру: «Количественный рост отнюдь не всегда свидетельствует о высоком качестве организации деятельности церковных структур». В переводе на библейский (и публицистический) язык: «Не в силе Бог, а в правде». Другая цитата из доклада Патриарха: «На сегодняшний день у нас не существует программы работы с детьми подросткового возраста... Иногда православная гимназия вместо средства воцерковления ребенка становится средством отворачивания его от Церкви... Из множества детей, оканчивающих воскресные школы, в храме мы видим лишь малую часть. И если остальных нет в Церкви, то это не их вина, а наша...». Говорил Патриарх на Соборе и о низкой образованности духовенства, и о сердечной холодности, отвращающей прихожан от Бога, и о противопоставлении прозелитизму пришедших католиков и протестантов своего миссионерского подвига в духе любви. О любви, альфе и омеге православия, Святейший говорил как никогда много».

Корреспонденты газеты «Труд» (05.10.2004) обращают внимание читателей на то, что «основное внимание в докладе патриарха уделялось не столько вопросам внутрицерковной жизни, сколько проблемам, которые сегодня одинаково остры для Церкви, общества, да и всего человечества». В частности, они приводят высказывание предстоятеля Церкви о том, что «высшую сте-

пень актуальности приобретает вопрос выработки идеологии, которая могла бы дать адекватный ответ человеконенавистническому мировоззрению терроризма».

Пожалуй, главная интрига собора была связана с ожиданиями триумфального преодоления раскола между РПЦ и Русской православной церковью за рубежом (РПЦЗ). Напомним, что в середине мая в нашей стране побывала делегация РПЦЗ во главе с митрополитом Лавром. Это был первый официальный визит первоиерарха РПЦЗ в Россию за 80-летнюю историю раскола. Приглашение от Патриарха Алексия II в октябре 2003 года митрополиту Лавру передал президент России Владимир Путин. С того момента церкви обменялись делегациями, и, таким образом, процесс примирения между ними сдвинулся с мертвой точки. Еще летом РПЦ приняла решение отказаться от всех судебных исков против РПЦЗ по поводу спорной церковной собственности, а затем состоялись три встречи совместной комиссии, на которых обсуждались конкретные пути воссоединения.

Однако быстрого преодоления раскола не получилось. Об этом пишет обозреватель «Московского комсомольца» **Сергей Бычков** («Крестный ход конем», 04.10.2004): «Отдел внешних церковных связей «забыл» прислать приглашение на собор не только митрополиту Лавру, предстоятелю Зарубежной церкви, но и епископам, которые активно участвовали в переговорном процессе! То есть зарубежные епископы не будут принимать участие в соборе даже как наблюдатели. Это, конечно, плевок в лицо собратьям. Впрочем, секретарь зарубежного синода епископ Манхэттенский Гавриил заявил, что восстановлению еucharистического общения препятствует не только «забывчивость» ОВЦС, но и ряд других серьезных преград. В том числе прежнее пресмыкание российских иерархов перед богоборческой властью».

Судя по докладу главы Отдела внешних церковных связей митрополита Кирилла (доклад размещен на **официальном сайте Русской православной церкви**: <http://www.mospat.ru/>), основные разногласия между церквями преодолены, но остались определенные расхождения, связанные с рядом формулировок, касающихся таких тем, как «церковь и государство» и «экуменизм». Нерешенным, судя по всему, остается и вопрос об автономии РПЦЗ в рамках Московской патриархии. Митрополит Кирилл попросил собор дать Синоду полномочия самостоятельно принять решение о воссоединении, которые, естественно, были даны.

Существует версия, что процесс объединения во многом инициировал «духовник президента» о. Тихон (Шевкунов). Поэтому главная причина торжества — игра на ослабление позиций настоятеля Сретенского монастыря о. Тихона, на подрыв доверия к нему со стороны президента. Так считает журналист **Александр Солдатов**, автор статьи в газете «**Московские новости**» (08.10.2004).

Собор причислил к лику святых 14 новых подвижников. Среди них — адмирал Федор Ушаков, юродивые и новомученики, пострадавшие от рук большевиков. К сожалению, собор даже не стал рассматривать вопрос о включении в святцы РПЦ имен новых святых из русских эмигрантов, канонизированных Константинопольским патриархатом и прославленных в мае этого года в Париже. «По всей видимости, отказ от канонизации святых

эмигрантов связан с непростыми отношениями Москвы и Константинополя, и политика здесь взяла верх над церковностью», — считает еженедельник **«Новое время»** (№ 44, 2004).

Небольшая интрига развернулась вокруг вопроса о канонизации царя Ивана Грозного и «старца» Григория Распутина. Храм Христа Спасителя пикетировала группа верующих с требованием внести их в святцы. Однако позиция священноначалия осталась твердой. «Патриарх предупредил духовенство о недопустимости почитания лиц, не канонизированных православной церковью, потребовал изъять из храмов «самочинные» иконы Григория Распутина и Ивана Грозного и запретил возносить им молитвы на общественных богослужениях», — сообщает газета **«Комсомольская правда»** (04.10.2004).

К началу работы собора было выработано «Временное положение о церковном судопроизводстве». В нем предусматриваются суды трех инстанций. Первая — епархиальный суд, состоящий из пяти судей в священническом сане, вторая — общецерковный суд, третья — высший суд, совершаемый Архиерейским собором. Однако окончательное решение по делам епархиальных судов все равно будет принимать правящий архиерей. Об этом пишет **Борис Фаликов** в газете **«Культура»** (№ 40, 2004), замечая: «А это значит, что по сути ничего не изменится — поле для произвола по-прежнему остается неоглядно широким. Торжество порядка и торжество православия — вещи разные».

По окончании собора архиереи встретились с президентом Владимиром Путиным в Александровском зале Кремля. «Патриарх Московский и всея Руси Алексей II особо поблагодарил президента за принятые недавно поправки к земельным законам. Они дали возможность передать в церковную собственность участки под храмами и другими объектами религиозного и благотворительного назначения», — пишут **«Аргументы и факты»**. Еженедельник приводит одну пикантную подробность. Когда Читинский епископ Евстафий заговорил об угрозе колонизации с юга, президент парировал: «А вы китайцев в православие не пытались обратить? Подумайте об этом» («Обратить китайцев в православие», № 41, 2004).

Рассказывая об этой встрече, интернет-издание **«Портал-Кредо»** (<http://portal-credo.ru/site/index.php?act=comment&id=577>) обращает внимание на то, что президент проявил не столь частую за Кремлевской стеной интеллектуальную честность. Он определил «место каждого участника в предстоящем «церковно-государственном партнерстве»... Государственное руководство прилагает усилия к решению экономических проблем, а уж «нравственное обновление общества» — это по вашей части, дорогие соборяне. Проще говоря, ваши проблемы вам и решать; мы, конечно, вам, чем сможем, поможем, но не решим их за вас».

2. Научно-богословская конференция «Вера — диалог — общение: проблемы диалога Церкви и общества»

С 29 сентября по 1 октября в Москве, в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» прошла международная научно-богословская конференция «Вера — диалог — общение: проблемы диалога Церкви и общества». «Организаторы форума — Свято-Филаретовский православно-христианский институт (СФИ), журнал «Вестник Русского христианского движения (РХД)», Российский

государственный гуманитарный университет (РГГУ) — посвятили конференцию памяти Сергея Сергеевича Аверинцева», сообщает «Благовест-инфо».

Борис Колымагин в газете «Культура» (№ 46, «Подвиг общения») отметил важность вынесенного на обсуждение вопроса: «Проблема диалога церкви и общества, несмотря на свою актуальность, часто остается вне поля общественного сознания. Нередко она подменяется вопросами сотрудничества церкви и общественных структур, церкви и государственных органов. Между тем внутренний разрыв между актуальной культурой и церковью, верующим народом и обществом продолжает расти. И это не может не сказываться и на церкви, все более замыкающейся на собственных проблемах, и на обществе, которое, осознает оно это или нет, все же нуждается в нравственном обновлении, в живом христианском опыте».

Сайт **Свято-Филаретовского института** подробно рассказал о работе первого дня конференции (http://www.sfi.ru/rubrs.asp?art_id=4988&rubr_id=186). Открыл пленарное заседание проф. Никита Струве, сказавший, что задача людей Церкви — «возбудить в обществе желание диалога», а для этого Церковь должна не навязывать обществу свое мнение, а «свидетельствовать о святости», являть пример бескорыстного служения. Славист из Женевы профессор Жорж Нива посвятил свой доклад взаимодействию религии и общества в Европе, а академик Юрий Афанасьев — трудностям диалога с РПЦ. Народный артист России Сергей Юрский в своем выступлении привел множество примеров из современной мировой культурной, политической, общественной жизни, говорящих об одном: никакого диалога нет, люди просто не верят, что можно с кем-то разговаривать. Диалог, по мнению Юрского, ушел из искусства, политики и вообще из жизни общества. И чтобы он все-таки возник, нужны личные аскетические усилия.

Продолжила тему газета Преображенского братства «**Кифа**» (№ 9). В частности, она поместила материалы круглого стола, посвященного академику С.С. Аверинцеву. Священник Георгий Кочетков — именно его многочисленные прихожане в основном составляли аудиторию — рассказал о том, как в день пугча в 1991 году члены Сретенско-Преображенского братства, собравшиеся в честь праздника Преображения Господня на очередную встречу, шли под дождем вокруг храма по Большой Лубянке крестным ходом. Впереди шел С.С. Аверинцев с Библией в руках — «как с мечом духовным, который есть слово Божие. Это был и диалог церкви и общества, и противостояние злу».

Поэтесса Ольга Сedaкова охарактеризовала позицию С.С. Аверинцева как сложное сочетание признания своего несовершенства наряду с признанием непреложности тех вещей, о которых он высказывается. А подвел итог разговора старейший участник собрания — протопресвитер Виталий Боровой. Он сказал о необходимости канонизации Аверинцева как христианского апологета, в том числе и для того, чтобы привести отчасти обюрократившийся ныне процесс канонизации в соответствие с требованиями жизни.

3. Вопрос о церковных землях

В сентябре Государственная дума приняла решение о безвозмездной передаче в собственность религиозных организаций тех земель, на которых находятся принадлежащие им «объекты религиозного и благотворительного

назначения». Большинство голосов (373 при необходимом минимуме в 226) соответствующие поправки внесены в Земельный кодекс РФ и федеральный закон «Об обороте земель». «Эксперты уже подсчитали, что из общего числа действующих или законсервированных храмов России только 5-6 процентов церквей, в основном недавно построенных, принадлежат служителям культа. Стало быть, земельный дар коснется не столь уж значительного числа общин. Важно, что все сказанное относится к храмам всех конфессий, а не только к православным», — комментирует это решение «**Российская газета**» (29.09.2004).

Газета «**Коммерсант**» (24.09.2004), оценивая поправки к Земельному кодексу РФ, также обращает внимание читателей на незначительное число храмов, которые находятся в собственности у Русской православной церкви: «По новому закону массовой приватизации земель верующими не произойдет, так как «здания религиозного назначения» в подавляющем большинстве принадлежат сейчас не церкви, а находятся в федеральной или муниципальной собственности и верующие их только арендуют. Например, в Москве таких зданий больше 500, но в собственности церкви находится только один храм Живоначальной Троицы на Каширском шоссе». Газета приводит мнение московского адвоката Михаила Воронина, который считает, что новый закон «декоративный и ничего, по существу, не меняет».

Другой точки зрения придерживается газета «**Новые Известия**» (27.09.2004). По мнению ее обозревателя, церкви «предоставлен режим наибольшего благоприятствования. Бесконтрольный». В чем, правда, проявляется эта бесконтрольность, автор не поясняет. Зато пугает читателя угрозой реституции церковных земель.

О реституции пишет и интернет-издание «**Lenta.Ru**» (октябрь, 2004): «РПЦ изначально занимала довольно жесткую позицию в вопросе о возвращении земель и настаивала на полной реституции, то есть на возвращении ей 3 миллионов гектаров государственных земель, реквизированных в 1918 году. Случись такое — у церкви мог бы появиться соблазн ввести их в оборот и вести на них коммерческую деятельность... Проблема нецелевого использования земель не так поверхностна, как может показаться. В свое время церковь получила земли не ради факта собственности, а для других целей. Монастырям передавались большие земельные наделы, прежде всего на Русском Севере, для освоения. И в средние века, да и позже, монастырские хозяйства были одним из ключевых составляющих русской экономики. И возникает вопрос, какой цели послужат возвращенные земли в наше время. Станут ли они полем для деятельности возрожденных монастырских хозяйств и поспособствуют ли реанимации нашего сельского хозяйства, состояние которого далеко от идеального? Или же, наоборот, будут сданы в аренду, пущены под коттеджи, направлены на конкретные цели, далекие от духовной пользы?» По мнению интернет-издания, дискуссия о реституции «закончилась победой государства, однако и оно пошло на компромисс. Передача в бессрочное пользование ограничивает возможности государства по управлению данными землями и является не самой выгодной для государства формой владения землей. Но и превратиться в латифундиста закон в нынешнем виде церкви не позволит».

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике второго–третьего кварталов 2004 г.

Женщины со всей серьезностью взялись утверждать свои права на самостоятельное богопознание. В. Суковатая в статье под названием «**Теология, экофеминизм, мультикультурализм: новый контекст традиционных религий**» («Космополис», № 2) сообщает о *гендерных исследованиях религии*. Так как проводятся они в рамках феминистской теологии, точка зрения в данном случае женская. Предмет исследований — гендер (пол) в отношениях с Духовным и Божественным. Начиная с архаических религий и мифологий в роли Творца выступает мужская фигура, и это создает предпосылки для дальнейшего дуализма ценностей. Небо (категория «верха», «чистого», «священного») реализуется в ипостаси мужчины, а Земля (категория «низа», «грязного», «грешного») — в ипостаси женщины. В мировых религиях по сей день сохраняется система мизогенических (антиженских) взглядов, когда все женское греховно и вторично по сравнению с мужским. Исследователь стремится восстановить гендерную справедливость в отношении роли женщины в духовной истории человечества, произвести деконструкцию гендерных стереотипов, добиться признания заслуг женщин и культурной легитимации равенства полов. Эта научная инициатива, особенно в христианской теологии, в последнее время приобрела характер реформаторского движения и вызывает поддержку у тех теологов-мужчин, которые не нашли в Библии указаний, препятствующих политическому, гражданскому и духовному равноправию женщин, и убеждены в том, что первородный грех был искуплен жертвой Христа. Феминистские теологи(ни) не приемлют главной установки традиционной теологии, что гендерный порядок универсален, неизменен и является «промыслом Божиим». Они считают гендерную идеологию Священного Писания политическим продуктом определенной эпохи. Гендерные роли, так же как культура, подвержены историческим изменениям и не вечны. Пол верующего не может определять степень его угодности Богу; духовность, изучение и достижение Божественного одинаково доступны обоим полам. Особенного развития феминистская теология достигла в Северной Америке. Там пришли к выводу, что Библия односторонне трактует религиозный опыт — с точки зрения мужской гендерной и сексуальной субъективности. Таким образом, мужской гендер сакрализуется в ущерб женскому. Это некорректно, ибо не учитывается высокий духовный потенциал женщин. В этом смысле языческое благочестие (женские культы) кажется более предпочтительным. Обожествление природы коррелирует с экологичностью сознания, здоровым образом жизни и в синтезе дает духовно-душевно-телесное благополучие. Научная корректность и толерантность гендерных исследований послужили благодатной почвой для квир-теологии (рационализация духовного опыта людей с альтернативной сексуальной ориентацией). Православие, несмот-

ря на его софиологические теологемы, гендерные исследовательницы считают мизогеническим вероисповеданием. Камнем преткновения здесь является недопустимость рукоположения женщин в священники.

Г. Токарева идет к *богопознанию путями литературоведения*, правда, уже вне гендерной стратегии («Кеносис Христа и романтическое сознание (по материалам творчества У. Блейка)» — «Человек», № 4). В проводники она берет русского богослова С. Булгакова, внимая его предостережению, высказанному как раз по поводу романтиков: «В Христе «нераздельно и неслиянно» соединяются и трансцендентная твари «полнота Божества», и имманентная миру человечность... Но эта интимная и существенная близость Христа человечеству... не дает еще никаких оснований для религиозной фамильярности или сентиментальности, в которую нередко впадают представители мистического богословия». Романтический энтузиазм Блейка заставляет нашего автора забыть осторожность и обольститься его смелым предположением о неограниченных возможностях толкования священной книги. Для Токаревой важен главный принцип поэта: у каждого человека свой образ Христа, и каждый имеет право на собственное понимание образа Богочеловека. Недопустимо только одно — воспринимать Священное Писание как догму. Привлекательна и идея единства духовного опыта на высших уровнях богопознания. С филологической точки зрения кажется, что на этих уровнях исчезают конфессиональные различия, утрачивается смысл понятия «ересь», а Поэтический Гений растворяется в Боге и обретает богоподобные способности к творчеству. Ведь Христос у Блейка — прежде всего художник, а Библия — великое художественное произведение. Разночтения в трактовке образа Богочеловека оказываются несущественными, закономерно вытекающими из субъективного характера восприятия поэзии. Романтическое произведение, как и библейский текст, говорит символами и дает право любому читателю увидеть своего Христа. Поэтому, быть может, и о кеносисе («уничужденное снисхождение Бога Слова к людям») Блейк говорит, несмотря на все свое протестантство, замеченное Токаревой, словами православного теолога Глубоковского.

В. Быстров в статье «Понятие традиции и проблемы философии религии» («Религиоведение», № 1) доказывает, что все сказанное на *тему традиции* современным научным знанием, социологией и культурной антропологией, не выдерживает критики, которую автор назвал трансцендентальной редукцией. И только определение традиции, данное ставящим себя вне науки Р. Геноном, автор считает вполне удовлетворительным. В самом общем виде традиция — это сумма знаний сверхчеловеческого уровня, которые становятся доступны человеку в порядке инициации (посвящения). Традиция делится на эзотерическую и экзотерическую. Последняя появляется в истории человечества всегда как попытка сохранить хотя бы формальную оболочку традиции и преобразуется в религию. Эзотерическую (содержательную) составляющую традиции являют собой метафизика и дополняющие ее традиционные астрология, магия, алхимия, а также математика, география, лингвистика и др. (которые ничего общего с современными науками такого же названия не имеют). Метафизика как ядро традиции и сверхчеловеческое знание, казалось бы, могла стать предметом иссле-

дования философии, но сакральное знание методам и инструментам философии недоступно. Метафизическому знанию соответствуют определенные состояния сознания, связанные с мистическим опытом (автор называет его трансперсональным). В истории религий мистический опыт выступал в качестве генерирующего импульса и обрастал доктринальными спекуляциями, догматами и ритуалами и институтами. Однако мистический опыт не поддается научной рациональной формализации, а метафизика как «сакральный феномен» для своего понимания требует другого ума, другого состояния сознания, другого уровня уразумения. Это не должно останавливать пытлившую мысль ученых. Автор предлагает относиться к научному освоению мистического опыта как к переводу с одного конкретного языка на другой. Он надеется, что это поможет понять первичное единство традиции и трансцендентную единокровность всех религий.

И. Цвык знакомит читателей с тем, как силами профессуры духовных академий России осуществлялось *философское обоснование религиозных истин* («Проблема истины в русской духовно-академической философии» — «Вестник Московского университета». Сер. 7, Философия, № 2). Наиболее развернутую и оригинальную теорию истины разработал В.Д. Кудрявцев-Платонов. Позднейший русский теолог Г. Флоровский отмечал «стиль внутренней свободы, душевное изящество и благородство, с каким этот человек недрогнувшей веры ведет свое спекулятивное оправдание или обоснование этой веры» и в религиозном мировоззрении «отводит философии роль советующего друга». Кудрявцев-Платонов сам свою теорию считал «новой, более полной и всесторонней», по сравнению с работами коллег. Истину он определял как согласие предмета с самим собой, как единство его двух сторон (идеальной и феноменальной), как совпадение долженствования с существованием, идеи с явлением. В отличие от платоников, в его представлении феноменальный мир — не иллюзия, он имеет действительное бытие, но по сравнению с миром идей является более низкой формой реальности. По его мнению, истина о вещах требует сопоставления эмпирической реальности с той идеей, которая воплощается в этой реальности. Однако познание феноменального (конкретные науки) неполно, и «эти знания предполагают новое, высшее познание, которое обняло бы истину в большей широте и глубине». Это высшее знание есть философия, или наука об идеях. Идеальный мир есть содержание истины и представляет собой иерархическую общность идей, организованную согласно принципу истины, добра и красоты. Венчается эта общность Абсолютной идеей, совмещающей в себе все свойства идеального бытия, а потому обладающей Абсолютной истиной. Познание Абсолютной идеи, приближение к Абсолютной истине есть цель пути философствующего разума, цель недостижимая, ввиду его ограниченных возможностей, но именно последнее и открывает философии бесконечные горизонты. Абсолютной идеей, абсолютной истиной обладает Абсолютное Существо, совмещающее в себе полноту бытия и истину знания: Бог. Принцип организации идей (истина, добро и красота) задает норму существования и феноменального мира, выражаемого в «совершенстве вещей». Совершенство имеет абсолютный характер, но оно конкретно. Абсолютное совершенство реализуется в конкретном бытии Абсолютного существа. Мнение о невоз-

возможности достижения Абсолютной истины рациональным путем единодушно разделяли все философы духовных академий, но только некоторые из них полагали возможным приобщение к Абсолютному в акте веры.

Е. Плеханов в статье «Христианство и жизнь: метафизический синтез „нового богословия“» («Философские науки», № 5) обращает внимание на разработанную профессорами духовных академий России конца XIX — начала XX вв. идейную программу *христианского оцерковления жизни*, которую он и называет «новым богословием». Согласно этому богословию, христианское учение по своему глубинному смыслу является моральным откровением Бога человеку, самообнаружением Бога в качестве абсолютного морального закона. Все догматы необходимо заключают в себе некий метафизический нравственный смысл, раскрыть который «новое богословие» поставило своей задачей. В статье подробно рассматривается творчество М.М. Тареева и особенно его концепция кенозиса (уничуждения Бога-Сына до образа Сына человеческого). Из христологического догмата Тареев извлекает идею страдающего Божества, придает ей нравственный смысл и сводит к нему всю метафизику и историософию. Основной вопрос его религиозно-философской системы «есть вопрос о примирении личной религиозной абсолютности и внешней природной и общественной условности». Из практиковавшихся в истории христианства вариантов отношения к миру (приспособление себя к миру, подчинение мира себе, отказ от мира и ненасильственное внутреннее проникновение в мир) Тареев выбирает последнее, т.е. проникновение в мир на основе любви. Так же решается и задача социального служения церкви: вспомоществование народу, государству и обществу на пути гуманитарного прогресса. Христианство может войти в мир только через глубины личной веры и религиозного опыта каждого отдельного человека. Воцерковление жизни обретает смысл преображения социального организма в организм Богочеловеческий. Называя философию Тареева экзистенциальным персонализмом, автор сближает его с идеями других русских религиозных мыслителей (Вл. Соловьева, Е. Трубецкого, Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского и др.), однако обещанного им в заглавии статьи метафизического синтеза, который своим названием предполагает интеллектуальную операцию на высшем уровне знания, читателю обнаружить не удастся. Видимо, под метафизикой автор, вместе с «обновленцами», понимает всякое знание, которое находится за пределами обыденных представлений, но достижимо человеческому уму (рационально) и естественным порядком связано с нравственностью и прочими мирскими ценностями. К стати сказать, Г. Флоровский, к которому автор нас отсылает, совершенно определенно говорит о Тарееве, что тот метафизику (в любой ее версии) избегал, сторонился всякого интеллектуализма, предпочитая учению о бытии учение о ценности. Но таким способом Тареев теологию обращает к миру, давая право мирским (гуманитарным) наукам, в частности социологии, выступать со своими суждениями о божественном.

Сегодня такой подход широко используется. В. Бачинин в статье «Институты религиозно-гражданской жизни: взгляд социолога» («Религия и право», № 2) выступает сторонником консенсуса, или, как говорили прежде, конкордата — *согласия религии и государства*. Исходя из идеи превосходства

религиозного сознания над светским, он считает религиозные институты в высшей степени достойными формами организации социальной жизни. В этом случае религиозные обычаи и ритуалы вносят в динамику поступательного развития и обновления цивилизации элемент преемственности и устойчивости, дух необходимого традиционализма, что оберегает сакральное пространство духовной жизни общества от вторжения иных ценностей и смыслов. Религиозный ритуал воспитывает сакральную волю к порядку, выраженную в лаконичных императивах (предписаниях), которые насыщены энергией, исполнены повелевающей силы и которые заставляют индивидов (в нашем случае граждан) смиренно внимать и безоговорочно повиноваться. Сакральная воля оказывается движущей силой гражданского общества, которое, по Бачинину, являет собой самостоятельную целостность, относительно независимую от государства. Есть три составляющие сакральной воли: 1) универсальная архетипическая сила коллективного бессознательного; 2) безличная сила традиции, сконцентрировавшая в себе религиозный опыт многих поколений; 3) корпоративная сила конкретной социальной общности, консолидированная и солидарная в неукоснительном соблюдении религиозных обрядов. Через эти силы Бог подчиняет поведение людей и определяет их отношение к власти. Нормативность религиозного сознания определяет гармонию сакрального и мирского начал гражданского бытия. Вера дает гражданину убежденность, что в его существе присутствует вечное начало. Он видит смысл своего существования и главную задачу своей жизни не в том, чтобы исследовать тайны мироздания, а в том, чтобы принять как аксиому религиозную картину мира, а затем думать и действовать в соответствии с предписаниями, исходящими от Всевышнего. Те государства, где отвергается религия, выбивают у своих народов из-под ног одну из главных опор морали, а значит, и права. Оторванное от религии право становится относительным и условным. Атеистически ориентированные граждане подчиняются целесообразным и выгодным для себя законам и с легкостью отвергают их, если не видят в них пользы. Именно религия вносит в право элементы абсолютности и непреложности, позволяет интегрировать его нормы и принципы в единое целое. Бачинин явно сожалеет о том, что в современных условиях позитивное право может обходиться без религиозного фундамента. А без Бога, контролирующего соблюдение социальных норм, гражданское общество представляется ему весьма ненадежной конструкцией.

С. Лебедев по материалам социологических исследований пишет **«О взаимодействии светского и религиозного в российском образовании»** («Религия и право», № 1). Особенно остро эта проблема встала в связи с введением в программу средних школ предмета «Основы и ценности православия». Исследование проводилось в среде школьников (верующих и неверующих) и клириков православного вероисповедания с целью выяснить, сильна ли фундаменталистская установка сознания у учащихся и священнослужителей и высока ли степень их нетерпимости к инакомыслящим (иноверцам), как это полагалось многими противниками введения «Основ» в школьную программу. Исследования показали, что мрачные ожидания не оправдываются. Респонденты не проявили склонности к конфликтным установкам. Причем позиция священнослужителей в некоторых вопросах оказалась бо-

лее противоречивой, чем школьников. Последние, из числа верующих, проявили большую толерантность, чем «атеисты». Кстати сказать, опрошенные «атеисты» почти единодушно, как и верующие, высказались за введение «Основ» в школьную программу. Заметное разногласие имело место в отношении формы преподавания: «атеисты» — за факультатив, верующие — за обязательную дисциплину. Парадоксально разнятся и отношения к преподавателям: «атеисты» хотят учиться у клириков, верующие — у светских учителей. За возвращение к дореволюционной модели государственно-церковных отношений (православие как государственная религия и официальная государственная церковь) высказалось больше половины «атеистов» и только треть верующих. Что касается государственной религиозной политики, то большинство опрошенных придерживается варианта «по возможности не мешать Церкви и не помогать ее противникам». Клирики в основном выбрали вариант «оказывать Церкви в ее миссионерском делеании административную и финансовую поддержку».

Надо заметить, что в российском общественном мнении стереотипным является противопоставление провинции и столиц (Москва и Санкт-Петербург). Считается, что в отличие от консервативного провинциального быта, опирающегося на религиозные основания, жизнь в столичных мегаполисах как бы автоматически порождает безбожие, подрывая в сфере массового сознания традиционные установки. Исследование М. Мчедлова и А. Шевченко «**Особенности религиозности горожан**» («Религия и право», № 1), проведенное среди православных верующих, это не подтвердило. Жители столиц в сравнении с единоверцами провинциальных городов демонстрируют значительно большую степень самоидентификации по признаку национальному и религиозному (русские и православные). В столицах больше, чем в провинции, отдают предпочтение русским традициям и образу жизни, в сравнении с западными, а также проявляют больший интерес к религиозным занятиям в свободное время. Результаты исследования дали авторам возможность утверждать, что жители столичных городов отнюдь не безбожники. Они в большей мере, чем провинциалы, сохранили свой национальный религиозно-культурный потенциал. Правда, разница не потрясает воображения. Например: уровень религиозности в столицах — 58%, а в провинции — 55%; нравится чтение религиозной литературы, соответственно, 28% и 21%; посещают церковь — 17% и 12%.

Н. Шляхтина в научном православном журнале «Традиции и современность» (№ 3) опубликовала обстоятельную статью «**Дом как среда проявления религиозности: святыни, освященные предметы и связанные с ними представления в современных русских православных семьях**». Она пишет об иконах, книгах и других святынях, через которые человек общается с горним миром, хранит себя и приобщается к благодати. Автор полагает, что все эти предметы — видимые, осязаемые, материальные — играют значительную роль в воспроизводстве религиозной традиции. Основой для статьи послужили исследования в городах и селах центральных областей России. Иконы очень часто связаны с определенными событиями в жизни семьи и являются объектами родовой памяти. Появление новой иконы в доме всегда рассматривается как событие духовное, и во многих случаях оно соответствовало

духовным потребностям семьи. Зарождение веры в душе порою происходило с помощью святых, и появление икон этих святых было следствием постепенного усвоения православной традиции. По мере знакомства с канонами православной веры происходит и выстраивание иконного угла в соответствии с иерархией святых. Часто, взглянув в красный угол, можно определить степень знакомства членов семьи с православием. Помимо икон в домах имеются такие святыни, как освященная в церкви вода, освященное на мощах святых или молитвой лампадное масло. Сохранилась традиция передачи православным подвижником своим почитателям какой-нибудь личной вещи. Верующие хранят и используют их с молитвой при душевных и телесных заболеваниях. Сохраняют и одежду самих членов семьи, связанную с таинствами и молитвой (рубашки, в которых купались в святых источниках, венчальную и крестильную одежду). Перед иконами, в красном углу, зажигают лампады и свечи. Огонь, зажженный в них, воспринимается как бескровная жертва Богу. Во всех местах, где проводилось исследование, находились верующие, с благоговением хранившие иконы, богослужебную утварь, кресты и другие святыни разрушенных большевиками церквей. С атеистических времен в местах, где церквей не было или где гонения на верующих осуществлялись с особым рвением, в некоторых семьях сохраняется часть жилища, где совершалась тайная литургия для окрестных прихожан. Теперь необходимость в тайном совершении литургии отпала, а если и есть кое-где храмы в домах верующих, то они предназначаются только для семьи хозяйина. В православии существует понятие о семье как «малой церкви»; оно воплощается в стремлении освятить свое жилище молитвой, присутствием икон и святынь. Исследование повседневных обычаев показало особенности русского народного благочестия, раскрыло духовно-эмоциональный уровень религиозности и прояснило понимание православной культуры в целом.

О христианском подходе к организации мирской жизни заявил проходивший под эгидой Московской Патриархии VIII Всемирный русский народный собор, на котором был принят **«Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании»** («Безопасность Евразии», № 2). Свод предлагается для добровольного принятия всем субъектам хозяйственной деятельности России. Документ не повторяет положений законодательства. Формулировки основываются на десяти библейских заповедях и на опыте их усвоения христианством и другими религиями, традиционно исповедуемыми в России. Свод описывает идеальную модель хозяйствования, к которой следует стремиться. Помня, что наша духовно-нравственная традиция исторически склонялась к приоритету духовного по сравнению с материальным, к идеалу самоотвержения личности ради блага народа, мы должны создавать такой экономический уклад, который помогает гармонично реализовывать как духовные, так и материальные устремления личности и общества. Богатство не может быть самоцелью. Оно само по себе не благословение и не наказание. Это прежде всего испытание и ответственность. Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости. Честное хозяйствование исключает обогащение во вред обществу. Благосостояние добросовестных предпринимателей и тружеников должно соответствовать их

трудовому вкладу. Уровень потребления и стандарты качества жизни должны быть разумными и умеренными и учитывать состояние окружающей среды. Деньги — лишь средство для достижения поставленной цели. Они должны находиться в постоянном движении и обороте. Дело — вот единственное богатство предпринимателя. Отсутствие культа денег раскрепощает человека и делает его внутренне свободным. Богатство, как и бедность, сами по себе ни аморальны, ни нравственны. Бедность, как и богатство, — это испытание. Бедный человек обязан достойно вести себя и стремиться к тому, чтобы выйти из бедственного состояния. При этом следует помнить, что стремление к успеху любой ценой, презрение к жизни и здоровью — преступно и порочно. Государство, общество и бизнес должны помогать человеку. Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение допустимо, но может быть только открытым. Привычка воровать у государства, у соседа или коллектива, портить их собственность должна быть осуждена и изгнана из нашей жизни. Одной из форм хищения является несправедливое распределение плодов труда среди партнеров и работников. Общество не должно делиться на сверхбогатых и сверхбедных. Нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом. Безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность. Национализация частной собственности нравственно оправдана только тогда, когда ее использование заведомо противоречит интересам общества, угрожает безопасности и жизни людей. Из всего этого следует, что состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности. Лишь человек с добрым сердцем и светлым умом, духовно зрелый, трудолюбивый и ответственный сможет обеспечить себя, принося пользу своим ближним и своему народу.

Целый ряд материалов посвящен *русскому старообрядчеству*. Об «Отношении к собственности у старообрядцев (до 1917 года)» пишет **О. Шахназаров** («Вопросы истории», № 4). Рубеж XVIII-XIX веков называют периодом превращения старообрядчества из исключительно конфессиональной в конфессионально-экономическую общность. Экономическое процветание старообрядчества стало одним из условий его существования. Налоговые поборы были так велики, что требовали развития коллективной защиты. Предпринимательская деятельность на благо общины стала рассматриваться как средство спасения души. Историкам старообрядчества известно, что в XIX веке оно превратилось в одну из форм первоначального накопления капитала, что купеческий род стал структурной единицей старообрядческой общины, что раскольничьи монастыри собирали огромные пожертвования, что все состоятельные члены общин были вкладчиками значительных средств в общую кассу. В этом смысле характерна эпитафия на надгробии питерского купца-старовера: «Честность, справедливость, негласная помощь ближнему, во всем воздержание и не горделивость — вот его законы». Староверы не могли продать или закрыть фабрику без ведома и без согласия общины; последняя же своим решением могла передать ее другим лицам, если купеческая семья вырождалась и не могла эффективно управлять собственностью, которая рассматривалась как источник общественно-

го благосостояния. Российские законодатели немало способствовали ограждению старообрядческой собственности от внешних посягательств. Предприниматель-старовер, оказавшийся в долговой зависимости от иноверного, мог почти безнаказанно перевести свое имущество на какого-нибудь члена общины, лишив кредитора возможности наложить на него арест. На руку староверам играли и особенности русского семейного и наследственного права. Вот старообрядческая экономическая модель: общинная казна в центре, а вокруг нее — крупные и средние предприятия общинников, в свою очередь связанные с множеством мелких предприятий-поставщиков. Когда общинных средств для растущей экономической активности не стало хватать, появились старообрядческие банки, но и они играли роль заемного резерва конфессионального характера. Итак, важнейшими политико-экономическими следствиями старообрядческого хозяйствования стали: аккумуляция средств для освоения природных богатств, создание капитала для успешной конкуренции, формирование конфессиональной беспроцентной, а нередко и безвозвратной ссудной денежной системы, создание собственных торговых систем, контроль над ценообразованием. Некоторые исследователи берут на себя смелость утверждать, будто банкиры-староверы осуществили перестройку русского народного хозяйства, выведя его из эпохи промышленного капитала в эпоху капитала финансового. Старообрядческая промышленность развивалась в районах с преобладающим, а то и сплошным населением единоверцев. Фабрика становилась храмом, культовым сооружением и одновременно центром местной жизни и носила характер экономического анклава из крупных хозяйствующих субъектов в окружении средних, мелких, кустарных. Объединяли такие анклавы банки, бравшие на себя функции общинных финансовых центров. Уже в XX веке министр финансов Вышнеградский писал о старообрядцах: «Они основали и довели нашу отечественную заводскую промышленность до полнейшего совершенства и цветущего состояния». Однако экономическая идиллия не помешала старообрядцам принять участие в революционном движении начала века. Правда, их революционность носила не марксистский характер. Они боролись с антихристовой властью, мешавшей воцарению христианской справедливости. Их лозунг «Фабрики — рабочим» означал желание возвратить во владение староверческой общины частную собственность хозяина, пусть и единоверца, но вынужденного жить по правилам падшего мира.

Интересны и поучительны экономические соображения **В.П. Рябушинского**, одного из восьми братьев богатейшей старообрядческой династии промышленников. Его статья «**Судьбы русского хозяина**», написанная в 1928 г., опубликована в недавно возобновленном старообрядческом журнале «Церковь» (№ 6). Рябушинский делил всех людей на пять групп по признаку их отношения к собственности: четыре активные группы и одна пассивная. Первая — хозяева в душе, организаторы труда, созидатели ценностей, накопители мировых богатств. Вторая — святые, бескорыстные, неприхотливые; для них житейские блага не имеют никакого значения. Третья — завистники, люди озлобленные и бесплодные. Четвертая — бесхозяйственные, безалаберные, лишенные делового чутья, бездарные, расточительные, бестолковые, ленивые. Пятая — пассивное большинство, бесформенная масса, готовая примкнуть к

любой из первых четырех групп. В России господствует «завистник и неудачник». Отчасти это вызвано тем, что русский бесхозяйственный человек чрезвычайно самодоволен и самовлюблен, напорист в жизни и энергичен в споре. Талант в России скромнее, чем бездарность. У европейцев наоборот. Западный завистник менее самоуверен, агрессивен и нахрапист, чем русский. Наш — всегда обличитель, вечный искатель чужих ошибок, мелочный, придирчивый и всегда бестолковый. Рябушинский вполне одобряет концепцию М. Вебера, согласно которой дух западного капитализма соответствует протестантизму, особенно кальвинизму и пуританам (аскетизм и хозяйственная бережливость). Хозяин-православный отличается от кальвиниста. Мирской аскетизм есть и у нас, но он периодический, связан с постами. Отношение к богатству тоже другое: у них богатство — признак праведности и угодности Богу, у нас же оно тоже греховным не считается, но нет такого сухого, презрительного отношения к беднякам. Протестанты, конечно, предписывают благотворительность, но они вынули из нее душу, осудив личную милостыню, столь дорогую и близкую русскому человеку. Что же касается сознания своего положения лишь как Божьего доверенного по управлению собственностью, то оно внедрено в православного еще прочнее, чем в пуританина. По отношению к большому вопросу о кредитах (давать займы под проценты) Восточная церковь держалась «эйкономии» (правила поступать по обстоятельствам), т.е. осуждала их принципиально и боролась не с кредитом вообще, а лишь с бесстыдным ростовщичеством. Однако народная душа сопротивляется торговле деньгами. Больше уважают промышленников. Вторжение в Россию социалистических идей дало завистникам то, чего они добивались и от чего Церковь их удерживала, — теоретическое обоснование права на зависть и ее оправдание. Бесхозяйственность нашла — вместо разбойничьих атаманов и самозванцев — новых вождей в лице социалистических пророков и слилась с завистью. Идея святости и идея хозяина стали подвергаться яростным нападкам. Началась борьба за безразличных, и большая их часть из интеллигенции примкнула к союзу завистников и неудачников. Рябушинский как очевидец рисует картину увядания московских купеческих родов. Основатель фирмы, выходец из крестьян до конца жизни сохранял уклад, в котором вырос. Будучи хозяином, он не чувствовал различия между собой и рабочими его фабрики, но очень гордился тем, что вокруг него «кормится много народа». Ему не приходило в голову считать себя виновным за свое богатство перед людьми. Перед Богом он чувствовал свою вину за то, что из посланных Им средств недостаточно уделяет бедным. Такое настроение сохранялось и во втором поколении, хотя простота исчезала и появлялась роскошь, но зато развивалась благотворительность. Духовное оскудение хозяйственной аристократии началось с третьего поколения — с внуков. Люди двух первых поколений учились на медные деньги, но много читали и думали. Внук кончает университет, говорит на иностранных языках, изъездил весь мир, но душа у него раздвоена. Старый идеал «благочестивого богача» кажется наивным. Становиться жестким богачом на западный лад — душа не принимает; оставаться в мирской святости гуманизма и социализма — мешают знания и привычки. В результате горькое разочарование, ибо унаследованный от предков беспощадный и острый мужичий ум, несмотря на гипноз

интеллигентской среды, не может покориться «мудрости социализма». Старый русский купец хозяйственно погиб в революции так же, как погиб старый русский барин. «Любители словопрений» превратили Россию в громадную экономическую школу, доказав, себе на беду, несостоятельность социализма и коммунизма, значение частной собственности и пользу хозяев. Экономическое просвещение русского народа — единственное, чего достигли большевики вопреки их собственным намерениям.

Тот же старообрядческий церковно-общественный журнал обращается к истории отмены анафематствований Собора 1667 года, касающихся раскола. **В. Боченков** в статье **«Истина историческая против истины миссионерской»** напоминает о 130-летнем юбилее дискуссии в Петербургском отделе Общества любителей духовного просвещения («Церковь», № 6). Дискуссия была посвящена статуту единоверия (церковный акт о присоединении старообрядцев к Синодальной церкви от 1880 г.) и его каноничности. Главный ее зачинщик Тертий Филиппов обращал внимание общественности на то, что «Правила о единоверии» находятся в противоречии с учением церкви о свободе обряда. Но староверами это было воспринято как призыв к отмене церковного проклятия, наложенного на старообрядцев. Они считали, что «для гражданского закона раскол не должен более существовать; необходимо, чтобы это слово было вычеркнуто из наших законов, все подобные наименования, которые ведут к ненависти между детьми одной родины, должны исчезнуть... пусть в России будут лишь российские подданные, живущие по единому закону!». Само выступление Филиппова не было так декларативно. Это было взвешенное историческое исследование, которое приводило к выводу о необходимости снять клятвы со старого обряда. А для этого следует собрать собор с участием восточных патриархов. Сам Филиппов был высокопоставленным государственным чиновником и простым прихожанином синодальной церкви. Он просто пользовался своим правом свободно рассуждать о церковных делах. Вот его слова: «Мои воззрения на клятвы собора 1667 года отнюдь не препятствуют мне быть истинным сыном православной, господствующей в России церкви, кроме которой нельзя получить спасения нигде... Исправление богослужебных книг при Никоне было исторически необходимо и направлялось к самой благой цели. Но патриарх не соблюдал необходимой осторожности... [Не следует] придавать значения вещам, не касающимся сущности веры и потому безразличным для спасения... Собору следовало бы разъяснить очень четко и ясно, что обряды не имеют существенного значения для веры, и предоставить верующим полную свободу. Кто хочет — пусть молится по старым книгам, кто хочет — по новым». Отмена клятв не вызвала принципиальных возражений у оппонентов. Смущали, так сказать, тактические, миссионерские соображения. Миссионеры сообщали, что мысли Филиппова «особенно уважаются старообрядцами. Последние, руководствуясь ими, нередко ставят нас, миссионеров, в тупик и заставляют прибегать к силлогизмам» (читай, логическим уловкам). Кроме того, многих, уже обращенных в церковь господствующую, Филиппов своими соображениями приводил в смущение. Предполагалось, что вообще отмена клятв ничего не даст, а старообрядцы логично потребуют не равноправности обрядов, а отмены всех никоновских нововведений и подчинения господ-

ствующей церкви старообрядчеству. Единоверцы полагали, что предлагаемый Филипповым собор уничтожит и всю единоверческую церковь, едва нашедшую форму единства старообрядцев с никонианами. Таким образом, обнаружили две истины: истина историческая и истина миссионерская. У каждой была своя правда. При этом историческая истина оценивалась по степени полезности для истины миссионерской. Автор полагает, что Филиппов, вольно или невольно, указал на важную проблему, касающуюся чистоты православия, утраченного господствующей церковью. Увы, он не понимал, что для старообрядцев представляет важность не столько обряд, сколько та идея, которая за ним стоит. Старообрядчество сформировалось как самобытная, вполне сознательная религиозно-культурная общность, а не просто как «темная» масса упрямцев, вцепившихся в обветшалую религиозную старину, пусть и дорогую для русского сердца.

А. Островский по материалам старообрядческого журнала «Церковь» (1908-1917) пишет о положении «**Старообрядчества в условиях ограниченного социального признания**» («Старообрядчество: история, культура, современность», вып. 10). Имеется в виду указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., который не уравнивал старообрядцев с господствующей церковью, но официально признал возможность их автономного существования. Их перестали именовать «раскольниками» и не преследовали за «отпадение от православия»; им разрешили устройство начальных училищ и кладбищ; отменялись запреты на занятие старообрядцами государственных должностей, а также юридически были признаны старообрядческие скиты, молитвенные дома, благотворительные учреждения. Позиция журнала была такова: признание права и старообрядцев, и сторонников официальной церкви называть себя православными. Главным различием этих двух вероисповеданий журнал считал тип их легитимизации: «взаимное отвержение — факт исторический, и только оно одно характеризует все отношения между старообрядчеством и господствующим исповеданием на протяжении двух с половиной столетий. Дело не в «буквоедстве» и «обрядовизме», а в глубоко различном понимании народно-общественного устройства Церкви Божией». У старообрядцев главным выступает «право народа», а у господствующей церкви — «право иерархии и даже высшего церковного управления». Ответственным за раскол журнал называл государственную власть, а иерархию господствующей церкви — хранительницей непримиримости по отношению к старообрядцам. Исторические последствия разногласий в церкви фактически возложены на государство. Продолжающееся противостояние старообрядчества и официального православия журнал объяснял тем, что церковь в России не отделена от государства, а старообрядчество не может допустить над собою господства мирской власти. Идеологический аспект противостояния синодальной церкви старообрядчеству обрел форму собеседований «православных» миссионеров со старообрядческими начетчиками. Но правила собеседований исключали возможность равноправного диалога и не предоставляли старообрядцам возможности свободно высказывать свое мнение. Старообрядец, по представлениям журнала, являл собою воплощенное национальное самосознание русского народа. Он соблюдал внешний и внутренний облик русского человека; выступал как «протест русской жизни против чужих, не русских

форм». В статье дается также фактология жизни старообрядцев со статистическими подробностями.

А. Андрианов исследует пути *религиозного сознания верующего человека* («Причины и обстоятельства ухода в монастырь» — «Традиции и современность», № 3). Его интересуют личность будущего монаха, стремление к иноческой жизни и причины его возникновения, типичные обстоятельства ухода в обитель. Исторический экскурс в агиографию (житийную литературу) автор сочетает с полевыми исследованиями и выявляет событийный ряд, типичный для всех времен. Коротко и ясно это выражено в словах Иоанна Кассиана (IV в.): «Первое призвание — непосредственно от Бога; второе — через людей; и наконец, третье — по нужде. Для первого характерно некоторое вдохновение, которое исполняет сердце человека даже во сне, неудержимо влеча его к любви Божией, к заповедям Христа. Второе — через людей, когда кто воспламеняется желанием божественным посредством слова человеческого или влияния святых людей. Третье — по нужде в силу постигающих нас бедствий, опасностей для жизни, потери близких родных, что толкает человека обратиться к Богу». Оставляя в стороне богословский вопрос о синергии (сорботничестве человеческого устремления и Божественной воли), Андрианов останавливается на человеческой стороне дела, выделяя земные обстоятельства: воспитание; «особое устройство» души с детства; чтение Священного Писания и свидетельств Предания; события, ставившие человека или его близких на грань жизни и смерти (по обету); встречи с духовными людьми (монахами, паломниками, блаженными); сны и видения. Случаев повторения пути преподобного Моисея Мурина, достигшего высот иноческого совершенства после отказа от разбойной жизни, замечено не было.

Про монашество, практикуемое в другом вероисповедании, пишет **В. Лысенко** в статье «Аскетизм в Индии: его принципы и основные формы» («Религиоведение», № 1). В Индии монашество было не просто некоей альтернативой мирской религиозности, но важнейшим и единственным источником идеалов и норм религиозной жизни вообще. Его непреложное условие — радикальный разрыв с обществом, отказ от социальных, религиозных и личных обязанностей. Оно посвящалось поискам идеального (недвойственного) внутреннего состояния, делавшего аскета безразличным ко всем возможным оппозициям: жаре и холоду, удовольствию и страданию, желанию и отвращению, богатству и бедности. А в религиозном плане подвижничество выводило за пределы противопоставления чистого и нечистого, праведного и неправедного, должного и не должного, добра и зла. В Индии аскеты большую часть года вели бродячий образ жизни и только в период дождей поселялись в каком-то определенном месте. Именно в этот период у монахов появлялась возможность для интеллектуальных бесед по поводу разных аспектов доктрины — так зарождались философские школы. Путь аскета есть прежде всего путь одиночки-индивидуалиста — никакой социальности, никаких рангов и сословных привилегий. Направления аскетических практик определялись в зависимости от религиозных доктрин: открытие в себе Абсолюта-Брахмана (адвайта-веданта), слияние с личным Богом (шактизм), достижение нирваны (буддизм). Но главная цель у всех была одна — остановить колесо перерождений (сансары), преодолеть дей-

ствие закона кармы, в соответствии с которым всякий поступок, слово и мысль человека имеет моральные последствия в последующих жизнях. Индийские аскеты стремились преодолеть не только актуальные телесные и психические потребности, но и извлечь семена будущих телесных воплощений. Главный мотив индуистского аскетизма — это осознание тождества своего я, высшей самости — Атмана и мирового Духа Брахмана. Основной метод реализации этого тождества — йога (концентрация, остановка потока сознания): дыхательные упражнения (пранаяма), сворачивание органов чувств (пратьяхара) и медитация (дхьяна). Буддийские аскеты вместо сворачивания органов чувств культивировали ментальную установку (сати) — отвращение к телу как к «куче элементов» — и випассану (культивирование высшего знания). Эволюция аскетизма в буддизме весьма знаменательна: в позднейших направлениях и школах суровый аскетизм считали слишком эгоцентричной практикой, а в тантристском буддизме идея самоограничения преломляется самым неожиданным образом — аскезой становится то, что всегда было табу: сила любовной страсти и энергия продолжения рода использовались в духовных целях. Так же использовались и другие табуированные аффекты: ненависть, гнев, отвращение.

Тантризм, как индуистский, так и буддийский, предполагает особую форму религиозного знания. **С.В. Пахомов** дает нам «**Представление о тождестве в индуистской тантрической философии**» («Религиоведение», № 1). Тантризм — эзотерическая доктрина Освобождения. Тантры (тексты) признают авторитет вед (священные тексты индуизма), но их глубинный смысл и предлагаемый путь к Освобождению для духовных и интеллектуальных способностей исторического человечества (нынешнего периода Калиюги) считают недоступным. Тантризм предлагает путь посвящения (инициация) и использует энергии «мистической физиологии». Человек в самом себе содержит средства для спасения. Тантра не приемлет аскезы и использует силы, ведущие человека к падению, для его возвышения, превращая зло в добро. Большое значение придается аспекту женской энергии (Шакти) как сакральному источнику производящих витальных сил. Феноменальный мир производится усилием Шакти. Она неотделима от Шивы (аспект мужской энергии), поэтому соитие в ритуальном действе тантрических практик имеет основополагающее значение. Но в отличие от профанного коитуса, ориентированного на сексуальное наслаждение, здесь это разновидность йоги, концентрации сознания и транзита энергии к определенным локусам (чакрам) человеческого тела. Поэтому не следует путать Тантру с Камасутрой (искусство любовных утех). Философия тантризма мистична по своему характеру, если мистицизм понимать как опыт обращения к реальности высшего порядка, которую нельзя охватить мыслью и выразить в слове. Погружение в такую реальность стирает границы между внутренним и внешним, между феноменальным и ноуменальным и порождает монистический взгляд на мир (мир как единая субстанция). Идея единства мира предполагает поиск и выведение разнообразных видов тождества (предельных случаев равенства объектов). В тантрической философии автор выделяет и анализирует четыре вида тождества, в основе которых лежат представления о Божестве, вселенной, языке и человеке. Отождествление осуществляется по

принципу равенства двух ликом Абсолютного (Шивы и Шакти), и оно имеет спасительное значение. Проследим пример отождествления микро- и макромира. Большой космос вселенной тождествен малому космосу человеческого тела. Их идентификацию тантристы производят с привлечением концепта кундалини — свернувшаяся змея, спящая в недрах духовного существа, квинтэссенция духа творения. Тело человека — вселенная в миниатюре. Духовное спасение заключается в постепенном овладении различными силами этой вселенной и в освоении ее священных локусов (чакры). Овладение происходит параллельно с нарастанием «пробуждения» кундалини. Освобождение — это процесс постепенной дематериализации и «возвращения сознания» к своему истоку. По мере пробуждения кундалини происходит осознание того, что в сердцевине индивидуального существа и в основе всех эмпирических процессов пребывает неизменная сущность, которая характеризуется автором как трансцендентальное сознание. Спасение приходит благодаря знанию, что «Я (человек) — это Он (Шива)»; феноменальный мир, творимый Шакти (тождество Шивы), — лишь вечная игра Бога с самим собой, и мне, «освобожденному», предлагается принять участие в этой игре как слагаемому Абсолютного совершенства.

С. Филонов уводит нас в мир *даосской традиции Шанци* и начинает со своего рода эзотерической истории Священных текстов («**Книги с небес Высшей чистоты и культурное пространство даосских астральных путешествий**» — «Религиоведение», № 1). Последние считались Откровением, и их авторство принадлежало небесным совершенным. Земным же посредником, принявшим и передавшим эти тексты потомкам, был Ян Си (IV в.). Даосское самосознание воспринимает извечность Книги однозначно и безоговорочно, как непреложный закон жизни, соединяющий потустороннее с посюсторонним. Книга всегда была, есть и будет, ибо является «овеществленной вечностью». Важнейшую роль в шанцинском даосизме играли психотехнические ритуальные практики. Главным был ритуал визуализации (это, в частности, касалось и обретения «прежде небесных» книг), т.е. создания мыслеобраза, по степени сакральной реальности превосходящего профанный объект (объективную реальность). Даос творил реальность силой своего воображения и в этой сотворенной реальности совершал путешествия на высшие небеса универсума, туда, где хранились потаенные книги и обитали небожители. Ценностно приоритетным в этом астральном путешествии (ритуальном действе) было не достижение запредельных высот, а обратное возвращение в себя. Во время ритуального возвращения в себя визуализировался эзотерический ландшафт собственного тела, конечно, не соответствующий анатомической картине. Вот фрагмент описания: «Я вместе инь и ян в их потоке, созвучный первозданности изначального эфира. Созидание и превращение стали мне отцом и матерью, небо и земная твердь стали мне ложем, солнце и луна — светильником и свечой, Облачная Река (Млечный путь) — стремнинами и водоемами, звезды и созвездия — жемчугами и нефритом, тело мое созвучно естественности, нет чувств и желаний нет. Процеди меня, я не стану прозрачнее, взбаламуть — я не стану мутнее. Не двигаясь — достигну, поспешаю, не зная усталости...» Надо сказать, что ритуальная практика даосов основывалась на идее гомоморфности микро- и макрокосмоса, подобии внут-

ренного мира человека внешнему. Соответственно божества обитают как в Космосе, так и в физическом теле, и само тело уподобляется ойкумене во всем разнообразии ее ландшафта и обитателей. Три важнейших аспекта физического тела — дух шень, детородная субстанция цзин и дыхание ци — являются аналогами космических сил, которые олицетворяют Трех Единственных: Первоначального, Изначального и Сокровенного. Жизнь человека напрямую зависит от этих «внутренних» божеств, поэтому каждый, кто стремится к бессмертию, должен актуализировать их присутствие, сделать их более сильными, для чего и визуализирует их посредством психотехнического ритуала. Визуальный контакт и общение дает человеку возможность обрести искомое.

О. Городецкая занята исследованием даосского отношения к жизни и смерти. Она читает канонические тексты в оригинале (по-китайски), попутно переводит некоторые фрагменты, высказывая свои соображения о способах перевода, но не забывает о главном: **«Путь смертного — полюбить смерть»** («Восточная коллекция», № 1). Это многоступенное путешествие в себя. Начальные шаги — сосредоточение на самосознании и переживание собственного живого Я, которое порождает шемящую любовь к жизни и протест против смерти. Но дальнейшее осмысление жизни как обязательного губительного страдания перенаправляет этот протест на саму жизнь. Так в даосизме проявляются две стороны, два параллельных поиска души, не способной забыть о смерти: поиск долголетия (мистическая алхимия) и поэтизация смерти как более долговечного, чем жизнь, существования. Нисхождение в землю и восхождение к бесконечности смерти собственно и определяет путь смертного: полюбить смерть. Цель и идеал — видеть в смерти благо. Смерть должно воспринимать как форму изменения, как преображение. Созерцание смерти есть созерцание вселенского закона всеобщего преображения, и оно должно вызывать восторг. Но это еще не конец пути. Следующий шаг в сферу, где не может быть вопросов о бытии и небытии. Здесь «рождение и смерть, жизнь и утрату, удачу и неудачу, богатство и бедность, добродетель и порок, хвалу и хулу, голод и жажду, холод и жару следует воспринимать как смену дня и ночи. Ведь знание не способно управлять их началом. Поэтому не стоит из-за них нарушать гармонию внутри себя, нельзя допускать их себе в сердце». Благородный муж не радуется долголетию и не скорбит о ранней кончине. Так что же есть смерть и как она соотносится с жизнью? Это непостижимая загадка. Жизнь и смерть недалеко друг от друга, но начала их не разглядеть. Идеал совершенномудрия, идеал пребывания вне жизни и смерти — это следование природным циклам. Смерть есть лишь этап коловращения жизни.

В. Харитонов, вопреки обыкновению рассматривать **шаманизм** как примитивную религию, называет его формой магико-мистической практики с религиозной компонентой, существующей в ограниченном социальном континууме (традиционном обществе). Такой подход (**«Шаманы и шаманисты: некоторые теоретические аспекты изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик»** — «Этнографическое обозрение», № 2) позволяет ей обозначить три социальных слоя: собственно шаманов (посвященных), близких к ним людей (приобщенных) и простых членов этого социума (профанов). Посвященные всегда наделены особыми способностями и обладают

знаниями, которые недоступны другим. Знания эти считаются сакральными, обретаются в особых шаманских состояниях сознания («путешествия в иной мир») и предполагают необычайные психофизиологические способности (суперсенситивное восприятие и экстрасенсорное воздействие на животных и растения). Приобщенные — это помощники шаманов. Многие из них находятся на пути становления и развития своих способностей. Однако они еще не равны посвященным. Они знатоки и хранители знания о ритуальной стороне отправления многочисленных обрядов, но непосредственного доступа в виртуальную реальность шамана они не имеют. Профанам равно недоступен как виртуальный мир шамана, так и тонкости ритуальной стороны магико-мистических практик. Они вынуждены пользоваться услугами двух первых групп, естественным образом узурпировавших сакральное знание традиционного социума. Молва и исследователи делят шаманов на черных и белых. Разделение это имеет скорее нравственный смысл. На самом деле за ним скрыто представление о силе — силе магической, о способности уходить в виртуальное пространство и свободно действовать там, общаясь с духами, а в конечном счете реально обладать сверхъестественными качествами. Неслучайно в тюркских языках черный и сильный — синонимы. Белых шаманов автор относит скорее ко второму роду — приобщенных. Ведь именно они доносили в понятной форме мифологизированное знание посвященных своим соплеменникам. Деление шаманов на черных и белых свидетельствует и о развитии (деградации?) культово-религиозного мировоззрения. Жреческий статус обретают не непосредственные носители сакрального знания, а интерпретаторы и знатоки канонизированного ритуалитета. Последних автор называет шаманствующими. Профаны, т.е. приверженцы шаманских верований и практик, пасомое большинство, называются шаманистами. Предлагаемая терминология подходит не только для экскурсов в историю религии, но и для описания неошаманистских образований. Вообще шаманство как система мировоззрения отличается тем, что легко вбирает в себя любые инородные религиозные концепции. Идея о том, что чужие духи только укрепляют могущество человека, совершенно неприемлемая для религий, канонизированных историей, является едва ли не первоосновой мировоззрения шаманистов. Идея эта предполагает творческое освоение «иностранного» мира и, несомненно, имеет эвристический смысл.

О. Кавыкин пишет о «**Родноверии — новом религиозном течении в современной России**» («Общественные науки и современность», № 3). *Родноверие* — это самоназвание российских неоязычников, сведения о которых автор нашел в Интернете. Существует довольно авторитетное определение неоязычества как «общенациональной религии, искусственно создаваемой городской интеллигенцией из фрагментов древних локальных верований и обрядов с целью возрождения национальной духовности». Кавыкину такое определение кажется односторонним. Чтобы его уточнить, необходимо выявить в неоязычестве наличие того, что присуще всем религиям: сакрального (священного) и профанного (мирского), то есть представления о священном пространстве, священном времени, природе как иерофании (выявлении божественного) и о человеке как микрокосме. Судя по тому, что все это автор нашел на сайтах неоязычников, их реконструкция вполне подходит под клас-

сическое определение религии. Одно смущает Кавыкина — рациональный характер их самодельного произведения. И даже не в том дело, что они ссылаются на всякие научные (психоаналитические) теории, а то, что сознательно стремятся навязать миру сакральность, давно им утраченную.

П. Беренев рассматривает *учение основателя новой религии Р. Хаббарда* («Философия сайентологии и религиозно-философские учения Востока» — «Религиоведение», № 1). Тот начинал с дианетики, науки о душевном здоровье (см. наш обзор в прошлом номере «Континента»), которую развил в религиозно-философское учение — сайентологию. Ее суть Хаббард определил как «изучение духа и работу с ним в его взаимоотношениях с самим собой, Вселенными и другой жизнью». Человек — бессмертное духовное существо (тэтан), путешествующий во Вселенной миллиарды лет и проживающий разнообразные формы жизни. В этом путешествии он отягощается «инграммами» (умственная образ-картинка, представляющая собой бессознательный отпечаток болезненного физического и психического опыта). Для очищения от них предлагается многоступенчатая система курсов под названием «мост к абсолютной свободе». На курсах достигается состояние «клира» (чистоты) и открывается путь к достижению состояния «действующего тэтана», тоже через многоуровневые обучающие программы. В этом состоянии человек овладевает сверхъестественными способностями и возможностью распоряжаться ими по своему усмотрению. Метафизика сайентологии источником жизни объявляет «статику». Последняя не имеет массы, движения, длины волны, положения в пространстве и во времени. Зато она обладает способностью мыслить и воспринимать. Она есть «основополагающая истина». В духе медиумического откровения проборматывается и акт миротворения: «До начала была Причина, и единственной целью Причины было создание Следствия. От начала и навеки есть решение, это решение БЫТЬ. Первое действие бытийности — это принять точку видения. Второе действие бытийности — разместить на расстоянии от точки видения точки для видения — точки протяженности». Статика развлекается игрой с самою собой; являясь одновременно и причиной и следствием, создает иллюзорные МЭПВ (материя, энергия, пространство, время), но заигрывается, попадает в зависимость от МЭПВ и теряет осознание своей божественности и всемогущества. Сайентология восстанавливает первозданное положение. Однако конечной целью сайентологии не является превращение всего, что существует, в ничто или абсолютное освобождение индивидуума (ничто и полная свобода — это состояние не-игры). Пусть иллюзия МЭПВ остается, нужно научиться управлять ею. Цель в том, чтобы, превратив человека в «действующего тэтана», сделать его способным жить лучшей жизнью и вместе с другими играть в лучшую игру. Всякому начитанному человеку (или просто прочитавшему наш обзор) откровения сайентологии могут напомнить что-нибудь сугубо ориентальное, например, классическую адвайта-веданту или буддийскую шуньяваду. Береневу, как соискателю звания кандидата философских наук, это тоже пришло в голову. Но он вполне аргументированно доказал, что, несмотря на имеющиеся сходства, учение Хаббарда самостоятельно и оригинально.

Обзор подготовил Александр Денискин

ТРЕТЬЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ (1960 – 1980-е)

Тот факт, что можно уничтожить философию... или что можно доказать, что философия уничтожает себя, — этот факт не имеет больших последствий. Если это настоящая философия, то она, как феникс, всегда восстанет заново из своего пепла.

Фридрих Шлегель. Атенеум. Фрагменты.

Чем тотальнее становится общество, тем сильнее овеществление ума и тем более парадоксально его стремление собственным усилием избежать овеществления.

Теодор Адорно. Призмы.

1. Феникс философии

Едва ли не первоочередная задача современной русской мысли — исторически осознать свое недавнее советское прошлое, особенно его позднейший, послесталинский период. Наиболее полные истории русской философии, принадлежащие Зеньковскому, Лосскому, Левицкому и Копплстону, доводят материал до середины XX века [1]. Это и понятно: к тому времени завершился жизненный и творческий путь большинства философов русского зарубежья. В 1941 году умер Д. Мережковский, в 1944 году — С. Булгаков, в 1948-м — Н. Бердяев, в 1950-м — С. Франк... Да и те из великой плеяды, кто перешагнули этот хронологический рубеж, как, например, Н.Лосский, умерший в 1965 году в возрасте 95 лет, по смыслу своего мировоззрения принадлежат первой половине века. Закономерно и возникновение на рубеже 40-50-х годов

**Михаил
ЭПШТЕЙН**

— родился в 1951 году в Москве. Окончил филологический факультет МГУ. С 1990 года живет в США, преподает в университете Эмори (Атланта). Автор книг: «Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков» (1988), «Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии» (1990), «Релятивистские модели в тоталитарном мышлении: исследование советского идеологического языка» (1991), «Отцовство. Роман-эссе» (1992), «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (2004), выходивших в России, Германии и США.

обобщающих историко-философских и автобиографических трудов Н. Лосского, В. Зеньковского, Н. Бердяева, С. Франка, подводящих итог той мыслительной эпохи, которой сами они были зачинателями и выразителями.

Нельзя сказать, чтобы история философии после 1950 года вовсе оставалась без внимания как отечественных, так западных исследователей; но она без остатка укладывалась в одно направление — «диалектический материализм» и изучалась под именем «советской философии», или «советского марксизма», который имел мало общего с традициями русской философии и с ее «проклятыми» вопросами. Практически все сколь-нибудь обобщающие труды западных ученых, посвященные второй половине XX века в России, имеют дело только с официальной марксистско-ленинской схоластикой, как бы воспринимая всерьез ее претензии на философский статус [2].

Действительно, то, что уцелело в Советском Союзе под именем «философии», могло относиться только к теоретическим обоснованиям коммунизма. Вот почему немарксистская философия должна была заявлять о себе как не-философия, развиваться в формах литературоведения, критики, публицистики, художественной прозы, культурно-исторических исследований и т.д. Такая многоаспектная мысль с трудом поддавалась систематическому изложению, ее невозможно было уложить в учебник, руководство, катехизис.

И дело не только в том, что философия в России принуждена была маскироваться в качестве «полуфилософии», скорее, этим она являла свое подлинное лицо, как область цельного, неспециального сознания. Толстой и Достоевский не были философами, но у них была своя философия. Философия шире академической дисциплины, называемой «философия» и состоящей в теории, истории и критике чужих философий. Философию нужно отличать от «философствования», подобно тому, как литературу отличают от литературоведения. Философия переступает границы специальных дисциплин, тогда как философствование само является специальной дисциплиной и вырабатывает свой узкотехнический жаргон, который по сути мало чем отличается от профессионального языка биологии или химии. Скажите «базис» и «надстройка», «анализ» и «синтез», «тезис» и «анти-тезис» — и вас сейчас же воспримут как «философа». Именно по этим элементам спекулятивного жаргона, унаследованным от 19-го века, главным образом от Гегеля, западные специалисты опознавали «философию» в советском диамате и истмате. И наоборот, живое мышление, текущее в русле естественного, общенародного языка и действительно философское по своему универсальному охвату и понятийно-образному складу, воспринималось скорее в разряде литературы или публицистики. Возможно, именно отдаленно западное, системно-рационалистическое происхождение советского марксизма делало его в глазах западных исследователей более узнаваемым явлением философского порядка, чем те учения и размышления, которые развивались собственно в русле русской философской традиции.

Российская мысль 1960–1980-х вызывала крайне мало интереса на Западе: большие философы и движения проходили мимо нее, не повернув головы и чувств никаких не издевая (тогда как в 1950-е годы советская философия еще была чем-то живым или, по крайней мере, скандально мертвым для Ж.-П. Сартра). В самом деле, уже ленинизм воспринимался как во-

сточная ересь по отношению к магистральному учению западного марксизма (который в свою очередь строгими философами воспринимался как позднегегельянская ересь, зараженная противоречивыми элементами естественнонаучного материализма и иудейского мессианизма). Советский марксизм, установленный по сталинским схемам диамата-истмата, воспринимался как схоластическая ересь по отношению ко все-таки живому, полемичному ленинизму. Какой же интерес могли вызывать робкие, сами себя боящиеся, еретические попытки переосмыслить, смягчить, освежить эту ересь, которая сама была третьей степени свежести? Для советского философа той поры заявить о том, что диалектический закон отрицания отрицания частично не утратил свою относительную значимость в отдельных случаях жизни социалистического общества, было актом большой интеллектуальной смелости, тогда как со стороны это воспринималось как шепот на непонятном языке. И вот время этой межеумочной философии уже прошло, и вскоре станет совсем непонятно, что она хотела сказать и какой смысл вкладывал бедный Акакий Акакиевич в свои записания: «Так этак-то! вот какое уж...» Кажется, что то маленькое внимание, помимо М. Бахтина, которое Запад все-таки уделял российской мысли, быстро перескочит от диамата, советской рецепции марксизма, к постсоветской рецепции постструктурализма, а то, что было в промежутке, все эти внутренние советские ереси периода застоя, канут в безвестность, и будет утерян ключ к пониманию их языка и намеков.

Между тем традиция русского мыслительства не прерывалась даже в самое тяжелое для нее время, когда поколение мыслителей-изгнанников за рубежом завершило на исходе сороковых свою работу. В пятидесятые годы продолжают вести свои философские дневники Михаил Пришвин, скрепивший розановско-шестовскую исповедально-экзистенциальную линию с наследием русского космизма, и Яков Друскин, соединивший линию обериутского номинализма и абсурдизма с экзистенциально-диалектической теологией. Борис Пастернак воплощает свою религиозную философию истории в «Докторе Живаго», где ошутима его юношеская выучка мыслителя-импрессиониста неокантианской школы. Продолжают работать представители русского формализма 20-х годов, пережившие период гонений и запрета: Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Владимир Пропп — и их оппонент Михаил Бахтин. Возобновляют философские труды, прерванные годами ссылок и вынужденного молчания, Алексей Лосев и Яков Голосовкер — философы-античники, в какой-то мере неоплатоники. В тюрьме создает свой трактат «Роза Мира» Даниил Андреев, мыслитель огромного мифотворческого, религиозно-мистического дарования.

Тем не менее все это мыслители-одиночки. Но постепенно в России складывается некая «предфилософская» ситуация — атмосфера интеллектуальной отзывчивости и общительности, тяготение к образованию неформальных кружков и семинаров, раздробление официальной марксистской философии на ряд школ и направлений, лишь номинально остающихся марксистскими. В целом к этому периоду можно отнести удачное выражение богослова Георгия Флоровского — «философское пробуждение». «Начинается философская жизнь, как новый модус или новая ступень народ-

ного существования... Именно философский пафос становится преобладающим в утопических грезах этих «замечательных десятилетий»... В тогдашнем поколении чувствуется некое неодолимое влечение к философии, какая-то философская страсть и тяга, точно магическое притяжение к философским темам и вопросам» [3].

Это сказано о России 20-30-х годов XIX века, о поколении Чаадаева, Белинского, Герцена, Станкевича, Хомякова, братьев Киреевских, в отношении которых можно говорить о первом философском пробуждении России. Именно тогда русское сознание впервые пережило со всей остротой то, что Флоровский называет «распадением “внутреннего стремления” с “внешней действительностью”».

Второе философское пробуждение, после научно-позитивистского застоя второй половины XIX века, после господства плоского народничества и марксизма, совершилось в начале XX и озаменовано именами Розанова, Мережковского, Бердяева, Шестова, Булгакова, Флоренского, Франка...

Наконец, после усыпительных десятилетий советской схоластики, в России 1960-1980-х гг. происходит третье философское пробуждение. Книги и статьи Бердяева, Розанова, Шестова, Флоренского, Бахтина, распространяемые во всевозможных формах «самиздата», «тамиздата» и «тогдаиздата», таили в себе неизъяснимое очарование, которое никак не укладывалось в категории «понятно — непонятно» или «согласен — не согласен». Само прикосновение к ним уже было причастием к радости мыслящего бытия, к таинству самосознания и духовной свободы.

По замечанию Флоровского, первому философскому пробуждению предшествовала эпоха поэзии, которая была «культурно-психологическим магнитом» для предыдущего поколения русской интеллигенции 1810-1820-х гг. (Жуковский, Батюшков, Д. Давыдов, Грибоедов, Пушкин...). То же самое относится и к советской интеллигенции 1950-х — начала 1960-х годов, которая была одержима поэзией и находила созвучие своим устремлениям в стихах Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы... Уже к концу 1960-х гг. эти поэты уступили свое воздействие на общественное сознание — не другим поэтам, а мыслителям и ученым-гуманитариям, прежде всего, представителям серебряного века и русской эмиграции, но также и современникам — Михаилу Бахтину, Юрию Лотману, Сергею Аверинцеву, Мерабу Мамардашвили... Флоровский отчеканил формулу такого перехода: «Из поэтического фазиса русское культурно-творческое сознание переходит в фазис философский» [4].

2. Направления послесталинской мысли

Далее мы попытаемся кратко охарактеризовать несколько основных направлений философской и гуманитарной мысли послесталинского периода.

(1) Господствующее направление в 50-е годы — все еще марксизм, с воодушевлением открывший для себя раннего Маркса периода «Философско-экономических рукописей» и отчасти раскрепостившийся во внутренних дискуссиях по вопросам эстетики, диалектики личности и истории, деятель-

ностного подхода и т.д. Эволюция советского марксизма в 1950-1980-е проходит в двух основных и все более расходящихся направлениях: 1) национализация марксизма, начатая работой Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) — эрозия классового подхода и замена его «органикой общественно-национального бытия», приводящая к попыткам синтеза марксизма с «просвещенным» почвенничеством (Арсений Гулыга, Юрий Давыдов, Юрий Бородай), а на исходе советской эпохи, в сочинениях Александра Зиновьева и Сергея Кургияна, к концепции осиянного евразийской духовностью, «белого» коммунизма, который точнее было бы назвать красно-коричневым; 2) гуманизация марксизма, выразившаяся в работах Генриха Батищева, Эвальда Ильенкова, Олега Дробницкого, Якова Мильнера-Иринина, но так и не нашедшая пути к органическому слиянию материалистической философии общества с философией деятельной личности и потому уже в 70-е годы отдавшая инициативу персонализму с его отчетливыми антимарксистскими установками.

В 60-е годы в России складываются новые направления мысли, которым марксизм, быстро заостеневший в послехрущевский период, постепенно уступает авансцену в общественном сознании.

(2) Это, в первую очередь, структурализм, выдвинувшийся в конце 50-х — начале 60-х, почти одновременно с параллельным движением на Западе. Структурализм возродил интерес к забытому и почти запретному наследию русского формализма и вместе с тем сблизил его с кругом новых дисциплин и теорий, развившихся уже после войны, — таких, как кибернетика, семиотика, общая теория систем. Работы Юрия Лотмана, зачинателя российского структурализма, хорошо известны на Западе, но в основном в рамках литературоведения; нам еще предстоит осмыслить философский потенциал этого направления и вписать его в систему сближений и отталкиваний русской и западной интеллектуальных традиций.

В 1950-60-е годы складываются разнообразные методологические школы и семинары, в которых видную роль играют Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Александр Пятигорский, Вячеслав Иванов, Владимир Топоров, Георгий Мельников, Юрий Левада, Юлий Шрейдер и другие. Их сближает со структурализмом общая установка на системный подход и тщательная проработка методологических механизмов сознания, хотя философская основа таких устремлений к познавательной точности могла простирается от гуссерлевской феноменологии и логического неопозитивизма до буддийских теорий саморефлексии. Все эти школы: тартуско-московский структурализм Ю. Лотмана, В. Иванова и В. Топорова, методологию деятельности и организационные игры Г. Щедровицкого, феноменологическую рефлексию и самоанализ сознания М. Мамардашвили и А. Пятигорского, вероятностно-математические модели и гностический подход к языку и биосфере у Василия Налимова — можно, с известной долей условности, объединить в направление неорационализма, или «неклассической рациональности», пользуясь выражением Мамардашвили. Все эти школы опираются на тщательный анализ сознания и на поиск тех свойств человеческой деятельности и окружающей действительности, которые адекватно открываются разуму или организуются разумом (логические и мате-

матические модели, бинарные оппозиции, методологические алгоритмы и рефлексивные процедуры и т.д.) [5].

(3) В полемике со структурализмом и всякими претензиями гуманитарного знания стать точной наукой обозначилось новое направление мысли, восходящее к славянофильству, — защита органических, сверхрациональных начал, постепенно отождествляемых со стихией русского национального духа. Это неопочвенничество поначалу занимало оборонную позицию по отношению к наступающему сциентизму (литературоведческие работы Вадима Кожина и Петра Палиевского), но впоследствии, особенно с начала 80-х годов, само перешло в наступление, сопровождаясь подчас антизападными и антисемитскими эксцессами, рассматривая русскую историю и целостность народного бытия в аспекте их «внутреннего разложения» иноземцами, «малым народом» (Игорь Шафаревич). Философия национального духа питается многими подземными ключами русской культуры, включая крайне архаические, языческие напластования, и дает плоды как в более или менее эмпирически обоснованных учениях о биологических и географических факторах этногенеза (Лев Гумилев), так и в совершенно фантастических умозрениях и мифах фашистского, радикально-традиционалистского свойства, вдохновляемых наследием Рене Генона, Юлиуса Эволы и других европейских теоретиков крайне правой (Александр Дугин).

(4) Между крайностями структурализма и почвенничества с 60-х годов пролегло еще одно направление русской мысли, которое более всего ориентировано на ценности индивидуального бытия, самосознание личности. Любые глобальные утверждения, произносимые как от имени всерасчленяющего точного разума, так и всеединящей национальной идеи, встречаются острой игрой парадокса. Персонализм и парадоксализм этого направления, ярко выраженного в эссеистике Андрея Синявского, Григория Померанца, Лидии Гинзбург, Иосифа Бродского, Андрея Битова, Бориса Хазанова, Бориса Парамонова, дополняется еще и плюрализмом, т.е. правом каждого индивидуального бытия на свою меру вещей и точку отсчета. В каком-то смысле здесь можно говорить о неолейбнищанстве — заново пережитом сиеволии монад в их разноголосом хоре; более близкими источниками являются Достоевский, Розанов, Шестов, европейский экзистенциализм от Киркегора до Камю. Сходная, но более политизированная и «просветительская» версия того же интеллектуального направления — либерализм — выражена в работах Андрея Сахарова, Александра Есенина-Вольпина, Аркадия Белинкова, Михайло Михайлова, Андрея Амальрика, Валерия Чалидзе. Объединяются все эти авторы тем, что первоначалом они ставят личность, несводимую ни к каким более общим понятиям и более достойным целям — в отличие от философов нации, структуры, культуры, деконструкции, и т.д. Диапазон этого направления — от религиозного персонализма Друскина и Померанца до светского либерализма Сахарова и Есенина-Вольпина, от постижения иррационального и мистериального ядра личности до рационального обоснования прав личности как основы социального и научного прогресса.

(5) В 70-е годы русская философия все больше возвращается к религиозному самосознанию, которое начинает теперь определять постановку исторических, социальных, национальных проблем. Тон здесь задал Алек-

сандр Солженицын, призвавший русский народ к покаянию и духовному возрождению. Религиозная философия этой поры довольно четко делится на два направления. Одно из них — православное — восходит к наследию восточных отцов церкви и подчас смыкается с богословием, хотя в то же время открыто диалогу с другими вероисповедными традициями и с миром европейской культуры: мтрп. Антоний Блум, о. Александр Шмеман, о. Александр Мень. В 80-90-е приходит новое поколение мыслителей, переживших опыт обращения в середине своего жизненного пути и потому придающих новую остроту проблемам взаимодействия христианства со светской культурой, наукой, современными философскими и теологическими движениями: Виктор Тростников, Татьяна Горичева, Евгений Барабанов, Сергей Хоружий, Владислав Зелинский, Олег Генисаретский.

(6) Другое направление религиозно-мистической философии — синкретическое или ориенталистское, питающееся разнородными гностическими, оккультными, индуистскими, буддистскими, теософическими, языческими источниками и часто пытающееся их соединить с «безумными» идеями новейшей науки и техники. Наследие Николая Федорова, Константина Циолковского, Владимира Вернадского, Велимира Хлебникова, Николая Рериха, Даниила Андреева может считаться наиболее авторитетным в этом кругу. Тяготеющая к самоименованию «космизм» или «антропокосмизм», эта философия мыслит в крупных категориях «всечеловеческого разума», «ноосферы», «бессмертия», «всеобщего воскресения», «преображения и одухотворения природы», «завоевания вселенной», «звездного метакода» и т.п. В наше время подобная философия, представленная именами Дмитрия Панина, Светланы Семеновой, Федора Гиренка, Константина Кедрова, редко выдвигает оригинальных мыслителей, зато может считаться характерной для общественных умонастроений.

(7) В 70-е годы формируется еще одно направление — философия культуры, — раскрывающее многомерность культурных миров и богатство их диалогических взаимоотношений. Идеи Михаила Бахтина о пограничности культур, а также образная метафизика Павла Флоренского, О. Шпенглера, Т. Манна, Г. Гессе, оказали решающее влияние на российскую культурологию, в лице таких ее представителей, как Дмитрий Лихачев, Сергей Аверинцев, Георгий Гачев, Владимир Библер, Леонид Баткин, Вадим Рабинович и другие. Каждый исследователь приносил свой особый исторический пласт: античность и Византия, Древняя Русь и итальянское Возрождение, — демонстрируя своеобразную целостность каждого культурного типа и одновременно, в отличие от шпенглеровской теории замкнутых культурных миров, их сочувственность, взаимопроницаемость. Это странствование по культурам отвечало назревшей общественной потребности преодолеть самоизоляцию, «пятьдесят лет одиночества» советского культурного организма. Ключевые понятия этой школы, оформившейся в противостоянии и марксизму, и структурализму, — «культура», «диалог», «символ», «инаковость», «внеаходимость» — очерчивают методологию гуманитарных наук в их несводимости к естественным и общественным наукам. Разделяя структуралистскую тенденцию к научной объективности, культурология вместе с тем отказалась от внедрения математических и кибернетических методов, разрабаты-

вая особые критерии гуманитарной точности и заново обращаясь к наследию духовно-исторической школы, к исканиям герменевтики. Этим ознаменовался постепенный кризис научно-технического рационализма, неуклонно проходящий через всю русскую мысль с середины 70-х годов.

В 80-е годы сильнейшие позиции в общественном сознании занимают религиозно-мистическое и национально-почвенническое направления. Порой они резко расходятся, как, например, в экуменической христианской философии о. Александра Меня, подчас же смыкаются между собой, как у некоторых последователей Николая Рериха, Ивана Ильина, Александра Солженицына. Показательна судьба других направлений. Марксизм и структурализм начинают восприниматься как давно отжившие парадигмы мышления, связанные с идеей прогресса и революции (социальной или научно-технической). Культурология, с ее пафосом дальних интеллектуальных странствий, сохраняет, но не укрепляет свои позиции, поскольку акцент все более переносится на драматические противоречия внутри страны. Персонализм и плюрализм, одерживая победы в общественном сознании, определяя политический процесс в эпоху гласности и перестройки, в то же время утрачивают философскую глубину и экзистенциальную напряженность. Истины плюрализма превращаются в расхожие монеты мелкого публицистического чекана. Как ни парадоксально, именно общественный успех персонализма подрывает его значение для ищущей современной мысли.

(8) Вместе с тем на русскую интеллектуальную сцену в 80-е годы выходит новое направление, которое отчасти наследует и персонализму, и структурализму, и культурологии, но переводит все их ценности в другое, вторично-рефлексивное измерение. Это концептуализм, разыгрывающий комедию мыслительных универсалий во всевозможных жанрах письма и поведения: выставки-тексты Ильи Кабакова, коллективные действия группы Александра Монастырского, поэтические и романские концепты Дмитрия Пригова, Льва Рубинштейна, Владимира Сорокина, инспекционная практика группы «Медицинская герменевтика»... Все это сопровождалось критическими и философическими комментариями, да и сама предметно-художественная деятельность рассматривалась как повод для постмодернистской рефлексии, которой изобилуют тексты Ильи Кабакова, Виталия Комара и Александра Меламида и которая в чистом виде представлена в теоретических работах Бориса Гройса. В концептуализме каждая вещь, жест, поступок, художественное произведение становится «концептом», т.е. чистым мыслительным актом, иронически созерцающим собственную предметность, и в этом смысле поле философской рефлексии беспредельно расширяется. Русский концептуализм воспринял такие черты западного постмодернизма, выраженные особенно в философии Ж. Деррида и Ж. Бодрийара, как полная игровая децентрализация всех структур, деконструкция любого культурного смысла до первичных атомов бессмыслицы, обнаружение в любом подлиннике черт искусной подделки и замещения, включая реальность как таковую — самую тщательную и продуманную из всех подделок, суррогат высшего сорта. Важно указать и на некоторую близость концептуализма буддийской рефлексии, последовательно вычленяющей мнимые значения и значимые пустоты в слоях предметного мира.

Вместе с тем концептуализм оказался характерно русским явлением, поскольку обнажил усиленно идеологическую, вторично-рефлективную природу отечественной реальности, традиционно исходившей из схемы, плана, абстракции и создававшей в результате химерические предметы-концепты, к каким относится, в частности, советская цивилизация. Иными словами, если на Западе реальность, стараниями ученых, технологов, политиков, прагматиков и позитивистов, плотно подогнана к идее, то в России остается грубый шов между ними, идея «торчит» из реальности, как улика ее вторичности, «сделанности», так что концептуализм находит богатую пищу в отечественной истории как философия мусорной свалки, разложившейся реальности, выпавших в никуда великих идей, сведенных к пародийному самоповтору.

К началу 90-х годов, по мере того как религиозная мысль и почвенничество все шире расходились в массовом сознании, приобретая характер идеологий и чуть ли не партийных движений, концептуализм остался практически единственной рафинированной философией, удержавшейся в рамках свободной рефлексии и комически-бытовой метафизики. Правда, критическая острота концептуализма, играющего знаками разных идеологий и обнажающего их смысловую пустоту, несколько сошла на нет по мере всем очевидного развенчания советской идеологии, но еще может восстановиться в условиях растущей активности других идеологий, постепенно автоматизирующихся до самоповтора, где с ними и начинает работать концептуализм.

Еще одно, более академическое направление постструктуралистской мысли, сложившееся несколько позже, в 1990-е годы, представлено Лабораторией неклассической философии в московском Институте философии РАН и кругом авторов, объединенных издательской серией Ад Маргинем — Валерий Подорога, Михаил Рыклин, Михаил Ямпольский. Источник вдохновения для этого круга — теория французского постструктурализма, а основные темы исследования — коммуникативная стратегия письма и чтения, феноменология телесности и пространственности в философских и литературных текстах, в образах кино.

Выделенные восемь направлений: (1) гуманизированный и национализированный марксизм, (2) неорационализм и структурализм, (3) философия национального духа, (4) персонализм и либерализм, (5) православная христианская мысль, (6) эзотеризм и космизм, (7) культурология, (8) концептуализм и постструктурализм, — как мне представляется, охватывают большую часть значительных явлений русской мысли второй половины XX века. Разумеется, любая классификация условна, и один автор может быть поставлен в связь сразу с несколькими направлениями. Например, на бахтинское наследие могут с равными правами претендовать и философия культуры, и философия персонализма; ряд его идей был усвоен и такими противоположными течениями, как структурализм и почвенничество. Работы Андрея Синявского обнаруживают мягкие, плавные переходы между экзистенциальными и постструктуральными парадигмами мышления. Точно так же круг идей Георгия Гачева соприкасается и с персонализмом, и с культурологией, и с космизмом, и с философией национального духа. Можно сказать, что историко-философское исследование должно строиться в двух координатах: на одной рассматривается направление как некая целостность,

включающая творчество многих авторов; на другой творчество одного автора рассматривается как целостность, включающая взаимодействие разных направлений. Следует особо отметить, что философская мысль второй половины XX века в самой России и в русском зарубежье представляет единый процесс и нуждается в цельном, обобщающем подходе. В отличие от первого послереволюционного периода, 20-40-х годов, когда советская и эмигрантская мысль представляли два отдельных, расходящихся русла, в послесталинский период они постепенно сближаются и уже окончательно сливаются в «перестроечное» время. Такой корифей советской философии 30-40-х годов, как академик М.Б. Митин, вряд ли может рассматриваться в рамках одного исследования и по тем же критериям, что и Н. Бердяев или Л. Шестов. Но Григорий Померанц, Андрей Синявский и Михайло Михайлов, работавшие соответственно в Москве, под Парижем и в Задаре (Югославия), принадлежат к одной интеллектуальной формации.

Редко освободительный смысл философии столь чисто проявлял себя, как в 1960-80-е гг. годы в России. Ведь само советское государство было порождением определенной системы идей, пытавшихся материально закрепить и увековечить свое господство над человеком. Поэтому мышление и воспринималось как деятельность антигосударственная, как акт самоосвобождения через осознание относительности господствующих идей. Мышление, пытаясь освободиться из плена идеократии, пыталось укорениться в мире подлинном, неотвлеченном, будь это сверхъестественное откровение, экзистенциальное бытие личности, органическое тело и душа нации, эмпирическая достоверность науки или символическая многозначность культуры.

3. Платонизм — марксизм — концептуализм

Западная академическая наука склонна с подозрением относиться к самому факту существования русской философии, особенно в ее советский период. В университетах ей не уделяют места в общих курсах по истории философии и крайне редко посвящают ей специальные курсы, причем на кафедрах славистики, а не философии. В лучшем случае русская философия проходит по разряду идеологии, публицистики, движений общественно-исторической мысли. Но в таком подходе западная наука руководствуется слишком узким и предвзятым определением самой философии, объявляя ее краеугольным камнем рефлексии Витгенштейна о языке и отвергая рефлексию Чаадаева и Киреевского о нации, рефлексию Соловьева и Флоренского о Софии как далекие от собственно философской сферы.

Но что такое философия? Однозначного и единодушного определения на этот счет не существует, и, по мнению многих мыслителей, строгая дефиниция вообще невозможна. Достовернее всего номиналистическая отсылка: философия — это то, чем занимались Платон и Аристотель, Кант и Гегель. Одно из самых известных и часто цитируемых, хотя и несколько эксцентрических определений принадлежит А. Уайтхеду: западная философия — это совокупность примечаний к диалогам Платона [6].

Но в таком случае русской философии, и особенно советского периода, принадлежит одно из почетных мест в истории мировой мысли, поскольку

нигде учение Платона об идеях, как основе государственного строя, не воплощалось столь грандиозно и буквально, как в коммунистической России. Никогда и нигде мысль так не билась над воплощением высших идей в ткань общественных отношений и повседневной действительности — так что, в результате достигнутых успехов и полной философизации бытия, мысль становилась пленницей этих самых идей, приобретавших форму тотальной власти. То, что обобщалось в мысли, обобществлялось в бытии.

Россия никогда не играла особой роли в мировой философии, но философии суждено было сыграть исключительную роль в России. Эта невзаимность требует объяснения. Россия не столько производила философские идеи, сколько старательно внедряла их в общественное бытие и сознание. Россия — не рассадник новых идей, но место их завершения и воплощения, где они обретают черты «философского града», «идеального государства», «страны мудрецов» (она же, по вполне понятным причинам, оказывается порой и «страной дураков»: фигуры мудреца и дурака амбивалентно сливаются в образе русского юродивого, чудака, простеца, мечтателя). Россия оказалась той страной, где самые общие, абстрактные построения ума приобретали наглядное, предметное воплощение. Марксизм был государственной философией России на протяжении 70 лет — пожалуй, нигде, кроме конфуцианского Китая, да еще вымышленного платоновского государства, философия не обладала таким весом в обществе. В советской России больше, чем в какой-либо другой стране и в другую эпоху, философия становилась субстратом самой действительности и выступала высшим законодательным органом. Философия уничтожала отдельных философов именно потому, что приобретала черты сверхличного, универсального разума. Разум в своем безграничном господстве тождествен безумию, поскольку отличительным свойством разума, как писал еще Паскаль, является его способность к самоограничению: «Ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе». Разум, который доверяет только себе, презирая «неразумие» жизни, веры, любви, единичного, сам становится опаснейшей формой безумия.

Россия страдала не от недостатка, а от избытка философия, который проникал в каждую клеточку общественной и частной жизни, выстраивая ее по правилам диалектико-материалистического учения. Если в других странах высшей инстанцией и объявленной ценностью общественной жизни были религиозные учения, мифологические верования, экономическая выгода, военная сила, политическая власть, то в России такой инстанцией, на которую ссылались в последнем счете, была именно философия — верность учению диалектического материализма и научного коммунизма. Именно в философии все политические, экономические и технические решения, не говоря о культурных, находили свое последнее обоснование — дальше, за пределы философии, двигаться было некуда. Соотношение лирических и эпических элементов в поэме или наследование приобретенных признаков растениями — все эти сугубо специальные вопросы поэтики и биологии решались исходя из высших философских соображений.

И если в России XX века философские учения не созревали до стройных, самодостаточных систем, то именно потому, что достраивались и завершались они в самой субстанции общественного бытия, в структурах

государственной идеократии. На долю же мыслителей-индивидуумов выпало именно растворение этих систем в потоке прихотливого, нестройного мышления, которое своими зигзагами и отступлениями именно пыталось возвратить идеи из их отвлеченного, каменно-увековеченного бытия в среду живого умственного порождения. Идеи отвлекались от ума в иноположность государственной машины — поэтому сам ум погружался в стихию инакомыслия, несогласия с той философией, которая читалась в строках высочайших постановлений и предначертаний. Если на Западе философия возводила системы, возносящиеся над потоком эмпирической, свободно текущей действительности, то в России системы проникали в состав самой действительности, цементировали ее, превращали в тюрьму, в решетку правильных категорий — и философия выглядела сквозь эту решетку признаки настоящей, мелькающей жизни по ту сторону тюрьмы. У философии была не столько твердая система мировоззрения, сколько любопытный, скользящий, внимательный взгляд. Это и были примечания, беглым почерком выведенные на полях самых монументальных платоновых диалогов — «Государства» и «Законов».

Так что если мерить философичность мышления его отношением к Платону, открывателю умпостигаемого царства идей, то советские мыслители глубоко вписываются в эту традицию, как ее продолжатели либо оппоненты. Можно даже сказать, что философия советского периода есть завершающая фаза всемирного развития и осуществления платонизма, когда его сущность окончательно воплотилась — и исчерпала себя, обнаружив в своем итоге разрушение предельно идеологизированного бытия и саморазрушение царства воплощенных идей. Через советскую философию, возникшую из величайшего триумфа идеократии (1920-1930-е годы), мировая мысль возвращается к иным основаниям, которые не поддаются идеологизации: структурным или религиозным, персоналистическим или национальным, — лежат либо глубоко в земле, либо высоко на небе, либо в тайная тайных человеческого сердца.

Наконец, советская философия на том рубеже, где она уже становится постсоветской, иронически воспроизводит и передразнивает сам этот мир отвлеченных идей, умножая его в концептах, этих заведомо искусственных и вторичных оттисках идеологического сознания, осознавшего свою собственную химеричность, — такова стадия концептуализма, этой высшей и последней стадии советского платонизма. То царство идей, которое в 1920-1940-е годы сумело почти полностью отождествить себя с реальностью, начиная с 1950-х годов все больше обнаруживает свою иллюзорность: сначала в борьбе с серьезным инакомыслием, а затем — в объятиях пародийного суемыслия, превращаясь в 1980-е годы в музей идей, в кунсткамеру идеологических безумств и абсурдистских умозрений.

Позволю себе небольшое отступление, которое вернет нас к существу вопроса. Не хочется приписывать Сталину слишком много заслуг, но кажется, что и отечественный концептуализм — изобретение его стареющего ума, который вдруг обнаружил странные пустоты в исправно работавшей до тех пор машине марксистских понятий. Его брошюра «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованная в 1950 году, первоначально как серия

писем в газету «Правда» [7], стала первым толчком к внутреннему разложению стройной марксистской доктрины и ее превращению в концептуальный слепок самой себя [8].

В основе исторического материализма всегда лежало два постулата, которые, собственно, и ограничивали его от немарксистских учений: во-первых, определяющее воздействие производственного базиса на идеологическую надстройку и, во-вторых, борьба классов как движущая сила истории. И вдруг Сталин выделяет и привлекает внимание всего общества к некоему явлению, которое, по его мнению, лежит совершенно вне этих основополагающих марксистских категорий. Это явление, проскальзывающее сквозь категориальную решетку истмата, — язык.

В своем «новом учении о языке» академик Наум Яковлевич Марр (1867–1934) исходил из вполне ортодоксального марксистского учения о классовой природе языка как орудия борьбы и господства различных социальных сил. По мнению Марра, язык армянского простонародья более схож с языком грузинского простонародья, чем с языком армянских привилегированных слоев. Цельность национального языка тем самым разрушалась в пользу его классовых разновидностей, или диалектов, что в целом вполне соответствовало, например, известному ленинскому учению о двух культурах в каждой национальной культуре. Есть черносотенная культура Пуришкевичей и передовая культура Чернышевского — третьего не дано. Сталин выступает с резкой критикой Марра, отделяя его от Ленина посредством простой оговорки, что, дескать, «культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру» [9]. «...Язык как средство общения людей в обществе одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам» [10].

С точки зрения того марксизма, который сам же Сталин популярно изложил в своем очерке «Диалектический и исторический материализм» (1936), поздне-сталинская трактовка языка граничит с мистикой. Мало того, что язык оказывается социальным, но внеклассовым явлением, он еще не принадлежит ни к одной из двух категорий, «базиса» и «надстройки», вместе объемлющих все поле исторического материализма. В своем письме к Сталину некая Е. Крашенникова [11] просит объяснить, «правомерно ли было бы считать, что язык есть явление, свойственное и базису и надстройке, или же правильнее было бы считать язык явлением промежуточным». [12] Сталин дает отрицательный ответ на все эти возможные толкования. Поскольку язык используется и в экономике, и в политике, и в культуре, Сталин решительно заключает: «Короче: язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек» [13].

Значит, язык находится где-то посередине, в промежутке? Нет. «Его нельзя также причислить к разряду промежуточных явлений между базисом и надстройкой, так как таких «промежуточных» явлений не существует» [14].

Возникает жутковатое ощущение какой-то метафизической прорехи, куда проваливается язык, — его нельзя отнести ни к одной из существующих категорий и даже нельзя поместить между ними. Далее Сталин выносит на об-

суждение еще одну возможность — нельзя ли, дескать, причислить язык к разряду производительных сил, например, орудий производства? И тут же сам отвергает и это последнее возможное утешение правоверного истмата. Орудия производят материальные блага, «а язык ничего не производит или «производит» всего лишь слова». [15] Значит, язык не является и орудием производства, иначе «болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире» [16].

Чем является язык в системе марксистских категорий, Сталин так и не определяет. Он дает серию отрицательных, «апофатических» суждений о языке, оставляя вокруг него какой-то ореол непостижимой внекатегориальности. Получается, что язык не есть это, не есть то, не есть нечто третье, — победоносно рассудительный язык марксизма вдруг умолкает на подступе к феномену самого языка. На фоне четкой сетки марксистских понятий «язык» кажется странным прорывом, побегом из идеологической зоны, обнесенной колючей категориальной проволокой. Позже, в хрущевскую и брежневскую эпохи, через этот подкоп удалось бежать и другим, «ни к чему не сводимым», явлениям, таким, как «личность» или «квантовая теория». Сетка, распушенная в одной ячейке, стала распускаться и в других, обнажая все больше прорех.

Существенно, что это распускание марксистской категориальной сетки изнутри предпринял тот же человек, который ранее больше всех сделал для превращения ее в железную негнущуюся решетку. Сталин — и негативная метафизика языка? Откуда взяться апофатической выучке у «чудесного грузина», более сведущего в революционной науке экспроприаций? Тут невольно вспоминается, что основателем великой традиции апофатического богословия, известным под именем «Псевдо-Дионисия Ареопагита», был, по современным предположениям, грузинский философ Петр Ивер (412-488) [17]. Так что, возможно, именно грузинской мысли, от Ивера до Джугашвили, было суждено направлять народы на путь христианской, а затем и марксистской апофатики. Факт остается фактом: концептуальная игра с марксистскими категориями была начата кремлевским горцем еще до того, как она проникла в московское художественное подполье. Главнейший марксист XX века завершил свое теоретическое поприще деконструкцией марксизма, обнаружив неприменимость его категорий к такому всеобщему феномену, как язык. Брошюра «Марксизм и вопросы языкознания» прославила Сталина как непревзойденного ученого — но она могла бы сделать честь и самому Дмитрию Александровичу Пригову.

Концептуализм — это последняя стадия платонова идеализма, когда идеи уже не празднуют свое освобождение от тел, а становятся объектом самоцельной и абсурдно-многозначительной игры. Какую роль сыграл марксизм в этой платоновой драме русской философии? Казалось бы, марксизм, с его выведением всех идей из экономического фундамента общества, прямо противоположен платонизму. Но ведь сам марксизм есть не что иное, как перевернутая система гегелевского идеализма, исходящего из самодвижения абсолютной идеи. Правда, новое у Гегеля в сравнении с Платоном — именно поступательное, историческое развитие идеи, но конечный итог этого процесса — тоже государство, вобравшее в себя полноту самопознавшего разума. Этот платоновский и гегелевский идеализм, обращенный у Маркса в самодвижение материальной действительности и общественных форма-

ций, вовсе не исчезает, но остается скрытой потенцией истории и вырастает в ее конечный идеал, грядущее коммунистическое общество, достижение которого и служат все частные, субъективные усилия людей. Упразднив царство идей, отрешенное от истории, Маркс вслед за Гегелем и в еще более обязательной форме воздвиг его как конечную перспективу истории [18]. Вот почему русская мысль перенимала и усваивала платонизм не только от самого Платона, не только через неоплатонические учения отцов церкви, не только через воздействие гегелевского абсолютного идеализма, — но и через Маркса. В свое время философ Сергей Булгаков, совершая переход от марксизма к идеализму, высказывал намерение перевести Маркса на язык Платона. Собственно, такой перевод и осуществила советская идеология, превратившая материализм в программу материального воплощения чистых идей.

Более того, Маркс оказывался более рьяным платоником, чем сам Платон, поскольку если у древнегреческого мыслителя царство идей существует само по себе и не нуждается ни в каком социальном воплощении, то у Маркса идеи неотделимы от материального процесса и потому страстно жаждут воплощения, «теория овладевает сознанием масс и становится материальной силой». Платон, Гегель и Маркс представляют как бы три стадии развития идеализма в направлении социальной инженерии: 1) Сверхъестественный мир идей; 2) Воплощение абсолютной идеи в истории; 3) Преобразование истории силой идей. При этом на третьей стадии усиливается как материалистическая направленность идеализма, так и его моноидейность, однопартийность, тоталитарная направленность. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе: «Философы до сих пор лишь различным образом объясняли мир, тогда как задача состоит в том, чтобы изменить его» — содержит любопытную асимметрию: переход от «объяснения» к «изменению» достигается утратой «разнообразия», которое исчезает во второй части тезиса. Предполагается, очевидно, что объяснять мир можно разными способами, а изменять — только одним. Только действие в одном направлении может что-то реально изменить, если источником изменения является сама философия, система идей, а не множество индивидов, действующих изнутри разных жизненных обстоятельств.

Смысл диалектического материализма, каким он был воспринят в России, через толкование Ленина и его учеников, как раз и состоял в том, что диалектика идей неотделима от общественной реальности и внедряется в ее основание, в экономический базис. Отсюда пятилетние планы, подчинившие материальное развитие страны идейным предначертаниям. Если у Платона и Гегеля идеи еще отчасти парили над миром, отвлекались в особую область Высшего Ума, Абсолютного Духа, то теперь они легли в основание всего: в строй хозяйственной деятельности и повседневной жизни, в ритуалы партийной чистки и субботники по очистке территорий. Идеи теперь уже не прощали ни малейших слабостей и отступлений от своей чистоты; поскольку они снизошли в бытие, то требовали от него полного себе подчинения. Диалектический материализм оказался орудием воинствующего идеализма, жаждущего все новых и новых жертвоприношений на алтарь великих идей.

Вот почему господствующее интеллектуальное движение советской эпохи следует называть не просто марксизмом, а платомарксизмом, то есть таким идеализмом, который утверждает себя как закон самой материальной действительности. Если Платон, исходя из идеалистических предпосылок, пришел к системе коммунистического государства, то Маркс, исходя из коммунистических предпосылок, должен был прийти к системе жесткой идеократии, что и осуществилось усилиями его самых последовательных учеников. Материализм стал идеологией, и словосочетание «материалистическая идеология» звучало вполне естественно для слуха советских людей — столь же естественно должно звучать и понятие «платомарксизм». Платонизм был обратной стороной марксизма, его плохо скрываемой изнанкой, и последующий развал идеократического государства был приговором для них обоих.

Сравнительно короткий период 70 лет подводит четкий итог более чем двухтысячелетним приключениям западной мысли, отправившейся вослед первофилософу Платону на поиск царства идей, его теоретического обоснования и практического осуществления. Среди всех примечаний к Платону эта бегущая наперерез строка — «советская философия» — выглядит особенно внушительно, ибо при внимательном рассмотрении она читается как «Конец». И впереди — еще никем не исследованное пространство постсоветской, а значит, и постплатоновой мысли.

* * *

Интеллектуальная история России за последние 40 лет — это история мысли, которая пытается выбраться из собственной западни. На Западе философия мыслила либо о бытии, либо о процессе познания бытия. В России это деление философии на онтологию и гносеологию оказывается мнимым, поскольку само бытие производилось мышлением. Принято считать, что русская философия мало занималась процессом познания как таковым, устремлялась прямо к бытию. Но суть в том, что русская философия мало занималась и бытием как таковым, ибо имела перед собой бытие уже продуцированное идеей, не только мыслимое, но и вымышленное. Русская философия не только мало гносеологична, но и мало онтологична, поскольку ни бытие, ни познание не берутся отдельно друг от друга, как самостоятельные процессы, — но бытие предстает как задаваемое и управляемое сознанием. В России мысль была обращена на вторичную реальность, созданную самую мыслью в виде государства, где правили идеи. Мысль пыталась противиться торжеству мысли, каким была официальная система «мыслеpravства». Это история мысли в ее борьбе с самой собой, с мертвенной властью идей, сковавших действительность, — государственной идеологией.

До 1950-х годов мысль развевалась и застыла в формах государства, а с середины 50-х годов стала высказываться из собственной западни. Даже марксизм в этот период пытается выбраться из плена марксизма, построить себя на других, гуманистических или националистических основаниях, сохраняя внешнее тождество классового и материалистического учения. Это самопротиворечивое движение мысли, сокрушающей фундамент собственных построений, составляет подлинную новизну российской философии данного периода. В ней нет свежести самостоятельного мыш-

ления, но вовсе не потому, что она заимствует западные идеи, а потому, что она главным образом реагирует на победившую идеологию, то есть на мысль, воплощенную в реальности собственной страны. Это вторичность не по отношению к Западу, а по отношению к собственной, насквозь выдуманной, схоластической, искусственно сконструированной реальности.

На Западе, даже в XX веке, мысль все-таки прямо обращалась к бытию, лишь в последние десятилетия, в эпоху «пост», она замыкается сама на себе. В России мысль обращается сама на себя гораздо раньше, уже с 1920-х годов мыслители стали думать не о бытии, не о личности, не о времени и пространстве, а об идеях в их государственном воплощении — идеях материализма и идеализма, диалектики и метафизики, прогресса и реакции и т.д. Это была вторичность принципиальная и безысходная, потому что сама после-революционная действительность явилась чистым субстратом мысли, ее наглядным и осязаемым воплощением. Трамваи на улицах, лампы в магазинах, кухни в коммунальных квартирах, — все это были не вещи, не признаки реальности, а овеществленные идеи: новой жизни, коммунистического быта, социального равенства, исторического прогресса и т.д. Даже обыкновенная лампочка была «лампочкой Ильича», даже обувная фабрика была «Большевичкой». В этих условиях мир и был воплощенным сознанием, и размышление о мире было, в сущности, актом саморефлексии: мышление пыталось философски проникнуть в смысл того, что оно же творило в качестве идеологии. Философствовать значило мыслить о мыслях, воспроизводить, обличать, передразнивать эту мысль, которая была неизбежно первичнее самой реальности. Советская философия вторична по отношению к советской реальности, которая сама вторична по отношению к советской идеологии. Таково это единственное в истории герменевтическое кружение мысли на путях освобождения от самой себя.

Примечания

1. Lossky, Nikolas O. History of Russian Philosophy. New York: International Universities Press, Inc., 1951; Zenkovsky, Vasily V. A History of Russian Philosophy. Transl. by G.L. Kline. 2 vols. London and New York, 1953; Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли, в 2 тт., Frankfurt/Main, Посев, 1968, 1981; Copleston, Frederick C. Philosophy in Russia From Herzen to Lenin and Berdyaev. Search Press, University of Notre Dame, 1986. Эти четыре наиболее обобщающих исследования завершаются разделами, посвященными, соответственно, Сергею Булгакову (1871-1944), Владимиру Лосскому (1903-1958), Льву Шестову (1866-1938) и Борису Вышеславцеву (1877-1954).

То же самое относится к антологиям и собраниям русской мысли: Russian Philosophy. Ed. by J.M. Edie, J.P. Scanlan and M.-B. Zeldin with the collaboration of G.L. Kline. 3 vols. Chicago, 1964, заканчивается разделом о русском и советском марксизме. Ultimate Questions: An Anthology of Modern Russian Religious Thought. Ed. by Alexander Schmemmann, Saint Vladimir's Seminary Press, 1977, заканчивается Сергеем Булгаковым; Франк С. Л. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. Анто-

- логия, Washington — New York, Inter-Language Literary Associates, 1965, заканчивается Семеном Франком.
2. Bochenski J.M. Soviet Russian Dialectical Materialism [Diamat].. Dordrecht — Holland: D. Reidel Publishing Company, 1963; Blakeley T.J. Soviet Philosophy: A General Introduction to Contemporary Soviet Thought. Kluwer Academic Publishers, 1964; Laszlo, Ervin, ed. Philosophy in the Soviet Union. A Survey of the Mid-Sixties. Dordrecht, Holland, 1967; Jeu, Bernard. La philosophie soviétique et l'Occident. Essay sur tendances et sur la signification de la philosophie soviétique contemporaine (1959-1969). Mercure de France, 1969; Callinicos A. Marxism and Philosophy. Oxford, 1983; Scanlan, James P. Marxism in the USSR. A Critical Survey of Current Soviet Thought. Ithaca and London, 1985; Dahm, Helmut; Blakeley, Thomas, and Kline, George L., eds. Philosophical Sovietology. The Pursuit of a Science. Dordrecht et al.:D. Reidel Publishing Company, 1987.
  3. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. (1937). 4-е изд. Париж, YMCA-Пресс, 1988, сс. 234-235.
  4. Флоровский, цит. соч., с. 236.
  5. Разумеется, понятие «неорационализма» может вызвать опасение как чересчур общее, объединяющее слишком разных мыслителей — но такого упрека вряд ли может избежать любое обобщение, в защиту которого приходится использовать концепцию «семейных сходств» Л. Витгенштейна. То, что объединяет эти школы и этих мыслителей, — не столько общие, всем равно принадлежащие абстрактные признаки, сколько сходство их индивидуальных представителей. Сын похож на отца, отец на своего брата, и вот уже между племянником и дядей обнаруживаются черты сходства, которые позволяют причислить их к одной семье, хотя между ними мало общих черт. Мамардашвили и Пятигорский принимали участие в структуралистском движении, печатались в лотмановских сборниках; Щедровицкий и Мамардашвили вышли из одного методологического семинара; Налимов, как В. Иванов с В. Топоровым, разрабатывал математические модели языка, и т.д. Мне представляется, что по отдалении от этой эпохи типологическая общность всех этих мыслителей выступит на первый план, хотя и в широком диапазоне перехода от рациональности кибернетической (структурализм) к рациональности феноменологического (Мамардашвили) и даже мистически-сайентистского толка (Налимов).
  6. «Самая надежная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой ряд примечаний к Платону». Alfred North Whitehead, Process and Reality, New York, 1929, p. 63. Еще раньше Ралф Эмерсон отметил: «От Платона идет всё то, что до сих пор пишется и обсуждается среди мыслящих людей... Платон — это философия, и философия — это Платон, одновременно и слава, и позор человечества...» Ralph Waldo Emerson, Representative Men. Boston, 1881, pp. 43, 44.
  7. Эта серия состояла из пяти писем, первое опубликовано 20 июня, последнее — 2 августа 1950 года.
  8. Здесь и далее под марксизмом я буду понимать советский марксизм, не касаясь других его разновидностей.

9. Сталин И.В. Сочинения, том 3 /XVI/. Ed. by Robert H. McNeal. The Hoover Institution on War and Peace. Stanford University. Stanford, California, 1967, Revolution, с.131.
10. Ibid., с.123.
11. Впоследствии, кстати, выяснилось, что и письмо к Сталину было концептуальной затеей — его написал молодой в ту пору философ А. Спиркин, автор стандартных впоследствии учебников по диалектике, а чтобы в разгар кампании против космополитизма не мозолил вождю глаза своей еврейской фамилией, подписался безупречной фамилией своей тогдашней жены Крашенинковой. Крашенинкова стала популярной личностью, вхожей в элитные коммунистические круги, что испортило ее характер и привело к разводу со Спиркиным.
12. Ibid., с.149.
13. Ibid., с.150.
14. Ibid.
15. Ibid., 151.
16. Ibid.
17. Авторство Петра Ивера обосновывается в трудах Ш.И. Нуцубидзе и бельгийского византолога Хонигмана.
18. Как замечает Карл Поппер, «Марксово видение «царства свободы», т.е. частичного, но равного освобождения людей от пут их материальной природы, можно, скорее, охарактеризовать как идеалистическое» (Открытое общество и его враги, М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т.2, с.124). В частности, он опирается на такое суждение Маркса из третьей части «Капитала»: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. 2, с. 387). Вообще, по мнению Поппера, в определении ряда ведущих Марксовых понятий, таких, как «истинная стоимость», по отношению к которой цена — это только «форма ее проявления», «достаточно ясно чувствуется влияние платоновского идеализма с его различением скрытой сущности, или истинной реальности, и акцидентальных, или иллюзорных явлений» (Цит. соч., сс. 204-205). Поппер прослеживает линию опосредованного влияния Платона на Маркса через Аристотеля и Гегеля.

**ФИЛОСОФСКАЯ,
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ, ИСТОРИОСОФСКАЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ**

в русской периодике первого полугодия 2004 г.

В августе 2003 года в Турции проходил XXI Всемирный философский конгресс. Журнал «Вопросы философии» в третьем номере публикует материалы о нем. Форум открыла турчанка **Иоанна Кучуради**, президент Международной ассоциации философских обществ, выступившая с докладом **«Философия перед лицом мировых проблем»**. Такой мировой проблемой стала нынешняя ситуация, порожденная сплетением событий, которые уязвляют права человека. Неразбериха процесса глобализации вынуждает докладчицу обратиться к «новой концепции развития», касающейся стран третьего мира. До сих пор, утверждает Кучуради, произнося слово «развитие», имели в виду его экономические характеристики, сейчас же пришло время «внести в развитие культурное измерение». На Западе *культурное развитие* понимают как расширение возможностей для масс «иметь доступ к культуре» — но к культуре, опять же, западного образца. Однако в развивающихся странах, к европейской культуре не принадлежащих, слышны протесты против «колонизации умов» и «культурного империализма»; здесь требуют развития собственной культуры, подавленной и забытой. Поиск собственной культурной идентичности заставил страны третьего мира обратиться памятью в доиндустриальную эру, к традиционным ценностям и автохтонным мифам. А это привело к фундаментализму со всеми печальными для прав человека последствиями. Философам, говорит Кучуради, пора осознать тот факт, что нынешняя ситуация — в значительной степени плод их собственных усилий создать мир, «свободный от страха и нужды»; что провозглашенный ими идеал «культурного развития» слишком тесен и не вмещает духовных требований неевропейского человека; что «экономическая свобода» вовсе не есть универсальный принцип благополучия человеческого сообщества; что свобода вообще — обоюдоострый инструмент, и те же фундаменталисты научились им пользоваться как раз так, чтобы препятствовать людям развивать свой человеческий потенциал. Таким образом, самой фундаментальной проблемой современной философии президент Конгресса считает смену идеи «развития», какими бы эпитетами ее ни сопровождать, на четкую концептуализацию прав человека. Путеводной звездой философских исканий должны стать эти права.

Кстати сказать, философов на Всемирном конгрессе было более полутора тысяч, и среди них — двести человек наших соотечественников. Приплыли они в Стамбул на пароходе «Мария Ермолова». Этот же «философский пароход», в отличие от злосчастных философских пароходов поры военного коммунизма, по окончании конгресса в целости и сохранности доставил «национальное достояние» обратно в Россию.

Вдохновленные всемирным форумом, российские философы за круглым столом принялись размышлять о новых перспективах **«Философии в современной культуре»** («Вопросы философии», № 4). Здесь собрались те, кто, по словам одного из участников, «посвятил свою жизнь философии... давно перевалил первые полстолетия жизни и к тому же имеет солидный стаж преподавания». (Таким образом, заметим это в скобках, за круглым столом собрались те, кто в течение указанных «полстолетия» вслух исповедовали и учили «самой правильной» на свете философии и отличились в этом, за что и получили научные степени и звания.) Сегодня все они встревожены вестью о «конце философии» (уже, конечно, не марксистско-ленинской). **«Конец философии»** невозможен, утверждает **В. Лекторский**, во-первых, потому что ни одна философская концепция не обладает на сегодня «окончательным» решением, и во-вторых, потому что потребность в философском осмыслении разных форм культурной деятельности не только не исчезла, но стала острее. Философия не только прочно сохраняет свое место в культуре, более того, ее значимость растет. Разве что меняются формы философствования. Прежде философия была высшим проявлением авторефлексии культуры и представляла собой сплав теоретических констатаций и идеальных предписаний. Сегодня она все больше обнаруживает прямой практический смысл (создание «искусственного интеллекта», «улучшение» человеческой телесности, политическая экспертиза). Нынешний философ не может занимать позицию стороннего наблюдателя и изрекать «вечные истины». Он сознает себя активным участником культуротворчества. **В. Степин** тоже не может признать «конец философии» — хотя бы потому, что считает главным предметом философии размышления над основаниями культуры, а последние составляют систему общих понятий, мировоззренческих универсалий. Это наши жизненные смыслы — т.е. понимание человека, его деятельности, понимание природы, пространства и времени, причинности, справедливости, свободы, истины, добра и зла и т.п. Философское познание, таким образом, выступает в роли особого самосознания культуры, активно влияющего на ее развитие. Создавая теоретическое ядро нового мировоззрения, философия вводит новые представления о желательном образе жизни и новых ценностях, она порождает новую идеологию, которая, по мнению докладчика, необходима как воздух. **А. Гусейнов** полагает, что философия задает интеллектуально-духовную перспективу и конструирует некий идеальный мир — пространство культуры. Философия задает утопические координаты культуры, что неизбежно чревато догматизмом. Догматизм обнаруживает себя в стремлении философии обрести вид законченной системы, которая в заданных пределах исчерпывающе объясняет мир и является в этом объяснении истинной. Но подобная утопичность не несет отрицательного смысла: философы создают улучшенный, идеализированный образ мира, хаос преобразуют в космос. Они — своего рода дизайнеры вселенной. **В. Миронов** добавляет, что философия — душа культуры, душа эпохи. Он с сожалением замечает в современной культуре нарушение пропорций между высокой и низкой (массовой) ее частями. Мы живем в ситуации постоянного карнавала, непрекращающегося шоу. Современная массовая культура, по сути, — культура подростковая: фрагментарное, клиповое восприятие действительности.

Та же клиповость проявляется и в философии. *Постмодернизм* — это тип фрагментированной, то есть бессистемной философии. Фактор популярности постмодернизма отражает его суть как поп-культуры внутри философии. **Л. Микешина** не согласна с таким толкованием постмодернизма и указывает на его положительные качества. Постмодернизм избегает всех форм монизма и универсализации, не приемлет единой общеобязательной концепции и интеллектуального деспотизма, признает многомерный образ реальности, множественность описаний и «точек зрения», критически относится к позитивизму и к идеалам классической науки. Всеми этими начинаниями многие пользуются, не называя себя постмодернистами. Сама же докладчица не придерживается одной доктрины, считает себя эклектиком и потому честно признается в постмодернизме. Разговор же о «конце философии», возникающий всегда при упоминании о постмодернизме (и наоборот), Микешина считает уместным перевести в другую плоскость и говорить о перемене образов философии, смене парадигм, диалоге различных подходов, преодолении фундаменталистских и абсолютистских представлений. И тогда «конец философии» будет означать всего лишь конец классической методологии и обретение философией нового облика. **И. Касавин** понимает философию как своеобразную «игру в бисер» — элитарную забаву, которой человек может предаваться на определенном уровне интеллектуального развития. До такой игры надо дорасти, надо иметь возможность ее себе позволить. Это тоже своего рода карнавал — карнавал духа, где строятся утопии, измышляются возможные миры, создаются пространства для дыхания разума. Философия довольно хрупкое образование, ее можно устранить. Но она квинтэссенция культуры, и уничтожение философии — это путь к концу культуры. Сегодняшний плюрализм — разрушение универсальных критериев добра и зла, дозволенного и запрещенного — напоминает докладчику эпоху упадка Римской империи. Так же как и тогда, сегодня необходимо найти ориентиры не вообще, а ориентиры рационального (разумного) поведения и мышления. Вообще ориентиров полно — выбирай любой! И рациональность в этом разнообразии теряется. Тут-то, защищая теоретический рационализм, «элитарная интеллектуальная забава» и обретает действительный смысл. Что касается типа философии, соответствующего современности, то ей соответствует вся множественность философских учений. **В. Межуев** почитает философию характерным признаком исключительно европейской культуры. Философию порождает незнание истины. Философ — не мудрец и не пророк; не знаток истины, а ее друг и искатель. Философия — мышление человека в свободе, политической и духовной. Исторически для европейского человека философия — главный орган самопознания. Так было. В современной же культуре философ — случайный странник, неведомо куда бредущий. Обилие философских школ и направлений свидетельствует скорее не о возрастающей роли философии, а об отчаянной попытке сохранить себя в мире, более ни в какой философии не нуждающемся. Сегодня философия несовместима с тем, что принято называть современностью. Современному обществу, похоже, не нужен ни Бог, ни человек, как его понимали мыслители прошлого. Раньше философский критицизм поддерживал разум, освобождая его от догматизма и помогая тем самым созидать метафизическую картину

мира; сейчас он обессиливает разум, доказывая нашу неспособность такую картину создать. Критицизм теперь не укрепляет, а разрушает веру в разум. Классическая философия стремилась выявить разумное единство мира, теперь же подобная попытка оценивается как угроза человеческой свободе, как диктат обезличенных сил и структур. Свобода и разум взаимно исключают друг друга. В мире исчезает универсальный, абсолютный, общезначимый смысл. Каждый может поступать, как хочет, выдавая за истину то, что ему выгодно и полезно. Такая философия сегодня считается подлинно свободной. Однако настоящая свобода философии, по Межуеву, в том, что в своей сфере, сфере суждений и понятий, она вольна позволить себе выходить за пределы данных опыта, не сообразуясь рабски с ними, как это имеет место в других науках. Растерянность современных философов **В. Порус** объясняет тремя обескураживающими изменениями, произошедшими в культурном мире. Первое — дискредитация истории, то есть обессмысливание культурных универсалий. Если история, обладающая смыслом и ценностью, — миф, то миф и культура, а философия на самом деле занимается реставрацией мифотворчества. Второе — дискредитация ценностей. Для современного «массового человека» обременительны традиционные ценности, вполне достаточно суррогатов (симулякров). Философия, толкующая о вечных ценностях, действует на нервы. И наконец, третье — дискредитация политики. Прежняя философия, вызванная к жизни политикой, понимаемой как надежный и эффективный источник власти, адресовалась сознательному субъекту, взыскующему истины, а не умственного спокойствия и телесного комфорта, как теперь. Нынешняя политика обращена не к разуму, а к эмоциям и занимается не убеждением, а манипулированием. В этом случае нужны не сознательные субъекты, а «человеческий материал», те же симулякры. Марионетки в философии не нуждаются. Несмотря на кажущуюся безвыходность, Порус не теряет надежды и верит в будущее философии. По его мнению, все зависит от наших усилий и нашего выбора. Не соглашаясь жить в мире симулякров, противодействуя им, следует строить иные культурные проекты. **А. Зотов** упадок философии называет энтропией культуры. Однако человек как существо разумное и свободное может противостоять этой энтропии, ведь все зависит от его собственного выбора.

Н. Баранц, автор статьи «**О вере, репутациях и авторитетах в философии**» («Вопросы философии», № 4), обеспокоен судьбой авторитета в философии. Для автора очевидно: то, что является объектом веры любого философа, есть результат творчества его предшественников. *Акт философской веры* (как и веры религиозной) требует определенного волевого усилия. И вера философа есть не только отправной момент его философствования, но и ориентир в организации собственного способа существования. Так, философ-метафизик ищет обоснования трансцендентного (бытие Божие, бессмертие, свобода) и соответственно живет, а материалиста и позитивиста характеризует поведение «ученого» — для него правдоподобие определяется идеями, понятиями и законами, заимствованными из других наук. Философская вера находится также в прямой зависимости от репутации и авторитета предшественника. Но авторитетность суть психологический феномен личного признания (от сердца), и «почтение» к чьему-то

учению иной раз превращается в «исповедание». Репутация же — когнитивный феномен (от головы), и здесь предполагается познавательная значимость избранного учения, оценка в соответствии с нормами, принятыми в философском сообществе. Философская вера в сообществах (кружках, школах, союзах) может принимать абсолютные масштабы и «творить себе кумиров», что многие из нас наблюдали сравнительно недавно.

Возможно ли *творчество в философии* вообще? Такую проблему решают В. Семенков и А. Исаков в статье «Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда» («Вопросы философии», № 4). Авторы указывают на позицию французских постмодернистов Делеза и Гваттари, для которых суть философии — в сотворении концептов (понятий) и производстве текстов. И в самом деле, сегодня философ не может претендовать на репутацию современного и при этом ограничиваться терминологией Гегеля или Гуссерля, делая вид, будто за окном ничего не происходит. Сегодня об интеллектуальности судят по умению усложнить проблему. Изрекать истину не обязательно; играть в нее на публике — вот цель философа. Современная философия не просвещает, а эпатирует. Игра ума, деконструкция сложившихся представлений дает философу символический капитал — известность. Последняя чаще достигается профессиональным артистизмом, основанным на навыке интертекстуальности (важнейший козырь постмодернизма). Интертекстуальность и означает виртуозную демонстрацию собственной игры в среде философов-профессионалов. В этой игре можно обойтись без настоящего философствования (а настоящий философ не обращается к уже готовой философии, он создает свою собственную), его заменяет доведенная до совершенства техника комментирования. Так появляются нефилософствующие философы, то есть те, которые знают, *как* говорить, но не знают — *что*. Попутно возникает вопрос: возможен ли творческий философский акт (порождение нового знания) для философа, не знающего текстов, например, Канта? Оказывается — возможен: главное, чтобы философское сообщество знание такого философа признавало ценностью. Задача философского сообщества, с одной стороны, поддерживать традицию, с другой — порождать новое знание, т.е. авангард. Авангардисты могут и не знать Канта, но тогда им будет трудно добиться признания философским сообществом. Сообщество могло бы и вовсе игнорировать невежд, но где тогда взять новое знание? Тут уже начинают действовать законы коммуникации. Авторы обращают свои взоры на философское сообщество современной России, в котором подлинное философствование затруднительно, поскольку рискуешь быть не прочитанным никем из коллег. Поэтому здесь принято выбирать «своего» классика, широко известного в узком кругу, и вести верную терминологическую игру, *чтобы свою интертекстуальность показать*. Таким образом, основное усилие отечественной философии, полагают авторы, направлено на демонстрацию собственного образовательного уровня, а не на решение актуальных (авангардных) философских проблем. Смысл же философского сообщества — в организации порядка, позволяющего усваивать продукцию интеллектуального авангарда. А для реальной коммуникации требуется, чтобы философы могли читать одни и те же книги и чтобы результаты их собственных тео-

ретических исследований могли быть доступны кругу заинтересованных коллег. Как раз это в современной России и отсутствует.

Участь философии и философов — проблема не сугубо российская. Например, во Франции обеспокоены судьбой вообще всех интеллектуалов. В статье **«Ум нации и борьба с ним»** («Космополис», № 2) **М. Маяцкий** и **С. Орэль** заявляют: интеллектуал во Франции больше чем интеллектуал, поскольку он специализируется на универсальности. Кроме того, суть интеллектуальной деятельности составляет критика, и мир не всегда смиренно благодарит интеллектуала за это. Порой интеллектуалов пытаются упразднить как класс, обрушивая на их головы репрессии и вынуждая защищаться. В левомолодежном еженедельнике (по-русски — «Некоррумпируемые») французские интеллектуалы опубликовали «Обращение против войны, объявленной уму», в котором извещают общественность о том, что все сферы знания, исследования, мысли и все производители этого знания сегодня становятся объектом массированных нападков, «обнажающих *новый государственный антиинтеллектуализм*». Формируется совершенно определенная сознательная политика, угрожающая обнищанием и исчезновением всех не окупающихся в короткие сроки и непродуктивных областей человеческой деятельности, «всех тех мест, где общество мыслит, воображает, изобретает, лечит и судит». Это беспрецедентный факт в новейшей истории Франции, настоящая война уму, проводимая во имя экономического здравого смысла ценой гигантских человеческих, социальных, культурных потерь и необратимых последствий. В «Обращении» идет речь о профессиональной и материальной нестабильности «работников ума», о злоупотреблениях работодателей (практика контрактов с ограниченным сроком действия) и законодателей (юридическая реформа, направленная против терроризма, но поражающая в правах и законопослушных граждан). Осознав все это, французские интеллектуалы призывают к мобилизации и объединению. Они хотят все вместе выразить протест государству, уничтожающему живые силы ума.

В. Воробьева мыслит интеллектуала в категориях гуманитарной психологии, для нее он **«Субъект и/или автор»** («Вопросы психологии», № 2). В науке, т.е. классическом образце рациональности, **субъектом** называется наблюдатель. Всё наблюдаемое считается объектом. Категория «субъект» предполагает некую идеальную позицию, с которой можно наблюдать поведение объекта, никак на него не влияя. Эта позиция не обладает никакими качествами, никакими человеческими характеристиками, она безлична и анонимна. Абстрактность идеального наблюдателя — залог объективности, а объективность — критерий истинности. Но подобный идеальный наблюдатель должен быть абсолютно понятен самому себе. А это ни в каких науках, увы, невыполнимо. Тем более в психологии, где и субъектом, и объектом является сам человек. В человеке есть нечто не поддающееся объективирующей рефлексии, субъект-объектной процедуре познания. Субъект в данном случае ограничивается актом мышления, а мышление всего лишь один из многочисленных модусов человеческого существования. Примеры художественного или теоретического творчества, когда образы или идеи, о существовании которых человек и не подозревал, извлекаются из таинственных глубин его «я», когда субъект невозможно отделить от творимого им объекта, побуждают

Воробьеву сравнить акт понимания с актом рождения, а категорию «субъект» заменить категорией «автор». В отличие от субъекта, «автор» не безличен. Он смертен, он озабочен своей экзистенциальной ситуацией, и цель его познания не абстрактна, а обусловлена конкретным контекстом его бытия. Воробьева предлагает новую исследовательскую дисциплину, названную ею «гуманитарной психологией», вместе с психологией научной представляет ее как органы двух различных духовных организмов, одинаково необходимых и дополняющих друг друга в понимании субъекта/автора (т.е. интеллектуала).

Е. Водопьянова доказывает, что интеллектуалы бывают разные и даже у такого, казалось бы, интернационального феномена, как наука, могут быть **национальные черты**. Вернее, представители тех или иных наций проявляют специфическую склонность к определенному рода наукам («**Национальные традиции науки**» — «Современная Европа», № 1). Так, англичане сильны в опытно-экспериментальных отраслях знания. Достаточно вспомнить хотя бы Ф. Бэкона с его хрестоматийным «знание — сила» или Ньютона, утверждавшего: «Я не измышляю гипотез, но извлекаю из явлений природы ее принципы». Британский ученый подобен Робинзону Крузо: он трудолюбив, настойчив, не отступает перед трудностями и никогда не отчаивается. Он познает мир, как остров неизведанного. Оставаясь один на один с природой, он должен приложить все усилия и победить, найдя истину. Английский «робинзон познания» одновременно еще и изобретатель, об этом говорят многие достижения британской науки. Опытно-экспериментальный характер британского естествознания одновременно фиксирует и его теоретическую направленность, уникальность результатов, и отдаленную инновационную востребованность. Для британского ученого важнее всего понять «как», а не «почему». Такие мировоззренческие координаты прекрасно вписываются в культурную традицию британского индивидуализма. Немцы сильны в теории. Причину этого Водопьянова видит в том, что наукой в Германии всегда управляло государство, а законопослушные ученые воплощали в жизнь приказы начальства. Мир они представляли себе как строго целесообразный проект. Вся классическая немецкая философия являет собой образец стремления к абсолютному духу, предустановленной гармонии и категорическому императиву, т.е. высшему моральному закону. Пример теоретической целесообразности — «Монадология» Лейбница. Гегель был уверен, что в его философии человеческая мысль впервые и навсегда обрела абсолютную истину. Позднее Германия подарила Европе плеяду величайших теоретиков в области физики: Эйнштейн, Планк, Гейзенберг. Франции принадлежит первенство в математике, информационной технологии, прикладной химии, фармацевтике, авиации, энергетике, в области гуманитарных наук — словом, там, где легко обобщать результаты. Французский ученый ориентирован на поиск гармонии между числом и реальностью, природой и социумом, организмом и внешней средой, а также гармонии внутри организма и гармонии взаимодействия «человек — техника». Достижение «легкости бытия» — такова глубинная цель деятельности. Она подразумевает гармонию мира, воплощенную в числах, и социальную гармонию — либо точную диагностику дисгармонии.

В. Ланкин склонен сферу умозрения трактовать не в категориях национального, а в категориях **исторического**. Культура для него есть постоянно

продолжающееся событие разворачивающегося сознания. В этом ключе трактуется и логика «научных революций», и смена культурно-исторических эпох (**«Смена культурных поколений: событие в мире смыслов»** — «Человек», № 2). Так, субъектом античного мифологического сознания является Бог. Он же — субъект самоощущения первобытной культуры. Позднее энергия богов — субъектов бытия — проявляется в виде закона, который и надлежит исполнять индивидуальному человеку. Этот закон — Откровение. Мифологическая данность сменяется постижением дарованного богами универсального нравственного закона. В центр эпического бытия выходит герой — соучастник божественных деяний. Затем происходит трудноуловимый поворот от постигаемого Откровения Закона к открыванию законов понимания, которые лежат в собственно человеческих мироощущениях. Мир открывается рациональному человеческому ведению. А это ведение приобретает облик философской идеи, художественной интуиции, свободной нравственной воли и религиозной веры. Только после средневековья, когда свершился принципиальный поворот сознания, озаменованный христианской идеей Боговоплощения, стало возможным, чтобы человек предстал полным субъектом бытия и присвоил себе творческую свободу. В Новом времени человек все меньше нуждается в обосновании собственной бытийности. Самопознание увядает, субъективность чахнет, мысль обращается вовне и обретает технологический характер. Знание несет прикладной смысл. Постсовременность, в которой мы очутились сейчас, знаменуется утратой субъективной, творчески-авторской позиции. Продуктивное творчество сводится к потребительской парадигме комфорта, к желанию-наслаждению, к игре. Техника играет по отношению к культуре роль «новой магии». В современном сознании субъективность сливается с внесубъективной реальностью и перестает различать реальные и виртуальные смыслы. Это напоминает магическое сознание первобытной культуры, лишенной рефлексии. Современное человечество, миновав этапы цветения и плодоношения, стареет, впадая в детство. Противясь этому, Ланкин призывает к кардинальному повороту культуры, обращению ее к самой себе. Не просто к своему наследию и архивам, а к живому опыту нового осознания. Человеку, приручившему природу путем преобразования ее в технику, теперь следует приручить технику и вновь обрести себя как сосредоточение субъективности. Грядет новый смысловой зон, когда человек свершится как событие и станет самоопределяющимся и целепроясняющим.

Такая историко-культурная рефлексия, конечно, требует некоторого историософского навыка, и философы истории не теряют времени даром. **А. Буровский** задается вопросом, есть ли что-то общее в функционировании и развитии всех обществ, когда-либо существовавших на Земле (**«О глобализме мировой истории»** — «Клио», СПб., № 2). Можно ли, спрашивает он, сколько-нибудь адекватно описать *исторический процесс в масштабах всего человечества*? Ведь любой историк склонен абсолютизировать достоинства и значение «своей» цивилизации, а другие рассматривает либо как «неправильные», либо как несуществующие. Достижима ли вообще независимая, «общемировая» позиция историка, с которой можно непредвзято судить человеческое сообщество как бы «снаружи»? Оказывается, такая

позиция давно обоснована. Следует только овладеть теорией ноосферы А.И. Вернадского, согласно которой человечество — это мыслящее вещество, естественный продукт глобальной эволюции и неотъемлемая часть структуры Земного шара. В этом случае цивилизация рассматривается как проявление части мыслящего вещества во взаимодействии с живым (био-) и неживым (гео-) веществом. Любое общество может быть проанализировано и сопоставлено с другими как ландшафтообразующий феномен, как часть геологической истории Земли, как энергетическая система, которая организует превращение солнечной энергии в ее земные виды. Стоящий на этих позициях исследователь делит мир не на «мы» и «не мы», а на «люди» и «остальное». Каждое общество рассматривается как ландшафтообразующая система определенного типа, потом описываются его количественные характеристики, затем вычисляется энергетика культуры — энергетические эквиваленты одного человека и отдельных социальных структур: от армии и полиции до образования и здравоохранения. Вычисляется и энергия, которую данная цивилизация может потратить на развитие, функционирование и экстраординарные нужды. Для общего вычисления нужно найти единый эквивалент таким единицам измерения, как деньги, эрги, джоули, вольты и т.д. Еще один важный элемент описания качества цивилизации — количественные характеристики информации. Буровский полагает, что подобная физическая арифметика может объективировать изучение истории, сделать ее доступной для подлинной и справедливой оценки.

«Возможны ли *математические модели истории*?» Этот вопрос обсуждался за круглым столом журнала «Общественные науки и современность» (№ 3). Может быть, потому, что среди выступавших преобладали представители, так сказать, практических наук (географы, биологи, математики, физики), разговор от метафизических проблем быстро перешел к практическому значению былого и перспективам конкретного прогнозирования: как, дескать, в будущем не наступить на грабли дважды. Историки недоумевали: зачем нам эти модели, ведь мы не моделируем историю в сослагательном наклонении, а изучаем, как было в реальности? Историк **Л. Бородин** предположил, что модели нужны для изучения исторических альтернатив и построения контрфактических (не случившихся, но возможных) вариантов исторических событий. Историк **А. Казанков** сказал, что его коллеги скептически относятся к математике, потому что не знают и не понимают ее — так же, впрочем, как математики не обладают историческим мышлением. Историк **И. Ионов** заметил, что в рамках постмодернистского дискурса всякое моделирование, как и вообще всякое обобщение, концептуализация, формализация и т.п., отбрасываются как хлам. Рассуждения об истории сводятся к диалогу по поводу одного определенного сюжета. Математик **Д. Чернавский** добавил, что дело усложняется тем, что математические модели устойчивых процессов, где предполагается логическая связь причины со следствием и всё зависит от начальных условий, не годятся для описания жизненных ситуаций. История — это динамический хаос, здесь возможно лишь кратковременное прогнозирование. Географ **В. Караваев** усомнился: а достаточно ли хорошо история знает свой объект, закономерности его развития, чтобы строить модели и что-то прогнозировать? Есте-

ственник **С. Малков** пояснил, что прогнозируется, собственно, поведение людей. Реакция человека на событие может быть разной, но вариантов не так уж и много. Тут речь идет о морали: в основе реакции может быть либо агрессия, либо терпимость. Все зависит от стереотипа, который дается религией. Нормы религий известны, так что моделирование все-таки возможно. Мало того, существует закономерность: поведение отдельного человека смоделировать (прогнозировать) сложно; поведение десяти — легче; тысячи — это уже интеграл и имеет меньше колебаний и, стало быть, меньше вариантов; а человеческая история — история очень многих людей, так что моделируйте себе на здоровье! Нам, со своей стороны, хочется предостеречь: нужно отличать прогнозирование от предсказания. Прогнозирование — дело безобидное, всего лишь игра ума. Другое дело предсказание, оно может стать «самоосуществляемым пророчеством» и вполне реально влиять на поведение людей. Словом, проблем с математизацией и моделированием после обсуждения за круглым столом оказалось больше, чем было.

Тему *«эстетики истории»* разрабатывает **А. Верле** (*«Эстетические ритмы истории: событие и сюжет»* — «Клио», № 2). Под историей в данном случае понимается не наука о прошлом, а само это прошлое. История у Верле предстает как рукотворное произведение, как артефакт. Соответственно эстетика истории рассматривает структуру и организацию истории как художественного целого, находящегося в процессе созидания. Событие в истории подобно поступку в индивидуальной судьбе. Событие — это поступок истории. Взгляд через призму эстетических (литературоведческих) идей о сюжете и ритме художественных образов истории, исторических интуиций мемуаристов, мимолетных и устойчивых ощущений протекающего (проживаемого) исторического времени, научных и обыденных представлений об истории позволит уловить законы, согласно которым история отражается в человеческом сознании. Эстетический ритм истории, судьба века — это заманчивейшие сюжеты. История как художественное произведение, циклически организованное ритмическими группами-эпохами, есть произведение творимое. Каждой последующей эпохе в ряду смылосодержащих событий предстает эпоха предыдущие. И встает вопрос о подражании как одной из важнейших черт взаимодействия эпох. Однако в прошлом таятся скорее не образцы, а «зародыши» того, что история делает событием. И существует какой-то неумолимый закон возникновения настоящего из прошлого.

А в настоящем нашей истории осуществляется глобализация, которую неустанно обсуждают и осуждают. В лексике подобных дискуссий бытует, к примеру, общедное определение *«неудавшиеся государства»*. Так принято называть политически несостоятельных агентов всемирного процесса, тех, кто не вписываются в благополучный ход глобализации; так же назвал свою статью **А. Кустарев** («Космополис», № 2). Автор подробно описывает их происхождение и приметы, перечисляет рецепты для исправления их дефективности. Однако когда основная ставка делается на государство, возникает сомнение, удастся ли быстро осуществить такое серьезное предприятие. Полноценным государствам для этого понадобились столетия. Кроме того, проблема упирается в неспособность общества перестроиться на новый гражданский режим. Критический подход считает форму современного националь-

ного государства неадекватной современности. Нация по нынешним понятиям — миф. И вообще сам принцип единства нации и государства не может быть принят безоговорочно. Из этого следует, что политическая карта мира в принципе переменна. Государства, подобно корпорациям, волевым усилием можно создать, а можно и ликвидировать. У мирового сообщества должно быть право лишать какие-то государства сертификата на существование и признавать новые. И вообще государство как выразитель интересов и воли всего общества утрачивает авторитет. Жизнь может идти и без государства. Но пока политологи совершенствуются в теоретических нюансировках, фактически существующая доктрина ограниченного суверенитета в рамках международного права уже позволяет реально развивать дефективные государства, предоставляя им помощь, ослабляя долговое бремя, помогая строить госинституты. Тут действует и мягкая дипломатия, и — порой — принудительные меры (санкции и военное вмешательство). Но самое важное в этом усовершенствовании неудачников — расширение экстратерриториальной судебной юрисдикции, ибо неудавшиеся государства, хотя бы они того или нет, становятся прибежищем террористов и преступников, а это никак не допустимо в новом бравом глобализирующемся мире.

Проблему *эффективности политики* обсуждает влиятельный французский интеллектуал, постмодернист Ж.-Л. Нанси («В Просвещении остается нечто темное» — «Космополис», № 2). Он тоже не считает национальную государственность непоколебимой формой общественного бытия. В нынешнем переменчивом мире она уступает место отношениям второго порядка: товарным потокам, циркуляции мышления и информации и т.д. Кроме национальных отношений глубокие изменения, по мнению Нанси, затрагивают и религию, но не во всех странах одинаково. Так, в Западной Европе религия в свое время сыграла положительную роль в развитии представлений о социальной справедливости, теперь же налицо состояние полной секуляризации. Речь идет вовсе не о том, что государство полностью взяло на себя функции церкви (оно уходит вместе с церковью). Происходит значительная трансформация культуры, граничащая с кризисом. Особенно сильно это ощущается в языке и искусстве. Истоки пагубы современного мира ищут в эпохе Просвещения, хотя до сих пор ратуют за просвещение как акт вразумления человечества и печалются о невозвратном уходе этой эпохи, давшей универсальные понятия справедливости и равенства. Само Просвещение требует просвещения своего понимания. В силу того, что Просвещение в своей основе было антирелигиозным, оно открыло, с одной стороны, дорогу к величайшему прогрессу мысли и культуры, с другой, оставило кое-что в тени. И это «кое-что» — как раз то самое, о чем раньше заботилась религия, теперь же не заботится никто. Нанси не призывает вернуться к вере, но предлагает глубже вникнуть в значение западного монотеизма, который развивался в качестве некоей необходимости. В свое время, в эпоху падения Римской империи, христианство вывело Европу из меланхолии и печали цивилизационного кризиса. Нанси полагает, что сегодня европейцы находятся в ситуации, аналогичной краху Римской империи. Они утратили прежний смысл жизни и не обрели нового. Потеряв энергетику, Просвещение превратилось в атеизм. А атеизм — сила негатив-

ная, он не оставляет ни души, ни надежды. Сегодня европейцы пытаются обрести, если не религиозную, то хотя бы политическую идентичность. Тут-то и уместно обратиться к понятию империи. Идея империи, на взгляд Нанси, отличается от идеи государства. Внутри империи нет той сугубой интеграции, которая предполагается государством. Быть может, все нынешние общественные недомогания проистекают от этой внутrigосударственной сверхинтеграции, из понимания политики как тотальности? Идея политики всегда означала интеграцию. Быть может, ошибка и заключена в смешении общественного с политическим? Следует научиться жить в этих двух измерениях, следует различать политическое и социальное.

Недавно скончавшийся **Ж. Деррида** тоже не обошел вниманием проблему глобализации. Правда, в своей речи, произнесенной в штаб-квартире ЮНЕСКО, «Глобализация, мир и космополитизм» («Космополис», № 2) он больше акцентировал внимание на способе описания события, чем на самом событии. По-видимому, он был убежден, что миропорядок зависит от правильного употребления понятий и от понимания слов, которыми мы пользуемся, т.е. все дело — в разумной организации нашего дискурса. Свое понимание глобализации французский философ изложил как исповедание веры в «*новое мировое соглашение*», в «универсализацию, которая освобождает саму себя от собственных корней или исторических, географических, национально-государственных ограничений». Деррида сформулировал свое исповедание глобализации как символ веры. Он сложил его из четырех членов, которым дал подробные экспликации, удержавшись, однако, от ограничивающих смысл определений. Эти члены суть труд, прощение, мир и смертная казнь. Христианская традиция наделила *труд* искупительным значением: первородный грех принес труд в мир, а конец труда возвестит конечную фазу искупления. «Конец труда», который прочит нам и технологический прогресс, видится как свершенное обетование. Но это обетование следует распространять не на избранных, а на всех глобально. Нынешнее состояние мира никак этому не соответствует. Человечество никогда не было столь далеко от глобализирующей однородности. Большая его часть находится «вне труда» и ищет его, другая слишком загружена трудом и хочет от него избавиться. Если обходить вниманием это экономическое неравенство, любой разговор о глобализации превращается в болтовню. *Прощение* сегодня глобально драматизировалось. Очень часто это понятие, порой умышленно, смешивают с извинением, сожалением, амнистией, снятием вины по давности, словом, со множеством категорий, имеющих отношение к уголовному праву. Появляется на свет некий театр прощения, и притворство проявляется в самом признании своих грехов. Этого можно и должно избегать. Так, на сегодняшней политической сцене часто разыгрывается драма обвинения за преступления против человечности. Но это обвинение имеет смысл только в том случае, если преступление касается наиболее святого, что есть в живом существе, чего-то божественного, богочеловеческого. Тогда глобализация прощения преобразуется в гигантский процесс, в котором проглядывается момент исторического перелома. Рассказание в преступлениях против человечности наполняется геополитическим смыслом, и понятие глобализации обретает сакральное значение. Третий член символа — *мир* — Деррида выводил из понятия «ми-

ровое соглашение», которое предполагает принцип приоритета прав человека над всеми другими правами, включая государственный суверенитет. То есть международные организации «мирового соглашения» имеют право вмешиваться в политику суверенных государств во имя соблюдения прав человека. Созвучна вышесказанному и экспликация четвертого члена символа веры Деррида — *смертная казнь*. Именно международные и надгосударственные структуры, преодолевая национальный суверенитет, предписывают государствам отказаться от смертной казни. Это соответствует духу христианско-европейской традиции и становится нормой обычного международного права. Некоторые страны, включая США, пренебрегают этим обычаем, и Деррида как член международного парламента писателей требовал включить вопрос об отмене смертной казни в качестве официального призыва в любой контекст, касающийся «мирового соглашения», т.е. глобализации. Напомним: речь философа была обращена к ЮНЕСКО, организации сугубо практической, и свидетельствовала о его серьезном убеждении в том, что кажущееся громоздким объяснение понятий, используемых в политическом языке, не может быть бесполезным, ибо превращает слепоглухонемые символы речи дипломатов и политиков в животворящее слово.

Не зря на XXI Философском конгрессе Ю. Хабермас говорил о зверствах мировых войн, массовом насилии тоталитарных режимов над своими собственными гражданами и прочих политических преступлениях против человека. Все это, по его мнению, ставит проблему *защиты прав человека* на глобальный уровень международного права («Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту» — «Вопросы философии», № 3). Система международных отношений предполагает участие «наций» или «народов» в стратегической игре со строго определенными правилами, главное из которых — сохранение государственного суверенитета. Правила эти напоминают идею Канта о федерации суверенных государств, в которой каждое является национальным сообществом полноправных граждан и живет по международным законам, сформулированным по аналогии с гражданским правом отдельных лиц. Государства этого союза «должны чувствовать себя обязанными» разрешать конфликты между собой не в ходе войны, а за столом переговоров. Хабермас отдает предпочтение кантовской идее преобразования международного права в космополитическое. Теперь международные конфликты не принимают вид войн классического типа. Современные правонарушители — государства-преступники, несостоятельные государства и международный терроризм — свидетельствуют о так называемой постнациональной ситуации, которая требует международного сотрудничества, участия мультинациональных корпораций, неправительственных и супранациональных организаций (АСЕАН, ЕС). Чем раньше государства научатся пропускать свои национальные интересы через каналы транснационального и супранационального управления, тем быстрее привычные формы дипломатического давления и угрозы войной заменятся «мягкой силой», размывающей границы между внутренней и внешней политикой. Политический приоритет Запада вообще и американцев в частности в современном мире Хабермасу не кажется опасным, потому что постнациональная ситуация находится на полпути к за-

вершению и в ней совсем не плохо иметь «благжелательного гегемона». Сродство ценностных ориентаций между внутренней политической культурой сверхдержавы (США) и космополитическим проектом будет способствовать внедрению конституционализации в международную политику. Повседневный опыт взаимосвязи незаметно изменит самовосприятие национальных государств и граждан. Прежде независимые, они привыкнут к роли осмотрительного партнера в транснациональной сети и станут в конце концов ответственным членом супранациональной организации. Благожелательный гегемон, конечно, последним почувствует ненавязчивую необходимость изменить собственный образ и, разумеется, будет неукоснительно следовать сочувственным урокам международной критики.

Р. Явчуновская и И. Явчуновская («Безопасность. Этика. Глобализация» — «Безопасность Евразии», № 2) предлагают заняться созиданием *универсальной этики*, предполагающей коллективной ответственности за будущее человечества. Наиболее подходящим авторам статьи кажется проект немецкого ученого К.-О. Апеля. Согласно Апелю, сегодня люди осознают необходимость консенсуса в своих взаимоотношениях. Но консенсус этот только тогда будет реально работать, когда выразит согласие всех заинтересованных и равноправных участников практического действия. Критерий моральности формулируется по принципу универсализации и разрешает в первую очередь конфликты интересов и вопросы справедливости. Апель назвал это дискурсивной этикой. Она основана на идее «обсуждающей» политики, в основе которой лежит аргументированность, открытость, публичность, уважительность. Дискурс здесь предполагает совместное решение и совместную ответственность, а свобода обеспечивается «принуждением без принуждения». Императив дискурсивной этики — каждый народ имеет право на собственную культуру, каждый народ должен иметь в международном диалоге равное право голоса. Понятия индивидуальной и коллективной ответственности сопрягаются на уровне солидарной планетарной (глобальной) ответственности. Подобный императив нового политического и экономического порядка формируется не столько из соображений международной безопасности, сколько ради достижения международной справедливости.

Не все, однако, довольствуются идеальной картиной глобального согласия в царстве «императива дискурсивной этики». Некоторые ученые мрачно предрекают непредсказуемые последствия всеобщей компьютеризации и информатизации. Человек сейчас не только пользуется новыми технологиями, но и живет ими. Принимая это во внимание, ученые пытаются *сформулировать нравственные правила новой жизни*, которые **А. Капто** называет «Компьютерной этикой» («Безопасность Евразии», № 2). Ее задача — разработать новые нормы этического поведения в условиях всеобщей компьютеризации и информатизации. А это влечет за собой изменение прежних этических максим и ценностных характеристик. Компьютерная этика превращается в особый вид профессиональной этики и канонизирует такие традиционные качества, как честность, компетентность, ответственность за данную работу и, главное, обеспечение благоденствия человечества. Увы, строгая разработка правил, какими бы они совершенными ни были, не исключает по-

явление лиц, эти правила преступающих. Преступники (хакеры) тоже формулируют свои правила, создают собственную этику. Это этика другого мира, другой культуры — культуры информационной. В ее пределах вполне нравственно многое из того, что прежде считалось аморальным. Хакерская этика вошла в противоречие с протестантской этикой, соответствующей традиционной индустриальной культуре. Последняя, например, исповедует отношение к труду как к повинности. Хакеры же относятся к своему труду страстно, для них он возможность творческой самореализации. Оптимизация экономического эффекта — отнюдь не главный стимул их деятельности. Кроме того, хакеры не хотят переносить этические максимы, определяющие отношения между людьми, на отношения человека с компьютером. Императивы, сформулированные профессиональными моралистами, профессиональным компьютерщикам не подходят. Компьютерная этика преобразует и традиционную половую мораль, открывая феминизму новые горизонты. Анонимность, свойственная «сети», свобода действий, неконтролируемость поведения, вседозволенность, наконец, позволяют женщинам экспериментировать с различными половыми ролями. Вот, например, откровения женщины, выступившей в интернет-коммуникации в роли мужчины: «Я могла свободно выражать агрессию и проявлять жажду власти; я не считала возможным выразить эти стороны моей личности, когда меня воспринимали как женщину; я возвращалась к этому мужскому образу, когда чувствовала себя обиженной, задетой или уязвленной; более интеллектуальный образ мужчины помогал мне дистанцироваться, обрести объективность и ясность».

Кстати, об образе мужчины. **Е. Вязова** в статье **«Богема и дендизм: «штаны с бахромой» или бутоньерка в петлице?»** («Пинакотека», № 1-2) описывает весьма примечательный культурный феномен, который связан с развитием имиджа европейского мужчины, стилем его поведения, одежды и даже мышления. В заголовке статьи названы атрибуты, символизирующие две различные модели поведения — небрежный шик человека богемы, с одной стороны, и денди с безупречными манерами английского джентльмена, с другой. Два этих культурных амплуа, возникших почти одновременно в первой трети XIX в. и претерпевших причудливую эволюцию, стали наиболее расхожими и значительными на исходе века. Термин «богема» обозначал прежде всего определенную манеру жить и происходил от французского названия цыган. «Цыганский» образ жизни, бродячий и авантюрный, стал метафорой при описании новых «маргиналов», презревших общепринятые нормы поведения и морали. Изначально его связывали с миром городских «низов» (бродяги, воры, карточные шулера), потом, благодаря литературе — с артистическим миром, который был антитезой буржуазной рассудительности, благополучию и комфорту. Богемное сообщество эксцентрично и эзотерично, оно создает новые культурно-бытовые формы, типы творчества, собственный жаргон. Опыт парижской богемной жизни воспринимался как своего рода «посвящение в мастера», был необходимым этапом в эволюции художника. Если богемность как символическая роль новой художественной элиты формировалась путем мифологизации маргинальных типажей, то роль денди изначально была прямой стилизацией аристократической элиты. Дендизм воссоздавал угасающую репутацию арис-

тократии и был инструментом экзальтации индивидуализма. Он суть доктрина праздности, элегантности и оригинальности. Следуя дендизму, его адепты культивировали в себе утонченность, гедонизм и глубокую рефлекссию. Это был культ собственной личности. Его главный нравственный императив — денди никогда не может быть вульгарным. Преступление никогда не вульгарно, но вульгарность — всегда преступление. Денди всегда бесстрастен и невозмутим, хладнокровие денди питает его остроумие, слова он не бросает, а роняет, ему свойственно обостренное чувство собственного достоинства и подчеркнутая дерзость. Власть денди над обществом основана на совершенном владении приемами светской риторики и — главное — на умении в равной мере развлекать и высмеивать. Это не богемное эпатирование буржуа, а искусное балансирование на грани между любезностью и колкостью, никогда не отступающее от правил «хорошего тона». Конечно, денди безупречно одет: синий утренний и черный вечерний фрак, цилиндр, яркий жилет и зеленая бугоньерка. Создание новых форм поведения, выстраивание стиля жизни как особого вида творчества — объединяли дендистскую и богемную культуры. Тогдашняя концепция художественного творчества диалектически объединяла богемное и дендистское самоощущение и поведение. Богемность и дендизм как сознательно избираемые роли часто уживаются в биографии одного и того же художника или писателя. Своего рода богемно-дендистский симбиоз демонстрировали и художественные союзы или пары, где один из компаньонов исполнял роль денди, а второй — богемца. Этот диалектический союз отразился и в генезисе европейской культуры. Риторика отрицания, бывшая важнейшей частью богемной культуры, предопределила многие формы авангардной стилистики, а денди неслучайно считают предшественниками поп-звезд XX века.

Тему денди развивает **О. Вайнштейн** в статье «**Вы это называете фраком?**», пересказывая легенды об англичанине Джордже Брайане Браммелле, самом знаменитом денди всех времен и народов («Пинакотекa», № 1-2). Байрон увековечил его в афоризме: «В XIX веке есть три великих человека — Браммелл, Наполеон и я». Влияние Браммелла оставило ощутимый след в истории мужской одежды. Это он сформулировал жесткий канон элегантности. Значительным новшеством для его современников были и гигиенические стандарты — при знакомстве с ним сразу возникало общее ощущение чистоты и свежести. Эти стандарты были настолько высоки, что Браммелл отказывался поддерживать знакомство, если подозревал человека в неаккуратности. Фрак Браммелла отличался идеальным кроем («мыслящее тело»), узкие длинные панталоны прозвали «невыверяемыми». Фрак сменялся несколько раз на дню, перчатки в идеале полагалось менять шесть раз в день. Искусство Браммелла было связано с житнетворчеством — особой дендистской стратегией пиара, с жесткой личной властью над светским обществом. Манеры Браммелла строились на искусном соединении сухости и непринужденности, почтительности и остроумного цинизма, а самыми главными были безупречный вкус, исключающий вульгарность в обращении или облике, а также редкая способность оживать любую компанию, шутить и вести легкий разговор с любым собеседником. Заслужить от Браммелла саркастическую реплику означало навсегда проститься со светской репутацией.

Ни один значительный светский прием не обходился без его участия. В газетных отчетах его имя всегда стояло первым в списке нетитулованных гостей, с принцем Уэльским он был на дружеской ноге. Браммелл был желанным гостем в поместьях своих знатных друзей, был равнодушен к животным (мог написать прочувствованные стихи на смерть собаки), но к охоте, любимой спортивной забаве английского джентльмена, относился с отвращением. Браммелл был паркетным кавалером и, тем не менее, сумел найти многочисленных подражателей. Несмотря на славу и власть, судьбу решила неудача за карточным столом. Он проигрался в пух и, потеряв кредит у поставщиков и заимодавцев, сошел со сцены. В день исчезновения денди в своем клубе в одиночку пообедал холодным цыпленком с кларетом, затем посетил оперу. Не дождавшись конца представления, покинул ложу, умчался в Дувр и уплыл во Францию, где через 24 года умер в полной безвестности.

Понятие «джентльмен» появилось в английском обиходе предположительно лет восемьсот назад, пишет **Н. Демурова** в статье «**Английский джентльмен на пороге нового тысячелетия**» («Пинакотека», № 1-2). Конечно, к нынешнему дню оно обросло многими смыслами. Например, А. Моруа считал, что «настоящий джентльмен — это наиболее привлекательный тип в эволюции млекопитающих». С тех пор, как этот тип окончательно устоялся, молва определяет его как человека благородного происхождения с соответствующими свойствами и поведением. Это означает рыцарские склонности и благородные чувства, выражаемые множественным единством прилагательных: учтивый, любящий, мягкий, кроткий, терпеливый, спокойный; а также парадоксальными парами: ученый и скромный, доблестный и не агрессивный, благочестивый и общительный. Кроме благородного происхождения джентльмену следовало иметь дружеские связи в высшем обществе и получить образование в элитных учебных заведениях (желательно Оксфорд и Кембридж). Кредо джентльмена — самореализация личности, что подразумевает позитивную философию прижизненного успеха. Эта самореализация базируется на ощущении личной свободы. Испанский философ Ортега-и-Гассет, наблюдая джентльмена, заметил, что атмосфера джентльменства пронизана чувством жизненной свободы и основана на переизбытке власти над обстоятельствами, его не гнетут тяжести и скорби жизни, и, чтобы как-то отвлечься, он предается игре. Игра — это роскошь жизни, предполагающая заранее обретенную власть над низшими уровнями существования. Душа наслаждается свойственной ей гибкостью и позволяет себе играть по правилам, т.е. честно, защищая свое право и одновременно признавая права ближнего, никогда не прибегая к обману. В этом смысле для джентльмена первостепенное значение имеет спорт. Слово *sportsman* осмысливается им не так, как нами. Это хороший парень, который смотрит на жизнь, как на игру, в которой противник может рассчитывать на то, что она ведется по справедливости. У автора была возможность, так сказать, предаться полевым исследованиям и выяснить, как к джентльменству относятся в современной Англии. Большинство англичан положительно характеризуют рыцарские повадки джентльменов, но считают их «вымирающим видом». Некоторым родителям хотелось бы, чтобы их сыновья были достойны такого названия. Молодежь понятие «джентльменство» сводит к

вежливости. Так или иначе, оно трактуется современниками на нравственный или культурный лад. Но как бы ни отличались взгляды разных поколений, пикантные воспоминания бывшего возлюбленного принцессы Дианы все единодушно признали недостойными джентльмена. А офицеры полка, в котором он служил, потребовали от него отставки.

В. Шевченко повествует об астрологии («Человек зодиака» — «Человек», № 2). Астрология досталась нам в наследство от древних греков, получивших ее от халдеев. Автор рассматривает историю греческой астрологии и приходит к заключению, что астрология родилась позже научной астрономии и одержала над ней верх к моменту кризиса античной мысли. Суть астрологии — возврат от логоса к мифу. Неудержимая фантазия эллинов вплела своих богов в астрономическую систему. Гороскоп отражает символический пантеон, заключенный в жесткую систему: двенадцать звездных богов скованы зодиаком; семь планетных божеств движутся только кругами, а их взаимные отношения выражаются правильными геометрическими фигурами. Сила каждого бога однозначно определяется его местом в единой системе. Бесполезно молить этих богов о милости и приносить им жертвы: занятые своими делами, человека они не видят и не слышат; отлученные от людей, они обретают статус природных явлений. Астрология — наука сугубо прикладная и неразрывно связана с психологией. Астролог, составляя гороскоп, описывает небо в интересах клиента. Гороскоп — это своего рода космограмма, основой которой служит зодиакальный круг, разделенный на 12 частей («домов») созвездиями эклиптики. Внутри него из «дома» в «дом» перемещаются планеты (божества). Каждое из созвездий и каждое из божеств наделено своим характером, и поэтому, чтобы определить судьбу, важно, находятся ли они в своем «доме», а также в каких «аспектах» и «конфигурациях» они располагаются относительно друг друга в момент, на который составляется гороскоп. Секрет живучести астрологии Шевченко видит в том, что это единственная из символических систем, позволяющая говорить со звездами. Сегодня принято считать, что судьба человека определяется его генетическим кодом. А древние думали — генитурой. Это, по определению П. Флоренского, — «мгновенная фотография зодиакальной части неба» в момент рождения человека. «То самое предначертание личности, которое незримыми линиями записано в капле семенной жидкости, оно же, в письменах из звездных лучей, читается на огненной стене мироздания». Нынешняя критика астрологии страдает, по мнению Шевченко, непониманием сути собственного предмета. Зачем в эксперты зовут физиков? Астрология — это раздел популярной психологии, выясняющей отношения обывателя со звездами; это — шедевр лирической физики, образчик уже достигнутого однажды синтеза естественнонаучного знания с гуманитарным. Небо астрологии — это разумное небо культуры. Сегодня следовало бы подучиться языку символов, сотканному из «живого света звезд». И стать человеком зодиака? Названием статьи Шевченко напоминает фильм «Человек дождя», в котором психически ущербный герой наделен гениальными способностями игрока.

Обзор подготовил Александр Денискин

А.С.ПУШКИН «БОРИС ГОДУНОВ»

(О психологическом аспекте трагедии)

1.

«Борису Годунову» посвящено немало исследований, в которых дан обстоятельный анализ этого произведения как «самобытной драматической системы»¹. Опираясь на этот богатый опыт изучения пушкинской трагедии, мы хотим тем не менее обратиться к той ее стороне, которая до сих пор почти не привлекала внимания пушкинистов, но которую чуткий В.А. Жуковский сразу же определил как «знание человеческого сердца» (см. письмо к А.И. Тургеневу от 27 ноября 1827 г.). Нас будет интересовать Пушкин-психолог, Пушкин, впервые в русской литературе исследовавший глубины человеческого «я» — то именно, что Ф.М. Достоевский впоследствии назовет «подпольем», а психоаналитики — «подсознанием». Мы хотим посмотреть на трагедию как на *драму характеров* — тем более, что и сам Пушкин, говоря о «Борисе Годунове», постоянно подчеркивает свой интерес именно к характерам его героев. Он «благодарит» П. Вяземского «за замечание о *характере* Бориса» и добавляет: «Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны: я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное» (в письме 13 и 15 сентября 1825 г.). И в «Письме о “Борисе Годунове”», своего рода авторском комментарии к трагедии, называя своих героев, Пушкин прежде всего определяет их *характеры*. Вот они — «авантюрист» Дмитрий с «романическим и страстным *характером*», Гаврила Пушкин, «очень талантливый», «как воин, как придворный и в особенности как заговорщик». Это он и Плещеев «своей неслыханной дерзостью обеспечили успех. Самозванца»; Шуйский, представляющий «в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы *характера*», и наконец, «странная красавица» Марина: «У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим,.. всегда

---

¹ В. Непомнящий. Поэзия и судьба. М., 1983, с.231.

**Ливия
ЗВОННИКОВА**

— родилась в 1930 году в г. Владикавказе. Окончила филологический факультет МГУ. Кандидат искусствоведения, доцент ВГИКа. Автор книги «Кинематографический потенциал в творчестве Чехова», «Заколдованный круг (о прозе Чехова)» и др., а также ряда статей о творчестве Пушкина и Чехова. Живет в Москве.

готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон... Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если Бог продлит мою жизнь. Она волнует меня как страсть...»². И когда в «Евгении Онегине» Пушкин скажет о своих героях: «*ч а щ е з а н и м а л и с т р а с т и / Умы пустынников моих...*» (4, 37), он скажет прежде всего о том, что «занимало» и его самого в эти годы — человек, обуреваемый страстями, погибающий в их вихре.

«То, что его вело, — пишет о Пушкине русский философ И. Ильин, — была *любовь* к России, страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русское прошлое, в русскую душу... имея русскую душу, он из самой глубины ее начал вслушиваться в душу русского народа и узнавать ее глубину в себе, а свою глубину в ней»³.

Это «углубление» в стихию русского национального характера диктовалось не только поэтическим интересом — оно было следствием особого понимания Пушкиным истории. Для Пушкина у истории нет «предназначенности»⁴. Человеку дана свобода выбора. И от этого выбора часто зависит судьба истории. Именно поэтому Пушкин, говоря о том, «что развивается в трагедии», на первое место ставит «судьбу человеческую» и уж за ней — «судьбу народную» (6, 316). В связи с этим особый интерес вызывает на первый взгляд — шутивая, но необычайно важная для понимания исторических взглядов Пушкина его «Заметка о поэме “Граф Нулин”»: «Перечитывая “Лукрецию”», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась. Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те». «Заметка...» завершается многозначительной припиской: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. “Граф Нулин” писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения» (6, 324).

Одна дамская «пощечина» — и мировая история, как полагает Пушкин, могла бы пойти «другим путем». Человек и «все человеческое» потому и стоит в центре внимания Пушкина, что историю, убежден он, делает личность. А рождение личности — это *случай*, который «невозможно... предвидеть». Поэт предупреждает: «не говорите: *иначе нельзя было бы*... провидение не алгебра. Ум человеческий... не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного мгновенного орудия провидения... никто не предсказал ни Наполеона, ни Поляняка» (6, 284. Курсив Пушкина. — Л.З.).

² А.С.Пушкин. Собрание сочинений в 10 тт. Т.6, 1975, с.262. Далее в тексте ссылки на Пушкина даются по этому изданию с указанием в скобках тома (первая цифра) и страницы (вторая цифра). Курсив в тексте всюду мой, авторская разрядка оговаривается особо. — Л.З.

³ И.Ильин. Пророческое призвание Пушкина. — В его сборнике «Одинокий художник». М., 1993, с.53. Курсив в цитате — авторский.

⁴ В.Непомнящий пишет о Самозванце: «Это — артист, играющий отведенную ему в истории роль, и драматургическая логика его действий — логика предназначенности». — См. цит. соч., с.236.

«Игра страстей» будет «занимать» Пушкина в течение долгих семи лет (1823-1830). «Но, Боже! Как играли страсти его послушною душой!» — эти слова, сказанные об Алеко, можно отнести к героям всех произведений, написанных в эти годы — «Цыганы» (1824), «Борис Годунов» (1825), «Полтава» (1828), а также «Евгений Онегин» (1823-1830) и «Маленькие трагедии» (1826-1830).

Печальный итог своим размышлениям поэт подведет в стихотворении «Бесы» (1820), когда с болью воскликнет: «Хоть убей, следа не видно. *С б и л и с ь м ы...*». Однако Пушкин, по словам Достоевского, не только поставит «искусный диагноз» «болезни нашей»⁵, но укажет и на источник ее: «В поле *б е с* нас водит, видно...»

2.

«...Это был самый мрачный и унижительный *б е с*. Это был *демон гордости...*»

(Ф. Достоевский)

«Оставь нас, гордый человек!» — обращается старый цыган к Алеко в поэме «Цыганы». Достоевский напишет о поэме: «Все это, конечно, фантастично, но “гордый-то человек” реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным. И это надо запомнить»⁶. Достоевский оценит гордость как одержимость «мрачным и унижительным бесом», рождающую в человеке неодолимую «потребность оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы»⁷. Пушкин разгадал, что эта «потребность» есть следствие *о б и д ы* на бесчеловечность окружающего мира и *с т р а х а* перед ним. Он понял, что гордость — это защитная реакция человека, лишенного любви и жаждущего этой любви.

В «Борисе Годунове» все его герои задеты крылом «демона гордости», все охвачены страстями — и Борис, и Отрепьев, и Шуйский, и Гаврила Пушкин, и Басманов, и Марина. Все они «одержимы» такой жадной власти, что ради нее жертвуют всем — совестью, честью, долгом. Вот что пишет автор о Василии Шуйском: «Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый вступает в заговор... Шуйский, чуть было не попавший под топор и на плаху... спешит создать новый заговор, успевает в этом, заставляет себя избрать царем и падает — и в своем падении сохраняет больше достоинства и силы духа, нежели в продолжение всей своей жизни» (6, 262). Басманов, всячески облаканный царем, приближенный им к трону («не род, а ум поставлю в воеводы»), понимающий, что, «изменив присяге», он «заслужит бесчестье в род и род» (4, 254), не в силах, однако, смирить свои амбиции и приносит им в жертву и собственную честь, и жизнь ни в чем неповинных детей Бориса.

⁵ Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-и тт. Т.26, Л., 1984. с.130.

⁶ Там же, с.139

⁷ Там же, с. 122.

Пушкин ничего не говорит о прошлом героев трагедии, так как читатели его трагедии, наверняка, были и читателями «Истории Государева Российского» Н.М. Карамзина. Однако легко представить, каким унижениям подвергался Борис Годунов в прошлом, если и в трагедии он, находясь на самой вершине власти, слышит за спиной презрительный шепот: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, / Зять палача и сам в душе палач...» (4, 186). Отрепьев, как сообщает Карамзин, рано лишился отца, зарезанного пьяным литвином, после чего находился в услужении у богатых родственников. Стыдясь унижения и бедности, бежал, бродил по разным монастырям, пока не оказался в Чудовом монастыре под покровительством своего деда. Для историка — Отрепьев умный и ловкий авантюрист, поэт же «посмотрел» на героя «с поэтической стороны» и создал образ одаренного юноши, «униженного и оскорбленного» в самом начале жизни.

С героями трагедии мы встречаемся после того, как их конфликт с миром уже произошел — их «доверие» уже было «обмануто». И в их душе рождается стойкий *с т р а х* перед жизнью и та самая «потребность оградиться от людей твердой стеной», о которой писал Достоевский. Это находит в трагедии и свое зримое пластическое выражение — и с Борисом, и с Григорием мы впервые встречаемся в стенах монастыря.

Но Пушкин показывает, как опасно подавлять страсти: страсти не исчезают, напротив, накапливаясь в подсознании, они только ждут своего часа, чтобы прорваться в сознание. А прорываясь, ставят перед человеком цели, гораздо более искусительные, чем те, в достижении которых он когда-то потерпел крушение.

Так, Борис Годунов «затворяется в монастыре», возможно, вполне искренно пытаясь одолеть в себе жажду власти, а выходит из него уже с жадой «власти великой» и поэтому-то и разыгрывает спектакль, в котором «взять венец и бармы Мономаха» (4, 186) его якобы умоляет «народ». Эта «сделка с народом» нужна Борису не для того, чтобы изменить форму правления в России, но для того, чтобы оправдать незаконный захват престола и успокоить свою совесть благородной целью: «Я думал свой народ / В довольствии, во славе успокоить, / Щедротами любовь его снискать...» (4, 199).

«Затворяется в монастыре» и Отрепьев, тоже, возможно, желая одолеть свои страсти. Помимо унижений, связанных с бедностью, Отрепьев, похоже, не избавлен и от чисто мужских комплексов. Иначе трудно объяснить, почему автор, ничего не говоря о внешности других своих героев, подробно описывает жалкую внешность Григория: «А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая» (4, 208). Да и сон героя выдает его тайные помыслы, что мудрый Пимен определяет очень точно — «Младая кровь играет...» (4, 194). Спасаясь от соблазнов и искушений молодости, Отрепьев приходит в монастырь, а покидает его, одолеваемый еще большими искушениями. И если до монастыря его, возможно, томила жажда обладания женщиной, то теперь эта жажда сублимируется и разрастается в жажду обладать Россией. А с нею — психологически — как бы и всеми ее женщинами тоже. Кстати, Пушкин и не скрывает, что обаяние власти воздействует на «слабый пол»: на балу в «Замке воеводы Мнишек» одна дама, глядя на Григория, призна-

ется: «Он некрасив, но *вид его приятен* и (это особенно умиляет) *царская порода в нем видна*» (4, 224).

Пушкину любопытен характер каждого из его героев. За каждым он следит почти до самого конца трагедии, хотя большая часть героев свой выбор осуществляет в самом начале трагедии (Борис, Шуйский) или до начала действия (Пимен, Марина, Гаврила Пушкин). И лишь *выбор* юного Отрепьева совершается на наших глазах — «здесь и теперь». В сцене в Чудовом монастыре Пушкин обнаруживает, как тонки нити, из которых сплетается полотно судьбы, как легко их оборвать — порою просто случайно вырвавшимся небрежным словом. Это заставляет нас подробнее остановиться именно на этой сцене.

3.

«Доколе свет с вами, веруйте в свет.
Да будете сынами света».

(Ии, 12, 36)

Сцена в Чудовом монастыре — одна из важнейших не только в трагедии, но, мне кажется, и вообще в творчестве Пушкина. Не случайно он опубликовал ее еще до выхода в свет полного текста «Бориса Годунова». Не потому ли, что в ее сюжете рельефно выражена та, занимавшая Пушкина уже с 1825 года, мысль, что была приведена нами выше: «не говорите: иначе нельзя было быть». Все могло быть «иначе» — и в судьбе Григория, и в судьбе России, на которую роковым образом повлиял именно личный *выбор* этой сильной личности.

Григорий появляется перед нами со словами о «проклятом сне», который снится ему уже «в третий раз!» (4, 193). Этот «сон» свидетельствует о силе его *гордости*, толкающей его наверх — «на башню» — к обретенной «высшей власти».

Некоторые исследователи толкуют образ «башни» как «несомненный знак Вавилона», а Отрепьева как «антихриста». Так, Е.Трофимов в книге «Метафизическая поэтика Пушкина» пишет: «Разумеется, сон Григория буквально противоположен откровению Иакова. Лестница к Творцу обернулась в греховном уме демоническим соблазном... Отрепьев доверился бесовским наущениям, смутился ими и готов реализовать преступный замысел... — повторить ложный выбор Бориса Годунова»⁸.

Однако Пушкин в Отрепьеве видит не демона, но человека, причем, что особенно важно, человека молодого, перед которым «жизни даль / Лежит светла, необозрима» (4, 87). Вот как пишет Пушкин о нем в «Письме о «Борисе Годунове»»: «В Дмитриии много общего с Генрихом IV. Подобно ему он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему равнодушен к религии... оба любят удовольствия и войну, оба увлекаются несбыточными замыслами, оба являются жертвами заговора...». Вряд ли «антихриста» Пушкин назвал бы «жертвой» и «милым авантюристом» (4, 262).

⁸ Е.Трофимов. «Борис Годунов». Трагедия религиозного выбора и роман об исторической судьбе. — В его книге «Метафизическая поэтика Пушкина». Иваново, 1999, с.73.

В трагедии «на башню» (к власти) ведут разные дороги. Одна — к власти над собой, к преодолению страстей, не подвластных рассудку, но подвластных интуиции и воображению. Текст сцены в Чудовом монастыре свидетельствует о том, что поначалу Григорий стоял именно на этой дороге. Игумен монастыря говорит о нем, что он «весьма грамотен: читал наши летописи...» и «сочинял каноны святым...» (4, 198). А это — подтверждение не только творческой одаренности героя («сочинял»), но и его духовной устремленности («каноны святым»).

С в е т лампы, вид погруженного в работу Пимена успокаивает Григория, встревоженного сном. Душа его очищается, и мысль устремляется ввысь. В этом восторженном состоянии он и произносит свой знаменитый монолог, обращенный к Пимену: «Как я люблю его спокойный вид, / когда, душой в минувшем погруженный, / Он летопись свою ведет; и часто / Я угадать хотел, о чем он пишет? / О темном ли владычестве татар? / О казнях ли свирепых Иоанна? / О бурном ли новгородском вече? / О славе ли отечества? напрасно. / Ни на челе высоком, ни во взорах / Нельзя прочесть его сокрытых дум...» (4, 193). За этими словами — то состояние души молодого монаха, которое заставляет его тянуться к Пимену как к идеалу, рождает желание подражать «смиренному, величавому» «старцу», «внимающему равнодушно» «добру и злу». В этих определениях Трофимову опять-таки чудится «дьявольское соблазнение».⁹ Но ведь известно, что у Пушкина слово «равнодушный» могло наполняться и высоким, положительным смыслом, сближаясь с «объективным», «свободным» («Хвалу и клевету приемли равнодушно...»). И монолог Григория, который думает и говорит о своем наставнике только в интонациях самого глубокого уважения и почитания, наделяя его высочайшими духовными достоинствами, мудростью и любовью к «славе отечества» (а тем самым обнаруживая благородство и собственной души), — монолог этот свидетельствует о том, что Григорию отнюдь не чуждо было желание «повторить» именно выбор своего учителя, а не «ложный выбор Бориса Годунова» — «повторить» путь смирения, путь преодоления соблазнов и своей гордыни, путь к высшей духовной свободе. Недаром и свой диалог с Пименом он начинает именно с *п о к а я н и я*: «Благослови меня, / Честный отец... / Ты все писал и сном не позабылся, / А мой покой *б е с о в с к о е м е ч т а н ь е* / *Т р е в о ж и л о*, и *в р а г* меня *м у т и л*» (4, 193).

Но это значит, что позволяя своему Григорию благоговеть перед *с в е т о м и с т и н ы*, Пушкин действительно хотел подчеркнуть в его характере возможность и способность и самому пойти за этим светом (с этой точки зрения отнюдь не случайно, думается, а едва ли не символично действие в этой сцене происходит *«п е р е д л а м п а д о й»*).

Пушкин рисует в этой сцене характер Григория таким образом, что для него отнюдь не закрыт путь духовного служения — путь, подобный пути самого автора, путь «поэта, беспристрастного как судьба». Григорий тоже мог, подобно Платону, прославить своего «учителя», «перенеся в образ «учителя» «все свое лучшее».¹⁰

⁹ Там же, с.71.

¹⁰ Б.Вышеславцев. Этика преображенного эроса. М., 1999, с.51.

Но «на башню» вел и другой путь — путь подчинения страстям, путь обретения «высшей власти» не над собою, а над людьми, путь не сострадания людям, а презрения к ним: «...с высоты / Мне виделась Москва, что муравейник...» (4, 194).

По какому пути пойдет Григорий? Что одержит верх в его душе?

В скромной монастырской келье решалась судьба не только Григория, но, повторим, и судьба России.

Как уже говорилось, Григорий, казалось бы, сделал *в ы б о р* — он намерен подражать своему наставнику, к которому относится, по всей видимости, почти как к отцу (он и называет его не «отче», а «отец») и который, в свою очередь, не случайно намерен «передать свой труд» и свои обязанности летописца именно Григорию — это, судя по тексту сцены, между ними как бы само собой уже разумеется.

Но, как и всякий молодой человек, Григорий не мог не нуждаться в духовной поддержке. А тут часто огромную значение приобретает именно *с л у ч а й* — кто окажется рядом с юношей, сможет ли он его понять и поддержать. Пушкин знал это по личному своему опыту. К его и нашему счастью, рядом с ним оказались два великих человека, которые горячо поддерживали и утверждали поэта именно в его высоком предназначении, настойчиво напоминали ему об ответственности его перед Богом за дар, полученный им при рождении. Пушкин писал «Годунова» в Михайловском с ноября 1824-го года по декабрь 1825-го и, создавая сцену в монастыре, не мог не помнить письма В. Жуковского к нему в июне 1824-го: «Ты создан попасть в боги, — писал ему старший его друг, — вперед. Крылья у души есть! Вышины она не побоится (вот она, башня-то!), там настоящий ее элемент! Дай свободу этим крыльям, и небо твое». О том же пишет Пушкину и П.Я. Чаадаев: «Не измените своему предназначению, друг мой, обратитесь *с п р и з ы в о м к н е б у*, оно откликнется» (март-апрель 1829 г.).

Но Пимен, как свидетельствует текст следующего его монолога, не сумел почувствовать все то, что тайлось за покаянным признанием Григория. В ответ на «исповедь» юноши, без утайки поведавшего наставнику о тревожившем его «бесовском мечтанье», Пимен с тем «простодушием», которое, по собственному признанию Пушкина, «пленило» его «в наших старых летописях» (6, 250), сам, по сути, исповедует Григорию: «...Доныне — признается Пимен, — если я, / Невольно дремотой обессилен, / Не сотворю молитвы долгой к ночи — / Мой старый сон не тих, и не безгрешен, / Мне чуждаются то шумные пиры, то ратный стан, то схватки боевые, / Безумные потехи юных лет!» И эти воспоминания Пимена о «безумных потехах» юности, будоражащие воображение эмоционального Григория, поднимают из глубин его души уже совсем иные мечтания. Настроение Григория (не забудем, — ему всего девятнадцать лет!) мгновенно меняется: он вновь создает *с в о й* образ Пимена, но теперь уже — удалого воина, соратника Ивана Грозного и в боях, и в пирах: «Как весело провел свою ты младость!» / Ты воевал под башнями Казани, / Ты рать Литвы при Шуйском отражал...» И самое главное: «Ты видел двор и роскошь Иоанна!» (4, 194). И теперь он уже не восхищается учителем — он ему *з а в и д у е т*: «Счастлив!.. / Зачем и мне не тешиться в боях, / Не пировать за царскою

трапезой?..» — «...а я от отроческих лет / По келиям скитаюсь, *б е д н ы й и н о к!*» (4, 194). «Простодушный» Пимен даже, наверное, не подозревает, возможность какой уловки он подсказал совести «бедного инока» своей проговоркой: «*Доныне*». Ведь Пимен пришел в монастырь уже немолодым и провел в нем «в молитве и посте» много лет! А Григорий? Ведь он так еще молод: «Успел бы я, как *т ы, н а с т а р о с т ь л е т* / От суеты, от мира отложиться, / Произнести монашества обет / И в тихую обитель затвориться» (4, 194). Пимен, спохватившись, пытается вернуть Григория на путь истины, рассказывая ему, как цари и «на престоле» будучи, «воздыхают о мирном житие \ Молчальника...» (4, 195). Но поздно — Григорий уже весь во власти своих подпольных страстей и в речи Пимена слышит только то, чего жадно ждут от Пимена именно эти пробудившиеся в нем страсти. Пимен называет Бориса «цареубицей», умный Григорий, как говорят сегодня, ментально все «просекает» и потому-то как бы невзначай, почти вне всякой связи с тем, о чем говорил Пимен, задает ему вопрос: «Давно, честный отец, / Хотелось мне тебя спросить о смерти / Димитрия-царевича...» (4, 196).

Так «бедного инока», выбравшего как будто бы верный путь к постижению смысла бытия, в одно мгновение сбивают с ног «давно» таившиеся в нем подспудно мирские страсти. И в этой связи нам очень любопытным кажется тот диалог между Годуновым и Басмановым, в котором сводит своих героев Пушкин в сцене «Москва. Царские палаты». Басманов, успокаивая царя, удрученного «смятением народа», говорит: «Всегда народ к смятенью тайно склонен: / Так борзый конь грызет свои бразды; / На велья отца так отрок негодует; / Но что ж? *К о н е м с п о к о й н о в с а д н и к п р а в и т*, / И отроком отец повелевает». На что мудрый Борис резонно замечает: «*К о н ь и н о г д а с б и в а е т с е д о к а*» (4, 248).

«Подсознание, — пишет современный исследователь, — представляет собою... сферу бесконечных возможностей, из которых возникает порок и добродетель; оно есть материя (в греческом смысле), которая может принять прекрасную или безобразную форму».¹¹

Во времена Пушкина далеко еще было до современных психоаналитических теорий и соответствующих терминов. Но именно природу того самого явления, которое обозначают ныне термином «подсознание», Пушкин, несомненно, как раз и имеет в виду, предлагая свой образ «седока» и «коня». Для него вовсе уже не тайна, что внутри человеческого «я» идет борьба не на жизнь, а на смерть именно между сознанием, рассудком («седок») и «тайным смятением» природы, подсознания («конь»). Причем «тайная» природа в этой борьбе чаще всего и берет как раз верх, тогда как рассудку остается только идти у нее на поводу и в нужный момент подбрасывать ей *о п р а в д а н и я* (благородные цели). То есть, по сути, именно уловки. Рассудок Григория мгновенно рационализирует его постыдное бегство из монастыря: «Борис, Борис! все пред тобой трепещет, / Никто тебе не смеет и напомнить / О жребии несчастного младенца, — / А между тем отшельник в темной келье / Здесь на тебя донос ужасный пишет: / И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от Божьего суда» (4, 197). «Бедный инок»

---

¹¹ Там же, с.45.

уже так жаждет покинуть монастырь, что даже не задается уже и вопросом: а почему, собственно, именно ему, грешнику, не выдержавшему обет послушания, Бог должен доверить «суд» над Борисом?

Так страсти, «смирненные не без труда» (4, 37), вырываются из глубин его подсознания, и теперь уже они управляют Григорием, а не он ими.

Так сон Григория свершается наяву: Григорий, поднявшийся было к высотам истинного прозрения, падает «стремглав», не получив в решающий для него момент нужной духовной и психологической поддержки. Может быть, поэтому автор именно Пимена и заставляет *«п о г а с и т ь л а м н а д у»* (4, 197)...

Сочувствуя своему герою, автор предоставит ему, однако, еще один шанс сойти с губительного пути. Полюбив, Григорий *в д р у г* понимает, что ни «трон», ни «царственная власть» ему не нужны — ему нужна только любовь Марины: «В глухой степи, в землянке бедной — ты, / Ты заменишь мне царскую корону. / Твоя любовь...» (4, 227).

Любовь в мире Пушкина сродни вдохновению. И она тоже помогает узреть «с в е т» истины. После объяснения с Мариной Григорий *в с е* понял. Реплика автора — «едет тихо с поникшей головой» — достаточно красноречива. Он *о с о з н а л с в о ю в и н у* перед отечеством, перед «братьями», которых он ведет на смерть: «Кровь русская, о Курбский, потечет! / Вы за царя подъяли меч, вы *ч и с т ы*. / Я ж вас веду на братьев; я Литву / Позвал на Русь, я в красную Москву / Кажу врагам заветную дорогу!...» (4, 233).

Но отказаться от греха ему уже не хватает мужества. И, чтобы сохранить ощущение правоты, он перекладывает собственную слабость на плечи Бориса: «Но пусть *м о й г р е х* падет *н е н а м е н я* — / А на тебя, Борис-цареубийца! — / Вперед!» (4, 233). И губит себя уже окончательно.

Так «хаос и распад» в душе человека приводит к «хаосу и распаду» в истории. Так начинается Смута, которая поставила Россию над бездной и трагические последствия которой, возможно, сказываются и сегодня. Вот что писал по этому поводу известный русский богослов Г. Флоровский: «В Смуте перерождается самая народная психея. Из Смуты народ выходит изменившимся, встревоженным и очень взволнованным, по-новому впечатлительным, очень недоверчивым, даже подозрительным».¹²

4.

«Сказал также Иисус ученикам: невозможно не придти соблазнам; но горе тому, через кого они приходят».

(Лк 17, 1).

И все же основную ответственность за Смуту Пушкин возлагает на Бориса Годунова. Возможно, именно поэтому его имя он и выносит в заглавие трагедии. А не потому, что Борис — «цареубийца». Ни у Карамзина, ни у Пушкина нет прямых доказательств вины Бориса в смерти царевича Дмитрия, как нет их и у историков до сих пор.

¹² Г.Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991, с.57.

Да, в трагедии Бориса мучает совесть. Но он говорит о «едином пятне» на совести (при этом слово «единое» произносит дважды), которое «случайно завелось» (4, 200). Ни один криминалист умышленное убийство, тем более наследника престола, не назовет «случайным». Можно предположить, что речь идет о *намерении убить* царевича, а после того, как царевич в самом деле «случайно» погиб, Борис как человек, отнюдь не лишенный совести, в гибели царевича увидел наказание за «помыслы лукавые».

Для Пушкина главная вина Бориса в том, что он, не имея никаких прав на русский престол, с а м присвоил себе эти права. С а м о з в а н е ц, по словам В. Даля, — это человек, принявший не только «чужое имя», но и «чужое звание».¹³ Потому-то, видимо, именно эти два важнейших мотива трагедии — мотив самозванства Бориса и не отделимый от него мотив Смуты — сразу же и обозначены в трагедии, едва начинается ее действие — уже в первой ее сцене «Кремлевские палаты», представляющей собою своего рода *п р о л о г*: «Какая честь для нас, для всей Руси! / Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, / зять палача и сам в душе палач, / Возьмет венец и бармы Мономаха...» — возмущается Шуйский. Его возмущение подхватывает Воротынский: «Ведь Шуйский, Воротынский... / Легко сказать, природные князья». Шуйский уточняет: «Природные и Рюриковой крови» (4, 186), подкидывая своему собеседнику мысль, которую тот простодушно тут же и проговорит: «А слушай, князь, ведь мы б имели право / Наследовать Феодору». Хитрый Шуйский, как бы в ответ, предлагает: «Давай народ искусно волновать, / Пускай они оставят Годунова, / Своих князей у них довольно, пусть / Себе в цари любого изберут (4, 186-187). Перед Борисом не только Шуйский и Воротынский имели больше прав на русский престол, но даже Отрепьев — он ведь тоже (Пушкин не забудет сообщить об этом) «из рода Отрепьевых, галицких б о я р с к и х детей» (4, 187).

Так вырисовывается роковая роль именно самозванства Бориса — он выступает в роли искуителя не только своих подданных, но и русской истории. Феономен Самозванства породит сразу же череду Лжедмитриев и страшным эхом отзовется в Пугачевском восстании, явив фантом Петра III. Не случайно Пушкин вновь обратится к этой проблеме и в «Истории Пугачевского бунта», и в последней своей повести «Капитанская дочка». Пушкин сумел понять, какой взрывной силой (именно в России, где «мы все глядим в Наполеоны») обладал заряд, подложенный Борисом под русский престол. Власть, которую русские цари через «таинство миропомазания» получали от Бога, потеряла свою святость. «Венец и бармы Мономаха» мог легко присвоить теперь «вчерашний раб». Может быть, поэтому Пушкин вначале и назвал «Бориса Годунова» — «Комедией о н а с т о я щ е й б е д е Московскому государству...» (в письме П. Вяземскому, 13 июля 1825 г.).

Конечно, Пушкин не снимает вины и с тех, кто окружает Бориса. Воротынский прямо говорит: «Да трудно нам тягаться с Годуновым: / Народ отвык в нас видеть древню отрасль / Воинственных властителей своих.../

¹³ В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. М., 1991, т. 4, с. 133

А он умел и страхом, и любовью, / И славою народ очаровать». (4, 187). Даже завистливый Шуйский признает: «Он смел...»

Шуйский скромничает — смелости и ему не занимать. Вспомним пушкинскую его характеристику: «смесь смелости, изворотливости и силы». «Очень талантливы» и Гаврила Пушкин, и Басманов. Однако все они «не ведают, что творят», и в результате их талант и энергия направляются не на благо отечества, а во вред ему. Каждый вносит свою лепту в «хаос и распад» русской империи.

Перед смертью Борису открывается *свет истины*. Прощаясь с сыном, он проговорится о главном: «Я подданным рожден, и умереть / Мне подданным во мраке надлежало; / Но я достиг верховной власти...» (4, 250). Однако, как и Григорий, он не воспользовался этой милостью Бога и отказался от покаяния — опять-таки во имя «благородной цели»: «... мой сын, ты мне дороже / Душевного спасенья ... так и быть!» (4, 250).

«Упустив» «мгновение» истины, герои трагедии уподобляются ходящим во тьме. Им кажется, что они движутся прямо к намеченной цели, тогда как на самом деле давно уже уклонились от нее. Таков, как показывает Пушкин, трагический парадокс человеческой жизни — человек становится рабом того, чему он поклонился. Годунов полагает, что он управляет тронем, тогда как на деле трон давно уже управляет им. И перед смертью Борис думает лишь о том, как удержать трон даже после смерти, а тем самым, подобно царю Ироду, собственными руками приносит в жертву своему идолу и сына своего Феодора. Отрепьев ради вожденной власти жертвует и талантом, и любовью, и душой, а в конечном итоге и жизнью. Обуянные гордыней, почти все герои «Бориса Годунова», становятся ее рабами. И, как рабы, снимают с себя всякую ответственность за то, что происходит с ними и вокруг, возлагая ее на окружающих. Борис судит «народ»: «Живая власть для черни ненавистна, / Они любить умеют только мертвых...» (4, 199). Шуйский, Воротынский, Отрепьев — Бориса. Даже святые в этом мире выступают в роли *судей*. Когда Борис, по сути сломленный, обращается к юродивому с просьбой молиться за него, тот отказывает ему в этой милости со словами: «Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит» (4, 242). И это после того, как Борис простил ему дерзкую выходку и защитил от гнева боярского. И это, несмотря на то, что молитва к Богородице начинается словами: «О, пресвятая Дева! Заступница и покрове всех, к Тебе прибегающих!...»

«Истина... появляется, — поясняет М. Мамардашвили слова Христа о свете — только в виде молнии... Так вот... пока есть *свет* — работайте... Пространство истины может быть расширено только трудом, а само по себе оно — мгновение. И если упустил его... все будет хаос и распад... и мир уйдет в небытие. В том числе и в бесконечное повторение ада».¹⁴

Однако автор не позволяет «миру уйти в небытие» — он обрывает действие на самой высокой ноте: услышав от Мосальского, что «Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом», «народ в *ужасе* молчит»

¹⁴ М.Мамардашвили. Психологическая топология пути. М.Пруст. «В поисках утраченного времени». СПб., 1997, с.18. Курсив в цитате авторский.

(4, 259). В этом «молчании» «народа» многие видят проявление рабской покорности русского человека, что, думается, совершенно не соответствует ни замыслу автора, ни тексту трагедии, в которой *характер* «народа», как и все остальные характеры ее, *проживает свою драму*. Вначале — в эпизоде «Девичье Поле» — все действительно разъединены («Один», «Другой», «Третий») и равнодушны к тому, что происходит в государстве: «*Один* (тихо) / О чем там плачут? — / *Другой* / А как нам знать? *То ведают бояре*, / Не нам чета» (4, 189-190). Этой разъединенности и этому равнодушию Пушкин находит емкие образы — люди общаются, как глухие («О чем там плачут?» — «Что там еще?» — «Да кто их разберет?») и как бесчувственные («Все плачут, / Заплачем, брат и мы» — «Я силюсь, брат./ Да не могу..» — «Я также. Нет ли луку? / Потрем глаза»). Это равнодушие нивелирует людей, превращая их в толпу. Пушкин показал, как легко толпа поддается внушению, как легко ее заразить психически. На «Лобном месте» под влиянием своего рода «вождя», — «мужика на амвоне». Народ («*не сетя*, — Пушкин так и напишет, — *толпою*») с криками: «Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий! Да гибнет род Бориса Годунова!» (4, 257). И эта же «толпа», *прозревая*, вновь осознает себя «народом», который «молчит» «в ужасе» от содеянного. Финал трагедии зеркально противостоит ее началу. На Девичьем поле «толпа», ничего не слыша, не видя, не понимая, кричит: «.../ Борис наш царь! Да здравствует Борис!» (4, 190). В «Кремле» же, несмотря на возмущение Мосальского: «Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!», — «*народ безмолвствует*» (4, 259). «Безмолвие народа» — это протест против манипулирования им, это *покаяние* народа и начало пути к прозрению.

5.

«Его *искусному диагнозу* мы обязаны обозначением и распознаванием *болезни нашей*, и он же, он первый дал и утешение: ибо он же дал и великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к *правде народной* ...»
(Ф. Достоевский)

«Великую надежду» на это «обновление и воскресение» Достоевский увидел прежде всего в «величавом русском образе» Пимена.¹⁵ Роль этого образа в трагедии огромна. Но не потому, что Пимен идеальный герой, как это видится большинству исследователей. Отношение Пимена к Борису не свободно от обид. Когда-то он был близок к Ивану Грозному: он «видел двор и роскошь Иоанна», он «воевал под башнями Казани...» С приходом к

¹⁵ Ф.М.Достоевский. Цит. соч, с. 144.

власти Годунова, он, как и многие приближенные Грозного, оказался в немилости. А может быть, и сам не захотел стать слугою «вчерашнего раба».

К чести Пимена, он, не в пример «лукавому царедворцу» Шуйскому, выбирает тем не менее не путь интриг, но путь иночества. Он удаляется в монастырь, где долгие годы «смиряет себя молитвой и постом». Однако и в монастыре ему не удастся до конца справиться со своими обидами. Иначе трудно объяснить явную несправедливость старца по отношению к Борису: Грозному он прощает «свирепые казни», о Грозном он молит Бога, Борису же не прощает одного недоказанного убийства. Его рассказ о трагических событиях в Угличе, свидетелем которых он себя простодушно считает, полон противоречий. «Ох, помню! / Привел меня Бог видеть злое дело, — начинает Пимен. И тут же проговаривается: Вдруг слышу звон, ударили в набат, / Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я / Спешу туда же — там уже *весь город*» (4, 196). То есть *сам* Пимен никак не мог видеть убийство царевича, поскольку на месте преступления оказался лишь после того, как туда бежался «уже весь город». Пушкин позволяет Пимену засвидетельствовать лишь то, во что можно поверить, только обладая наивностью ребенка: «И в ужасе *под топором* злодеи / *Покаялись* — и назвали Бориса» (4, 197). Цена признаний «под топором» была достаточно хорошо известна читателям Пушкина, еще не утратившим еще живой памяти об ужасах недавнего XVIII века, не говоря уж о более долгой, уходящей вглубь веков исторической памяти, только что обновленной Карамзиным. Недаром умный Отрепьев мгновенно оценит «свидетельство» Пимена как «донос ужасный». Конечно, «труд усердный» Пимена — это совсем не «донос». Но — и не достоверная летопись. Это, скорее, невольное летописное мифотворчество, хотя и исполненное благородных чувств, которые основаны исключительно на наивной вере в правдивость показаний «под топором».

Но, с другой стороны, рассказ Пимена — это и не какое-то злостное лжесвидетельство, а лишь в худшем случае — всего лишь простодушный самообман, да еще исполненный благородного негодования в отношении того, веря в реальность чего, действительно нельзя не вознегодовать. И потому, видимо, Пушкин и не акцентирует в дальнейшем своего внимания на свидетельской неточности Пимена. То есть как бы «прощает» Пимену его наивность. И это понятно: ведь куда важнее в данном случае *тот путь смирения и покаяния*, которым идет герой и который приводит Пимена, в конце концов, не только к осуждению Бориса, но и к признанию вины собственной — как и всего народа — в том, что произошло: «Прогневали мы Бога, согрешили...» (4, 196).

Правда, повторим, Пимен видит эту свою — и народа — вину именно и только в том, что «владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли». Тогда как реальный исторический грех Годунова, если исходить из осторожного глубинного допущения Пушкина, положенного им в основание трагедии, состоял, вполне может быть, лишь в его самозванстве. Или, вернее сказать, *уже в его самозванстве*. Потому что оно уже и само по себе обернулось для России такими страшными бедами, что нельзя не признать огромную историческую вину за всеми, кто, как сказали бы мы сегодня, принял участие в его *легализации*. А приняли в нем участие все — и «святейший патриарх»,

«а с ним синклит», «бояре», «да сонм дворян», «и весь народ московский православный» (4, 188).

Но если Пимен, как и весь народ, еще не в состоянии посмотреть этой правде в глаза, чтобы признать здесь за собой великий свой грех перед Россией, это вовсе не означает, что осознание Пименом своей — и народа — вины в том, что они нарекли владыкою цареубийцу, — осознание ложное. Даже если убийства Дмитрия Борисом и не было. Все равно вина — и огромная — остается за всеми, кто *веря* в такое убийство, все-таки признал цареубийцу своим царем. Поэтому для Пушкина, оставляющего пространство для сомнений в достоверности свидетельств об убиении Борисом Дмитрия, так важно тем не менее именно *покаяние* Пимена в этом грехе, тоже вполне реальном. Как и начало прозрения и покаяния народа в финальной сцене, где он, потрясенный, «безмолствует». Безмолствует в ужасе не только перед тем, что сотворили бояре, но и он сам.

«Начало... всего лучшего в этом мире, — писал Владимир Соловьев, — возникает из темной для нас области неосознаваемых процессов и отношений; там зачаток и корни дерева жизни, но возрастить его мы должны собственным сознательным действием... необходима деятельная вера, нравственный подвиг и труд...»¹⁶

«Деятельная вера, нравственный подвиг и труд» — именно таков путь Пимена, и именно это для Пушкина важнее всего.

Отметим и еще один важный момент, связанный с образом Пимена. Совету Григорию «смирить себя молитвой и постом», сам Пимен «смирят себя» не только «молитвой и постом», но — и это для Пушкина тоже очень важно — также и «трудом усердным». Этот «труд» тоже спасает его от мучающих его и «доньне» снов, «не тихих и не безгрешных». Недаром он пишет по ночам. И именно в процессе этого упорного труда творчества Пимен освобождается от личных обид и приходит к пониманию собственной в и н ы.

Есть в трагедии и еще один «величавый русский образ». Он не столь заметен, но столь же, думается, «важен» и «для нас», и для Пушкина. Это образ «простого пастуха» из притчи, рассказанной патриархом в сцене «Царская дума». В ней дан *п у т ь* человека, утратившего понимание («ослепшего»), к обретению его («глаза мои прозрели»). Это путь, необычайно важный в духовной жизни России, — путь старчества: патриарх так и называет пастуха — «маститый старец». Вехи этого пути и обозначены В. Соловьевым. Чудо прозрения в притче дается как благодать покаяния. Пастух рассказывает: «Вот Углича достиг я, прихожу / В святой собор, и слушаю обедню, / И, разгорясь душой усердной, плачу / Так сладостно, как будто *слепота* / Из глаз моих *слезами вытекала*» (4, 236). В очищенной слезами покаяния душе уже не остается места обиде, зависти и мести — в ней торжествует кротость и любовь: «...и только перед гробом / *Я тихую молитву сотворил*, / Глаза мои *прозрели*; я *увидел* / И Божий свет, и внука, и могилку» (4, 236).

Гордыня приводит героев Пушкина на путь, где «все глядят в Наполеоны» и где «все хаос и распад». Но есть путь и другой, где гордость пре-

¹⁶ В.Соловьев. «Смысл любви». См. в его книге: Соч. в 2-х тт., т.2, М., 1990, с.516-517.

одолеваются смирением и преобразуется в энергию творчества, устремленного к свету.

Подводя итоги сказанному, хочется еще раз подчеркнуть — трагедия «Борис Годунов» не о «планетарных злодеях» и «антихристах». Нет, трагедия обращена к человеку — к каждому из нас, ибо от выбора, сделанного нами «сегодня», зависит «завтра» не только наше, но и нашего отечества. Возможно, именно поэтому в заглавие трагедии Пушкин и выносит лишь имя и фамилию героя, убирая все его титулы. Не то важно ему, что его герой *ц а р ь, а то, что он ч е л о в е к* (он «подданным рожден»). Пушкин, по мысли Достоевского, подсказал «русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость... Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен, как никогда...».¹⁷

Так на вопрос, поставленный самим Пушкиным в «Бесах» — «Сбились мы. / Что делать нам!» — поэт сам и ответил: и своим творчеством, и своей жизнью. Это и дало основание Достоевскому утверждать, что «в появлении» Пушкина «заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое».¹⁸

---

¹⁷ Ф.М. Достоевский. Цит. соч., с.139.

¹⁸ Там же, с.136.

Александр ЗОРИН

МЕЖДУ ДАРОМ И ДОЛГОМ
Перечитывая «Доктора Живаго»

Они ехали в быстрых извозчицких санках по заснеженной Москве на елку к Свентицким. За белыми обледелеными окнами мелькали тени и зажженные свечи, кружились ряженые. А навстречу попадались «бородатые морды лошадей и собак в ледяных сосульках». Юра и Тоня — юные, счастливые, запахнутые в медвежью полость, — среди пушистых сугробов. Русский лубок, святочная картинка.

Проезжая по Камергерскому переулку, «Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросе одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало».

Этот глазок, это зоркое око пронизет все пласты повествования о жизни доктора Живаго вплоть до последней минуты, когда его, бездыханного, вынесут из той комнаты. Из той, где сейчас колеблется язычок пламени. Под ледяной коростой оно будет ждать именно его. И дождется... Оно было частью его существа, знаком колеблющейся совести. Увиденное снаружи, оно оказалось входом и выходом из лабиринта переплетенных судеб и обстоятельств.

В эту ночь умрет мать Тони, отчаянным выстрелом заявит о себе та, что войдет в жизнь Живаго, как «образ входит в образ», и станет его двойником, частью его характера и интеллекта.

Санки выехали на Тверскую, миновали Страстной монастырь и памятник Пушкину, а свечечка не гасла и вдруг замигала строчкой будущего стихотворения «Свеча горела на столе, свеча горела»... Строчка запала в него, как семечко, и годы спустя появилась на свет естественным продолжением, тоже в зимнюю ночь, но окруженную не рождественским ореолом, а таежным оцепенением и волчьим воем.

* * *

Юрий Андреевич родился поэтом, но причастность к искусству призванием не считал, «...находил, что в практической жизни надо заниматься чем-

---

**Александр
ЗОРИН**

— родился в 1941 году в Москве. Окончил геологический техникум и Литературный институт имени Горького. Член Союза писателей с 1978 года. Автор поэтических сборников «Яблоневый день», «Каменный листопад», «Вверх по водопаду», «Гнездо» и книги воспоминаний о священнике Александре Мене «Ангел-чернорабочий». Печатался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Юность». Живет в Москве.

то общепольным» — «...и пошел по медицине». Эти соображения навеяны толстовским влиянием, его крайними взглядами на искусство, как на занятие бесплодное и никому не нужное. К тому же Пастернак хотел «раскрепостить» своего героя от подневольного писательского заработка, зная по опыту, что прожить им невозможно. И тем самым увеличить степень его творческой свободы.

Но свобода, как оказалось, не зависит от профессиональной занятости.

Русская интеллигенция считала себя в неоплатном долгу перед народом. Врачебная помощь в этом смысле не могла равняться с изящной словесностью. По мнению молодого человека, дар, который он имел от рождения, в служение народу не годился. С этой точки и начинается путь художника-любителя, вынужденного делить себя между даром и долгом.

Митрополит Филарет Дроздов (1782-1867) — при нем был завершен и напечатан полный перевод Библии на русский язык — в идеях народничества видел поклонение кумиру, ублажить которого не хватит никаких жертв.

Мы не знаем, что писал Юрий Живаго в молодости, знаем только, что «очень хорошо писал». Друзья издали его первую книгу, критика обещала автору великое будущее. Судя по всему, это была поэзия раннего Пастернака. Как пишет его биограф, его сын: «Сквозь героя просвечивает автор». Два качества отличали эту поэзию: энергия и трудно постижимая оригинальность. Одна из его почитательниц, Шура Шлейзингер, призналась: «Читала. Ничего не понимаю, но гениально. Это сразу видно».

Непонятная, бросающаяся в глаза, гениальность. В нем искало выхода предчувствие чего-то значительного и прекрасного, выходящего за пределы литературы, и, как в центрифуге, несло потоком сознания, громоздя каскады метафор и ассоциаций. Доктор сам тяготился малодоступностью своих возможностей и не понуждал себя к творчеству, надеясь, что, если оно не иссякнет, то обретет новый язык. Не зря же Пастернак быстро порвал с ЛЕФом — объединением литераторов узкого профессионального направления.

Выход искала заложенная в нем правда, которую его сподвижники понимали весьма ограниченно. «Искусство гораздо серьезней и требует совсем других человеческих качеств, чем думали Маяковский и Асеев», — сказал он однажды Варламу Шаламову.

И выход нашелся, когда доктор понял дьявольски разрушительную мощь революции. Не случайно же автор дал ему фамилию Живаго, имеющую евангельские корни. «Ты Христос, Сын Бога Живаго» (Ин.6:69) — так апостол Петр исповедует свою веру. Но, к несчастью, Юрий Живаго не смог воспользоваться спасительным выходом.

Он сдерживает в себе поэта еще и потому, что эпоха, навязывая демократические вкусы, врезает его элитарным, — оболванивала всех подряд. Сам воздух был отравлен демагогией. Блок в статье «О назначении поэта» (1921 год) писал, что Пушкина убила не пуля Дантеса, а отсутствие воздуха. В бездушном вакууме задохнулся и Блок.

Поэту, не пишущему стихов, остается лишь грезить о творчестве. Оно прорывается в бессознательном состоянии, когда доктора сваливает болезнь, и в бреду, в тифозном беспамятстве ему кажется, что он сочиняет то, «что

всегда хотел и должен был написать». Верность призванию не менее спасительна, чем верность общественному служению.

Доктор сочиняет от случая к случаю, что умаляет в нем поэта и ускорит угасание личности. Правда, он ведет дневник. Тоже нерегулярно. Тайник его сокровенных мыслей, в том числе и об искусстве: «Присутствие искусства на страницах «Преступления и наказания» потрясает больше, чем преступление Раскольникова».

То же можно сказать и о романе «Доктор Живаго», произведении поэтического склада. Роман существует как органическое целое, как «живое существо». Его чувствительные органы — альвеолы и бронхи — «продышаны» лирикой.

Лирическое дыхание удерживает события и характеры в напряжении, без которого они распались бы. Иные фразы, как строфы, озвучены аккордами аллитераций. Видимый мир запечатлен бездной меняющихся ощущений. Пейзажи сравнимы с шедеврами мировой живописи. Особенно зимние. Снег, лед, холод — подавляющие состояния природы, они сопутствуют доктору на всех путях.

Россия во льду. Любовь, семья, талант — все подо льдом, — бессильно и тщетно отогреваемые измученным сердцем.

Когда же, наконец, Юрию Андреевичу выпадает счастье недолгого уединения, он садится за работу, он обретает себя. Он записывает стихи, которые складывал в памяти, не заноса на бумагу. В эти дни он мог сказать о себе так, как Пастернак в одном из писем: «Все-таки старейшая моя страсть — искусство (или то, что мне кажется искусством), оно управляет мною и обстоятельствами моей жизни так же недвусмысленно твердо и с такой же ясностью, как людьми владели когда-то религиозные убеждения. Эта ясность линии и цели все мне облегчает, я ко всему наперед готов и за все судьбе и небу скажу спасибо».

Религиозные убеждения — архаика, не обязательная и даже излишняя для художника. Их вытеснили безличные символы: небо, судьба.

* * *

Пастернак ввел «религиозную символику» в роман, как элемент конструкции, как некую утепляющую емкость. Это была якобы техническая необходимость, определенная заранее инженером-конструктором. В беседе с Ольгой Карлайл он говорит об этом трезво, чуть иронично: «...я использовал религиозную символику — придать теплоту книге. И вот теперь некоторые критики настолько погрузились в эти символы — которые введены в книгу, как печка в доме ставится, чтобы теплее было, — что хотели бы, чтобы я сам полез в печку... Нельзя рассматривать роман в теологической плоскости. Ничто не может быть дальше от моего миропонимания». То есть теологическая плоскость — это поверхность, оставаться на которой всю жизнь невозможно. Это раньше религиозные убеждения безраздельно владели людьми. Жизнь меняется и человек соответственно «должен менять точки зрения... по меньшей мере раз в десять лет».

Но затопленная печь, утепляя помещение, создает атмосферу... Пастернак так и пишет сестре: «Атмосфера вещи — мое христианство». Личное,

регламентированное, не бесспорное, но — состояние атмосферы. А атмосфера не деталь конструкции. Так что же все-таки: атмосфера или символика?

Конструктивность религиозной темы, ее привнесенность — заметна. Вначале ее устанавливает Николай Николаевич Веденяпин, Юрин дядя, бывший священник, который прославил себя в эмиграции на философском поприще. Его речь оснащена техницизмами: «математическая бесконечность», «электромагнитные волны», «духовное оборудование», «живая энергия». Он жаждал нового. Он убежден, что в работу по преодолению смерти впряжены наука и искусство: «Для этого пишут симфонии...» Бывший священник отводит искусству вспомогательную роль. Поборник нового в христианстве, он забыл, что смерть уже преодолена Галилейским плотником и верой в Него.

Философские прожекты своего дяди раскрывает повзрослевший племянник, без пяти минут врач. Модель воскресения мертвых, изложенная в Евангелии, по его мнению, груба и малоуточительна. Для воскресших не хватит не только Земли, но и Вселенной. Доктор, узко понимая «Философию общего дела» Николая Федорова, не берет во внимание метафизическую сторону воскресения. Федоров ответил бы ему словами Иисуса (Ин.14:2): «В доме Отца Моего обителей много».

У доктора свое представление о воскресении. «...Вы уже воскресли, когда родились», — утверждает он, что расходится с христианским пониманием жизни будущего века. И продолжает: «Человек в других людях — это и есть душа человека». От этой прагматической трансформации один шаг до заполнения душ «в пароходы, строчки и другие добрые дела». Кстати, доктор в ту пору высоко ставит пророческий, как ему казалось, дар Маяковского.

Юрий Живаго, рано осиротевший, рос впечатлительным мальчиком. Чувство родства с природой вошло в него с детства. Земля, небо, лампадки, бабушка, боженька — все помещалось в детском воображении. Город казался ему дремучим лесом: «...всей своей полузвериной верой Юра верил в Бога этого леса, как в лесничего». Эта детская вера осталась в нем на всю жизнь. Когда, возвращаясь в Москву к своему последнему пристанищу, он увидит поля, кишашие мышами, подумает, что поля — это «насмешливая улыбка дьявола», а Бог обитает в лесу.

Сказочная религиозность побудила его принять революцию, как ее принял Блок, — то есть шагающую державным шагом за Иисусом Христом. Блок для многих сверстников Живаго был путеводной звездой. Юра считал его явлением «Рождества во всех областях русской жизни». Рождество тоже входило в круг сказочных мистерий.

Он восхитился свободой, свалившейся с неба. «Свободой» — порождением его мифотворчества: «Сдвинулась Русь-матушка... Сошлись и собеседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания». В сказочном колорите ему видится революционная «небывальщина» и «богатрство», в которых он находит «что-то евангельское». Ему кажется, что «с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая». Ему хочется верить, что преображение коснулось каждого. Это сказочно-романтическое видение он излагает в порыве начинающей-ся влюбленности, рядом с женщиной, которой очарован. Революцией он тоже

очарован. У ее образованных приверженцев было в порядке вещей переживать «что-то евангельское» и объяснять преображение не действием Фаворского света, а кровавым отблеском революционных знамен.

Происходящее он принимает априори: «Мелко копаться в причинах циклопических событий. Они их не имеют... Все же истинно великое изначально, как Вселенная». Николай Бердяев по поводу причин высказал другое мнение и подробно проследил их в исторической перспективе: «Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер». Безначальная Вселенная — плод псевдонаучных воззрений, которыми заразился молодой врач.

До социальных свобод Россия еще не выросла. (Это очевидно и сегодня, сто лет спустя.) Об этом прямо говорит кучер Павел: «С нашим братом нешто возможно? Мужу давай волю, так ведь у нас друг дружку передают, истинный Господь». Ни народ, ни интеллигенция того круга, к которому принадлежал Юрий Живаго, не соединяли свободу с верностью Христу.

Доктор был слабохарактерным человеком, с истерзанной совестью. Постоянная раздвоенность угнетала его. «Страшная, ранящая боль примешивалась к его безумной радости». Высшие силы земли и неба, с которыми он чувствовал природное родство, не защищали его от стихийных влечений — внешних и внутренних. Он ведь был поэтом, стихийное начало свойственно поэтической натуре.

В революции доктор скоро разочаруется. То, что казалось ему «великолепной хирургией», обернулось «кровавой колошматиной и человекоубойной» и оставило в нем незаживающие раны. Это была «болезнь века. Революционное помешательство России». Эта болезнь не укрепила его духа. Это была болезнь к смерти. Не предугадал ли Пастернак летальным исходом своего героя судьбу России? Ведь Юрий Андреевич — ее болезненный образ, ее сын.

Однажды он признался, что не любит «людей, безразличных к истине». Но сам вряд ли бы ответил на вопрос: что есть истина? Он потерял политическую ориентацию, он чувствовал себя пигмеем перед чудовищной машиной будущего и одновременно мечтал принести себя ему в жертву, он постоянно был в плену собственных противоречий и вследствие этого в плену обстоятельств. Личность незаурядная, он не сразу подчинялся им. Они обтекали его, как воды Стикса тающий островок, все более и более стачивая берега. Его видимая независимость оборачивалась кабалой. Он думает, преступив таинство брака, что «он никого не выбирал, не сравнивал», что это случилось помимо его воли. Действительно, — помимо воли, которой у него не было. А были «талант и ум, как бы занявшие» ее место. И потому объектом выбора оказывался он. Выбирали его — поэта и мученика. «Он изнемогал под тяжестью нечистой совести», не имея силы противиться, да и не зная толком, противиться во имя чего?.. Совесть — ненадежная опора для колеблющегося сознания. Порою Пастернак вкладывает в его уста слова покаянных молитв — «Вскую отринул мя еси от лица Твоего...» Сердечное покаяние, не претворенное в поступке, равносильно безумию. Проповедь дяди, кумира его детства, ратующего за верность Христу, оказалась бесплодной. Он, как и прочие, тоже быстро обольшевился.

Верно замечено, что «Доктор Живаго» — «роман одного героя и одного мышления» (И. Муравьева). Мысли доктора Пастернак сплошь и рядом передоверяет другим персонажам. В первую очередь Ларе. Она говорит о неправде, пришедшей на Русскую землю: «Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. Вообразили, что время, когда следовали внушениям нравственного чутья, миновало...»

Но зыбко и обманчиво мнение, полагающееся на чутье. Чутье — природное свойство животного мира, не знающего нравственного закона. Закон послан людям свыше, как сверхприродная данность, призванная воспитывать нравственное чутье. Чтобы совесть выверялась по Закону, как судходный путь по фарватеру. А в России, изобилующей чутьем, любой закон понимался произвольно, что отложилось в пословице: закон — дышло... Потому и пришла неправда на Русскую землю, что не было веры в непреложность Закона Божия. За тысячу лет ее так и не привили христолюбцы разного толка.

Одна из них — Симушка Тунцова. Ее «длинные умные рассуждения» суть не что иное, как мысли самого доктора. Их «взгляды поразительно сходны». Она высказывает нечто новое о зачатии Богородицы. Якобы «девушка рождает... по вдохновению». Не ангельская весть заронила в Марию семя Всевышнего, не дочь Сиона, олицетворяющая народ Божий, стала избранницей Господа; не Ее вера, имеющая корни в ветхозаветных пророчествах, определила ее избранничество, а вдохновение — результат душевного подъема. То есть состояние внутреннее и, по слову Симушки, «частное человеческое обстоятельство», которое вовсе, однако, не частное, если с Нее начинается новое человечество. Если Бог на протяжении многих веков готовил в лоне Своего народа чистое сердце, способное принять Его весть.

Симушка высказывает обмирщенный романтический взгляд на тайну Боговоплощения. Свое мнение она ценит высоко, выше установленного догмата. Дева Мария рождает по вдохновению, как поэт создает свое творение, свой мир, своего — Вертера, Дона Жуана, своего Доктора Живаго.

В ее обстоятельном монологе, похожем на доклад с кафедры, особого внимания удостоиваются не собственно евангельские, а богослужебные тексты — тропари, стихиры. Цитируя их по-церковнославянски, упиваясь вязью и благозвучием архаической лексики, Симушка не придает значения тому, что это тексты не Священного Писания, а интерпретация его. И делает смелый вывод о тождестве тварного и Божественного начала. Речь о Марии Магдалине, о ее близости к Христу. «Какая короткость, какое равенство Бога и жизни, Бога и личности, Бога и женщины!»

Молчит Юрий Андреевич, заслушавшись Симушкиных сказок...

Но Бог и творение — несоизмеримы. Тварь бесконечно отличается от Творца, хотя Его энергии и пронизывают мир. Обоожествление человеческой природы есть род идолопоклонства. Во многих богослужебных текстах, включая акафисты и кондаки, мы видим различие тварного и Божественного начала. Христианин не может об этом забывать, потому что борьбу их чувствует в себе непрерывно.

Только Один Человек мог о Себе сказать, что Он есть жизнь, — Христос. Только в Нем жизнь явлена в абсолютной красоте и совершенстве. По-

этому равенство Бога и жизни, Бога и личности, Бога и женщины — звучит, по меньшей мере, пантеистическим заблуждением в устах «феноменально образованного человека», каким считают Симушку.

Кающейся Магдалины нет в Евангелиях. Есть в литературе, в живописи — в мировой культуре, включая церковную. Она почитается даже, как равноапостольная, в обеих традициях — в западной и восточной. Образ кающейся грешницы притягателен для поэтического воображения. И понятно, почему он присутствует в церковных песнопениях, сочиненных поэтами.

Юрий Андреевич тоже написал стихи о Магдалине, шедевр в своем роде. И мы не шокированы вольностью поэта, отступившего от евангельской правды. Но Симушка посягает на догматическое обоснование.

Странно и то, что ее речи о духовных материях приправлены большевистским душком: «В отношении забот о трудящихся, охраны матери, борьбы с властью наживы наше революционное время — небывалое, незабвенное время с надолго, навсегда остающимися приобретениями». После такого пассажа ее красноречивое богоискательство настораживает...

А вот еще в тон Симушкиным медитациям мнение самого доктора: «Мне всегда казалось, что каждое зачатие непорочно, что в этом догмате, касающемся Богоматери, выражена общая идея материнства».

Дети рождаются и у закоренелых преступников, наследуя их пороки. Зачатие — физиологический акт. А непорочное — явилось следствием жизни многих поколений предков Девы Марии, включая Ее родителей Иоакима и Анну. Не хочу заподозрить Юрия Андреевича в предвзятости, но в рассудочном объяснении догмата о непорочном зачатии скрыта, быть может подсознательно, попытка оправдания личной судьбы... Ведь Юрий Андреевич родил пятерых детей от трех женщин.

Подобные «свидетельства» Симушки, Лары, доктора проистекают из области умозрительного христианства. На атмосферу романа они оказывают искусственное воздействие.

Положение доктора предопределено. Драма жизни, вызванная условиями существования, неотвратима и преодолена быть не может. В ней, как в греческой трагедии, побеждает роковое стечение обстоятельств.

* * *

В ряду чудесных встреч и событий фигура Евграфа, сводного брата Юрия Андреевича, представляется исключительной. Всякий раз он возникает внезапно, как с неба падает, — спасая в безвыходных ситуациях, — и потом как сквозь землю проваливается. Прямо как тот персонаж из табакерки, хотя доктор воспринимает его в роли доброго гения.

Уже первое его анонимное появление ознаменовано добрым знаком. Доктор, после встречи с ним, разжигается большущей лесиной, что было очень кстати, т. к. «в доме кончились дрова». Однажды снабжает продуктами... Однажды возникает в Сибири, охраняя подозрительное семейство Живаго от неминуемых репрессий. И еще, и еще, вплоть до последних дней Юрия Андреевича, создав ему условия, в которых брат будто ожил и снова начал писать... Наконец, участвует в судьбе его несчастной дочери.

Кто же этот человек — загадочный, скрытный, таинственно-всесильный, имеющий влияние аж за границей?.. Для Живаго — он избавитель, разрешающий все затруднения. «Может быть, — пишет Юрий Андреевич в дневнике, — состав каждой биографии наряду со встречающимися в ней действующими лицами требует еще и участия тайной неведомой силы, лица почти символического, являющегося на помощь без зова, и роль этой благодетельной и скрытой пружины играет в моей жизни брат Евграф?» Пружина срабатывает, как в сказке, сама по себе.

У доброго гения «какой-то роман с властями», — замечает наблюдательная Тоня Живаго, не озабоченная моральной стороной романа. На каких условиях строились брачные союзы с новой властью, знали многие, но молчали или смотрели сквозь пальцы, получая от нее кое-какие поправки. Так вела себя интеллигенция, поверившая в революцию, сотрудничавшая с большевиками. И доктор, и отец Тони — сотрудничали, за что однажды в спецраспределителе отоварились приличным продуктовым пайком. Разумеется, они служили не за продукты. Но «брачные союзы», дающие материальные привилегии, совершались не на небесах. Евграф, княжеский отпрыск, не только избежал гибели в государстве, истребившем аристократическое сословие, но достиг высокого положения, стал генералом.

Он избегает объяснений, отшучивается от прямых вопросов. Все это, казалось бы, должно бросать тень на его могущество. Но — могущество необъяснимо. И никакой тени там нет. Этот человек не отбрасывает тени, потому что он функция, фантом, олицетворяющий идею. А идея не просто благородна, но — сказочна. Ее чудеса фольклорного происхождения, к ним привыкаешь. Безотказное чудо в генеральских погонах.

Знаменательно, что добрый гений, упав с облаков, не воздействует положительно на характер своего подопечного. Юрий Андреевич автоматически принимает благодеяния в силу поощряемого братом иждивенчества. Их отношения односторонние и даже потусторонние, когда больной доктор общается с ним в забытии. Сказочная неведомая сила слабее обстоятельств, и доктора она в конце концов не спасает.

Не случайно — добрый гений, а не ангел-хранитель. Ангел — посланник Бога — откликается на призыв, на упование, на веру. А здесь нет призыва, есть механизм — произвольно действующая пружина.

* * *

«Доктор Живаго» одна из любимых книг моей молодости. Доктор и Лара были для меня неизмеримо большим, чем литературные герои. И я боюсь показаться бестактным, возражая Юрию Андреевичу, с которым знаком без малого сорок лет — с тех пор, как он стал известен читающей России. Весть о Евангельском Откровении дошла до меня от него и от Михаила Афанасьевича Булгакова. Позже, правда, обнаружилось, что откровение — не Евангельское, а весьма и весьма авторизованное... Но красоты и величия обоих произведений это открытие во мне не поколебало. Доктор Живаго так и остался для меня драгоценным человеком во всей своей трагической неразрешимости. Всякий раз перечитывая роман, хотелось в крайних обстоятельствах чуть ли не броситься к нему на помощь... Он говорит, что спустил злодея

Комаровского с лестницы (не фигуральное ли это выражение в устах нерешительного человека?..). А мне в тот момент и позже, когда Комаровский умыкнул Лару из Варыкино, хотелось пришибить этого борова поленом.

Бесславно и неслучайно погибший Юрий Андреевич дорог мне и как поэт. Ведь он не раскрылся полностью и, можно сказать, закопал свой талант в землю. Поучительный пример...

Рассуждая о вдохновителях революции, об их «вечных приготовлениях», он обобщает: «Человек рождается жить, а не готовиться к жизни». И он прав, если изъять из понятия «жизнь» теологический аспект, если ограничить ее текущим моментом. Но в основе «вечных приготовлений» лежат духовные причины. Революцию вызвал религиозный кризис — самая запущенная болезнь в России. Ее вдохновители уверовали в рай на земле, за него и дрались, и толкли воду в ступе. Но доктор, судя по евангельским мотивам в его творчестве и по заученным молитвам, изредка повторяемым, задумывался о жизни после жизни... К ней-то и следует готовиться. Жить на земле и готовиться к жизни вечной — это неразрывный путь, единое существование. Вечная жизнь — или, на языке евангелистов, Царствие Божие — это и проекция, и возможное присутствие его здесь и теперь.

«Переделка жизни», вздымающая «планов громадье», не на шутку пугала доктора. Переделка — это как перестановка мебели в жалких коммунальных. Поменяли местами стол с диваном, и кажется, что переехали на новую жилплощадь. Доктор не замечал комической стороны социальных переустройств.

Полне серьезно он развивает философию жизни перед бесчувственным субъектом. Впечатление такое, что он говорит с самим собой. Красный командир, обнюхавшийся кокаином, мало что понимает в его речениях. А доктор излагает чуть ли не свое кредо: «Материалом, веществом жизнь никогда не бывает. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий».

«Сама»... То ли это эвфемизм, подразумевающий сверхжизненное начало, то ли невидимый перпетуум мобиле — гигантская бетономешалка, которая сама себя построила и запустила. Что-то вроде безначальной Вселенной...

А вот еще, но уже в духе Альберта Швейцера, благоговение перед жизнью: «О, как сладко существовать! Как сладко жить на свете и любить жизнь! О, как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию, сказать это им самим в лицо!»

Иногда слышишь на похоронах — «он любил людей, любил жизнь...» Эти общие выражения можно продолжать до бесконечности: любил детей, любил природу, любил музыку и так далее. Остановить бы говорящего и спросить: каких людей, какую музыку, какую жизнь? Наверняка были люди, которых он терпеть не мог, а от иной «музыки» хотелось заткнуть уши...

Слово «жизнь» — одно из самых частых и многозначных в пастернаковском словаре. (Как и «слезы». У его чувствительной поэзии, не в обиду будь сказано, глаза на мокром месте. В них стоят и ниспадают ниагары слез.) Можно говорить о философии жизни как о системе взглядов, обосновывающих мировоззрение поэта. «Се ля ви» — «такова жизнь», — гласит фран-

цузская пословица, оправдывая любое проявление жизни — возвышенное и низменное.

Австрийский философ считал, что нашел примирение с жизнью в благоговении перед ней. Отец Александр Мень, разделявший оптимизм веры Швейцера, высказывался против тотального благоговения: «Да, человек окружен миром жизни; все живые существа и он сам хотят жить. Но почему этот факт должен вызывать благоговение? Почему не отнестись к жизни, как к своего рода болезни мироздания? Ведь именно так оценивает ее, например, буддизм. Если считать, что верховная реальность абсолютирует ее, сокрыта от нас, если Ее воля не дана нам в Откровении, ценность жизни и личности ничем не может быть доказана».

Живаговское поклонение жизни окрашено религиозным романтизмом, который сторонится христианской трезвости. Сам Пастернак отмежевался от романтизма, как будто чувствовал с ним нелегальную духовную общность.

Философия жизни — Лара пользуется этим выражением — размывает личностные ценности. Путает нравственные ориентиры. Юрий Андреевич оказывается в плену — сначала у своих смутных влечений, а потом у абсурдных обстоятельств. Ему отвратительно насилие, а он и сам его творит, вплоть до участия на стороне партизан, которых вовсе не считает своими союзниками. В просветленном отчаянии, вспоминая, как восхитился однажды размахом и мощью революционных событий, он подумает: «Неужели минутой слишком широкой отзывчивости он навеки закабалил себя?»

«Слишком широкая отзывчивость» принимает поток жизни, не различая в нем животворных и смертоносных течений. Не это ли имел в виду Достоевский, когда говорил, что русский человек слишком широк?..

В одном из писем Пастернак назвал Юрия Андреевича «духовным сыном чеховских интеллигентов». Но и Толстой оказал на него не меньшее влияние. О себе Пастернак прямо пишет: «...то новое, что принес Толстой в мир и чем шагнул вперед в истории христианства, стало и по сей день осталось основой моего существования, всей манерой моей жить и видеть» (1950 год). Доктор пребывал в том же состоянии. Рассеянной душевной жизни русского интеллигента начала века противостояла утилитарная религия Толстого. Узко понятое непротивление злу выбило, можно сказать, из сомневающегося человека остатки воли и тем самым подтолкнуло катастрофу семнадцатого года.

Пастернак в самом начале работы (1946 год) предполагал: «Атмосфера вещи — мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское и толстовское». Но роман, называвшийся тогда «Мальчики и девочки», разрастался и вышел за пределы первоначального замысла. И атмосфера помнялась, став частью «религиозной символики». Духовная разряженность ощутима, как утечка кислорода — Живаго задыхается и угасает по мере того, как угасают начатки его веры.

* * *

В 1959 году страсти вокруг Пастернака поутихли, зато обрели силу репрессии. Самая подлая — изъятие книг нобелевского лауреата из публичных библиотек.

В том году я поступил в Мытищинский индустриальный техникум на геологический факультет. Надо было куда-то поступать, чтобы не загреметь в армию. В Литературном институте я прошел творческий конкурс, но к экзаменам меня не допустили: требовался двухгодичный производственный стаж, а я только кончил школу.

В техникуме была библиотечка, куда я часто заглядывал. И однажды среди списанных книг, подлежащих уничтожению, в основном истрепанных учебников, я увидел две книжечки Пастернака. Библиотекарьша знала мои литературные наклонности.

— Их надо активировать, они в запрещенном списке... Возьми... Только никому ни слова. И в техникуме не читай.

Это были «Избранные стихи и поэмы» издания 1945 года и «Избранные переводы», год 1940. Стыдно признаться, до этого я не держал в руках ни одной книги Пастернака. Так что кроме любимого курса исторической геологии, в учебник которой я и сейчас заглядываю, техникум подарил мне бесценное сокровище.

Знаменательно, что из него я узнал впервые об Ироде и Вифлееме. За разъяснениями пришлось обратиться к «Брокгаузу и Ефрону», который стоял в открытом доступе Профсоюзной библиотеки, что помещалась в Доме Союзов на Пушкинской улице. Богатейшая была библиотека... Там я нашел всего довоенного Андрея Платонова. Куда-то она бесследно исчезла в конце брежневского царствования.

Нельзя сказать, что я пленился тогда поэзией запрещенного поэта. И о многих вещах, особенно ранних, мог бы повторить вслед за Шурой Шлейзингер — «непонятно, но гениально».

Море тронул ветерок с Марокко.

Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.

Плыли свечи. Черновик «Пророка»

Просыхал, и брезжил день на Ганге.

Земля, вращаясь, пядь за пядью, открывает свои теневые тайны: океан, сфинкса в пустыне, лист бумаги, испещренный пушкинской рукой, бирюзовую Индию, ледяной Архангельск. Все это явления природного порядка. Стихотворение распускается на глазах, как влажная лилия. Чарующая звукопись скрадывает оттенки смысла. Так мне тогда открылось, в первом прочтении. «Слепла соль»? «Плыли свечи»? Может быть, оплывали? А что значит: «Заплывали губы / Голубой улыбкою пустыни»?.. Почему голубой? На все это я, слава Богу, ответа не искал, а принял, как музыкальную пьесу, как властное фортиッシмо. Логика отступает перед взрывом ассоциаций, где звук оправдывает любое сближение смысла. «Черновик “Пророка”» я вспомнил потом и не согласился с его природным происхождением. Несомненно, «Пророка» продиктовало Пушкину Провидение... Да мы и не знаем, когда он его написал, когда закончил. В Михайловском, или в тарантасе по дороге в Москву, вызванный царем, или уже в Москве, в первый день, оповестив Толстого (Американца), своего давнего обидчика, о готовности стреляться.

В 1966 году вышел маленький томик Пастернака с предисловием К.И. Чуковского и с несколькими стихотворениями из романа, среди них «Август» — прощальная песнь, сведшая воедино автора и его героя.

Тогда же я обратил внимание на разнотечность многих стихотворений, перепечатанных в разных книгах. Пастернак переписывал стихи на протяжении жизни, особенно ранние, — доводил до приемлемого совершенства. И дело не в том, что менялся его вкус, менялась эпоха, навязывая свою эстетику, или давила цензура... Дело не в этом.

Он всю жизнь пробивался к *своей* прозе. Стихи ему казалось писать куда легче. Они были для него в некотором роде этюдами к большому полотну. Тетрадь стихов, приложенная к роману, это подтверждает.

То же самое он говорит о своем герое: «Юра еще с гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать. Но для такой книги он был еще слишком молод, и вот он отделялся вместо нее писанием стихов, как писал бы живописец всю жизнь этюды к большой задуманной картине».

Был такой живописец, писавший этюды к большой задуманной картине «Явление Христа (Бога Живаго. — А.З.) народу».

Роман так и сложился, как задумывал его Юрий Живаго, из множества гнезд — ласточкиных, лепящихся под широким замыслом свода. Я бы их сравнил еще со строфами большого стихотворения. Пастернак по-иному не мыслил. Фрагментарность — особенность поэтического мышления.

В поэме Цветаевой «Царь-Девница» он уловил ту же закономерность — наличие фабулы в разрывах: «Фабула ясна, дело в том, — обращается он к Цветаевой, — что вы даёте ее разъединенно, отдельными взрывами, в превращенности».

Вариантность лежит в основе импульсивного творчества Пастернака. Оно сверкает свежестью и новизной каждое мгновение, даже если мчится по старому руслу.

Варлам Шаламов, хорошо знавший поэзию Пастернака, считал, что у него нет канонических текстов. Можно спорить и сокрушаться по поводу измененных стихотворений. Но для автора все варианты — равноценны. Критик Ан. Тарасенков спросил его о книге «Поверх барьеров», заметив, что она, дважды вышедшая, разнится в вариантах. Какой бы вы сочли «наиболее достойным для своего будущего собрания сочинений? Борис Леонидович страшно заволновался, сказал, что очень трудно решить этот вопрос, что в конечном счете обе редакции имеют право на существование...» За этим вкусовым, казалось бы, критерием стоит мировоззренческая позиция, мотивы плюрализма.

Первое стихотворение в «Избранном» 45-го года «Февраль. Достать чернил и плакать!» имеет тоже две редакции. Не берусь судить, которая лучше. Стихотворение, как и книга, живой организм с единой системой кровообращения, частности от него неотделимы. Но мне, например, понравился и запомнился тот, что помещен в книжечке, подлежавшей сожжению. И я с ним не расстанусь, вошедшим в мою жизнь достопамятным событием.

Где, как обугленные груши,
На ветках тысячи грачей,
Неистовствуя, как кликуши,
Галдят торговки горячей.

Кругом проталины чернеют,
И город карканьем изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Почти полностью переписана одна строфа:

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

И далее:

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт.

Сокольники, где я тогда жил, походили на город, изображенный в этом стихотворении — изрытый карканьем, иссеченный черными мартовскими проталинами. Грачи нисколько не теряются в наплыве нескольких образов. Обугленные груши, орудия торговли, кликуши — это все одна kloкочущая стая, в недрах которой гнездится множество подобий. Как на картине художника Лентулова «Звон. Колоколья Ивана Великого», написанной в эти же годы. Множество пляшущих и кружащихся цветковых пятен создают впечатление благовеста — радостного колокольного звона.

И все же — город, изрытый карканьем (каркают и гудки автомобилей, и трамвайные дребезги, и человеческие голоса), мне дороже ветра, изрытого криками. Но картина, попавшая в поле зрения художника во второй раз, настолько субъективно другая, что сравнению не поддается.

Пастернак поэт не одного поколения. Каждому драгоценно то, что пережито в свое время, что связано с личным прочтением.

Он писал роман, постоянно озвучивая его в домашних аудиториях, у своих друзей. Более того, давал читать вещь незаконченную, посылал Ариадне Цветаевой, Шаламову — читателям взыскательным. Каждый фрагмент, как этюд к картине, имел свою ценность. Важна была не фабула, которую он мог прояснить перед чтением, а наличие искусства, волшебство поэзии, равноценной содержанию.

Так можно поэтическую книгу раскрыть наугад и читать в любом направлении, без ощутимого ущерба для впечатления.

* * *

Мысль о еврействе вплетена в ткань романа. И проиллюстрирована. Наличием дремучего антисемитизма у лавочницы Галузиной и жутковатой сценой на фронте, где казак издевается над старым евреем. Но главное не в этих иллюстрациях — они обыкновенны для русской действительности. Главное в том, что Живаго, Гордон и Лара высказывают по этому поводу общее для них мнение. Доктор говорит, что ненависть к евреям, сама основа ее — противоречива. «Тут что-то роковое», — заключает он, как будто верит в предопределение...

В истории немало было охотников покончить с еврейским вопросом. Юдофобам Третьего рейха мать Мария (Кузьмина-Караваева) отвечала: нет еврейского вопроса, есть вопрос христианский. То же самое объявила Цветаева русским черносотенцам: «С последним из сынов твоих, Израиль, / Воистину мы погребем Христа».

Миша Гордон еще мальчиком задумывается над судьбой своего народа, обвиняя взрослых, заваривших кашу, «которую они не в силах расхлебать». Что это за каша, он и сам не понимает. А она есть двухтысячелетняя христианская история. Задумывается, между прочим, после того, как его отец пытается спасти от самоубийства помутившегося в уме русского барина. Повзрослевший Гордон рассуждает о еврействе в духе интернационализма и валит в кучу все *pro et contra* этого мучительного для него вопроса.

Лара высказывается короче и яснее: единственное спасение для евреев — полная ассимиляция, освобождение от самих себя.

Эти мысли внушил им все тот же дядя Коля, бывший священник, призывавший сохранять верность бессмертию и Христу... Его быстро угасший пафос и эти откровения об ассимиляции, усвоенные молодежью, тоже входят в состав атмосферы, которую Пастернак называл «мое христианство».

В переписке с сестрой он касается той же проблемы: «Я в нем (романе. — А.З.) свожу счеты с еврейством, со всеми видами национализма...»

Сводя счеты, его герои забывают (или не знают?), что каждый народ имеет свое предназначение в истории — свое призвание, свое избранничество. У еврейского народа было и остается религиозное призвание в служении другим народам. И Бог его не отменял. Сын человеческий, родившийся в этническом лоне, «не для того пришел, чтобы Ему служили, но, чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих» (Мф 20:28).

Освободиться от себя — значит нарушить завет Бога. А в приложении к советской эпохе — поддаться конформизму, соблазну мимикрии... О подражательных и необратимых свойствах мимикрии доктор задумывается не раз... И ведь он, теряя свое поэтическое призвание, отодвинув его на задворки, отказался, по сути, от себя и в конце концов мимикрирует, а потом и растворяется в среде. Его предсмертное затворничество — это лишь видимый всплеск тонущего человека.

Умозрительное христианство доктора Живаго соотносится с умонастроением Пастернака. Давая дельный совет другу-поэту не лезть на рожон, он приводит пример из Евангелия: «Евангельское подставление левой щеки в дополнение к правой есть не чудо святости или вершина подвижничества, но единственный практический выход из положения, когда видимость судит действительность». В словах Нагорной проповеди нет практического совета. Употребив намеренное преувеличение, гиперболу, «подставить вторую щеку», Христос призывает побеждать чувство мести. Но не мириться со злом. Напротив — бороться, и Сам боролся, победив злейшее из зол — смерть.

Еврейский народ никогда не сможет ассимилироваться еще и потому, что образовался путем духовного родства, а не кровного. За праотцем Авраамом пошли единомышленники, которые составили ядро будущей нации. И так было всегда — евреем становился любой иноземец, принявший Закон Моисеев и обряд.

Пастернак не то чтобы тяготился своим еврейским происхождением, но видел в нем досадное недоразумение. В письме к Горькому он сетует по этому поводу: «Мне с моим местом рождения, с обстановкою детства, с моею любовью, задатками и влечениями, не следовало родиться евреем».

Как это понять?..

Выражение «избранный народ» нельзя вырывать из библейского контекста. Секулярное сознание навязывает ложное привилегированное толкование избраннычества, под которое и подпадает жаждущая справедливости совесть.

Пастернак считал позорным выделяться своим происхождением, да и вообще выделяться. Не случайно он стремился к простоте и неброскости стиля, чего и добился.

Свою шестую книгу «Второе рождение» он связывает с обретением новой творческой манеры, быть может, — с обретением новой семьи, но не с тем смыслом, который в христианской традиции обозначает крещение, рождение в Духе (Ин.3:3-5). Таинство крещения Пастернак считал отжившим обрядом, формальностью. Православие, погрязшее в обрядоверии, отпугивало интеллигенцию от Церкви, от Библии, проливающей свет на избраннычество, на призвание, как отдельного народа, так и отдельной личности. Вне этого света доктор Живаго блуждает в культурных потемках, закабалая себя то слишком широкой отзывчивостью, то жадой справедливости.

То же самое и Лара, которая «не была религиозна» и в обряды не верила. А в церковь ходила поплакать над Словом Божиим. Это было для нее самоуспокоением и даже самоуслаждением. Но Церковь — не обитель печали, а источник Радостной вести.

Так что пожелание Лары, а соответственно Юрия Андреевича и Гордона «бесславно раствориться среди остальных» исходит не из юдофобских соображений, а вследствие традиционного воспитания под влиянием гуманитарной культуры, оторванной от библейской истории, от библейских корней.

* * *

В юбилейный год Пастернака — столетие со дня рождения — в Некрасовской библиотеке состоялся вечер его памяти. На дверях библиотеки и кое-где в городе висела афишка «Евангелие от Пастернака». В шестидесятые годы почитатели Булгакова называли и «Мастера и Маргариту» Евангелием от Михаила. Заблуждение на счет благовествования этих судьбоносных книг со временем прояснилось, но, судя по афишке, не для всех. И тем не менее эти книги — важные вехи на пути зарождавшейся веры в недрах советского общества. И для Пастернака это был поиск веры, по-своему выраженной верности Христу.

Своей исповедальной поэтической прозой он хотел искупить и собственные ошибки — у кого их нет! — и ответить на дьявольские притязания власти, пытавшейся слепить из каждого художника холоу. Он и сам не избежал ее «любовных» обхождений и разделял их отчасти, и мучился этим, интуитивно пробиваясь на свет Христовой правды.

В романе она мерцает, едва освещая драму раздвоенной личности и рухнувшего миропорядка. Но более заметна в так называемых зонах контакта (геологический термин), в соприкосновении лиц и событий, вроде бы случайно соприкоснувшихся. У Лары это вызывает оторопь и восторг: «Какое поразительное, свыше ниспосланное стечение обстоятельств!» Свыше ниспосланные обстоятельства создают духовную атмосферу более, чем все разговоры и размышления о Христе, подкрепленные цитатами из церковного обихода. Вернее, чем люди, они свидетельствуют о всеприсутствии Реальности, столь неожиданно напоминающей о себе.

Глазок свечи сквозь ледяное оконце — ее знак. Юрий Андреевич кружил и скитался по земным путям, если не ведомый, то видимый неотступным оком, возникшим впервые в Камергерском переулке.

Я часто прохожу по Тверской мимо Камергерского и невольно вглядываюсь в окна на стороне Художественного театра. Где-то здесь располагалась та комната... Представшая в воображении поэта, она словно переместилась в физическое пространство.

Отсюда в его жизни пошло «его предназначение». И вот он вернулся в исходную точку, как «возвращается ветер на круги свои»...(Ек.1:6)

Уместно вспомнить сейчас стихи из Псалтири, которая читается над покойником по православному обычаю. Хотя Юрия Андреевича хоронили по гражданскому праву.

Дни человека — как трава;
Как цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер, и нет его,
И место его уже не узнает его.
(Псалом 102:15,16)

Вдруг оказавшаяся здесь Лара — это совпадение того же мистического порядка. Это их последнее неслучайное соприкосновение. Ведь это она зажегла свечу в ту Рождественскую ночь... И теперь ее неслышное надгробное рыдание заполнило, затопило пустую комнату.

«Прощай, большой и родной мой, прощай,
моя гордость, прощай, моя быстрая глубокая
реченька, как я любила целодневный плеск твой,
как я любила бросаться в твои холодные волны».

«Книга есть кубический кусок горячей дымящейся совести и — больше ничего», — писал Пастернак в одной из ранних статей. Тем самым начисто отменил от своей будущей книги формальные претензии специалистов. В ней много значительных и незначительных частностей, много оголенных болевых точек. Кроме всего, она повествует об украденной любви. Нет, нет, не в смысле возвышенного адюльтера... Это горькая, притягательная, смертельная сладость запретного плода — не в райских кущах, а в русских дебрях. За личной неустроенностью и национальной трагедией зияет пустая пещера, в которой когда-то обитало Святое семейство.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

(Третий квартал 2004 г.)

1. Художественная проза

**А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник»,
«Новый мир», «Октябрь»**

В прозе сезона есть несколько явно выделяющихся вещей в разных жанрах.

Повесть Владимира Курносенко «Жена Монаха» («Дружба народов», № 7) — о нынешнем смутном времени, о интеллигентах, не достреленных не добытых немилосердной эпохой и дотлевающих свой век в глухом углу России. В спорах и раздорах доходит до дуэли — по принципиальному, стало быть, поводу. Словом, суета и томление духа, изложенные в какой-то новой, сказовой манере, с элементами потока сознания, и не то шутивно, не то жалостливо: «...с восселения здесь, на хуторе, бывая, прошлая и отжитая им жизнь безо всякого участия воли Хмелева браковалась и полностью обесценивалась. Кроме не покидавшей — фоном — тоски обманутости, его, когда цензуру прорывало что-нибудь из “уже случившегося”, вздрознь охватывали гнев, стыд, отвращенье, а то и чувство болезненной гадливости к себе. Поэтому сутками напролет Хмелев пребывал в полуумышленном параличе сознания, в плывущем умственном оцепенении, что было, наверное, малодушьем и смахивало на бегство с поля боя». Вещь интересная, свежая. Горизонт существования, как всегда у Курносенко, приподымается за счет свободных все-таки (вопреки перманентному безвременью в любезном отечестве) полетов мысли, за счет неустанно напоминающей о себе вечности — и общей примирительной тенденции автора.

В № 8 «Знамени» петербургский театральный художник, прочно связанный с БДТ, **Эдуард Кочергин** представил две своих очередных **«Питерских былички»**. Это, по вводному замечанию Кочергина, «продолжение напечатанных ранее в “Знамени” рассказов о праведных людях, опущенных жизнью, времен крутой Совдепии — 40-60-х годов прошлого столетия. Иван Светопищ — наш островной тип. Мим Хасан Мусин — не здешний, но полюбили городу и стал нашим. Оба делателя жизни оставили след в памяти Питера. Время и людская молва наложили на реально существовавших персонажей некую фантазийную патину». В одном рассказе «король клоунов сталинской Совдепии» в голодном и мрачном 1949 году, отмеченном «Ленинградским делом — антипартийной группой Попкова — Кузнецова, началом борьбы с космополитизмом и, одновременно, огромной амнистией для осужденных по криминальным статьям», до смерти (буквально) напугал напавшего на него урку бугафорским наганом-пугачом, за что схлопотал два года условно — и запил навсегда. Во втором рассказе выведен инвалид-фотограф («светопищ»). Настоящие шедевры феллиниевского тона.

В повести Леонида Бородин **«Ушел отряд»** («Москва», № 7) представлен художественный очерк партизанщины в немецком тылу 1942 года. Вторая мировая война осталась уже где-то в глубокой древности. Близящийся очередной юбилей победы напоминает о том, что именно и только победа эта, кажется, и может еще объединить наше расколотое, бесконечно атомизированное общество. Но у Бородина речь идет о другом. О том, в каких драматических противоречиях формировался импульс сопротивления нашествию. Автор — суровый мастер социально-бытового реализма — живописует характеры и положения, создает объемную, многоцветную картину жизни, легко преодолевая идеологические клише. Каждый человек у Бородина сделан особым образом. Думает по-своему, хочет жить по-своему. Этот сложный человеческий рельеф драматически сглаживается в военных обстоятельствах, вынуждающих к простоте и однозначности противоборства. Умная и точная историческая проза.

В «Октябре» (№№ 8, 9) опубликован роман Анатолия Наймана **«Каблуков»**. Исповедь подводящего итоги пожилого киносценариста. Взгляд то от первого лица, то со стороны. Манера — интеллектуальный фельетон. Тщательно и даже, пожалуй, многословно, с ежестраничным увязанием в подробностях, представлены спутники жизни, всякие перипетии. Ароматы далеких советских лет. Оттенки, засвидетельствованные памятливым рассказчиком. «Советская власть навеки, потом могила навеки, так что то, чего лишаешься, лишаешься навсегда». Ленинград 50-60-х. Вот, кстати, — о молодом Бродском: «Орет, как на вокзале, машет руками. При этом в коричневой тройке и брусничном советском галстуке. Передавая майонез, конечно, опрокидывает на себя, на все предметы туалета: на галстук, жилет, пиджак и брюки. Еще пунцовее пылающий румянец щек, еще громче картавость. А года через три, когда был он уже «Иосиф Бродский» <...> и научился делать паузы в неостановимом своем монологе и эти паузы держать, то стал он выдавать после них куски речи принципиально короткие. Не то чтобы сентенции, не то чтобы мотто, — мотто появились через несколько лет, ближе к эмиграции и в самой эмиграции, — а с установкой на афоризм. И один из афоризмов, который, как и другие, он повторял опять и опять, словно бы забывая, что уже говорил его неделю назад, вчера, сегодня в самом начале вечеринки, и который никто, кроме, может, туманно колышущейся где-то Ахматовой, не принимал всерьез, да просто не слышал, разве чтобы ожидаемо вышутить и поржать, с первого раза попал мне в сердце. «Главное — величие замысла»...» Потом Москва. Околохудожественная богема. Евреи. Одиночество. Любовь. Творчество — казачье и для себя. Разговоры, происшествие. Поток времен. Ближе к финалу событий становится больше, и они принимают характер едва ли не детективный.

В романе петербуржца Николая Кононова **«Нежный театр»** («Новый мир», №№ 7, 8) на авансцену повествования выведен папа мальчика (как некогда, в «Похоровах кузнечика», его умирающая бабушка). Папа этот и есть театр одного актера для наблюдательного мальчика. Временами, правда, предметом созерцания оказываются и вообще окружающая, странноватая, таинственная жизнь, та ж бабушка, другие какие-то женщины... В романе много пристальности и тонкостей, много старания. Очень западная манера,

вяловато-сосредоточенная. Чувства приглашены, хотя иногда и декларируются, преобладает уныло-пассивная интонация одинокого соучастия в происходящем перед глазами. Не столько роман, сколько затяжная самоцельная медитация. Как уже привычно, проза Кононова рождается и умирает на кушетке психоаналитика. «...В морге больницы, по ошибке зайдя в другие двери, я спокойно опознал его распоротое тело с перламутровой мешаниной тяжелых внутренностей».

СОВРЕМЕННОСТЬ

Новые рассказы Бориса Екимова в «Новом мире» (№ 8) посвящены главной теме автора — распаду южнорусского крестьянского мира. Самоубийство на хуторе и девичьи слезы. Конченная бабья жизнь. И отдушина: грибная охота и рыбная ловля...

«Записки сельского москвича» Олега Ларина «Вот так и живем» («Новый мир», № 7) — очередной свод наблюдений над жизнью в «крошечной глуши костромского бездорожья». «Жалко смотреть на этих людей. Застой, апатия, унылое увядание сквозят в их глазах. Словно отбывают жизнь как тяжелое наказание. Иногда пускаются в разгул, залезают в долги, лишаются работы в сельхозкооперативе и, накачав глотку, по-черному клянут власть. У них, конечно, есть резон быть недовольными президентом, правительством, Госдумой и здешним руководителем товарищем Голубковым Е.А. Но большинство никак не хочет признать, что оно тоже виновато в том, что дошло до ручки».

Памфлетный образ воинствующей «демократки» создает челябинец Владимир Михеев в романе «Облава» («Москва», № 9). Рассказчик-сын повествует о матери («маман») с нескрываемым сарказмом. «Ей было уже за пятьдесят; она была невысокого роста, даже маленькая, нескладная и неуклюжая, с походкой раскачиваясь — “уточкой”; к тому же не умела одеваться и вечно стриглась “а-ля мужик”, а ее коротенькие пальцы всегда были прокурены — одним словом, наружность не подарок. Но только если маман и унывала от этого, то не очень. Вообще она умела и любила расслабиться. Любила вино и карты, любила поболтать, главное, похвастаться среди своих, то есть единомышленников — людишек, как и она, настроенных “демократически”. Среди этой братии она себя чувствовала как рыба в воде, так что в годы перестройки даже сумела сколотить у нас в городе что-то вроде партии — думаю, единственно благодаря своей самонадеянности. Они — то есть она со своими партийцами — даже теперь, когда пена стала оседать, сохраняли бодрость и не унывали; они устраивали пикеты и демонстрации, акции гражданского неповиновения, что-то писали на стенах, кому-то грозили голодовками и все такое — то есть резвились почему зря. Обычно уже с утра два-три ее активиста сидели у нее, пили чай или водку и ругали все и всех подряд; или еще они хвастались — как они то-то и то-то сделают, когда дорвутся до власти». Далее Михеев вовлекает своего неприкаянного героя в авантюры довольно непритязательного свойства. Он убегает от бандитов, они его догоняют. Такая игра. А кто виноват? Вероятно, «маман» и виновата.

«Рассказы на ночь» Александра Кабакова («Знамя», № 9) посвящены столичным причудам, парадоксальным персонажам, часто с литературной

родословной («Летучий голландец», «Красная шапочка»). Автор, известный как социальный реалист и антиутопист, вдруг вообразил, что жизнь не так проста и в ней есть Тайны. Читателей фантаст-романтик Кабаков уведомляет: «Все мною прежде написанное смешивало, в той или иной пропорции, наружную, натуральную жизнь, полную мелких подробностей, с жизнью тайной, волшебной, идущей под оболочкой быта. Я убежден, что у нашего существования есть подкладка <...> В «Рассказах на ночь» я обратился к жанру, многими — от классиков до моих литературных приятелей — испробованному: к пересказу бродячих легенд, оживлению давно знакомых героев». Возможно, все это — лишь попытка найти острые средства для рассказа о современной, действительно фантастамагорической, Москве и ее небывалых жителей.

Не чужд допущений фантастического характера и **Владимир Орел**. В рассказе «В ожидании кризиса» («Москва», № 9) его герой-москвич чудом возвращается в додефолтное начало 1998 года. И это открывает перед ним небывалые возможности — обогатиться, используя эксклюзивную информацию о ближайшем будущем. Впрочем, куда ни кинь — всюду клин. И уделом русского человека остается разбитое корыто. Так очерчивает линию повествования пессимист Орел.

«Человек без паспорта» **Александра Суворова** («Москва», № 8) — монолог озлобленного маргинала-художника. Хаос в жизни и в голове.

Еще один писатель-пессимист, **Юрий Бондарев**, в романе «Без милосердия» («Наш современник», №№ 7, 8) представил Москву неким современным Вавилоном. Это роман-памфлет, не претендующий на глубину анализа. Здесь беспрестанно и помногу кричат, кипят споры, рекой текут публицистического стиля речи и звучат слова жгучего обличения антинародного ельцинского режима. Театральный режиссер Пятаков витийствует о том, что Россию предали верхи, а поставил себя на колени сам безмолвствующий народ. Делится наболевшим и писатель-патриот, бывший лагерник Кудрин, умеющий «открыто ругая несуразные деяния правительства, вспоминать мудрость Марка Аврелия и Сталина». Антипод этих почтенных деятелей культуры — критик-русофоб Лазарь Хрупов, личность растленная, гниющая. На таком вот фоне разворачивается роман молодого гения, драматурга Дмитрия Максимова, и одинокой барышни Марины. Но мрачна жизнь и почти уже апокалиптична. Марину убивает ее демонический, криминальный родственник Валерий. Автор не скупится на эффекты самого мелодраматического свойства.

В повести **Марины Москвиной** «Зеленые горы и белые облака» («Дружба народов», № 8) рассказывается про «друга юности — Леонтия». «Это случилось внезапно, как озарение: Леонтий! Дрессировщик из Уголка Дурова. Он всегда на Новый год играет Деда Мороза. Сейчас мой сын уже вырос, а первый Дед Мороз, которого он увидел, был Леонтий!» Дрессировщик медведей. И прочая веселая ерунда. Трогательный детский лепет, ставший авторской манерой, не мешает излагать вещи вполне взрослого свойства. Вот, например, анекдот про родительницу. «В мае сорок пятого года готовился грандиозный концерт ко Дню Победы в Москве. Строгое жюри во главе с самим генералом Жуковым отбирало конферансье для эпохального представления. Нахмутив брови, товарищ Жуков придиричиво окидывал взгля-

дом претенденток на роль ведущей. — Эту блядь убрать, эту блядь убрать, а вот эту, — указал он на мою маму, — оставить!» А в «Знамени» (тоже № 8) появилась повесть Москвиной **«Между нами только ночь»**. Героиня — детская писательница — вспоминает детство и пишет книжку об элитном московском интернате. «В зеленой картонной папке лежит эта повесть — я назвала ее “Загогулина” — о моем босоногом интернатском детстве (“Как??? Вы учились в интернате??? — воскликнули в одном издательстве, возвращая мне эту папку. — Ни за что бы не подумали! У вас такой взлелеянный вид...”)». Вспоминает рассказчица о любимой воспитательнице, которая оказалась отнюдь не ангелом. По ходу дела возникают проблемы актуальные, связанные с выпуском вышеназванной книжки, и снова увлечения сменяются разочарованием. Но до чего прелестны у Москвиной подробности! «Я вспомнила, как мы с классом ходили во МХАТ на “Синюю птицу” — в проезд Художественного театра. Елена водила нас. Я все запомнила до мелочей. Особенно антракт, когда я потрогала в оркестровой яме барабанщика за голову. У него была теплая, приятная на ощупь лысина. И все дети стали трогать. А он молчал и улыбался».

В «Дружбе народов» (№ 8) опубликованы несколько рассказов Елены Долгопят под общим заголовком **«Мальчики»**. Это прихотливо составленный цикл, среди героев которого действительно много мальчиков. Всяких. Основное внимание уделено малолетним бродяжкам.

Повесть Валерия Исакова «Без жалости» («Дружба народов», № 8) — запутанная любовная история. Почти целиком из разговоров.

Олег Хафизов путешествует в Рязань. В путевых записках **«Рязань. Сентиментальное путешествие»** («Дружба народов», № 9) он подробно, хотя и не слишком увлекательно рассказывает, как раздолбайски выполнял свои профессиональные обязанности, собирая информацию о рязанских музеях. Попутные мысли, впрочем, не всегда тривиальны. «Что же теперь? Я странствую по руинам двух империй, одного царства и Великого княжества и чувствую себя жителем Рима, уже не латинянином, но еще не итальянцем, который начал жизнь среди построек античности, а продолжает в захудалой деревне, среди свалки, где под обломками статуй и колонн хозяйничают крысы. Только язык остался тот же. Он сильнее крепостей». А в № 7 «Дружбы народов» появился роман Хафизова **«Киж»**. Журналисты Филин и Бедин отправляются в командировку в места, где после ликвидации базы ракетных войск начали происходить всякие странности. Чудесного и необычного находят репортеры немало.

В «Москве» (№ 7) **Андрей Максимов** в рассказе **«Наверно, милый мой идет»** опытным, бойким пером изображает отношения матери и взрослой незамужней дочери. Дочь, Ника, знакомится с мужчинами в Интернете и ходит на свидания. В результате замуж выходит мать.

В «Октябре» (№ 7) — повесть в новеллах **Александра Дорофеева «Гнездо времени»**. Отдых на Карибах, суматошный дружок-непоседа Петя. Оптимистическая, жизнеутверждающая вещичка.

В рассказе белоруса **Андрея Федоренко «Пеля»** («Дружба народов», № 7) речь идет о причудах судьбы. Рассказчик чуть не утонул в болоте, зато не попал в автокатастрофу.

РЕТРО

В «Дружбе народов» (№ 9) напечатаны **«Анекдоты из пушкинских времен (Триптих № 2)» Веры Чайковской**. Одна история — об Аннет Олениной, которая никак не могла выйти замуж: никто не брал после того, как она отказала Пушкину. Другая — о роковом поцелуе княгини Мятлевой... Традиционные стилизации в манере повестей Белкина.

В повести **Антон Савина «Радуга прощения»** («Октябрь», № 7) только что пришедшие к власти большевики-чекисты устраивают оккультные ритуальные действа. В уездном городке ставят памятник Иуде и вообще всячески кошунствуют. Выведен и некий утопист Свешницкий, планирующий освоение космоса. Выдумки у автора довольно искусственные и не без оттенка болезненности.

В романе **Эллы Матониной и Эдуарда Говорушко «Отражение»** («Москва», № 8) изображена парижская эмиграция 30-х годов, ностальгически вспоминающая былые времена. Среди прочих выведена Лика Мизинова, непрестанно готовая говорить о своем когдашнем поклоннике Чехове. Довольно поверхностная беллетристика. Кстати, авторы романа походя определяют эмигрантов «русскими, сбежавшими в Париж от советской власти». Пусть так. Но ведь и один из них, Говорушко, *сбежал* из Прибалтики, где в оны лета подвизался собкором «Советской культуры», в США, когда советская культура в Риге и Таллине кончилась.

«**Чужеземец**» **Марка Кушнирова** («Дружба народов», № 9) — литературный дебют киноведы, проживающего в Германии. С подзаголовком «Из повестей Петерса». Петерс — не чекист, как можно было подумать, а немецкий старикан. Когда-то он воевал, был в советском плену. А теперь рассказчик лежит с ним в одной палате и мирно беседует. Далее воспроизведены рассказы Петерса. «КИ-ПЯ-ТОК», — читал он вместе с телеграфистом на обшарпанной стене полуразрушенного вокзала, мимо которого неспешно тащился их эшелон. «КИ-ПЯ-ТОК», — узнавали они знакомые черные буквы на стене очередной станционной развалюхи. «КИПЯТОК»... «КИПЯТОК» — мелькало на стенах. «Смотрите, герр оберфельдфебель, у них все станции называются "Кипятки"! Довольно странный обычай». «Действительно, странно, — думал Петерс и, поразмыслив, высказывал догадку: — Наверно, это только на время войны. Маскировка... Чтобы сбить с толку наших шпионов»...»

Советская провинция далеких лет снова представлена **Юрием Буйдой** в его «книге рассказов» **«Переправа через Иордан»** («Новый мир», № 9). Всё те же, что и прежде у этого автора, эстетизированные грубость нравов и парадоксальность судеб. Всё то же роскошное, мрачного и почти трагического колорита, повествовательное барокко. Автор умеет поразить читателя, а иной раз таки и тронуть его душу.

«**Автопортрет в лицах**» **Алексея Смирнова** («Новый мир», № 9) — вкусно преподнесенные характеры и детали старого московского быта. Нянюшка. Дядя Митя-шофер. «Осенью в доме Перцова греть батареи начинали не по погоде, а по календарю: планово. Пухлый, одышливый комендант во френче, напоминавший мне бежавшего из Китая старого гомильдановца, полулежал, откинувшись, на черном кожаном диване в вестибюле и вместо ответа жильцам, «когда затопят», жевал губами, выразительно скашивая глаза

кверху... А няня сетовала на коменданта и подвластную ему котельную: — Ишь какой холод завернул, а оне топить-то и не думают... И об чем, антиресно, у их дума?...» Кто не знает: дом Перцова — это роскошный модерн на набережной Москвы возле нынешнего храма Христа Спасителя.

«**Стежки-дорожки**» **Геннадия Красухина** («Знамя», № 9) — подробные фрагменты обширных воспоминаний московского литератора и журналиста-шестидесятника. Дела давно минувших дней, полузабытые скандалы и интриги, подвиги и подлости. В центре мемуарных записок — работа автора в «Литературной газете» горбачевских лет. Вот сценка времен перестройки: «“Старик! — доверительно сказал мне однажды член редколлегии по разделу литературы Чапчахов, совершенно потерявшийся от всех неожиданных событий в газете и в стране. — Я вот все думаю и прихожу к выводу, что Горбачев совершает антисоветский и антипартийный переворот. Как его не разглядел Андропов! Ведь это враг”. Да, совершенно потерялся в эти дни Федор Аркадьевич Чапчахов. Сидел мрачный, перестал вникать в дела отдела, читал приносимые ему на подпись материалы, криво усмехаясь: “При Чаковском, — спрашивал он, — это могло бы быть напечатано?” Но все послушно подписывал».

Рассказ Алексея Позина «Легкая контузия» («Москва», № 9) — панорама редакционной жизни в давние времена застоя. «На очередном перевыборном партийном собрании Федора Ивановича Родионова обвинили в переписывании целых страниц у классиков марксизма-ленинизма и других известных авторов, в перепечатывании собственных старых материалов, в выписывании на подставных лиц повышенных гонораров себе и ближайшему окружению. Памятное собрание. Восемь часов с перерывом на сон заседали. Такое стали вспоминать друг про друга многолетние коллеги и единомышленники... Но козлом отпущения сделали Родионова. Ему грозило исключение из партии». Вот такая журналистика.

Владимир Рецетер в «Знамени» (№№ 7, 8) запустил то ли окончание, то ли очередное продолжение своего околотеатрального повествования, «**Гастрольного романа**» с подзаголовком «Ностальгия по Японии». Новые превратности театральной планиды на основе личных впечатлений и воспоминаний автора о легендарном питерском БДТ и его руководителе Георгии Товстоногове. Гастроли в Японии как извечная у Рецетера точка отсчета. В центре действия — артист Р., а есть еще и композитор Р., сумевший завести роман с японкой, и американец Р. Закулисье, страсти и расчеты, интриги, ссоры и примиренья. Всё как у людей. Умная беллетристика, искренний пафос, много красивых слов. «...Куда спешить, если ты сам — театр для себя и двух или трех любимых? Прощай, брат мой. И ты, друг, прощай. Я хочу, чтобы ты не чувствовал без меня одиночества. Бог даст, мы еще соберемся на главное представление и, глядя глаза в глаза, будем верить друг другу так бескорыстно, как могли здесь».

Хуторская жизнь стала предметом изображения и рефлексии и у писательницы из Голландии **Марины Палей** в повести «**Хутор**» («Новый мир», № 9). Дело было в далеком эстонском углу советской империи, куда рассказчица-ленинградка с ребенком приезжает провести лето. Здесь ее впечатляют, с одной стороны, допотопно-живописные нравы, с другой — категорическая неприязнь аборигенов к чужакам, представляющим, так ска-

зять, завоевателей. Много непонятного, причудливо-жестокого, драматичного, общим же знаменателем становится неразделенная любовь рассказчицы к Эстонии. А в рассказе «Луиджи» («Знамя», № 9) дама-рассказчица смакует Италию: «Прилетела в миланский аэропорт уже в темноте. Мгновенно, как вышла на трап, молодая ночь мягко поцеловала меня через черный шелковый плат — прямо в губы, в глаза, в открытую шею. Итальянские эфиры-зефиры, словно стайка нескромных подростков, тут же залезли под платье — и блудливыми своими перстами взялись тихонько щекотать-гладить все складочки моего тела... Похоть, хищный, жестокий цветок, взорвалась красной кровью в глубине моего живота — и принялась смачно вгрызаться в бренную мою плоть. Я сидела в лимузине, посланном за мной с виллы, и, ожидая, пока семидесятилетний водитель покупает в автомате сигареты, была близка к обмороку. Казалось — сейчас сдетонирую, и автомобиль разнесет в клочья...» Так-то вот. Живописно эстетизированные воспоминания составляют, кажется, главное содержание этой прозы.

Владимир Шпаков в рассказе «Билет без выигрыша» («Октябрь», № 7) изобразил бесшабашную космополитическую коммуны, проживавшую в общежитии РГГУ на рубеже 80-х и 90-х годов.

В «Новом мире» (№ 8) — рассказы **Алексея Варламова**. Один — о московском студенте-дворнике, который отчего-то томится и умоляет случайную подружку остаться у него навсегда. Другой — о мальчике, который решительно отказывался учиться плавать, а когда вырос — это создало проблему в его отношениях с милой особой противоположного пола. Незамысловатые простодушные истории. Еще одна подборка рассказов Варламова опубликована в «Октябре» (№ 7).

Повесть Юрия Чернякова «Анклав» в «Октябре» (№ 7) — о московских сочинителях в 90-е годы. Довольно скучное, невразумительное произведение.

РАЗНОЕ

Елена Попова в романе «Седьмая ступень совершенства» («Знамя», № 7) рассказывает о женщине с паранормальными способностями. Героиня хочет помогать людям, но далеко не всегда ей это удается. Почти детектив.

Рассказы Евгения Даниленко «В заколдованном круге» («Знамя», № 7) — разбавленный Хармс. Горсть юмора, щепоть абсурда. Сценки текущей мимо жизни. Автор уведомляет, что «рассказы написаны во время дежурств. Я работал охранником и между обходами набрасывал на листках первое, что придет в голову. С одной стороны, это помогало скоротать время. С другой — являлось прекрасным сеансом психотерапии». Похоже.

Два рассказа **Юрия Петкевича** в «Знамени» (№ 9) сопровождаются характерной для автора вводкой: «Нет ничего труднее, чем нарисовать траву или речку — кажется, самое простое, что может быть, — и когда увидишь, что взялся за невозможное, берешься сочинять рассказы с травой и водой, а потом уже в них появляются люди. Но лучше искупаться самому или поваляться в траве». Трогательные акварельные истории. Еще один рассказ Петкевича, «Упросить улететь», напечатан в «Октябре» (№ 8).

Рассказы Сергея Солоуха «Физика» («Октябрь», № 8) — опыты автора в новой манере. Например, составлять рассказ из предложений в одно-два

слова: «...вдруг Лева увидел Деревню. Надо же. Здесь! Из каких тайников. Ни раньше и ни позже. Посланец мезозойской эры. Сто лет и две недели. Лева даже не сразу вспомнил ее имя. Прозвище — моментально. А имя только через пять кругов. Рита. Ну, конечно, Ритка Коваленко. И у нее проблема была та же. Наверное. Что странно. Соображала она всегда очень быстро. Много лучше Левы. Но тут что-то заело. Неожиданно. Бывает». Результат? Быстро утомляет.

Экспериментирует и **Дарья Варденбург** («Октябрь», № 9). Ее рассказы похожи на стенограмму жизни. Пунктир с пробелами, со скрытым драматизмом. Занятно, хотя, признаться, и не ново.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. «Звезда», «Нева»

Вроде, кажется, все у нас уже было — и роман-воспоминание, и роман-мечта и роман-ситуация. Однако **Анатолий Бузулукский** изобрел нечто новое: жанровое обозначение его «**Исчезновения**» («Звезда», № 7) — **портреты для романа**. Так оно и есть. Перед нами не столько роман, сколько весьма тщательно (и многословно) выписанная портретная галерея, как прежде говорилось, «наших современников». Итак, семья: трое двоюродных братьев, произошедших от трех сестер. Есть еще двоюродная сестра. Все типичны, но вместе с тем каждый как бы олицетворяет собой определенный жизненный слой. Или круг. Не будь они родней — век бы не пересеклись их дорожки. В самом деле: один из них — крупный чиновник, другой — мелкий предприниматель, третий — протак-шофер, к тому же бедолага, которому никак не удается устроить свою жизнь. Единственная сестра их отмечена тем, что живет с потрепанным, немодным журналистом, который мнит себя писателем и мечтает написать роман. Единжды соединив героев в начале повествования — на похоронах, автор в дальнейшем дает им полную свободу действий. Они и разбредаются кто куда. В частности, чиновника спихивают с его тепленького местечка, но он довольно удачно перебирается в Москву. Предприниматель убеждается, что не владеет «ремеслом жизни», и превращается в люмпена. Неудачливым журналистом овладевает полубезумная надежда на то, что ему удастся объединить два писательских союза. Но вместо благодарности от представителей того и другого он получает причитающуюся ему долю весьма болезненных тумачков. Итог дела — двухнедельный запой. Трагичнее всего складываются дела у шофера. С гулящей своей женой он расстается, а для того чтобы ей не досталась его квартира, благородно дарит ее сестре, только-только облапошенной в одном из жилищных агентств. Сам же он сводит счеты с жизнью, будучи, по собственной просьбе, сброшен с 12-го этажа дружками-забудлыгами. Дорожки братьев и сестры соединяются чисто механически. На задворках повествования мелькают сполохи каких-то предполагаемых убийств, но, слава Богу, почти все остаются живы. Наиболее зримо прописана судьба псевдописателя — скорее всего, оттого, что журналистско-писательский слой автору ближе. С малоизученным же бытом предпринимателей и чиновников дела обстоят хуже. Роман кончается на ноте лирической: по исчезнувшему мел-

кому дельцу нежно тоскует его сын. Тут словно прорывается отсутствующая прежде романная струя, нарушая спокойное сосуществование представителей всей портретной галереи.

А Роман Солнцев жанр своего повествования «**Минус Лавриков**» определяет как **книга блаженного созерцания** («Нева», № 8). Роман Солнцев известный выдумщик, «Минус Лавриков» в ряду его придумок — не исключение. Итак, герой: сорокалетний мягкотелый интеллигент, естественно, бедствующий. От нищей житухи решается он на коммерческую аферу, предсказать конец которой можно с первой строки. Да автор и не скрывает, что герой его на почве предпринимательства — суший младенец. Заложив единственное свое богатство — двухкомнатную квартиру, где он живет с женой и дочкой, блаженный Минус Лавриков на все деньги решает купить акций. Чтобы сразу — и в миллионеры. Деньги у него отнимают какие-то парни в масках, а самого его запикивают в машину и увозят неведомо куда. Тут-то и начинается плутовский роман. Правда, из хлюпика Мини плут получается не ахти какой. Но зато ему везет. Вроде бы выбросили его на дорогу где-то в сельской местности — и без денег и без документов, а на работу берут всюду, куда бы он ни пришел. Интеллигентность, незлобивость, что ли, так располагают к нему окружающих?.. Автора не смущают очевидные романские натяжки. Например, то, что местонахождение героя никому не ведомо, хотя фотографии исчезнувшего Мини не единожды показывают по телевизору. А телевизоры нынче есть и в самых отдаленных местах. Тем паче — в милиции или правлении совхозов, куда нашего странника то и дело заносит жизнь. Но стойкого героя ничто не берет. В него влюбляются, то и дело увлекается очередной красоткой и он сам, но в душе его, подчеркивает автор, нетленно живет единственная его любовь — жена. Странно, что при этом он совершенно не думает о том, каково-то ей, не знающей, где он и что с ним! Правда, к роману этому трудно подходить с реалистическими мерками — как, впрочем, и с любыми другими. Для фантастики здесь маловато фантастического элемента, для плутовского романа — приключенческого. Финал же повествования обращает нас к чему-то вселенскому. Миня Лавриков уходит в мглистую бесконечность, а в небесах, куда он смотрит, несутся белые и черные кони. Герой, видя все это, у всего мира просит прощение... Многозначность сгущена настолько, что желания разгадывать не остается уже никакого. Все равно не угадаешь.

Питерский рок-музыкант, бывший спортсмен и путешественник **Владимир Рекшан** свое повествование «**Ужас и страх**» («Нева», № 9) отважно именует просто **роман**. Вот так, без эпитетов и определений. Это заинтриговывает. Однако сам роман как-то мечется: от воспоминаний времен авторской юности (60–70-е годы) к армейскому страшноватому быту, оттуда — к эпизодам ленинградской писательской жизни, далее — к сборам на какую-то войну. Автору, конечно, есть что рассказать интересного, особенно из романтического перестроечного времени, когда народ, сказано в романе, с простодушным энтузиазмом «пилил сук, на котором висел». Фраза неслучайная. За авторской ностальгией по молодости, удачам, походам и успехам читается надрывное: за что?! За что, гады?! Нет нынче ни молодости, ни успехов, ни походов. Даже уважения, которым пользовался, например, мрач-

ный Иван Стаднюк, — и того нет. А ведь он был мало того что человеком мрачным, — и писателем был никудышным... Вот такой романнный сюжет.

А герой **рассказа Ольги Митрофановой «Исход»** («Нева», № 7), некий доктор наук, от этакой (бесконечно мрачной) нынешней жизни и вообще уже улетает в некую неведомую синюю даль. Ну, так, как птицы. Затурканный в своем институте интригами, подсиживаниями и бесконечным поиском денег, однажды он чувствует, будто у него за спиной что-то растет. Оказалось — крылья. И вот уже с разных этажей институтского здания, написано в рассказе, летят и летят такие же крылатые люди. То есть «те, кто не мыслил себя вне науки». Однако же строгий взор ученого (а Ольга Митрофанова — тоже доктор наук) следит за крылатой армадой, не позволяя летунам разлететься, кто куда хочет. Направление указано точно: к старому экспериментальному корпусу. Так-то. Не передрались бы только в новом-старом гнезде эти невинные птички...

Рассказ Людмилы Агеевой «На Большом проспекте В. О.» («Нева», № 7), напротив, весьма приземлен. Непритязателен. И хотя сегодня рассказов об одиноких людях пруд пруди, чем-то эта история читателя трогает. В общем-то ничего ужасного в рассказе не происходит. Живет на Васильевском острове одинокая старушка, соседи ее — вполне приличные, вежливые люди — отнюдь не выжидают ее из квартиры и не сжидают со света. Просто у них — своя жизнь. Выросла дочь. Вот-вот будут внуки. Старушка уехать с уютного Васильевского, однако, не хочет, несмотря на все щедрые посулы. И умирает у себя дома. Автор спрашивает себя — в чем же дело, отчего так шемит сердце, хотя похоронили бабулю как будто бы вполне достойно и поминки устроили честь честью? Словно не бабулю одинокую похоронили, а целое ее несчастное поколение — выживших, старавшихся, терпевших...

Некоторой ностальгической нотой окрашен и **рассказ Эллы Медяковой «Воспитание — дело тонкое, или История прекрасной Оливеры»** («Нева», № 7). Материя рассказа, пожалуй, несколько экзотична. Героиня его, пожилая дама, — по происхождению ассирийка. Вот почему она начинает давать уроки русской литературы шестнадцатилетней ассирийской девочке: в семью девочки героиню послало благотворительное ассирийское общество. Ученица же оказалась отменной дурой. И вот тогда дама припоминает свою давнюю учительницу, которая родом была словно из благородного XIX века и которой она в свое время тоже испортила немало крови. Мораль: значит, не надо вешать нос. Учитель не может знать, какие его слова прорастут (и чем), а какие — всходов не дадут.

Весьма необычную **повесть** под заглавием **«Необитаемый остров»** представляет **Михаил Холмогоров** («Нева», № 7). Читатель в момент догадывается, что его несколько дурят, представляя шутовскую версию создания «Тихого Дона». Время действия — конец 20-х, место — старый московский особняк. В нем и собрали довольно разных людей, преимущественно интеллигентов, вытащив кого из дома, кого с Соловков, кого с Лубянки, — с тем чтобы заставить их создать эпопею терского казачества — роман «Хладный Терек», будущий шедевр советской литературы. В такой шедевр предстоит превратить довольно сырую рукопись — дневник, оставшийся от убитого белогвардейского офицера. Не печатать же в стране почти победившего

социализма сочинение врага! Однако действие «спецгруппы» скоро прекращается, заключенных возвращают в лагеря, и удалось ли в конечном счете создать роман — неизвестно. Скорее всего, нет. Всей этой довольно жестокой выдумке ощутимо не хватает не то что даже гуманности, а простой, так сказать, прочувствованности. Между тем классиком давно уже сказано — что видишь, то и пиши, а чего не видишь, о том писать не следует.

Повесть Андрея Столярова «После жизни» («Нева», № 9) погружает читателя в рефлексивный, какой-то вымороченный мир интеллигента-неудачника, для которого кончилось, выдохлось, утратило свое обаяние все романтическое и началось элементарное выживание. В юности герой был романтически влюблен в некую милую, но беспредельно нелепую, взбалмошную женщину. В самом деле: замужем она в одном месте, ребенок ее живет в другом, она сама — в третьем, на птичьих правах, любит — четвертого... Мрачное, безнадежное впечатление остается от повести. Грустно следить, как ход российской истории странно сливается с любовными перипетиями, как последнее пятнадцатилетие сминает и перемалывает этого несчастного человека, разочаровавшегося и в любви, и в истории, и в жизни. А отсюда и итог: «Главное в жизни — ни в коем случае не задумываться».

Сложна, многозначна **повесть Бориса Хазанова «Ксения»** («Звезда», № 9). Она включена в журнальный номер, почти целиком посвященный немецкой культуре. Повесть представляет собой воспоминание-исповедь бывшего фашистского офицера из штаба Паулюса. Но на первом плане здесь не война. Лейтмотивом повествования, калейдоскопичного и фрагментарного, становятся смутные образы памяти. Память «затерта льдами», она в осаде страшных военных событий, и только воспоминания о давно прошедшей любви вспыхивают на этом фоне, подобно ярким огонькам. Но как же они горьки! Беседуя с американцем, сыном своей возлюбленной, он узнает, что та давно покончила с собой. И все окружающее превращается для рассказчика в «бред, дурной сон». Может быть, и вся его жизнь — не более чем призрак, явившийся измученному бессонницей мозгу?..

Пяйви Ненонен — финка, живущая в Петербурге и считающая Россию второй родиной, публикует **«Лошадиные романы»** («Звезда», № 8). Автор считает, что «подходить к своему детству надо не с парадной, анкетной стороны, надо... идти дворами, черными ходами... найти какую-нибудь щель или трещину». Такой «щелью» и оказываются романы о лошадях, которые Пяйви и ее сестра писали в детстве, а одна из девушек — слабовидящий, почти слепой человек — продолжила и в юности. Истории эти, несмотря на их обыденность, интересны и трогательны.

Талантливо написан и **рассказ Марины Степновой «Антуанетточка»** («Звезда», № 8). Героиня его — толстая непривлекательная школьница, живущая в мире библиотечных томов, плохо успевающая в школе, вечно сонная, мятая, закишая — словом, «никакая». Своего прозвища она удостоилась за первый в своей жизни доклад, посвященный Марии Антуанетте. Слишком близко к сердцу приняла девочка жизнеописание французской королевы, за что класс и наградил ее гомерическим хохотом. Постепенно она превращается в обычную конторскую тетку, в захватанных пальцами круглых очках. К живой жизни ее, как ни странно, возвращает автомобиль-

ная авария: лежащей на асфальте Антуанетточке жизнь наконец-то представляется «влажной, промывтой, сияющей».

Рассказ Леона Файнштейна «Третий блат» («Нева», № 7), скорее всего, автобиографичен. Стоит только бедняге герою, рассказывает автор, воспользоваться блатом, как он влипает в переделку. Последний раз он — опять же по блату — почти бесплатно попытался прокатиться на парашюте, привязанном к катеру. И едва не погиб, больше часа провисев вниз головой.

В очередной раз «Литературное агентство» «Невы» представляет два неловко скроенных и плохо сшитых рассказа самодельных писателей («Нева», № 7) — **«Последнего мужчину» Нинели Яснец** и **«Деревенские были» Владимира Скородумова**. Скородумов («Карандаш») неумело рассказывает реальную трагическую историю о том, как в его родной деревне повесился кулак — с тем чтобы дети могли отречься от него. История же, поведенная Н. Яснец, — о том, как уважающая себя дама прогнала любовника-прошле-лыгу, сродни рассказам, которыми делятся старушки на лавочках.

Изящная, но отмеченная вторичностью стилизация **Кирилла Кобрин** **«Прошлым летом в Мариенбаде»** («Звезда», № 7) воспроизводит ситуацию 20-х годов минувшего века. Модный курорт, томные дамы, писатель, вспоминающий былое. А в **рассказе Виктора Никитина «Новое содержание»** («Звезда», № 7) как бы обыгрывается содержание оперы «Князь Игорь», которую герой с женой и дочерью слушают в театре. Прямо оттуда герой с приступом грыжи попадает в больницу, и ход его болезни странным образом переключается с узловыми моментами оперного либретто. Рассказ **«Волосы»** («Звезда», № 7) того же автора воспроизводит вроде бы незначительный эпизод из жизни молодого человека. Визит к парикмахеру оборачивается чуть ли не перерождением героя: заботливая пожилая парикмахерша придает ему уверенности в себе. Но вскоре она умирает. И молодой человек снова впадает в тягучую заторможенность.

МЕМУАРНАЯ ПРОЗА

К 70-летию **Виктора Голявкина Людмила Бубнова** публикует очередные главы из **романа «Голявкин, гениально, старик!»** («Звезда», № 8). Далекие 50-е; Баку, Ашхабад, Владивосток, Самарканд — все это города, где жил и куда навещался писатель, еще будучи студентом и начинающим художником. Первые успехи, восторженные и заботливые письма к любимой, — все как положено в романтической ранней молодости.

Сильное впечатление оставляют обширные **заметки Елены Рудниковой «Мой любимый наркоман»** («Нева», № 9). Автор их — несчастная мать двадцатилетнего юноши, ставшего наркоманом. Через какие только испытания она вместе с ним ни проходила! Сын разрушил семью, бросил ребенка, связался с компанией таких же, как он, наркоманов, его отчислили из института, наконец, посадили в знаменитые петербургские Кресты — тюрьму, которую его мать — после долгих месяцев непрекращающихся мук — расценила как свое освобождение. А ужас ломки! А страшные, бессмысленные, одурманенные героином глаза сына! Что в сравнении с этим неизбывным, нескончаемым ужасом выдуманные страхи из кинематографических «ужас-тиков»! Надо сказать, что «Нева» в последнее время нередко обращается к

теме «иных», странных, больных людей — своего рода изгоев. И это, хотелось бы верить, в посильной мере послужит гуманизации общества.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

2. Литературная критика

А. «Арион», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Новый очевидец», «Октябрь», «Урал»

За последние два столетия что-то существенно поменялось в литературном мире, и сегодня коротенький пушкинский «Выстрел» нипочем не сочли повестью и не номинировали бы на премию Ивана Петровича Белкина (правда, могли бы дать премию имени Юрия Павловича Казакова — за лучший рассказ). Такое заключение делает **Андрей Дмитриев** («**Говорят финалисты премии Ивана Петровича Белкина**» — «Знамя», № 7). Впрочем, отличие нашего времени — не только в этом. Сегодня мир просматриваем, словно под лучами рентгена: человеческому взору доступны и заоблачные высоты, и бездонные глубины — только кнопку нажать. Мы всё можем видеть сами и как будто больше не нуждаемся в **АВТОРЕ**, который все бы это нам описал и разъяснил. Не оттого ли, спрашивает Дмитриев, нынешний автор чаще глядит в зеркало, чем в окно; не оттого ли «занят всё больше... сюжетом — как побрякушкой, стилем — как игрой, игрой — как товаром»?.. А мир между тем доступнее не стал. И неслыханный страх, который испытывает перед жизнью современный человек, вызван всеобщим чувством «несоответствия видимой легкообъяснимости и легкодоступности всех закоулков бытия — с их подлинной и по-прежнему неразрешимой тайной...». А настоящая литература, познавательное и познающее, т.е. *осмысленное повествование* — и есть один из немногих рецептов от страха перед жизнью; один из немногих рецептов, как, не прячась от жизни, радостно воспринимать ее.

«Затянувшимся брюзжанием» называет **Николай Работнов** свою статью **О ЛИТЕРАТУРЕ МОЛОДЫХ** («**“Babylon” от слова “бэби”**» — «Знамя», № 9). И впрямь, — да только кто бы тут удержался от брюзжания! Прав Работнов: не станет прорываться на международный конкурс девочка, сыгравшая правой рукой гамму домажор; не отправит на вернисаж свою мазню мальчик, впервые взявший в руки краски; но те же мальчики и девочки, «доведись им написать несколько страниц на том, что им кажется русским языком», без колебаний претендуют на право называться литературным авангардом. Доказательством тому — пятнадцатилетняя деятельность альманаха «Вавилон». Отмечая некоторые бесспорные удачи «вавилонцев», автор напоминает все же об упрямой потребности здравомыслящего читателя «**ясно понимать то, что ему говорят или пишут на его родном языке**»¹. Однако создатель и бессменный редактор «Вавилона» **Дмитрий Кузьмин** предъявляет к публикуемым текстам требование: «**чтобы было непонятно**

¹ Все выделения в тексте этой статьи сделаны Н. Работновым.

старшим». Самое поразительное, что это условие — **единственное**. И вот пустое объявляется сложным, бессмысленное — многозначным, зато взаимные оценки авторов-критиков гипертрофируются до крайности. Зачастую в такой литературе и в самом деле ничего не понятно (и не только старшим), поскольку понимать-то нечего. Полисемантика (это когда оборот «старый мусор» *одновременно* можно понять и как «залежавшиеся бытовые отходы», и как «пожилой милиционер») рискует превратиться в негасемантику, предупреждает Работнов, ведь **«смысл не инвариантен, бессмыслица — инвариантна»**. Однако «вавилонцы» более всего озабочены производством именно *новых смыслов* и извлекают их чуть ли не из воздуха. Вот что, в частности, новым смыслообразующим словом в литературе объявляет поэтесса-филолог Дарья Суховой:

пустая строка от залипшей при наборе клавиши пробела;

искажения, вносимые сканером при считывании нечетко пропечатанного текста;

ошибки в выборе кодировки при чтении электронной почты (в результате чего, например, слово «стихи» превращается в «ярхух»);

случайный разрыв слов с переносом без знака переноса...

И так далее. Завершает свой манифест Д. Суховой следующим выводом: **«В современной культуре в целом действия по ухудшению и порче чего-либо имеют художественное значение»**. Выделяя эту цитату полужирным, Работнов поясняет, что такое обобщение Суховой, по ее собственному признанию, сделала под впечатлением моды на драные и изрезанные джинсы. А между тем, замечает автор статьи, «вавилонцы» «принадлежат к первому во всей тысячелетней истории России поколению, на долю которого два величайших доступных человеку блага — молодость и свобода — выпали одновременно». Но они этого совершенно не заметили, поглощенные своей беспросветной тоской. О чем же их тоска? Какие в жизни драмы? Они не знают, что такое элементарная цензура. Никто из них (судя по сочинениям) не нюхал Чечни. Любовь? Но у них и слова-то такого практически не встречается, зато есть «внеплановая вязка», — а то, что прежде называлось произведениями о любви, стало теперь «гендерной тематикой». Переживания за близких? Но авторы «Вавилона» еще не в том возрасте... Они виртуозно матерятся, беспорядочно совокупаются, со знанием дела описывают состояния «кайфа» и «ломки», хотя не дотягивают при этом до уровня давным-давно написанных «Воя» Гинсберга и «На игле» Уэлша. Так в чем же причина их тоски?..

Хочется вмешаться и сказать Николаю Работнову: да вот в этом во всем! Впрочем, он и сам это знает, хотя и заканчивает статью оптимистическим утверждением, что общий недостаток «вавилонцев» — молодость — постепенно проходит и мы-де еще поглядим, что они покажут в свои зрелые годы. Ой, поглядим...

А **Ольга Лебедушкина** у тех же самых «тинейджеров» обнаруживает нечто, что делает их героя «действительно запоминающимся»; это нечто — *способность любить* (**«Новое поколение в поисках утраченной простоты, или Децл как прием»** — «Дружба народов», № 7). Однако такому утверждению

как-то не особенно веришь, поскольку вслед за Денежкиной, Шаргуновым или Духминским под любовью критик подразумевает состояние, выражающееся формулой «я без тебя схохну», что скорее квалифицируется как *потребность быть любимым* — условие для любви необходимое, но далеко не достаточное и взятое само по себе, по нашим наблюдениям, часто указывающее как раз на *не-способность любить*. С остальными же наблюдениями и выводами Лебедушкиной трудно не согласиться. И *первый* из этих выводов — подобная проза появилась не сегодня, просто раньше ее не принято было воспринимать как литературу (так, еще в конце 70-х по поводу повести, которая сегодня вполне могла бы войти в шорт-лист «Дебюта», Владимир Лакшин повторил присказку Бунина о щенятах в проруби: дескать, выплывет — будет писатель, нет — туда и дорога. Щенята же, пишет Лебедушкина, «продолжают упорно рождаться, просто их перестали интенсивно топить в экспериментально-педагогических целях»). *Второе* — та особая инфантильность, которая убеждает, что «двадцатилетний» — категория не возрастная, а эстетическая и идеологическая. Подобная молодость отнюдь не быстротечна, ибо старательно — пусть и не осознанно — законсервирована. У этой прозы словно бы единый общий герой, и герою этому на самом деле не восемнадцать или там двадцать пять, а значительно меньше — тринадцать — четырнадцать лет. Просто дело в том, что вся эта проза изготовлена по лекалу детских книжек 70-80-х годов: это те же Алексин, Крапивин или Железников, только «без купюр». Те же «Позавчера и послезавтра», «Мальчик со шпагой» или «Чучело» — только героям-романтикам «накидывается по несколько лишних годков, что автоматически превращает их в студентов, добавляется в равных долях секс, сленг, мат и рок пополам с попсой...» Но в результате получается, резюмирует автор, совсем неплохо, иногда даже свежо. Непонятно только, почему эту литературу называют **НОВЫМ РЕАЛИЗМОМ**. *Третий* вывод: у двадцатилетних не только общий герой, но и общий на всех враг — «идеальное быдло», голубоглазый обыватель, назойливый носитель «нормальных» ценностей. Против этого врага выступает даже мальчик-мажор Шаргунова, свое «люблю нормальное!» вопящий исключительно из протеста против ненормальности, возведенной в норму. *Четвертый* вывод вполне укладывается в формулу: «прикид как Логос». Ибо прикид — одна из главных метафизических категорий молодежной прозы — не просто основная и зачастую единственная характеристика персонажа, это еще и мощнейший способ организации порядка, порой главная пружина действия, смысл и перводвигатель жизни. В молодой прозе одежда заменяет лицо и бодро несет внутри себя покорное тело. Только следует помнить, что вся эта метафизика тоже «невсамделишная», ее можно надеть, а можно снять (недаром само словечко происходит от глагола «прикинуться»). Вывод *пятый* касается вопросов пола: «малолетки», вступающие в интимные отношения друг с другом, еще слишком малы для четкого осознания ролевых стереотипов и представлений о мужчине и женщине. Так что «никаких вечных вопросов пола» попросту нет и быть не может, как нет и самого пола. Герой зачастую сам не может вспомнить, мальчик он или девочка, поскольку пол (точнее — гендер) можно снять или надеть, как прикид; забыть или вспомнить, как роль. Основной же вывод авторского исследова-

ния, произведенного на основании наблюдений и за молодыми писателями, и за молодыми читателями, — малышами движет тоска по Абсолюту, желание во что-то верить, а также обида на нас, старших, за то, что устроили такой сложный, такой жестокий, такой некрасивый мир. И, заканчивая статью, Ольга Лебедушкина тревожится: а что если, не выдержав сложности мира, молодые решат капитулировать перед ней, «причем даже не в честном поединке, а по сговору, использовав поражение как прием...»

С середины XX века профессионалы сомневаются в жизнеспособности вымысла. Теперь же, на рубеже веков, чем яснее ощущается исчерпанность литературной игры, тем больше хочется уйти в **NON-FICTION**, пишет **Михаил Свердлов** («Мертвая и живая вода современной литературы» — «Вопросы литературы», № 5). В «литературу» из «быта» приходят не только записная книжка, дневник или очерк, но и научно-популярная статья. Литературные премии всё чаще достаются книгам, которые воспринимаются как человеческий документ: «Альбом для марок» А. Сергеева (Букер-96), «Записи и выписки» М. Гаспарова (премия Андрея Белого-99), «Конец цитаты» М. Безродного и Мемуары Э. Герштейн (Малый Букер-98), «Бесконечный тупик» Д. Галковского (Антибукер-97), «Белое на черном» Гонсалеса Гальего (Букер-2003). Массовый читатель зачитывается мемуарами и биографиями, «документ» захватывает театр, а «прямое высказывание» — Интернет. Тем не менее Свердлов убежден, что «литература факта» даже в лучших своих образцах — «мертвая вода»: такие книги знаменуют конец, а не начало, и роль их авторов — послужить «гробовщиками, а не колыбельных дел мастерами». И в первую очередь потому, что они «не столько “за факт”, сколько “против литературы”». Недаром замечательный филолог Гаспаров играет в современной культуре роль «вольного или невольного наставника новейших нигилистов»²: на резвящуюся ораву релятивистов «воздействует не Гаспаров-ученый, а Гаспаров-писатель, забавляющийся “мертвой водой” литературной игры». Этой же «мертвой водой» наполнены «Бесконечный тупик» и «Конец цитаты», старательно поливающие то, что отжило. Обе книги словно претендуют на то, чтоб стать последними в русской литературе, ее тупиком. Обе — своего рода надгробный памятник, эпитафия «литературе о литературности литературы». А между тем, пишет Свердлов, начало нового века требует уже не «могильщиков», а «колыбельных дел мастеров». Пора не хоронить «выдуманную» литературу, а заново учиться ее творить — возможно, на первых порах «не без помочей non-fiction», потому что вымыслу необходимо вновь напиться «живой воды» факта. Одним из «первых, младенческих шагов новой литературы» критику представляется повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», где поначалу — и это очень важно — автор дает понять, что все описанное было на самом деле. Но по мере того, как от главы к главе возрастает накал повести, становится совершенно все равно: факт тут или вымысел. Потому что веришь уже всему. Это повесть о настоящей, невидуманной бабушке, о сумасшедшей любви и смертельной обиде, об отчаянной, не на жизнь, а на смерть, борьбе с любимой дочерью за любимого внука — «о грозных страстях, скрыто

² См. об этом также: Мария Елиферова, «Ревизоры приехали» — «Вопросы литературы», № 5.

управляющих мелочным бытом, неразрешимых противоречиях любви, страшной запутанности жизни». И, читая эту повесть, понимаешь, что современная литература оказывается уже способной «не только зафиксировать, отрефлексировать, осмеять и отправить на цитатную свалку — она вновь, опираясь на то, что было и вспомнилось, создает значительные “характеры”. И мы понимаем вдруг, как мы по этому истосковались».

Журнал «Октябрь» отмечает 80-летие, а заодно расстается с собственным прошлым — смеясь, как и полагается. Опубликованный в № 8 материал «**Всеволод Кочетов как предтеча концептуализма**» подписан именем Евгения Попова, однако принадлежит четырем авторам — главному редактору «Октября» в 1961-1973 гг. **В. Кочетову**, чей роман о гнилой интеллигенции «**Чего же ты хочешь?**» здесь обильно цитируется, **С. Смирнову**, автору пародии «**Чего же ты хохочешь?**», **З. Паперному** с пародией «**Чего же он кочет**» — и, наконец, самому **Евгению Попову**, оформившему все эти тексты в единый блок и снабдившему вступлением и комментариями. Ошеломляет здесь многое. И неожиданная актуальность печально знаменитого кочетовского сочинения — та непоколебимая правота узколобости, которая почти граничит со святостью. И позиция Попова, получившего повод глянуть свысока на всех этих малоумков и приспособленцев — и на либеральную интеллигенцию 60-х, и на тогдашних «служилых конформистов», грезящих о «социализме с человеческим лицом», и на пьяных богемных диссидентов, и на недостаточно пламенных коммунистов, и на коммунистов оголтелых и, само собою, на концептуалистов — которые, впрочем, как и все остальные, упомянуты вскользь. (Заметим в скобках, что, назвав роман Кочетова «отличной навозной основой для возрастания цветов зла в виде концептуализма», сам Евгений Попов и текст романа, и «конгениальные ему» пародии использует именно в качестве *концепта* — словно какой-нибудь Пригов или Кибиров). Так что попутно возникает вопрос, для чего «Октябрь» потребовались именно такие комментарии — или уж ничего доброго не только о покойном Кочетове за тринадцать лет его правления, но даже и о его эпохе сказать нельзя — хотя бы из пальца высосать (ведь даже сам Попов вскользь бросает, что *трагедия* Кочетова в том, что был он *слишком настоящим* советским писателем)? Ошеломительней же всего внезапная острота диалога, тридцать пять лет назад сочиненного Зиновием Паперным:

— Отец, скажи, был тридцать седьмой год или же после тридцать шестого сразу начался тридцать восьмой?

— Не был, — ответил отец, — не был, сынок. Но будет...

На тему **ПИСАТЕЛЬ И РЫНОК** рассуждает **Александр Мелихов** («**Торгуя вдохновеньем**» — «Октябрь», № 7). Зам. главного редактора «Невы» напоминает вещи известные, но как будто бы основательно забытые: «...основной принцип рынка — диктат потребителя — в искусстве приводит к самым печальным результатам, ибо он требует, чтоб незаурядное повиновалось заурядному». Истинный писатель не имеет права служить рынку. Но, может быть, имеет смысл заставить рынок служить себе? Ведь для того, чтоб потенциальный читатель узнал о существовании своего потенциального любимого писателя, существуют интервью в СМИ, а также скандалы или

иные экстравагантные выходки. И вновь Мелихов напоминает: «Суетность в искусстве прежде всего нецелесообразна: можно ненароком добиться славы для кого-то другого, кто по нелепому совпадению носит твое имя».

Валерий Попов, по собственному признанию ни одной «рыночной книги» не написавший, тем не менее делится знаниями, почерпнутыми на Франкфуртской ярмарке («**Простые рецепты**» — «Октябрь», № 7). Оказывается, главный признак бестселлера — не секс и даже не занимательность, а *общественная значимость*. Поразмыслив, Попов вынужден согласиться: «В боевиках... как раз общественная значимость так и прет: “Какую страну предали!” И ты сразу получаешься и читатель, и гражданин»...

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА — бизнес, пребывающий в глубоком застое, пишет **Галина Юзефович** в статье «**Только правда**» («Новый очевидец», № 3). То есть деньги-то он приносит исправно, но все попытки расширить его терпят неудачу. Во-первых, новые звезды на небосклоне коммерческого чтения вспыхивают даже реже, чем в сфере качественной литературы. Во-вторых, многие коммерчески беспрогрышные во всем мире жанры у нас не прививаются. Скажем, «ужасов» в России пока никто не пишет, а «иностранная жуть нашего читателя упорно не берет». В-третьих, приходят в упадок прежде исправные источники дохода. Так выходят из моды классические *любовные романы* — их с успехом заменяют гляцевые журналы, а также томики *дамских детективов*, где успешно совмещаются «два в одном», т.е. слашавая сердечная интрига дополняется «несложной, но ладненькой» детективной историей. Наиболее перспективна массовая нехудожественная проза, *нон-фикшн*. Сегодня под этим словом подразумеваются: практические руководства по диагностике кармы или нейро-лингвистическому программированию; скандально-исторические расследования; отчеты популярных путешественников о странствиях по каким-нибудь заснеженным Гималаям или встречах с внеземными цивилизациями и т.п. Психологи уверяют, что рост интереса к литературе этого рода вытекает из массового ощущения дефицита времени: бесполезное с чисто практической точки зрения становится непозволительной роскошью. А это автоматически повышает статус книг, «оставляющих в мозгу лишь сухой информационный остаток, пусть даже иллюзорный». Издатели охотно издают, а читатели с удовольствием читают литературу, претендующую на практицизм, информативность и достоверность. И если Россия долгие годы оставалась страной, где фикшн продавался лучше, чем нон-фикшн (ведь желание прятаться в вымышленных мирах — верная примета времен неспокойных), то теперь мы уверенно движемся в сторону общемировых стандартов. «Возможно, — пишет Юзефович, — любовь к художественной литературе — пережиток советского времени, когда именно вымысел заменял среднему интеллигенту равно недоступные ему социологию с политологией, историю с эзотерикой и даже секс с эротикой».

Почему пелевинский сборник «ДПП (NN)» удостоился премии «Национальный бестселлер»? — ехидно спрашивает **Сергей Беляков** («Наибест, опять наибест» «Урал, № 8). Ведь эта премия, имеющая девизом слова «Проснуться знаменитым», призвана — в отличие от всех других — вскрывать *не востребованные рынком* таланты. Это **Пелевин**-то невостребованный?! Или, может быть, **Проханов** с «Гексогеном» (Наибест 2002)? С чем, с чем, а уж с

коммерческой ценностью тут все в порядке: оба стали популярны задолго до обнародования шорт-листа. А вот с «Князем ветра» Леонида Юзефовича (Нацбест-2001) или «Голово[ломкой]» Гарриса и Евдокимова (Нацбест-2003) — ситуация совершенно обратная. Эти книжки могли бы претендовать на «традиционные» премии, но разве же это бестселлеры? Попробуйте-ка, пишет Беляков, встретить в метро хоть одного человека, который бы зачитывался шедевром Гарриса и Евдокимова! За четырехлетнюю историю Нацбеста девиз премии сработал лишь однажды: в 2002 году по прихоти Шнура и Хакамады молоденькая Ирина Денежкина чуть было не обошла Проханова. «С тех пор она гордо именует себя “писательницей”». И находятся люди, которые анализируют “феномен Денежкиной”... Впрочем, можно анализировать и инструкцию к средству для чистки обуви...» Но, отмечает критик, никакой прямой связи между художественными достоинствами произведения и его успехом у читателя нет и быть не может. Бестселлер — феномен скорее из области социологии, массовой психологии или даже социобиологии, нежели литературы. И премия тут мало что решает. Так, Гаррос с Евдокимовым удостоились «Национального бестселлера», но бестселлером не стали, а вот лауреат «Букера» Гонсалес Гальего — стал. Может быть, положение с премией изменится, если из состава ее жюри совсем вывести литераторов, — пусть бы судьбу Нацбеста решали только представители потребителя? Но зачем тогда и премия, ведь читатель и без того ежедневно «голосует кошельком», безо всяких шорт-листов и заседаний жюри решая, станет книга бестселлером или нет.

О ПРОЗЕ И ПРОЗАИКАХ

В современной прозе границы между автором и героем становятся все более зыбкими, так что иной раз позволительно говорить о «мировоззренческой автопортретности», о буквальном отражении писателя в персонаже. А персонажи эти, как правило, крайне неблагополучны духовно, так что невольно напрашивается вывод **О ДУХОВНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ** и самого **СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ**. Именно так ставит вопрос двадцатилетняя Валерия Пустовая («Новое “я” современной прозы: об очищении писательской личности» — «Новый мир», № 8). В фокус исследования попадают, с одной стороны, Владимир Маканин (Петрович из «Андеграунда») и Сергей Гандлевский (Лев Криворотов из «НРЗБ»); с другой, Роман Сенчин (персонаж его произведений носит имя Роман Сенчин) — и, с третьей, Илья Кочергин (герой которого тоже зовется Ильей). Молодой задор позволяет Валерии Пустовой без труда определить, правильного ли мировоззрения придерживается каждый из названных писателей; указать на то, как им следует жить на самом деле; а заодно объяснить, что есть «новый уровень личности» и каким предстанет нам литературное «завтра». Однако кроме простодушия и пышущей румяношкой наивности статью отличает завидная глубина литературного анализа, высокое представление об ответственности критика, глубокие и точные наблюдения и обобщения.

Ирина Роднянская предвещает эту статью В. Пустовой теплым напутственным словом, попутно заступаясь за Романа Сенчина, который «раздражает далеко не одну Пустовую». Роднянская пишет, что Сенчин как заразы бо-

ится литературной лжи и именно поэтому пишет единственно о том, что знает доподлинно, «а это единственное — его собственная душа с ее внешними впечатлениями и внутренними движениями». Он внимателен и беспощаден к себе, а «его “серый” слог дотошно описывает мелкие перипетии житъя (за которыми стоит нешуточная... драма неприкаянности)». Сенчин сознательно идет на «убийственную для него *некрасивость*», а иной раз даже моралистически «подставляется». И молодой критик наивно попадаетеся, «ломясь в распахнутую самим автором дверь», уличая писателя в том, в чем он только что сам признался, и даже рекомендуя отправить его «в жизнь», «на картошку» и «в тайгу».

Что верно, то верно: не одну Валерию Пустовую раздражает Роман Сенчин. Сергей Беляков, отзываясь о повести «Вперед и вверх на севших батареях» следующим образом: «Непонятно одно: кому и зачем нужны книги автора, не способного придумать самого элементарного сюжета... с трудом могу себе представить человека, который бы добровольно, не по приговору суда, купил повесть Романа Валерьевича. С моей точки зрения, это редкостная тягмотина... Сенчин пишет по принципу акына: что вижу — то пою» («Лишний писатель» — «Урал», № 7).

Об отечественной биографической прозе, а также о понятии **ИСТОРИЗМА** размышляет **Ирина Паперно** («Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель» — «НЛО», № 68). Исследовательница говорит о «Былом и думах» как символе веры, своего рода учебнике жизни советской интеллигенции. Соотнося свой конкретный биографический опыт с опытом истории, советский мемуарист следует Герцену, а тот — Гегелю. Когда-то в Йене Гегель был поражен случайной встречей с Наполеоном, в котором видел воплощение Абсолютного Духа; Герцен потрясен тем же фактом — в одно время и в одном месте сходятся Абсолютный Дух, восседающий на коне, и Абсолютный Дух, воплощенный в рукописи (в кармане Гегеля лежали листы только что написанной «Феноменологии духа»). Случайная встреча с Наполеоном — важнейший эпизод и первой части «Былого и дум» (правда, на улицах пылающей Москвы с императором сталкивается не сам автор книги, а отец грудного Александра, но именно к этому эпизоду восходит, как считает автор, *духовная генеалогия*³ Герцена). Для русского человека (и современника Герцена, и нашего современника) встреча Писателя и Властителя, столкновение Интеллектуала и Воплощенной истории — вещь особая. Завороженность властью в Советской России была синонимом завороченности историзмом. Это был, пишет автор статьи, эмоциональный эквивалент религии — непосредственное переживание трансцендентного. Паперно вспоминает реакцию Пастернака на телефонный звонок Сталина, а также восторженные воспоминания Чуковского, своими глазами увидевшего вождя... И такая реакция не была чудачеством одного — двух экзальтированных идеалистов, слишком многим виделось тогда в Сталине воплощение гегелевского Абсолютного Духа...

Особенностей отечественной автобиографической традиции касается и **Валерий Черешня**. Его статья «По личной обочине общей истории» посвя-

³ Выражение Лидии Гинзбург.

шена книге Бориса Аверина «Дар Мнемозины (романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции)» («Знамя», № 8). В книге Аверина речь тоже идет «об особом роде религиозности», о мистических свойствах памяти, вскрывающей особые связи — тайные закономерности бытия. Память как процесс, память как результат, память как средство не утонуть в хаосе откровенного абсурда.

Абрам Терц — писатель известный, но читательским большинством не признанный, пишет Андрей Ильенков, представляя читателям книгу славистки Т.К.Непомнящи об Андрее Синявском («Из Америки — с любовью» — «Урал», № 9). Этот писатель действительно *враг* — и не политической системы, а *народа* — «по некоторым важным для этого народа показателям», недаром ему так крепко досталось за «Прогулки с Пушкиным». Вот цитата из книги Непомнящи: «Один из защитников Синявского писал, что в своей книге Терц действительно издевался, но не над Пушкиным, а над отечественной традицией рассматривать **ЛИТЕРАТУРУ** прежде всего **КАК** некое вспомогательное **СРЕДСТВО** для **СЛУЖЕНИЯ** обществу, государству, царю, отечеству, освободительному движению, патриотическому долгу, русской идее». Абрам Терц всегда боролся за право литературы быть литературой, продолжает уже Ильенков, а этого права в России не признавали и не признают: «русской литературе всегда нравилось и сейчас нравится быть больше, чем просто литературой, хотя на практике часто получается, что она — меньше...» Почти всякому писателю хочется быть не простым рассказчиком историй, а Учителем. Или, на худой конец, Хранителем.

Всерьез встревожило умы «Лето в Бадене» Леонида Цыпкина. На эту тему спорят не первый месяц. Статья А. Мейлахса «Место на литературном олимпе» («Октябрь», № 8) — первая из прочитанных нами рецензий на «Лето в Бадене», где ни слова не говорится о еврейском вопросе. Посвящена статья не только самому роману, но и тому, в какой «упаковке» роман этот был выпущен «Новым литературным обозрением». Издательство, как утверждает Мейлахс, сделало все, чтобы настроить нас против автора книги: аннотация, предисловие и послесловие так прочно вдалбливают читателю мысль, что перед ним *гениальное* сочинение, что самое чтение делается невыносимым — всё время невольно проверяешь, да так ли уж гениален текст. Однако, предупреждает критик, нынешние хвалители настригут с издания купонов, да и «поматросят и бросят», настоящую же жизнь книге дает лишь бескорыстная любовь читателя. И для того чтобы такая любовь к роману Цыпкина возникла, достаточно прочитать — и тогда книга понемногу заворочит и очарует, тогда родится ощущение, «что все мы в самом деле живем в истории, где неразрывно сплетаются великое и мелкое, бессмертное и суетное».

Почему евреи любят Достоевского, а он их нет? Эту тему в качестве внутреннего сюжета «Лета в Бадене» выделяет Михаил Лемхин («Доктор Цыпкин и доктор Гинденбург» — «Новый мир», № 7). Однако автор статьи уточняет: Цыпкин задается более узким вопросом. Интересуют его «не евреи вообще, а именно — я». Если верить статье, на поставленный вопрос Цыпкин отвечает очень своеобразно: «Достоевский у него не просто эпиплетик с тяжелым характером, это человек, который не в состоянии видеть и адекватно воспринимать действительность. И уж точно — не в состоя-

нии судить о ней». Все это, естественно, не позволяет Достоевскому романа видеть очевидное: как хороши описанные Цыпкиным евреи и как отвратительны столь любезные писателю русские! «Там алкаши... потерявшие человеческий облик... здесь уют, человеческое тепло и память. Пожалуй, именно это — противопоставление — кажется мне, еврею, самым неприятным и неприемлемым в романе Леонида Цыпкина, — резюмирует Лемхин. — Мне гораздо понятнее то, что пишет антисемит Достоевский»...

«Лето в Бадене есть Зима в Ленинграде, они без зазора по кругу перетекают друг в друга» пишет **Нина Волкова** («Зима в Ленинграде» — «Новый мир», № 7). Количество возможных витков, галлюцинаций, повторений и перетеканий кажется бесконечным, но это не означает бесконечности самого повествования — «очень жесткого и умышленного». Физиологический раствор, на котором вырос текст Цыпкина, — Достоевский и еврейский вопрос. Главная пружина романа, по мнению Волковой, — идея, заблуждение, ошибка — то, что захватывает, морочит и увлекает в пропасть, но зато и дает счастье чистого, независимого от истины увлечения. Самая идея «идеи» дважды выворачивается в большом мозгу героя-игрока и почти становится истиной. Ведь это только для автора созданный в романе извилистый мир ясен и скреплен рифмами, для персонажей он шаток — все действия здесь бесплодны, все расчеты приводят к проигрышу, «все маршруты заканчиваются возвращением, больше похожим на бегство». И бедные герои «Федя» и «Аня» Достоевские, чей «совершенно розановский» мир влажен, тепл и очень выразителен, больше всего напоминают типичную еврейскую чету. Для того-то ведь и понадобилась Цыпкину его ложная идея, чтобы с ее помощью придти к вершине — роману.

Журнал «Наш современник» (№ 8) публикует две статьи к десятилетию «Пирамиды», последнего романа **Леонида Леонова**. Образу Иосифа Сталина посвящена статья **В. Хрулева**, который замечает, что прозаика интересовала самая механика диктаторского режима, не зависящая от национальности и эпохи. Автор статьи напоминает высказывание Леонова: «Когда человек убивает одного человека — он преступник, когда убивает троих — это маньяк, когда убивает миллионы — это национальная проблема». **Л. Якимов** соглашается с теми литературоведами, которые ставят «Пирамиду» в один ряд с такими романами XX века, как «Улисс», «Иосиф и его братья», «Сто лет одиночества». Первооснова художественного мира Леонова — «неостановимый поиск истины, а не скороспешное формулирование ее», недаром писатель любил говорить, что разуму открывается только то, что уже известно душе. Леонов создал поистине философский роман — «роман-культуру, роман-наследие, роман-ноосферу», где как порочный и ошибочный вектор представляет не только русскую историю с ее ставкой на «насильственное счастье», но — всякий путь, на котором осуществляется поиск человеческого благоденствия и счастья на земле. «Пирамида» — прогноз страшного эпилога, предупреждение людей о губительности выбранного ими курса, о том, что как никогда возможен и близок час, когда «обезумевшие от собственного кромешного невежества люди атомной метлой в запале самоистребления смахнут себя в небытие»... Однако кто же сейчас читает такие книги?! Реальная власть над читателем — у Акунина, Марининой, Донцовой, Лимонова

и т.д. Впрочем, когда-то и Вербицкая с Чарской тиражами превосходили всех классиков и прошлого, и собственного, Серебряного, века. Но время все расставляет по своим местам, и где теперь та Чарская, где Вербицкая...

Евгений Ермолин в статье «ГУЛАГ. До востр.» пишет о последних произведениях Евгения Федорова. О том, что писатель, лагерную прозу которого мы давно знаем и любим, с недавних пор сделался «крайним государственнымником». В частности, Ермолин говорит о повести «Поэма о первой любви», в 2003-м году практически одновременно вышедшей в одномотнике Федорова и двух журналах, сибирском и московском. Этот последний — наш «Континент»⁴. Критик отмечает, что действующие лица, подобные герою «Поэмы...» — злопамятные и ядовитые человечки — не раз встречались в прозе Федорова. Бывали среди его персонажей и те, кто не находил идеала среди диссидентствующего дерьма, зато встречал его в образе хорошего и честного следователя, «рыцаря государственной идеи». Но прежде подобное мнение никогда не было абсолютным; создавая диалогическую среду, Федоров умерял «вопиющий субъективизм отдельных голосов», в результате чего голос автора сложно сплелся с этими отдельными голосами. Так и создавался неповторимый Федоровский мир тотальной свободы, где ничто не предreshено и всё вмещается в сложную систему координат. Теперь же отдельный голос не просто стал солировать. Писатель подпал под логику персонажа, растворился в герое — «влип в него». Цепляясь за слабости и изъяны отдельного человека, новый федоровский герой спешит перейти к большим обобщениям и с оголтелостью обывателя обличить всех поголовно: правозащитники 50-80-х годов мелки и ущербны все как один. Мировоззрение героя предельно сближается с авторским, и автор щедро дарит герою (и иной раз герою ничтожному) всего себя — и свою уникальную эрудицию, и свой интеллект, и свой словесный запас. Именно поэтому, с одной стороны, новые персонажи Федорова часто кажутся очевидно неправдоподобными, а с другой, в речи их ощущается «профессиональное, скоморошье усилие увлечь и развлечь игрой слов». Не уставай изумляться тому, как свежая проза Федорова «до странности гладко» вписалась «в новейшее мифотворчество, в советско-чекушный реабилитанс», Ермолин обнаруживает теоретическое обоснование нынешних метаморфоз Федорова в его прежнем творчестве: «Олени сбрасывают рога, слоны — бивни, черепахи — панцирь, змеи — кожу. Человек меняет убеждения» («Былое и думы»). На том основании, что русский бунт плох, Федоров делает неожиданно банальный для заядлого парадоксалиста вывод: покруче с нами нужно, жесточе. «Есть прелести рабства, вытекающие из опасностей свободы», — чеканно формулирует Ермолин. Есть свои пре-

---

⁴ Вышло так непреднамеренно. Пока мы решали, как поступить с рукописью нашего постоянного автора, в которой мы со многим были не согласны; пока редактировали текст, готовя тот вариант, который считали для себя приемлемым (и который был принят автором); красноярский журнал, тоже получивший в свое время рукопись от Федорова, опубликовал ее в первоначальном виде, о чем сам автор узнал только из новомирского обзора. Непреднамеренно вышло, неумышленно. Но как-то уж больно неслучайно — не то промысел, не то издевка судьбы. Ермолин комментирует это следующим многозначительным замечанием: «Очень... *своевременная* получилась книжечка».

имущества у того, кому нечего терять, кроме своих цепей, но это вовсе не означает, что лучший удел человека — казарма или барак. Впрочем, как подозревает критик, новый Федоров, лукавый и двусмысленный, «как будто и сам себе не во всем верит... Гони свободу в дверь, она стучит в окно».

О том, как и почему меняется проза Виктора Пелевина, размышляет Сергей Шаргунов («Удава проглотили кролики» — «Вопросы литературы», № 5). Он отмечает, что для многих представителей старшего поколения имя Пелевина стало своеобразным ругательством — «дикарская новь», «стиль нулевой, язык убогий», писатель — «мертвяк»... Сам же Шаргунов убежден, что ранние книги Пелевина живы как жизнь, увлекательны, многомерны, метафоричны и способны повести за собой любого непредвзятого читателя. Но чем дальше, тем отчетливее проступает в произведениях Пелевина «языковое и смысловое оскудение», «явственное неумение самоповтора». Если прежний Пелевин пытался говорить о самом важном, о сущностных вещах и бойко забавлялся «со страшными и грозными темами, с тем твердым материалом, из которого изготавливали колючую проволоку и корпуса ракет», нынешний «скачет на потеху», безуспешно пытаясь догнать паровоз перемен. Коммерческая ангажированность не может не сказаться и на мировоззрении: «суета сует не сочетается с мыслями об этой самой суете сует». Сборник «ДПП (NN)» отличает отсутствие красочной метафоры, прежде так удававшейся писателю; это книга, «лишенная того, что называют *контекстом* или *формой*», она «в отличие от всех прошлых книг, *неспорна*. В ней отсутствует повод для расширенной дискуссии», «в ней *ничего* нет, кроме фантиков». Писатель Виктор Пелевин, несколькими отборными произведениями обеспечивший себе место в отечественной литературе, все еще жив. Но терпит бедствие.

«Трансвеститскую» тенденцию в современной литературе подмечает Владимир Елистратов в статье «Про Шурика, который “делал это”» («Знамя», № 8). Речь о романе Людмилы Улицкой «Искренне ваш Шурик» — где как раз женский архетип воплощается в герое-мужчине. Безотказный жалостливый Шурик, сострадательно «делающий это» со всеми подряд представительницами женского пола, — не что иное, как сменившая пол чеховская Душечка. А еще «Шурик» — это своего рода энциклопедия советской сексуальной жизни. Во всем же прочем «этот роман Л. Улицкой о том, о чем все другие романы Л. Улицкой» — о вечном томлении пола, о тяжелой женской доле, о том, что мужик измелечал, а также о том, что «это» есть, а любви нету. Улицкая, отмечает рецензент, наделена талантом интересно рассказывать о совершенно неинтересных вещах.

Качественной **БЕЛЛЕТРИСТИКОЙ** мы не избалованы, замечает Надежда Иваницкая («Две траектории отечественного детектива» — «Дружба народов», № 8). И все же она есть. Пример такой беллетристики — яркой, умной, доброй и ироничной, — «Траектория копья» Льва Гурского. Что характерно, этот роман-шарж издан мизерным тиражом — всего 5000 экземпляров. Такими тиражами издается литература, а не масслит.

В поле зрения Ольги Богуславской — две книги, выпущенные издательством Ad Marginem в серии «Коллекция Трэш» — «Байки кремлевского диггера» Елены Трегубовой и «Последний солдат империи» Александра Проханова («Буря и натиск» в стакане воды» — «Знамя», № 7). Как отме-

чает рецензент, объединение этих произведений в одну серию «сводит на нет оппозиционность обоих авторов как друг другу, так и власти». Более того, хит Трегубовой становится своеобразным «паровозом» для сочинения Проханова и дуриком протаскивает его к массовому покупателю. Впрочем, общее у этих книжек не только серийное оформление, роднит их и «поистине титаническая фигура главного героя». И если Трегубовой, по версии созданных ею «Баек», принадлежит ключевая роль во всех мало-мальски заметных событиях новейшей истории, то Проханов (явный прототип собственного героя) становится «последним витязем» и «одиноким борцом» воистину вселенского масштаба. Концепцию же издательского проекта нельзя не признать удачной: оба произведения «трэш» можно читать по отдельности (негодую вместе с авторами по поводу несовершенств мира), можно подряд (смеясь вместе с критиком), можно анализировать тексты, можно просто понаблюдать за скандалом вокруг них — но, как ни крути, проект позволяет заинтересовать максимально широкую аудиторию. А в «сухом остатке» — всё то же: пара никуда не годных книжек⁵.

За «низкий жанр» заступает **Сергей Беляков** («Когда б вы знали, из какого трэша...» — «Урал», № 7). Принято считать, пишет критик, что автор популярного жанра по определению не может быть «хорошим» писателем; понятия «масслит» и «бездарность» стали почти что синонимами. А между тем истинное творчество, как и настоящая халтура, возможны в любом жанре, а вот новое, как правило, рождается не из высокого: не только стихи, но и современный кинематограф, и живопись примитивистов, и театр Кабуки — все это выросло из самого настоящего сора. Автор не обещает, что современная нам трэш-литература однажды произведет на свет что-нибудь великое, только просит не относиться к ней со снобистским презрением.

О ДРАМАТУРГИИ

Современная пьеса вдруг стала всем интересна, пишет **Григорий Заславский** («На полпути между жизнью и сценой» — «Октябрь», № 7). Существует даже мнение, что на фоне очевидного застоя прозы драматургия — та единственная область, где творческая жизнь бьет ключом. К характерным чертам российской «**НОВОЙ ДРАМЫ**» критик относит а) обыкновение свободно оперировать разговорным языком, жаргоном и сленгом; б) преимущественное внимание к темным сторонам жизни; в) малое количество действующих лиц; г) сведение сюжета к истории типа «У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил» и т.п. В общем, «для того, чтобы сегодня иметь успех, пьесе полагается быть яркой, простой и короткой». Сюжеты предельно упрощены, характеров почти нет, диалоги зачастую даны «вместо» поступков. Такие пьесы обычно не оставляют возможности для двоякого прочтения и интерпретации — оттого-то, как правило, и поставлены бывают лишь однажды. Редкая из этих пьес удостоивается двух-трех постановок (так целых три раза была поставлена «Русская народная почта» Олега Богаева). Да это, собственно, и не пьесы; по выражению

⁵ Напомним читателям, что английское словечко trash (мусор) применительно к литературе означает «вздор», «халтура», «макулатура», «дрянь».

режиссера Кирилла Серебренникова, это «тексты для театра». А может, даже не для театра, ведь театр — такой, какой есть — «новым драматургам» неинтересен, с его законами они почти и не знакомы, о чем их творчество свидетельствует недвусмысленно. И если традиционная драматургия исследовала жизнь целиком, «новая драма» норовит «схватить сырую реальность времени», «сканировать» жизнь и тем самым ухватывает лишь фрагменты, отдельные крупы. Привычным становится отсутствие жанровой определенности и сюжета, а главными достоинствами драматургов — зрение и слух. От непосредственных предшественниц Людмилы Петрушевской и Нины Садур (их драматургию принято относить к «новой волне») *новая драма* унаследовала «надрыв, внимание к неустроенному, жутковатому быту, пронизываемость и продуваемость реального мира всеми возможными мистическими ветрами, боязнь патетики и иронию». Но, в отличие от названных «прародительниц», новых драматургов не интересуют персонажи заурядные, нынешние герои — люди необыкновенные, крайние, или находящиеся в необыкновенном состоянии — на грани, на краю. Знамением «новой драмы» становится косноязыкая недоговоренность, самый же большой ее недостаток — отсутствие мысли. Рождение «новой драмы» отменяет самое понятие ремесла (чтобы создать типовой текст, достаточно уметь пользоваться диктофоном) и провоцирует появление режиссеров-дилетантов, выходцев из среды тех же «новых драматургов», поскольку привлечь на свою сторону традиционную режиссуру не так-то легко. «Старики» по-прежнему не ощущают вкуса к новым текстам. Молодые с «новой драмой» справляются, но зато им не дается классика, и они адаптируют ее под себя, выводя на сцену в «исправленном» виде. А самые талантливые драматурги, как водится, не вписываются в жесткие рамки определенного направления, их пьесы — это драматургия сразу и «старая» и «новая». Таковы, к примеру, Ксения Драгунская, Виктор Шамиров, Елена Исаева, Василий Сигарев, Михаил Угаров...

Документальная драма приобрела сегодня литературный статус, она получает премии, печатается в толстых журналах, выходит сборниками. Во всяком случае, дает повод поговорить о том, как сегодня заново словесное искусство выстраивает свои отношения с действительностью, такими словами редакция «Вопросов литературы» (№ 5) предваряет статью Ильмиры Болотян «О драме в современном театре: *verbatim*⁶». Техника ВЕРБАТИМ — монтаж дословно записанной речи — на Западе известна довольно давно. Драматург выбирает тему, затем берет интервью у нужных ему людей, записывает на магнитофон и из всего этого делает пьесу. Причем, по условиям игры, он не имеет права ничего редактировать — только сокращать; особенности произношения, паузы, интонация по возможности сохраняются. Драматический текст создается путем компоновки нескольких интервью. Чаще всего выстраивается монолог или целый хор сплетающихся монологов, порой персонажи говорят по очереди, совершенно не слыша друг друга. «Язык героев без изменений воспроизводит различные стилистические уровни, социодialeкты, интонацию. Целью игры становится создание иллюзии полного тождества исполнителя с персонажем. Именно поэтому ча-

---

⁶ Дословно (англ.)

сто актеры сами собирают интервью». Драматург Елена Исаева убеждена в том, что «российская действительность посильнее любого наркотика», для нее самый документальный театр — это и возможность выговориться, и приглашение к сопереживанию. Вербатим не может быть самоцелью, да он таковой и не стал. Театр вновь становится местом публичного обсуждения социальных проблем, поскольку «защищать интересы других — модная болезнь в среде всех документалистов». «Первый мужчина» Елены Исаевой, безжалостная пьеса об инцесте, — едва ли не единственная вербатим-пьеса, где отсутствуют нецензурные выражения. Сегодня, пишет И. Болотян, как феномен искусства воспринимается и документальное кино, и документальная фотография, где художественность достигается за счет типичности, необычайного ракурса, монтажа. Теми же средствами оперирует и вербатим-драматургия. Понятно, пишет автор дальше, что там, где нет документа, нет и документальной пьесы, но там, где нет хоть малейшего вымысла, не может быть пьесы вообще: документалистика никому не позволяет манипулировать фактами, но сама всю манипулирует документами. И драматурги так или иначе следуют лучшим традициям русского театра, дописывая тексты, наполняют бытовые разговоры символическими смыслами.

О сборнике драматических произведений Юлия Кима «Моя матушка Россия» пишет Наталья Репина («Из Лукоморья с любовью» — «Знамя», 8). Говоря об инсценировках Кима, переложениях для сцены, пьесах или кино-сценариях «по мотивам», следует помнить, что тут речь идет не о «соавторстве» с оригиналом, а о полной переработке, о создании собственного произведения — «так сказать, не о родственниках, а об однофамильцах». А Ким везде остается верен себе, и двенадцать красноармейцев из блоковского «Патруля» коверкают у него русский язык точно так же, как Присыпкин или Бумбараш...

О ПОЭЗИИ

Публикация «Как Чехов писал стихи» («Новый мир», № 9) приурочена к столетию со дня смерти писателя. Автор статьи — известный переводчик Осия Сорока (1927-2001). Из его виртуозного, построенного в форме диалога и как будто бы не вполне серьезного этюда следует, что всякая хорошая проза есть одновременно хорошая поэзия. Повсюду в прозаических текстах автору слышатся тактовики и дольки, он чутко улавливает *скорбные удары тургеневского ритма* и уверяет, что «другого такого поэта-ритмиста у нас не было до Чехова».

Вот *летающие, вальсирующие* шестистишия «Анны на шее»:

Она имела успех у мужчин,
это было ясно,
да иначе и быть не могло,
она задыхалась от волнения,
судорожно тискала в руках веер
и хотела пить.

Вот анапесты «Ариадны» — равноstopные одностопишия, имитирующие монотонность заграничного курорта:

Каждый день мы гуляли и только гуляли.
То бродили по парку, то ели, то пили.
Каждый день разговоры с русским семейством.

Вот полные скорби слова из письма, сами собой улегшиеся анапестом:

во всю жизнь не забыть мне
ни грязной дороги,
ни серого неба,
ни слез на деревьях...

А вот ямб, возникающий в «Палате № 6» в кульминационный момент,
в минуту невыносимого ужаса:

...Затем все стихло.
Жидкий лунный свет шел сквозь решетки,
и на полу лежала тень, похожая на сеть...

Там еще много примеров, а заканчивается этюд такими словами: «Ну, убедились, что Чехов — поэт?.. Что ж, я рад. Я в Чехова влюблен навеки».

Тяга к антологиям — признак конца эпохи. А сейчас — именно время антологий, пишет **Леонид Костюков** («Еще две антологии» — «Арион», № 3). «Кончается эпоха русской силлаботоники; поэзия лихорадочно ищет другие системы и формы...» Писать сегодня «гранеными ямбами нельзя (или почти нельзя)». Безнадёжно устарели стихотворения, где все подчинено последней «стреляющей» строке, как бы метко она ни «стреляла»; устарели также кольцевые композиции, перечисления, повторяющиеся зачины. Поэзия как род искусства переживает кризис, и поэты коллективно пытаются этот кризис преодолеть. Современность сказывается в мгновенности метафоры, в темпе стихотворения, в уничтожении инерции. «В прорастании внутри поэзии не просто прозы, а хорошей прозы. Во влиянии кинематографа — через ракурс и монтаж». Формирующий сегодня *большой стиль* Костюков называет «эссеистикой в столбик». Пройдет полвека, все отстоится — и станет очевидно, что «*вот она, была, новейшая поэзия на рубеже тысячелетий*». Однако автор статьи (он же составитель одной из антологий) не обольщается насчет судьбы такого рода изданий: не понесет их мужик с базара, не положит в одну авоську с ананасами, «Шарпом» или Дарьей Донцовой. «Вообще, категория «широкого читателя», — пишет Костюков, — представляется мне расплывчатой и даже нежелательной в теперешней поэтической лавке. Я бы сузил».

Начиная свои «Заметки о петербургской поэзии» («Арион», № 3), **Елена Невзглядова** напоминает о различиях между Московской и Петербургской поэтическими школами. Разделение общепринятое, но, разумеется, условное. Москва — город-экстраверт: древний, хаотичный, самопроизвольный. Петербург — замкнутый, упорядоченный, педантичный — регулярный. Традиционалистский. Однако сегодняшний петербургский поэт имеет дело с традицией уже 300-летней давности и неизбежно попадает на «чужую территорию», так что его оригинальность «проявляется прежде всего в способе употребления *чужого слова*». И стремясь избежать повторов, поэты сознательно идут по пути обновления. В современной поэтической реальности критик видит два таких пути. Первый — сюжетная новизна, но путь этот нередко

заводит в тупики физиологизмов, анатомизмов, с одной стороны, и злоупотребления религиозной атрибутикой, с другой. За редким исключением «подлинное чувство выразить непросто; вместо этого в строку набиваются аксессуары веры, бесконечные ангелы, голгофы и т.п.» Гораздо более плодотворно внимание к «мелкому» поводу — «случайному» предмету, психологическому мотиву, оттенку смысла и оттенку чувства. И путь от мелочи до высокой поэзии оказывается порой на удивление кратким. В этой связи автор упоминает Алексея Машевского, чьи стихи чисты, свободны от фальши, умны и воспитанны. Об Алексее Пурине сказано, что его оригинальность неволью ставит перед читателем барьер, а «тоска по мировой культуре» составляет одновременно и основное достоинство и основной недостаток его поэзии. Стихи Ивана Дуды похожи на сны: «чудные, неожиданные образы, положенные на музыку льнувших к сердцу трехсложников». Александр Танков ощущает жизнь словно, как бывает в детстве, при очень высокой температуре, в полубреду, когда предметы видятся с особой ясностью и выпуклостью:

Над Фонтанкой ходит угрюмый снег,
В магазине заперт дежурный свет...

Давид Раскин «говорит о том, что жизнь не имеет смысла, пуста, однообразна и бесцветна — но сколько разнообразных оттенков этой бесцветности он умеет привести!» И вот парадокс: безнадежность этих стихов «странным образом рассеивает мрак, оправдывает бессмысленность бытия и оказывается даже утешительной». Одобительно отзываясь автор о новом сборнике Александра Фролова, о стихах совсем молодых Анастасии Скориковой, Дениса Датешидзе и Ксении Дьяконовой, а строки Вероники Капустиной представляет как своеобразный эпиграф к современной петербургской поэзии:

...Пока гадаем, кто всему виновник,
не надо, друг мой, забывать, что рядом
растет и зреет молодой крыжовник,
и мерит нас своим зеленым взглядом...

Замечательный «Рейнланд» Ильи Фаликова («Дружба народов», № 9) не перескажешь. Тут портрет Евгения Рейна, автопортрет и мемуары одновременно. Вот цитата: «Его (Рейна — *ред.*) отношения с музой — укрощение строптивой. Его метрическая одаренность — поединок с медведем, наступившим на ухо. Жалобный медвежий рев глухо прокатывается в глубине ритмических дебрей и в тончайших звуковых узорах».

Максим Шапир в статье «...А ты прекрасна без извилин...» («Новый мир», № 7) приводит и с корректорской въедливостью комментирует десятки неправильностей, двусмысленностей, поэтических оговорок, ошибок и неряшливостей в поэзии Бориса Пастернака. Но делая это, главный редактор журнала «Philologica» не ставит перед собой цель развенчать классика. Напротив, Шапир доказывает, что поспешность, небрежность, даже своего рода косноязычие — органические черты эстетики Пастернака и что отражают они «не творческую прихоть художника, а объективные тенденции языка». Именно в таких «ересях» реализуется — и с годами всё отчетливее — пастернаковская «неслыханная простота» —

...И чем случайней, тем вернее...

О сборнике Веры Павловой «Вездесь» пишет **Татьяна Алешка** («Многих счастливей, многих печальней» — «Новый мир», № 7). Вера Павлова, сказано в статье, «запечатлела в стихах еще не рассказанный облик женственности». Ее лирическая героиня нарушает все границы... «в стремлении оставаться собой». От имени «всегда обнаженного “я”» (каламбур у автора статьи вышел невольнo) Павлова повествует о том соре, из которого, по Ахматовой, *растут стихи, не ведая стыда*, — и тем самым «преодоле- вает границы между жизнью и литературой», вписывая в контекст культу- ры жизнь не только души, но и тела. Афористичность Павловой есть форма протеста против «оползня жизни» (выражение рецензентки). Стихи ее убий- ственно точны, бесконечно искренни и правдивы, однако они были бы невозможны, не будь в них

...коккетства, игры, бравады,
лести, неправды, фальши,
жалобы, наглости, злобы,
умствования, юродства...

Заметка **Андрея Ильенкова** «Эндшпиль как дебют» («Урал», № 8) — о коллективном сборнике уральских поэтов «Эндшпиль». Альманах этот очень эффектен. Обложка его столь достоверно имитирует складную шахматную доску, что вводит в заблуждение даже шахматистов. Эпиграф из Василия Смыслова «отдает чем-то масонским» — дескать, познание эндшпиля — волшебный ключ к тайне мастерства. «Но это масонское бледнеет перед... своего рода гностическим манифестом Сергея Ивкина “Шахматная скри- жаль”», где «автор вводит профана в наиболее общие законы шахматно- бытийной онтологии. Например, как посредством шахмат Бог и сатана дея- лят мир, совершая ходы и комментируя их... дальше — классический дебют четырех коней Апокалипсиса... Затем... Ивкин сопоставляет фланги и цвета с мужским и женским началом, правым и левым полушарием, и мы узнаем, кто из них Хозяин, кто Философ, кто Воля, кто Конкретная логика... Страшно помпезно и одновременно восхитительно стильно». Авторы соответствен- но шестнадцать — и каждый соотнесен с определенной фигурой, белой или черной. Если бы, пишет критик, существовало такое понятие, как «глян- цевый» поэтический альманах, оно в данном случае как раз подошло бы. Что же до самих стихов, читателю, пораженному грандиозной формой, уже как-то не до них. Тем более, что ни в составе авторов, ни в их поэзии ничего столь же нового, ошеломляющего и эффектного читатель не обнаружит.

«Евангелие от Марфы» — так **Кирилл Анкудинов** назвал статью о новом сборнике **Инны Кабыш** «Детство. Отрочество. Детство» («Новый мир», № 9). Инна Кабыш, чье имя у широкой публики ассоциируется с присутствием *тяжкого* быта и пафосом выживания, — вовсе не социальный поэт; она, как утверждает критик, — поэт метафизический. И суть ее метафизики укладывается в несколько слов: дети, боль, любовь, дом, Бог. Именно так. Ценности выстраиваются и отражают человеческое предназначение в та- ком именно порядке, поскольку «все, что отвлекает человека от... любви, от

детей, от продолжения рода, — бесовский морок» и там, где есть отвлеченность, нет любви. Анкудинову такая позиция напоминает о евангельской Марфе, суевившейся по хозяйству, пока сестра ее внимала Христу. Но ведь, избери и она «благую часть», — и что же?! — и Он, и Апостолы остались бы голодными. А «кому, как не Марфе, знать, что гостя подобает накормить, а плачущего ребенка — утешить?» Ведь Марфа верует и любит не меньше, чем Мария. Так «почему бы Марфе не записать свое Евангелие? Ведь она видела Его и даже беседовала с Ним...»

«**Наши в Чечне**» — так называется вышедший в Екатеринбурге поэтический сборник Алексея Мельникова. Рассуждающий на эту тему критик с известной грацией назвался **А. Печерским** («**Парнас и спецхран**» — «Урал», № 8). Сборник составляет «блатная лирика», точнее не лирика, а драматургия своего рода — «ряд стихотворных рассказов и баек от лица ролевого персонажа, ушибленного... войной или тюрьмой». В данном случае, по словам автора статьи, заимствован творческий метод Владимира Высоцкого — «писать о том, с чем знаком только понаслышке, благодаря чему возникает известная легкость мысли и лихость, с успехом заменяющая всё остальное». К каждому стихотворению приложен словарь арготизмов, иногда более напоминающий подстрочник. Говоря коротко, резюмирует рецензент, «стихи ужасные, байки расхожие, но читать почему-то хочется — и желательно вслух, в веселой компании». Интереснее всего, что автор (он же издатель) оснастил книжку всевозможными наворотами — «тут вам и предисловие Н. Коляды, и выдержки из критических статей на обложке, и «Summary» на английском языке (с отсылками к Р. Киплингу и Э. Хемингуэю, Р. Бернсу и Ч. Буковски, Э. Бёрджесу и У. Кеннеди, Д. Джойсу и У. Фолкнеру)... и даже нечто плутарховское, а именно: сравнительное жизнеописание Мельникова и Мельникова-Печерского... Для тонкой книжки в мягкой обложке, пожалуй, многовато, ну да зато от души».

Эдуард Кузнецов как особый род поэзии исследует автоэпиграмму, полагая, что она (а также автопародия, автоэпитафия) — своего рода рентгеновский снимок, говорящий об авторе едва ли не больше, чем его более академические труды («**Себя как в зеркале я вижу...**» — «Вопросы литературы», № 4). В коллекции Кузнецова — ряд очень забавных экспонатов. Так, на коллективном шарже «Парад советской литературы» Кукрыниксы изобразили колонну писателей во главе с Горьким, замыкал же ее Эмиль Кроткий. По какому поводу этим *последним* и было написано:

Известный скромностью натуры,
Я не без умысла, увы,
Плетусь в хвосте литературы —
Она воняет с головы.

О КРИТИКЕ

Каким образом на протяжении пятнадцати лет менялось представление критиков о современной российской литературе? Как зазор и надежды начала 90-х постепенно угасали и в конце концов сменились сознанием, что литература утратила прежнюю роль в обществе, а победа на рынке

досталась не либералам или консерваторам, не западникам или славянофилам, а прагматикам масслита? За всем этим внимательно следит Алла Латынина. Обильный материал для такого исследования дают два сборника статей — «Скрытый сюжет» Наталии Ивановой и «Перемена участи» Сергея Чупринина. Статья Латыниной так и называется: «Скрытый сюжет: перемена участи» («Новый мир», 8) — и игра с названиями в данном случае отвечает существу дела. Оба критика, как замечает Латынина, ставят литературе постсоветского периода один и тот же неутешительный диагноз, однако сообщают о своем открытии совершенно по-разному. Там, где Чупринин безоглядно рубит с плеча («нулевые годы», «бессильное отчаяние»), Иванова предпочитает высказываться осторожно и взвешенно, с известной долей оптимизма и очень подробно рассуждая о «поисках идентичности» или «перекодировке истории». Одна из причин подобной осторожности, по Латыниной, — нежелание обидеть зарубежных славистов («и без того половину кафедр позакрывали»). Однако основным *скрытым сюжетом* в книге Ивановой становится та самая чупрининская *перемена участи*, что затронула сегодня и писателя, и читателя, и критика.

Приятно отметить, что взрослые коллеги обратили внимание на появление в критическом цехе двадцатилетних Юлии Качалкиной и Валерии Пустовой. О доброжелательном внимании Ирины Роднянской к одной из них мы писали выше. Другой повезло меньше. Качалкиной совершенно неожиданно достается от Сергея Белякова за опубликованную в майском «Октябре» статью «Купание красного быка» («Урал», № 9). Молодой и вполне стильный выпендрож — одновременно пародийный и наивно-поэтический — Беляков принимает за журналистские штампы и (изохряясь в пародийно-поэтических остротах совершенно того же типа) язвительно цитирует, как кто-то трогает личность «за большие места биографии», как писатели «со всех концов России» приезжают на «форум» в Липках, «чтобы послушать мэтров и смело поговорить с ними о главном». Может, оно и хорошо, что далеко не всегда начинающих критиков хвалят. Важно, что заметили. Потому что есть что заметить.

Тот же Сергей Беляков вступает в полемику с Ириной Василенко, чья статья «Человек в информационном обществе» опубликована в № 5 «Нашего современника» («В ожидании конца света» — «Урал», № 9). Статья эта, как замечает Беляков, примечательна не оригинальностью идей, а как раз их типичностью. Он подмечает, что в среде левых и антизападнически настроенных интеллектуалов бытует мода, «вместо того чтобы доказывать свою идею, опираясь на логику и факты, подкреплять каждый тезис цитатой...» Возможно, подозревает Беляков, это объясняется убеждением, что «отечественного западника только ссылка на какого-нибудь Хабермаса или Фуко и может пронять». Такова и статья Василенко, где рассказывается, что мы живем в мире, где правит «Его Величество Реклама» — вернее, *ее* (рекламы) производители, — в мире виртуальном — телевизионном, компьютерном. Мы выключаемся из реальности, перестаем быть гражданами, теряем свою идентичность, превращаясь в потребителей и не умея дать отпор тем, кто нами манипулирует. Отмечая по ходу дела, что героиня Распутина таки расколола молотком телевизор — «этого заклятого врага патриотической интеллигенции», Беляков

резонно возражает, что потребителем человека никто не делал — он таков по природе своей, а способов уходить от реальности всегда было множество, и один из них — чтение литературных журналов. А что до Апокалипсиса, тут весьма отрезвляюще действует знание истории: люди не первое тысячелетие его ждут, совершенно ни в чем не меняясь, зато всякий раз считая свою эпоху самой значительной, самой ужасной и самой последней.

И НАПОСЛЕДОК. Вот уже второй раз подряд нам не удастся выбрать для обзора ни одной статьи из журнала «Москва». Объясняется это не разницей позиций, а тем, что наиболее яркие из «московских» статей носят не столько критико-литературоведческий, сколько отчетливо публицистический, яростно-полемический и даже манифестальный характер. Что ставит нас в сложное положение: во-первых, обзор — не место для полемики, во-вторых, утверждаемые «левыми» истины давно и хорошо известны, как хорошо известны и возможные наши возражения (см. хотя бы предыдущий абзац). Вступать же в собственно литературную полемику с критиками «Москвы» тоже довольно сложно, поскольку зачастую «московские» критики, давая оценки литературным произведениям, не трудятся эти оценки обосновывать. Вот достаточно показательный пример:

«Мрачны были наши 90-е годы. ...Те, против кого мы ярились, оставленные без присмотра... торопливо делили что могли, тащили, прихватывали газеты с телевидением, рассовывали по чужим банкам народные деньги, застраивали страну барахольными палатками от моря до моря, сыпали словами соблазнов и постепенно, но проворно отменяли мешающие понятия: честь, совесть, традиция, милосердие, долг. Так что уж можно было расстреливать парламент, предавать Приднестровье, разваливать страну — все можно было делать. Ничья была страна. Ни высокого характера, ни жертвы. Русский писатель обессилел и смолк, потрясенный. Да и кому он был нужен, когда в том же 93-м злые старухи с обезумевшими лицами носили на Манежной площади портреты Ельцина и набрасывались на злых старух с портретами Ленина. И ельцинские были злее. Словно в школе хотя бы не читывали ни Пушкина, ни Толстого.

Астафьев честил тогда большевиков, Белов — демократов в одинаковой горячности, словно так недавно не жили они в одной Вологде и не радовались одному и не могли наслушаться друг друга. Будто одно сердце на двоих рвалось...

...Проза после этого писалась трудно... Тем более, что совестливую прозу... уже подталкивало, теснило на обочину развязное племя молодых, обрадовавшихся возможности осмеять так долго сдерживающий их мир и снять наконец штаны прилюдно. Как распространившийся со скоростью заразного заболевания Виктор Ерофеев, как иронические, брезгающие родиной и русским человеком, холодно-умные и на все глядящие именно из плоскости равнодушного ума В. Пелевин и В. Сорокин, И. Кабаков и А. Шаров. Дамы, такие, как В. Нарбикова или Л. Петрушевская, старались не отстать и выражались решительнее мужского сословия, заставляя краснеть солдатские подразделения. А тут еще М. Жванецкий и С. Альтов, Р. Карцев и М. Задорнов, Е. Винокур и Е. Петросян — имя им легион. Тут подросли буккеры, неотличимые от антибукеров, триумфы и маски, концептуалисты и постмодер-

нисты, фэнтези и фикшны. Все засмеялось, заспешило на презентации, сделалось легким и вечно праздничным, завиигрывало миллион и заугадывало мелодию. Просто минуты уже не оставалось на жизнь, а тем более на какую-то память о покинутой земле и на глазах затонувшей стране. Каждый побежал от ночной тоски сломя голову, а тоска за ним» (**Валентин Курбатов «Свет во тьме светит»** — «Москва», № 9).

Обзор подготовила Ирина Дугина

В. «Звезда», «Нева»

Столетие со дня смерти **А. П. Чехова** — ключевая тема июля. **И. Сухих** в статье **«Агенты и пациенты доктора Чехова»** («Звезда», № 7) исследует взаимоотношения *доктора Чехова* и *писателя Чехова*. Все знают шуточные чеховские слова: «Медицина — моя законная жена, а литература — любовница». Однако же шутка эта повторялась автором десятилетиями, носила, как всегда у Чехова, парадоксальный характер и, как отмечает Сухих, больше похожа на убеждение. Чеховский мир «прошит и прострочен» образами докторов. А Чехов, постоянно наблюдающий людей в болезнях и страстях, слабостях и пороках, видит мир именно как врач. Нервность человека — нерв чеховского художественного мира, отмечает критик: «Нервность и раздражение перерастает в невыносимое душевное страдание, при котором спасительной кажется даже мысль о самоубийстве». Нервность — страх — психопатия — душевная боль — припадок — мания: проходя по невидимым ступеням этой лестницы, Чехов, однако же, все время помнит о *норме*. Критик вспоминает и знаменитые слова чеховских героев о том, что будет в России через 50 лет. Через 50 лет в СССР был ГУЛАГ. И в середине XX века, отмечает автор, чеховские герои казались счастливыми неврастениками.

А. Неминуший («Метаморфозы иконы в художественном мире Чехова» — «Звезда», № 7) рассматривает сакральные мотивы, заявленные Чеховым в изображении «иконного ряда». Икон в чеховских текстах мало, отмечает исследователь: упомянуты они всего 22 раза. Но эти упоминания несут характер знаков, и качество их нуждается в системном изучении. Так, в ранней прозе Чехова появление иконы вводится в комический контекст. А далее, по мнению автора, функции иконы как знака становятся разнообразными: тут и десакрализация, и профанация иконического знака, и мотив его «затемненности», размытости, и даже мотив утраты контакта между человеком и образом.

Руслана Киреева («Чехов. Посещение Бога» «Нева», № 7) более всего занимает отношение и самого писателя, и его героев к смерти. Чехов, пишет автор, не позволял себе слишком много думать о смерти, но у художника самое заветное прорывается зачастую помимо его воли. Недаром последнее творение Чехова, «Вишневый сад», заканчивается стуком топора по дереву. Киреев полагает, что с теми же звуками заколачивают крышку гроба. Чехов, как считает автор, жил с невероятнейшей интенсивностью и умер, по сути, глубоким стариком, хотя и было ему всего сорок четыре года (причем Россия ждала смерти гения, и он об этом знал). Но главное, что отмечает автор, знающий массу подробностей о жизни и смерти Чехова, — это *посещение Бога*, которое состоялось в самый последний миг жизни писателя.

Пару эссе **Григория Померанца** и **Зинаиды Миркиной** под общим названием «**Два начала века**» публикует «Нева» (№ 9). Сегодня, в начале века XXI, пишет Померанц, человечество, как и две тысячи лет назад, вновь оказалось в тупике цивилизации. И выход из тупика — «только вовнутрь, в тот внутренний мир, где рождаются новые смыслы, в царство духа». Вторая часть эссе посвящена полемике со статьей **К. Кедрова** «**Иван Денисович Цинцинатов**», в которой, в частности, сказано, что русская литература всегда умиралась убожествам. Померанц опровергает даже не тезисы этой статьи, а самый ее стиль — откровенно бесцеремонный. *Стиль* полемики, утверждает Померанц, важнее *предмета* полемики. В споре должны незримо присутствовать образ и подобие Бога. Людям не следует забывать, что они — люди.

Миркина смотрит на литературу серебряного века — с позиций человека глубоко религиозного. XX век с его «торжествующей свободой — свободой кровопролитий, свободой ненависти, свободой звериных инстинктов» — был, как известно, пророчески предсказан **Достоевским** в «Бесах». Что же такое свобода? — задается вопросом автор. Свободен человек, умеющий *видеть*, т. е. «доглядеть мир до его божественной сути». Всякая другая свобода — фантом. К такой фантомной свободе и прорывался XX век. **Александр Блок** «насильственно соединил обе свободы, поставив Христа впереди кровавой революционной толпы».

Сугубо литературную тему — «**Женщины Гончарова: двойники-антиподы**» — затрагивает **Чжон Мин Кима** («Нева», № 7). Автор отмечает конструктивный принцип гончаровских романов — парность персонажей, составленных по принципу сходства или контраста. В основном речь идет о героинях «Обыкновенной истории». Критик вспоминает размышления **В. Кантора**, обратившего внимание на то, почему же Ольга Ильинская («Обломов») именно «Ильинская». Да потому, что «она предназначена Илье». Только вот Илья Ильич Обломов «взять ее не в силах».

К интересной теме — творческой эволюции классика советской «государственной» поэзии **Александра Прокофьева**, о котором давно никто ничего не пишет, — обращается **Лев Аннинский** в статье «**Кумачовая рубаха вперемежку с пестрядиной**» («Нева», № 8). Для Питера А. Прокофьев «не чужой» — много лет он возглавлял Ленинградскую писательскую организацию. А когда-то... Семнадцатилетний поэт, написавший о том, что нищая старуха должна не просить помощи у богачей («так и дал бы ей в ухо, в оба уха, чтоб не думала просить у богачей»), а законным образом требовать ее, естественно, приходит к большевикам, а затем становится чекистом. И верит в большевистское дело безоговорочно. В общем-то, поэтом он был не бездарным: Аннинский усматривает в его стихах влияние и Луговского, и Сельвинского, и Есенина, и Клюева. «Государственный» поэт действительно выдал «на-гора» почти «сто томов своих партийных книжек». «Может показаться, — пишет Аннинский, — что там, внутри, все легко и даже невесомо, но на самом деле душа, мгновенно принимающая форму идеологического сосуда, потаенно отдана своему, сокровенному». Чему же? Это остается для читателя загадкой.

С размышлениями Л. Аннинского отчасти перекликается статья **Э. Шнейдермана** «**Клуб-81 и КГБ**» («Звезда», № 8). Фактически этот творческий союз

был создан ленинградским КГБ. Удивительно, отмечает автор, что сегодня в этом признаются не только сотрудники «органов», но и кое-кто из поэтов, входивших в «Клуб-81»! Неужто свою творческую свободу молодые поэты обменяли на общарпанную комнатенку в полуподвале, которую им милостиво предоставили? Но не все так просто. Сотрудники «компетентных органов» еще в перестроечные годы активно внедряли в общество мысль о том, что на самом деле они тайно сочувствовали неофициальной культуре. В действительности же чекисты «заигрывали» с поэтами, пытаясь их запугать и тем самым расколоть клуб. Оно и неудивительно: «Клуб-81» представлял собой, говорит автор, наиболее крупную за весь советский период неофициальную творческую организацию. Объединяла она прозаиков, поэтов, переводчиков, искусствоведов, критиков. Клубу, вспоминает Шнейдерман, бывший в те годы его членом, удалось добиться от властей небывалого — фактически автономного существования. Да Клуб почти и не обращал внимания на предъявляемые ему требования.

«Я уже очень давно не верю во исцеляющую силу правды, — пишет **А. Мелихов** («Завал обид на пути к общей сказке» — «Звезда», № 7), — даже самая нежная дружба и — тем более — любовь в огромной степени основываются на всевозможных уклонениях от правды...» А. Мелихов высказывает это, рассуждая о книге **А. Солженицына** «Двести лет вместе». По мнению автора, созданный Солженицыным «фантом русско-еврейских отношений» не улучшил, а ухудшил их. Заканчивая статью, автор выражает надежду на создание двухтомника — ну, допустим, под заглавием «Двести лет вместе — 2». «Да, мы громоздили и совместные безумства, и совместные мерзости — но мы творили и совместные подвиги и создали совместную красоту: история нашей общей жизни прекрасна и величественна. Ну а то, что чувство величия невозможно без примеси ужаса, — это истина из разряда азбучных».

Как всегда, весьма богата и разнообразна авторская рубрика **С. Гедройца** «Печатный двор». О книге **Я. С. Лурье** «История одной жизни» (СПб., 2004; «Звезда», № 7) написано, что покойный ее автор, великолепный историк, литературовед, публицист, был воплощением «бесстрашного и безутешного ума, для которого одна радость: как можно точнее сформулировать факты и отражаемую ими закономерность». О книге противоположных качеств — сочинении **Т. Устиновой** «Олигарх с Большой Медведицы» (М., 2004; «Звезда», № 7) сказано, что целомудренный труд этот можно смело рекомендовать институткам. Но, с другой стороны, как только читателю становится скучно, «раздается выстрел или взгляд падает на труп». Анализирует С. Гедройц и книгу **Кати Манн**, вдовы Томаса Манна, «Мои ненаписанные воспоминания» (СПб., 2003; «Звезда», № 9), перевод которой (переводчик, автор вступительной статьи, комментариев Л. Миримов) обильно насыщен ляпсусами и небрежностями. О романе **Е. Гришкова** «Рубашка» (М., 2004; «Звезда», № 8) сказано, что книга не в последнюю очередь держится «предельным усилием инфантильной искренности». Это фирменная интонация писателя-актера. «Она дает тому, в ком отдается, чувство собственной ценности, а вместе с ним — чувство обладания какой-то подлинной сущностью».

Обзор подготовила Евгения Щеглова

«МИР — ОЧЕНЬ ПЕСТРАЯ И ИНТЕРЕСНАЯ КАРТИНА...»

Интервью с Сергеем Голлербахом

Имя Сергея Голлербаха мало еще известно на родине, хотя в последние годы появились статьи о нем и у нас, в России — российская художественная общественность получила возможность познакомиться с его работами и высоко оценила их. Сошлюсь хотя бы на статью Эммануила Штейна «Дипицы» — *русские художники Америки* (см. «Русская галерея», 199, № 2), где автор очень тепло пишет о нем, как о художнике многих дарований, замечательном бытописателе нью-йоркских улиц, утонченном акварелисте, «первом (по количеству и качеству) русском оформителе книг зарубежных авторов». В Америке же слава его как одного из крупнейших русских художников современной Америки давно уже получила свое закрепление и всеми необходимыми почетными регалиями — он Действительный член Национальной академии художеств (Нью-Йорк), почетный Президент Американского общества акварелистов, член Общества художников Одюбон. Его имя известно в Америке (а теперь становится известно и в России) и как автора книг «Заметки художника», «Жаркие тени города», «Мой дом» (сейчас в Петербурге готовится к печати книга его прозы и воспоминаний «Свет прямой и отраженный» — ИНА-пресс), а среди американских русских он и вообще пользуется совершенно особой, исключительной любовью, и если вы произнесете в этой среде его имя, да еще сообщите, что дружны с Голлербахом, вас тоже полюбят, обласкают и заранее простят все ваши глупости и недостатки. Какие-то удивительные свет и тепло исходят от этого замечательного человека, а это в наш тяжелый век не так уж часто встречается и потому не может не ободряживать и не вдохновлять.

Между тем судьба отнюдь не баловала Сергея Голлербаха, эмигранта второй волны, человека 23-го года рождения. Говоря словами другого эмигранта второй волны, поэта Николая Моршена, «...Он прожил две войны, переворот, / Три голода, четыре смены власти, / Шесть государств, две настоящих страсти. / Считать на годы — будет лет пятьсот».

Вот об этих «лет пятьсот», о поколении, об истории, о судьбе и шел наш разговор в уютном, но респектабельном нью-йоркском закрытом мужском клубе художников «Лотос», среди членов которого (шутя заметил Сергей Львович) только двое русских — Барышников и он...

*Марина Адамович,
Член редколлегии «Континента»*

— Сергей Львович, Вы — известны в эмиграции и как художник, и как эссеист, мемуарист. Тем не менее для российского читателя, вообще мало что знающего о второй эмиграции, Ваши книги практически недоступны (надеюсь, что издание «Света прямого...» как-то поправит ситуацию). Поэтому мой первый вопрос — безыскусный, но необходимый: расскажите о себе, о Вашей семье, о Вашем, я знаю, старом и почтенном роде.

— Насколько я знаю от своего отца, мой прадед приехал в Санкт-Петербург в 1840 году. Он был подмастерьем пекаря. Род был из Баварии — кажется, в те времена там жила большая семья Голлербахов. Прадед был младшим сыном и стать владельцем пекарни ему не представлялось возможности, так что он решил попытать свое счастье в Петербурге, где в то время была немецкая колония — еще со времен Екатерины Второй. В Петербурге прадед основал немецкую пекарню. У него было 16 человек детей, десять — от первой жены, потом он овдовел и женился вторично — и появилось еще шесть детей.

Мой дед был одним из первых десяти. И он поднялся на одну ступень выше своего отца — у него была уже булочная-кондитерская в Царском Селе. По преданию, у него покупали пирожные Анна Ахматова и Николай Гумилев. Между прочим, в царскосельской газете, что издается сейчас, были напечатаны воспоминания старожилов, которые вспоминали, какие вкусные пирожные были в кондитерской у Голлербахов. У деда было два сына, мой отец и дядя, которые считались уже русскими интеллигентами. Дядя был художественный критик, литератор, поэт, а отец — инженер. Таков мой род. Между прочим, в Америке довольно много Голлербахов, но это не родственники, а однофамильцы. Очевидно, в сороковые годы XIX века в Баварии было бедственное положение, и часть Голлербахов разъехалась по свету.

С материнской стороны — это род офицеров, дворян, которые двор свой давно потеряли и служили Государю и отечеству как военные. По слухам, мой прапрадед участвовал в убийстве императора Павла Первого (но этим гордиться нечего). Мой дед, еще до женитьбы на бабушке, пошел добровольцем воевать против турок и даже имел какой-то сербский орден. Это был 1878-1879 год. Дед был 1860 года рождения. Потом он женился, у него было двое детей, моя мать и дядя. Дед кончил свою карьеру генералом для особых поручений при Великом князе Константине Константиновиче, шефе кадетских корпусов. До этого дед был директором Воронежского кадетского корпуса, до того — инструктором в Киевском и Одесском кадетских корпусах. И то, что мои родители поженились, было в некотором смысле мезальянсом: мама — дворянка, а отец — купеческого происхождения. Правда, дедушку сделали купцом первой гильдии и даже почетным гражданином Царского Села. А это звание переходит по наследству. Так что я и мой племянник Евгений Александрович Голлербах являемся наследственными почетными гражданами г. Пушкина. Вот такая родословная.

— *А как Вы попали на Запад?*

— Случайно, из оккупации. Когда началась война, я жил в Ленинграде, был учеником 9 класса средней художественной школы Академии художеств (СХШ). Школу собирались эвакуировать. Отец ушел на фронт 27 июня, он был инженер-радиотехник. Мать преподавала в Политехническом институте, который тоже должен был быть эвакуирован. Занятия кончились, и меня сразу же забрали на окопные работы. Около месяца я пробыл там, потом был в отряде ПВХО. Мы все стремились в Ленинград, потому что Пушкин (Детское Село было переименовано перед войной в город Пушкин) был в основном деревянный, и мы боялись, что он весь сгорит. Мы даже отправили в Ленинград часть наших продуктов — но уехать самим не получилось: разбом-

били железную дорогу, обстрел был страшный. Мы забрались в подвалы — и вот в одно утро кто-то вылез из подвала и закричал: «Товарищи, немцы пришли!» Так мы и попали в немецкую оккупацию. Это время немецкой оккупации — с сентября 41-го по февраль 42-го — было довольно страшное время. Страшный голод. Мы были в прифронтовой полосе — никакого хозяйства там уже не было, огороды все разграбили, магазины разграбили. Ели жмых, выклянчивали что-то у немцев. Поскольку Пушкин был городом интеллигенции, людей относительно зажиточных, то выменивали у немцев хлеб на вещи. Были немецкие офицеры, которые говорили по-русски — в основном балтийские немцы. Многие были милы к нам, понимали наше положение, но были и спекулянты, которые за текинский ковер давали буханочку хлеба.

Мы уже потихонечку умирали с голоду. Город был закрыт, началась партизанская война. В феврале 42-го года нам сказали, что население города вывозят на работу в Германию. Так я и очутился в Германии. В лагере оказалось много интересных людей. Был известный литературовед, друг моего дяди Разумник Васильевич Иванов-Разумник. Мы с ним были в одном бараке. Там же была и внучка поэта Иннокентия Анненского, дочь Валентина Иннокентьевича Анненского (Кривича), моя первая, еще довоенная, подруга — мне было 6 лет, ей — на два года больше. Потом там была вдова стратонавта Васенко (в 1933 году запустили стратостат и все погибли) — Таня Васенко, знакомая моей матери. Таня умерла в лагере. Были там вдова и дочь писателя Александра Беляева, с которыми я познакомился во время немецкой оккупации (сам Беляев уже умер от болезней и голода). Дочь звали Светланой — потом, после войны, она прочла где-то мои воспоминания и написала мне письмо.

Да-а, вот так мы были в том трудовом лагере... Правда, поскольку нас «эвакуировали», то я остовского значка не носил. Мы проскочили. И вообще надо сказать, моя судьба очень счастливая. Мне даже иногда как-то неудобно. Проскочил через всю войну — только зубы болели. Причем так: ложишься спать — зуб ноет, не можешь заснуть, только объявят воздушную тревогу — зуб проходит, отбой — ложишься на свои нары, а зубная боль опять вернулась... Сказать, что я голодал?.. Кормили отвратительно, но вот в чем парадокс: то, что нас вывезли в Германию, оказалось спасением: мы просто погибли бы от голода.

Да, в лагере был еще один художник — Оскар Юльевич Клевер, сын художника Юлия Клевера — был такой художник, специализировался на восходах и закатах, посредственный вполне, а Ося был прекрасным иллюстратором, иллюстрировал Салтыкова-Щедрина. Они после войны вернулись — не знаю, что с ними стало.

— *Расскажите о Разумнике...*

— Понимаете, хотя мне тогда было восемнадцать лет, но я был, как говорил когда-то Василий Васильевич Розанов, *недовольтившийся*. Я был простым советским школьником, который был в восторге, что поступил в Художественную школу. Конечно, я много читал, но говорить о литературе, скажем, с Разумником?.. Да и не до того было. Все мы были такие доходяги после голода в Пушкине. Голод, немцы, лагерь — неизвестно что и как...

Тяжелое время. С Разумником я играл в шахматы. Он где-то у немцев достал шахматную доску, причем он был простужен, лежал лицом к стенке, диктовал мне ходы — и выигрывал. Человек он был странный, маленького роста — эдакий уродец. Знаю, что до войны он был замешан в каком-то деле, сидел. Из-за него даже арестовали моего дядю.

— *Как сложилась Ваша жизнь в Германии?*

— Во время войны из-за моей немецкой фамилии была опасность, что меня сделают немцем. В лагере меня, в некотором смысле, спас отец: на вопрос «где ваш отец?» я ответил — «в Красной армии» (кстати, по-немецки я не говорил). Меня спросили, хочу ли я поступить в полувойенный лагерь — как немец, я отказался.

— *А это не было опасно: сказать про Красную армию, отказаться?..*

— Знаете, все равно все знали — да и доносить могли... доносчики есть ведь во всех слоях населения и во всех нациях. А в Германии я тяжело работал — разгружал вагоны, работал в поле... Тогда же, под конец войны, довелось пережить и американские налеты. Не хочу сегодня об этом особенно говорить, но я знаю, что это такое — когда бомбы кладут ковром. Мы лежали на окраине города, там были наши бараки, юго-восточная Саксония... Когда попадает бомба, земля содрогается и бьет вас в живот как боксер перчаткой. Словно живая... Как я уцелел, не знаю. Под конец войны я сбежал из лагеря, началось полное столпотворение: беженцы из Восточной Германии, русские, поляки, украинцы, балтийцы...

А потом война кончилась. Было странное такое ощущение... Вдруг я понял, что больше не будет бомбежки, что я жив. Мне 21 год и, может быть, у меня даже будет какая-то жизнь... И возникла мысль продолжать учиться.

— *Это было ощущение радости, покоя?..*

— Радости, да. Но не покоя. Известно было, что Сталин хотел насильственной репатриации бывших советских подданных. И все правительства согласились на это. Саксонию, где я был, отдали русским войскам, но я добрался до Мюнхена. Там было такое бюро труда, созданное американскими оккупационными войсками. По-английски я не говорил ни слова, но в бюро работал русский переводчик Извольский. Он спрашивает меня: молодой человек, а что вы умеете делать? А я ничего не умел — разве лишь разгружать вагоны. Но тут я догадался сказать, что учился рисованию. — А портрет вы можете нарисовать? — Конечно, я сказал, что могу (хотя, признаться, толком не умел). И тогда он дал мне рекомендацию в клуб американских солдат, куда нужен был художник, чтобы делать портреты-наброски с посетителей. Чисто европейская система приработка: сидит художник и рисует портреты проходящих. Так я стал художником в американском клубе (надеюсь, те рисунки не сохранились). Это было странное время. Клуб был солдатский, мне платили по контракту деньгами, которые ничего, конечно, не стоили, но клиенты давали мне сигареты, а пачка сигарет — это был эквивалент платы за три месяца в мюнхенской Академии художеств. Сначала я работал по целым неделям, а потом, когда начал учиться, то работал в клубе субботу-воскресенье, а на неделе учился. Это было идеальное существование. Тем более, что в клубе я имел право питаться. Правда, кухни там не было, был только кофе и сладкие бублики-донатс. Помню, с голоду-

хи я съедал по сорок штук в день, и еще приносил эти бублики в лагерь, потому что можно было брать с собой. С тех пор я очень люблю эти донаты.

Клуб этот был под шефством американского Красного Креста. Я познакомился с одной американкой, ее звали Кэрол, она начала учить меня английскому. Как-то она меня спросила, не хочу ли я эмигрировать. Я сказал — да, но не знаю, как и куда, у меня нигде никого не было (мама была со мной). Кэрол пообещала что-нибудь сделать. И она действительно нашла мне в штате Коннектикут старушку, художницу-любительницу, которая занималась благотворительностью. Старушка содержала каких-то китайских сирот и по просьбе Кэрол дала мне так называемое поручительство, по которому я приехал в США... как садовник. Художником я приехать не мог. Условием старушки было, что долго я у нее не задержусь. Второе поручительство было от Толстовского фонда. Александра Львовна, младшая дочь Льва Николаевича Толстого, приехала в Америку, купила куриную ферму и основала Толстовский фонд. Там эмигранты из России могли жить и питаться бесплатно, пока не найдут работу. А потом выплачиваешь задолженность. Воспользоваться помощью Фонда мне не пришлось, я немножко пожил у старушки, а от нее переехал в Нью-Йорк, быстро нашел работу и постепенно сумел встать на ноги. Так я попал на Запад.

— *А ваша матушка?*

— Нас вместе вывезли в Германию, потом она была в других лагерях, но все-таки можно было писать письма, сообщение было. Она приехала в беженский лагерь уже перед самым концом войны. В Америку попала со мной, жили мы какое-то время вместе. Последние тридцать лет, с 50-го по 80-й, когда она скончалась, были, по ее признанию, самыми счастливыми годами ее жизни. Знаете, поколение моих родителей, которое родилось перед началом XX века или в самом его начале, пережило непомерно много. Первая мировая война, революция, Гражданская война, сталинское время, потом Вторая мировая... так что молодости у них не было. Себя же я считаю очень счастливым человеком. Я попал в Америку, в страну-победительницу, страну богатую, мне было 26 лет — и вся моя взрослая жизнь прошла без войны. А у них, понимаете... Не было ничего. Это русское поколение было трагическим.

— *А как сложилась Ваша жизнь здесь?*

— Ну, у меня было пролетарское начало жизни в Америке. Я приехал как садовник. Садовник моей старушке был не нужен... кстати, кроме того, что она была художница-любительница, она принадлежала к религиозной секте «Христианская Наука». Она не верила в медицину, считала, что человек должен сам себя лечить добродетельным поведением — так она и скончалась. Она любила птиц и ненавидела кошек и собак. Приехал я к ней в ноябре 1949 года, так что начал с того, что сгребал осенние листья. Работал и у соседей — убирал листья, выгуливал собак, мыл окна... Параллельно я ездил в Нью-Йорк, старался найти работу. Мои друзья нашли мне работу печатника в мастерской шелкографии. Работа была грязная, но кормила нас. Большинство рабочих были русские. Дизайнером был младший сын известного нашего графика, театрального декоратора Мстислава Добужинского. Его сын, Всеволод Мстиславович, рисовал собачьи головки для галстуков. Там я

проработал два года. Что мне было делать — профессии ведь никакой. Конечно, как художник я мог что-то делать, но у меня не было своего творческого лица, да и вообще я не мог ожидать, что смогу прожить на деньги, вырученные от моих картин. Шелкография скоро развалилась, и я с большим душевным трепетом поступил в ателье, которое занималось рекламой. Оно существовало при большой литографской фабрике, и я был там художником на все руки: я что-то рисовал, что-то клеил... Интересная деталь: художественный директор Тони рассказал мне, что его отец был другом и собутыльником Джека Лондона. Лондон был социалист, один из первых американских социалистов, думаю, что сам Тони был коммунистом, во всяком случае, он убеждал меня, что Сталин был прав, когда провел коллективизацию, — я с ним спорил... Он был добрый такой человек, ругал капитализм... А я, конечно, испытывал некую эйфорию от Америки: страна богатая, я зарабатываю... А он мне: поживешь — увидишь, республиканская партия и демократическая — это две стороны одной и той же монеты... Говорил: при известной поддержке телевидения и рекламы моя собака может стать президентом... Да, я его вспоминаю с теплым чувством. Он курил и пил, а сам был наполовину немец, наполовину ирландец. И он мне говорил: «У меня два доктора, ирландец и еврей. Если я чувствую, что пить мог бы бросить, а вот курить — нет, я иду к еврею, доктор запрещает пить, но разрешает пару сигарет, и наоборот»... Когда мы расстались, мы переписывались. Умер он 80 лет. Милый человек. Да... И вот я понял тогда, что западные коммунисты и все сочувствующие советской власти и любившие Сталина — это не советские коммунисты, знающие, что такое советская власть. Это были люди-идеалисты, ничего, кроме Америки, они не знали; они хотели всего самого наилучшего всем народам мира, чтоб всем было хорошо. Что тут делать!.. Я с ним спорил, он не верил... Эти люди, не зная действительности, верили во что-то хорошее. А рыночная экономика — прекрасная система. Но она же имеет и отвратительные черты. Впрочем, как и все другие системы. Здесь нет черного и белого, масса оттенков серого, потемнее и посветлее.

— *Что было после Тони?*

— Некоторое время я был безработным, получал пособие и ходил в художественную школу, в рисовальные классы, с моим другом, чудным художником Юрием Бобрицким... Я решил стать свободным художником. Решил, что буду зарабатывать иллюстрированием книг. Был такой замечательный график, эмигрант из Германии, Фриц Айхенберг, мне посоветовали ему написать. Он мне давал всякие советы, говорил: «Вам никто не даст иллюстрировать Шекспира и даже Эдгара По, идите в детскую литературу». Там я сделал несколько книг, но они были ниже моего уровня. Помню, я показал свои иллюстрации одной агентше для художественных иллюстраторов. Мне посоветовали: возьми какую-нибудь историю — папа, мама, дочь и сын, собачка. Сделайте, мол, свою версию иллюстраций. Я старался, рисовал и понес агентше. Она посмотрела и сказала: «Знаете, родители у Вас — несимпатичные люди, дети тоже какие-то странные, а собака злая». И я понял, что мне не нужно заниматься детскими иллюстрациями.

Тем не менее через Айхенберга я познакомился с замечательным русским художником-эмигрантом Федором Степановичем Рожанковским. Замеча-

тельный иллюстратор, особенно ему удавались животные. Он был старый эмигрант, жил во Франции — ругал Францию, потом переехал в Америку — ругал Америку... Обожал Советский Союз, но ехать туда не хотел... Женат он был на Нине Георгиевне, дочери Георгия Федотова. Чудные люди, все умерли уже... Тогда же я познакомился с Марком Слонимским, но знакомство это как-то не развилось.

Потом мне пришлось опять поступить на работу в одну фирму... Словом, было больше денег — меньше денег... Чуть подработав, я снова становился свободным художником... Продолжал учиться. Полгода учился в Art Students League, известная школа. В конце концов, я стал преподавать живопись и занимался свободным искусством. Это был долгий и не хочу сказать — мучительный путь, но все-таки были всякие срывы, падения и подъемы.

Помимо собственно живописи для меня самое приятное занятие было — преподавание. И я хочу сказать именно русским читателям: ни в одной стране искусство так не популярно, как в Америке. Большинство студентов были у меня женщины. Обычная история: молодая женщина, талантливая, хочет стать художницей, но выходит замуж, дети, и вот — уже сорок лет; муж, наконец, хорошо устроился на работе, дети уже в колледже, и чтобы не скучать, она идет заниматься живописью! Многие из этих моих учениц были очень талантливы. Вот это громадное количество жен врачей, инженеров и так далее, занимающихся живописью, — вот это и есть фундамент американской художественной жизни.

— *А где Вы преподавали?*

— Я преподавал в местной Академии художеств, называется National Academy of Design, в Нью-Йорке. Основателем ее был Сэмюэль Морзе — тот самый, кто придумал телеграфную азбуку. Он был портретист, а в качестве хобби занимался всякими электрическими штучками. Академия находится в хорошем районе, в верхней части 5-й авеню, там живет масса богатых людей. Кроме того, там живут дипломаты. Так вот, в моем классе были жены дипломатов. Одно время была жена посла Индии в ООН. Затем была очаровательная югославка Весна, жена югославского консула в Нью-Йорке. Потом были молодые китайцы, которые, в общем-то, приехали получить «грин-карт», но им нужно было как-то задержаться, и они стали студентами. Надо сказать, талантливейшие были ребята. Они когда-то учились в Китае у своих профессоров, которые, в свою очередь, учились в Советском Союзе. Так что это были настоящие советские соцреалисты. Но портреты все были косые: такие бородастые русские мужики, но — косоглазые! Потом была японка. Я ей, бывало, говорю: «Сделайте фон немножко темнее» — а она мне кланяется. В какой-то момент я стал ездить преподавать по Америке — и до сих пор продолжаю это делать, провожу семинары акварельной живописи в разных штатах. Из 50 штатов Америки я побывал в 23. Все северо-восточное побережье. Встречал замечательных людей. Знаете, часто русские эмигранты говорят: американцы — они же ничего не понимают, ничего не знают, дикие люди... Но разве русские люди откуда-нибудь из глубинки не «дикие»? Так же не знают, как живет чужой мир. Тем не менее и те, и другие — чудные люди! Чего они не знают, того и не знают, но их собственный мир — замечательный. Вот, скажем, я встретил одного старика... Меня пригласили в го-

сти в штате Оклахома, там же был почетный гость — старик 80 лет, скульптор, который делал бронзовые статуэтки ковбоев и индейцев. И вот он рассказал мне, что он — пятое поколение скотоводов, приехали они в Америку в XVIII веке, — «и самый замечательный человек был мой отец, это был человек немногих слов». Представляете себе такого длинного, мрачного американца, который ненавидел музыкантов и ...проповедников (замечательная комбинация). И поэтому молодой человек не мог сказать отцу, что хочет стать скульптором. Ему пришлось ждать, пока папа не умер. И в этом — глупинная Америка. Я думаю, если где-нибудь в нашей Сибири сын скажет отцу: хочу быть скульптором... Представляете этого сибиряка-отца... Я полюбил Америку. Со всеми ее громадными недостатками, это все-таки великая страна. Я бы сказал — так же, как и Россия. В России есть замечательные люди, замечательные истории, а есть и отвратительные периоды истории, есть и злоба, и Бог знает что... то же самое и в Америке. Но это не значит, что такую страну нужно списать со счета.

А в разговорах с американцами я всегда защищаю Россию. Говорят: а вот у вас был Иван Грозный... (Как-то в Германии я слышал, очевидно, не анекдот, а правду, якобы какой-то немец сказал: Иван Грозный, за свою жестокость прозванный Васильевичем...) На что я отвечаю: а Генрих Восьмой?... а кто бил индейцев? Хорошо, мы завоевали Сибирь... а кто завоевал Америку? Ведь говорили же здесь некогда: хороший индеец — мертвый индеец. Так что Россию я всегда защищал. Но я знаю и хочу об этом во всеуслышанье заявить: в каждой великой стране была масса мерзостей, но это не значит, что это не великие страны. Понимаете, нет черно-белой гаммы, мир — это очень пестрая и интересная картина.

— *Сергей Львович, раз мы коснулись неких общих вопросов истории и народов, давайте на них и остановимся. Я помню, в одном из Ваших эссе Вы размышляли о том, что форма устойчивее содержания, и пока она существует, можно верить в жизнь и в будущее. Так, побывав в России после многолетнего отсутствия, Вы заметили, что, мол, содержание народа может меняться, но форму Вы увидели сохраненной...*

— Да-да, помнится, я говорил о лицах русских девочек и их ресницах... Да, я до сих пор цепляюсь за эту версию. Об этом можно написать целую диссертацию. Мой профессор-немец говорил, что содержание рождается из формы. Об этом можно спорить. В русском искусстве всегда преобладало содержание. Но дело в том, что когда художник смотрит на человека, человека любой национальности, даже нации врага, и вы видите, к примеру, красивую девушку, красивое молодое лицо... понимаете, все политические соображения отпадают. Вы видите жизнь с большой буквы, вы видите красоту, вы наслаждаетесь формой, Богом данной. И знаете, это и спасает нас от политических, расовых, национальных и религиозных предрассудков. В этом отношении искусство стоит над всей этой суетой сует.

— *В том смысле, что содержание привносится человеком, его идеей — а форма есть некая данность?..*

— Да, она — вне. Выше. Скажем, мы всегда говорим: ах, молодость, красота! Но старуха для художника может быть так же красива. Отношение художника к форме иное, чем у обывателя. Красота может быть в характере

морщин, свидетельствующих о прожитой жизни, это другая реальность. Так что я за форму держусь. Может быть, я в этом смысле более западный человек, чем многие русские художники. Но правильно понятая и прочувствованная форма дает вам содержание более широкое и глубокое, чем все теории вместе взятые. Словом, я за форму, не отрицая содержание.

— *А помните у Достоевского мысль о том, что русскому человеку при необыкновенно богатом содержании не хватает именно формы...*

— Знаете, русское искусство вообще было во многом создано под влиянием извне. Византия — и вот она, русская икона... Я видел византийские, греческие иконы — русские выше. Понимаете, русские принимают какие-то художественные импульсы, перерабатывают на свой манер и создают свою собственную форму. Так и в балете, театре. И суть здесь не в соревновании. Кстати, о соревновании — вот черта, которая роднит Америку и Россию. Догнать и перегнать. А ведь каждый хорош по-своему. Знаете, в «Князе Серебряном» кто-то говорит: ниже Трубечких не сяду. В этом есть некое чувство неполноценности. Которого быть не должно.

— *В самых разных Ваших эссе я обнаружила повторение, в общем-то, одной и той же мысли: о существовании некоей первоосновы мира, начальной формы, очень простой по своей структуре, но как каркас скрепляющей все и вся. Эдакая своеобразная элементарная частица мира, до-этическая, до-эстетическая, почти физиологическая, а скорее, как ген содержащая в себе всю основную информацию о человеке и человечестве. Мне кажется, этот «ген» определяет даже стиль Ваших эссе и в самые возвышенные моменты удерживает Вас от «красивостей», от эстетства, от «пошленьких ассоциаций», как Вы их называете. Яркий пример — эссе «Небесная музыка»: помните, 31 декабря 1941 года — «..вдруг я услышал небесную музыку, будто хрустальные колокольчики играли какую-то тончайшую мелодию. На минуту я вспомнил, что в жизни есть не только голод, смрад и смерть, но и что-то красивое, почти потустороннее» — это звенели обледеневшие полоски на разбитых стеклах окон; «можно было бы прибавить — то был похоронный звон по умирающему городу Пушкину. Но тогда мне такие пошленькие ассоциации в голову, к счастью, не приходили»... Ваши тексты, Ваши картины очень лаконичны — мимолетный взгляд, но при этом взгляд, фиксирующий этот самый ген первоосновы. Пишете ли Вы о спасительной плотности земли (ощувив ее во время бомбежки) и ее запахе (который помог выжить в лагерное время), об интимности смерти (голод оккупации), о физиологичности ссыльного нищего детства и войны... в итоге возникает признание: когда человек опускается на дно, к смерти, оправдывается, одним словом, тогда вычленяется этот ген жизни — и начинается его уже созидательная работа.*

— Знаете, я не знаток философии, но в экзистенциализме есть понятие экстремальной ситуации и связанного с ней момента просветления, возникающего в экстремальной ситуации. Когда опасность, вспоминаешь о Боге. На дне вы чувствуете, что все вокруг сведено к минимуму, что вы просто — человеческое существо, которое хочет выжить. И тогда неважно, кто рядом с вами. Это просто существо, которое так же, как и вы, жаждет спасения. И знаете, это ощущение что-то человеку дает. Это положительное ощущение. Но с другой стороны, в экстремальной ситуации бывали и случаи, когда муж у

жены отнимал корку хлеба. Голод — страшная вещь, которая меняет психику человека. У меня не было во время войны такого окончательного голода. Когда долго не ешь, появляется апатия. Но есть активные характеры, которые начинают бороться за жизнь. Так же, как и умирают люди по-разному. Один говорит: ну, Господь к себе прибирает, перекрестится, попросит прощения у всех... А другие — рвут, клянут: как это *Я* умираю?!.. И вот то же самое и в голоде. Таков мой личный опыт. Мы все в каком-то смысле были и эгоцентрики, эгоисты, но мы не душили друг друга... Знаете, что меня часто волновало уже после войны? — Вот сидишь в канаве какой-нибудь, вокруг бомбы сыплются. И ты думаешь: только не в меня, Господи, пронеси, чтобы мимо... Но мимо — это в кого-то рядом. Рядом, где другие молятся о том же, чтобы — мимо. Вот как такую молитву воспринимать? Молитва о спасении — в том смысле, что попади в другого?.. Как-то нехорошо получается, понимаете?.. Но тут ничего не поделать. Я в конце концов пришел к мысли, что это просто чисто человеческий страх, который ограничивается пространством: «не в меня».

— *Ту же примерно мысль я встречала у Георгия Адамовича. Он заметил: некогда Лев Толстой выдвинул перед человеком настолько высокий нравственный критерий, что тот оказался не по плечу реально живущим. И следующие поколения — после революции и войн — сделали иной выбор: они заняли позицию некоей опрошенности, приняли простоту естества. Не тот ли это уровень естественности, о котором Вы и говорите?*

— Да. Только замечу, что такая естественность все-таки имеет две стороны. Принято считать, скажем, что богатым людям свойственен эгоцентризм, даже не социальная, а — чисто этическая эксплуатация массы. На социальном уровне в прошлые века так, кажется, оно и было. Но есть и принципиально другая сторона медали — которая особенно ярко проявляется в наше время, время активной деятельности человека массы. Бедность и нищета могут человека извратить. И, скажем, Луис Бунюэль прекрасно это показал в своих фильмах, где зажиточная доброта сталкивается с криминальной нищетой. Хотя до сих пор самая распространенная точка зрения — «довели беднягу». Конечно, довели... Но человеческая натура сложнее.

— *Давайте здесь вернемся к эмиграции, которая и дно это пощупала, и по-разному с него поднималась, и ощущение судьбы — вынесла. И первая волна, и вторая...*

— Знаете, должен признаться, я считаю, что эмиграции — особенно первой волне русских эмигрантов — было тяжелее жить на Западе, чем их соотечественникам в России (конечно, исключая тех, кто попал в ГУЛАГ). Русская эмиграция была деклассирована. Дамы света стали подавальщицами в ресторанах, офицеры — водили такси...

— *Кстати, знаете, почему все пошли в водители такси? Я недавно встречалась с дочкой барона Врангеля, она как раз об этом мне рассказывала. Да потому, что у них до революции были собственные машины и офицеры эти умели водить машину, а как профессиональные военные они больше ничего в мирной жизни делать и не умели. Вот так все просто объясняется. А женщины семьи Врангелей в Париже пробовали заниматься кондитерским бизнесом — варили из ежевики конфеты, как в имение, а позже, уже в Брюсселе, сама*

Наталья Петровна шила плюшевые игрушки — и между прочим, первые разноцветные плюшевые медведи в Европе были сделаны именно ею. Разноцветными же они стали потому, что шили игрушки из плюшевых занавесок, которые покупались у старьевщика. Занавески же, как известно, редко бывают медвежьего цвета. Я видела у нее в квартире одного такого медвежонка — чудный такой teddy-bear.

— Вот-вот, так я продолжу. В Советском Союзе, если ты не попал в ГУЛАГ и если смирился и готов был молчать, то ты мог жить. А вторая волна — наша волна — пройдя рабочие лагеря и выжив, в Америке не была деклассирована. Да, я печатал галстуки, да, философ Левицкий работал в госпитале, выносил вырезанные аппендиксы, мы занимались тяжелым физическим трудом, но тот же Левицкий потом стал профессором американского университета. Вторая волна очень быстро встала на ноги, и в течение нескольких лет люди стали профессорами, врачами, т. е. вернулись в привычную для них социально-культурную среду. А третья волна выбралась на поверхность еще быстрее. Так что в смысле деклассирования, понижения социально-культурного уровня, именно первая волна русской эмиграции была по-настоящему трагической. И что удивительно, при этой деклассированности у них была такая интеллектуальная жизнь! Она их и держала.

— *Вы принадлежите ко второй эмиграции. Сергей Львович, как устанавливались и, на Ваш взгляд, сложились ли вообще отношения между второй и первой эмиграциями?*

— То, что одни — белогвардейцы, а вторые — все-таки «советские», — это имело значение только для очень небольшой части первой эмиграции. Одна дама как-то сказала моей матери: «Знаете, они — советские, а там ведь порядочных людей не осталось, их всех расстреляли». А мать ответила: «Извините, я сама из Советского Союза». Такая вот неловкость возникла... Но это, конечно, была не интеллигенция, а средний армейский состав, которому вообще было свойственно деление русских на «проклятых большевиков» и «белых рыцарей». У них и жены были такие же вредные.

А так — контакт, конечно же, был с самого начала. Писатель Ржевский переписывался с Буниным, и взаимный интерес между кругами интеллигенции первой и второй волн был очень большой. Появлялись на горизонте и некие странные фигуры, вызывавшие, впрочем, большое возмущение и среди первой, и среди второй волн. Скажем, ныне покойный Михаил Михайлович Коряков. Кажется, он был партийцем, потом сбежал сюда, каялся — я помню его выражение: «Все мы, живущие в Советском Союзе, кролики с коротким дыханием!» И кто-то ему возразил: «А мы не были кроликами...» Я помню, многие встретили отрицательно Аллу Кторову: что это за хамский советский язык — Манька да Зинка, почему нельзя сказать: Маша, Зина?.. Неприятие советского этого языка, советского типа, его еще называют *hoto soveticus*, было и у первой, и у второй эмиграции. Это не было принципиальным отторжением. По-настоящему конфликта не было. И кстати, очень много было так называемых смешанных браков: он из старых эмигрантов, она — из «советских», и наоборот.

— *Первая эмиграция жила с сознанием некоей внутренней задачи сохранения России, «консервации» России для будущего возвращения на родину. Об*

этом говорит и лучший исследователь первой эмиграции Марк Раев в своих книгах, и ныне покойный князь Алексей Павлович Щербатов мне об этом говорил — в общем, некая общепринятая точка зрения потомков первой эмиграции. И собственно, при выполнении этой задачи эмигранты первой волны и поумирали потихоньку... А была ли подобная задача у второй эмиграции? Или все было по-человечески проще и понятнее: выжить — и жить.

— По-моему, Вы точно сказали: это было проще и понятнее. Вторая эмиграция вся прошла через некий советский опыт, потом они были отрезаны железным занавесом, и желание сохранить русскую культуру, скажем, у детей и внуков... Знаете, Америка — страна, которая засасывает. Так же, как и Россия. Конечно, интеллигенция средних лет оставалась в душе русской. Я помню Ивана Елагина, Леонида Ржевского — я помню, они говорили: «Как хорошо было бы, если б нас читали в России!.. Мы пишем для России...» А дети их, даже и язык сохраняя, становились американцами. У меня самого — сын, который свободно говорит по-русски, пишет, правда, с ужасными ошибками, но он здесь родился, вырос... конечно, он американец! И в Россию его не тянет, а я, признаться, и не знаю, что бы он там делал... Нет у него тяги, ностальгии... А с другой стороны, у меня есть один очень милый знакомый, он родился в Югославии, очень религиозный человек, он всю жизнь мечтал попасть в Россию. Я познакомился с ним в Мюнхене. Он меня, бывало, спрашивал: «Сережа, а вот этот лесок — он напоминает Россию?..»

И опять-таки я думаю, что для тех, кто сохранил в душе образ России, поездка обернется огромным разочарованием. И — неправильным! Потому что нужно уметь видеть через то, что наслоилось, скажем, за советские годы или в последние десятилетия разрухи... Нужно видеть глубинную настоящую Россию. Меня часто спрашивают, особенно эмигранты третьей волны: «Ну, вот Вы были в России — это же ужасно?!» На что я отвечаю: я отсутствовал 52 года и попал на родину. Да, в какой-то степени для меня нынешняя русская жизнь — экзотика. У меня было и чувство неловкости, что прилично одет, деньги в кармане. Я встретил своих друзей, которые живут в ужасных жилищных условиях... Да, чувство неловкости было. Чувства вины все-таки у меня не было. И главное, я видел хорошее в России. Видел и трагическое, и смешное, но никогда не возникало чувство отталкивания — мол, «советчина»!.. Политически — да, но — не люди, не люди!

Как-то покойный главный редактор «Нового Журнала» Роман Борисович Гуль разговаривал с перебежчиком-кэзэбистом. Роман Борисович спрашивает: «А приходилось применять «меру»?» — «Приходилось», — сознался человек. А потом мне Роман Борисович признался: «Знаете, Сергей Львович, — ведь палач он, а есть в нем что-то симпатичное». Это — то, о чем говорил академик Лихачев: *противоположные качества единого регистра*. С одной стороны — гостеприимство, радушие, с другой — ксенофобия; бесхозяйственность, халатность — и умельцы, хозяева (их еще потом кулаками называли); абсолютная недисциплинированность — и прекрасные солдаты... Думаю, что это та самая тайна славянской души. Откуда она пришла — с Запада, с Востока, но это несомненная уникальная черта русского народа. Мне как-то одна американка сказала: «Знаете, вы все разные. Встретив американца и узнав, что он из Техаса, я понимаю, каков он человек. А русские — такие разные».

— *Сергей Львович, расскажите о Ваших встречах. Кого Вы любили, с кем дружили?..*

— Должен сразу назвать Леонида Денисовича Ржевского и его супругу Агнию Сергеевну, она же поэтесса Аглая Шишкова. У них был литературный салон, они жили в Гринвич-виллидж, и там собиралось много интересных людей. В том числе там были и Георгий Адамович, и Роман Гуль, Ирина Одоевцева, Михаил Коряков, Игорь Чиннов, поэтесса Валентина Синкевич, художник Володя Шаталов, писатель Петр Муравьев, конечно, Андрей Седых, Ольга Жигалова, Софья Гринберг, — всех трудно перечислить. Ржевские были милейшие люди, мы обычно встречали у них Новый год.

— *Какой был Ржевский — все-таки это заметная фигура в русской эмиграции?*

— Ну, прежде всего, его настоящая фамилия Суражевский. Недавно в России вышла книга Валентины Синкевич «...с благодарностью: были» — там о Ржевском замечательно написано. Леонид Денисович был старый русский барин, из офицерской семьи. Почему он был Денисович? — Потому что Денис — это в честь Дениса Давыдова. Он мне говорил: «Знаете, Сергей Львович, в нашей семье считалось так: если всадник немножко умнее лошади, то уже хорошо». Так что никаких претензий у него не было ни на что. С другой стороны, он утверждал, и об этом сказано в его автобиографии, что он в родстве с де Роберти. А де Роберти — это старинный французский род, бежавший в Россию после Французской революции. А род сам восходит к Людовику Святому. Так что Леонид Денисович был в некотором роде наследником... Да, настоящий русский барин. И вот эта черта... понимаете, такого благожелательного отношения к людям, хотя во многих отношениях он был и самолюбив. Он мне как-то сказал: «Сергей Львович, вы знаете, как равнодушно я отношусь ко всякой критике, пусть обо мне пишут, что угодно. Но почему этот идиот написал такие глупости о моей книге — этого я понять не могу!» Тут трудно даже было понять, в шутку он это говорит или нет — было в нем и то, и другое. Жена его тоже была очень милая женщина.

Дружил я и с Иваном Елагиным и с его женой Люшей Анстейн, прекрасной поэтессой. Моим другом был Борис Андреевич Филиппов, который потом женился на Ольге Анстейн, они развелись, и его женой стала Евгения Жиглевич.

Был небольшой салон у художника Николая Иосифовича Николенко. Его жена — Лада Ростиславовна, урожденная Воинова, была из Ленинграда, и она говорила, что ее крестным отцом был Казимир Малевич. Семья очень культурная. Сам он с Украины, иконописец. У него собирались многие, в том числе милейший человек покойный Сергей Петрович Иванов, внук Фета, старый эмигрант из Парижа, друг Александра Бенуа, Серебряковой. Мы с ним как-то ездили в Италию, в Риме пили вино...

В самом начале был еще один салон — такой простой салон, у скульптора Сергея Григорьевича Королькова. Они были все из Ростова-на-Дону и произносили свою фамилию «Королькоу» (так же, как Горбач-оу). Хороший был скульптор, из рода коннозаводчиков. Он был ярким антикоммунистом (хотя говорят, что там, в Ростове, сделал какой-то барельеф на обкоме партии), собрал здесь группу казаков. Его жена, Елизавета Ивановна, была

дама, любившая поэзию. Он сам поэзию ненавидел, и когда она приглашала поэтов, он удирал из дома. А казаки у него собирались. Интересная была публика. Один казак приехал в Нью-Йорк, и его первый вопрос был: «А в Нью-Йорке сало е?» Ему сказали, что есть, в украинском районе. Он купил 10 фунтов и сказал: «Теперь в Америке не пропаду...» Заходил туда и один старый эмигрант, очень интересный человек, я даже не знаю его имени-отчества, по фамилии Борисов-Морозов. «Батюшка-барин». Мне кажется, он был из рода тех самых Морозовых-меценатов. Старый эмигрант, знал хорошо искусство, любил Матисса. А Сергей Григорьевич был все-таки реалистом. Кстати, он сделал иллюстрации к «Тихому Дону», а здесь, в Америке, он сделал рисунки о советских концлагерях. Их купил журнал «Life», Сергей Григорьевич получил большие деньги и пошел пир горой. А батюшка-барин, всегда спорящий с Сергеем Григорьевичем из-за Матисса, вдруг сказал: «Я казаков уважаю. Хорошие наездники, храбрые люди. Но знаете, царское правительство их употребляло для разгона демонстраций». После этого батюшку-барина не приглашали. Бывали там и художники Бобрицкий, Гороховец.

Потом салон был у Андрея Седыха (Якова Моисеевича Цвибаха). Там собирались главным образом литераторы, которые помогали «Новому русскому слову» или были членами литфонда. Заходили туда Ржевские, Юрасов, Марк Клионский (это уже третья волна), Лидия Алексеева, доктор Ладыженская, Вера Коварская — старая эмиграция, русско-еврейская интеллигенция, бежавшая от большевиков. Здесь издавался даже такой «Социалистический Вестник», это все были меньшевики, эсеры, которые знали еще «Володьку» Ленина, о нем были плохого мнения. Когда я приехал сюда, мне было 26 лет, им в ту пору — уже по 76. Да-а... Видел я и Керенского. Это был очень полный господин...

— *Полный?*

— Да, мрачный, подстриженный ежиком. А встретил я его в салоне Цетлиных (он быстро распался). Там бывал Керенский, поэт Глеб Александрович Глинка. Встречал я и Владимира Варшавского, кто написал «Незамеченное поколение», были там Тумаркины... У нас была все-таки большая возрастная разница, что мешало дружбе. Кроме того, я по молодости и глупости не интересовался стариками, меня больше девушки интересовали. Сейчас, если бы можно было вернуться в то время, я бы записывал, так много интересного там было рассказано! Я же занимался собственной жизнью — профессиональной и личной.

Я тогда был холост, считался приличным молодым человеком и мне подсовывали всяких невест. Помню, мне нужно было прийти в один дом, там была молодая девушка, мы симпатизировали друг другу, так вот, когда я вошел в квартиру, первое, что бросилось в глаза — громадная ксерокопия их дворянского герба. Мол, входящий, знай, куда тыходишь!.. Меня поразила эта дурная вкус. Я всегда вспоминаю одну фразу из «Доктора Живаго» (там есть такая эпизодическая фигура — Николай Николаевич): у Николая Николаевича было типичное дворянское чувство *равности* всему живущему. Это правильная фраза. Потому что настоящий барин разговаривает со своим мужиком так же, как со своим начальником.

— А что за салон Вы упомянули — Веры Коварской?

— По слухам, доктор Коварский был мэром Москвы при Временном правительстве — в течение двух дней. Он женился на дочери священника, Лидии Антоновне. А их дочь Вера работала в «Time Life» (ее начальником был такой старый революционер — Марк Вишняк). У Веры собирались многие эмигранты. Бывал там Николенко, Бобрицкий, потом приходил туда очень известный, ныне покойный художник Илья Болотовский. Это были 50-е — начало 60-х годов нью-йоркской жизни нашей эмиграции.

— Так Вы и Болотовского знали? Расскажите немножко — он ведь стоял у истоков американского авангарда. В «Континенте» несколько лет назад была беседа с его бывшей женой, тоже художницей, Эсфирью Слободкиной, она скончалась в прошлом году.

— Ее я не знал, тогда у него была уже другая жена. А для «Континента» еще при Максимове я написал статью о Леониде Ламме. Болотовского же я встречал несколько раз в доме его отца, Юлия Болотовского. Илья был много старше меня, к тому же он был художник-абстракционист, а я им не был, так что мы не были дружны. Под конец жизни он пригласил меня к себе. В 30-е годы Рузвельт устроил такой проект WPA, для безработных художников, Илья участвовал в проекте. Там было выставлено его панно. Я написал статью про Болотовского в НРС, и он меня пригласил к себе. Но я как-то не смог прийти, а потом он трагически погиб, провалился в шахту лифта. Болотовский считал себя американским художником, хотя и говорил по-русски. О нем, кстати, я написал некогда большую статью для издания «Евреи в культуре русского зарубежья», выходящего в Израиле (редактор Михаил Аронович Пархомовский).

— Дружили ли вы с Владимиром Шаталовым?

— Да-да, Шаталов, Николенко, Бобрицкий, Гороховец, Бонгарт, братья Лазухины, Иляхинский — всех их я знал. Было такое «Общество русских художников» (было и «Общество российских художников» — в чем разница, я не знаю, но друг с другом они не дружили) — оно распалось потом. Не сложилось крепкого единого художественного кружка, некоей эстетической платформы, традиции. Просто нас было слишком мало.

— А кого из старых эмигрантов Вы встречали?

— Скажем, художника Рожанковского, Вербова — милейший был человек, знал я также скульптора Глеба Владимировича Дерюжинского — очень талантливый человек, его жена, Наташа Резникова, была эмигранткой из Китая, поэтесса, потом она ослепла.

— А Добужинского Вы знали?

— Да-да, Добужинский! Я встречал его и был дружен с его младшим сыном, Всеволодом, потом встречал и старшего сына Ростислава Мстиславовича, он был в Нью-Йорке, потом встречал его в Париже, он скончался несколько лет назад. А в России еще перед войной я встретил Билибина. Мои родители были знакомы с Николаем Николаевичем Билибиным, его двоюродным братом, а потом я встретил людей, знавших Билибина в эмиграции в Праге. Говорят, он был страшный женолюб, любил выпить, а когда выпивал, то говорил на древнегреческом языке... У него была масса поклонниц, с которыми он путешествовал. Одна из них, Людмила Чирикова-

Шнитникова, художница, поехала с ним в Египет, и пока Билибин писал панно в домах богатых египтян, она давала уроки рисования в гареме, а потом танцевала восточные танцы в кабаре. Словом, старая эмиграция веселилась... Билибин вернулся в СССР в 1936 году. Приняли его хорошо, но он умер с голоду во время блокады.

— *А Романа Гуля Вы хорошо знали?*

— Да. У нас были очень теплые отношения.

— *А что он был за человек?*

— Ну, как водится, непростой. Человек очень твердого характера, резкий, кого-то любил, кого-то — нет, человек большой эрудиции, твердых убеждений, ярый антикоммунист. Как-то он мне сказал: «Знаете, Сергей Львович, я человек очень миролюбивый. Но Индиру Ганди надо повесить». Очень политизированный. Сказать, что он был душевным, — нет. Его книги я, конечно, читал, и, кстати, он был первым, кто предложил мне писать. Какие-то эссе я писал и раньше, но серьезно заняться мне предложил именно Гуля. Я написал «Заметки художника» для «Нового журнала», с них и началась моя литературная деятельность. Конечно, он был фигура в эмиграции. Но, опять-таки, я всегда вспоминаю слова моей покойной матери: «Имей в виду, к людям нужно относиться как к картинам. В одной картине ценишь краски, но композиция не очень нравится, в другой и краски, и композиция хорошие, да рисунок слабоват», и так далее. В этом, возможно, есть некоторая холодность — вы смотрите со стороны и не возникает теплого, человеческого отношения. А может быть, художник всегда смотрит со стороны...

Знаете, самое потрясающее, что я прочел в своей жизни о Клоде Моне? — Он был женат, очень любил свою молодую жену, она скончалась, — и он написал ее в гробу! Его поразило сочетание мертвенного тона лица и белой подушки. Как человек мог смотреть на лицо умершей любимой женщины и подбирать сочетания?.. Это нужно быть или художником, или мерзавцем. Или и то, и другое. Когда умирала моя мать, я не мог ее рисовать. Говорят, что искусство — вне морали, вне понятий добра и зла. Но это, конечно, не так. Кажется, в этом просто какой-то декаданс. Кстати, молодым я очень любил Врубеля. А недавно, приехав в Россию, посмотрел на картины Врубеля... конечно, он был замечательный, но такой декадент!

— *А Ваши художественные пристрастия с течением времени менялись?*

— Да. Скажем, я переоценил передвижников и мирискусников. Когда-то я тоже смотрел: ну, передвижники, мужичков писали... Как живописцы они, конечно, были слабоваты. Однако среди них были замечательные художники.

Кстати, о моей семье, с материнской стороны. У моей матери была тетушка, за которой вдруг стал ухаживать какой-то длинноволосый живописец, да еще как-то не из дворян. Когда родители узнали, его буквально спустили с лестницы. Это был Николай Николаевич Ге. Прекрасный был живописец. А Федотов?! — «Сватовство майора»... Бытописатель, но у него были чудесные рисунки. Крамской! Его портреты прекрасные... А помните, портрет Достоевского работы Перова — как он сидит!.. А представьте, Серов взялся бы за Достоевского?.. Серов не справился бы, а вот этот, с «Охотниками на привале», — да! Понимаете, в них есть какая-то честность и

простота при полном презрении к манере, мазку, нет даже ощущения любования цветом, которое пришло в искусство в XX веке. И когда Репин вот так просто писал, получалось замечательно. Нельзя сказать, что это великая живопись, но психологические портреты — каких мало! Не по блеску света, а по психологическому содержанию их можно сравнить с портретами лучших художников Запада.

— *Сергей Львович, вопрос нелегкий, наверное, для Вас, но — какой была Ваша мать? Расскажите о ней.*

— Моя мать была дочерью генерала. Алексей Алексеевич Агапов, я о нем уже рассказывал. Скончался он в 1912 году 52 лет от роду. Мать кончила гимназию с золотой медалью. И хотела поступить на Бестужевские курсы. Между прочим, мать моя была в обиде на отца за то, что для него, как для русского генерала, главным был сын, дочка же — выйдет замуж... А мама была очень талантливой. У нее была несчастная жизнь. Она не проявила себя до конца. И не то, чтобы увяла, но... Да, так вот.

Когда она сказала отцу, что хочет идти на Бестужевские курсы, он рассердился: моя дочь, с этими революционерками!.. Ни за что!. Ослушаться мама не могла. Получила она высшее образование — закончила педагогический институт — после того, как мне исполнилось шесть лет. Уже в советское время. Конечно, ее жизнь была сломана — войной, революцией. А род Удальцовых-Агаповых будто бы староверческий. Да, так вот. После Гражданской войны мама ездила в деревни менять драгоценности на продукты и как-то попала в староверческую деревню. Ее поместили в какой-то комнатеке, дали другую посуду. А мама вдобавок курила, была табачницей (она закурила во время революции, с голоду). И вот мама рассказывала: сидит она в своей комнатеке, уже перед отъездом. Стук в дверь — но никто не заходит. Тогда она сама идет к двери, открывает. Стоит старик. «Вы что не заходите?» — спрашивает мама. — «Ты должна сказать: во имя Отца, Сына и Святаго Духа — тогда зайду...» А на дворе — 1918 год, Гражданская война... Да, а потом она встретила моего будущего отца.

После пединститута мама преподавала французский и немецкий в Политехническом институте, потом в Пушкине в танковой школе. Потом — война. В Америке жизнь ее была благополучной. Она писала, хотела что-то делать, но сами понимаете — уже возраст... Она могла бы сделать в жизни гораздо больше. Это поколение, понимаете, такое трагическое поколение! Мы все-таки проскочили — уцелев в лагерях и под американскими бомбежками, мы оказались на Западе... Хотя многое я и потерял. Я был оторван от России. Сейчас, конечно, приезжаю; конечно, я — русский... но все-таки уже оторванный.

Я, между прочим, как-то написал: вот находят римские бюсты, и у бюстов обычно отломан нос. Так вот, когда я вернулся в Россию, то я нашел там свой нос. Прикрепил — и получилось лицо. Я стал более полным человеком. Не то что на Западе я был духовно и интеллектуально нищим, но вот что-то прибавилось. Я благодарю судьбу, Господа Бога, за то, что я мог вернуться в Россию. Найти своих родственников — Женю Голлербаха, моего племянника. Ребят из класса. И это мою жизнь дополнило. Так что я считаю, что круг жизни завершен.

— *Вы говорите — повезло, проскочили.. А судьба-то... напряженно складывалась. Вы — фаталист или просто... ну, не знаю... принимающий?*

— Знаете, я старался выжить. Когда бомбят — я бежал, бомбежка кончается — я живу. Все-таки верно подмечено: когда лев нападает на зебру и кусает в шею, у нее возникает нервный шок, она не чувствует боли. Эта реакция свойственна и человеку. Мне говорили, если человек смертельно ранен, он не чувствует боли. Известный психологический шок был у меня во время войны. Я не мог... Понимаете, если бы я болел за судьбы окружающих меня людей — я бы не выжил. Конечно, я ни в кого не стрелял, глотку никому не резал, но было страстное желание выжить. Мне часто во сне являлся отец. Я помню это чувство: папа вернулся, нужно встать, маме сказать... и просыпался... Потерю отца я очень переживал. Но как-то это в тумане и прошло. А особенно рассказывать — как именно переживал, что... Знаете, китайцы считают, что автобиография — это неприличная вещь. Неприлично показывать, какие у вас шрамы и болячки. Особенно, если они не были в результате смертельными. Мало ли что было!

Судьбы русских людей — такие страшные истории... Мне как-то неудобно говорить: смотрите, а я выскочил! Когда я впервые приехал в Россию, у меня было чувство неловкости из-за этого. Сейчас, когда я подхожу к концу своей жизни, — ну, как было, так и было. Но хвастаться тем, что я выжил... не стоит.

Знаете, есть такое неприятное свойство у людей: я жалуясь, что коленка болит, вижу плохо, а они мне: нашему соседу 94 года, и он в теннис играет! Поэтому говорить, что я играю в теннис, в то время как ребята погибли в 20 лет... Жаль, что они погибли. И были они не хуже, а может, и лучше меня. Я своей тете, Анне Ивановне Удальцовой, учительнице Нурева, как-то сказал (у нее сын Виталий погиб в 43-м): тетя Аня, я просто вытащил счастливую карту. Не потому, что Господь Бог спас меня за какие-то добродетели — у меня их не так много, я просто вытянул счастливую карту.

Вообще, если говорить о Боге, — я не верю, что он может спасти, если его очень уж просишь. У Господа другие заботы. Я думаю, есть Его Величество Случай. Может, это опять-таки богохульная мысль. Говорят, что ни одного волоска с головы не упадет без воли Божьей на то, — а я верю, что здесь есть и другие силы, которые борются с силами добра. Бог есть Добро. И наш контакт с Богом основан не на том, чтобы выпрашивать милости. Знаете, есть такой анекдот: купец поставил свечку Богу, чтобы его корабль не ограбили, вышел в море — и корабль ограбили. Он чешет в затылке: эх, дурак, надо было свечку не на полфунта, а на фунт поставить...

Так вот, все не так на самом деле... Наше стремление к Богу, то, что мы соединяемся с этим началом любви и добра, спасает нас не в том смысле, что нас не убьет или нас не ограбят, а в каком-то другом смысле, если хотите — спасения души..

Нью-Йорк.

ПАМЯТИ СЕМЕНА ТЕОДОРОВИЧА ВАЙМАНА

Вечером 23 августа 2004 года в г. Москве, на восемьдесят первом году жизни, скончался профессор, доктор филологических наук, академик Российской Академии Гуманитарных Наук, главный научный сотрудник Института Искусствоведения Российской Академии Наук член Союза писателей Москвы, Семен Теодорович Вайман.

Семен Теодорович родился 6 января 1924 года в г. Одессе и рано лишился отца. В 1941 году он закончил среднюю школу. С 1942 по 1945 год Семен Теодорович был на фронте, командовал артиллерийской батареей, был награжден боевыми орденами. В 1945 году, после демобилизации, поступил на филологический факультет Одесского университета, который закончил с отличием в 1950 году.

Я впервые встретил Семена вскоре после войны, когда мы оба еще носили гимнастерки со следами недавно снятых погон. Семен был очень красивым и обаятельным человеком. В то время мы оба писали стихи, и любовь к поэзии была первым ключом к нашей спонтанно возникшей дружбе, которой было суждено продолжаться более полувека.

Незадолго до окончания университета Семен Вайман вместе с Семеном Комиссаренко написали пьесу под названием «Дипломный Проект». Пьеса была поставлена двумя театрами и пользовалась успехом. К сожалению, фронтовик Вайман имел недостаточно хорошую анкету. Те, кто помнят обстановку в стране победившего социализма в те годы, вряд ли удивятся, узнав, что счастье было непродолжительным. Появление, под аплодисменты зрителей, автора, красивого и талантливого, но с «неправильными» анкетными данными, перед занавесом театра после окончания спектакля очевидно раздражало партийных боссов. Пьеса прошла на сцене 39 раз, когда в Одесской областной газете появился фельетон под названием «Соловьи Без Песен». В типичном издевательском стиле советских «разоблачений», подкрашенном прозрачными анти-семитскими намеками, партийный фельетонист обрушился на Ваймана, который якобы использовал пьесу и попустительство руководства университета, чтобы «выкрутиться» от назначения на работу учителем в отдаленное село (нечего и говорить, что обвинения были совершенно беспочвенными). Пьеса была немедленно снята со сцены, а ее автор оказался перед необходимостью уехать из родного города в поисках работы.

Семен Теодорович уехал из Одессы в Сталинабад (ныне Душанбе).

В Сталинабаде Вайман начал работать — сначала корреспондентом, а затем заведующим отделом русского вещания в Республиканском радиокomitee. С его приходом качество русских передач резко улучшилось, и вскоре имя Семена Доброва (под этим псевдонимом Вайман выступал на радио) стало широко известно среди русскоязычного населения республики. Именно в те годы Семен Теодорович стал все больше склоняться к серьезному занятию искусствоведением, в котором он и нашел свое истинное призвание и где достиг выдающихся успехов.

В 1953 году Семен Теодорович был приглашен в Сталинабадский Педагогический Институт, где начал преподавать иностранную литературу. Вскоре он защитил кандидатскую диссертацию по филологии. Уже в этой ранней работе были очевидны оригинальность и глубина его мышления. В дальнейшем материалы этой незаурядной работы вошли составной частью в одну из книг Семена Теодоровича.

Через несколько лет Семен Теодорович защитил докторскую диссертацию и был приглашен в Липецк, где в течение многих лет проработал профессором и заведующим кафедрами иностранной и русской литературы. Между тем его статьи и книги выходили в центральных издательствах; пришло признание коллег в России и за границей. Многие статьи Семена Теодоровича были переведены на иностранные языки, и каждую его новую книгу приветствовали все более положительные рецензии и отзывы коллег. По рекомендации академика Лихачева Семен Теодорович был приглашен в Москву, в Институт Искусствоведения Академии Наук СССР, где проработал до самой смерти. Он был избран действительным членом Российской Академии Гуманитарных Наук и членом многих научных обществ, как в России, так и на Западе.

Книги и статьи Семена Теодоровича отличаются философской глубиной, нестандартным подходом к проблемам и тонкостью анализа. Интересы его были многогранны, эрудиция огромна, мышление своеобразно и всегда интересно. В то же время Семен Теодорович был лишен малейших признаков агрессивности или интеллектуального высокомерия и потому был одним из редких примеров ученого и мыслителя, который, несмотря на нестандартность взглядов, не имел врагов — его публикации неизменно получали высокую оценку коллег, как дома, так за рубежом.

Примером стиля Семена Теодоровича, хотя и далеко неполным, может служить его статья под названием «Метаморфозы художественной мысли. XX век», опубликованная в журнале «Континент», № 108 (2001г.)

Вот названия некоторых книг Семена Теодоровича: «Художественный метод Рабле», «Данте и проблема зарождения реализма», «Этюды о поэтике Боккаччо», «Бальзаковский парадокс», «Теория реалистического метода», «Гармонии таинственная власть», «Параметры эстетической мысли», «Мерцающие Смыслы», «Неевклидова Поэтика». Кроме того, он опубликовал более 200 статей как в отечественных, так и в зарубежных изданиях.

Когда я смотрю на дарственные надписи, сделанные Семеном Теодоровичем на его книгах, подаренных им мне, я испытываю и острую горечь разлуки с очень дорогим мне человеком и благодарность судьбе за то, что мою жизнь озарил отблеск таланта и ума этого прекрасного ученого и замечательного друга.

Корректор Е.Феоктистова

ЛР № 066469

Подписано в печать 22.12.2004. Формат 60х90/16. Бумага типографская.

Гарнитура «Таймс». Печ. л. 29,00. Тираж 3500 экз.

Заказ № 11242.

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Литературно-публицистический журнал. Иерусалим

- Д. РУБИНА. Рассказы
- А. МЕЛИХОВ. В долине блаженных, или Вечный Жид
- М. АМУСИН. Город-текст и текст города
- А. ЛИБЕРМАН. «Все дело в нас самих»
- А. ИОШУА. Сионистская революция
- «КРУГЛЫЙ СТОЛ». Русские евреи в Германии
- А. КИУРУ; Е. МОРОЗ. Россия и ислам

Наши авторы:

Григорий Бакланов,
Владимир Буковский,
Денис Драгунский,
Сергей Кургиян,
Александр Мелихов,
Борис Парамонов,
Дина Рубина,
Бенедикт Сарнов,
Виктор Славкин,
Виктор Суворов,
Борис Фальков,
Борис Хазанов,
Асар Эппель,
Михаил Эпштейн и др.

Nota Bene выходит 6 раз в год; объем - 350 стр.

СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ:

В России – \$65 • В Европе – €55 • В США – \$70

Тел. редакции: 972-2-5325931; факс: 972-2-5324863

E-mail: omegag@bezeqint.net

Адрес: POB 45156, Har-Hotsvim, Jerusalem 91450 Israel

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.

Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)* и **73218**

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати», а также

15706

в зеленом Объединенном каталоге «Пресса России»

(адресная система подписки)

В помещении редакции «Континента» (ул. Мясницкая, 22, 3-й этаж, офис 114) ежедневно (кроме субботы и воскресенья), с 14.00 до 16.00 можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

В Москве журнал «Континент» продается в книжных магазинах:

“AD MARGINEM” – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60

“ГРАФОМАН” – 1-й Крутицкий пер., 3; тел. 276.31.18

“КНИГА” – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97

“ЛЕТНИЙ САД” – Б.Никитская ул., 46; тел. 203.77.83

“ПИРОГИ” – Б. Дмитровка, 16; тел. 229.34.53 и

Никольская, 19/21; тел. 921.58.27

“ПРОЕКТ ОГИ” – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 951.75.96

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА (Ленинка) –

1 читательский подъезд, книжный киоск

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск –

ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 923.03.80

“ФАЛАНСТЕР” – Б. Козихинский пер., 10; тел. 504.47.95

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА – Столешников пер., 2; тел. 229.52.62

В Санкт-Петербурге

Магазины “ЛЕТНИЙ САД”:

Большой Проспект ПС, 82
Невский проспект, 3

ВО, Менделеевская линия, 5
Фонтанка, 15

«КОНТИНЕНТ» № 122. 464 стр., подписные индексы 73218 и 71682 (каталог Роспечати)
и 15706 (Объединенный каталог «Пресса России»)